100 ВЕЛИКИХ РАЗВЕДЧИКОВ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Разведка стара, как мир. Ей служили многие тысячи людей, отважные, находчивые, хитрые. Одни служили ради денег, другие выполняли свой долг. В этой книге рассказывается о ста самых выдающихся разведчиках мира от древних времён до нынешнего времени. Читатель познакомится с жизнеописаниями Екатерины Медичи и Павла Судоплатова, Мата Хари и Кима Филби, Леопольда Треппера и Отто Скорцени, Рихарда Зорге и Яна Флеминга.

- Игорь Дамаскин
  - ОТ АВТОРА
  - Часть I
    - ГАННИБАЛ (ок. 247–183 до н. э.)
    - МИТРИДАТ VI ЕВПАТОР (132–63 до н. э.)
    - ЕКАТЕРИНА МЕДИЧИ (1519–1589)
    - ФРЭНСИС УОЛСИНГЕМ (1532 — ок. 1589)
    - ДЖОН ТЁРЛО (1616–1668)
    - ЖОЗЕФ ФУШЕ, ГЕРЦОГ ОТРАНТСКИЙ (1759–1820)
    - РЕНЕ САВАРИ, ГЕРЦОГ РОВИГО (1774–1833)
    - ЛАФАЙЕТ БЭКЕР (1826–1868)
    - АЛЛАН ПИНКЕРТОН (1819–1884)
    - ВИЛЬГЕЛЬМ ШТИБЕР (1818–1892)
    - ВАЛЬТЕР НИКОЛАИ (1873–1947)
    - ФРАНЦ ФОН ПАПЕН (1879–1969)
    - АРТУР АРТУЗОВ (1891–1937)
    - ЯН БЕРЗИН (1889–1938)
    - ЭРНСТ ФРИДРИХ ВОЛЛЬВЕБЕР (1898–1967)
    - ЛАВРЕНТИЙ БЕРИЯ (1899–1953)
    - ПАВЕЛ СУДОПЛАТОВ (1907–1996)
    - КЕНДЗИ ДОИХАРА (1883–1948)
    - КАН ШЭН (1898–1975)
    - ФРАНТИШЕК МОРАВЕЦ (1895–1966)
    - МОРИС БУКМАСТЕР (1902–1992)
    - ВИЛЬГЕЛЬМ КАНАРИС (1887–1945)
    - ВАЛЬТЕР ШЕЛЛЕНБЕРГ (1910–1952)
    - УИЛЬЯМ ДЖОЗЕФ ДОНОВАН (1883–1959)
    - АЛЛЕН ДАЛЛЕС (1893–1969)
    - РЕЙНХАРД ГЕЛЕН (1902–1979)
    - МАРКУС ВОЛЬФ (1923–2006)
    - ИССЕР ГАРЕЛЬ (1912–2003)

- Часть II
  - ПЁТР ТОЛСТОЙ (1645–1729)
  - НАТАН ХЭЙЛ (1755–1776)
  - ШАРЛЬ-ЖЕНЕВЬЕВ-ЛУИ-ОГЮСТ-АНДРЕ-ТИМОТЕ Д'ЭОН ДЕ БОМОН (1728–1810)
  - АББАТ ЛЕКЛЕРК (XIX век)
  - АЛЕКСАНДР ЧЕРНЫШЁВ (1785/86–1857)
  - КАРЛ ШУЛЬМЕЙСТЕР (1770–1853)
  - ЭЛИЗАБЕТ ВАН-ЛЬЮ (1818–1900)
  - БЕЛЛ БОЙД (1844–1900)
  - АЛЬФРЕД РЕДЛЬ (1864–1913)
- Часть III
  - ЛОУРЕНС АРАВИЙСКИЙ (1888–1935)
  - ВАСМУС ПЕРСИДСКИЙ (1880–1931)
  - БЕРТ ХОЛЛ (1885–1948)
  - ЛУИЗА БЕТТИНЬИ (АЛИСА ДЮБУА) (1880–1918)
  - ФРАНЦ ФОН РИНТЕЛЕН (1877–1949)
  - ЭДВАРД С. МИЛЛЕР (XX век)
  - ЭДИТ КАВЕЛЬ (1865–1915)
  - АЛЕКСАНДР ЦЕК (XX век)
  - «ФРАУ ДОКТОР» — ЭЛИЗАБЕТ ШРАГМЮЛЛЕР (XX век)
  - АГЕНТ С-25 (XX век)
  - МАТА ХАРИ (1876–1917)
  - МАРТА РИШЕ (1891–1982)
  - ЖЮЛЬ-КРОФОРД ЗИЛЬБЕР (XX век)
- Часть IV
  - РОБЕРТ БРЮС ЛОККАРТ (1887–1970)
  - СИДНЕЙ РЕЙЛИ (1874–1925)
  - МАРИЯ ЗАХАРЧЕНКО-ШУЛЬЦ (1893–1927)
  - НАУМ ЭЙТИНГОН (1899–1981)
  - НИКОЛАЙ КРОШКО (1898–1967)
  - АРНОЛЬД ДЕЙЧ — СТЕФАН ЛАНГ (1904–1942)
  - КИМ ФИЛБИ (1912–1988)
  - ИГНАТИУС ТИМОТИ ТРЕБИЧ-ЛИНКОЛЬН (1879–1943)
  - ВАСИЛИЙ ЗАРУБИН (1894–1972)
  - ЮРЕК ФОН СОСНОВСКИЙ (1896–1945?)
  - НИКОЛАЙ СКОБЛИН (1893–1937)
  - ГЕНРИ РОБИНСОН (1897–1943 или 1944)
  - РУТ КУЧИНСКИ (1907–2000)
  - КИТТИ ХАРРИС (1899–1966)
  - АЛЕКСАНДР КОРОТКОВ (1909–1961)
  - ВИЛЬГЕЛЬМ ЛЕМАН («БРАЙТЕНБАХ») (1884–

1942)
- ХАРРО ШУЛЬЦЕ-БОЙЗЕН (1909–1942)
- ИЛЬЗА ШТЁБЕ (1911–1942)
- РИХАРД ЗОРГЕ (1895–1944)

○ Часть V
- РУТ КУЭН (ок. 1916 — после 1960)
- АННА ВОЛКОВА (1902–1970)
- ЛЕОПОЛЬД ТРЕППЕР (1904–1982)
- ШАНДОР РАДО (1899–1981)
- НИКОЛАЙ КУЗНЕЦОВ (1911–1944)
- МАТИЛЬДА КАРРЭ (1910–1970)
- ЭЛЬЯС БАЗНА («ЦИЦЕРОН») (1904–1970)
- ОТТО СКОРЦЕНИ (1908–1975)
- АННА МОРОЗОВА (1921–1944)
- ЖОЗЕФИНА БЕЙКЕР (1906–1975)
- ГЕВОРК ВАРТАНЯН (род. 1924)
- УИЛЬЯМ ВАРВИК КОРКОРАН (1884–1962)
- «РОБИН» (1893 — после 1963)
- КЛАУС ФУКС (1911–1988)

○ Часть VI
- МОРИС КОЭН (1910–1995)
- ВИЛЬЯМ ФИШЕР — РУДОЛЬФ АБЕЛЬ (1903–1971)
- ФРЭНСИС ГЭРИ ПАУЭРС (1929–1977)
- ДЖОРДЖ БЛЭЙК (род. 1922)
- ГЮНТЕР ГИЙОМ (1927–1995)
- ХАЙНЦ ФЕЛЬФЕ (1918–2008)
- «ПАТРИЯ» — ДЕ ЛАС ЭРАС АФРИКА (1909–1988)
- ДИТЕР ГЕРХАРДТ (род. 1936)
- ОЛДРИЧ ЭЙМС (род. 1941)

○ Часть VII
- ДАНИЕЛЬ ДЕФО (1660–1731)
- ПЬЕР-ОГЮСТЕН БОМАРШЕ (1732–1799)
- ШАРЛЬ ЛЮСЬЕТО (ум. 1932)
- УИЛЬЯМ СОМЕРСЕТ МОЭМ (1874–1965)
- ДЖОН ЛЕ КАРРЕ (род. 1931)
- ЯН ФЛЕМИНГ (1908–1964)
- ГРЭМ ГРИН (1904–1991)
- ЗОЯ ВОСКРЕСЕНСКАЯ-РЫБКИНА (1907–1992)
- БИБЛИОГРАФИЯ

Игорь Дамаскин
100 ВЕЛИКИХ РАЗВЕДЧИКОВ

ОТ АВТОРА

Что бы ни говорили, разведка — это первая древнейшая профессия. Доисторические племена охотились за тайной разжигания огня, производства каменного оружия, выделки шкур, выискивали сильные и слабые стороны своих соседей. Разведка существует столько же времени, сколько существуют род людской и войны; военная хитрость рассчитана на обман противника, но чтобы обмануть и победить врага, надо его знать.

А разведка невозможна без тех, кто ею занимается. Иногда это всеми признанные или неведомые герои, иногда — жалкие наёмники. Слово «разведчик» окружено уважением и почитанием, слово «шпион» — всеобщим презрением. Задачи, цели и техника их работы порой одинаковы, разница в общественном, политическом и эмоциональном восприятии этих терминов.

По В. И. Далю, «шпион — соглядатай, лазутчик, скрытный разведчик и переносчик», то есть Даль не делает особой разницы между этими понятиями. Американский исследователь Курт Зингер как-то заметил: «Все вражеские (он назвал их „коммунистические“) агенты — это шпионы, все наши — это разведчики». Так же порой рассуждаем и мы. Есть и другое определение: шпионы — люди, работающие за деньги против своей страны; разведчики — работают на свою страну или за идею, которую они искренне исповедуют. Кроме того, разведчиками называют профессионалов, сотрудников разведывательных ведомств.

Разведка некогда была занятием непрестижным, «подлым»; со временем отношение к ней и к разведчикам менялось, и многие выдающиеся люди не стесняются своего разведывательного прошлого. Одновременно разведка была и остаётся делом опасным если не для жизни (в мирное время), то для служебной карьеры, ибо испокон веков существует «синдром Кассандры», когда те правители, которым предназначается разведывательная информация, больше доверяют собственному мнению и интуиции, нежели своим агентам. Тогда с последними расправляются или просто игнорируют их данные, что часто ведёт к принятию неверных решений на высшем уровне.

В истории человечества были десятки тысяч разведчиков и шпионов, многих из которых можно назвать выдающимися и даже великими. Но в рамках данной серии мы представляем только сто персоналий. Выбор этот, естественно, условный и субъективный. Да и нереально охватить в одном издании деятельность всех или даже только лучших разведчиков. Тем не менее, чтобы сделать

повествование более полным, в очерках о руководителях и организаторах разведки автор вкратце рассказывает и об их подчинённых, тоже стяжавших славу или добившихся успехов на разведывательном поприще.

Многие из героев книги всю жизнь посвятили разведке, у других внимания заслуживает лишь один, но очень яркий эпизод их работы, третьи попали в книгу, так как стали знаменитыми вследствие своих «громких» провалов. Часть имён читатель узнает впервые, другие ему хорошо знакомы, о них уже немало написано, но обойти их было нельзя, так как это нанесло бы ущерб содержанию.

Автор не стал писать о предателях и перебежчиках, даже печально знаменитых. Это — явление особое, и ему должно быть посвящено отдельное исследование.

В книге выделено несколько разделов: организаторы и руководители разведки разных времён и народов; разведчики и шпионы по эпохам со времён Средневековья до наших дней; писатели, активно занимавшиеся разведкой. Кстати, о писателях. Кроме упомянутых автором, разведкой занимались и многие другие, к примеру, в Англии — Афра Бен, первая профессиональная писательница; Дж. Чосер, автор «Кентерберийских рассказов»; К. Марло, У. Уордсфорт; в России — А. С. Грибоедов, И. С. Тургенев, Овидий Горчаков и другие. Но опять же, обо всех не напишешь.

Автор просит читателя учесть, что в данной книге было невозможно избежать повторов, ибо судьбы разведчиков часто переплетаются, и некоторые эпизоды приходится хотя бы вкратце напоминать вновь. Чтобы частично избежать этого, в ряде случаев сделаны ссылки на тех героев, в очерках о которых те или иные факты изложены более подробно.

Как на Западе, так и в нашей стране написано и издано множество книг по истории разведки. Все они, без исключения, в том числе претендующие на научность и опирающиеся на первоисточники и архивные материалы, изобилуют фактическими ошибками и неточностями, и читатель, пытающийся составить представление по какому-либо вопросу, основываясь лишь на одной из них, рискует впасть в серьёзное заблуждение.

Автор данной книги также не претендует на бесспорность своих суждений. В ряде случаев он выносит на суд читателя несколько версий того или иного события, предоставляя ему право самому решить, какая из них ближе к истине.

В книге используются материалы из архива Службы внешней разведки, сведения, опубликованные в российских и зарубежных

изданиях, многие очерки написаны на основе встреч и бесед автора с некоторыми из героев этой книги или с разведчиками, которые хорошо знали их и работали с ними.

Итак, проверимся, нет ли за нами «хвоста», и в путь!

Часть I
ОРГАНИЗАТОРЫ РАЗВЕДСЛУЖБ РАЗНЫХ ВРЕМЁН И НАРОДОВ

ГАННИБАЛ (ок. 247–183 до н. э.)

Если подвиги библейских и мифологических разведчиков в известной степени являются плодом творчества авторов Ветхого Завета и древних мифов, то первые документальные материалы о действиях разведок и их конкретном организаторе мы находим в свидетельствах историков, рассказывающих о выдающемся полководце древности Ганнибале.

Сын крупного политического деятеля и военачальника Гамилькара Барки, Ганнибал по примеру отца в двенадцатилетнем возрасте торжественно поклялся вечно ненавидеть Рим. Этой клятве он оставался верен до последнего часа своей жизни.

В нашу задачу не входит описание полководческой деятельности Ганнибала в эпоху II Пунической войны между Карфагеном и Римом (218–201 годы до н. э.). Мы расскажем лишь о тех эпизодах, в которых он проявил себя как руководитель своей военной разведки. Как свидетельствует Плиний, знаменитый греческий политический деятель и историограф, перед походом в Италию Ганнибал развил энергичную разведывательную и дипломатическую деятельность. Агенты Ганнибала наводнили Южную Галлию. Они разведывали дороги, прощупывали настроения галльских племён и, что особенно важно, галльских вождей, вели с ними переговоры и от имени своего хозяина обещали всё, что только можно пожелать за поддержку и за возможность пройти через Галлию, не подвергаясь нападениям местного населения. Результаты оказались обнадёживающими: галлы если и не оказали Ганнибалу помощи, то, во всяком случае, обещали соблюдать дружеский нейтралитет. Однако когда Ганнибал вступил на территорию галлов, это вызвало у них тревогу. Он вновь заслал большое количество лазутчиков, которые уверяли, что он не собирается воевать в Галлии и разорять её. Ганнибал пригласил к себе местных «царьков» и умаслил их миролюбивыми речами и подарками. После этого галлы разрешили ему пройти в Италию.

Но требовалось преодолеть Альпы. Ганнибал тщательно готовился к походу, разведчики доставали ему точную информацию и о стране, через которую предстояло идти, и об антиримских настроениях её обитателей; его агенты завербовали надёжных проводников из местного населения, хорошо знавших дорогу и сохранивших верность своему хозяину. Подробнейшим образом разведчики Ганнибала исследовали путь, по которому придётся идти — крутые подъёмы и спуски, высокие перевалы,

узкие тропы…

Во время похода через Альпы Ганнибал обнаружил, что высоты, господствующие над проходом, по которому двигалось его войско, заняты горцами-аллоброгами. Полководец распорядился разбить лагерь, а вперёд послал разведчиков, которые доложили, что горцы занимают свои позиции только днём, а по ночам уходят к себе в селение, оставляя небольшое сторожевое охранение. Ганнибал решил воспользоваться этим обстоятельством. Он приказал разжечь ночью в лагере костры, чтобы усыпить бдительность аллоброгов, а сам с небольшим отрядом овладел высотами. Наутро его армия продолжила поход.

Весной 217 года до н. э., уже будучи в Этрурии, Ганнибал оказался в затруднении: все обычные пути находились под наблюдением римлян. Вновь его выручила разведка — она через агентуру из местных жителей отыскала дорогу, которой никто не пользовался и которую римляне не принимали в расчёт. Она вела через почти непроходимое болото, выделявшее ядовитые испарения. Войско Ганнибала прошло этой дорогой и внезапно обрушилось на противника. Правда, переход через зловонное болото дорого обошёлся полководцу: он потерял множество вьючных животных, слонов и лишился глаза.

Во время осады города Тарента Ганнибал приобрёл там двух агентов — Никона и Филемена. Для встреч с Ганнибалом Филемен стал выходить на ночную охоту, и стражи городских ворот настолько привыкли к этому, что открывали ему ворота по первому сигналу. Глубокой ночью Ганнибал бесшумно подвёл войско к городу. Филемен, уходивший «на охоту», вернулся, разбудил сторожа и со словами: «Едва возможно держать огромную тушу» вошёл внутрь. Размеры огромного вепря поразили охранника, и пока он разглядывал зверя, Филемен ударил его рогатиной; в калитку ворвались вооружённые карфагеняне и открыли городские ворота. На другом участке городской стены Никон напал на спящих охранников, перебил их и тоже открыл ворота. Войско Ганнибала вошло в спящий город.

Помимо чисто разведывательных акций, Ганнибал проводил и такие, которые на современном языке называются «активными мероприятиями». Таким образом, например, он расправился со своими солдатами, перебежавшими к неприятелю. Зная, что в его лагере действуют римские лазутчики, он допустил «утечку информации», распустил слух, что перебежчики действовали по его приказанию и должны были выведать планы и намерения противника. Римляне, узнав об этом, отрубили перебежчикам руки и выдали их Ганнибалу.

А вот что рассказывает историк Тит Ливий: чтобы

скомпрометировать римского полководца Фабия, Ганнибал велел, грабя страну, не трогать землю, принадлежавшую Фабию, как бы в награду за выполнение некоего в действительности не существующего секретного соглашения. Это сильно подорвало авторитет Фабия. Его обвинили в том, что он ведёт войну «непристойно и трусливо», а затем отозвали в Рим под прозрачным предлогом «участия в жертвоприношениях».

Однако ни блестящие победы Ганнибала под Каннами и в других битвах, ни тот факт, что он не проиграл ни одного сражения, не принесли успеха Карфагену. Вторая Пуническая война закончилась победой Рима. Одним из требований победителей была выдача им Ганнибала. Он был вынужден бежать, скрываться в Антиохии, в Армении, на Крите и в других местах. В 183 году до н. э. он укрывался у царя Вифинии (область в Малой Азии) Прусия. Там его пытались выдать римлянам. Когда Ганнибал увидел, что окружён вифинскими солдатами, он принял яд.

Похоронен Ганнибал в Либиссе (европейский берег Босфора). На каменном саркофаге надпись «Ганнибал здесь погребён».

МИТРИДАТ VI ЕВПАТОР (132–63 до н. э.)

Если взглянуть на карту древнего мира, то на южном берегу Чёрного моря можно увидеть Понтийское царство. Царём его с 121 по 63 год до н. э. был Митридат VI. О жизни пяти предыдущих Митридатов историки знают немного, этот же получил прозвище «Великий». Но, откровенно говоря, он был великим негодяем. Судите сами: в борьбе за трон он умертвил свою родную мать, братьев, сестру и даже собственных сыновей, не считая более сотни тысяч римских граждан. В нашу книгу он попал потому, что был не только организатором шпионской службы, но и выдающимся шпионом.

Он взошёл на трон одиннадцатилетним мальчиком. Его мамаша (тоже не очень светлая личность) несколько раз покушалась на жизнь своего сына. Ему пришлось бежать от неё в горы, где поначалу он вёл жизнь охотника. Потом перебрался в город и, скрыв своё имя, нанялся служителем при караване. По-видимому, он уже тогда предвидел своё будущее и времени даром не терял. К четырнадцати годам изучил двадцать два (!) языка и обошёл с караваном почти всю Малую Азию. Зная, что это пригодится ему в дальнейшем, он, как заправский шпион, изучал обычаи местных племён, разведывал их военные силы, нравы, сильные и слабые стороны властителей. Запоминал дороги, удобные для передвижения войск, ознакомился со всеми крепостями и вызнал их оборонительные возможности. Множество способностей проявилось в этом четырнадцатилетнем отроке. Кроме того, во всех городах он имел верных друзей, которые позже стали его шпионами.

Наконец, набравшись сил и знаний, он вернулся в Синоп. Тут Митридат уже открыто объявил, кто он такой. Начал с того, что убил брата, а мать заключил в темницу. Теперь ему никто не мешал занять трон, что он и сделал. Укрепившись, повсюду разослал своих шпионов. Митридат готовился к большим войнам не только в Малой Азии и на Кавказе, но и с самим Римом. А для этого ему был необходим надёжный тыл. Потому он и умертвил мать, второго брата, сестру и нескольких сыновей. Одного из них, красивого и безобидного царевича Эксиподра, он казнил на глазах его матери, своей любимой жены Стратоники за то, что она выдала римлянам местонахождение сокровищ Митридата. Но это случилось позже, уже во время его войн с Римом. Для полноты его портрета можно упомянуть и о том, что своих многочисленных дочерей он превратил в разменную монету и расплачивался ими, выдавая их замуж за царей и царьков, чтобы

привлечь их на свою сторону, что, правда, не всегда получалось.

Митридат был порывист, суеверен, склонен не только к проявлениям отваги, но и к столь же неожиданным припадкам малодушия и какого-то детского испуга. Чтобы подбодрить себя перед охотой или боем, он принимал наркотические вещества, более того, давал сено с наркотиками своей лошади. Но имея точные разведывательные данные, Митридат всегда знал слабые стороны противника и наносил удары в нужное время и в нужном месте. Он воевал со скифами, подавил восстание Савмака в Боспорском царстве и подчинил себе всё побережье Чёрного моря.

Затем Митридат объявил войну Риму. Всего было три Митридатовых войны. Они шли с переменным успехом. Во всех трёх войнах большую часть его войск составляли не регулярные части, созданные по греческому или римскому образцу, а полчища восточных кочевников да разношёрстные толпы случайных людей, охотников за богатой добычей. Противниками Митридата были выдающиеся римские полководцы Сулла, Лукулл и Помпей.

Опьянённый успехами, он переоценил свои силы и решил в третий раз идти на Рим. Но тут он совершил ошибку, свойственную многим властителям: он не поверил своей разведке, которая предупреждала, что силы Рима велики и далеко не исчерпаны. Его вторая ошибка заключалась в том, что на захваченных территориях он дал свободу римским рабам, рассчитывая, что они вольются в его армию. Он даже собирался поддержать восстание Спартака, намереваясь впоследствии, когда станет владыкой Рима, подавить его железной рукой. И это в то время, когда разведчики предупреждали царя, что освобождённые рабы частью вернутся к себе на родину, а частью сплотятся в разбойничьи шайки, действующие и против римлян, и против самого Митридата.

Так и случилось. Митридат начал терпеть одно поражение за другим. Его сторонники отвернулись от него. Последний оставшийся в живых сын Фарнак поднял восстание против отца. Покинутый всеми, Евпатор принял яд. Однако яд не подействовал, так как будучи человеком крайне подозрительным, боящимся заговоров и покушений, Митридат приучил свой организм к различным ядам. Тогда он приказал своему слуге отрубить ему голову. Но перед этим, чтобы врагам не достался его гарем, по его приказу были убиты все наложницы и сёстры, а сам он дал яд двум дочерям.

Так закончилось царствование царя-шпиона Митридата VI.

ЕКАТЕРИНА МЕДИЧИ (1519–1589)

Екатерина Медичи — это целая эпоха французской истории. Племянница римского папы Климента VII, супруга короля Франции Генриха II (1533–1559), а затем фактическая правительница при своих сыновьях Франциске II (1559–1560), Карле IX (1560–1574) и Генрихе III (1574–1589). Жестокая, коварная и вероломная, организовавшая знаменитую Варфоломеевскую ночь, она создала агентурную сеть не только в своей стране, но и в Европе.

Одним из её любимых детищ стал, как его впоследствии называли историки, «летучий эскадрон любви», состоявший из двухсот фрейлин королевского двора, «разодетых как богини, но доступных как простые смертные». Писатель и историк Анри Эстьен в своей книге «Диалоги куртизанок былых времён. Прекрасные речи о жизни, деяниях и поведении Екатерины Медичи», изданной ещё в 1649 году, писал: «Чаще всего именно с помощью своих девиц своей свиты она атаковала и побеждала своих самых грозных противников. И за это её прозвали „великой сводницей королевства“».

Красивые и беззастенчивые девицы по указанию Екатерины Медичи запросто вытягивали любые сведения из мужчин или оказывали на них нужное ей влияние. Их жертвами становились короли и министры, иностранные дипломаты и полководцы, прелаты, принцы и вельможи. Мемуарист Брантом, который был очень близок с некоторыми из этих девиц, вспоминал: «Фрейлины были столь соблазнительны, что могли зажечь огонь в ком угодно, опалив своей страстью большую часть мужчин при дворе, а также всех, кто приближался к их огню. Никогда ни до, ни после постель не играла на политической сцене такой важной роли».

Одной из самых красивых фрейлин «эскадрона» была дочь господина де Сурж и д'Иль Руэ Луиза де Лабердьер, которая при дворе больше была известна как красотка Руэ. Ей и поручила Екатерина Медичи важное задание.

Для того чтобы стать всемогущей, королеве требовалось привлечь на свою сторону принцев из династии Бурбонов. Глава их семейства, один из вождей гугенотов (протестантов) король Антуан Наваррский открыто высказывался против вмешательства Екатерины в государственную политику и претендовал на регентство. Королева решила сделать его союзником и эту задачу возложила на мадемуазель Руэ.

Пара ночей, проведённых с Руэ, сделали своё дело: Антуан, увидев её плачущей, растроганно спросил, в чём дело.

Девица с рыданиями объяснила, что она боится, что королева, узнав об их связи, удалит её от двора и куда-нибудь сошлёт.

Галантный король, к тому же уже безумно влюблённый в Руэ, обещал похлопотать за неё и действительно отправился к королеве.

Разговор между высочайшими особами состоялся серьёзный и долгий и закончился тем, что он предложил королеве «полностью распоряжаться королевством Наваррой», а она в ответ на это назначила его Верховным главнокомандующим над всеми войсками Французского королевства.

Антуан дал своё согласие занять этот пост, что означало, что он признаёт главенство Екатерины и отказывается от притязаний на регентство. Это напугало вождей протестантов, они с ужасом думали о том, что король Наваррский уйдёт из их партии. Вечерами он, не окончив ужина, вставал из-за стола:

— Господа, вы продолжайте, а меня ждут неотложные дела.

Однако его союзники и вассалы хорошо знали, какие дела его ждут.

Глава протестантов Кальвин писал в одном из своих писем: «Он весь во власти Венеры. Матрона (Екатерина), которая очень искусна в этой игре, отыскала в своём гареме девушку, которая смогла поймать в сети душу нашего человека».

Так оно и было. Антуан Наваррский пренебрёг личным посланием Кальвина. Уже ничто в мире не могло заставить его расстаться со своей возлюбленной.

Однажды Екатерина пригласила к себе мадемуазель Руэ и долго беседовала с ней. Когда на следующую ночь Антуан явился к своей возлюбленной, он снова застал её в слезах. После его настойчивых расспросов она «призналась»:

— Милый, моя любовь к тебе столь сильна, что я согласилась стать твоею, несмотря на то, что я католичка, а ты протестант. Но так дальше продолжаться не может. Наверное, нам с тобой придётся расстаться. Но это убьёт меня.

Вынести этого Антуан не мог. На следующий день, движимый страстью, он отрёкся от своей веры и примкнул к католикам.

Вскоре началась гражданская война. Король Наваррский сражался в рядах войск католиков против своих бывших союзников. Как водилось в те времена, прекрасные дамы часто сопровождали своих любимых в походах и сражениях. Руэ не была исключением. 17 ноября 1562 года в битве под Руаном Антуан Наваррский получил смертельное ранение и скончался на руках красавицы Руэ.

Между тем в рядах гугенотов у Екатерины Медичи имелись и

другие серьёзные противники, и первый из них — лидер реформации принц Конде. В этой же битве Конде командовал войсками протестантов. В одном из последовавшим за ней сражением он попал в плен. Но так как вскоре был убит глава католического войска Франсуа де Гиз и военное равновесие восстановилось, Екатерина Медичи предложила Конде заключить мир. Начались переговоры. В те времена они происходили в светской обстановке, с балами, приёмами и даже совместной охотой. Помимо советников и генералов Екатерина привлекла к переговорам свою «главную ударную силу», самую красивую девицу «летучего эскадрона» мадемуазель Изабель де Лимёй.

Нежная и обаятельная Изабель была «подставлена» Конде в первый же вечер. Очарованный ею принц всё свободное время проводил с нею, всё меньше интересовался условиями мирного договора и с каждой встречей становился всё более уступчивым. Кончилось дело тем, что Конде, не прислушавшись к мнению своих советников, подписал договор, выгодный для Екатерины Медичи, а в ответ получил желанную свободу и Изабель, вместе с которой отправился наслаждаться любовью в свой замок.

Но на этом ставить точку было рано. Вскоре в замок к Изабель прибыла тайная посланница Екатерины, передавшая новое, более сложное задание. Дело заключалось в том, что за помощь, оказанную протестантам в гражданской войне, они подарили Елизавете Английской город Гавр, который требовалось теперь вернуть французской короне. Естественно, что по доброй воле Елизавета не собиралась возвращать этот город Франции. Назревала война. Но хотя протестантские вожди уже жили в мире со своей королевой, они отказались воевать против своей бывшей союзницы, а Екатерина хотела вернуть Гавр руками протестантов.

Тут-то Изабель и проявила свою силу и влияние. Трудно сказать, что она говорила по ночам принцу Конде, но вскоре он уже был готов идти воевать против англичан. Роль Изабель отражена в письме сэра Томаса Смита, английского посла во Франции, государственному секретарю Сесилу: «Конде — это второй король Наваррский, он увлёкся женщинами и вскоре будет противником Богу, нам и самому себе».

Так оно и случилось. Через несколько недель принц Конде во главе войска появился у стен Гавра, и его артиллерия открыла ураганный огонь по городу. Англичане были вынуждены ретироваться.

Протестантов ошеломило поведение принца Конде. Тот же Кальвин прислал ему письмо, полное упрёков: «…Когда нам сказали, что вы занимаетесь любовью с дамами, мы поняли, что это сильно вредит вашему положению и вашей репутации.

Добрые люди этим оскорблены, а хитрецы этим пользуются».

Однако на Конде это письмо не произвело впечатления. Поставленный перед выбором, он остался верен Изабель, даже отказавшись от предложенного ему поста главы протестантской партии.

Всё было бы хорошо, но случился «форс-мажор» (что, собственно, не так уж редко бывает при использовании женщин-агентов): Изабель по-настоящему влюбилась в принца Конде и в 1564 году родила от него сына. Екатерина Медичи, запрещавшая своим фрейлинам «приносить в подоле», была возмущена этим обстоятельством. Пользуясь королевской властью, она арестовала Изабель и, несмотря на просьбы Конде, сослала её в монастырь. Но год спустя помиловала её. И не без умысла.

К этому времени вожди гугенотов стали заигрывать с Конде, и он, тоскующий от одиночества, склонялся к сотрудничеству с ними. Изабель прибыла вовремя. Начался жестокий поединок между красавицей фрейлиной и вождями гугенотов, и мечущийся между любовью и верой Конде соглашался то с одной, то с другой стороной.

И всё же победила женщина. Однако на этот раз другая. Гугеноты сумели подобрать для Конде невесту — ревностную протестантку, к тому же не уступавшую Изабель в красоте. Конде влюбился в неё.

Мадемуазель де Лимёй вынуждена была проститься со своим слабохарактерным возлюбленным и вернуться в Париж. Тосковала она недолго и вскоре утешилась, благополучно сочетавшись браком с богатым итальянским банкиром Сципионом Сардини.

ФРЭНСИС УОЛСИНГЕМ (1532 — ок. 1589)

Времена королевы Елизаветы и её противоборства с Марией Стюарт — одни из самых драматических в истории Англии. Именно к этому времени относится деятельность Фрэнсиса Уолсингема, которого называют создателем британской разведывательной службы.

Собственно говоря, утверждение это спорное. В широком смысле создавала эту службу сама королева Елизавета I во многом руками Уильяма Сесила, получившего титул лорда Берли. В течение сорока лет он был фактически её первым министром, независимо от занимаемой им должности. И всё это время он заправлял секретной службой, которая до этого по указу Генриха VIII находилась в ведении Тайного совета.

Его первым помощником по линии разведки был Николас Трокмортон, хитрый и коварный, верный слуга Елизаветы. Он, как это было принято в те времена, обязанности посла во Франции сочетал с функцией резидента. Именно он обратил внимание на талантливого молодого человека Фрэнсиса Уолсингема, приобщил его к разведывательной работе и стал его наставником.

Фрэнсис появился на свет в 1532 году в семье видного юриста. Он состоял в очень отдалённом родстве с королевой Елизаветой, впрочем, почти все дворяне тех лет были в какой-то степени родственниками.

Юность и молодость Фрэнсиса ничем не примечательны. Он учился в Кембридже, обучался в коллегии адвокатов, изучал право в Падуе, много практических знаний и навыков получил, общаясь с образованными и умными флорентийцами и венецианцами. Изучил труд Маккиавели «Государь», что, кстати, и явилось поводом для знакомства и диспутов с другим поклонником и последователем Маккиавели Николасом Трокмортоном, английским послом в Париже.

В двадцативосьмилетнем возрасте Фрэнсис вернулся в Англию и после нескольких лет сельской жизни в 1568 году поступил на королевскую службу. Лорд Берли приметил его, стал давать важные поручения разведывательного и контрразведывательного характера. Поскольку «горячей» проблемой тогда были готовившиеся настоящие или мнимые покушения на королеву Елизавету, это и стало главной заботой нового сотрудника разведки.

С целью выявления возможных заговорщиков он начал с того, что договорился с лорд-мэром Лондона о регистрации

иностранцев и еженедельном составлении списков лиц, снимающих помещения в столице.

В 1570–1572 годах Уолсингем был английским послом и резидентом в Париже. В основном он руководил разведывательной сетью, созданной там лордом Берли и Николасом Трокмортоном, но со временем создал свою агентуру. Не брезговал никем, вербовал профессиональных преступников, убийц, авантюристов, щедро расплачиваясь с ними. «Нет платы слишком высокой за нужные и ценные сведения», — говорил он.

Уолсингем никогда не пользовался своими шпионами и сыщиками для расширения личной власти. Он всецело был предан своей королеве, хотя иногда вступал в споры с ней. Елизавета ценила его и называла своим «мавром» — может быть, за чёрный цвет волос и смуглое лицо.

В 1572 году Берли занял пост лорд-канцлера. Он отозвал из Парижа Уолсингема, который с 1573 года стал официальным главой английских спецслужб, хотя Берли оставил общее руководство за собой.

Главными задачами разведки были предотвращение заговоров против Елизаветы и выявление планов испанского короля Филиппа II и его союзников, в том числе по подготовке и высадке десанта в Англии. Была и ещё одна косвенная, но важная задача — способствовать непрерывной войне против испанского судоходства. Ею занимались английские корсары, «королевские пираты», которые, с одной стороны, ослабляли Испанию, с другой — обогащали казну Елизаветы.

С этой целью Уолсингем завёл агентуру во всех портах, куда могли заходить испанские корабли. Об их маршрутах, грузах, времени выхода в море агенты своевременно информировали Уолсингема, а тот — «королевских пиратов».

Среди агентов Уолсингема были, конечно, не только бандиты и авантюристы, но и дворяне, монахи, адвокаты, студенты, купцы, священники. Кроме того, английская разведка уже в те далёкие времена широко использовала в качестве агентов писателей, драматургов, актёров, журналистов, так сказать, «творческую интеллигенцию».

Среди агентов Уолсингема были известные актёры и драматурги Энтони Мэнди, Мэтью Ройстон, Уильям Фаулер, Кристофер Марло. Они оказали ему немалую помощь. В частности, Энтони Мэнди, выдав себя за католика, проник в Английский колледж в Риме, который готовил агентов-миссионеров для засылки в Англию. Вернувшись на родину, он не только сообщил имена слушателей, но так же и участвовал в их розыске и поимке.

Впервые в истории разведки Уолсингем создал техническую службу. Её возглавил Томас Фелиппес, блестящий специалист в области дешифровки, а также вскрытии писем, подделке почерков и печатей. Эта служба создавала уникальные по тем временам устройства для подслушивания, имела специалистов по проделыванию в стенах незаметных отверстий, через которые велось подглядывание. Есть сведения, что некий венецианский монах продал Уолсингему сделанный им для этой же цели перископ, но неизвестно, использовался ли он. Существовала даже школа сотрудников наружного наблюдения, где их учили незаметно вести слежку, мгновенно изменять свой облик. Для дезинформации противника использовал даже астрологов.

Годы, когда Уолсингем был руководителем спецслужб, отмечены непрерывными войнами, перемириями, интригами, переговорами, в которых были замешаны и перемешаны интересы Англии, Франции, Испании, Нидерландов. Ссоры и примирения с королём Испании Филиппом II, королём Франции Генрихом III, вождями голландских повстанцев, герцогом Альба осуществлялись с помощью дипломатии и разведки. Пожалуй, никогда до этого она не была столь активна.

Но все внешние интересы спецслужб временно отошли на второй план, когда они всерьёз занялись разоблачением заговоров против Елизаветы. Ещё в 1580 году Рим объявил, что всякий, убивший Елизавету «с благочестивым намерением свершить божье дело, не повинен в грехе и, напротив, заслуживает одобрения». Видимо, за «божье дело» были обещаны и земные блага.

В 1582 году службой Уолсингема был задержан шпион нового испанского посла дона Мендосы. При тщательном обыске в изъятом у него зеркальце за задней крышкой обнаружили важные бумаги. Из них следовало, что иезуиты составили новый заговор с целью убийства Елизаветы и возведения на престол Марии Стюарт. Заговор имел кодовое название «английское дело».

Когда это «дело» стали раскручивать, то обнаружили, что Мария ведёт переписку с католическими державами через французского посла и членов его свиты. Агент Уолсингема поступил на службу к послу и сумел выведать подробности заговора. В результате сложного расследования с применением жестоких пыток Уолсингем узнал, что душой заговора является испанский посол. Уолсингем предложил Мендосе в течение пятнадцати дней покинуть Лондон.

Но в Англии продолжали зреть новые заговоры против Елизаветы. Поскольку их корни находились за границей, Уолсингем направил туда много агентов, «перекрестившихся» в

католиков. Они проникали в центры заговорщиков. Иногда честно информировали своего шефа, иногда же, вроде некоего доктора Парри, вели двойную игру. Парри настолько увлёкся своей ролью, что сам предложил своим собеседникам организовать заговор. Те, конечно, донесли, и несчастному Парри в 1585 году отрубили голову.

Всякая спецслужба, обязанная охранять покой и безопасность властителя, нуждается в двух вещах, деньгах и наличии заговорщиков, оправдывающем выплату этих денег. Если настоящие заговорщики иссякают, можно выдумать новых и разоблачить их.

Таким, сфабрикованным, явился один из крупнейших заговоров против Елизаветы. При этом Берли и Уолсингем решили вовлечь в заговор и саму Марию Стюарт.

История и интрига этого заговора слишком сложна и требует отдельного рассказа. Тем более что о судьбе несчастной шотландской королевы создано множество прекрасных драматургических и литературных произведений; достаточно упомянуть среди их авторов Фридриха Шиллера и Стефана Цвейга.

Мы лишь подчеркнём ещё раз, что фактически инициаторами этого заговора были лорд Берли и Фрэнсис Уолсингем, подчинённый которого Томас Фелиппес, как считают многие исследователи, и написал роковые письма, приведшие на плаху главного заговорщика Бабингтона, а затем и королеву Марию Стюарт. 8 февраля 1587 года она была казнена. Чтобы устраниться от ответственности, от участия в принятии решения о казни, Уолтингем сказался тяжело больным.

Дела шли своим чередом. В июле 1586 года Уолсингем получил донесение от английского посла в Париже Стаффорда о создании в Испании мощного флота — «Непобедимой армады», который и доставит в Англию многотысячную армию. В этой ситуации забавно то, что сам Стаффорд был уже завербован испанцами и получал от них круглые суммы. Это обстоятельство не ускользнуло от внимания Уолсингема, и он установил за послом наблюдение, которое вёл некий Роджерс. Он выяснил, что Стаффорд подкуплен вождями католиков и показывает им поступающие из Лондона письма. Уолсингем, узнав об этом, не отстранил Стаффорда, а пошёл на хитрость: он начал направлять ему дезинформацию.

Одновременно Уолсингем стал создавать во Франции агентурную сеть, независимую от той, которую, видимо, уже успел предать Стаффорд. Теперь основное внимание британской разведки было обращено на выявление планов испанского короля

и его союзников.

Сам Уолсингем составил документ, который мы теперь назвали бы «план мероприятий», а тогда он назывался «Заговор для получения информации по Испании». План предусматривал перехват писем французского посла в Испании, получение сведений об Испании из портовых городов, засылку агентов разных национальностей на испанское побережье и другие меры, в том числе создание наблюдательного поста в Кракове (!) для ознакомления с отчётами об испанских делах, которые поступали из Ватикана.

Все агенты Уолсингема, где бы они ни находились, получили задание выведывать замыслы испанцев.

В Венеции Стивен Пол внимательно выслушивал разговоры сведущих лиц и доносил всё, что касалось Испании.

Фландрский купец Вэйхенхерде, постоянно передвигаясь по оккупированной испанцами части Южных Нидерландов, был в курсе многих вопросов, касавшихся испанской армии, осаждавшей город Слейс, который мог стать плацдармом для подготовки испанского десанта.

Английский купец Роджер Боуденхел, торговавший с Испанией и несколько лет живший в Севилье, имел много друзей среди испанских купцов и моряков и тоже добывал полезную информацию.

Лучшим из агентов Уолсингема, занимавшихся Испанией, был Энтони Стэнден (под кличкой Помпео Пеллегрини). Он сумел стать другом Джованни Фильяцци, тосканского посла в Испании, и был в хороших отношениях с правительством Тосканы. Стэнден отправил в Испанию некоего Флеминга. Тот оказался очень ценным агентом, ибо его родной брат состоял на службе у маркиза Санта-Крус, адмирала испанского флота. Флеминг посылал свои донесения через тосканского посла Фильяцци, от которого они попадали к Стэндену, а от последнего к Уолсингему.

Сведения Флеминга были настолько точными, что Уолсингем в марте 1587 года представил королеве копию доклада Санта-Круса своему королю (это был подробнейший отчёт об армаде и её кораблях, снаряжении, вооружённых силах и запасах). Из другого доклада Стэндена в июне того же года вытекало, что армада не сможет выступить в поход в 1587 году, что давало англичанам время для неспешной и тщательной подготовки.

Одновременно с агентурной работой по выявлению планов Филиппа II, Уолсингем проводил и то, что теперь называют «активными мероприятиями». Вот лишь несколько примеров. Генуэзских банкиров склонили к тому, чтобы они воздержались

от предоставления займа Филиппу II, что значительно затруднило формирование флота. В начале 1587 года англичанин Ричард Гибс, выдававший себя за католика, сообщил испанцам заведомо ложные сведения о Темзе: она, мол, слишком мелка для испанских кораблей.

Наконец, когда армада уже должна была двигаться к берегам Англии, Уолсингем, чтобы помешать вербовке английских и ирландских католиков в испанские войска, организовал распространение по всей Англии и Ирландии «предсказаний» своего астролога Джона Ли, согласно которым должны начаться страшные бури, которые рассеют вражеский флот и погубят всех, находящихся на кораблях.

24 мая 1588 года армада отплыла от испанских берегов, взяв курс на Англию. Буквально накануне внезапно умер адмирал Санта-Крус. Он был заменён герцогом Медина-Сидония, полным невеждой в морском деле. Путь армады прослеживался агентами Уолтингема почти на всём протяжении Атлантического побережья, вдоль которого она двигалась. Английские капитаны знали время прибытия неприятеля, слабые стороны испанских галионов. В конце июля «Непобедимая армада» была полностью разбита и рассеяна английским флотом.

Вскоре после разгрома «Непобедимой армады» Фрэнсис Уолсингем, выполнив главное дело своей жизни, умер.

ДЖОН ТЁРЛО (1616–1668)

В истории Англии был короткий период, когда страна была республикой.

В начале XVII века сложилась классическая ситуация — когда «верхи не могли управлять по-новому, а народ жить по-старому». Новое дворянство вошло в союз с буржуазией против старого, враждовали англиканская церковь и пуритане, усиливалась враждебность с Шотландией, вылившаяся в войну, которую в 1639 году проиграл Карл I. В 1640 году был созван так называемый «долгий парламент» (1640–1653) и произошла революция. Её возглавил Оливер Кромвель, выступивший защитником интересов нового дворянства и буржуазии. История его войн и побед интересна сама по себе, но мы коснёмся только деятельности его спецслужб. Кромвель был мудрым правителем и полагал, что в эпоху внутренних и внешних войн, междоусобицы и заговоров гораздо выгоднее платить своей спецслужбе, нежели пожинать плоды незнания замыслов врагов.

Спустя десять лет после смерти Кромвеля, вспоминал разведчик и мемуарист Пепис, «14 февраля 1668 года министр Моррис заявил в парламенте, когда речь шла о разведке, что ему ассигновано только семьсот фунтов стерлингов на весь год, тогда как Кромвель отпускал для этой цели семьдесят тысяч фунтов стерлингов в год; это было подтверждено полковником Берчем, заявившим, что благодаря этому Кромвель носил тайны всех монархов Европы в своём кармане. Парламент вернулся к обсуждению вопроса о секретной службе через три дня, и скудная сумма, отпущенная Моррису на разведку, была увеличена на пятьдесят фунтов стерлингов».

Но, конечно, этими семьюдесятью тысячами надо было умело распоряжаться, чем и занимался «скромный адвокат из Эссекса» Джон Тёрло, которого Кромвель сделал министром. Фактически он сосредоточил в своих руках портфели всего кабинета, а сверх того был главой полиции и секретной службы. Этот человек обладал незаурядной бдительностью и неистощимой изобретательностью.

После победы английского адмирала Блэйка над испанцами внешние враги уже меньше угрожали режиму Кромвеля. Но роялисты перешли от открытой вооружённой борьбы к тайным политическим заговорам. Однако они тщетно пытались прорваться через непроходимую стену, которую составили многочисленные агенты Тёрло и военная полиция.

Шпионы Тёрло были повсюду. Многие из них были

доверенными свергнутого короля Карла Стюарта, поэтому министру немедленно и дословно сообщалось о заговорах, постоянно организовывавшихся в Брюсселе, Кёльне, Гааге, Париже и Мадриде. И хотя кабинеты Франции и Испании заседали за плотно закрытыми дверями, уже через несколько дней Тёрло читал отчёт о том, что говорилось на этих тайных совещаниях и какие там были приняты решения.

Посол Венеции в Лондоне Сагредо докладывал Совету Десяти: «Нет правительства на земле, которое скрывало бы свои дела больше, чем английское, или было бы точнее осведомлено о делах других правительств».

Среди агентов Тёрло были обедневшие роялисты, эмигрировавшие военные, учёные, молодые распутники, преследуемые правосудием и даже приговорённые к смертной казни, но получившие отсрочку по распоряжению «свыше», писатели. Он использовал всех, кого можно, причём многие даже не знали, что служат ему.

На Тёрло работал знаменитый дешифровальщик доктор Джон Уоллис Оксфордский. Служба Тёрло перехватывала письма с таким постоянством, словно почта роялистов предназначалась именно его ведомству. Но обычный просмотр почты без участия Уоллиса был бы не более чем рутинной цензурой. Уоллис же умел расшифровывать любой код или шифр, известный конспираторам той эпохи.

Жизни Кромвеля постоянно грозила опасность. В 1654 году находившийся в Испании король объявил, что дарует дворянство и пятьсот фунтов стерлингов любому, кто убьёт «интригана, называемого Оливером Кромвелем». Агенты Тёрло обезвредили гнёзда заговорщиков во многих городах. Кромвель приказал разделить Англию на одиннадцать округов, во главе каждого был поставлен генерал-майор с приданными ему войсками и полицией. Это сберегло жизнь Кромвеля, но делу управления государством нисколько не помогло, и через два года эта мера была отменена.

Попытки покушения на жизнь Кромвеля были неоднократными, но все они пресекались полицией: ему прислали корзину «с продуктами», которая должна была взорваться; контрразведчики обнаружили сэра Джона Пакингтона, провозившего боеприпасы под видом вина и мыла; некий Панраддок поднял восстание в Уилтшире, но правительство узнало об этом заранее и легко подавило, и т. д.

Роялисты создали тайное общество под названием «Припечатанный узел». Оно потребовало большого внимания Тёрло. За обществом установили наблюдение, но захватить

заговорщиков не удалось. Один из агентов сумел проследить за курьером этой организации, и он привёл его в Кёльн, где обнаружили короля с телохранителем. При попытке захвата король бежал в Мадрид, где его укрыли, а Кромвель объявил Испании войну.

После смерти Кромвеля его преемник Ричард Кромвель оставил Джона Тёрло своим министром. После реставрации Тёрло отказался служить Карлу II, хотя тот нуждался в его услугах. Король высоко ценил способности Тёрло, ибо никто не сделал так много, чтобы расстроить бесчисленные козни его сторонников, эмигрантов-роялистов. Отказавшись, Тёрло навсегда ушёл от политических дел.

ЖОЗЕФ ФУШЕ, ГЕРЦОГ ОТРАНТСКИЙ (1759–1820)

Наполеон не начинал ни одной крупной кампании, не располагая, по возможности, наиболее полными сведениями о противнике: его армии, экономическом и людском потенциале, ведущих полководцах и государственных деятелях. Тем не менее постоянной разведывательной службы он не имел. Разведка, как правило, находилась в ведении министра полиции. Наряду с борьбой с врагом внутренним, он занимался борьбой и с врагом внешним. Это вполне объяснимо, так как долгое время главными противниками Бонапарта были якобинцы и эмигранты-роялисты. Именно они устраивали заговоры и покушения. Можно провести некоторую аналогию с послереволюционным периодом в нашей стране, когда главные усилия разведки и контрразведки фокусировались на борьбе с белогвардейской эмиграцией. Даже термин «белый террор» был заимствован у французов. Как видно, это удел каждой крупной революции.

Первым (а впоследствии и последним) министром полиции Наполеона был Жозеф Фуше, герцог Отрантский. Это сложная и противоречивая фигура, двуличный негодяй и предатель. Предав якобинцев, он переметнулся к Наполеону, затем плёл заговоры против него, сам разоблачал их, перешёл на службу к Бурбонам, организовал заговор против них, во время «ста дней» поддержал Наполеона, предал его, снова перешёл к Бурбонам… Удивительно, как Наполеон терпел возле себя такую фигуру. Правда, какое-то время, именно как разведчик и контрразведчик, Фуше приносил пользу Наполеону, борясь с заговорами якобинцев и роялистских эмигрантов. В своём циркуляре от 6 фримера (27 ноября 1799 года) он предал проклятию эмигрантов, которых отечество «навеки извергает из своего лона».

А заговоры и покушения, как настоящие, так и мнимые, не были плодом его фантазии.

24 декабря (3 нивоза) 1800 года, когда Наполеон ехал в карете в Оперу, один из роялистов по имени Сен-Режан, попытался убить его, взорвав бочонок с порохом, спрятанным в тележке. При этом на улице Сен-Юмсез было убито четыре и около шестидесяти человек ранено. Первый консул остался невредим. Обнаружился целый ряд обстоятельств, доказывающих, что покушение было делом рук роялистов, действующих из-за рубежа, но Бонапарт всю вину свалил на республиканцев и подверг их жестоким репрессиям. Несколько жён и вдов

республиканцев, в том числе вдовы Марата и Бабёфа, были без суда заключены в тюрьму.

Фуше подхватил «идею» Наполеона о расправе над республиканцами и якобинцами. Пять человек были преданы военному суду по обвинению в принадлежности к воображаемому заговору, организованному, в действительности, полицией, и расстреляны. Ещё четыре обезглавлены позже. Несколько сот республиканцев было сослано в Гвиану, откуда впоследствии вернулись лишь единицы.

Полиция, разведка и контрразведка Фуше действовали повсеместно. Они проникли и в армию, где тоже существовали антинаполеоновские настроения.

Прославленный республиканский генерал Моро не участвовал в заговорах, это подтверждала Фуше крутившаяся вокруг генерала агентура, но сам факт, что этот генерал, выйдя в отставку, был независим, являлся протестом против диктатора.

Главнокомандующий западной армией генерал Бернадотт не скрывал своего недовольства. Агентам Фуше не удалось установить, участвовал ли он в подготовке заговора, но на всякий случай начальник его штаба Симен и адъютант Марбо были арестованы.

Известно ещё несколько заговоров, раскрытых Фуше. Они имели целью покончить с первым консулом путём убийства или насильно навязанной ему дуэли. Важнейшим из них был заговор, в котором приняли участие генералы Донадье и Дельма, полковник Фурнье и другие офицеры. Дельма спасся, а остальные были арестованы.

Бонапарт старался скрыть от общества все эти заговоры (о них стало известно лишь позднее). Поступал он так для того, чтобы и Франция и Европа считали, что народ полностью и безусловно одобряет политику гениального человека, прокладывающего себе путь к престолу.

В 1800–1801 годах повсеместно действовали чрезвычайные трибуналы для борьбы с роялистами и республиканской оппозицией. Однако активность роялистов-эмигрантов, подогреваемая стремлением Англии убрать Наполеона, нисколько не уменьшалась.

Весной 1800 года полиция Фуше вскрыла заговор шуанов (вооружённых сторонников Бурбонов), предполагавших напасть на конвой, сопровождавший Наполеона по пути из Парижа в Мальмезон, и похитить первого консула.

Фуше заслал двух агентов к вождю шуанов Кадудалю, чтобы отравить его. Но Кадудаль оказался весьма проницательным и без труда разоблачил агентов. Обоих повесили на деревьях в

назидание другим. Сам Кадудаль почувствовал опасность и бежал в Англию, где продолжал организовывать антинаполеоновские заговоры.

Примерно в то же время до Франции дошло известие об убийстве в Петербурге императора Павла I, стремившегося наладить добрые отношения с Францией. Полагая, что движущая сила заговора находится в Лондоне, Наполеон заявил: «Англичане промахнулись по мне в Париже 3 нивоза, но они не промахнулись в Петербурге!» Он дал указание Фуше усилить работу против англичан и против роялистов, находившихся в эмиграции. Фуше охотно выполнил это поручение Наполеона.

Чтобы не возвращаться больше к этому вопросу, заметим, что агентурой Фуше было пронизано всё французское общество, вся Франция. Его агенты находились при всех европейских дворах, во всех эмигрантских центрах.

Бороться с английскими спецслужбами было непросто, прежде всего потому, что они были прекрасно организованы и располагали большими деньгами. У высокопоставленных деятелей наполеоновского режима можно было легко покупать жизненно важные сведения. Иногда англичан подводила их вера во всемогущество денег. Полномочный министр Дрэйк, аккредитованный при баварском дворе в Мюнхене, подкупил директора баварской почты, обеспечив себе доступ ко всей французской корреспонденции. И всё же он скомпрометировал себя, вздумав воспользоваться услугами человека, оказавшегося агентом Фуше. Дрэйк хорошо платил ему за информацию, оказавшуюся ложной, в то время как упомянутый агент выудил у самого Дрэйка важные конфиденциальные документы, которые Наполеон не замедлил опубликовать.

У Англии была целая армия наёмных шпионов, и со всех концов европейского континента в Лондон рекой лилась информация. Английские агенты прибегали к самым разнообразным уловкам для пересылки сведений. Полиция Фуше перехватила и расшифровала письмо, написанное сплошь нотными значками и по внешнему виду выглядевшее как невинный музыкальный этюд. Английская разведка использовала различные способы шифровки. В архивах хранится секретный доклад министра полиции Фуше Наполеону, в котором сообщается, что по сведениям полиции специальные термины, заимствованные из области музыки и ботаники, английской секретной службой больше не будут употребляться; впредь же в постоянных кодах она будет пользоваться терминами из области часового мастерства, хозяйственного обслуживания и кулинарии.

Особенно усердствовала английская разведка в годы

континентальной блокады. К этому времени уже действовала тайная система транспорта и связи, беспрецедентная по своему объёму, сложности и рискованности. Сообщение с Англией ещё со времён революции и директории являлось преступлением, которое вплоть до 1814 года военный трибунал карал беспощадно. Вместе с тем оно стало выгодным промыслом для жителей приграничных районов, рыбаков, матросов, контрабандистов. Дело было поставлено на широкую ногу. Английским и роялистским агентам удалось подкупить муниципалитет Булони, который стал выдавать фальшивые паспорта. Об этом доложили Фуше. Разгневанный министр полиции направил в Булонь агента Манго, которого он называл своим «громаднейшим бульдогом»; и тот вскоре разоблачил и ликвидировал это «предприятие».

Однако вернёмся к антинаполеоновским заговорам, раскрытым Фуше.

Наиболее агрессивно настроенные эмигранты группировались в Англии вокруг графа д'Артуа, герцога Беррийского и принца Конде. Граф Карл Филипп д'Артуа был братом Людовика XVI и Людовика XVIII. После революции он вместе с другими французскими эмигрантами и уцелевшими вождями вандейского восстания и шуанской войны нашёл приют в Англии, где занялся активной антинаполеоновской деятельностью. Впоследствии он станет французским королём Карлом X. Герцог Шарль Фердинанд Беррийский был его вторым сыном. Принц Луи Жозеф Конде также принадлежал к свергнутому дому Бурбонов, впоследствии он возглавит армию эмигрантов, вторгнувшуюся вместе с союзниками во Францию.

Их поддерживал старый республиканский генерал Пишегрю, прославившийся своими победами в Голландии ещё в 1795 году и перешедший на роялистские позиции. Он был выслан в колонии и бежал оттуда в Англию.

Заговорщики стремились привлечь к заговору отставного генерала Моро, единственного соперника Наполеона по военной славе. С этой целью они намеревались примирить враждовавших между собой Моро и Пишегрю. Моро согласился помириться, но от участия в заговоре отказался.

Несмотря на это в начале 1803 года Кадудаль и его друзья предложили графу д'Артуа план нового покушения на Наполеона. В случае удачи к власти должны были прийти генералы Моро и Пишегрю. Позднее для руководства роялистами во Францию должны были прибыть граф д'Артуа или герцог Беррийский.

Весь этот заговор был составлен по наущению агента Фуше некоего Меге де Латуша. Одной из целей Фуше было погубить

генерала Моро, представив его лидером заговорщиков. Он стремился также заманить в ловушку бурбонских принцев.

30 августа 1803 года Жорж Кадудаль и несколько шуанских вождей тайно прибыли в Париж. Сначала они намеревались поднять при содействии Моро военный мятеж в столице. Убедившись, что осуществить этот план невозможно, решили напасть на первого консула на улице с отрядом, равным количественно его свите, с целью убить или похитить его. В случае удачи покушения граф д'Артуа и герцог Беррийский должны были высадиться во Франции.

Излишне говорить, что вся эта операция проводилась под контролем консульской полиции, и Фуше знал о каждом шаге заговорщиков. Полиция до времени не мешала развитию заговора, желая захватить Моро и принцев «с поличным».

Кадудаль, самый осторожный из заговорщиков, ни одной ночи не провёл дважды в одном доме. Охота за ним длилась несколько месяцев. С разрешения Наполеона Фуше сформировал подвижные колонны, которые прочёсывали районы, где мог скрываться Кадудаль.

Министерство полиции к тому времени уже имело картотеку, содержащую более тысячи досье на особенно опасных роялистов. Она носила название «шуанская география». Хотя тот факт, что о заговоре было известно полиции, содержался в глубокой тайне, Фуше всё же приказал арестовать и допросить нескольких шуанов, участвующих в заговоре. Один из них, Буве де Лозье, показал, что во Францию приехал Пишегрю и 28 января 1804 года состоялась встреча Моро, Пишегрю и Кадудаля. Моро, хотя и сочувствовал заговорщикам, отказался помогать им, и собеседники расстались, не придя к соглашению.

Ещё один арестованный шуан сообщил адреса конспиративных квартир, используемых вождями заговора. На одной из них задержали слугу Кадудаля. На допросе под пыткой он выдал адреса, где мог скрываться Кадудаль. В результате его удалось схватить. Вслед за ним арестовали и Пишегрю.

Хотя показания задержанных обеляли Моро, Бонапарт велел арестовать и его, как сообщника убийц-шуанов. Газеты поливали генерала грязью.

Узнав о провале заговора, ни граф д'Артуа, ни герцог Беррийский не высадились во Франции.

Заговорщики были преданы суду. Кадудаля приговорили к смертной казни и гильотинировали. Пишегрю до суда удавился (или его удавили) в тюремной камере. Многие из современников утверждали, что его смерть была делом рук Бонапарта, опасавшегося впечатления, которое могла произвести публичная

защита обвиняемого в предстоящем процессе.

Местью Наполеона заговорщикам стал и расстрел герцога Энгиенского, но поскольку хитрый Фуше сумел «самоустраниться» от этой грязной операции, мы об этом эпизоде расскажем в другом очерке.

Из действительных или мнимых участников заговора в живых оставался один генерал Моро. Бонапарт не хотел, чтобы суд над ним выглядел как месть его старому сопернику, и отказался передать дела в военный трибунал. В результате его судил трибунал по уголовным делам. Учитывая смягчающие вину обстоятельства, Моро был приговорён к двухлетнему тюремному заключению, которое Наполеон заменил изгнанием. Он уехал в США, а в 1813 году вернулся в Европу.

Генерал Жан Виктор Моро присоединился к русской армии. 27 августа 1813 года, к концу битвы под Дрезденом, ядро, упавшее посреди главного штаба императора Александра, раздробило Моро оба колена. Умирая и проклиная себя, он воскликнул: «Как! Мне, мне, Моро, умереть среди врагов Франции от французского ядра?!»

Раскрытие и ликвидация заговора подняли авторитет Фуше в глазах Наполеона. В отсутствие императора он иногда фактически правил страной.

Он продолжал руководить полицией и разведкой, ведал агентурой и проводил то, что в разведке называют «активными мероприятиями». Например, во время кампании 1807 года, с целью столкнуть венгерское население с австрийцами, распространил среди венгров газеты, доказывавшие, что Австрия и Англия обманывают их.

Ещё со времени Эрфуртского конгресса 1808 года Фуше вместе с Талейраном втайне строили козни против императора. Эту игру они начинали всякий раз, когда им казалось, что жизнь или судьба императора находится в опасности. Они принимались изыскивать средства, чтобы самим заменить его или заменить другим лицом, или, в случае надобности, устранить его, ускорив его гибель, чтобы успеть самим спастись при крушении империи. Один из таких заговоров они устроили, когда Наполеон отправился в Испанию в 1808 году. Они организовали за кулисами новое правительство, во главе которого должны были стоять оба, а Мюрат лишь формально представлял бы власть.

Меттерних узнал об этом заговоре и сообщил о нём своему правительству, а Наполеону были переданы перехваченные письма. Разгневанный, он вернулся в Париж, но в результате… простил заговорщиков. Однако его терпению пришёл конец, и Наполеон всё же сместил с поста министра полиции такого

изобретательного, ловкого и отлично осведомлённого человека, как Фуше. В 1810 году он решил заменить его на туповатого, но исполнительного генерала Рене Савари, герцога Ровиго.

Смена министров не обошлась без скандала, о котором мы расскажем в очерке о Савари, и завершилась письмом Наполеона в адрес Фуше:

«Господин герцог Отрантский, ваши услуги больше не могут быть угодны мне. Вы должны в течение 24 часов отбыть к месту вашего нового назначения».

Новому министру полиции было поручено проконтролировать, чтобы Фуше немедленно покинул страну.

Но карьера Фуше на этом не завершилась. С падением Наполеона Фуше вернулся в политику. Власть Бурбонов угрожала его положению. Чтобы успешнее обороняться, он, как и другие политики, начал нападать на правительство. Когда ему не удалось пройти в палату пэров, а король Людовик XVIII не пожелал иметь с ним дело и назначить министром, он стал во главе заговора, целью которого был насильственный переворот в пользу герцога Орлеанского (Фуше был против призвания Наполеона). Осуществление заговора совпало со «Ста днями» Наполеона. Когда император победил, Фуше объявил себя его приверженцем. Он сделал вид, что его заговор был в пользу Наполеона, и тот вновь назначил Фуше министром полиции. Наполеон оставил его при себе скорее всего для того, чтобы лучше следить за ним, но тем самым «поселил змею под своей подушкой»!

При отречении Наполеон, объявив императором своего сына Наполеона II, передал власть временному правительству во главе с Фуше, всячески старавшимся добиться согласия французов на возвращение Бурбонов.

После реставрации Фуше всеми способами стремился показать свою приверженность королю Людовику XVIII. Он принялся с усердием преследовать бывших сторонников Наполеона. По своей инициативе опубликовал список пятидесяти семи опальных деятелей, подлежавших розыску.

При формировании нового правительства 6 июля 1815 года Людовик XVIII назначил Фуше министром полиции. Было создано так называемое «министерство Талейрана — Фуше».

8 июля того же года Людовик XVIII въехал в Париж «во главе англичан и пруссаков, имея по одну сторону преступление, а по другую порок». Так французский историк, писатель и государственный деятель Шатобриан характеризовал Фуше и Талейрана.

Роялисты были возмущены тем обстоятельством, что в совете

министров заседает «цареубийца» Фуше. Многочисленные протесты заставили короля уже через пару месяцев отказаться от этого назначения. Фуше был отрешён от должности и 19 сентября направлен в «почётную ссылку» — посланником при дрезденском дворе.

Его дальнейшая жизнь ничем не примечательна. Меттерних преследовал его, и в условиях господства «Священного союза» никаких перспектив на возобновление карьеры у Фуше не было. Он писал мемуары, но так и не закончил их. 26 декабря 1820 года на шестьдесят втором году жизни он скончался в Триесте.

РЕНЕ САВАРИ, ГЕРЦОГ РОВИГО (1774–1833)

Генерал Рене Савари, адъютант Наполеона, был отважным воином, преданным Франции и своему императору. За заслуги и подвиги он получил титул герцога Ровиго (став правителем этого крошечного герцогства в Италии) и, помимо жалования, как кавалер ордена Почётного легиона, ежегодную «пенсию» в размере ста шестидесяти двух тысяч франков (одну из самых больших в стране).

Савари был исполнительным, может быть даже несколько туповатым выходцем из военной среды, не обладавшим ни изворотливостью Фуше, ни хитростью Талейрана. Тем не менее Наполеон ценил его и давал ему серьёзные поручения, не только военного характера.

Савари был искусным царедворцем и начальником императорской жандармерии. Некоторое время он руководил формально не существовавшей секретной службой Наполеона. Именно он отыскал и завербовал талантливого разведчика Шульмейстера (см очерк о нём). Тот проявил свои способности ещё во время кампании 1805 года, внеся немалый вклад в победу Наполеона над русско-австрийскими войсками. Его действиями непосредственно руководил Савари, которому заслуженно принадлежит часть лавров Шульмейстера.

Одним из поручений Наполеона, выполняя которые Савари «попал в историю» как в буквальном, так и в переносном смысле, было похищение и убийство герцога Энгиенского. Министром полиции в то время был Фуше, и, казалось бы, этим грязным делом должен был бы заняться именно он. Но Фуше, хитроумный и дальновидный политик, нашёл способ самоустраниться.

Ещё раз напомним, что герцог Энгиенский не был ни заговорщиком, ни активным врагом Наполеона, он мирно жил в городке Эттенгейме на баденской территории и содержался на английские деньги. Наполеон решил расправиться с ним, обратив против него свою месть за действия графа д'Артуа и герцога Беррийского, действительных заговорщиков, живших в Англии.

Савари назначил исполнителем операции по похищению герцога Энгиенского своего агента Шульмейстера. Существуют две версии похищения несчастного герцога. По одной, более известной, «нарушив неприкосновенность государственных границ, драгунский отряд, вторгшись в пределы Бадена, 15 марта 1804 года захватил молодого герцога». По второй, более романтичной, была захвачена возлюбленная герцога и увезена в городок Бельфор, на территорию Франции, на самой границе с

Баденом. И когда герцог, получив от неё письмо с просьбой о помощи, приехал вызволять её, он был схвачен. Читатель вправе выбирать любую из этих версий. Так или иначе, герцог Энгиенский был доставлен в Париж и уже через шесть дней приговорён к смерти комиссией, составленной из полковников парижского гарнизона. Его расстреляли 21 марта во рву Венсенского замка.

Это убийство вызвало во всей Европе чувство ужаса и тревоги. Особенно остро на него реагировало российское высшее общество: о разговорах в салоне мадам Шерер подробно рассказано в самом начале романа «Война и мир».

Но и несколько лет спустя, уже после Тильзитской встречи, об убийстве герцога не забыли.

Историк XX века А. Вандаль подробно описал разведывательно-дипломатическую миссию Савари в Петербурге. Он пишет, что тотчас по заключении Тильзитского договора Наполеон в знак своей признательности царю назначил своим представителем при нём одного из своих адъютантов, генерала Савари. Отправив Савари в Петербург в качестве временного посла, Наполеон хотел поддерживать через него связь с императором Александром впредь до восстановления посольств и правильных дипломатических сношений. Савари должен был на месте ознакомиться с намерениями императора и его двора, а также с настроением общества и настоять на исполнении взятых на себя Россией обязательств против Англии. Он был превосходно принят императором, холодно — императрицею-матерью и очень дурно — обществом. В то время как император приглашал его к своему столу по нескольку раз в неделю и относился к нему с дружеской фамильярностью, все сановники отказывались принимать его, — ему не посылали ответных визитных карточек. Это было демонстративным отчуждением от «палача герцога Энгиенского». Одушевлённая страстной ненавистью к революции, петербургская аристократия отказывалась признать Тильзитский договор, и эта светская оппозиция представлялась первой опасностью, грозившей союзу, так как русское самодержавие, несмотря на неограниченную власть, имело обыкновение считаться с мнением высших классов. Отсюда вытекала своеобразная форма правления: деспотизм, ограниченный салонами.

Ввиду всех этих обстоятельств в первые месяцы по заключении Тильзитского договора общественное мнение энергично выражало своё недовольство новой политикой императора Александра. Говорили даже о заговоре и о революции и вызывали зловещие воспоминания. 1807 год представлял собой

странную аналогию с 1801 годом, и невольно возникал вопрос, не закончится ли настоящий кризис такой же развязкой, как кризис, завершившийся убийством Павла I. Маршал Сульт, командовавший войсками в Берлине, предупредил Александра через Савари, что какой-то прусский офицер задумал покушение на его жизнь в расчёте на содействие недовольных русских.

Однако, несмотря на многочисленные затруднения и препятствия, Савари не падал духом. Благодаря своей настойчивости и смелости он сумел пробить брешь в петербургском обществе, стал вхож в некоторые дома и зондировал почву с целью расположить в свою пользу или по крайней мере нейтрализовать знать. Он втёрся в доверие к любовнице Александра Нарышкиной и через её посредство доводил до императора конфиденциальные советы: он умолял Александра проявить твёрдую волю, поступить как подобает самодержцу, предупредить протест недовольных, а не ждать его, словом — «пронзить тучу мечом». Наполеон поддерживал своего представителя постоянными инструкциями и всякими другими средствами. Он посылал Нарышкиной парижские наряды и драгоценности, которые сам выбирал. «Вы знаете, — писал он Савари, — что я смыслю в дамских туалетах». Неистощимая предупредительность и бесчисленные мелкие услуги царю постепенно смягчали его горечь военных неудач. Между обоими монархами завязалась личная переписка, и Наполеон пользовался ею, чтобы поддерживать на расстоянии интимные отношения, установившиеся между ними во время тильзитского свидания, напоминал русскому императору о великих планах, которые должны возвеличить его царствование и покрыть его славой, старался воздействовать на его воображение и сердце. Но ещё лучшую службу сослужили в это время Наполеону грубость и насильственность английской политики.

Англичане, резко выступая против Тильзитского договора и не имея возможности наказать ни Россию, ни Францию, отыгрались на маленькой Дании. Подвергнув бомбардировке Копенгаген, высадились там и ограбили, а затем, по выражению историка, «поспешно, как воры, удалились со своей добычей, показав миру пример неслыханного нарушения международного права».

Это облегчило миссию Савари. Он удвоил свои усилия, чтобы добиться разрыва России с Англией. Ему это удалось, и Александр I не только разорвал отношения с Англией, но и объявил ей войну.

После выполнения своей миссии Савари в начале 1808 года был отозван в Париж и направлен в Испанию. Ему было поручено

выманить Фердинанда, принца Астурийского, сына короля Карла VII, во Францию, где он стал бы заложником Наполеона. И с этой задачей Савари справился успешно. В результате Фердинанд отказался от своих прав на испанскую корону, и на испанский престол был возведён брат императора Жозеф Бонапарт.

В 1810 году, убедившись в нечестности и заговорщических намерениях министра полиции Фуше, Наполеон отстранил его и назначил на эту должность Рене Савари. Тот сопротивлялся этому назначению, но император крикнул ему:

— Вы министр полиции, присягайте и беритесь за дело!

Фуше, человек достаточно умный и проницательный, не хотел уходить со своего поста «хлопнув дверью», понимая, что в эту дверь ему ещё придётся постучаться. Он нашёл другой способ отомстить императору и своему преемнику.

Фуше радушно принял Савари в своём кабинете, в здании министерства полиции. Рассыпаясь в любезностях, он обещал сдать дела в таком образцовом порядке, чтобы у генерала не возникало никаких трудностей.

Для «приведения министерства в порядок» Фуше попросил у Савари несколько дней, которые тот с удовольствием предоставил ему. Эта неосторожность дорого обошлась генералу.

Вместе со своим преданным другом, Фуше в продолжение четырёх дней и ночей сделал всё, чтобы навести в делах министерства чудовищный беспорядок. Любой мало-мальски значительный материал извлекался из канцелярских папок. Множество документов было изъято то ли для обеспечения спокойствия Фуше, то ли для создания трудностей его преемнику. Все компрометирующие материалы на людей, над которыми Фуше намеревался сохранить власть, он отвёз в своё имение Феррьер, остальное сжёг.

Досье и карточки на самых ценных осведомителей министра полиции из числа аристократов, придворных или армейских чинов были сожжены, общий указатель агентуры — уничтожен, списки роялистских эмигрантов и секретнейшая переписка исчезли; многим документам были даны неверные номера.

Остались карточки лишь на мелких филёров, доносчиков и осведомителей — привратников, официантов, прислугу и проституток: пускай-ка новый министр попытается с их помощью руководить полицейской службой Великой империи!

Более того, Фуше подкупил старых агентов и служащих, на которых мог бы опереться Савари, с тем, чтобы они саботировали его работу, а обо всём происходящем в министерстве регулярно доносили бы Фуше.

Таким образом машина, передаваемая Савари и именуемая министерством полиции, была почти полностью приведена в негодность.

При передаче дел Фуше предъявил новому министру лишь один серьёзный документ, меморандум, касавшийся изгнанного дома Бурбонов.

Поняв, как его надули, Савари пришёл в бешенство и отправился жаловаться к самому императору. Наполеон направил к Фуше курьера с требованием «немедленной выдачи всех министерских документов» Но Фуше намекнул, что ему известно слишком многое, в том числе о семейных секретах многочисленных братьев и сестёр императора, и он не хотел бы, чтобы эти документы попали в чужие руки, поэтому уничтожил их.

Несколько ответственных чиновников выезжали к Фуше с тем же требованием, но всем им он отвечал одно и то же: бумаги сожжены.

В страшном гневе Наполеон направил к Фуше графа Дюбуа, начальника личной полиции. Тот опечатал все бумаги бывшего министра, оказавшиеся в его имении. Но Фуше особенно не печалился: всё самое важное он успел перепрятать.

Наполеон прислал Фуше лаконичное письмо, в котором потребовал, чтобы тот в течение 24 часов отбыл к месту нового назначения — в Рим. Савари было поручено проконтролировать отъезд Фуше.

Как ни странно, Рене Савари смог навести порядок в своём ведомстве, несмотря на происки Фуше, и наладить систему шпионажа в высших слоях французского общества. Скрупулёзно просматривая все оставшиеся бумаги, он нашёл список адресов, который по каким-то причинам Фуше не успел уничтожить. Он предназначался для курьеров, разносивших письма. Савари, справедливо не доверявший служащим, забрал список в свой кабинет, где тщательно изучил его и скопировал. Он натолкнулся на имена людей, которых он никогда бы не заподозрил в том, что они являются тайными агентами полиции. Сам он говорил, что ожидал бы скорее встретить их в Китае, нежели в этом списке.

Специальным письмом Савари через собственного курьера вызывал к себе каждого агента, по одному человеку в день. У главного привратника Савари наводил справки о том, часто ли этот посетитель бывал у Фуше, и вообще о том, что привратник знает о нём. Таким образом он подготавливался к встрече с этими людьми и брал правильный тон в разговоре.

Но самые ценные агенты из списка не числились под именами и фамилиями, они значились лишь под цифрой или

начальной буквой; иногда они имели по два разных инициала.

Наконец, он применил самый верный и беспроигрышный приём: стал «отлавливать» агентов, приходивших за деньгами. Сначала они не шли, но через несколько недель жадность победила, и они начали регулярно являться за «зарплатой». Савари принимал всех лично. «Сердечность» и «радушие» нового министра покорили их, и они начали работать ещё усерднее, чем при Фуше.

С течением времени Савари не только восстановил все мастерски законспирированные связи Фуше, но и значительно расширил всю систему шпионажа. Вскоре Савари получил прозвище «Сеид Мушара», что на смешанном франко-турецком жаргоне означало «Шейх шпионов». Он имел целую сеть доносчиков и филёров в самых разных слоях населения по всей Франции и на всех занятых ею территориях. На него работали домашние слуги, шпионившие за хозяевами, и домовладельцы, следившие за слугами. Конечно, Савари не забывал и того, что главные враги Наполеона — роялисты — находились за рубежом, при дворах иностранных государей. Там он тоже заимел своих агентов, которые доносили о каждом шаге противников императора.

Но Савари оставался-таки деятелем мелкого масштаба. Пронизав всю Францию сетью своей агентуры, он не заметил того, что его мелочная, назойливая слежка вызвала всеобщую ненависть. Его не столько боялись, как презирали. Типичный чиновник, поднявшийся на высшую ступень бюрократической служебной лестницы, он больше заботился о сохранении достоинства собственной фигуры, нежели о пользе дела. Он рассорился не только с людьми света, но и с духовенством.

Незадолго до войны с Россией Савари участвовал в задуманной Наполеоном акции по изготовлению фальшивых денег.

Префект парижской полиции Паскье в своих мемуарах вспоминал, что его секретные агенты обнаружили тайную типографию, где искусные мастера за большие деньги занимались по ночам какой-то работой. Дом строго охранялся, входы в него были наглухо заперты и забаррикадированы. Паскье распорядился о полицейском налёте.

Взломав дверь, полицейские обнаружили, что фабрика печатала фальшивые ассигнации, но не французские, а австрийские и российские. Главой фабрики оказался некий господин Фен, брат одного из доверенных секретарей Наполеона.

Паскье немедленно доложил об этом его открытии своему начальнику, министру полиции Савари. Но тот огорошил его,

заявив, что подделка кредиток производится по личному приказу императора. На них предполагается покупать продовольствие во время войны на территории неприятельских стран.

Савари добавил, что император следует лишь примеру англичан, которые давно «взяли на вооружение» производство фальшивых денег.

В 1812 году и его достоинству, и его карьере был нанесён жестокий удар. Это был заговор генерала Мале, задуманный и осуществлённый в самое тяжёлое для Наполеона время — в октябре 1812 года, когда он со своими войсками начал отступать из Москвы.

Генерал Мале ничем особым не проявился в битвах. За время службы его несколько раз отстраняли от должности за служебные промахи и злоупотребления, но Наполеон каждый раз миловал его. В 1808 году Мале был разоблачён как участник заговора и заключён в тюрьму Сен-Пелажи, но благодаря покровительству Фуше был переведён в частную больницу некоего доктора Дюбуиссона. Это был наполовину санаторий, наполовину арестный дом. Заключённым разрешалось «под честное слово» разгуливать на свободе, принимать посетителей. Находясь в больнице, Мале разработал план нового заговора. Воспользовавшись длительным отсутствием императора в далёкой и дикой России, Мале предполагал объявить о его смерти и провозгласить «временное правительство». Он почему-то рассчитывал на поддержку войсковых частей, которыми собирался командовать лично.

В лечебнице содержались и другие лица, недовольные Наполеоном. Ранее, в тюрьме, Мале познакомился ещё с двумя генералами — Лабори и Гидалем. Но у полубезумного Мале хватило ума, чтобы полностью довериться только одному лицу, аббату Лафону, смелому и рискованному роялистскому заговорщику.

Мале часто забавлялся тем, что облачался в свою парадную военную форму, и поэтому, когда в восемь часов вечера 23 октября 1812 года он в полной форме вместе со своим другом аббатом Лафоном вышел «прогуляться», это никого не удивило. В этот период императора в Париже представлял Жан-Жак Камбасере, герцог Пармский. Всей полицией руководил Савари. Занимаясь сбором мелких сплетен, он ничего не знал о действительных настроениях в городе, а тем более о заговоре Мале. Префект, генерал Паскье, был честным администратором, но не человеком дела, так же, как и военный комендант Парижа генерал Юлен.

Гарнизон города состоял в основном из рекрутов, ибо все

ветераны наполеоновской армии находились либо в Испании, либо в России.

Появившись у ворот ближайшей казармы, Мале назвался генералом Ламотом, имя которого было популярно в Париже, и приказал начальнику караула проводить его к командиру.

Предварительно Мале заготовил множество фальшивых бумаг: депешу, извещавшую о смерти Наполеона в России, резолюцию Сената о провозглашении временного правительства, приказ о подчинении ему, Мале, гарнизона столицы.

Командир, которому Мале предъявил эти документы, нисколько не сомневаясь, подчинился ему. Он разослал сильные отряды для захвата ключевых позиций в столице — застав, набережных, площадей. Один из отрядов безо всяких недоразумений освободил из тюрьмы генералов Гидаля и Лабори.

Лабори явился к Мале и по его приказу арестовал префекта Паскье. Затем он арестовал застигнутого врасплох не предупреждённого своими агентами министра полиции Савари. Это произошло около восьми часов утра 24 октября. Оба были отправлены в тюрьму Ла-Форс, из которой только что были освобождены Гидаль и Лабори.

Савари впоследствии иронически называли «герцогом де Ла-Форс» (непереводимый каламбур, имеющий два смысла: «герцог от насилия» и «герцог из тюрьмы Ла-Форс»).

Мале направился к военному коменданту Парижа генералу Юлену и предъявил свои полномочия. Но тот усомнился в них и под каким-то предлогом попытался выйти из комнаты. Мале выстрелил в него и раздробил челюсть. В это время в комнату вошёл генерал-лейтенант Дорсе, а за ним ещё один офицер и прибежавший на выстрел отряд солдат. По приказу Дорсе они скрутили Мале.

Заговор был раскрыт, сообщники Мале арестованы, Савари и Паскье выпущены из тюрьмы.

Постановлением военного суда генерал Клод Франсуа де Мале был приговорён к смерти и расстрелян вместе с двенадцатью своими сторонниками, большинство из которых было виновно лишь в излишней доверчивости.

Известие, полученное Наполеоном о заговоре, стало одной из причин того, что он бросил свою отступавшую армию и поспешил в Париж.

Несмотря на скандальный провал, Савари отделался лишь выговором и остался на прежнем посту.

В 1814 году, когда Париж был взят войсками союзников, Савари оставался начальником полиции.

Во время Ста дней, в 1815 году, Наполеон предложил Савари

стать его министром полиции, но Савари отказался, и на это место вернулся непотопляемый Фуше.

ЛАФАЙЕТ БЭКЕР (1826–1868)

К началу Гражданской войны в США практически не существовало военной разведки. Аллан Пинкертон и сотрудники его сыскного агентства в годы войны были, скорее, контрразведчиками, нежели разведчиками. Между тем командующему северян, бывшему кандидату в президенты Уинфилду Скотту, требовалась подробная информация о противнике, которые не могли дать войсковые разведчики или случайные перебежчики.

Молодой офицер Лафайет Бэкер добровольно вызвался пробраться через линию фронта в лагерь конфедератов, может быть даже в их столицу Ричмонд. Он был представлен самому генералу Скотту. Тот внимательно выслушал горячего энтузиаста и спросил:

— А вы понимаете, что одного лишь патриотизма недостаточно? Требуется не отдать жизнь за родину, а собрать нужные данные и вовремя доставить их. Учтите, что Дэвис, Борегар и другие конфедераты не будут церемониться с вами, если поймают. Вас, конечно, будет жаль, но ещё хуже, что пропадут собранные вами сведения. Поэтому вы должны быть предельно осторожны.

Бэкер получил подробный инструктаж от начальника штаба и через несколько дней отправился в путь под видом странствующего фотографа. Весьма странная, на наш взгляд, маскировка, ведь фотокамера в руках человека, бродящего по войсковым тылам, это явный признак того, что он занимается шпионажем. Но ведь дело происходило в 1861 году, когда фотографический аппарат на огромном штативе являлся такой экзотической новинкой, посмотреть на которую сбегались солдаты со всей округи, а уж быть сфотографированным, даже без надежды получить снимок, было величайшим счастьем. Пикантной подробностью этого дела было то, что фотоаппарат Бэкера был поломан и им нельзя было никого и ничего снять, но никто, в том числе и контрразведка южан, этого не обнаружила.

Самым трудным для Лафайета оказался переход через линию фронта со стороны федеральных войск. Его окликали, за ним гнались, в него даже стреляли, и дважды он был задержан и обвинён в шпионаже в пользу южан. Только вмешательство генерала Скотта спасло ему жизнь и позволило продолжить путь. Незапланированные мытарства разведчика закончились, когда он попал в руки кавалерийского разъезда южан. Весёлые кавалеристы усадили фотографа с его громоздким грузом на

запасную лошадь и доставили в штаб. Никто не догадался обыскать его, иначе двести долларов золотом, которые имел при себе бедный фотограф, могли бы стоить ему жизни.

Разведчика на пару дней посадили под замок, быстро провели поверхностное следствие и выпустили. Но разбитной и весёлый малый настолько понравился наивным южанам, что они сделали его своего рода придворным фотографом. Его приглашали в самые высокие инстанции. В Ричмонде с ним беседовали и позволили «увековечить» себя сам президент южных штатов Джефферсон Дэвис и вице-президент Александр Стивенс. С ним беседовали и его допрашивали генерал Пьер Борегар, тогдашний главнокомандующий южан. Бэкер вполне «откровенно» передавал южанам те сведения, которые собрал во время своего пребывания в Вашингтоне. Руководители южан были весьма довольны полученной от него информацией о положении на Севере, и сами, в порыве откровенности, иногда выбалтывали то, что в разговоре с более уважаемой особой никогда бы себе не позволили. Кем был для них Бэкер, несмотря на свою экзотическую профессию? Такой же ничтожной личностью, как странствующие актёры, музыканты, шуты и фокусники, которых можно не стесняться. Но, так или иначе, первое время он находился под подозрением и фактически под арестом. Ночевать ему зачастую приходилось в тюрьмах и караульных помещениях, а в Ричмонде сам начальник конной полиции держал его под замком.

Постепенно к Лафайету стали относиться с бóльшим доверием, и ему удалось начать разведывательную деятельность. Он побывал во всех полках южан, находившихся в Вирджинии, «снимая» панораму каждого полка и во время обеда, и на строевых занятиях, и на спортивных площадках. «Сфотографировал» штаб бригады, обещая молодым офицерам и генералам великолепные снимки.

Но снимки так и не были проявлены и отданы клиентам. Сначала решили, что он просто жулик, которого следовало, по тогдашним обычаям, вываляв в дёгте и куриных перьях, выгнать на все четыре стороны. Однако контрразведчики в городке Фредериксберге оказались более прозорливыми. Его прямо обвинили в шпионаже и заключили в тюрьму. Дожидаться военного суда, исход которого для него был ясен, Бэкер не стал. На остатки своих денег он приобрёл кое-какой инструмент, взломал ветхую дверь камеры и скрылся. На память у южан остались его аппарат со штативом и ощущение того, что над ними жестоко подсмеялись.

Пробираясь по ночам, Лафайет достиг линии фронта, где «сдался» федеральным войскам. Он был доставлен к самому

генералу Скотту, который вместе с офицерами его штаба выслушал обстоятельный доклад разведчика. Генерал был настолько поражён наблюдательностью, памятью и аналитическим складом ума Лафайета, что назначил его начальником военной полиции. Впоследствии Бэкер был произведён в бригадные генералы и руководил как разведкой, так и контрразведкой северян.

Один из агентов Бэкера, имя которого так и осталось неизвестным, сумел проникнуть в штаб южан в Ричмонде. Уже через две недели он явился к Бэкеру с письмом президента Джефферсона Дэвиса на имя Климента Клэя, эмиссара Конфедерации в Канаде. Конверт пропустили невскрытым, так как агент предупредил, что в нём содержится только рекомендательное письмо, лично написанное и запечатанное Дэвисом. После благополучного обмена письмами агент стал постоянным курьером на канале Ричмонд — Канада. Но теперь все письма, которые он провозил, прочитывались службой Бэкера. При этом специалисты пользовались бумагой и печатями подлинных пакетов, для чего в Англии закупали бумагу такую же, как та, которой пользовался в Канаде Клэй.

В одном из писем содержался план опасной диверсии: предполагалось вызвать пожары и взрывы в Нью-Йорке и Чикаго, заложив одновременно в крупных магазинах и многолюдных местах развлечений адские машины. Полицейские и военные власти приняли необходимые меры. Пожар произошёл только в одном месте, адские машины не причинили ущерба.

И ещё одна успешная операция была проведена под руководством Бэкера. Через агентуру стало известно, что в течение первого года войны после каждого заседания кабинета министров на Юг отправлялся подробный доклад. Служба Бэкера установила, что разведывательная организация, поставлявшая эти доклады, состояла в основном из начальников почтовых отделений штата Мэриленд, которые почти все, кроме троих, являлись агентами южан. Разгром этой организации и явился одной из главных заслуг бригадного генерала Лафайета Бэкера.

АЛЛАН ПИНКЕРТОН (1819–1884)

Наши предки зачитывались детективными рассказами о приключениях Ната Пинкертона. Уже в те времена это считалось дешёвым чтивом, но Нат Пинкертон был всё же существом более реальным, нежели Шерлок Холмс. Дело в том, что «пинкертонами» называли сотрудников сыскного агентства Аллана Пинкертона, и возможно, среди них был и некий Нат.

В Соединённых Штатах в середине XX века царил полный правовой беспредел. В полиции, как и в политике и в экономике, господствовал пиратский дух. Шефы полиции, избранные в городах и штатах, были скорее надёжными представителями своих партий или кланов, нежели добросовестными полицейскими. Взаимодействия между полицейскими учреждениями не существовало. Преступнику достаточно было переехать из одного штата в другой, чтобы оказаться в безопасности. Какой-либо центральный полицейский орган отсутствовал.

Именно в эти времена и появилось «неподкупное частное агентство» Аллана Пинкертона, которое получило мировую известность и стало синонимом американской уголовной полиции.

В 1819 году в Глазго в семье бедного ирландского полицейского Пинкертона родился сын Аллан. Как и многие другие ирландцы, он в поисках счастья эмигрировал в Америку. Там работал бондарем.

В 1850 году случай сделал его криминалистом. В городке, где он жил, шла охота за шайкой неуловимых мошенников. В ней принял участие и Аллан. Дотлевавшие угли костра на соседнем острове навели его на след шайки. Он моментально приобрёл репутацию великого детектива в государстве, где самое сильное управление полиции (в Чикаго) насчитывало одиннадцать весьма сомнительного вида полицейских. Аллан Пинкертон использовал свой шанс и тут же основал Национальное детективное агентство Пинкертона. Эмблемой агентство избрало открытый глаз, а девизом слова: «Мы никогда не спим…».

Пинкертон и поначалу всего девять его сотрудников вскоре доказали правдивость избранного ими девиза. Они были неподкупными и неутомимыми детективами, отличными психологами, прекрасными наблюдателями, асами маскировки и перевоплощения, отчаянными смельчаками и мастерами стрельбы из револьверов. Беглых преступников они преследовали верхом на лошадях с такой же лёгкостью, как и на крышах

поездов, кативших на Дикий Запад. За несколько лет «пинкертоны» превратились в самых лучших криминалистов Северной Америки.

В начале 1861 года Соединённые Штаты стояли на пороге Гражданской войны между северянами (федералистами) и южанами (конфедератами).

В ту пору в Вашингтоне не существовало ни сухопутной, ни морской военной разведки. Не было и настоящей контрразведки. Правительство Линкольна привлекало все силы, которые могли оказать ей содействие, в том числе и частные сыскные агентства.

Директор железной дороги Филадельфия — Балтимор Фелтон вызвал из Чикаго Аллана Пинкертона с группой его сотрудников и предложил им действовать в качестве контрразведчиков этой железнодорожной компании.

— У нас есть основания подозревать, — сказал он, — что южане намерены провести диверсии на этой дороге с целью отрезать вашингтонское правительство от северных штатов. Особой угрозе подвергаются паромы и мосты.

Пинкертон никогда не действовал наобум. Лишь собрав необходимые сведения, он направился в Балтимор, в ту пору центр мятежно настроенных южан. Там он снял дом и под вымышленным именем Э. Дж. Аллен внедрился в высшие круги города. Другой член его группы, талантливый разведчик Тимоти Уэбстер, сумел прикинуться сторонником южан и попасть в кавалерийский отряд, действовавший в районе железной дороги Филадельфия — Балтимор. В группе Пинкертона был также молодой разведчик Гарри Дэвис. Изящный, красивый, потомок старинной французской семьи, он готовился стать иезуитом и обладал даром убеждения, свойственным иезуитам, но предпочёл разведку. Прожив ряд лет в Новом Орлеане и других городах Юга, он хорошо изучил повадки, обычаи, особенности и предрассудки южан, был лично знаком со многими вожаками Юга.

Гарри Дэвис, действовавший под именем Джо Говарда из Луизианы, вошёл в круг радикально настроенных молодых южан. Все были убеждёнными рабовладельцами и в любую минуту готовились выступить с оружием в руках против Севера. Подбадривая себя виски, они кричали, намекая на недавно избранного президентом Линкольна, который в молодости был лесорубом:

— Ни один дерзкий янки — выскочка из лесорубов никогда не сядет в президентское кресло!

От некого Хилла, молодого фанатика, Дэвис услышал, что готовятся не только диверсии, но и покушение на президента Линкольна.

— Если на меня падёт выбор, я не побоюсь совершить убийство. Цезаря заколол Брут, а Брут был честный человек. Пусть Линкольн не ждёт от меня пощады, хотя я и не питаю к нему ненависти, как иные. Для меня тут главное — любовь к отечеству, — заявил Хилл.

Узнав о том, что фанатики готовы убить президента, Аллан Пинкертон решил предпринять меры для предотвращения покушения. С этой целью Пинкертон и Дэвис через Хилла познакомились с «капитаном» Фернандино. Незаметный цирюльник, он, по существу, стал глашатаем балтиморских ультра. Сыщики убедились, что очень многие видные граждане, которых он когда-то стриг, брил и пудрил, считают его теперь своим вожаком.

Дэвис сумел втереться в доверие к Фернандино, изображая из себя сторонника крайних мер. Однажды он был вместе с Хиллом приглашён на собрание заговорщиков. Их было около тридцати. Фернандино привёл всех к присяге, причём Дэвис сделал мысленную оговорку: «в интересах защиты своей родины».

Обсуждался важнейший вопрос: о предстоявшем покушении. Предполагаемый убийца президента должен был определиться путём жеребьёвки. Среди белых шаров, лежавших в ящике, был один красный. Вынувший его заговорщик не должен был выдать этого ни словом, ни жестом, и считать себя удостоившимся чести привести план в исполнение.

Хилл, однако, узнал и под большим секретом сообщил Дэвису, что в ящике не один, а восемь красных шаров: руководители заговора не были уверены в своих сообщниках и решили перестраховаться. Дэвису и Хиллу достались белые шары, но восемь человек остались при убеждении, что именно каждый из них несёт ответственность за спасение Юга от «презренного янки».

Аллан Пинкертон сопоставил сообщение Дэвиса с информацией Уэбстера и других своих агентов и убедился, что заговор действительно имеет место.

Убийство Линкольна должно было произойти во время его проезда через Балтимор и послужить сигналом для разрушения мостов, паромов и железнодорожных путей. В результате северяне остались бы без вождя, столица оказалась бы отрезанной от северных штатов и началось бы восстание рабовладельцев Юга.

Идейные вожди южан, консервативно настроенные, ничего не знали о предстоявшем покушении. Зато начальник полиции Балтимора Кейн принял в его подготовке самое деятельное участие. Он спланировал размещение полицейских в день приезда президента таким образом, чтобы вокруг Линкольна

могла собраться толпа, в которой затаились бы участники покушения. Произведя выстрел или нанеся удар кинжалом, убийца должен был затеряться в толпе, а затем скрыться. На берегу Чесапикского залива ждала бы лодка, которая должна была отвезти его на быстроходный пароход. На нём убийцу доставили бы в какой-нибудь отдалённый порт Юга, где его чествовали бы как героя.

Получивший эти сведения Пинкертон направил членам президентского окружения две предостерегающие записки.

21 февраля 1862 года он встретился с президентом и представил ему свои доказательства балтиморского заговора, при этом подвергся перекрёстному допросу, не менее придирчивому, чем в уголовном суде.

Одновременно сведения о заговоре поступили и из других источников, в том числе от Джона Кеннеди, начальника полиции Нью-Йорка.

С учётом всех этих сообщений условия поездки Линкольна из штата Иллинойс в Вашингтон были изменены. Охрана приняла срочные меры. Президент должен был выступать в Гаррисберге на банкете в его честь. Но по совету охраны он предусмотрительно покинул банкетный зал и проследовал к запасному пути, где уже стоял специальный поезд, состоявший из одного вагона. Внезапный отъезд Линкольна был объяснён приступом головной боли.

Поездкой президента, которая частично проходила через мятежную территорию, распоряжались директор железной дороги Фелтон и Пинкертон. По железной дороге, движение на которой было заранее прекращено, Линкольн был доставлен в Филадельфию. Он подчинился всем мерам предосторожности, которые требовала охрана. Ему пришлось изобразить из себя инвалида, которого опекала сердобольная сестра. Её роль исполняла миссис Кет Уорн из пинкертоновской команды. Кстати, она была первой женщиной в Америке, а возможно, и в мире, ставшей профессиональным частным сыщиком.

Президент и сопровождавшая его команда заняли три купе спального вагона поезда. В этот же поезд сели Джон Кеннеди и вооружённая охрана. По совету Пинкертона и распоряжению Фелтона бригады специально подобранных рабочих были посланы красить мосты. Эти люди могли стать резервом охраны в случае мятежа или нападения на поезд. На всех переездах, мостах и запасных путях дежурили вооружённые агенты Пинкертона, снабжённые сигнальными фонарями.

Уже в пути, на одной из станций, от Уэбстера было получено сообщение о том, что отряды рабочих-железнодорожников

проходят подготовку якобы для охраны железной дороги, а в действительности для её разрушения по сигналу о начале мятежа.

Аллан Пинкертон разместился на задней площадке вагона, в котором спал президент. Он изучал местность и получал сигналы от своих людей, расставленных вдоль дороги.

Наконец поезд прибыл в Балтимор, миновать который было нельзя. В те времена спальные вагоны, направлявшиеся в столицу, приходилось перетаскивать по улицам Балтимора с помощью конной тяги на вокзал вашингтонской линии. Можно себе представить, каково было Линкольну и его спутникам ехать по улицам города, полного заговорщиков. Но Балтимор мирно спал, не ведая о том, что происходит. До вокзала добрались без всяких осложнений, хотя ещё пришлось понервничать, так как поезд на Вашингтон опоздал на два часа.

На следующее утро Линкольн был в Вашингтоне.

Когда весть об этой удаче контрразведки стала широко известна, враги президента подняли Линкольна и его охрану на смех. Сейчас трудно утверждать, было ли покушение на Линкольна реальной угрозой или блефом Пинкертона и других охранных служб. Факт остаётся фактом — операция по обеспечению безопасности президента прошла успешно.

Фернандино и другие главные заговорщики бежали из Балтимора и скрылись в неизвестном направлении.

После этой операции Пинкертон и его сотрудники вернулись в Чикаго. Но они так хорошо зарекомендовали себя, что после официального вступления президента Линкольна в должность 4 марта 1861 года Пинкертона и Уэбстера снова вызвали в Вашингтон.

К этому времени перед страной встала угроза неизбежной войны. Девять южных штатов уже были охвачены пламенем мятежа. 19 апреля в Балтиморе произошли столкновения регулярных войск и местного населения. Затем было сожжено несколько железнодорожных мостов, сообщение между столицей и Севером прервано, телеграфные провода перерезаны. В этих условиях президент пригласил Аллана Пинкертона обсудить с ним и членами кабинета вопрос об учреждении «отдела секретной службы» в Вашингтоне. Пинкертон был назначен главным руководителем вновь организованной Федеральной секретной службы.

Ожидая официального назначения, он практиковался в искусстве военной разведки в качестве «майора Аллена», офицера при штабе генерала Джорджа Мак-Клеллана. Он так понравился генералу, что тот хотел оставить его при себе. Но Пинкертона ждали другие задачи.

Федеральная секретная служба добилась первого успеха, разоблачив опасного агента Конфедерации миссис Розу Гринхау. В докладе Пинкертона говорилось о подозрительных лицах, имевших «доступ в золочёный салон аристократических предателей», принадлежавший богатой вдове Гринхау. Свою шпионскую деятельность она начала в апреле 1861 года. Причём вдова не скрывала своих убеждений и открыто выступала в поддержку рабовладельцев-южан. Как только Аллан Пинкертон и его агенты начали вести наблюдение за этой дамой, они обнаружили неопровержимые доказательства её шпионской деятельности и измены одного федерального чиновника, которого она завербовала.

Окна квартиры Гринхау были расположены слишком высоко, и, чтобы что-нибудь увидеть с тротуара, агенты Пинкертона обычно становились на плечи друг другу. Слежка принесла плоды, и миссис Гринхау была заключена в тюрьму.

Аллан Пинкертон организовал засаду в квартире Гринхау, но, к его удивлению, в ловушку никто не попался. Оказалось, что восьмилетняя дочь миссис Гринхау залезла на дерево и оттуда кричала всем знакомым ей лицам: «Маму арестовали! Мама арестована!»

Но благодаря своим связям вдова Гринхау вскоре вышла из тюрьмы, и ей разрешили выехать в Ричмонд на пароходе, защищённом флагом перемирия.

Аллан Пинкертон занялся разведкой в тылу мятежников. Его друг Уэбстер несколько раз совершал поездки на территорию южан и доставлял ему ценные сведения. Однако во время одного из рейсов он вдруг исчез. На его поиски Пинкертон направил двух федеральных агентов Льюиса и Скайли, которые вызвались проникнуть в Ричмонд и попытаться наладить связь с Уэбстером. Они разыскали его. Оказалось, он был тяжело болен. К несчастью, их самих арестовала контрразведка южан. Под сильнейшим давлением и угрозой виселицы оба агента стали давать показания. В результате Уэбстер был приговорён к повешению.

Его можно было спасти, если бы северяне пригрозили казнью кого-либо из агентов южан, захваченных ими. Но письмо на имя президента южан Дэвиса Джефферсона было составлено в таких дипломатических тонах, что его восприняли как разрешение на казнь. Так и случилось — Уэбстера повесили.

После этого Пинкертон подал в отставку. Правда, не гибель Уэбстера стала её причиной. Его отставка с поста начальника секретной службы была вызвана другим обстоятельством, а именно снятием его друга генерала Мак-Клеллана с поста командующего. Этого он простить президенту Линкольну не мог,

резко осудив его и демонстративно отказавшись руководить разведкой и контрразведкой для нового командующего.

Вернувшись в Чикаго, Пинкертон опять возглавил своё частное сыскное агентство.

После Гражданской войны огромную популярность приобрели Западные штаты. Переселенцы тянулись туда в поисках золота и серебра, пастбищ и плодородных земель, и этот Запад стал поистине Диким Западом. Переселенцы попадали в страну, в которой десятилетиями господствовал один закон — закон сильного и того, кто стреляет первым. Повседневным явлением стали уличные грабежи, нападения на почтовые кареты и железнодорожные поезда, конокрадство, ограбления банков, заказные убийства. Даже среди шерифов находились такие, которые под прикрытием закона совершали безнаказанные убийства.

Для железнодорожных компаний, постоянно находившихся под угрозой ограбления, «пинкертоны» были единственной полицейской силой, на которую можно было положиться. Услуги доносчиков из преступного мира были у «пинкертонов» не в чести. Зато сами они в разных обличиях проникали в самое логово крупных шаек, промышлявших в городах Дикого Запада.

В центре Сеймура, в цитадели банды Рино, совершившей 6 октября 1866 года первое в Западной Америке нападение на поезд, поселился под видом бармена агент Пинкертона Дик Уинскотт. Через несколько недель он подружился с членами шайки Рино. Его же самого Уинскотт заманил на железнодорожную станцию Сеймура как раз в тот момент, когда туда специальным поездом прибыл Аллан Пинкертон с шестью помощниками. Джона Рино схватили, и поезд с арестованным отбыл прежде, чем остальные бандиты сообразили, что произошло.

К 1878 году «пинкертоны» ликвидировали одну из опаснейших тайных организаций Пенсильвании — ирландское общество под названием «Молли Магвайрс». Это общество использовало социальные столкновения в угольном районе Пенсильвании для установления господства главарей банд. Один из лучших агентов Пинкертона, Мак Палэнд, стал членом общества и оставался им (постоянно находясь под угрозой смерти, так как за предательство неминуема была смерть) на протяжении трёх лет, до тех пор, пока не смог выступить свидетелем против главарей «Молли Магвайрс».

Многие сотрудники Пинкертона поплатились за свою деятельность жизнью: Джеймс Уикчер проник в банду Джесси Джеймса, по следу которой «пинкертоны» шли тысячи миль, но

был распознан и убит. Сам Джесси Джеймс месяцами разыскивал в Чикаго своего врага номер один — Аллана Пинкертона, чтобы всадить в него пулю.

«Пинкертоны» чувствовали себя как дома не только на Диком Западе, но и в городах восточного побережья страны. Вероятнее всего, они были первыми в Америке, кто использовал фотографии в расследовании преступлений. Когда в 1866 году Дик Уинскотт получил задание уничтожить банду Рино, он взял с собой фотоаппарат. Во время одной попойки он убедил Фреда и Джона Рино сфотографироваться. Копии снимков он тут же тайно послал Аллану Пинкертону. Это были первые фотографии Рино, и вскоре они появились в объявлениях о розыске, рассылавшихся Пинкертоном.

Аллан Пинкертон создал первый в Америке альбом преступников. В другом альбоме содержались снимки и описания тысяч скаковых лошадей для того, чтобы иметь возможность во время скачек отличить их от подставных. Пинкертон и его сыновья заложили основу самой большой в мире специальной картотеки воров, занимавшихся кражами ювелирных изделий, и их укрывателей.

В 1884 году Аллан Пинкертон умер, но его агентство продолжало успешно работать. Эта сыскная организация с пятнадцатью тысячами служащих имела отделения в пятидесяти городах. Агентство «Пинкертон инвестигейшнс» действует и в наши дни. Оно специализируется на корпоративной и личной охране и ведёт сложные негласные расследования. Сегодня оно имеет двести двадцать отделений по всему свету, в которых работает более сорока пяти тысяч человек.

Как заявил недавно директор по связи с прессой этого агентства Дерек Эндреди, оно «изучает все аспекты применения своих сил в России… и неофициально прощупывает почву в Москве и других районах Российской Федерации».

Так что не исключено, что и мы скоро увидим эмблему «Никогда не спящий глаз».

ВИЛЬГЕЛЬМ ШТИБЕР (1818–1892)

Вильгельм Штибер, знаменитый мастер шпионажа, был соратником «Железного канцлера» Бисмарка (получившего это прозвище за то, что в своих речах требовал проводить политику «железом и кровью»), который однажды назвал его «королём шпионов». Историки говорили о Штибере, что он поднялся «до олимпийских высот международного негодяйства».

Штибер родился 3 мая 1818 года в небольшом саксонском городке Мерзебурге в семье мелкого чиновника, получив при крещении имя Вильгельм Иоганн Карл Эдуард. Из Мерзебурга семья переехала в Берлин, где юношу стали готовить в лютеранские пасторы. Но он избрал себе другой путь. Выучившись, стал юристом. Первым его «подвигом», отмеченным в истории, было то, что втёршись в доверие силезского текстильного фабриканта Шлеффеля, дяди своей жены, любимцем которого он был, Штибер спровоцировал мнимый заговор, известный под названием «заговора в Гиршбергской долине», якобы связанного с силезским восстанием ткачей. В действительности же единственной виной Шлеффеля было то, что он имел либеральные взгляды и распространял их среди рабочих. Штибер выдал полиции любящего дядюшку как главного заговорщика.

К счастью для Шлеффеля, улики, представленные Штибером, были недостаточными для осуждения фабриканта. При этом Штибер так ловко повёл себя, что дядюшка продолжал доверять ему, как лучшему другу. Штибер выдавал себя за убеждённого радикала, друга рабочих и сторонника социалистов. Полиция не препятствовала ему в этом, зная, какого ценного агента имеет в его лице.

Изображая из себя либерала, Штибер втирался в либеральную среду, провоцировал своих «друзей» на выступление против режима, а затем выдавал их. Однажды он шёл во главе демонстрации, выкрикивавшей мятежные лозунги против короля Фридриха Вильгельма Прусского, трусливого и слабоумного (позже этот король был отстранён от власти и помещён в психиатрическую клинику). Когда демонстрация приблизилась к королю, тот трясся от страха, но Штибер каким-то образом умудрился пробраться к нему и шепнуть на ухо: «Не бойтесь, ваше величество, я с вами, всё будет в порядке!» Король был так счастлив, что вскоре назначил Штибера начальником своей секретной полиции.

Ещё будучи адвокатом, Штибер стремился завоевать доверие

либералов, защищал их в суде, выступал с громкими прогрессивными речами. Кроме того, он небезуспешно провёл дела по защите трёх тысяч уголовных преступников.

Успеху защиты способствовало то, что являясь редактором полицейского журнала, он был вхож в министерство полиции и знакомился с данными, которые полиция собирала для предъявления в суде против его клиентов. Не знавшие об этом судьи и публика поражались его проницательности и уму. Знакомство и дружбу с уголовниками Штибер затем не раз обращал в свою пользу.

После отстранения от власти короля Фридриха Вильгельма регентом, а затем и королём стал Вильгельм I, который снял Штибера с поста начальника полиции, и он оказался в опале. Более того, его предали суду за провокации и шпионаж, которыми он занимался. Но Штибер вывернулся, сумев доказать, что провоцировал, шпионил и выдавал по прямому распоряжению бывшего короля. Суд оправдал его. Правда, всё равно не был восстановлен в должности. Штибер не растерялся и направил свои стопы в Петербург. Там он принял участие в организации службы, которая просуществовала до 1917 года как Зарубежный отдел русской охранки. В Петербурге Штибер одновременно шпионил в пользу Германии.

Настоящая разведывательная работа Штибера началась после его знакомства с канцлером Бисмарком.

Первой успешной акцией Штибера было похищение его агентом Борманом (по заданию Бисмарка) важных документов у представителя Австрии в Союзном сейме Германского союза барона Прокеш-Остена. Это дало возможность Бисмарку скомпрометировать своего противника и добиться его отзыва.

После этого Бисмарк, готовивший войну против Австрии, поручил Штиберу изучить военный потенциал этой страны.

Отправившись в Австрию под видом странствующего торговца, он приобрёл лошадь и бричку, которую нагрузил лёгким товаром — дешёвыми статуэтками святых угодников, иконами и порнографическими картинками. Ни разу не заподозренный ни в чём полицией, Штибер, разыгрывая из себя «рубаху-парня», месяцами вращался в среде гражданских и военных австрийцев, выуживая сведения, которые обилием и точностью своих деталей поразили даже начальника генерального штаба прусской армии фон Мольтке. С помощью этих данных Пруссия в 1865 году разгромила австрийские войска и положила конец влиянию Австрии на Союз германских государств.

После этой победы Штибер стал руководителем отряда тайной полиции, созданной Бисмарком для обслуживания

главного штаба.

Штабные дворяне, презиравшие шпионов, не пустили Штибера в офицерскую столовую. Тогда Бисмарк пригласил его к своему столу. Кроме того, он предложил Мольтке наградить Штибера орденом за отличную работу.

Мольтке пожаловал ему медаль, но после вручения извинился перед коллегами, что наградил презираемого ими человека. В ответ Бисмарк назначил Штибера губернатором Брюнна (Брно), столицы Моравии в период прусской оккупации.

По просьбе Бисмарка и при его поддержке Штибер заложил основы германской контрразведки. Он ввёл строгую цензуру всех писем и телеграмм, поступавших с фронта. С целью поднятия духа армии и населения он организовал Центральное информационное бюро. В ежедневных сводках оно сообщало о тяжёлых потерях врага, о панике, царящей в его рядах, о болезнях, недостатке боеприпасов, о раздорах. Этой тенденциозной информацией Штибер наводнял не только Германию, но и другие европейские страны. Он выдворил из Германии крупнейшее телеграфное агентство Рейтер, но вскоре обнаружил, что филиал агентства начал свою деятельность в Берлине. С ним он также быстро расправился, организовав в Берлине полуофициальное агентство доктора Вольфа, которое, в отличие от Рейтера, снабжалось правительственной и первоочерёдной информацией.

Заслуги Штибера не остались без высочайшего внимания. Король Пруссии Вильгельм I, ещё недавно относившийся к Штиберу с недоверием, стал называть его своим «плохо понятым и недостаточно оценённым подданным» и тайным агентом, заслуживающим не только золота, но и общественного почёта и военных отличий. Штибер был произведён в ранг тайного советника.

После войны с Австрией Бисмарк начал готовить другую — с Францией.

Всемирная выставка 1867 года привлекла в Париж многих монархов, среди которых был и российский император Александр II. Штибера командировали во Францию накануне визита туда русского царя с целью сорвать подписание российско-французского союзного договора.

И тут Штиберу помог случай. От своих агентов он узнал о готовящемся покушении на русского царя. Как гость и возможный союзник Наполеона III, царь должен был присутствовать на параде в его честь, и именно там некий поляк по фамилии Березовский собирался совершить покушение. Зная об этом, Штибер не поставил в известность французскую полицию. Он был

уверен, что в случае удачного покушения союз России и Франции будет сорван.

На Александра II действительно было совершено покушение, но пуля террориста прострелила лишь ухо лошади шталмейстера, который ехал возле царя. Березовский был схвачен. Его судили, однако наказание оказалось столь мягким, что русский царь был разгневан этим, и подписание договора не состоялось. Теперь путь для германских войск был открыт.

Одним из важнейших приоритетов военной стратегии было качество оружия. Прусское игольчатое ружьё считалось в то время лучшим в Европе. В ответ французы придумали митральезу, которая держалась в секрете. В 1868 году Штибер с двумя главными подручными прибыл во Францию где полтора года шпионил и выслеживал. За это время шпионская троица переслала в Берлин множество своих шифрованных донесений, устраивала на жительство во Франции множество шпионов, а отправляясь на родину перед войной, везла материалы в трёх чемоданах. Впоследствии Штибер хвастался тем, что имел в этой стране сорок тысяч шпионов. Это, конечно, преувеличение, но около десяти—пятнадцати тысяч агентов у него, вероятно, имелось.

Штибер подготовил вторжение во Францию с немецкой пунктуальностью. В центре его внимания были дороги, реки, мосты, арсеналы, запасные склады и линии связи. Но он также усиленно интересовался и населением, торговлей, экономикой, политикой, моральным состоянием французов.

Сведения были настолько достоверными, что после начала вторжения немецкие интенданты точно знали, сколько и у кого из крестьян и помещиков можно реквизировать для нужд немецкой армии. А если кто-либо из них заявлял, что у него мяса, хлеба или кур меньше, чем с него требуют, ему предъявляли два листка бумаги. На одном стояли точные данные о его хозяйстве и о том, сколько он должен отдать, а на другом — незаполненный приказ о повешении. Ему предлагалось выбирать. Конечно, он выбирал первый вариант.

Немцы проявили себя как жестокие завоеватели. Они пытали, вешали и казнили жителей только за то, что те разглядывали поезда с боеприпасами или кавалерийские колонны.

Штибер, высоко оценивая свои заслуги и положение в оккупированной Франции, совершенно распоясался, издевался не только над французами, но и над немецкими офицерами, за что удостоился всеобщей ненависти и презрения.

Но во время мирных переговоров он снова оказался в тени. Теперь он исполнял роль слуги французского делегата Жюля

Фавра и втёрся к нему в доверие. Все секретные документы и шифры, которые Фавр привёз, каждая телеграмма и письмо проходили через его лакея. Штибер знал всё и довольно потирал руки.

Через пять лет после поражения Франция стала вновь поднимать голову и подумывать о реванше. Надо было разузнать о французских планах.

Штибер разыскал некую баронессу фон Каулла, которая была в близких отношениях с французским генералом де Сиссэ, когда он был в плену в Германии. По заданию Штибера фон Каулла направилась во Францию и встретилась с де Сиссэ, который к тому времени стал военным министром. Она сумела выведать у него много секретных данных, прежде чем её разоблачили и выгнали из Франции, а де Сиссэ — с должности министра.

К 1880 году Штибер имел во Франции надёжный отряд шпионов из жителей Эльзаса и Лотарингии, численностью около тысячи человек. Они заняли посты в армии, в министерствах, банках, заводах, гостиницах лавочках, на железной дороге, собирали нужные сведения и были готовы в любой день совершить диверсии. Шпион Штибера Виндель стал кучером военного министра генерала Мерсье и вместе с ним «инспектировал» все укреплённые районы и гарнизоны.

В Париже Штибер организовал филиал берлинского страхового общества «Виктория», все служащие и агенты которого были прусскими офицерами в запасе. Он просуществовал до 1914 года. Приблизительно каждые полгода здесь менялся штат сотрудников, но ни один из них не возвращался в Берлин, пока не использовал полученного отпуска, разъезжая по восточным департаментам Франции.

Именно Штибер ввёл в состав агентов «отставного офицера и дворянина», сделав для них престижной ту службу, которую в прошлом презирали и которой чурались. Князь Отто Гохберг, отпрыск древнего и знатного рода, но карточный шулер, стал одним из полезнейших агентов Штибера. Он применял в шпионаже те же грязные приёмы, которыми обирал своих приятелей офицеров. Особенно часто услугами людей такого рода Штибер стал пользоваться после 1871 года.

К числу разведывательных «подвигов» Штибера можно отнести ещё одну провокацию — «раскрытие» им так называемого «немецко-французского заговора в Париже», целью которого было скомпрометировать созданный Марксом и Энгельсом «Союз коммунистов». Когда судебное следствие не нашло никаких улик против «Союза коммунистов», Штибер, действуя по заданию прусского правительства и прибегнув к помощи грубо

подделанных фальшивок, инспирировал судебный процесс, вошедший в историю как «Кёльнский процесс коммунистов». В результате энергичной разоблачительной деятельности Маркса и Энгельса судебная комедия с треском провалилась.

В жизни Штибера было ещё немало удач, поражений, провокаций и предательств. Он скончался в 1892 году и был торжественно похоронен прусским правительством.

ВАЛЬТЕР НИКОЛАИ (1873–1947)

Этот добросовестный служака и офицер Генерального штаба к сорока годам, когда он стал начальником военной разведки кайзеровской Германии, дослужился лишь до чина майора. За годы Первой мировой войны, несмотря на всю ответственность и значительность своего положения, продвинулся в звании лишь на одну ступень и стал подполковником. Сам он в этом видел одну из причин провала германской разведки в войне: Генеральный штаб был переполнен генералами всех степеней и полковниками, и на армию, в которой было сильно развито чувство субординации, не могло не повлиять «то, что начальником разведывательной службы был самый младший по стажу начальник отдела в высшем командовании, притом гораздо более молодой, чем начальники других отделов Генерального штаба… Гражданские власти также привыкли к более высоким, чем майор, чинам в Генеральном штабе», — писал он в своих мемуарах.

Такое пренебрежение к военной разведке было трудно представить в Германии, которая совсем недавно была объединена усилиями Бисмарка, первейшим помощником которого был знаменитый шпион Штибер. Видимо, репутация разведки времён Штибера повлияла на мнение высших деятелей Германской империи, полагавших, что всё делается само собой, и считавших ниже своего достоинства вникать в тонкости разведывательной службы. Между тем в других европейских странах германскую разведку продолжали считать самостоятельной. Историк Роуан пишет: «На протяжении целого поколения правительства и народы Европы страшились нового колоссального нашествия немецких армий, поддержанных тевтонскими шпионами. Но куда же девались эти тайные спутники армий?..»

По мнению Роуана, такой бездарный чиновник, как Николаи, не смог обеспечить должной разведывательной подготовки Германии к войне. Сам Николаи в своих мемуарах также не отрицает слабости своей разведки, пеняя прежде всего на недооценку её роли руководством страны. Этим он как бы до некоторой степени оправдывает поражение Германии в войне.

Но если исходить из реальных фактов и сопоставлений, надо признать, что германская разведка была подготовлена к войне значительно лучше, чем разведки других участников войны. Другое дело, что она допустила много промахов, а контрразведки союзников во многих случаях переиграли её. Например, германская разведка не смогла установить, сколько времени

понадобится России для проведения мобилизации, и когда русская армия появилась в Восточной Пруссии, германский Генштаб был застигнут врасплох. Чтобы остановить вторгнувшиеся русские войска, немцам пришлось перебросить на Восток два корпуса из армии, наступавшей на Париж. В результате немцы проиграли битву на Марне, и Париж был спасён.

Немцы сумели создать мощную агентурную сеть в Англии. Во всех крупных городах, портах, стратегически важных объектах осели и надёжно легализовались немецкие агенты. Была налажена бесперебойная и, казалось, неуязвимая связь. И всё-таки в самом начале войны вся эта по-немецки аккуратно налаженная машина рухнула. Началось всё с «мелочей», которых, как известно, в разведке не бывает.

Во время визита в Англию кайзера Вильгельма, за несколько лет до войны, английская контрразведка проследила за одним из офицеров, сопровождавших кайзера и подозревавшихся в шпионаже. Он зашёл в парикмахерскую некоего Карла Густава Эрнста. Дальнейшая слежка за Эрнстом показала, что он является «почтовым ящиком», через который велась переписка германских агентов. Таким путём несколько из них были выявлены.

Ещё одним виновником провала германских шпионов стал Густав Штейнхауэр, бывший агент политической немецкой полиции, а накануне войны резидент немецкой разведки в Англии, руководившей сетью из двадцати шести агентов. Слежка за ним позволила выявить их. Правда, в последний момент Штейнхауэр заметил слежку и предупредил своих людей. Некоторым из них удалось бежать, но Карл Густав Эрнст и двадцать один его коллега были арестованы. На их счастье, это произошло 5 августа 1914 года, на второй день после вступления Англии в войну, когда ещё не действовал «Акт о защите государства», предусматривающий смертную казнь за шпионаж. Поэтому они отделались лишь несколькими годами каторжных работ.

Сам Штейнхауэр за несколько дней до начала войны скрытно пробрался в бухту Скапа-Флоу. Под видом рыбака при помощи лески, имевшей разметочные узелки, он сделал промеры глубины и смог утвердительно ответить на вопросы морского министерства: могут ли крупные броненосцы британского флота базироваться на Скапа-Флоу. Действительно, во время войны эта бухта стала главной базой ВМФ Англии. Штейнхауэру удалось благополучно добраться до Гамбурга.

Но Германия осталась без своих «глаз» в Англии. Поэтому высадка британских войск во Франции также стала

неожиданностью для германского Генштаба.

Взбешённый кайзер, узнав о прибытии английских войск, вскричал:

— Что за олухи меня окружают? Почему мне не сказали, что в Англии у нас нет шпионов?

Он приказал немедленно отправить в Англию «такого немца, за патриотизм которого можно было бы ручаться».

Чтобы успокоить кайзера, нашли лейтенанта запаса Карла Ганса Лоди, человека честного и добросовестного, но не искушённого в разведке. Он привлёк к себе внимание английской контрразведки тем, что, действуя под видом американского туриста, отправил в Стокгольм телеграмму с чрезмерно враждебными Германии высказываниями, что не соответствовало поведению американцев в то время. За ним начали слежку. Все его письма с разведывательной информацией были перехвачены, кроме одного, где он сообщал слух, будто русская армия высадилась в Шотландии. Несчастный лейтенант был схвачен 30 октября 1914 года. Военный суд приговорил его к смертной казни, и в ноябре того же года он был расстрелян.

В Англию было заброшено ещё несколько немецких агентов, но большинство из них было разоблачено и расстреляно (исключением стал Зильбер — см. очерк)

И всё же руководимая Николаи военная разведка действовала, особенно больших успехов она добилась в Испании, Швейцарии, других нейтральных странах. Действовали школа и разведывательный центр «Фрау Доктор» — Элизабет Шрагмюллер (см. очерк), на Ближнем Востоке успешно подвязался Васмус Персидский (см. очерк), в Соединённых Штатах совершались диверсии на судах и т. д.

При дворе последнего российского императора немецкие шпионы чувствовали себя свободно. Шпионка и авантюристка Мария Соррель сделалась любовницей русского генерала Ренненкампфа. Трудно сказать, насколько велика была её роль в разгроме русской армии в Восточной Пруссии. Соррель изловили и повесили.

Одним из лучших агентов Вальтера Николаи (всего их было триста тридцать семь) был барон Август Шлуга, доставшийся ему в наследство от Штибера. В 1914 году ему исполнилось семьдесят три года! Но на пятый день войны он представил своему шефу французский мобилизационный план и снабжал его информацией вплоть до 1916 года, когда тяжелобольной вернулся в Германию и вскоре умер.

В апреле 1917 года Вальтер Николаи осуществил самую крупную в его понимании акцию. Он способствовал проезду через

Германию из Швейцарии группы большевиков-эмигрантов во главе с В. И. Лениным. Но, как плохой шахматист, смотрел только на один ход вперёд: он знал, что большевики желают поражения своему правительству и стремятся перевести войну империалистическую в войну гражданскую. Он забыл или игнорировал их главную цель — мировую революцию. Группа Ленина явилась детонатором, взорвавшим мины, заложенные не только под Российскую, но и под Германскую империи.

В 1918 году в Германии происходит революция, армия разваливается. Николаи, прихватив с собой архивы, исчезает из секретной службы. Во времена Веймарской республики он погружается в море интриг — участвует в создании многих полулегальных обществ: «Чёрный Рейхсвер», «Консул», «Стальной шлем», имеющих целью возродить мощь Германии и ликвидировать «красную заразу».

В 1923 году Николаи становится вдохновителем тайной операции, имеющей международное значение. Германия, которой Версальским договором запрещено производить оружие, начинает изготавливать его в СССР — самолёты Юнкерса, подводные лодки, отравляющие вещества. В конце 1920-х — начале 1930-х годов Николаи сохраняет неофициальное, но значительное влияние в секретных службах. Ему даже предлагают вернуться на прежний пост. Но Геббельс высказывается против такого назначения: ему нужен человек помоложе и более убеждённый нацист.

Вальтер Николаи поступает на службу в разведку министра иностранных дел Риббентропа, по его заданию устанавливает связи с зарубежными спецслужбами Именно он направил в Китай, а затем в Японию майора Ойгена Отта (будущего «друга» Зорге) с целью модернизации японской разведки; он подстрекает австрийские спецслужбы к поддержке аншлюса.

В 1934 году Николаи становится советником шпионского ведомства нацистской партии и одновременно советником Гейдриха и Мартина Бормана. В 1935 году по его инициативе создаётся Бюро по делам евреев.

Николаи всё чаще смотрит в сторону Советского Союза, становится сторонником сближения с ним и одним из соавторов идеи заключения в 1939 году германо-советского пакта.

Шеф абвера Канарис подозревает Николаи в симпатиях к СССР. В 1943 году Гитлер отдаёт приказ о проведении расследования деятельности Николаи. Но, по неизвестной причине, шеф гестапо Мюллер, исполнительный Мюллер, потихоньку прикрывает это дело. Западный историк Пьер де Вильмаре предполагает, что Мюллер и Николаи к этому времени

уже установили связь с советской разведкой. Не случайно в 1945 году в возрасте семидесяти двух лет Николаи предпочёл сдаться не союзникам, а советским войскам.

Далее его следы теряются. Историк абвера Герт Бухгайт утверждает, что после 1945 года Вальтер Николаи находился в советском лагере военнопленных, где и умер.

ФРАНЦ ФОН ПАПЕН (1879–1969)

Удивительно, как такой ограниченный и бездарный человек мог сделать хорошую карьеру и, выходя, из казалось бы, самых невероятных и смертельно опасных ситуаций, всю жизнь оставаться «на плаву». Вот уж, если кого и можно назвать «везунчиком», так это его.

Франц фон Папен родился 29 октября 1879 года в городе Верль, Вестфалия, в семье богатого землевладельца. Окончил юнкерское училище. Службу начал в провинциальном кавалерийском полку. Бравый кавалерист соблазнил фрейлейн Бош, дочь богатого владельца керамического завода. Папаша выделил молодым хорошее приданое, благодаря чему Франц перебрался в престижный уланский полк в Потсдаме. Там он чем-то приглянулся кайзеру и тот решил, что такой видный офицер вполне может представлять вооружённые силы Германской империи за рубежом. Какое-то время Папен проходил стажировку в Генеральном штабе, а незадолго до начала Первой мировой войны получил назначение на престижную должность военного атташе посольства Германии в Соединённых Штатах Америки.

Франц и его супруга весьма обрадовались возможности побывать за океаном. К глубокому сожалению новоиспечённого атташе, ему поручили не только чисто представительские функции. Помимо посещения приёмов, манёвров, приятных вечеринок и официальных брифингов в министерстве обороны, на него возложили также бремя резидента военной разведки и руководителя всей шпионской службой в США. Он всячески пытался увернуться от этой обязанности, но пришлось смириться.

Однако он так и остался в этом деле полным дилетантом. Всё, что он уяснил, проходя стажировку в германском МИДе, это то, что его офис является экстерриториальным, что он сам и его жена обладают дипломатическим иммунитетом, что он может держать своих лошадей, но не «играть» на них, что его знакомства должны быть полезными для рейха, но не выходить за определённые рамки.

Теперь же приходилось заводить подозрительные знакомства, заниматься шифрованной перепиской, добывать нелегальным путём секретные документы и т. п.

Но делал всё это и руководил своими подчинёнными он столь неуклюже, что они отказались работать под его началом. Одной из причин этого стал случай с Вернером Хорном, добрым малым и истинным патриотом рейха. Он получил от фон Папена значок с цветами германского флага, с пожеланием носить его на рукаве

и со словами: «Вы теперь солдат!» Поистине вербовочный акт в духе Папена. Бедный парень настолько был польщён доверием Папена, что решил подорвать мост между Канадой и США. Но бомба не взорвалась, Хорн был арестован и приговорён к строгому тюремному заключению (в США ещё судили по законам мирного времени), а затем передан канадцам, которые ещё ужесточили условия его содержания. Хорн вернулся в Германию лишь в 1924 году, больной, измученный и полупомешанный.

Подобного рода действия никак не могли вызвать уважения подчинённых к Папену. Тем не менее с началом Первой мировой войны Папен по указанию из Берлина развернул в Америке диверсионную деятельность (подробнее о ней рассказано в очерке о Франце Ринтелене). Она продолжалась до 1915 года, когда, нарушив дипломатический иммунитет офиса Папена, в него ворвались агенты американской контрразведки и изъяли ряд документов. Германский посол Бернштофф заявил протест. На это государственный секретарь США Роберт Лассинг сказал, что вернёт документы, если Папен признает, что они принадлежат ему. Папен, конечно, не явился в госдеп, и ему пришлось покинуть Нью-Йорк. Остаётся добавить, что одно время его агентом-диверсантом в Америке был будущий адмирал Канарис.

После окончания Первой мировой войны Папен участвовал во многих интригах, надеясь занять самое высокое положение в рейхе. С 1921 по 1932 год он был депутатом прусского ландтага от католической партии Центра, примыкал к её правому крылу.

В 1932 году ему, наконец, удалось удовлетворить своё тщеславие: благосклонность престарелого президента фон Гинденбурга позволила ему стать канцлером. Но и этого он добился лишь ценой предательства своих друзей и сообщников.

В июне 1932 года фон Папен вёл в Париже переговоры относительно создания военного союза между Францией, Германией и Польшей, направленного против СССР.

Его кратковременное пребывание на посту второго лица в Германии означало переход от германской псевдодемократии к откровенно тоталитарному режиму Гитлера. Поведение Папена оттолкнуло от него даже консерваторов, не говоря уже о левых. Поддерживали его лишь нацисты. Понимая, что под их возрастающим нажимом ему не устоять, фон Папен посоветовал Гинденбургу сделать Гитлера своим преемником. Совершив этот бескровный государственный переворот, Папен облегчил приход Гитлера к власти.

Непродолжительное время Папен пробыл на посту вице-канцлера, успев посодействовать уничтожению германского парламента и Веймарской конституции, «творения дьяволов и

евреев». Он пытался «взбрыкивать», произнеся знаменитую речь 17 июня 1934 года против фашистского режима. Но вскоре смирился.

Он мешал гитлеровцам, и его надо было обезвредить. Во время «кровавой чистки» («ночь длинных ножей» 30 июня 1934 года) Гиммлер приказал ликвидировать Папена, но Гитлер, всё ещё считавший его полезным, в самый последний момент отменил этот приказ. Были уничтожены лишь ближайшие сотрудники Папена: его секретаря Герберта фон Бозе и руководителя организации «Католическое действие» Эриха Клаузенера убили в их рабочих кабинетах, а личного консультанта Эдуарда Юнга — в тюрьме.

Нацистские лидеры решили избавиться от Папена другим способом — выслать его из Германии. Он был назначен послом в Австрию. В Вене он ещё раз доказал преданность Гитлеру: ему приказали подготовить аншлюс. В июле 1934 года он участвовал в заговоре против канцлера Дольфуса, который был убит. Но путч провалился, и фон Папен исчез из Вены. Он поселился в своём саарском имении, находившемся достаточно близко от французской границы, чтобы можно было бежать, если бы Гиммлер ещё раз решил ликвидировать его.

О фон Папене вспомнил его бывший соратник по Нью-Йорку адмирал Канарис и подсказал Гитлеру мысль назначить Папена главой крупного шпионского опорного пункта — мол, он сможет оказать Германии большую услугу и в то же время будет удалён с политической арены.

Весной 1939 года Гитлер вызвал Папена и объявил, что тот назначается германским послом в Анкару.

— Благодарю вас, мой фюрер, за великую честь, — ответил Папен со скрытой радостью: он всё ещё боялся, что в Германии ему угрожает опасность.

В Анкару Папен прибыл в апреле 1939 года вместе с группой тайных агентов, псевдодипломатов и гестаповских костоломов. Он привёз с собой сундук с золотом, зная, что туркам и арабам не нравятся бумажные рейхсмарки. Это позднее он будет расплачиваться фальшивыми фунтами стерлингов, но тогда, в 1939 году, германские банки выдали ему один миллион фунтов стерлингов золотыми монетами.

Снабжённые золотом германские агенты разъехались по Среднему Востоку. Они ещё до войны прочно осели в Персии, Турции, в странах арабского мира. Главным агентом в Персии был профессор, доктор Макс фон Оппенгейм, еврейское происхождение которого не мешало ему быть ярым нацистом.

В столице Афганистана Кабуле руководителем резидентуры,

подчинённым Папену, был доктор Фриц Гробба, который организовывал антианглийское движение от северо-западной границы Индии до Персидского залива. Все страны арабского мира наводнили германские шпионы. Границы районов действия двух основных средиземноморских «опорных пунктов» — в Анкаре и Мадриде — перекрывали друг друга.

Идея Гитлера заключалась в том, чтобы восстановить арабов против англичан и склонить их на сторону немцев. Гитлер перенял лозунг кайзера «от Берлина до Багдада» и готовился объявить себя, как и кайзер, «защитником ислама».

Используя национально-освободительные настроения арабских народов, а также продажность многих из их лидеров, гитлеровцам удалось поднять на восстания ряд племён. Хорошо известны замыслы немцев путём диверсий сорвать поставки в Советский Союз через Иран. Известны также и попытки сорвать Тегеранскую конференцию и захватить её участников. Летом 1943 года особый курьер сообщил фон Папену, что в Иран направлены самые опытные убийцы гестапо с целью взять «большой улов». Советская и английская разведки сорвали планы немцев.

Турецкие власти сотрудничали с британской разведкой и мешали деятельности Папена. Но влиятельная клика турецких политиканов и журналистов находилась у него на службе. Он контролировал по меньшей мере две крупные турецкие газеты, используя их для антисоюзнической пропаганды.

В Анкаре Папен активно занимался антисоветской деятельностью. Ещё до его прибытия в Анкару в Турции действовали различные антисоветские группы. Он укрепил их людьми, бежавшими из Грузии и Азербайджана в начале 1920-х годов, организовал ряд «пятых колонн», в том числе «Лигу серого волка» и «Урало-алтайскую патриотическую ассоциацию». Его люди выполняли задания политического шпионажа и военной разведки, особенно в 1942 году, когда немцы вплотную приблизились к Кавказу.

Действия Папена стали настолько опасными, что советская разведка решила убрать его. Покушение на фон Папена окончилось неудачно: бомба взорвалась в руках у болгарина, который должен был совершить его. Папен был лишь легко ранен.

Папен вёл работу и на Балканах против Югославии, Румынии, Болгарии и Греции, подбирал «кадры», которые, проникнув в ряды патриотов, разложили бы их изнутри. Но тут он играл второстепенную роль, так как берлинский штаб считал Балканы своей сферой деятельности.

В 1944 году Турция порвала дипломатические отношения, а затем и объявила Германии войну.

После разгрома фашистской Германии в числе других главных военных преступников Франц фон Папен был передан Международному военному трибуналу. На Нюрнбергском процессе он с негодованием отрицал своё участие в мировом нацистском заговоре, заявляя, что он был честным дипломатом. Даже его сообщники, сидевшие рядом с ним на скамье подсудимых, не смогли сдержать улыбки, когда он с пафосом заявил, что ничего не знал о зловещих планах Гитлера и Гиммлера. Удивительно, но эта старая лиса сумела обелить себя, несмотря на сотни улик, хранящихся в объёмистых папках советской разведки, английской и американской секретных служб и разведывательных органов каждого государства, входящего в ООН.

Советский прокурор Руденко требовал для Папена, как и для других главных военных преступников, смертной казни. Но Папену и на этот раз удалось выйти сухим из воды. Из-за разногласий среди членов трибунала Папену был вынесен оправдательный приговор.

Он мирно дожил до девяноста лет и тихо скончался 2 мая 1969 года в своём имении Оберзасбах в Бадене.

АРТУР АРТУЗОВ (1891–1937)

Настоящая фамилия Артузова — Фраучи. Он сын швейцарского эмигранта, кустаря-сыровара, прибывшего в Россию ещё в 1861 году, и латышки. Родился в 1891 году в российской глубинке — селе Устиново Каширского уезда Тверской губернии и считал себя исконно русским.

Одна из сестёр его матери была замужем за большевиком и будущим чекистом, павшим впоследствии жертвой необоснованных репрессий М. С. Кедровым, другая — за большевиком Н. И. Подвойским.

Артур с детства увлекался музыкой (у него был лирический тенор), блестяще закончил новгородскую гимназию, а в 1917 году — Петроградский политехнический институт, мечтал учиться и в консерватории. Профессор В. Е. Грум-Гржимайло пригласил его работать в своём «Металлургическом бюро». Но ни актёром, ни инженером он не стал.

Сказалась революционная обстановка в России и влияние его дядей, особенно М. С. Кедрова. В автобиографии Артузов писал: «Как и многие юноши из интеллигентных семей, я долго метался, пока не нашёл себя и ту единственную правду земли, без которой не может жить честный человек. Она, эта правда, заключается в том, чтобы люди, которые трудятся, были сыты и свободны».

В разгар Гражданской войны, в декабре 1918 года решением ЦК РКП(б) Кедров был назначен руководителем Особого отдела ВЧК. Артузов стал особоуполномоченным этого отдела и секретарём Кедрова.

Одной из первых задач, которой Артузов занялся самостоятельно, стало проникновение в так называемый «Национальный центр» по борьбе с большевиками. Вышли на него случайно. Во время облавы на рынке задержали пятнадцатилетнюю девочку, которая безуспешно пыталась избавиться от револьвера. Она вывела на своего отца, некоего Бюрца, у которого обнаружили тайник со шпионскими донесениями и адресами явок. Напуганный Бюрц признался, что принимал участие в подготовке мятежа в Петрограде и был связным руководства «центра». Девочка к тому же рассказала о некоей «мисс». Та была задержана и допрошена Артузовым в очень мягкой интеллигентной форме. Она вывела на руководителя «центра», а тот, в свою очередь, на резидента английской разведки Дюкса. Так подтвердились подозрения о том, что все более или менее серьёзные подпольные организации замыкаются на спецслужбы стран Антанты.

Успех способствовал служебному росту Артузова, и вскоре он получил самостоятельный участок работы.

Главными силами, противостоявшими советской власти после окончания Гражданской войны, были белогвардейские эмигрантские организации, действующие при поддержке спецслужб стран Антанты. Исходя из этого и строилась работа ИНО — Иностранного отдела ВЧК-ОГПУ, одним из руководителей которого стал Артузов: изучение секретной деятельности контрреволюционных эмигрантских формирований, выявление их планов, установление филиалов и агентуры на советской территории, разложение организаций изнутри, срыв готовившихся диверсионно-террористических мероприятий.

Одним из первых успехов ИНО в 1921 году стала добыча шифров антисоветских организаций в Лондоне и Париже.

В начале 1921 года известный эсер-террорист Савинков создал за рубежом военную организацию «Народный союз защиты родины и свободы» (НСЗРиС). В России было выявлено и арестовано около пятидесяти активных членов «союза», вскрыты связи савинковцев с польскими и французскими спецслужбами, подготовка мятежа и вторжения на территорию России.

Учитывая опасность савинковского движения и лично Б. Савинкова, ИНО начал «игру», получившую название «Синдикат». Было легендировано создание на территории РСФСР филиала «союза», именовавшегося «Либеральные демократы» (ЛД). Он якобы был готов к решительным действиям против большевиков, но нуждался в опытном руководителе, каковым считал Бориса Савинкова. Начался активный обмен письмами. Савинков засылал в Москву агентов, которых арестовывали или перевербовывали, а иногда «не замечали», чтобы они по возвращении в Париж могли объективно доложить о деятельности ЛД.

«Игра» длилась три года, и она достаточно подробно описана в художественной и документальной литературе, показана в кино. Так что вряд ли есть смысл повторяться. Напомним лишь, что в августе 1924 года Савинков при нелегальном пересечении советской границы был арестован и предстал перед судом. 29 августа 1924 года Военная коллегия Верховного суда СССР вынесла ему смертный приговор, а с учётом его раскаяния сама же ходатайствовала о смягчении приговора. Расстрел был заменён десятью годами лишения свободы. Но 7 мая 1925 года, по официальной версии, Савинков покончил жизнь самоубийством, выбросившись из окна пятого этажа.

Почти одновременно с операцией «Синдикат» развёртывалась и операция «Трест», одним из руководителей которой был

Артузов (о «Тресте» более подробно рассказано в очерке, посвящённом Марии Захарченко-Шульц).

В сферу деятельности Артузова входило множество других дел, в частности, организация нелегальной разведки за рубежом. Вот лишь пара примеров.

Одним из нелегалов Артузова стал Роман Бирк, эстонский офицер, который был завербован ещё при проведении операции «Трест» и с тех пор выполнил немало поручений разведки. Он сумел обосноваться в Германии, где завёл связи среди офицеров абвера и нацистской спецслужбы, а также в кругах, близких к правительству Папена. Информация от него поступала до 1934 года, когда ему пришлось покинуть Германию.

Агентом Артузова был и Николай Крошко (см. очерк о нём), деятельность которого способствовала разоблачению многих фальшивок и дипломатическому признанию СССР.

В январе 1930 года на заседании Политбюро Артузов докладывал о состоянии дел в разведке, о провалах и их причинах.

Летом 1931 года начальник ИНО Трилиссер ушёл на другую работу, и его место занял Артузов. В соответствии с указаниями Сталина он начал перестройку внешней разведки, задачи которой значительно расширились.

Если раньше главное внимание уделялось белой эмиграции, то теперь в сферу её интересов дополнительно вошли Англия, Франция, Германия, Япония и приграничные страны, выявление планов их правительств, получение научно-технической информации.

Когда Артузов возглавил ИНО, работа как легальной, так и нелегальной разведок активизировалась. Это совпало с периодом признания Советского Союза иностранными государствами, что расширило возможности и для работы разведки.

Для политического руководства страны было важно, какую позицию собирается занять Польша по отношению к Германии и Советскому Союзу. Летом 1933 года в Кремле было созвано совещание представителей НКИД, отдела международной информации ЦК партии, Разведупра и ИНО. Все они доказывали Сталину, что Польша больше ориентирована на СССР, и союз с ней — вопрос ближайшего будущего. И лишь Артузов заявил, что Польша никогда не пойдёт на союз с Москвой, и по сведениям из его источников возможное сближение с СССР лишь тактический ход, направленный на то, чтобы усыпить наше руководство. Никакого решения тогда не было принято, но Сталин запомнил слова Артузова. Они вскоре полностью подтвердились: Польша заключила договор о дружбе с Гитлером. На одном из

товарищеских ужинов в Кремле Сталин подошёл к Артузову и произнёс в шутливом тоне: «Ну, а как ваши источники, или как вы их там называете, не дезинформируют вас?» Артузов смутился от неожиданности и заверил «партию и правительство и лично товарища Сталина», что разведка не допустит дезинформации.

Работа продолжалась. Именно в период пребывания Артузова на посту начальника ИНО нелегал Арнольд Дейч заложил основы создания знаменитой кембриджской «пятёрки»: в неё входили Ким Филби, Дональд Маклейн, Гай Бёрджес, Антони Блант, Джон Кернкросс и другие, имена которых мы до сих пор не знаем.

Именно во времена Артузова начали свою работу такие известные разведчики, как Зарубины, Коротков, Быстролётов, Рощин и другие; было осуществлено похищение генерала Кутепова, нанёсшее тяжёлый удар по белому движению; действовал ценнейший агент «Франческо», имя которого до сих пор хранится в тайне и который передал такое количество секретных дипломатических материалов английского Форин Офиса, которое составляет несколько десятков томов. А ещё была работа на Дальнем Востоке, где поднимал голову японский милитаризм, происходили кровавые разборки в среде китайцев и исподволь действовали белогвардейцы.

Ну и конечно, Артура Христиановича можно назвать крёстным отцом берлинской «Красной капеллы». Именно при нём в ряды советских разведчиков вступили Харро Шульце-Бойзен («Старшина»), Арвид Харнак («Корсиканец»), Адам Кукхов («Старик») и другие.

В этот же период наша военная разведка пережила череду неудач и провалов. Они следовали один за другим. Сталин решил принять срочные меры.

25 мая 1934 года Артузов был вызван в Кремль. В 13 часов 20 минут он вошёл в кабинет Сталина, где уже были Ворошилов и Ягода. Подробная обстоятельная беседа длилась шесть часов. Артузову предложили перейти в Разведупр.

Уходить в другой наркомат, хотя и на родственную работу, с понижением в должности и без всяких перспектив не хотелось. Артузов понимал, что как штатский человек он никогда не станет начальником Разведупра. Но слова Сталина, сказанные во время беседы: «Ещё при Ленине в нашей партии завёлся порядок, в силу которого коммунист не должен отказываться работать на том посту, который ему предлагается», — исключали выражение недовольства в любой форме. Как послушный член партии, Артузов не мог спорить с Генеральным секретарём. Единственное, что он попросил — взять с собой группу сотрудников, которых отлично знал по работе в ИНО. Сталин дал на это согласие.

Вместе с Артузовым в Разведупр перешли двадцать—тридцать чекистов, получивших хорошие должности. Уже позже, в ноябре 1935 года Артузов и бывший начальник Разведупра Берзин, а также чекисты Карин и Штейнбрюк получили звание корпусных комиссаров, что соответствовало званию генерал-лейтенанта. Такое же звание получил и сам начальник Разведупра комкор Урицкий.

В июне 1934 года Артузов представил Сталину и Ворошилову подробный доклад об агентурной работе Разведупра, с анализом ошибок и провалов. В нём отмечалось, что нелегальная агентурная разведка Разведупра практически перестала существовать в Румынии, Латвии, Франции, Финляндии, Эстонии, Италии и сохранилась лишь в Германии, Польше, Китае и Маньчжурии. Серьёзной ошибкой он считал использование агентуры из числа зарубежных коммунистов и лиц, связанных с компартиями. Но его пожелание в докладе: «Как правило, не следует использовать на разведывательной работе в данной стране коммунистов данной страны», к сожалению, так и осталось на бумаге.

Артузов внёс ряд предложений по изменению структуры разведок, в частности, предложил по примеру ИНО ликвидировать информационно-статистический (то есть аналитический) отдел. Это стало крупным просчётом Артузова и сказалось на готовности военной разведки к войне.

По докладу Артузова было разработано и введено в действие «Положение о прохождении службы в РККА оперативными работниками разведорганов», которое значительно поднимало их статус, давало возможность обучаться в военных академиях, улучшало жилищные условия.

Началась повседневная работа. В октябре 1935 года в Москву приехал Шандор Радо. Артузов представил его начальнику Разведупра. В их беседах рождался план создания новой резидентуры, знаменитой в будущем «Доры».

Но вскоре произошёл новый, позорнейший и крупнейший за всю историю советских спецслужб провал, который получил название «совещание резидентов». Виновником его и главной фигурой был Улановский, руководитель резидентуры связи в Дании, который, вопреки запрету, продолжал привлекать к агентурной работе коммунистов. В результате предательства датская полиция арестовала 19 и 20 февраля 1935 года на явочной квартире, где была устроена засада, четырёх работников Центра и десять иностранных агентов военной разведки! В их пребывании на этой квартире не было необходимости — работники Центра были резидентами в других странах, в Дании

находились проездом, а на квартиру зашли, чтобы «повидаться с друзьями».

В докладе наркому обороны Артузов отмечал: «Очевидно, обычай навещать всех своих друзей, как у себя на родине, поддаётся искоренению с большим трудом». Ворошилов, ознакомившись с докладом, наложил резолюцию: «Из этого сообщения, не совсем внятного и наивного, видно, что наша зарубежная разведка всё ещё хромает на все четыре ноги. Мало что дал нам и т. Артузов в смысле улучшения этого серьёзного дела…»

После копенгагенского провала начальник Разведупра Берзин подал рапорт об освобождении от должности, который был удовлетворён. Начальником Разведупра назначили Урицкого, активного и энергичного военного разведчика.

Но ни Берзину, ни Артузову, ни Урицкому так и не удалось укрепить дисциплину, добиться соблюдения элементарных требований конспирации, скрупулёзного выполнения указаний руководства. К тому же существовал и внутренний раскол — люди Берзина, Артузова, Урицкого враждовали между собой. Отношения между Урицким и Артузовым испортились. Деспотичный и грубый начальник писал издевательские резолюции, а вскоре стал давать указания в отделы через голову своего заместителя.

Урицкий в 1936 году, когда уже начались массовые аресты в СССР иностранных коммунистов, высказал невнятные «политические подозрения» относительно ближайшего помощника Артузова Штейнбрюка, немца по национальности.

11 января 1937 года по предложению Ворошилова Политбюро приняло решение об освобождении Артузова и Штейнбрюка от работы в Разведупре и их направлении в распоряжение НКВД. Во внешнюю разведку Артузова не пустили, а назначили на скромную должность начальника Особого бюро НКВД. Под этим громким названием скрывался архивный отдел.

Артузов пытался встретиться с Ежовым, писал ему, но безуспешно. Дни Артузова были сочтены.

Начались массовые аресты сотрудников Разведупра. Было уничтожено руководство военной разведки, все начальники отделов и множество сотрудников рангом поменьше.

Изменился возрастной и национальный состав разведчиков. На смену латышским, польским и еврейским фамилиям пришли русские. На смену генералам — майоры, выпускники академий, в графе о социальном происхождении у которых значилось «из рабочих», «из крестьян».

Надо признать, что они совершили чудо. Разгромленная,

бесперспективная, полуживая разведка за два с небольшим года возродилась и во время Второй мировой войны стала одной из сильнейших в мире.

А что же произошло с Артуром Христиановичем?

13 мая 1937 года на партийном активе в НКВД один из руководителей наркомата Фриновский обозвал его шпионом. В ту же ночь Артузов был арестован в своём рабочем кабинете. Две недели над ним «работали» палачи из его прежней организации. И небезуспешно. Чтобы избежать страданий, этот сильный человек сдался и был готов не только взять на себя любую вину, но и оговорить других, в частности Штейнбрюка. В его деле всего два протокола: от 27 мая и 15 июня 1937 года. Вот выдержки из них:

«— На протяжении ряда допросов вы упорно скрываете свою вину и отказываетесь давать следствию показания о своей антисоветской и шпионской деятельности. Всеми имеющимися в распоряжении следствия материалами вы полностью в этой деятельности изобличены. Вам в последний раз предлагается сознаться в совершённых вами преступлениях и дать о них развёрнутые и правдивые показания, — начал следователь.

— Тяжесть совершённых мною в течение многих лет преступлений, глубокий позор предательства побуждали меня сопротивляться следствию. Я вижу, что дальнейшее сопротивление бесполезно, и решил стать на путь полного признания преступлений, совершённых мною, и давать следствию искренние показания о своей преступной деятельности.

— Вам уже предъявлялось обвинение в преступной связи с иностранным государством. Расскажите подробно следствию, кому вы предали интересы нашей Родины?

— Я признаю свою вину перед государством и партией в том, что являюсь германским шпионом. Завербован я был для работы в пользу немецких разведывательных органов бывшим работником НКВД и Разведупра Штейнбрюком».

Далее он рассказывает о своём разочаровании в коммунистических идеалах, о неверии в возможность победы социализма в СССР, о контактах Штейнбрюка с руководителем абвера фон Бредовом и даже с таким известнейшим военачальником, как Людендорф, об отказе получать какие-либо деньги за свою работу на германскую разведку.

«— Следствие располагает данными, что ваша работа в германской разведке не ограничивалась передачей шпионских материалов. Вы предавали и известную вам агентуру.

— Как правило, выдачей агентуры я не занимался, за исключением нескольких случаев, о которых дам показания. С

приходом к власти Гитлера и после убийства фон Бредова наша организация некоторое время была без связи, но несколько позже Штейнбрюк её восстановил, сказав, что нашим шефом стал очень активный разведчик адмирал Канарис. Адмирал стал требовать выдачи агентуры, против чего я всегда категорически возражал. Одним из ценнейших работников был агент № 270 — он выдавал нам информацию о работе в СССР целой военной организации, которая ориентируется на немцев и связана с оппозиционными элементами внутри компартии. Штейнбрюк стал уверять, что если мы 270-го не выдадим, то немцы нас уничтожат. Пришлось на выдачу 270-го согласиться. Это было тяжелейшим ударом для СССР. Ведь ещё в 1932 году из его донесений мы узнали о существующей в СССР широкой военной организации, связанной с рейхсвером и работающей на немцев. Одним из представителей этой организации, по сообщению 270-го, был советский генерал Тургуев — под этой фамилией ездил в Германию Тухачевский.

— Какую предательскую и шпионскую работу вы вели, работая в Разведывательном управлении РККА?

— Судя по информации, немецкое начальство было очень довольно нашим со Штейнбрюком переходом на работу в Разведуправление. Немцы были заинтересованы в усилении чисто военной информации об СССР и его армии. Мы передавали секретные сводки о Германии, Польше, Румынии и Чехословакии, отправляли выводы, сделанные генштабистами после различных военных игр, сообщали о возможном развёртывании наших войск в случае войны. Но больше об этом знает Штейнбрюк — все документы доставал и передавал он.

— Таким образом, следствие констатирует, что вы из идейных побуждений и симпатии к фашизму в течение двенадцати лет состояли на службе шпионом германской военной разведки. Находясь на руководящей работе в органах ОГПУ, вы направляли работу контрразведывательного и иностранного отделов таким образом, чтобы максимально обеспечить интересы германского фашизма. Вы передали немцам часть нашей агентуры, кроме того, вы передали нашим заклятым врагам, немецким фашистам, все имевшиеся в вашем распоряжении данные о Красной армии. Подтверждаете ли вы это?

— Да, подтверждаю».

15 июня Артузова вызывают на второй допрос.

«— В распоряжении следствия имеются материалы о том, что вы в своей антисоветской и шпионской деятельности были связаны с бывшим наркомом внутренних дел Ягодой.

— Не желая усугублять свою и без того тяжёлую вину перед советским государством, должен сознаться, что я скрыл от

следствия свою преступную связь с Ягодой и своё участие в антисоветском заговоре, им возглавлявшемся. Став на путь полного раскаяния, теперь уже окончательно, я решил рассказать следствию всю правду. Ягода действительно завербовал меня на почве того, что знал о моей шпионской деятельности, но не с немцами, а с французами… И вообще, я работал на три разведки. В 1919 году я был завербован для ведения шпионской и разведывательной работы в пользу Франции, в 1925 году в пользу Германии и в 1932 году в пользу Польши, причём во французскую разведку меня завербовал двоюродный брат А. П. Фраучи, а в польскую — сотрудник иностранного отдела НКВД Маковский, который в это время был нашим резидентом в Париже.

— В ходе следствия вы несколько раз изобличались в даче ложных показаний. Мы располагаем данными о том, что вы и сейчас не говорите всей правды, увиливаете от прямых ответов. Всё ли вы показали о своей антисоветской и шпионской деятельности?»

И вот она, «бомба», оставленная напоследок:

«— Признаю, что не всё. Мне очень трудно было начать с того, что я являюсь старым английским шпионом и был завербован „Интеллидженс сервис“ в Санкт-Петербурге в 1913 году. Я прошу сейчас прервать допрос и дать мне возможность восстановить все факты моей деятельности».

Это были последние слова Артура Христиановича.

Кроме того, в деле содержится написанная кровью на тюремной квитанции записка Артузова, где он отрицает, что является шпионом, и приводит доказательства этого.

Есть и обвинительное заключение, в котором сказано:

«По делу фашистской заговорщической организации, руководимой предателем Ягодой, арестован один из активных участников этого заговора, бывший начальник КРО и ИНО НКВД СССР и бывший заместитель начальника Разведупра РККА Артузов (Фраучи) Артур Христианович.

Произведённым по делу расследованием принадлежность Артузова (Фраучи) А.Х. к фашистскому заговору полностью подтвердилась, а также установлено, что он является шпионом с 1913 года, работавшим одновременно на службе у немецкой, французской, польской и английской разведок».

21 августа 1937 года Артузов был приговорён к расстрелу и в тот же день расстрелян.

Он был посмертно реабилитирован в 1956 году.

ЯН БЕРЗИН (1889–1938)

Петерис Кюзис (настоящее имя Яна Карловича Берзина) родился в семье батрака на хуторе Клигене Яунпилской волости Рижского уезда. С большим трудом он попал в учительскую семинарию. Там царил бунтарский дух, и юный Петерис, отдавая дань времени, бунтовал вместе с другими учениками. В октябре 1905 года семинарию закрыли. Он вернулся к родным и под влиянием старшего брата принял участие в революционных событиях, нападал на казаков, на баронский замок, скрывался в зимнем лесу в отряде «лесных братьев». Был захвачен казаками, избит шомполами. После этого поклялся до конца бороться с самодержавием.

Выздоровев после побоев, Петерис вернулся к «лесным братьям». Они разгромили волостную управу в Яунпилсе, расстреляли предателя — писаря, захватили паспортные бланки, сожгли корчму и казённую винную лавку, предварительно экспроприировав капиталы их хозяев.

В перестрелке Петерис был ранен тремя пулями, одна из них засела в черепе, не повредив мозга. Раненного, его захватили и предали суду. За совершённое полагалась смертная казнь, но так как ему не исполнилось шестнадцати лет, Петериса отправили в тюрьму. Освободили его в 1909 году. На прощание начальник тюрьмы сказал ему:

— Надеюсь, тюрьма послужила тебе хорошим уроком.

Но начальник ошибся. Петерис Кюзис стал профессиональным революционером. И опять были суды, тюрьмы, ссылки. Там он постигал науку революционной борьбы. Там, в Сибири, и родился Ян Карлович Берзин — это имя было проставлено в документах, которыми ссыльные большевики снабдили его.

С февраля 1917 года жизнь Яна Берзина была связана уже не только с судьбой Латвии, но и всей страны.

После Октябрьской революции Яна Берзина направили на работу в аппарат нового правительства. Должности занимал чисто аппаратные — начальник канцелярии Наркомата местного самоуправления, секретарь и заместитель заведующего отделом местного хозяйства Наркомвнудела.

Летом 1918 года с подразделением красноармейцев Берзин выезжал в Ярославль, где участвовал в подавлении эсеровского мятежа.

В мае 1919 года защищал Ригу от белогвардейцев, получил ещё одно, серьёзное ранение. После излечения был назначен

начальником политотдела стрелковой дивизии, затем начальником Особого отдела ВЧК 15-й армии.

2 декабря 1920 года он был направлен в Региступравление — так называлось первое в истории Красной армии разведывательное управление.

27 декабря 1921 года Павла Ивановича Берзина назначили заместителем начальника Разведуправления Красной армии. Имя Павел он взял в честь своего дела Пауля, бывшего солдата, участника обороны Севастополя, «Русского Павла», как его звали в деревне.

Рано поседевшего Берзина товарищи прозвали «Старик», и эта кличка навсегда пристала к нему.

Он чувствовал, что ему не хватает знаний, и поступил в Пролетарский университет, занимался по ночам, понимал, что не имеет никакого представления о других странах, и потому отправился под фамилией Дворецкий в командировку в Берлин, Прагу, Варшаву.

23 марта 1924 года Берзин стал начальником Разведуправления. Первый раз он пробыл на этом посту до 1935 года, когда после отставки был назначен на должность заместителя командующего ОКДВА — Особой Краснознамённой дальневосточной армии, которой командовал прославленный герой Гражданской войны маршал Василий Константинович Блюхер.

Перед отъездом Берзина Ворошилов дал ему такую характеристику:

«Преданный большевик-боец, на редкость скромный, глубоко уважаемый и любимый всеми, кто с ним соприкасался по работе. Товарищ Берзин всё своё время, все свои силы и весь свой опыт отдавал труднейшему и ответственнейшему делу, ему порученному…»

Чем же он заслужил такую лестную оценку?

Для того чтобы дать ответ на этот вопрос, нужно проанализировать или хотя бы вкратце ознакомиться с работой Разведуправления в то время, когда там трудился Берзин.

1921–1937 годы называют «эпохой великих нелегалов». Биографии этих людей, которых готовил и забрасывал в тыл противника Ян Берзин, это и есть, по существу, его биография.

После Октября 1917 года правительство большевиков не тронуло военную разведку. Она продолжала работать, пройдя через многие драматические ситуации — измены, бегства, отказы сотрудников выполнять задания. Постепенно, к началу 1921 года, сложился новый аппарат Разведуправления. Более половины руководителей, занимавших все ключевые посты, были

латышами, среди них — начальник Оперативного отдела Я. К. Берзин.

По мере развития разведки менялась её структура, менялись должности, занимаемые Берзиным. Он пришёл на пост её руководителя после того, как его предшественник А. Я. Зейбот, тоже латыш, направил в ЦК ВКП(б) письмо с просьбой отпустить его с этой работы и назначить на неё Я. К. Берзина.

Начало 1920-х годов было для разведки очень трудным: неопытность, проблемы с кадрами, но главное, нехватка денег. Бедность была такой, что когда официальные разведчики оказывались за границей, за ними буквально бегали зеваки, «любуясь» их одеждой. Для пополнения кассы приходилось заниматься бизнесом, например, торговать пушниной.

Трудности существовали и во взаимоотношениях между Разведупром, ИНО ОГПУ и Коминтерном. Разведка неоднократно получала указания, запрещающие использовать членов национальных компартий для разведывательной работы в пользу СССР. Однако соблазн использовать даровых агентов был слишком велик, и разведчики игнорировали эти директивы.

Так или иначе работа развёртывалась. Поскольку «легальные» резидентуры («под крышей» посольств, торгпредств, коммерческих фирм и т. д.) находились под неусыпным контролем контрразведки противника, пришлось делать упор на нелегалов. Вот несколько примеров, неизвестных и известных.

В 1922 году во Францию была направлена дворянка Мария Скаковская. Вскоре эта красивая и обаятельная женщина стала помощником резидента. В 1923–1924 годы от неё поступали в Москву сведения о планах Верховного штаба Антанты. В начале 1924 года ей удалось заполучить стенограмму совместного совещания представителей генштабов Англии и Франции с командованием русской армии в эмиграции. На совещании обсуждался вопрос о новой интервенции с одновременным выступлением контрреволюции внутри страны.

В конце 1924 года Скаковскую перевели в Варшаву, где в это время резидентура была разгромлена. Но случилось так, что перед её обаянием и красотой не устояли не только польские офицеры и дипломаты, но, вопреки её желанию, и советский посол Войков. Его усиленное внимание к ней привело к тому, что в 1926 году она была арестована польскими властями и осуждена как шпионка на пять лет. В 1931 году Скаковская, совершенно больная, вышла из тюрьмы и после возвращения в СССР перешла на гражданскую работу.

Мало кто знает, что Войков за своё поведение был исключён из партии и снят с должности посла. 7 июня 1927 года его убил

белогвардеец Коверда, и это как бы «реабилитировало» Войкова, он был торжественно похоронен у Кремлёвской стены, а впоследствии в его честь назвали станцию московского метро.

Веймарская Германия была, с одной стороны, союзником, а с другой — объектом наблюдения военной разведки.

С начала 1920-х годов абвер и Региструпр регулярно обменивались материалами, в основном по Польше (она была главным противником как для Германии, так и для СССР), а также по Балканам и странам Азии. С 1925 года этим обменом с советской стороны непосредственно руководил Я. К. Берзин. Так в начале 1930-х годов в Вене были арестованы советские разведчики. Их освободили благодаря содействию тогдашнего руководителя абвера полковника Фердинанда фон Бредова. После прихода Гитлера к власти всякие контакты между разведками были прекращены.

Особые отношения с Германией использовались для ведения с её территории разведки в других странах Европы и даже в США.

В Германии успешно работали наши нелегалы. Одним из них был Владимир Фёдорович Петров. После Гражданской войны он оказался в эмиграции и устроился на работу в японскую военную миссию в Берлине. С 1923 года установил связь с советской разведкой и снабжал её ценными документами, в том числе перепиской между правительствами стран Антанты, экономическими и политическими докладами о положении в Германии и т. д.

В середине 1920-х годов Петров от имени японской разведки завербовал трёх агентов: начальника германской военной разведки, английского разведчика Эллиса и одного из директоров «Дойче верке».

К началу 1930-х годов Петров расширил свою агентурную сеть, контактировал с немецкой разведкой и контрразведкой, с германским МИДом, с берлинскими финансовыми и промышленными кругами. Но он увлёкся и переусердствовал. Его связь с разведками нескольких государств — японской, английской, французской и немецкой — показалась в Центре подозрительной, поэтому в 1935 году контакт с ним прекратили. В 1937 году его хотели восстановить, но начавшиеся репрессии не позволили этого сделать.

Берлинская резидентура к 1928 году насчитывала двести пятьдесят (!) человек. В то время резидентом там был Константин Басов (Ян Аболтынь). Именно он посоветовал привлечь в разведку Рихарда Зорге.

В работе разведки случались и провалы. Так, в 1927 году французская полиция разгромила резидентуру во Франции.

Самое печальное, что при этом был скомпрометирован и руководитель агентурной сети Жан Кремье, не только коммунист, но член ЦК и даже Политбюро ФКП. Ему и его жене удалось бежать в СССР, но компартия Франции и советская разведка не избежала новых тяжёлых ударов. Вскоре французская контрразведка разоблачила так называемую «сеть рабкоров». Они писали в «Юманите» письма о положении на своих предприятиях, а эти письма обрабатывала советская разведка. Советские разведчики и французские агенты были арестованы.

Но работа продолжалась. Во Францию был направлен нелегал Винаров. Он создал ориентированную на Испанию агентурную сеть, организовал в Париже и Тулузе четыре радиоточки. Они очень пригодились в годы войны.

Большая агентурная сеть существовала и в Италии. Одним из агентов был Роберто Бартини. Он окончил лётную школу, затем политехнический институт, одновременно работая в авиамастерской. У него появились обширные связи в авиационных кругах. При подведении итогов работы Разведупра за 1923–1924 годы успехи в Италии отмечались особо: «…нам были доступны самые секретные документы, касающиеся всех заказов и состояния научно-опытных работ в воздушном флоте. Равно получались исчерпывающие сведения о самолётном составе и различные статистические данные».

В связи с угрозой провала в 1923 году Бартини был вынужден перейти на нелегальное положение, а потом выехать в СССР. Он стал инженером научно-опытного аэродрома ВВС РККА, затем перешёл в ЦАГИ, где возглавил группу конструкторов, создававших гидросамолёты. Бартини внёс огромный вклад в развитие советского авиастроения. Умер Роберто Бартини в 1974 году.

Под псевдонимом «Этьен» в Италии действовал военный разведчик-нелегал Лев Маневич. По ряду причин он работал с территории Австрии. Маневич завербовал ценных агентов, создал резидентуру и снабжал Центр, главным образом, военно-технической информацией, в том числе чертежами и протоколами испытаний новых бомбардировщиков, истребителей, подводных лодок, 37-миллиметровой пушки, прибора центрального управления артиллерийским огнём на боевых кораблях. После провала одного из агентов Маневич переехал в Милан, где открыл патентное бюро. Благодаря ему были получены сведения о приборах, позволявших совершать полёты «вслепую», об инструментальном самолётовождении, о полётах авиационного соединения в строю и в тумане.

Он побывал и в Испании, откуда привёз подробный отчёт об

авиации генерала Франко и о последней модели истребителя «Мессершмитт».

5 декабря 1936 года в результате предательства Маневич был арестован и осуждён. Он вышел из концлагеря только 6 мая 1945 года, но вскоре умер от туберкулёза.

До 1925 года сведения о США военная разведка получала лишь из прессы и случайных материалов, поступавших из резидентур в Европе.

В 1925 году в США был направлен первый нелегальный военный резидент, работавший в РУ под именем Владимира Богдановича Котлова. Его настоящее имя Вернер Раков, а в США он выехал как Карл Феликс Вольф. Так и мы будем его называть. Уроженец Курляндии, выходец из немецкой семьи, он получил образование в Германии. В 1914 году вместе с семьёй вернулся в Россию, но с началом Первой мировой войны был интернирован. После Февральской революции активно участвовал в революционной работе, создал крупнейшую в Сибири организацию военнопленных, в боях с чехословацкими мятежниками был ранен. После революции в Германии был направлен в эту страну, участвовал в учредительном съезде Компартии Германии, в создании недолго существовавшей Бременской советской республики. Затем являлся резидентом советской военной разведки в Северной Германии и в Вене, где руководил подготовкой сети агентов на Балканах.

В 1923 году Вольф возглавил разведывательный аппарат Компартии Германии. За недолгое время он сумел создать крепкую организацию. Впоследствии на протяжении многих лет она служила источником агентов для советской военной разведки. После подавления социалистической революции в Германии Вольф был отозван в Москву, откуда его вскоре направили в США. Будучи стажёром Колумбийского университета в области социальных и философских наук, он сумел завести обширные связи в левых кругах. Именно в них он нашёл людей, которых потом привлёк к работе на советскую разведку. Даже удивительно, как за год с небольшим он мог создать небольшую, но работоспособную резидентуру, которая довольно полно освещала последние достижения в области авиации, военно-морских сил, военной химии.

Осенью 1926 года Вольфа сменил Ян-Альфред Матисович Тылтынь, работавший в паре со своей женой Марией Тылтынь. Они сумели увеличить количество агентов до одиннадцати.

После них сменилось ещё несколько резидентов и сотрудников.

В 1924 году Ворошилов и Берзин инструктировали перед

отъездом за границу ещё одного разведчика — Льва Термена. Этот учёный, изобретатель и музыкант в 1921 году придумал удивительный электротехнический музыкальный прибор, получивший название «терменвокс» в честь его создателя. Внешне прибор выглядит как вертикально стоящий стержень, а музыкант извлекает из него мелодичные звуки, напоминающие звуки органа, делая манипуляции рукой вокруг стержня, не прикасаясь к нему. В 1927 году Термен создал первый телевизор, на демонстрации которого присутствовали Сталин, Орджоникидзе, Ворошилов и Тухачевский.

С 1928 года Термен гастролировал в Европе и США, где терменвокс встречали овациями. Его выпускают серийно на созданной Терменом электронной фирме в США. Но всё это было лишь «верхушкой айсберга». Трудно переоценить значение информации, которую Термен передавал в Разведуправление. Жаль, конечно, что не вся она была в должной мере использована. Достаточно сказать, что среди его контактов были Эйзенхауэр, Эйнштейн, Гровс (будущий генерал, руководитель атомного проекта «Манхэттен»). Термен участвовал вместе с ними в создании уникальных охранных систем для ВПК, налаживании телефонной связи между США и Европой и другими районами; он был хорошо информирован о военном потенциале США и о стратегических планах американской внешней политики. В конце 1938 года, после возвращения в СССР, он был арестован и осуждён на восемь лет лишения свободы. В «шарашке» занимался созданием системы подслушивания.

Работала военная разведка и в Турции. Вначале планировалось с помощью турецких коммунистов и даже врангелевских офицеров захватить власть в Константинополе и создать в Турции советскую республику. Разведупр создал разветвлённую агентурную сеть (только в Трапезунде было двести агентов). Но после провала попытки переворота военная разведка занялась обычной деятельностью. Особо ярких фигур в анкарской резидентуре того времени не было, кроме, пожалуй, бывшего начальника Региструпра С. Аралова. Тем не менее она приобрела достаточное количество агентов влияния, которые способствовали значительному улучшению советско-турецких отношений. В Турции по приглашению властей даже побывал с визитом нарком обороны Ворошилов, что по тем временам было из ряда вон выходящим событием.

Объектом пристального внимания советской разведки в 1920–1930 годах был Китай. Обстановка в стране была сложной и нестабильной: японские, английские, американские вторжения, бесконечная междоусобная война генералов-«милитаристов»,

межпартийная борьба, выливающаяся в разного рода и масштаба военные «походы». Если разведка ИНО ОГПУ сосредоточила свои усилия в Харбине против японцев и белогвардейцев, то руководимая Берзиным военная разведка действовала в основном в Шанхае. Она оказывала поддержку китайской Красной армии, участвовала в создании «советских районов» Китая.

Именно в Шанхае начали свою деятельность «крестники» Берзина — нелегалы Р. Зорге и Урсула Кучински (Рут Вернер). Этим выдающимся разведчикам мы посвятим отдельные очерки. Но помимо них в Китае работали и многие другие нелегалы. Например, нелегальная резидентура Салныня не только собирала военную, экономическую и политическую информацию, но занималась переброской в Китай оружия для китайских коммунистов.

Резидентура Салныня с участием прибывшего из Москвы Н. Эйтингона (впоследствии он станет известен как организатор убийства Л. Троцкого) провела ликвидацию Чжан Цзолиня. Это был фактический глава пекинского правительства, резко выступавший против нашей страны и сотрудничавший с японцами. Он организовывал провокации против советских учреждений в Китае и служащих КВЖД.

Военные разведчики сделали всё, чтобы подозрения в убийстве генерала Чжана пали на японцев. Они воспользовались возникшими между ним и японцами разногласиями по поводу Маньчжурии. Когда эти разногласия достигли высшей точки и Чжан Цзолин решил лично направиться в Маньчжурию, чтобы на месте решить спорные вопросы, в его вагон была подложена бомба. До места назначения генерал не доехал, а его гибель до сих пор приписывают японцам. Одна из причин этого заключается в том, что японский полковник, всю дорогу сопровождавший генерала, за несколько минут до взрыва перешёл в хвостовой вагон поезда, благодаря чему уцелел… Но в деятельности разведки бывают ещё и не такие совпадения.

Важную операцию военная разведка провела в 1933 году. В конце 1932 года Ян Берзин получил сведения о намерении Японии отторгнуть от Китая провинцию Синьцзян, имевшую важное значение для СССР: она непосредственно граничит с Казахстаном, населена уйгурами и дунганами, исповедующими ислам. Пока в «верхах» согласовывались мероприятия, в Синьцзяне началось восстание во главе с местным генералом Ма Чжунином. По предложению Яна Берзина Сталин принял решение о проведении силовой операции.

Дислоцированный в Алма-Ате 13-й полк НКВД был переодет в гражданскую одежду, у бойцов были отобраны все документы, и

под видом «Алтайской добровольческой армии» он вторгся на территорию Синьцзяна. Повстанцы генерала Ма были разгромлены без особого труда. Для политического закрепления победы в Синьцзян направили группу военных разведчиков. Они помогли законной местной власти создать регулярную армию и навести порядок.

Однако при Берзине в работе советской военной разведки были не только победы, но и тяжёлые поражения.

В конце 1920 — начале 1930-х годов в результате серии провалов нелегальная агентурная военная разведка фактически перестала существовать в Румынии, Латвии, Франции, Финляндии, Эстонии, Италии. Нелегальная сеть сохранилась лишь в Германии, Польше, Китае, Маньчжурии.

Многочисленные провалы и шумиха по этому поводу в иностранной печати привлекли внимание самого Сталина. 29 марта 1934 года на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) он выступил с докладом «О кампании за границей о советском шпионаже».

По поручению Политбюро в причинах провалов разбирался Особый отдел ОГПУ, который пришёл к печальному для Берзина выводу: «Тщательное изучение причин провалов, приведших к разгрому крупнейших резидентур, показало, что все они являются следствием: засорённости предателями; подбора зарубежных кадров из элементов, сомнительных по своему прошлому и связям; несоблюдения правил конспирации; недостаточного руководства зарубежной работой со стороны самого 4-го управления Штаба РККА, что несомненно способствовало проникновению большого количества дезориентирующих нас материалов». Все пункты заключения были подтверждены бесспорными фактами.

Ознакомившись с документом, Сталин решил вновь рассмотреть в Политбюро работу военной разведки, что и было сделано 26 мая 1934 года. Эту дату можно считать началом заката Берзина.

Была введена должность первого заместителя начальника Управления, на которую был назначен прославленный ас внешнеполитической разведки Артузов. Перейдя из ОГПУ в военную разведку, он «захватил» с собой около тридцати опытных чекистов-разведчиков, возглавивших некоторые подразделения РУ.

Но вскоре, в феврале 1935 года, произошёл ещё один, серьёзнейший и постыднейший провал в Дании. На конспиративной квартире были захвачены сразу четыре ответственных работника центрального аппарата разведки, причём они оказались там без серьёзной служебной

необходимости: трое из них, проездом через Данию, зашли туда навестить своих друзей. Артузов в докладе об этом провале написал: «Очевидно, обычай навещать всех своих друзей, как у себя на родине, трудно поддаётся искоренению».

Копенгагенский провал, который назвали «совещанием резидентов», означал для Берзина конец карьеры в военной разведке. Он подал рапорт об освобождении от должности. Сталин дал своё согласие. На должность начальника военной разведки был назначен комкор С. П. Урицкий.

Берзин же был отправлен в «почётную ссылку» на Дальний Восток.

Прибыв в Хабаровск, он приступил к исполнению своих новых обязанностей в качестве заместителя Блюхера. За те несколько месяцев, которые Берзин провёл на Дальнем Востоке, он многому научился у этого командующего. Блюхер делился не только военными знаниями, но и опытом работы в качестве военного советника в Китае, где он работал под фамилией Галин. Этот опыт вскоре пригодился Берзину.

18 июля 1936 года в далёкой Испании при передаче по радио сводки погоды трижды прозвучала фраза «Над всей Испанией безоблачное небо». Она была закодированным сигналом к фашистскому мятежу. Войска во главе с генералом Франко восстали против республики, против законного правительства Народного фронта.

Мало кто знает о том, что мятеж вскоре был в основном подавлен. Но на помощь терпевшим поражение мятежникам поспешили фашистские Германия и Италия. Они не только оказали Франко поддержку военной техникой, но и направили в Испанию свои войска.

В ответ на это во всём мире развернулось движение в защиту республиканской Испании. В октябре—ноябре 1936 года начали формироваться и разными путями направляться в Испанию интернациональные бригады. В них были американцы, англичане, немцы, французы, евреи, венгры, поляки — все, кто видел опасность наступающего фашизма. Всего в интербригадах сражалось более тридцати пяти тысяч бойцов из пятидесяти четырёх стран.

Не остался в стороне от помощи Испанской республике и Советский Союз. Он направил в Испанию своих добровольцев — лётчиков, танкистов, артиллеристов, разведчиков.

В августе 1936 года Берзин получил срочный вызов в Москву. Там произошло то, о чём он мечтал с первого дня мятежа: ему предложили поехать в Испанию. И не кем-нибудь, а главным военным советником. Вот когда он мысленно поблагодарил

Блюхера за его рассказы!

Уже через несколько дней генерал Гришин (так теперь именовался Ян Карлович) на поезде Москва — Париж отправился в Европу.

Прибыв на место, Берзин сразу же взялся за дело. Он установил хорошие деловые отношения с главой правительства Ларго Кабальеро, с министром обороны, с другими руководителями страны и армии. В подчинении Берзина оказалась группа советских военных советников. Достаточно перечислить их имена, чтобы понять, какие кадры были направлены в Испанию и кем он руководил. Это — будущие маршалы и генералы, герои Великой Отечественной войны: Малиновский, Мерецков, Воронов, Кузнецов, Родимцев, Батов, Колпакчи, прославленные партизанские командиры, будущие Герои Советского Союза: Кирилл Орловский, Николай Прокопюк, Станислав Ваупшасов.

Главной заслугой генерала Гришина — Берзина в Испании можно считать то, что именно благодаря его воле, настойчивости, умению испанская республиканская армия с помощью интербригадовцев и советских добровольцев сумела в ноябре 1936 года отбить наступление франкистов и отстоять Мадрид, судьба которого висела на волоске: Франко даже назначил на 7 ноября парад своих войск на одной из центральных площадей города.

В «копилку» Берзина можно положить и разгром итальянского корпуса под Гвадалахарой. И, конечно же, тактичный и умелый контакт с властями и общее руководство военными советниками, которые на эзоповом языке разведки именовались «мексиканцами».

Весной 1937 года Берзина неожиданно отозвали из Испании. Такие отзывы в том зловещем году означали одно: арест, смерть. Но столь же неожиданно на этот раз для Берзина всё кончилось другим — ему вручили орден Ленина, он получил генеральское звание армейского комиссара второго ранга и назначение на должность… начальника Разведупра. Это произошло на следующий день после выступления Сталина на расширенном заседании военного Совета при наркоме обороны. Тогда Сталин сказал: «Во всех областях разбили мы буржуазию, только в области разведки остались битыми, как мальчишки, как ребята. Вот наша основная слабость. Разведки нет, настоящей разведки… И вот задача состоит в том, чтобы разведку поставить на ноги. Это наши глаза, наши уши».

3 июня 1937 года Берзин принял дела у отстранённого от работы Урицкого и вновь занял свой кабинет. Однако его «второе

пришествие» продолжалось недолго. Сделать для разведки он уже ничего не успел, и ему довелось только «председательствовать» на процедуре поголовного истребления её лучших кадров.

Он вынужден был выступать на собраниях и заседаниях партбюро, называя шпионами и террористами людей, с которыми проработал многие годы и которые теперь были арестованы органами НКВД, объявлены «врагами народа». Что он думал в эти тягостные минуты? Верил ли в то, что они действительно враги, столь долго и искусно скрывавшие свои истинные мысли и деяния? Может быть, действительно, все провалы — это результат их предательства? Или не верил и недоумевал, почему вдруг взялись уничтожать честных и преданных Родине и делу людей? Теперь уже никто не узнает его мыслей.

Когда Берзина вызвали в Москву, он, ни секунды не колеблясь, не зная за собой никакой вины, поспешил на Родину. Но вот главный советник органов госбезопасности Орлов (Фельдбин), получив подобный вызов, вместе с женой и дочкой, прихватив кассу резидентуры, скрылся — сначала бежал во Францию, а затем и в Америку. Значит, мог быть и такой выход?

Для Петериса Кюзиса — генерала Гришина — Яна Берзина такого выхода не существовало. Он присягнул один раз и на всю жизнь.

Каждые несколько дней в Разведуправлении проходили закрытые партийные собрания. И каждый раз называли имена новых арестованных «врагов народа».

19 августа 1937 года состоялся партактив, который проинформировали о том, что «пятнадцать дней, как начальник Управления т. Берзин отстранён от работы начальника в связи с имевшими у нас место арестами врагов народа Никонова, Волина, Стельмаха».

«Врагов народа» продолжали выявлять и в изрядно поредевших рядах Управления. Об их арестах сообщалось на собраниях 7 сентября, 15 октября, 15 ноября.

Наконец, 3 декабря на партбюро Разведупра был оглашён ещё один список арестованных, состоявший из двадцати двух человек. Не только по алфавиту, но и по должности этот список возглавлял Ян Карлович Берзин.

Точную цифру арестованных сотрудников РУ назвать невозможно — ведь многих увольняли, а арестовывали несколько месяцев спустя, уже как частных лиц. Известно лишь, что было уничтожено всё руководство военной разведки и все начальники отделов, не считая Берзина, весь генералитет: два комкора, четыре корпусных комиссара, три комдива, два дивизионных комиссара, двенадцать комбригов и бригкомиссаров, а также

пятнадцать полковников и полковых комиссаров. Это не считая сотрудников рангом пониже. Но разгром продолжался и в 1938 году. За два года репрессий было полностью уничтожено опытное квалифицированное руководство военной разведки.

29 июля 1938 года Яна Карловича Берзина не стало. Он был посмертно реабилитирован много лет спустя.

О судьбе Яна Берзина существует легенда, приведённая в книге французских исследователей Р. Фалиго и Р. Коффер «Всемирная история разведывательных служб». Вот что они пишут: «Арестованный и осуждённый как „контрреволюционер“, он, как считается, был расстрелян 29 июля 1938 года. В 1984 году мы получили свидетельство того, что его не расстреляли. Под именем дядя Вася Берзин продолжал свою подпольную деятельность вплоть до 1960-х годов. На сегодняшний день дополнительных подтверждений этого тезиса нет».

И хотя это лишь легенда, в неё хочется верить.

Итак, центральный аппарат разведки и её агентурная сеть были в 1937–1938 годах полностью ликвидированы. Однако мы завершим этот очерк на оптимистической ноте. В разведку пришли молодые люди из военных академий, в майорских званиях, и она возродилась, как Феникс из пепла. Они сумели сделать невозможное, и через два-три года, к началу Второй мировой войны советская военная разведка стала сильнейшей в мире. Но это уже другая тема.

ЭРНСТ ФРИДРИХ ВОЛЛЬВЕБЕР (1898–1967)

Эрнст Волльвебер родился в семье шахтёра, но по стопам отца не пошёл, стал моряком, хотя тоже имел дело с углём — был кочегаром имперского линкора «Гельголанд». В день своего двадцатилетия, 28 октября 1918 года, он поднял на нём красный флаг и стал вожаком восстания моряков, которое знаменовало начало германской революции и падение империи кайзера Вильгельма. Возглавил группу повстанцев, которая штурмом взяла ратушу в Бремене.

Вступив в коммунистическую партию, Эрнст мечтал попасть в Москву. С группой товарищей по партии завербовался матросом на траулер, а когда судно вышло в море, они захватили его, арестовали капитана и взяли курс на Мурманск. Оттуда Эрнст направился в Москву, где был принят руководителем Коминтерна Зиновьевым и даже представлен Ленину.

В 1922 году Волльвебер был делегатом IV съезда Коминтерна от компартии Германии. Вернувшись, занял пост председателя Интернационала портов и доков — важной структуры Коминтерна, так как она располагала уникальной системой межконтинентальных связей.

В сентябре 1923 года Эрнст занимался подготовкой вооружённого восстания в Германии, которое, начавшись в Гамбурге, не получило поддержки в стране и было разгромлено. Какое-то время провёл в заключении, но уже в 1928 году был избран членом ландтага Пруссии и создал Международный союз моряков (МСМ). Это была мощная организация, имевшая свои отделения в двадцати двух странах и пятнадцати английских и французских колониях. Его деятельность субсидировалась Коминтерном, так как МСМ выполнял особые задания: он мог помешать перевозке войск и грузов в случае интервенции против СССР, в каждом крупном порту имел сеть агентов и курьеров, которые широко использовались советской разведкой, кроме того, специально подготовленные члены Союза могли совершать диверсии на судах и в портах.

К началу 1930-х годов люди Волльвебера провели несколько крупных диверсий на судах, перевозивших войска и вооружение в колонии, где шла национально-освободительная борьба, и в Маньчжурию, захват которой начали японцы. Надо, однако, заметить, что на Волльвебера «списывались» и многие другие суда, погибшие в эти годы по разным причинам. Во всяком случае, несмотря на все усилия западных спецслужб, найти виновников так и не удалось, хотя, как писали газеты того

времени, «следы вели к Волльвеберу и его МСМ» или, как его ещё называли, к «Лиге Волльвебера».

В 1932 году Волльвебер стал депутатом рейхстага, но ненадолго. С приходом Гитлера к власти Эрнст ушёл в подполье. Он был одним из первых в ряду лиц, разыскиваемых нацистскими спецслужбами. Ему пришлось бежать в Данию. Там он организовал крупный подпольный антифашистский разведывательно-диверсионный центр, откуда руководил своими людьми, работавшими в портах всего мира. Точной информацией о том, чем занимались люди Волльвебера в эти годы, мы не располагаем. Фантастические слухи о количестве подожжённых или потопленных его агентами судов будоражили общественное мнение, но были далеки от истины. Один источник называет цифру четыреста кораблей, другой — до двух десятков.

Клубы «Лиги Волльвебера» являлись по существу его резидентурами. Здесь планировались операции, изготавливались мины, подделывались паспорта, инструктировались агенты. Кроме того, они использовались в качестве почтовых ящиков для связников советской разведки.

Штаб Волльвебера состоял из двадцати пяти человек, подобранных им лично. Среди них были немцы, датчане, шведы, голландцы, бельгийцы, французы, англичанин.

В 1936 году, с началом гражданской войны в Испании, «Лига Волльвебера» значительно активизировала свою деятельность. Большое количество кораблей, перевозивших грузы для армии Франко, было подожжено или повреждено.

Волльвебер, человек большого мужества, не раз приезжал в Германию, где ему грозила смертельная опасность. Однажды он оказался в ловушке, из которой чудом вырвался. Двенадцать его сотрудников были арестованы и повешены. Несмотря на этот провал, Волльвебер сумел наладить работу своей резидентуры в Германии, которая продолжала действовать до начала Второй мировой войны и позже. Одним из доказательств этого служит взрыв гитлеровского военно-транспортного судна «Марион», перевозившего две (по другим данным четыре) тысячи солдат, из которых спаслись лишь единицы.

Сеть Волльвебера действовала практически независимо, в условиях строжайшей конспирации. Только один человек знал детали операции, которые он готовил. Легенды агентуры были продуманы до мелочей, каждый агент знал не более двух человек. Письменные отчёты не составлялись. Связные ничего не знали ни о Волльвебере, ни о его ближайшем окружении. В целях конспирации он порвал связи практически со всеми разведывательными группами советской разведки.

Весной 1940 года гитлеровцы оккупировали Данию. Многие члены организации Волльвебера, находившиеся в Копенгагене, были арестованы немцами.

Ещё до оккупации Норвегии Волльвебер имел надёжную базу и там. Именно туда для встречи с «Антоном» (такова была его кличка) выезжала заместитель резидента советской разведки в Хельсинки Зоя Ивановна Воскресенская-Рыбкина.

После оккупации немцами Норвегии Волльвеберу удалось перебраться в Швецию, где он продолжил диверсионную деятельность против фашистских кораблей. Не случайно Гейдрих назвал «Лигу Волльвебера» «коммунистической террористической организацией, действовавшей по всей Европе». Она была виновна в авариях на шестнадцати немецких, трёх итальянских и одном японском судне. Два из упомянутых судов были уничтожены полностью, в остальных случаях ущерб оказался меньше.

Группы Волльвебера действовали в Гамбурге, Бремене, Данциге, Роттердаме, Амстердаме, Копенгагене, Осло, Риге и Таллине. Взрывчатка поступала из района добычи железной руды в Швеции.

Имеются неопровержимые доказательства того, что после нападения Германии на Советский Союз в июне 1941 года некоторые группы Волльвебера были связаны с коммунистической частью движения Сопротивления во Франции и других странах и внесли немалый вклад в общее дело борьбы с фашизмом.

Гестаповцы узнали, что Волльвебер находится в Швеции, и потребовали его выдачи. К этому времени Эрнст за нелегальное пребывание в стране был на какое-то время посажен в тюрьму. Резидент советской разведки «Кин» (Рыбкин, муж Зои Воскресенской-Рыбкиной) добился разрешения на свидание с ним и посоветовал ему «признаться» в шпионской деятельности против Швеции. «Об остальном мы позаботимся сами», — добавил «Кин». «Антон» последовал этому совету и признался, что занимался шпионажем в Швеции в пользу советской разведки. Тем временем в Москве оформились документы на предоставление Волльвеберу советского гражданства.

Переговоры со шведами закончились тем, что те отказались выдать его немцам, мотивировав свой отказ так: он должен быть судим по шведским законам. Война близилась к концу, шведы уже не боялись Германии…

Ещё до окончания войны, так и не дождавшись суда, Волльвебер был освобождён из тюрьмы и выехал в СССР. В Берлин он вступил вместе с советскими войсками.

После войны Волльвебер был назначен министром

транспорта ГДР, а в июле 1953 года — министром государственной безопасности.

Западная пресса снова принялась обвинять Волльвебера во всех бедах (аварии, пожары и пр.), случавшихся с судами западных стран, особенно во время корейской войны 1950–1953 года, однако никаких доказательств этого приведено не было.

В 1956–1957 годах Волльвебер неоднократно выступал против политики Вальтера Ульбрихта, в частности, по венгерскому вопросу. В результате в ноябре 1957 года его освободили от должности министра внутренних дел, а в феврале 1958 года «по состоянию здоровья» вывели из состава ЦК и отправили на пенсию.

Скончался Эрнст Волльвебер 3 мая 1967 года в Восточном Берлине.

ЛАВРЕНТИЙ БЕРИЯ (1899–1953)

В очерке об этом человеке мы не будем касаться его государственной деятельности, участия в массовых репрессиях или его донжуанских подвигов. Нас интересует лишь его работа в качестве руководителя разведывательной службы.

Лаврентий Павлович Берия, сын крестьянина, родился 17 (29) марта 1899 года в мингрельском селе Мерхеули в Абхазии. В пятнадцать лет, закончив с отличием Сухумское высшее начальное училище, иначе говоря реальное, он решил учиться дальше и отправился в Баку, где поступил в механико-строительное техническое училище. В июне 1917 года в качестве техника-практиканта армейской гидротехнической школы его направили на румынский фронт, но повоевать он не успел. Армия разваливалась. Берия посвятил себя революционной деятельности, работал в подполье, был арестован, снова находился в подполье. По заданию партии большевиков он работал в мусаватистской контрразведке в Баку. (Там же работал и Анастас Микоян.) Молодого бойкого парня заметили и взяли на работу в Азербайджанскую ЧК на должность заместителя начальника секретно-оперативной части. Затем он стал начальником этой части, а вскоре его перевели в Тифлис заместителем председателя Грузинской ЧК. Видимо, работа там шла успешно, так как его наградили орденом Красного Знамени.

Действительно, в 1924 году Берия узнал о подготовке меньшевистского восстания в Груши, о том, что уже разработан его план, созданы отряды и арсеналы.

Желая предотвратить восстание, Берия с санкции секретаря ЦК Грузии Орджоникидзе допустил «утечку» информации, рассчитывая на то, что меньшевики, узнав о том, что их планы разоблачены, откажутся от своих замыслов. Но это не сработало. Подготовка восстания продолжалась. Через границу проник в Грузию руководитель национальной гвардии Джугели. Он находился под контролем ЧК, о чём его специально поставили в известность. Но Джугели не внял предупреждениям. Он был арестован из-за досадной случайности: его опознал на улице кто-то из знакомых. Находясь в тюрьме, он призвал своих соратников отказаться от восстания. Однако оно всё же произошло и стоило народу и армии многих жертв, которых можно было избежать.

В конце 1920-х годов Берия перешёл на партийную работу в ЦК КП Грузии, стал первым секретарём ЦК.

Серьёзный американский историк Курт Зингер, который в других случаях описывает правду или события, близкие к правде,

в своей книге «Шпионы, которые изменили историю» пишет о Берии вещи невероятные. Тем не менее мы приведём здесь его версию, поскольку она популярна на Западе.

По словам Зингера, после провала подпольной организации в Баку Берия бежал в Албанию, где познакомился с Иосифом Броз Тито. Оттуда вернулся в Россию для участия в Октябрьской революции. Под именем Карапета Абамаляна командовал пятью сотнями бывших австрийских военнопленных. Из их числа он завербовал первых офицеров разведки Советской России.

В 1920 году Берия работал в Праге, в качестве сотрудника… украинского посольства. Там он организовал контрразведывательную сеть, которая покрыла чуть ли не весь европейский континент. Затем он вернулся в Грузию, откуда после подавления восстания 1924 года вновь уехал за границу, на этот раз в Париж, там он работал также под дипломатической «крышей». Его видели на Елисейских полях, где он представлялся как полковник Енонлидзе. Сферой его интересов была белогвардейская и националистическая эмиграция, куда он сумел проникнуть и организовать новую шпионскую сеть.

Он вернулся на родину, но в течение 1930–1937 годов неоднократно выезжал за рубеж. Под его руководством были совершены убийства и похищения антисоветских лидеров. Он побывал и в Испании во время гражданской войны, чтобы ознакомиться с системой военного шпионажа в действии, а также приобрести новые образцы германской военной техники.

Эту версию жизни Берии в 1920–1938 годах оставляем на совести Курта Зингера и обратимся к нашим источникам.

В 1938 году, после Ягоды и Ежова, Берия возглавил НКВД. Вначале, правда, он номинально числился лишь начальником управления государственной безопасности НКВД, первым заместителем Ежова. По воспоминаниям Павла Судоплатова, Берия производил впечатление «высококомпетентного в вопросах разведывательной работы и диверсий человека». На первой же встрече он задал несколько вполне профессиональных вопросов. Позднее Судоплатов узнал: первое, что сделал Берия, став заместителем Ежова, это переключил на себя связи с наиболее ценной агентурой, ранее находившейся в контакте с руководителями ведущих отделов и управлений НКВД, которые подверглись репрессиям.

В декабре 1938 года Берия официально взял в свои руки бразды правления в НКВД.

Одной из первых операций, которую он подготовил на этом посту, была операция под кодовым названием «Утка». Её целью была ликвидация давнего врага Сталина Троцкого,

укрывавшегося в Мексике. Идеальной фигурой для того, чтобы возглавить эту операцию, был признан опытный чекист Эйтингон (см. очерк о нём). Он подобрал себе команду из членов интернациональной бригады в Испании, в том числе знаменитого в будущем мексиканского художника Сикейроса.

Как известно, эта попытка покушения на Троцкого, совершённая 27 мая 1940 года, закончилась неудачей. Менее чем через полгода, 20 августа, она была повторена, и советскому разведчику Рамону Меркадеру удалось убить Троцкого. Двадцать лет спустя, после выхода Рамона из тюрьмы, ему было присвоено звание Героя Советского Союза.

Конечно, внешняя разведка занималась в это время и другими проблемами. Из европейских резидентур поступала информация об агрессивных намерениях гитлеровской Германии, о тайных переговорах её главарей с представителями правящих кругов Англии, Франции, Польши. Было много и других задач, таких, как реализация плана Молотова — Риббентропа в Прибалтике и Западных Украине и Белоруссии. Всем этим занимались как внутренние органы государственной безопасности, так и разведка.

Когда началась Вторая мировая война, в руки советских органов попали Юрек фон Сосновски, блестящий польский разведчик, сумевший организовать разведывательную сеть в Германии (см. очерк о нём), и князь Радзивилл, богатый польский аристократ. По указанию Берии советские разведчики всячески стремились склонить их на свою сторону и использовать против немцев, но из этого так ничего и не получилось. Радзивилла, в частности, собирались привлечь к убийству Гитлера.

Кстати, для той же цели собирались использовать немецкую киноактрису русского происхождения Ольгу Чехову и даже… Марику Рокк, кинозвезду Третьего рейха. В некоторых публикациях о них пишут как о наших агентах, представлявших мифическую «стратегическую» разведку, и как о дамах, особо приближённых к фюреру. Но и та и другая виделись с Гитлером всего два-три раза, да и то на официальных приёмах. Так что эти планы, кто бы их ни придумывал, — попытка выдать желаемое за действительное.

Разведка НКВД с ноября 1940 года сообщала об угрозе войны, но в разведданных была упущена качественная оценка тактики «блицкрига». Разнились и даты предстоящего нападения. Наши надёжные агенты Шульце-Бойзен, Харнак, Филби тоже не могли назвать точных дат и направлений ударов. Более конкретная, хотя и противоречивая информация поступала от агентов военной разведки: Зорге, Штёбе и некоторых других, но ни она, ни

многочисленные телеграммы послов и предупреждения иностранных государственных деятелей не могли поколебать уверенности Сталина и Берии в том, что Гитлер будет придерживаться пакта о ненападении.

В защиту Берии тут можно сказать, что накануне войны разведка подчинялась уже не ему, а наркому госбезопасности Меркулову.

Но за несколько дней до войны Берия отдал приказ об организации особой группы из числа работников разведки для осуществления разведывательно-диверсионных акций в случае войны. В канун войны начался подбор кандидатов в эту группу.

С началом войны группа была сформирована. В её задачу входило проведение разведопераций против Германии и её сателлитов, организация партизанской войны, создание агентурной сети на оккупированных немцами территориях, ведение специальных радиоигр с немецкой разведкой с целью её дезинформации.

В 1942 году была проведена срочная реорганизация разведорганов. Но надо признать, что к этому времени наша внешняя разведка источников информации в самой Германии практически не имела. Поэтому нелепыми выглядят утверждения сына Берии Серго в его книге «Мой отец Лаврентий Берия», что в «спецлабораториях НКВД за считанные месяцы была изготовлена аппаратура, позволявшая за полсекунды выпускать в эфир до нескольких тысяч знаков… Теперь засечь радиостанцию, работавшую, скажем, в Берлине, немцы не могли…» Конечно, не могли, если некому было выпускать в эфир эти «несколько тысяч знаков».

Даже в конце 1944 года наши радисты (Аня Морозова) таскали на себе пудовые рации и уходили для сеанса за двадцать километров от базы, чтобы не выдать её при пеленгации.

Конечно, наши инженеры проделали огромную работу. Честь им и хвала! Но если бы чуть пораньше… Ведь «Красная капелла» и в Бельгии, и в Берлине погибла именно потому, что наши радиостанции были запеленгованы. Да и рации «Красной тройки» в Швейцарии (группа «Дора») тоже были запеленгованы, правда, позже.

Была сформирована Отдельная мотострелковая бригада особого назначения (ОМСБОН), в состав которой вошли добровольцы из числа политэмигрантов, комсомольского актива, пограничников, радистов торгового флота, спортсменов. В тыл врага было направлено более двух тысяч разведывательно-диверсионных групп, которые одновременно стали ядром партизанских отрядов. В оккупированных городах создавалось

подполье, его в ряде случаев возглавляли кадровые разведчики: Кудря, Лягин, Молодцов и другие. Среди руководителей партизанских отрядов и соединений и подпольных групп были сотрудники НКВД и внешней разведки: Ваупшасов, Карасёв, Кузнецов, Медведев, Мирковский, Прокопюк, Прудников, Орловский, Шихов и другие.

По указанию Берии в октябре 1941 года были организованы три независимых друг от друга разведывательных сети в Москве на случай её захвата немцами (не считая сети Разведупра). Были заминированы наиболее важные сооружения в Москве и на подступах к ней.

По заданию Берии (исходившему от Сталина) летом 1941 года высокопоставленный сотрудник НКВД генерал Судоплатов вёл с болгарским послом Стаменовым переговоры (вернее, это была дружеская беседа с агентом) с целью довести до сведения немцев, что Москва желает мирного урегулирования конфликта — советскому правительству нужно было выиграть время. Но Стаменов на разговор не отреагировал и в Софию о нём даже не сообщил. Впоследствии этот эпизод был вменён в вину как Берии, так и Судоплатову (см. очерк о нём).

С февраля 1941 года он Берия являлся заместителем председателя СНК СССР, а в начале войны стал членом Государственного комитета обороны. Помимо прочих вопросов, он курировал производство оружия и боеприпасов.

Одной из задач, с которой Берия успешно справился, была оборона Кавказа летом и осенью 1942 года, куда Берия направил несколько дивизий НКВД. Однако к разведке это прямого отношения не имеет.

Осенью 1941 года разведка сообщила о том, что в Англии, США и Германии началась работа по созданию атомной бомбы. Об этом сразу было доложено Сталину. Вряд ли его можно обвинить в том, что он не распорядился бросить все силы на создание нашей собственной бомбы. Ведь для этого нужно было привлечь огромные средства, материальные ресурсы и лучшие кадры, которые требовались фронту. К тому же, при самых благоприятных прогнозах, это оружие могло быть создано лишь через несколько лет, уже после войны. Прежде чем что-то решить, Сталин посчитал необходимым собрать всю информацию о секретных разработках этого нового оружия в западных странах.

А поскольку и за вооружение, и за разведку отвечал Лаврентий Берия, эта работа была поручена ему. Надо сказать, что он отнёсся к этой задаче с большой ответственностью. Бывший министр среднего машиностроения, трижды Герой Социалистического Труда Славский отозвался о его роли так:

«Берия не мешал».

Не разбираясь в теоретических и технических проблемах, Берия собрал «нужных людей в нужном месте» и создал для них и их семей привилегированные условия для жизни и работы. Во время войны в отраслях, которыми он руководил, не было случаев арестов или снятия с должности.

Он создал специальное подразделение, возглавленное генералом Судоплатовым, которое занималось атомной проблематикой, и, естественно, осуществлял общее руководство работой разведки в этом направлении. Об этом вкратце рассказывается в наших очерках, посвящённых Судоплатову, Коэнам, Фишеру и в других, а более подробно написано в книгах П. А. Судоплатова «Разведка и Кремль», Серго Берии «Мой отец Лаврентий Берия», В. Чикова «Нелегалы».

Ещё одной акцией Берии, которую можно считать связанной с деятельностью разведки, точнее, её «активными мероприятиями», можно назвать создание во время войны вместе с Михоэлсом Еврейского антифашистского комитета для установления связей с международными еврейскими организациями. Целью комитета было добиться оказания помощи Советскому Союзу. Но это детище вышло из-под контроля Берии, когда возник вопрос о создании на территории Крыма Еврейской советской социалистической республики и появилось подписанное Михоэлсом и другими членами ЕАК письмо на имя Сталина.

ЕАК был срочно ликвидирован — Михоэлс «убит в автокатастрофе», десять членов и активистов расстреляны, остальные приговорены к различным срокам.

Незадолго до смерти Сталина Берия обсуждал с ним план убийства Иосифа Броз Тито. Предполагалось поручить этот акт агенту «Максу» — Григулевичу, который участвовал ещё в операции по ликвидации Троцкого. Тогда этот вопрос не был решён, а после смерти Сталина он и вообще больше не возникал.

В 1953 году Берия после некоторого перерыва вновь стал заниматься делами разведки. Он подверг резкой критике её деятельность в послевоенные годы, энергично взялся за её реорганизацию. И однажды перегнул палку. После смерти Сталина, в апреле—мае 1953 года, он вызвал в Москву сразу около половины руководящих работников резидентур. Резидентуры на какое-то время остались без руководителей, а сами они оказались «высвеченными» перед противником.

26 июня 1953 года Берия был арестован по обвинению в государственной измене.

23 декабря Специальным Судебным Присутствием Верховного суда СССР приговорён к смертной казни и в 19 часов 50 минут

того же дня расстрелян.

В 2000 году Верховный суд Российской Федерации приговор Л. П. Берии оставил без изменения.

ПАВЕЛ СУДОПЛАТОВ (1907–1996)

Одной из самых ярких фигур советской разведки, да и разведки вообще, стал Павел Анатольевич Судоплатов, человек необычной, драматической судьбы, которому, как он сам писал, «удалось выжить в силу причудливого сплетения обстоятельств и несомненного везения».

Павел Судоплатов родился в 1907 году в городе Мелитополе, в русско-украинской семье среднего достатка. В двенадцатилетнем возрасте бежал из дома и стал бойцом Красной армии, а в четырнадцать лет, как один из немногих, умевших читать и писать, был принят на работу в Особый отдел ВЧК. К этому времени относится его первый опыт «общения» с украинскими националистами, руководимыми Петлюрой и Коновальцем.

В 1933 году Судоплатова перевели в Москву, где он стал работать в Иностранном отделе ОГПУ и отвечать за оперативное наблюдение и борьбу с украинской националистической эмиграцией. Вскоре его направили в качестве нелегала за рубеж, вначале в Финляндию, а затем и в Германию. Там он оказался в близком окружении Коновальца, который к тому времени в тесном контакте с немецкой разведкой возглавлял Организацию украинских националистов (ОУН). В союзе с немцами оуновцы планировали захват ряда областей Украины и образование независимого украинского государства под эгидой фашистской Германии. Для этой цели уже были сформированы две бригады и готовились террористические акты в СССР.

Судоплатову удалось войти в доверие к Коновальцу и даже стать его «другом». За эту командировку он был награждён своим первым орденом. О положении в среде украинских националистов за рубежом и их планах Судоплатов доложил лично Сталину в присутствии тогдашнего наркома Ежова. Ему было приказано ликвидировать Коновальца. Было изготовлено взрывное устройство в виде коробки шоколадных конфет, которые очень любил Коновалец.

В мае 1938 года Судоплатов под видом радиста грузового судна «Шилка» прибыл в Роттердам. Встретившись с Коновальцем в ресторане, Павел, уходя, оставил на столе коробку с «конфетами». С Коновальцем было покончено. Его гибель вызвала раскол в ОУН, ожесточённую борьбу между его преемником Мельником и Бандерой.

После ликвидации Коновальца Судоплатов через Францию бежал в республиканскую Испанию, где в течение трёх недель в

качестве польского добровольца находился в составе руководимого НКВД интернационального партизанского отряда. Там он познакомился с Рамоном Меркадером дель Рио, будущим убийцей Троцкого.

Вернувшись в Москву, Судоплатов встретился с Берией, которому доложил о подробностях ликвидации Коновальца. Павла удивили осведомлённость и компетентность Берии в вопросах конспирации и подпольной работы, его высокий профессионализм.

В 1938 году после ареста известных разведчиков Шпигельглаза и Пассова Судоплатов был назначен исполняющим обязанности начальника Иностранного отдела. На этом посту он пробыл три недели. Начальником отдела стал Деканозов. Судоплатов был понижен до должности заместителя начальника испанского отделения. В декабре 1938 года Судоплатова исключили из партии за связь с врагами народа Шпигельглазом и другими. Однако партийное собрание, которое должно было утвердить это решение, так и не состоялось. Вместо этого в марте 1939 года Судоплатов неожиданно был вызван к Сталину. На этой встрече ему поручили возглавить группу боевиков для проведения операции по ликвидации Троцкого. Сталин разрешил привлечь к этой работе любых подходящих и надёжных людей, докладывать о ней только непосредственно Берии.

В тот же день Судоплатов был назначен заместителем начальника разведки.

Первым человеком, которого Судоплатов отобрал в новую группу, был Наум (среди друзей и в ЧК его звали Леонид) Эйтингон, чекист с многолетним стажем, выполнивший уже немало сложных заданий за рубежом, в том числе связанных и с «ликвидацией». В группе Эйнтингону отводилась ведущая роль. Он должен был подобрать людей, знакомых ему ещё по Испании, которые могли бы внедриться в окружение Троцкого. Тот, будучи выдворенным из СССР в 1929 году, после долгих странствий обосновался в Мексике. Там он пытался вести работу по расколу международного коммунистического движения с тем, чтобы потом возглавить его. А главное — он был личным врагом Сталина и вёл активную пропаганду против него, чего Сталин, естественно, простить ему не мог.

Но троцкисты занимались не только пропагандой. Вместе с абвером они организовали в 1937 году в Барселоне мятеж против республиканского правительства, передавали немецкой разведке материалы о деятельности европейских компартий в пользу СССР и т. д.

Участь Троцкого была предрешена.

Операция по ликвидации Троцкого получила кодовое наименование «Утка». Эйтингон создал две самостоятельные группы. Первую («Конь») возглавлял мексиканский художник Давид Альфаро Сикейрос, член Интернациональной бригады, один из организаторов испанской компартии. Второй («Мать») руководила Каридад Меркадер, бывшая анархистка. Один из её сыновей, Рамон, участник гражданской войны в Испании стал членом группы «Мать».

Группы не общались между собой и даже не знали о существовании друг друга.

Судоплатов вместе с Эйтингоном нелегально выехал в Париж, где познакомился с участниками групп и проинструктировал их.

Обстоятельства первого и второго покушений на Троцкого подробно описаны, и нет смысла повторяться. Коснёмся лишь некоторых вопросов, относящихся непосредственно к деятельности Павла Судоплатова.

После неудачи первого покушения, совершённого Сикейросом 23 мая 1940 года, Судоплатов вместе с Берией был вызван к Сталину. По свидетельству Судоплатова, изложенному в его книге «Спецоперации», Сталин принял их довольно спокойно, вовсе не был в ярости от провала операции, и дал указание приступить к исполнению альтернативного плана покушения, которое было поручено Рамону Меркадеру. Как известно, оно было совершено 20 августа 1940 года. Меркадер был арестован мексиканскими властями, назвался другим именем, заявил, что мотив убийства был чисто личный. Его осудили на двадцать лет, и он пробыл в тюрьме «от звонка до звонка». В 1960 году Рамон приехал в Москву, где ему было присвоено звание Героя Советского Союза.

В силу ряда обстоятельств Судоплатову удалось встретиться с Меркадером лишь в 1969 году.

Рамон Меркадер умер на Кубе в 1978 году и по его завещанию похоронен в Москве.

В предвоенные годы Судоплатов выезжал в Латвию под видом «советника Молотова», где он установил контакт с министерством иностранных дел латвийского правительства. Тогда же он участвовал в операциях по присоединению к СССР Западной Украины.

В это время произошло незначительное, на первый взгляд, событие, которое стало его первой конфронтацией с Хрущёвым и Серовым, будущим министром госбезопасности. Судоплатов убедил Берию и Молотова освободить Кост-Левицкого, восьмидесятилетнего старика, бывшего главу независимой Украинской республики. Он был арестован по приказу Хрущёва и

Серова, что вызвало недовольство западноукраинской интеллигенции. Освобождение же Кост-Левицкого обозлило Хрущёва и Серова. Их первое столкновение впоследствии сыграло роковую роль в судьбе Судоплатова.

С ноября 1940 года советская разведка стала докладывать руководству страны о подготовке гитлеровской Германии к нападению на СССР. Однако сообщения часто противоречили одно другому. Не было точной оценки германского военного потенциала, реального соотношения сил на границе. Сведения о дате предстоящего нападения были самыми противоречивыми.

Разведка не всегда успевала за стремительным развитием событий. Она фактически «проморгала» вторжение немцев в Югославию и её стремительный захват; агентам, действовавшим в Германии, не сумели своевременно доставить радиопередатчики, батареи, запчасти и не смогли как следует подготовить их к работе. Правда, 18 апреля 1941 года Судоплатов подписал специальную директиву всем европейским резидентурам о переходе агентуры и линий связи на условия военного времени.

В мае он же подписал директиву о подготовке русских и других национальных эмигрантских групп в Европе для участия в разведывательных операциях в условиях войны.

16 июня 1941 года начальник разведки Фитин вместе с наркомом госбезопасности Меркуловым доложили Сталину последнюю информацию из Берлина. Но Сталин поручил перепроверить её.

В этот же день Берия приказал Судоплатову организовать особую группу для проведения разведывательно-диверсионных операций на случай войны. Судоплатов едва успел отдать необходимые распоряжения и поручить Эйтингону начать подбор людей, как в ночь на 22 июня его вызвал нарком. Так для Павла Судоплатова началась Великая Отечественная война.

К этому времени советская внешняя разведка располагала необходимыми возможностями в Германии (группа Шульце-Бойзена — штаб ВВС, группа Харнака — министерство экономики, Кукхов — в МИДе, Леман — в гестапо). Неплохие источники были и у военной разведки (например, Ильза Штёбе и Шелиа в МИДе).

Однако все их сообщения сводились к передаче разговоров с людьми, близкими к руководителям второго ранга. При всей честности и порядочности этой агентуры, она была не в состоянии обеспечить советскую разведку точными и бесспорными данными. Информации агентов из других точек (Филби и другие — из Англии, племянник графа Чиано, министра иностранных дел — из Италии и т. д.) также были лишь

косвенными свидетельствами о намерениях немцев.

Что скрывать? «Штирлица» у советской разведки не было.

22 июня 1941 года Судоплатову было поручено возглавить всю разведывательно-диверсионную работу по линии органов госбезопасности в тылу немецких войск. 5 июля он был официально назначен начальником Особой группы при наркоме внутренних дел. Её задачей стали: ведение разведки против Германии и её союзников; создание агентурной сети на оккупированных территориях; организация партизанской войны; ведение радиоигр с немецкой разведкой.

Было создано войсковое соединение — Отдельная мотострелковая бригада особого назначения (ОМСБОН), куда вошли только добровольцы — политэмигранты, спортсмены, комсомольские активисты, радисты-моряки. Непосредственное участие в создании бригады приняли руководящие деятели Коминтерна Георгий Димитров, Долорес Ибаррури и другие.

В октябре 1941 года Особая группа была преобразована в 4-е управление НКВД, которое возглавил Судоплатов. По его инициативе из тюрем были освобождены многие бывшие сотрудники госбезопасности, в том числе Медведев и Прокопюк, удостоившиеся звания Героя Советского Союза за успешное руководство партизанскими отрядами, Каминский, погибший в тылу врага, и другие.

Судоплатов получил и ещё одно назначение: стал заместителем начальника штаба НКВД по борьбе с немецкими парашютными десантами. А с весны 1942 года в его подчинение передали группу десантников с эскадрильей транспортных самолётов и бомбардировщиков дальнего действия. Таким образом, работы тридцатипятилетнему Павлу Судоплатову хватало.

В годы войны его служба стала главным центром разведывательно-диверсионной работы органов госбезопасности в немецком тылу. Именно под её влиянием возникли первые партизанские отряды и истребительные группы, развёртывалось партизанское движение в Белоруссии, Украине, Прибалтике.

В тыл противника было направлено более двух тысяч оперативных групп общей численностью около пятнадцати тысяч человек, в том числе такие замечательные разведчики, как Ваупшасов, Карасёв, Кудря, Кузнецов, Лягин, Медведев, Мирковский, Прокопюк, Прудников, Шихов и другие. О каждом из этих людей написано немало книг и статей, созданы художественные произведения и фильмы, многие из тех, кому удалось дожить до победы, оставили свои воспоминания, поэтому мы не будем останавливаться на описании их подвигов.

Подразделения 4-го управления и ОМСБОН уничтожили сто пятьдесят семь тысяч немецких солдат и офицеров, ликвидировали восемьдесят семь высокопоставленных фашистов, выявили и обезвредили две тысячи сорок пять агентурных групп, пустили под откос десятки эшелонов.

В те недели, когда враг угрожал Москве (октябрь—ноябрь 1941 года), ОМСБОН получила задание до последней капли крови оборонять центр Москвы и Кремль. Её бойцы заняли позиции вокруг Кремля, в том числе в Доме Союзов. Были заминированы дальние и ближние подступы к Москве, несколько правительственных дач (кроме дачи Сталина), ряд зданий, где могли бы проводиться совещания высших германских должностных лиц. (Впоследствии Судоплатова обвиняли в том, что, минируя дачи, он готовил покушения на «вождей»). Были моменты, когда ОМСБОН оставалась, по существу, одним из немногих полностью боеспособных соединений, оборонявших Москву.

В Москве, на случай её захвата немцами, были созданы три независимые друг от друга разведывательные сети (не считая разведывательных сетей ГРУ Генштаба). Одна из автономных групп, которой руководил композитор Книппер, автор песни «Полюшко-поле», должна была уничтожить Гитлера в случае его появления в Москве. (Книппер был родственником германской киноактрисы Ольги Чеховой, которая на приёмах пару раз встречалась с Гитлером, на основании чего строились планы привлечь её к покушению на фюрера.)

Москву удалось отстоять. 7 ноября 1941 года Судоплатов присутствовал на параде на Красной площади.

В июле 1941 года Судоплатов выполнил важное поручение Берии, которое, по словам Берии, исходило от Сталина и Молотова. В беседе со своим агентом, болгарским послом в СССР Стаменовым, он провёл косвенный зондаж возможности мирных переговоров с немцами. Целью этого зондажа было забросить немцам дезинформацию о готовности советского руководства к переговорам, с тем, чтобы выиграть время и усилить позиции тех кругов в Германии, которые не оставляли надежд на компромиссное завершение войны.

Судоплатов изложил Стаменову якобы ходящие в Москве слухи о готовности к переговорам, надеясь на то, что тот сообщит их своему правительству, а оно, в свою очередь, в Берлин. Однако из этого ничего не вышло. Как установил контроль переписки Стаменова с Софией, он ничего не сообщил туда о московских «слухах». Впоследствии разговор со Стаменовым был вменён Судоплатову в вину, как участие в попытке Берии свергнуть

Сталина путём проведения сепаратных переговоров с Гитлером.

Летом 1942 года, в разгар немецкого наступления, Судоплатов с собранной им за двадцать четыре часа группой альпинистов из ста пятидесяти человек вылетел на Кавказ. Альпинисты приняли участие в обороне горных перевалов, а также в подрыве нефтяных цистерн, скважин и буровых вышек в районе Моздока. Судоплатов находился в последней группе, уходившей в горы. Немцы не смогли использовать нефть Северного Кавказа.

В Тбилиси, опасность захвата которого немцами была вполне реальна, Судоплатов занялся созданием подпольной агентурной сети. В случае захвата города немецкими войсками её сначала должен был возглавить известный писатель Константин Гамсахурдиа (отец Звиада Гамсахурдиа). Но познакомившись с ним, Судоплатов усомнился в его надёжности и поручил эту роль драматургу Мачавариани. К счастью, «исполнять» её не пришлось.

В 1941–1945 годах Судоплатов руководил стратегическими радиоиграми с германской разведкой «Монастырь» и «Березино». Об этих «играх» подробнее рассказывается в очерке об адмирале Канарисе, который был в них главным противником Судоплатова и которого Судоплатов блестяще переиграл, а также в очерке об Отто Скорцени. Во многом успех этих организаций зависел от подобранного Судоплатовым агента «Гейне», Александра Демьянова, который у немцев числился «Максом».

В немецких архивах операция «Монастырь» так и известна, как «Дело агента „Макса“», роль которого высоко оценивает генерал Гелен в своих воспоминаниях.

Вальтер Шелленберг также утверждает в своих мемуарах, что ценная информация поступала от источника, близкого к Рокоссовскому.

Зачастую получалось так, что информация «Гейне» попадала к англичанам, расшифровывавшим немецкие телеграммы. Дальше она возвращалась к нам либо через нашего агента Кернкросса, работавшего дешифровальщиком, либо (что случалось очень редко) прямо от англичан, когда они считали необходимым проинформировать нас о чём-то.

19 августа 1944 года началась новая операция с участием «Гейне» — «Березино», которая длилась до 5 мая 1945 года.

Александр Демьянов, он же «Гейне», он же «Макс», умер в Москве в 1974 году в возрасте шестидесяти четырёх лет.

Близилась к концу Великая Отечественная война. Перед советской разведкой встала новая задача. Речь шла о получении информации, касавшейся атомного оружия.

Судоплатов имел прямое отношение к работе над этой

проблемой. С 1944 по 1947 год он возглавлял подразделения, зашифрованные буквами «С» (группа Судоплатова) и «К». Первое из них занималось добычей и обработкой поступавшей научно-технической информации по атомной бомбе, второе — контрразведывательным обеспечением советской атомной промышленности.

Работа группы «С» началась 2 февраля 1944 года, и этот день можно считать формальной датой начала работы разведки по атомной проблематике. Однако фактически информацию разведка стала получать с сентября 1941 года, когда один из членов «Кембриджской пятёрки» Дональд Маклейн передал шестидесятистраничный доклад британского военного кабинета о возможности создания через два года урановой бомбы. Этот проект носил название «Тьюб эллойз» («Трубный сплав»). Затем информация стала поступать и из других источников. В апреле 1943 года в Академии наук СССР была создана специальная лаборатория № 2 по атомной проблеме, которой руководил Курчатов. Учёные работали в тесном контакте с разведчиками. В письме от 7 мая 1943 года на имя заместителя председателя Совнаркома Первухина Курчатов, в частности, писал по поводу информации, поступавшей от разведки: «Получение данного материала имеет громадное, неоценимое значение для нашего государства и науки. Теперь мы имеем важные ориентиры… Они дают возможность нам миновать многие весьма трудоёмкие фазы…»

Осенью 1944 года общее руководство работой по созданию атомного оружия официально возглавил Берия, который в качестве заместителя председателя правительства курировал вопросы производства оружия и боеприпасов. Конечно, ни Берия, ни Судоплатов, равно как и американский генерал Гровс, руководивший аналогичным проектом в США, не имели представления о распаде атомного ядра и прочих премудростях, которыми занимались учёные-физики. Но Судоплатов быстро и легко сумел найти общий язык с такими корифеями науки, как Иоффе, Курчатов, Алиханов и другие. Учёным были созданы все условия для работы и привилегированные, особенно ценимые в военное время, условия питания, быта, благоустройства для них и членов их семей, обеспечена их безопасность и неприкосновенность.

В США и Англии сбором информации по атомной бомбе занимались талантливые разведчики Квасников, Яцков, Барковский, Феклисов, Семёнов, Хейфец, Василевский и другие.

Описание конструкции атомной бомбы было получено в январе 1945 года. Поступили данные об эксплуатации первых

атомных реакторов, конструкции фокусирующих взрывных линз, о размерах критической массы урана и плутония, детонаторном устройстве, последовательности сборки бомбы и другие, а также о строительстве и конструктивных особенностях заводов по очистке и разделению изотопов урана… Одной из заслуг отдела «С» стал вывоз в СССР немецких учёных-атомщиков.

О том, как советская разведка работала по атомной проблематике, написано много, и вряд ли стоит повторяться. Хотелось бы сделать два замечания. Первое. Бесспорно, заслуги внешней разведки и лично Судоплатова в получении атомной информации очень велики. Но нельзя забывать, что не меньшую работу проделала и военная разведка, о чём пишут и вспоминают значительно реже. Следует, однако, заметить, что отдел «С» координировал всю работу по этой линии, и с февраля 1944 года разведка наркомата обороны направляла ему всю поступавшую информацию по атомной проблеме. И второе. Советские учёные, в конце концов, создали бы бомбу и без помощи разведок. Только это заняло бы намного больше времени и стоило бы намного дороже.

Как указывает Судоплатов в своих мемуарах, все контакты в США, казавшиеся атомной проблематики, были прекращены в 1946 году. Их продолжили в Англии, где с Фуксом встречался Феклисов, работавший под руководством резидента Горского.

Не успело затихнуть эхо Второй мировой войны, как пришло время «холодной».

К этому времени Судоплатов был в зените своей карьеры: он стал начальником 4-го управления, прославившегося в годы войны (из двадцати восьми чекистов, Героев Советского Союза, двадцать три были офицерами его управления), получил звание генерал-лейтенанта и был избран членом парткома НКГБ, именно ему поручили выступить с официальным докладом на торжественном собрании сотрудников аппарата всего наркомата в 1945 году.

Однако вскоре 4-е управление было расформировано, отдел «С» преобразован, так что Судоплатов временно оставался не у дел. Ему, правда, поручили руководство спецслужбой разведки и диверсий за рубежом при МГБ СССР, но новый министр Абакумов относился к нему без должного уважения, перестал приглашать на совещания, решая все вопросы только по телефону.

В 1951–1952 годах спецслужбой, которой руководил Судоплатов совместно с ГРУ, был подготовлен план диверсионных операций на американских военных базах и объектах на случай войны. К счастью, он так и остался нереализованным.

В этот же период Судоплатов осуществлял общее руководство по выводу за рубеж В. Фишера (будущего знаменитого Рудольфа Абеля), занимался выводом Хохлова, ставшего предателем, и т. д. Одной же из приоритетных задач стала работа по разгрому вооружённого националистического подполья в Западной Украине и Прибалтике. В своих мемуарах Судоплатов признаёт, что специальной группой, направленной в Саратов, был умерщвлён находившийся там на лечении один из лидеров украинских националистов Шумский. Судоплатов, правда, оговаривается, что в его задачу входило лишь «устроить так, чтобы сторонники Шумского не догадались, что его „ликвидировали“». Позднее был ликвидирован другой крупный националист, архиепископ униатской церкви Ромжа.

После убийства националистами писателя Ярослава Галана Судоплатов получил задание, исходившее лично от Сталина, сосредоточиться на розыске и ликвидации главарей националистического подполья.

В конце 1949 года Судоплатов выехал во Львов, где оставался около полугода. Ему удалось разыскать главу подполья Шухевича. В завязавшейся перестрелке тот был убит. Одновременно в Германию был выведен агент, который сумел проникнуть в бандеровскую организацию. От него стало известно о засылке ею на Украину начальника службы безопасности Матвиейко для выяснения судьбы Шухевича. Выброшенная на парашюте группа во главе с Матвиейко была захвачена. После кропотливой работы с ним Судоплатову удалось склонить его к сотрудничеству. Матвиейко выступил с осуждением бандеровского движения, впоследствии спокойно жил и работал бухгалтером во Львове, где и умер в 1974 году.

Методами принуждения и убеждения вооружённое сопротивление оуновцев было сведено на нет. Но они взяли на вооружение новую тактику, разработанную их американскими и западногерманскими советниками: внешнее сотрудничество с советской властью, показная лояльность, подготовка молодых кадров, которые должны занять высокие должности в партийном и советском аппарате и в дальнейшем, через тридцать—сорок лет, осуществить мечту националистов — добиться отделения Украины от СССР. Что и было проделано в 1990-х годах.

В 1952 году, незадолго до смерти Сталина, Судоплатов участвовал в обсуждении плана убийства югославского лидера Иосифа Броз Тито. Для этой цели намечалось использовать опытного агента «Макса» — Григулевича. Судоплатов выступил против этого плана, считая, что Григулевич не подходит для этого задания. К счастью, план так и остался на бумаге, так как Сталин

умер, и вопрос отпал сам собой.

Пожалуй, это было одно из последних мероприятий внешней разведки, к разработке которых Судоплатов имел отношение.

Вскоре после смерти Сталина и ареста Берии для Павла Анатольевича Судоплатова начались тяжкие времена. 21 августа 1953 года Судоплатова арестовали в его рабочем кабинете. Ему был предъявлено обвинение в том, что он активный участник заговора Берии, целью которого был захват власти, его доверенное лицо и сообщник, планировавший теракты против руководителей советского государства. Затем формула обвинения была несколько смягчена, но суть его осталась прежней.

Следствие, за время которого Судоплатов прошёл через тяжелейшие физические и нравственные страдания, стал инвалидом, длилось более пяти лет. Лишь 12 сентября 1958 года его дело было рассмотрено Военной коллегией Верховного суда. Он был приговорён к пятнадцати годам тюремного заключения. На свободу вышел 21 августа 1968 года, ровно через пятнадцать лет после ареста.

Реабилитирован Павел Анатольевич Судоплатов лишь в 1991 году.

КЕНДЗИ ДОИХАРА (1883–1948)

Шпионаж издревле считался в Японии делом почётным и благородным, и на японца, съездившего за границу и не привёзшего с собой хотя бы маленького тамошнего секрета, смотрели, по крайней мере, как на чудака. Японцы всегда стремились использовать в качестве шпионов астрономическое количество людей. Парикмахеры, дантисты, фермеры, торговцы, повара и люди сотен других специальностей занимались шпионажем. Офицеру даже высокого ранга не считалось зазорным выступать в роли слуги или рикши, если это могло послужить империи. Зачастую результат такой деятельности был мизерным, ничуть не оправдывая приложенных усилий, но всё равно он шёл в общую копилку и, благодаря массовости таких взносов, приносил пользу.

«Система превосходной японской тактической разведки составляла значительный фактор в победах японцев в сражениях», — говорится в досье о русско-японской войне, составленном английской разведкой в 1907 году.

Но победа над Россией стала лишь вехой по пути Японии к завоеваниям. Для успеха на этом пути требовалось создать ещё более централизованную и организованную разведывательную службу.

Молодой Кендзи Доихара очень рано проявил необыкновенную одарённость в области шпионажа. Бедность его семьи не помешала ему поступить и блестяще закончить Военную академию Генерального штаба. Товарищи по учёбе считали его непревзойдённым мастером маскировки и перевоплощения. Он мог менять походку, похудеть на двадцать килограммов за несколько дней, любил гримироваться и менять своё лицо, как актёр в театре «Но». Доихара в совершенстве овладел тремя китайскими диалектами, не считая официального «чиновничьего» языка, и знал не менее десяти европейских языков. Некоторые утверждали, что его сестра стала наложницей нового императора Ёсихито, что способствовало продвижению молодого офицера по службе.

В начале 1920-х годов Кендзи Доихара стал секретарём военного атташе в Пекине генерала Хондзе Сигеру. Он сопровождал своего шефа в поездках по стране, изучал Шанхай, Ханькоу, Тяньцзин, Нанкин.

В 1925 году Доихару перевели в военную миссию в Маньчжурию. Эта провинция занимала в планах японцев особое место. Овладев ею или установив контроль над ней, они могли

использовать её как трамплин для завоевания пяти северных китайских провинций. Поэтому деятельность нового резидента в первую очередь была направлена на подготовку аннексии Маньчжурии.

Но Маньчжурия обладала неплохо подготовленной и вооружённой армией, во главе которой стоял смелый и решительный руководитель Чжан Цзолинь. Он был союзником японцев и ярым врагом Советского Союза, что, однако, не мешало ему думать и о собственных интересах. А заключались они в том, что, будучи прирождённым милитаристом, он не мог довольствоваться властью только над одной провинцией. Ещё в 1922 году он принял участие во внутрикитайской междоусобной войне, и хотя потерпел поражение, но не пал духом — провозгласил независимость трёх восточных провинций, а себя — их правителем. И к тому же решил, что может обойтись и без помощи японцев.

Доихара взялся за дело исподволь. Он установил связь с организацией «Чёрный дракон» (Кокурюкай), главной опорой японских спецслужб. Целью этой организации было восстановление династии маньчжурских императоров Цин на китайском престоле под японской опекой. Ключевую фигуру в реставрации Цин Доихара наметил сам ещё в 1924 году. Это был Генри Пуи, в то время ещё мальчишка. Он родился в 1906 году и в трёхлетнем возрасте стал циньским императором и последним императором Китая, свергнутым революцией. Доихара держал его в поле зрения и «подкармливал», выжидая подходящего момента.

Одновременно Доихара не забывал о Китае. Он создал собственные шпионские службы, в которых было много белогвардейцев. Самая крупная из них, «боевая секретная служба», состояла из пяти тысяч бежавших из России вместе с Белой армией уголовных преступников.

Он прикармливал также огромную армию китайских ренегатов, которую использовал не столько для сбора информации, сколько для диверсий, террора, организации междоусобных столкновений.

Впервые в новейшей истории Доихара использовал в интересах разведки пагубное пристрастие к курению опиума. Он превратил так называемые китайские клубы в салоны, игорные и публичные дома, а главным образом, опиумные притоны. По его просьбе японские табачные предприятия стали выпускать новый сорт папирос «Золотая летучая мышь», запрещённые для продажи в Японии и предназначенные только для экспорта: в их мундштуках находились небольшие дозы опиума или героина, и ничего не подозревавшие покупатели становились наркоманами.

Резиденты Доихары платили своим агентам сначала наполовину деньгами и наполовину опиумом, впоследствии полностью опиумом.

Вся эта несчастная наркозависимая публика становилась послушным оружием в руках Доихары.

В 1926 году Доихара, которому надо было убрать Чжан Цзолиня из Маньчжурии, убедил его отомстить Пекину за предыдущие поражения. Тот согласился, выступил походом на Пекин и около двух лет отсутствовал в Маньчжурии. Но его друг, генерал У Сючен, оставленный временным правителем Маньчжурии, попросил Чжана вернуться. На пути в Мукден поезд, в котором ехал Чжан Цзолинь, был взорван, и он погиб. Кто был действительным виновником этой катастрофы — неизвестно: японская или советская военная разведка? Обе были в равной степени заинтересованы в устранении Чжан Цзолиня.

Теперь надо было создать повод для вторжения японских войск в Маньчжурию. 18 сентября 1931 года один из людей Доихары лейтенант Кавамото устроил катастрофу на железной дороге в районе Мукдена. Эта провокация принесла свои плоды: японцы вторглись в Маньчжурию.

10 ноября 1931 года была совершена ещё одна провокация. В Тяньцзине сорок китайцев, нанятых людьми Доихары, скорее всего под воздействием наркотиков, напали на полицейский участок. Доихара, воспользовавшись неразберихой, вывел Пу И из «Сада небесного спокойствия», где тот находился под постоянным наблюдением. На японском военном корабле Пу И доставили в Маньчжурию.

В тот же день лучший агент Доихары Кавасима Нанива, любовница полковника Танаки, вывезла из Тяньцзиня и жену Пу И.

1 марта 1934 года Пу И был объявлен императором марионеточного государства Манчжоу-Го.

К этому времени влияние Доихара распространилось на многие города и веси Китая. Он создал разведслужбы в Пекине, Шанхае, Тяньцзине, по всей территории Маньчжурии. Центрами и базой их стали многочисленные японские колонии.

Вместе с тем за границей этих колоний японские агенты создали разведсети из японских и корейских проституток. Они собирали информацию и передавали её людям Доихары.

В Маньчжурии агенты Доихары готовили почву для развязывания агрессии против СССР. Между тем Доихара — «Европеец» — находился под наблюдением советской разведки.

Доихара активно содействовал укреплению сотрудничества с нацистской Германией и её спецслужбами. В 1934 году он

установил контакт с германским военным атташе капитаном Ойгеном Оттом, надеясь, что тот поспособствует укреплению японо-германской дружбы (он так и не узнал, что Отт «втёмную» снабжал информацией своего «лучшего друга» Рихарда Зорге).

Военным атташе в Берлине и руководителем разведслужбы в Европе был друг Доихары полковник Хироси. Заключив с Канарисом соглашение о сотрудничестве спецслужб, парафированное в августе 1935 года, он заложил основу для печально известного «антикоминтерновского пакта» в ноябре 1936 года.

Тем временем Доихара расширял сферу своей деятельности. Он становится генеральным инспектором авиации, с 1941 года — главнокомандующим 7-й армии в Сингапуре, дослужившись до звания полного генерала.

В Сингапуре он создал Индийскую национальную армию, поставив во главе её националиста Чандра Боса. При участии этой подпольной армии совершались рейды «коммандос», теракты, велись специальные радиопередачи, направленные на подрыв и развал Британской империи.

Всего этого союзники ему не простят после 1945 года.

Он оказался среди тех высших должностных лиц японской императорской армии, которых Токийский международный трибунал приговорил к смертной казни через повешение. Приговор утвердил американский генерал Макартур. В ночь с 22 на 23 декабря 1948 года осуждённых вывели во двор тюрьмы Сугамо.

Обращаясь к священнику, Кендзи Доихара сказал: «Хвала Будде, что я ощущаю, как смерть, которая ожидает меня в полночь, затрагивает кого-то другого… потому что не существует никакой разницы между жизнью и смертью…»

Это были его последние слова.

КАН ШЭН (1898–1975)

Вряд ли кто-либо сможет назвать количество как заброшенных, так и выловленных этим человеком настоящих и мнимых шпионов. Оно исчисляется тысячами, если не десятками тысяч, и так же велико, как и масштабы той страны, в которой он руководил разведкой и контрразведкой.

Среднего роста, в очках, с большими залысинами и узенькими плотно сжатыми губами, над которыми виднелись небольшие усики, с высокими светлыми бровями, с привычкой постоянно улыбаться, шумно втягивая в себя при этом воздух, этот человек, воспитанный и с элегантными манерами, но очень много курящий, напоминал китайского интеллигента, ничуть не похожего на того, о ком говорилось: «Кан Шэн был не человек, а чудовище».

Его биография вкратце такова.

Кан Шэн (Кан Син) родился в 1898 году в Циндао в семье мелкого помещика. Закончил среднюю школу, в 1920 году стал студентом — учился сначала в Циндао, а потом в Шанхайском университете. Одновременно работал учителем сельской школы, а после вступления в компартию Китая (КПК) был слушателем курсов по переподготовке партактива при ЦК КПК. Партийную карьеру делал быстро: в 1926 году он стал секретарём Центрального, а затем Северного районных комитетов КПК Шанхая. В марте 1927 года руководил уличной борьбой рабочих в Шанхайском вооружённом восстании накануне вступления в город Национально-революционной армии. После этого ещё быстрее пошёл вверх: член ревизионной комиссии, заведующий орготделом ЦК, а в 1931 году уже член ЦК, член политбюро и секретарь ЦК КПК.

В 1933 году Кан Шэн участвовал в работе Пленума Исполкома Коминтерна (ИККИ) в Москве, а в 1935 году был делегатом VII Конгресса Коминтерна. С 1935 по 1937 год он был постоянным членом делегации КПК в ИККИ.

Вернувшись в Яньань (центр Особого района Китая, в котором установила власть КПК во главе с Мао Цзэдуном), Кан Шэн занял пост шефа начальника цинбаоцзюй — управления информационной службы Освобождённых районов Китая. Оно выполнял функции разведки, контрразведки, юстиции, суда, прокуратуры, службы информации.

После 6-го Пленума ЦК КПК в ноябре 1938 года было организовано Бюро политической защиты, названное Отделом социальных запросов (Шэхуэйбу), под руководством Кан Шэна.

В сентябре 1940 года Секретариат ЦК КПК издал директиву о подрывной работе за линией фронта врага:

«Центральный Комитет создал рабочий комитет в зоне врага для руководства операциями в крупных городах, оккупированных врагом. Общее руководство осуществляет товарищ Чжоу Эньлай, его заместитель Кан Шэн.

Чунцин является оперативным центром для оккупированных городов на юге Китая, а Яньань для операций на севере.

Политбюро, его отделы и различные местные организации партии должны создать соответствующие структуры для проведения подобных операций.

В этих комитетах будет сосредоточен специальный персонал для проведения практических операций и вербовки кадров до начала работы в оккупированной врагом зоне.

Первоначально операция преследует цели:

А. Сбор разведданных для лучшего ознакомления с ситуацией и изучения полученного опыта.

Б. Использование доступных общественных связей для маскировки мест проведения операций, их исполнения и их последствий.

В. Вербовать и формировать кадры, способные работать на оккупированной врагом территории, в зависимости от их социального происхождения, накопленного в городах опыта секретной работы, способных организовать надёжное прикрытие, обеспечивать подпольную связь и подготовить товарищей, способных проникнуть в среду технического персонала промышленных предприятий крупных городов. Партия должна подбирать таких товарищей, которые соответствуют выполняемой работе».

К 1941 году Кан Шэн превратил Управление в мощное ведомство, возложив на него и функции Генерального штаба.

Одновременно он возглавил комиссию по проверке партийных и беспартийных кадров. Правда, работа комиссии вскоре приняла уродливые формы, поскольку свелась к расправам над тысячами ни в чём не повинных людей.

Из Москвы, где он провёл почти четыре года, совпавшие с эпохой ежовских чисток, Кан Шэн вернулся ярым антисоветчиком и одновременно поклонником методов Ежова. Комплекс недоверия ко всем окружающим, в том числе и товарищам по борьбе и по партии, сделали из него своего рода «Малюту Скуратова» при Мао Цзэдуне. Именно благодаря ему в жизни Мао появилась Цзян Цин.

В 1931 году семнадцатилетняя девушка со звонким, похожим на звук колокольчика, именем Цзян Цин (её первое имя Ли

Юньхао, артистическое имя Лань Пин), стала любовницей Кан Шэна. К тому времени она уже сменила нескольких покровителей, в том числе толстосума Хуан Цзиня, профессора шаньдунской театральной школы Вань Лайтяня и других. В 1938 году Кан Шэн, который ценил её не только за женские прелести, но и за ум, такт и волю, привёз двадцатичетырёхлетнюю миловидную киноактрису в Яньань, где и «передал» её Мао.

Женитьба Мао на Цзян Цин (это его четвёртая жена) привела к полному духовному и служебному единению любовного треугольника. Впоследствии к ним примкнули Пэн Чжэнь, давний приятель Цзян Цин, и Чжоу Эньлай, друг Пэнь Чжэня. Именно эти люди стали потом инициаторами раскола между КНР и Советским Союзом.

В годы Второй мировой войны Особый район Китая, а также официальное китайское правительство, возглавляемое Чан Кайши и его партией Гоминьданом, являлись противниками империалистической Японии и поддерживали дружеские отношения с СССР.

За несколько дней до начала войны Кан Шэн предупредил советских представителей о предстоящем нападении Германии. Об этом ему стало известно 18 июня 1941 года от Чжоу Эньлая, который был тогда представителем КПК в гоминьдановской столице Чунцине. Тот сообщил, что гоминьдановский посол в Берлине Чэн Цзя и военный атташе Вэй Юнцин оповестили Чан Кайши о том, что в ночь на 22 июня Германия нападёт на СССР.

Пожалуй, это был единственный факт проявления дружественного отношения Кан Шэна к СССР. Да и тот небескорыстный: узнав о планах Германии, Чан Кайши замыслил в экстренном порядке начать поход против Особого района, и руководителям КПК нужна была поддержка СССР.

В дальнейшем деятельность Кан Шэна носила неприязненный, если не сказать враждебный, характер по отношению к СССР и его представителям в Яньане, особенно в период наших военных неудач.

Одновременно с этим Кан Шэн, усвоив уроки ежовщины, начал чистку партийного и «советского» (Особый район назывался также «советским») аппарата. Численность разоблачённых гоминьдановских и японских «шпионов и агентов» во многих организациях достигло ста процентов, но нигде не меньше девяноста. Дело дошло до того, что в тюрьмах не хватало места, и «разоблачённым шпионам» разрешили продолжать до поры до времени работать на их прежних должностях.

Расправился Кан Шэн и с членами «московской группы», то есть с теми, кто когда-то учился или находился в длительной

командировке в Москве. Сам он себя к ним не причислял, хотя будучи в Москве, вёл себя очень подобострастно и на всех собраниях кричал «да здравствует!» («ваньсуй!»).

Всё это не могло не вызвать ненависти к нему со стороны китайских коммунистов. Его рейтинг в партии стал падать (кстати, его за глаза называли «осенним министром», то есть «вестником смерти»).

В 1945 году Кан Шэн выступил на VII съезде КПК. Судя по его докладу, в период существования Особого района в сферу его работы входили следующие вопросы: а) военно-разведывательная деятельность японцев против баз КПК; б) гоминьдановская разведка; в) сотрудничество гоминьдановцев с японцами в подготовке шпионских кадров; г) сотрудничество специальных служб США и гоминьдана.

О своём участии в «чжэнфыне», то есть широкомасштабной чистке партийных рядов и разоблачении «капитулянтских элементов, оппортунистов» и вообще всех «догматиков» (в их число входили и самые видные деятели КПК), он даже не упомянул.

Ничего не сказал он и о своей связи с тайными обществами и организациями, расплодившимися по всей территории Китая. Часть из них представляла интересы крестьянства, часть же выродилась в гангстерские шайки, торговавшие опиумом, промышлявшие контрабандой, разбоем, содержанием притонов и публичных домов. Кан Шэн получал от них информацию буквально обо всех интересовавших его людях и событиях.

Выступая на VII съезде КПК 31 мая 1945 года, Мао Цзэдун сказал о проверке кадров и борьбе со шпионажем: «В этой работе много достижений и много крупных ошибок…» Он призвал и впредь беспощадно карать несогласных, а для успокоения делегатов пообещал, что теперь в тюрьмах Кан Шэна будет «больше объективности и разборчивости».

Однако всеобщая ненависть партийных кадров к Кан Шэну угрожала, по существу, всей внутрипартийной политике Мао Цзэдуна. Поэтому в 1949 году Мао отстранил Кан Шэна от руководства службой безопасности. Он сохранил влияние только в Отделе по социальным вопросам (специальные расследования ЦК КПК и внешняя разведка).

Кан Шэн был вынужден уступить бразды правления военной разведкой (цинбаобу), но благодаря своим ставленникам находился в курсе всех её дел во время войны в Корее, в Индокитае, а также во время региональных конфликтов, к которым он приложил руку (партизанская война в Малайзии и на Филиппинах). Позже он способствовал приходу к власти палача

камбоджийского народа Пол Пота и «красных кхмеров». Кан Шэну принадлежит идея широкомасштабного использования хуацяо, то есть членов китайской диаспоры в шпионских целях.

Одновременно он руководил группой контроля в Совете по ядерной энергии, отвечавшей за создание в Китае атомной бомбы.

В конце 1954 года Кан Шэн вновь появился на политической арене. Он вернулся в Политбюро, где курировал работу спецслужб и международные отношения. Именно тогда он вместе с Пэнь Чжэнем и Чжоу Эньлаем выступил инициатором разрыва с СССР.

С 1966 года Кан Шэн поддерживал Цзян Цин и всю «банду четырёх» в проведении китайской «культурной революции», заслужив негласное прозвище «пятый в банде четырёх».

Кан Шэн умер 16 декабря 1975 года. Один из руководителей КНР Ху Яобан отзывался о нём, как об «одном из преступников, которые на пятнадцать лет затормозили ход китайской революции» и который «по некоторым своим акциям превзошёл каждого из „банды четырёх“».

ФРАНТИШЕК МОРАВЕЦ (1895–1966)

После развала лоскутной Австро-Венгерской империи на карте Европы появилось новое государство — Чехословакия. Распалась имперская разведка Эвиденцбюро, и были созданы чехословацкие спецслужбы.

Молодой капитан Франтишек Моравец стал во главе разведслужбы Первой армии, дислоцированной в Праге. В то время приоритетным для него было контрразведывательное направление. Дело в том, что в конце 1920-х — начале 1930-х годов главная угроза для страны исходила от пронацистской агентуры, действовавшей в среде судетских немцев, населявших приграничные с Германией районы. В 1931–1932 годах контрразведка выявила подрывную организацию, действовавшую под видом спортивного клуба «Фольксшпорт» и объединявшую судетских немцев.

Моравец получил повышение. 25 марта 1934 года его назначили начальником Отдела расследований Генерального штаба. Этот отдел объединил разведывательную службу и контрразведку. По предложению Моравца создаются четыре разведывательных центра: в Праге, Брно, Братиславе и Кошице.

В 1933 году к власти в Германии приходит Гитлер. Он не скрывает своих устремлений. Моравец, понимая, откуда исходит главная угроза для целостности и независимости Чехословакии, начинает искать союзников за рубежом. В начале он отправляется в Париж, где устанавливает контакт с подполковником Луи Риве, шефом французской разведки. Этот человек заслуживает того, чтобы сказать здесь о нём несколько слов. После окончания Первой мировой войны, вернувшись из немецкого плена, Риве поступил в разведку. Вскоре он в составе группы генерала Вейгана выехал в Польшу, где стал советником маршала Пилсудского. Перед французской разведкой была поставлена задача «защитить Запад от большевиков». (Кстати, в свите Вейгана в Польше в то время находился и Шарль де Голль.) Затем Риве делал карьеру в разведке, специализируясь по Германии. Он собрал огромное количество данных о военных приготовлениях и агрессивных планах немцев, но, к сожалению, эти материалы остались невостребованными. Даладье впоследствии писал о Риве: «…я свидетельствую, что эти люди были первыми, кто поднял оружие против Германии, и то, что Франция была разгромлена в 1940 году, это не их вина. Франция должна была их услышать».

Возвращаясь из Франции, Моравец заехал в Швейцарию, где

нашёл взаимопонимание с шефом швейцарской военной разведки Роже Масоном. Они заключили тайное соглашение о том, что швейцарцы позволят резидентуре чехословацкой разведки работать в Цюрихе. Надо сказать, что сама военная разведка Швейцарии в этот период (1930–1935 годы) состояла всего из двух офицеров, одним из которых был сам Масон.

В 1936 году Моравец посетил Москву, где встретился с начальником ГРУ Урицким: СССР и Чехословакия подписали договор о взаимопомощи, предусматривавший и взаимодействие секретных служб.

Семён Петрович Урицкий пришёл на смену опытному разведчику Я. К. Берзину. Старый член партии, участник Гражданской войны и подавления Кронштадтского мятежа, он был кавалером двух орденов Боевого Красного Знамени, что в то время имело большое значение. Он окончил Военную академию, в 1922–1924 годах побывал в нелегальной разведывательной командировке в Германии и Чехословакии, затем ещё год учился в Германии. Урицкий был достойным собеседником Моравца, и из Советского Союза тот уезжал другом нашей страны.

Дружба разведок принесла неожиданные плоды. В апреле 1937 года президент Чехословакии Бенеш предоставил советскому послу в Праге информацию, полученную чешским представителем в Берлине доктором Манном. По другим данным, эту информацию Бенеш получил из Швейцарии от сотрудника чехословацкой разведки Карела Седлачека.

Информация касалась «заговора военных» в СССР, организованного маршалом Тухачевским, и сыграла трагическую роль в его судьбе. Обо всей этой истории существует множество версий, но мы не будем касаться их, заметив лишь, что вряд ли Моравец сознательно участвовал в какой-либо провокации.

Вернувшись в Прагу, Моравец занялся реорганизацией своей службы. Начальником контрразведки он назначил майора Бартика, с именем которого связана удивительная история вербовки агента А-54.

10 февраля 1936 года Бартик получил по почте послание, автор которого предложил чехам свои услуги. Кроме того, что он немец, других данных о себе автор не сообщил. Моравец дал указание согласиться на предложение анонима. Ему дали адрес почтового ящика, и он тут же стал наполняться интересными сообщениями. В одном из писем автор предложил Бартику встретиться с ним.

Встреча состоялась 6 апреля 1936 года в самом центре приграничной зоны, почти полностью контролируемой немецким меньшинством. Опасность провокации была вполне реальной, но,

как говорится, Бог миловал.

Агенту присвоили имя А-54, и он стал лучшим осведомителем обо всех секретных планах гитлеровской Германии. Чехи так и не узнали его настоящего имени.

Но теперь нам оно известно. Это был Поль Тюммель, личный друг рейхсфюрера Гиммлера, с 1928 года состоявший в рядах НСДАП. С 1933 года он работал в штабе абвера. В 1934 году по личному указанию Гиммлера был переведён в отдел абвера в Дрездене, как раз в тот, который занимался Чехословакией. Под именем доктора Хольма он руководил особо агрессивными разведсетями Нетц 1 и Нетц 2.

Никто никогда так и не узнал, что заставило его по своей инициативе решиться стать осведомителем чешской разведки: личные причины, политические убеждения или разногласия? Ясно было одно: деньги и материальные блага его не интересовали.

А-54 стал уникальным источником разведывательных данных о планах и действиях нацистов в отношении Чехословакии. Моравец, поддерживавший дружеские отношения с английским резидентом в Праге Гибсоном, поделился с ним информацией, полученной от А-54. В ответ Гибсон заверил его в том, что в случае гитлеровской оккупации Моравец будет хорошо принят в Лондоне. И сдержал своё обещание.

Что касается А-54 — Тюммеля, то после оккупации Чехословакии связь с ним поддерживалась через резидента чешской разведки в Гааге майора Алоиса Франка, а затем, после оккупации Голландии, через группу полковника Хуравы, связанную с Лондоном.

Именно Тюммель (новый псевдоним «Фанта») снабдил чешскую, а через неё английскую разведку точными данными о планах нападения на Великобританию («Морской лев»), на СССР («Барбаросса») и Грецию («Марита»).

Рискуя жизнью, Поль Тюммель работал на чешскую разведку до своего ареста 20 марта 1942 года. Поскольку Тюммель был личным приятелем Гиммлера, его делом занимался сам Рейнхард Гейдрих. Но он пережил Гейдриха — его поместили в концлагерь и расстреляли лишь за двенадцать дней до конца Второй мировой войны, 27 апреля 1945 года.

Но вернёмся к Моравцу. Он продолжал успешно работать: разоблачил агента абвера в чешском штабе майора Эмериха Кальмана, завербовал полковника венгерской армии Узази, который впоследствии стал шефом спецслужб Венгрии.

Но все эти успехи были сведены на нет притязаниями Гитлера и предательством западных держав.

19 мая 1938 года Моравец получил информацию о концентрации германских войск на границе. Правительство Чехословакии объявило мобилизацию граждан одного призывного возраста и сразу же проинформировало Францию и Англию о действиях немцев. Английский посол в Берлине предпринял демарш и потребовал у Риббентропа разъяснений, но тут же и англичане и французы забили отбой и заявили, что не намерены предпринимать военные действия в защиту Чехословакии.

А уже 29–30 сентября 1938 года лидерами Великобритании, Франции, Германии и Италии было подписано печально известное Мюнхенское соглашение, предусматривавшее отторжение от Чехословакии и передачу Германии Судетской области, а также удовлетворение территориальных притязаний к Чехословакии со стороны Венгрии и Польши. Это соглашение предопределило захват Германией всей Чехословакии в 1939 году и способствовало развязыванию Второй мировой войны.

Сразу после заключения Мюнхенского соглашения подал в отставку шеф чехословацкой разведки полковник Гаек. На его должность с поста руководителя военной разведки был переведён Франтишек Моравец.

Начальник абвера Канарис предложил Моравцу встретиться в Швейцарии, но под благовидным предлогом тот отклонил это предложение.

Абвер и СД нагнетали обстановку, подготавливая сепаратистскую акцию в Словакии. В окрестностях Братиславы действовала радиоточка резидентуры абвера и СД. 14 марта 1939 года была объявлена независимость Словакии, а на другой день войска вермахта вошли в Прагу. Специальное подразделение абвера попыталось захватить архивы чешской разведки. Но мелкий архивный служащий лишь разводил руками: они уже сожжены.

На самом же деле Моравец и десять офицеров его штаба успели погрузить ящики с самыми секретными досье в самолёт голландской авиакомпании КЛМ и вылетели на нём в Лондон. Среди спасённых досье было и «дело» агента А-54.

Моравец со своим штабом обосновался в отеле «Ван Дейк» и начал работать в тесном контакте с британской разведкой. Его основной задачей было обеспечение работы резидентур чешской разведки, находившихся в Цюрихе, Белграде, Гааге и в Стамбуле, а также поддержание контакта с движением Сопротивления в Чехословакии, которая теперь стала называться «протекторатом Богемия и Моравия». Там правили палачи чешского народа шеф СД Рейнхард Гейдрих и верховный судья оберфюрер СС Альфред

Функ, которым чешское движение Сопротивления вынесло смертный приговор. Под руководством Моравца в его службе проходили подготовку три чешских патриота: Йозеф Габчик, Ян Кубиш и Йозеф Валчик. Они должны были убить Гейдриха.

Гейдрих прибыл в Прагу 28 сентября 1941 года и на следующий день объявил в стране чрезвычайное положение. В его указе, в частности, говорилось: «Решения военно-полевых судов обжалованию не подлежат. Смертные приговоры приводятся в исполнение немедленно, через расстрел или повешение». В ту же ночь он отправил донесение в Берлин Борману: «…сегодня в 22 часа радио огласит следующие смертные приговоры… они приведены в исполнение… Прошу вас сообщить об этом фюреру». И так продолжалось все восемь месяцев, отпущенных ему судьбой — до 27 мая 1942 года.

По мнению чешских историков, полковник Моравец, разведка которого к этому времени стала филиалом британской, руководствовался двумя соображениями. Первое: показать, что западные державы хотя и медлят с открытием второго фронта, всё же не сидят сложа руки. Второе, главное и совершенно секретное, связано с судьбой начальника абвера адмирала Канариса. Тот в это время вёл двойную игру: вступив в контакт с британской, а возможно, и американской разведкой, он снабжал их ценной информацией. Канарис решил помочь Англии и США сбросить Гитлера, сохранив при этом политическое и социально-экономическое устройство Германии.

Но Гейдрих в чём-то подозревал Канариса, на адмирала было заведено секретнейшее дело. В книге «Бомба для Гейдриха», изданной в Праге, ставится вопрос: «А не должен ли был Гейдрих погибнуть для того, чтобы уцелел Канарис? Быть может, ценою убийства Гейдриха разведки союзников сохранили жизнь своему наиболее ценному осведомителю?»

Исполнители покушения, конечно, ничего не знали о закулисных играх. Они считали себя народными мстителями. Габчик, Кубиш и Валчик были сброшены с парашютами над территорией Чехословакии. Вначале они укрылись в деревне Лидице, затем перебрались в Прагу.

27 мая 1942 года на крутом повороте улицы Валчик подал сигнал: появился шестиместный открытый «мерседес» с одним пассажиром. Габчик бросился наперерез машине, но его автомат не сработал, заело патрон. Кубиш кинул бомбу. Раздался взрыв! Тяжело раненный Гейдрих выбрался из машины и пытался настичь Кубиша, но, обессиленный, упал. Умер он неделю спустя в больнице.

К вечеру 27 мая развернулась невиданная полицейская акция.

Прага была блокирована. Начались повальные обыски и массовые аресты. Страну захлестнула волна террора. Только за первые шесть дней были казнены четыреста сорок два человека, в течение пяти недель — тысяча триста пятьдесят семь, не считая расстрелянных в сёлах Лидице и Лежаки, которые каратели стёрли с лица земли.

Три участника покушения и четверо их товарищей из другой диверсионной группы были укрыты в подвале православной церкви Кирилла и Мефодия. Но их выдал предатель.

На штурм церкви 18 июня 1942 года было брошено около четырёхсот человек. Трое парашютистов погибли в бою, четверо покончили с собой, стоя по пояс в воде, которую гестаповцы запустили в подвал.

Глава чехословацкой православной церкви епископ Горазд, настоятель собора Чикла, священник Петржек и председатель церковного совета Зонненвенд 3 сентября 1942 года были приговорены к смерти и в тот же день казнены. На православную церковь обрушились страшные репрессии…

Но один из их организаторов, нацистский судья Функ, не ушёл от кары. Год спустя он был убит в Ровно советским разведчиком Николаем Кузнецовым.

Полковник Моравец продолжал работу. Он поддерживал довольно тесный контакт с официальным представителем советской разведки в Лондоне Иваном Андреевичем Чичаевым.

Одним из вопросов, который в то время продолжал беспокоить советское руководство, была возможность сепаратных соглашений союзников с нашим общим противником — Германией. Любая информация на этот счёт представляла интерес. Известно, что и знаменитый полёт «Чёрной Берты» — перелёт Гесса в Великобританию накануне нападения Германии на Советский Союз — представлял большой интерес и для разведки, и для правительства СССР, тем более что всё, связанное с этим перелётом, англичане строго засекретили. Секретность, кстати, не снята и по сей день.

Поэтому сообщение, поступившее из Лондона от Моравца, было немедленно доложено Сталину. Вот его текст:

> «Совершенно секретно.
>
> Государственный Комитет обороны Союза ССР.
>
> Товарищу Сталину. Товарищу Молотову.
>
> Начальник чешской военной разведки полковник Моравец сообщил резиденту НКВД в Лондоне следующее:
>
> Распространённое мнение о том, что Гесс прилетел в

Англию неожиданно, является неверным. Задолго до совершения перелёта Гесс имел переписку по этому вопросу с лордом Гамильтоном. В этой переписке подробно обсуждались все вопросы организации перелёта. Однако сам Гамильтон в переписке участия не принимал. Все письма Гесса на имя Гамильтона адресату не попадали, а получались „Интеллидженс сервис“, где составлялись также ответы Гессу от имени Гамильтона. Таким путём англичанам удалось заманить Гесса в Англию.

Полковник Моравец заявил также, что он лично видел переписку между Гессом и Гамильтоном. По заявлению Моравца, в письмах Гесса достаточно ясно излагались планы германского правительства, связанные с нападением на Советский Союз.

В этих же письмах содержались аргументированные предложения о необходимости прекращения войны между Англией и Германией.

В заключение полковник Моравец заявил, что англичане, таким образом, располагают письменными доказательствами виновности Гесса и других нацистских главарей в подготовке нападения на СССР.

Народный комиссар внутренних дел Союза ССР

(Л. Берия)

Основание: телеграмма из Лондона № 450 от 21.10.42 г.»

Как указывается в «Очерках истории российской внешней разведки», полковник Моравец охотно и честно помогал советской разведке, хотя он, как и чехословацкое правительство в лондонской эмиграции, находился под опекой англичан. Информация чешского полковника была достоверной. Она подтверждала сведения, которые советская разведка и раньше получала о контактах Гесса с английской стороной до его перелёта в Шотландию.

Некоторый интерес представляет документ германских секретных служб «Список лиц, подлежащих аресту в Великобритании после её оккупации». Он был составлен между 1938 и 1940 годами в VI секции РСХА — службы внешней разведки, которой руководил Вальтер Шелленберг. В этом списке наряду с Уинстоном Черчиллем, Зигмундом Фрейдом, де Голлем под номером 173 числится «Моравец Франтишек, род. 23 июля 1895 года. Частлав, прежде чешский капитан, Лондон. Данные РСХА 4Д6».

В 1945 году Франтишек Моравец вернулся в Чехословакию. Но что-то не сложилось у него во взаимоотношениях с новым чехословацким руководством. В конце 1947 года он выехал в США, где и жил до своей смерти в 1966 году. Девять лет спустя вышло посмертное издание его воспоминаний «Хозяин шпионов».

МОРИС БУКМАСТЕР (1902–1992)

В июле 1940 года в Англии было создано Управление специальных операций (УСО). В меморандуме, представленном премьер-министром Черчиллем Военному кабинету, говорилось, что УСО создаётся, «чтобы координировать все акции по подрывной деятельности и саботажу на территории противника» или, как позже заявил он же, «чтобы поджечь Европу».

Основным подразделением УСО стала французская секция, размещавшаяся, как и основные службы УСО, на Бэйкер-стрит, знаменитой тем, что там когда-то «жили» Шерлок Холмс и его друг доктор Уотсон.

Капитан (позднее подполковник) Морис Букмастер впервые переступил порог на Бэйкер-стрит в марте 1941 года, когда работа французской секции только разворачивалась. Он сменил полковника Марриота, ушедшего в отставку.

Из разговора с Марриотом Букмастер выяснил, что информация, поступающая из Франции, мизерна, агентурная работа не ведётся.

— Чем же вы занимаетесь? — поинтересовался Букмастер.

— Подрывной деятельностью.

— Но какой? В чём она заключается?

Полковник помялся, но толком не смог ответить, пробормотал «саботажем и диверсиями».

Букмастер начал с того, что приобрёл справочник французских предприятий, по которому стал подбирать возможные цели для саботажа.

Однажды, в мае 1941 года, находясь на ночном дежурстве, Букмастер впервые встретился с сэром Чарлзом Хамбро, начальником УСО.

— В чём заключаются ваши обязанности? — спросил Хамбро.

— Мне никто об этом не говорил.

— Взорвать Европу, как приказал Черчилль!

— Я понимаю, но как это сделать?

— Ну, — протянул сэр Чарлз, — пока мы имеем всего десять тренированных агентов, этого мало. К тому же мы не хотим, чтобы немцы применили репрессии и расстреливали людей. Но мы хотим координации акций, которые подняли бы температуру во Франции!

— Кто-нибудь уже отправился туда? — спросил Морис.

— Они тренируются.

— Мой Бог! Уже год как мы выброшены из Франции!

Но сэр Чарлз всё же действовал. Тогда же, в мае 1941 года,

первые три агента французской секции были высажены во Франции: комендант Жорж Бегю, капитан Пьер де Вомекурт и Роже Котэн.

Морис Букмастер руководил французской секцией, самой большой и важной в УСО, в течение четырёх лет. Под его руководством четыреста восемьдесят человек, мужчин и женщин, были доставлены во Францию на парашютах, маленьких самолётах «Лайзэндер», подводными лодками и маленькими рыболовными судами.

Много лет спустя, после войны, некоторые авторы полковника Букмастера обвинят в том, что он специально отдал несколько агентов в руки гестапо, чтобы отвлечь его внимание от более важных дел и агентов.

То, что имелись в работе как французской секции, так и всего УСО, ошибки и погрешности, отрицать нельзя. Но не следует забывать, что Букмастер и его сотрудники делали нечеловечески трудную работу. Сам он знал каждого агента, заброшенного во Францию, и болел за него душой. Может быть, по своему мягкому характеру он и не должен был занимать должность, которая обрекала его посылать людей почти на верную смерть. Каждого отправляемого агента он провожал лично, за минуту до отправки ещё раз спрашивал, готов ли тот лететь в тыл врага, и предупреждал, что отказ не приведёт ни к каким плохим или даже просто неприятным последствиям. Все триста семьдесят пять оставшихся в живых агентов (причём двадцать пять из них прошли немецкие тюрьмы и концлагеря) отзывались о нём очень тепло.

Букмастер родился в 1902 году. После окончания Оксфордского университета учился и жил во Франции, стал репортёром парижской газеты «Матэн», затем работал менеджером в компании «Форд» во Франции и Англии. В 1938 году был зачислен в армейский резерв, а с началом войны, в 1939 году, призван в армию. Закончил разведывательные курсы, получил звание капитана и весной 1940 года был отправлен во Францию, участвовал в защите коридора на Дюнкерк, откуда эвакуировались английские войска. Сам он покинул Дюнкерк 2 июня 1940 года с группой раненых.

17 марта 1941 года капитан Морис Букмастер прибыл на Бэйкер-стрит.

Когда Букмастер начинал работу, его штат состоял из восьми человек. За год он увеличился до двадцати четырёх. Помощники его не были «штабными крысами». Кое-кто из сотрудников уже побывал на «поле боя», в немецком тылу во Франции, иные по нескольку раз. Среди них были раненые или бежавшие из

германских либо вишистских тюрем.

Среди его сотрудников был и главный вербовщик капитан Льюис Гилгуд, до и после УСО работавший в «Красном Кресте», а затем, до 1955 года, руководивший кадрами ЮНЕСКО. Он завербовал большинство выдающихся агентов УСО. Другим отличным вербовщиком был капитан Селвин Джексон, автор многих шпионских бестселлеров. Николас Бодингтон, бывший парижский корреспондент «Дейли экспресс», не раз высаживался во Франции, когда надо было разобраться в провалах и устранить их последствия. Майор Борн-Патерсон знал на память не только любую деревушку на карте Франции, но и все места выброски агентов и грузов, все укрытия и явочные квартиры, был «ходячей энциклопедией» французской секции.

Легендарной личностью в штабе Букмастера был майор Жерар Морель. Весной 1940 года он служил офицером связи во французской армии. Тяжелобольным был захвачен немцами в Дюнкерке. Его освободили из лагеря как безнадёжного. Чуть живой, он пробрался в Испанию, оттуда через Бразилию в Португалию, где связался с английской разведкой и попал в УСО. 4 сентября 1941 года он первым из офицеров-разведчиков высадился во Франции не с парашютом (по состоянию здоровья), а с самолёта «Лайзэндер» (это была первая посадка английского самолёта во Франции после Дюнкерка). Морель восстановил связь группы разведчиков со штаб-квартирой, но в результате измены был захвачен через шесть недель. Объявил голодовку и серьёзно заболел. В тюремном госпитале ему сделали операцию; с незажившими швами брюшной полости он бежал из госпиталя в Испанию. Пойманный испанскими пограничниками, был интернирован в лагерь. Снова бежал и добрался до Лондона. Его здоровье ухудшалось. Питался он только сухарями и молоком.

Морель разработал сотни агентурных операций. В феврале 1944 года он вернулся во Францию с неприятной миссией: захватить агента УСО, на которого пало подозрение. Ему удалось это сделать, и он вывез агента в Лондон.

«Добрым ангелом» называли разведчики французской секции Веру Аткинс.

Так как настоящих французов для заброски в немецкий тыл не хватало, «французов» приходилось «создавать» из англичан или канадцев. Сделать Жака Дюпона из какого-нибудь Джона Смита было нелегко, и всей этой работой руководила молодая, интеллигентная, талантливая Вера Аткинс. Те, кто её знал, называли женщиной «холодной, исключительно компетентной, с аналитическим складом ума», «мозгом и сердцем» французской секции. Почти пять лет жизни она отдала этой секции. Вера

Аткинс собирала каждый клочок информации о жизни в оккупированной Франции, обладала энциклопедическими познаниями по всем вопросам, которых может коснуться жизнь забрасываемого агента — работа, передвижения, комендантский час, продовольственные нормы, порядок регистрации в полиции и так далее. Поддельные документы изготавливались в специальной лаборатории УСО, но Вера всегда умела добавить очень важные детали, «семейные» фотографии, старые визитные карточки, письмо от подруги или от бывшего возлюбленного — в общем, всякие мелочи, которые могли бы подтвердить его личность. Она добывала эти вещи из собственных таинственных источников, а кроме того — этикетки французских портных, билеты метро, французские спички и другой реквизит.

Но помимо всего этого она участвовала во всех инструктажах агентов непосредственно перед заброской в тыл врага. Каждый из агентов имел своего ведущего офицера, отвечавшего за его подготовку и проводившего с ним последние перед вылетом дни, но без Вериных консультаций не обходился ни один инструктаж.

Как ведёт себя агент за обеденным столом? Ест ли он на английский или на французский манер? Как кладёт нож и вилку? Как пьёт вино? Часто «занятия» проводились во французском ресторане «Кокиль» в Сохо, где, несмотря на военное время, сохранялась французская кухня и традиции.

Прощальный вечер проходил на служебной квартире главы французской секции Мориса Букмастера, оборудованной на французский лад. Всё должно было создать атмосферу дружелюбия, доверия, надежды на успех.

Вера Аткинс, понимая роль человеческого фактора, в передачи широковещательной радиосети умудрялась вставить информацию для конкретных агентов о жизни и здоровье членов его семьи, о стариках-родителях, о рождении детей, о том, что брат агента, находящийся в действующей армии, жив и успешно продвигается по службе. При этом родственники ничего не знали о местонахождении своего сына или мужа, им было известно лишь то, что он «выполняет задание».

Букмастеру пришлось выдержать жестокую борьбу с Французским комитетом Национального Освобождения (ФКНО, или иначе «Свободная Франция»), руководимым де Голлем.

Французская секция и ФКНО были непримиримыми конкурентами не только в борьбе за «вербовочный контингент», но и в ряде принципиальных вопросов. Теоретически Букмастер не должен был использовать французских граждан. Генерал де Голль настаивал (и получил в этом заверения Черчилля), что все французы, прибывшие в Англию, будут привлекаться к работе

только им. На практике же многие французы, особенно выходцы из колоний, стали агентами УСО.

Почему де Голль выступал против этого? Во-первых, он боялся, что после войны все эти английские агенты осядут во Франции и будут работать на англичан. Во-вторых, он не желал, чтобы агенты УСО проводили на территории Франции террористические акции, диверсии и занимались саботажем, так как это могло вызвать ответные меры немцев и озлобить французский народ против всех, кто ведёт борьбу с немцами, в том числе и против ФКНО. Он считал, что французская секция должна заниматься только разведкой. В беседе с Черчиллем де Голль заявил, что действия английских агентов во Франции «нарушают её суверенитет».

Между УСО и «Свободной Францией» были постоянные конфликты по поводу использования авиации, поставок оружия, добываемой французскими агентами. Англичане относились к французам как к бедным родственникам.

Было время, когда Англия и США вообще не хотели признавать де Голля главой французского освободительного движения. УСО в политические споры не вмешивалось, но со спецслужбами де Голля не сотрудничало.

Де Голль, в свою очередь, не признавал УСО, но его службы весьма охотно сотрудничали с английской военной разведкой.

Несмотря на все усилия Букмастера, 1942 год закончился для французской секции неудачно. Хотя было заброшено большое количество агентов, многие из них были захвачены. Связь с оставшимися постоянно прерывалась на долгие недели, поставки оружия группам Сопротивления прекратились. Недостаток инструкторов и вооружения вызвал разочарование у тех участников Сопротивления, которые опирались на УСО. Из-за нехватки транспортных средств в 1942 году во Франции было высажено всего тридцать шесть агентов и семнадцать радистов, доставлено около двух тонн взрывчатых веществ, двести шестьдесят девять пулемётов, триста восемьдесят восемь пистолетов, восемьсот пятьдесят шесть зажигательных бомб.

Совсем по-другому пошли дела в 1943–1944 годах. Значительно увеличилось количество заброшенных групп и отдельных агентов, хотя потери оставались большими. За первую половину 1944 года забросили сорок пять тысяч пулемётов, семнадцать тысяч пистолетов и т. д.

Агенты УСО, действовавшие как по отдельности, так и вместе с французскими участниками Сопротивления, после открытия второго фронта соединились с союзными войсками.

Согласно отчётам французской секции УСО, во Францию за

годы войны было заброшено четыреста восемьдесят агентов, из них сто тридцать попали к немцам, двадцать шесть из них выжили и были освобождены. Несколько было убито в боях.

Во Франции действовало от семидесяти до восьмидесяти резидентур УСО, тридцать местных групп и ячеек.

После войны во Франции и Германии было создано сорок девять клубов «Друзей Букмастера», объединявших ветеранов французской секции УСО.

ВИЛЬГЕЛЬМ КАНАРИС (1887–1945)

Небольшого роста, разговорчивый, мягкий в обращении, с чёрными, но рано поседевшими волосами и явно неарийскими чертами лица — таким описывали современники этого человека.

Происхождение адмирала Вильгельма Франца Канариса тёмно, а прошлое путано. По одной версии, его предки — выходцы из Италии, по другой — из Греции. Эта версия, в свою очередь, делится на две. Согласно первой, его предком был Константин Канарис, видный деятель греческого национально-освободительного движения 1820-х годов, моряк, разгромивший турецкий флот. Причём эту версию запустил в жизнь не кто иной, как сам император Вильгельм II, написавший на полях одного документа, где упоминалась фамилия молодого моряка Вильгельма Канариса: «А не является ли этот Канарис потомком национального героя греческой войны за независимость?»

Сам Канарис никогда не опровергал своего родства с героем и скромно улыбался, когда его спрашивали об этом. Но скорее всего правы те, кто утверждал, что его предки — мелкие торговцы, переселившиеся в XIX веке из Греции в Германию и разбогатевшие там. Это и дало ему возможность поступить в своё время на престижную военно-морскую службу в императорском флоте.

В начале Первой мировой войны Вильгельм оказался младшим офицером крейсера «Дрезден», совершавшего рейды в Атлантическом океане и топившего торговые суда союзников. В боевых подвигах Канарис не был замечен, но его ценили как человека, способного всегда найти в нейтральных портах общий язык с поставщиками и местными властями, которые благодаря этому не только не создавали помех, но напротив, содействовали снабжению «Дрездена» всем необходимым. Кроме того, он умело распространял ложные слухи о дальнейшем маршруте крейсера, и когда они доходили до англичан, те искали «Дрезден» совсем не там, где он находился на самом деле. Однако, несмотря на всё хитроумие Канариса, «Дрезден» всё же был обнаружен в одном из бесчисленных заливов чилийского побережья.

После того как «Дрезден» затопили, Канарису удалось избежать интернирования. Тут опять какая-то путаница в его похождениях. По одним данным, он оказался в США, где связался с фон Папеном, в то время германским военным атташе и резидентом в Вашингтоне. До 1916 года Канарис скрывался в США, выполнял задания Папена и участвовал в организации нескольких взрывов и поджогов. В 1916 году, опасаясь

разоблачения, бежал в Мадрид. По другим данным, после затопления «Дрездена» Канарис на английском судне с фальшивым чилийским паспортом на имя сеньора Рид-Рососа вернулся в Европу. Выдавая себя за чилийского гражданина, работал в Мадриде против союзников весь 1915 год. Он субсидировал арабские племена в Марокко и Западной Африке, подстрекая их к восстаниям против Англии и Франции. Готовил диверсии и якобы взорвал девять английских судов. Кроме того, завербовал множество агентов, в том числе и знаменитую Мата Хари. Про Канариса также рассказывали, что, оказавшись в итальянской тюрьме, он придушил священника, пришедшего его исповедовать, переоделся в его одежду и скрылся. Канарис любил слушать все эти россказни о своих похождениях, никогда ничего не отрицал и не подтверждал и лишь загадочно улыбался.

В конце Первой мировой войны он какое-то время служил на подводных лодках, затем стал командиром линейного корабля «Шлезвиг».

В 1918 году Германия капитулировала. По условиям капитуляции германский флот был уведён в английскую бухту Скапа-Флоу и там потоплен. Моряки сошли на берег и остались не у дел.

Канариса, хотя он и был морским офицером, всегда тянуло в разведку. Он охотно брался за выполнение секретных заданий, знал всё и обо всех и первым сообщал новости своим друзьям. Сослуживцы называли его «Кикер» («Подсматривающий»).

Если говорить о его политических взглядах, то он ненавидел большевизм и тяготел к национал-социализму. Как всякий деятель нацистской Германии, чьё прошлое было сомнительным (у Гейдриха, например, отец был наполовину евреем, о чём, кстати, знал Канарис и этим шантажировал Гейдриха; у самого фюрера тоже были нелады с предками и т. д.), Канарис был особенно рьяным германским националистом.

В 1919 году он стал сотрудником германской разведки или, скорее, контрразведки. В этой роли он участвовал в убийстве вождей «Спартаковской» (коммунистической) партии Германии Карла Либкнехта «при попытке к бегству» и Розы Люксембург по пути в тюрьму. Он снабдил убийц настоящими паспортами и помог им скрыться.

После этого он вёл переговоры о строительстве в Испании, Голландии и Японии подводных лодок для Германии, которой по Версальскому договору было запрещено иметь подводный флот.

В 1920 году Канарис принимал участие в неудавшемся «капповском путче», направленном на восстановление монархии и установление диктатуры военщины.

После этого на какое-то время был вынужден оставить службу и вернулся на неё уже после прихода Гитлера к власти, заняв пост начальника военно-морской базы в Свинемюнде. Но долго на этом посту он не засиделся. В конце 1934 года был снят с должности начальника военной разведки капитан 1-го ранга Патциг. А уже 5 января 1935 года на неё был назначен вице-адмирал Вильгельм Канарис. Военная разведка — абвер — подразделялась на три отдела. Абвер-I занимался сбором информации от немецкой и иностранной агентуры, абвер-II — саботажем и диверсиями и абвер-III — контрразведкой на территории Германии.

Гитлер чувствовал себя ещё не очень уверенно и вынужден был пойти на уступки генералам, предоставив на первых порах абверу почти полную независимость. Гитлер вызвал Канариса, долго беседовал с ним и поручил ему сделать абвер такой мощной организацией, которая не уступала бы разведслужбам западных государств.

Одной из крупнейших акций Канариса на первом этапе его деятельности стала поддержка генерала Франко, поднявшего фашистский мятеж против республиканского правительства.

Тайное сотрудничество Канариса с молодым майором Франко началось ещё в 1916 году, когда Канарис организовывал восстания арабских племён. Старые друзья вновь встретились двадцать лет спустя. Узнав о предстоящем мятеже, Канарис отложил в сторону другие дела и все силы направил на то, чтобы убедить германское руководство оказать генералу Франко максимально возможную помощь. Гитлер и Геринг быстро поняли все выгоды, которые они смогут извлечь из победы Франко: уничтожение Испанской республики, установление родственной по духу фашистской диктатуры и приобретение важнейшего плацдарма на юго-западе Европы.

В конце июля 1936 года на заседании, в котором участвовали Гитлер, Геринг, военный министр фельдмаршал Бломберг и адмирал Канарис, было принято принципиальное решение об оказании помощи Франко. После этого Канарис улетел в Италию, где с помощью своего итальянского коллеги генерала Роатта убедил и Муссолини оказать поддержку генералу Франко.

Вернувшись, Канарис занялся организацией снабжения оружием и боеприпасами франкистских войск. «Эта хитрая лиса» Канарис организовал и поставки оружия республиканцам, правда, негодного, вышедшего из строя или специально испорченного, времён Первой мировой войны. Для этого он создал подставные фирмы в Чехословакии, Финляндии, Польше и Голландии.

Канарис много раз летал в Испанию, где встречался с

Франко, координировал участие в боевых действиях немецкого авиационного легиона (корпуса) «Кондор» и решал другие вопросы боевого взаимодействия, вместе с Франко объезжал фронты. Он также руководил переброской в Испанию немецких военнослужащих, что делалось в глубокой тайне (известны случаи смертных приговоров нескольким офицерам за то, что они сообщили семьям, куда их направляют)

Все тридцать два месяца Испанской войны Канарис был на её «переднем крае». Именно он сумел убедить Франко присоединиться к антикоминтерновскому пакту. Помощь, оказанная Германией режиму Франко, составила пять миллиардов марок.

Ещё шла война в Испании, когда Гитлер задумал аннексию Австрии. В этой операции абверу и лично Канарису отводилась немаловажная роль. Дело в том, что в это время Германия фактически не была готова к войне, а совершить «аншлюс» Гитлеру очень хотелось. Поэтому Канарису было поручено провести дезинформационные мероприятия, направленные на то, чтобы запугать австрийское руководство и заставить его принять германские условия. Никакого продвижения и концентрации германских войск на австрийской границе в то время не проводилось, но Канарис так умело распустил ложные слухи о военных приготовлениях Германии и высокой боеспособности её войск, что это оказало решающее влияние на действия австрийского правительства и на мировое общественное мнение. Все смирились с тем, что военная мощь Германии поистине велика. Австрия пала, а впереди уже маячило Мюнхенское соглашение.

Однако в это же время у Канариса возникли первые сомнения в правильности гитлеровской политики завоеваний. Он, как и многие его друзья из генеральской среды, отнюдь не был пацифистом. Просто они видели, что Германия к захватнической войне не готова, и в далёкой перспективе планы Гитлера обречены на провал. Заговора, как такового, ещё не было но заговорщики уже существовали и готовили его.

С этого времени начинается шестилетний путь участия Канариса в заговорах против Гитлера, приведший его, в конце концов, к аресту и гибели. Однако нас интересует не Канарис-заговорщик, а Канарис-разведчик поэтому мы не будем исследовать его оппозиционную деятельность. Может быть, только в той части, которая касается его контактов с союзниками и затрагивает вопрос, был ли Канарис английским шпионом или нет. Одной из его акций в этом направлении явилась посылка в Лондон Эвальда Клейста в 1938 году для проведения секретных

переговоров. Он летал туда открыто, на самолёте Ю-52, и это не могло быть секретом для гестапо, хотя он и не подвергся репрессиям. Однако тогда тайные переговоры не понадобились: англичане сами приехали к Гитлеру на поклон в Мюнхен в сентябре 1938 года, что, по существу, дало зелёный свет Второй мировой войне.

Накануне Второй мировой войны Канарис оказался в необычной ситуации: с одной стороны, он был главой разведки воюющего государства и довольно успешно руководил ею, а с другой — сочувствовал и помогал неприятелю. В том-то и был парадокс, что будучи противником Гитлера, Канарис добросовестно работал на него, совершенствовал структуру абвера, засылал за рубеж и вербовал там агентуру. Организация Канариса хотя и уступала по своему значению численности гестапо, всё же к 1943 году насчитывала тридцать тысяч человек, в том числе восемь тысяч офицеров.

В Германии действовали четыре основных разведывательных центра, которые занимались сбором информации за рубежом: отделение абвера в Кёнигсберге работало против СССР; мюнхенское отделение вело разведку на Балканах и в странах Средиземного моря; кёльнское работало по Франции, а гамбургское — по Англии, Скандинавии и странам американского континента.

Свои основные разведцентры Канарис ещё до войны разместил в столицах нейтральных стран: Мадриде, Лиссабоне, Берне, Анкаре, Стокгольме, а также в Будапеште. При этом он исходил из того, что эти города вряд ли будут оккупированы в ходе войны той или иной стороной, поэтому в них свободно смогут въезжать бизнесмены, дипломаты, чиновники и журналисты, то есть тот контингент, на который опирается разведка. Временные разведывательные центры он организовал в Брюсселе, Варшаве, Софии, Бухаресте, Гааге и Париже, которые в случае войны могут стать вражескими столицами, а потом будут оккупированы. Поэтому он создал там оперативные разведывательные группы на случай немецкого вторжения. Аналогичные группы он создал в прибалтийских столицах. И ещё один важный центр деятельный адмирал организовал в Ватикане, городе-государстве, имевшем собственные шифры и представителей во многих государствах мира.

С прибалтийскими государствами были заключены соглашения о координации действий военной разведки. Прибалты, выполняя указания немцев, устроили агентов Канариса в учреждения английской разведывательной службы в Каунасе, Риге и Таллине. В этих городах и в Гааге служба

Канариса ежедневно получала донесения о деятельности английской разведки.

Будучи начальником абвера, Канарис был в то же время первым заместителем генерала Кейтеля — начальника главного штаба Вооружённых сил Германии (ОКВ), поэтому разработка всех планов гитлеровской агрессии происходила при его непосредственном участии.

В период «странной войны» (сентябрь 1939 — май 1940 года) агенты абвера собирали подробную информацию о положении в тылу союзных войск, мостах, дорогах, системах обороны. Шла война разведок и контрразведок. Соответствующей службе абвера удалось выявить и обезвредить агентов союзников. Одной из задач, которую выполнял абвер, была кража с военных складов в Бельгии и Голландии комплектов униформы. Они потребовались для того, чтобы одеть германские передовые ударные части, которые должны были неожиданно захватить мосты через Маас и Мозель. И когда «странная война» закончилась и немцы вступили в Бельгию и Голландию, мосты были действительно захвачены «лицами, одетыми в форму союзников» и удерживались до подхода немецких войск. Многочисленные диверсии нарушили всю систему обороны союзников, снабжение, пути сообщения и связь.

Одной из важнейших акций первого периода войны был захват немцами Норвегии в апреле 1940 года. Выполняя указания фюрера, Канарис через свою агентуру собрал все необходимые данные для успешного проведения этой операции. Но с другой стороны, он через своих людей предупреждал о ней и англичан, и норвежцев. Конечно, он не желал поражения Германии, но считал, что своевременное появление у берегов Норвегии британского флота заставит Гитлера отказаться от своего намерения. Однако, когда речь зашла о том, чтобы действовать, Канарис выполнил свои прямые обязанности. Именно абвер и его агенты в Осло направляли германские корабли и руководили деятельностью немецких военных атташе, которые вместе с норвежскими офицерами-квислинговцами подготовили к обороне немецкое посольство. Они же обеспечили высадку воздушного десанта, который захватил Осло после того, как германскому флоту не удалось это сделать. Не случайно именно после норвежских событий Канариса из вице-адмиралов произвели в адмиралы.

Когда фюрер назначил точную дату наступления на Западе — 10 мая 1940 года, — Канарис ещё раз решил предупредить союзников. Он послал своего офицера Йозефа Мюллера в Рим, где тот сообщил эту дату одному из старших бельгийских

дипломатов при Ватикане. Бельгийский посол своевременно, 1 мая, проинформировал своё правительство. Но, как это часто бывает, информация была проигнорирована, а немецкое вторжение началось точно в назначенный срок.

Но в этой истории есть одна загадка. Дело в том, что Канарис проинформировал и Швейцарию о предстоящем 10 мая нападении немцев. Не было ли это игрой, заставлявшей союзников ожидать удара с двух флангов и распылять свои силы? До сих пор эта загадка не разрешена.

После капитуляции Франции Гитлер приказал готовить план высадки в Англии — «Морской лев». Но уже через пару месяцев он практически охладел к этой идее. Такому решению, в частности, способствовали сводки Канариса, намного завышающие оборонительные способности Великобритании.

Английская разведка в этой связи предупреждала своих сотрудников: «Не делайте ничего, что могло бы повредить Канарису. Его провалы настолько серьёзны, что оказывают нам помощь».

Но если оценивать ситуацию глубже, дело было не в Канарисе. Гитлер строил уже другие планы — он обратил свои взоры на Восток, где таинственно и грозно готовился к обороне его главный противник — Советский Союз. Разговоры о предстоящей высадке в Англии продолжались, но только это был манёвр, отвлекающий от действительных намерений Гитлера.

К подготовке нападения на СССР ОКВ приступило сразу же после окончания французской кампании, и Директива № 21 от 18 декабря 1940 года — «План Барбаросса» — лишь «узаконила» эту подготовку.

Канарис и руководимый им абвер получили указание максимально усилить разведывательную и диверсионную работу против СССР. Соответствующие приказы были даны периферийным и армейским отделам.

Интересные показания по этому поводу дал заместитель начальника диверсионного отдела абвера Штольце на Нюрнбергском процессе: «В приказе указывалось, что в целях нанесения молниеносного удара против Советского Союза абвер-II при проведении подрывной работы должен использовать свою агентуру для разжигания национальной вражды между народами Советского Союза. В частности, мною лично было дано указание руководителям украинских националистов германским агентам Мельнику (кличка „Консул-1“) и Бандере организовать сразу после нападения Германии на Советский Союз провокационные выступления на Украине с целью подрыва ближайшего тыла советских войск, а также для того, чтобы убедить международное

общественное мнение в происходящем якобы разложении советского тыла».

Германская разведка, возглавляемая Канарисом, собрала большую информацию о Советском Союзе и его вооружённых силах. В результате в начале 1941 года управление Канариса подготовило и издало секретный бюллетень германского генштаба «Вооружённые силы Советского Союза по состоянию на 1 января 1941 года» с оценкой материальных и людских ресурсов нашей страны, а также боевых и моральных качеств Красной армии.

Ещё накануне войны фашистские вербовщики по всей Европе выискивали «благонадёжных» белогвардейских эмигрантов. В лабораториях абвера и в технологическом институте под Берлином испытывали мощную взрывчатку и яды, конструировали специальное оружие и экипировку, готовили документы прикрытия. Работали шпионско-диверсионные школы, создавались специальные разведывательно-диверсионные формирования (полк, а потом дивизия «Бранденбург-800», учебный полк «Курфюрст», батальоны «Бергман»). При Кёнигсбергском университете и при штабе командования абвер организовал курсы переводчиков русского языка, где готовились агенты для работы в советском тылу.

Массовая заброска агентуры участилась в середине июня 1941 года. Только за четыре дня, с 18 по 21 июня, и только на Минском направлении было задержано и обезврежено несколько десятков групп. В ночь на 22 июня абвер перебросил через границу наземным и воздушным путём значительное количество мелких диверсионных групп в гражданской одежде и, как это уже повелось у немцев, в форме противника — Красной армии.

С началом войны абвер развернул массовые диверсионные операции, которыми руководил его специальный орган «Валли-II». Гитлеровцам удалось добиться некоторых успехов: в отдельных районах была нарушена связь, определены места для высадки десантов, пущен под откос поезд. В ряде мест удалось распространить панические слухи. В Москву и её пригороды было заброшено несколько групп агентов с заданием устроить массовые диверсии, взорвать высоковольтную линию Углич — Москва. Большинство этих диверсантов выловили, и агентуру нужно было восполнить.

Упомянутый выше Эрвин Штольце предложил Канарису сделать ставку на военнопленных, вербовать агентуру в лагерях. Однако эта затея провалилась. Обозлённый Гитлер в директиве от 18 декабря 1941 года писал: «Пленные, в особенности молодое поколение, беззаветно преданы большевикам. Они способны на

всякую низость…»

Тогда руководство абвера отказалось от «гуманных» способов вербовки. Пленные были поставлены перед выбором: или умереть под пулями, от голода и болезней, или пойти работать на фашистскую разведку. Большое внимание уделили и раздуванию национализма, особенно украинского, мусульманского и грузинского. Согласившихся служить тщательно проверяли и направляли в разведывательные школы. Но практика показала, что делая ставку на военнопленных, Канарис просчитался. Более половины заброшенных в советский тыл диверсантов явились с повинной.

Неудачной оказалась и попытка привлечь к агентурной работе (с заброской через линию фронта) уголовников. Они соглашались «трудиться» на немцев в их тылу в качестве полицаев и карателей, но в советский тыл не стремились.

Испытывая трудности с подбором диверсантов, абвер решился на чудовищный план: использовать в качестве диверсантов детей, в основном воспитанников детских домов, вывезенных в Германию. Детская диверсионная школа была создана в Гемфуте, вблизи Касселя. Мальчиков соответствующим образом «воспитывали» как «детей Великой Германии», возили на экскурсии, подкармливали, развивали нездоровые инстинкты.

В ночь с 28 на 29 августа и 1 сентября 1943 года несколько групп детей в возрасте тринадцати—пятнадцати лет на парашютах были сброшены в тыл Красной армии от Калинина до Харькова. Они был снабжены минами, замаскированными под куски каменного угля, которые нужно было подбрасывать в тендеры паровозов или на склады угля. Но и эта операция провалилась. Все дети с парашютами и взрывчаткой добровольно явились в воинские части, милицию, органы госбезопасности.

Канарис любил хвастаться своими успехами. «Ни одно государство, — заявил он офицерам своего штаба, — не вступало в войну с такой полной информацией о противнике, какую мы имели о России». Мягко говоря, это заявление несколько преувеличено, и об этом неоднократно говорили Гитлер и его генералы. Луи де Йонг в своей книге «Немецкая пятая колонна во Второй мировой войне» писал: «Вообще говоря, немцы были поразительно плохо информированы о фактической военной мощи Советского Союза, не говоря уже о том, до каких размеров она могла быть увеличена в дальнейшем… Они значительно недооценили также русские военно-воздушные силы. О мощи русских танковых войск Гитлер имел весьма слабое представление». Генерал Блюментрит, бывший начальник штаба 4-й армии, в 1956 году писал: «Нам было очень трудно составить

ясное представление об оснащении Красной армии. Русские принимали тщательные и эффективные меры безопасности… У нас было мало сведений относительно русских танков».

Когда началась война, Канарис оказался на Восточном фронте и наступал с войсками почти до Москвы. Только там он понял, насколько неправильным было представление немецкого руководства и его самого о силе и резервах Красной армии. Он предупредил Верховное командование, что немецкие войска «никогда не достигнут Москвы». Аналогичное предупреждение он сделал и в следующем году перед началом наступления на Кавказ. Гитлер проигнорировал его мнение, однако, как говорится, «взял Канариса на заметку».

Абвер успешно вёл радиоигры на Западе. Внедрившихся в организации Сопротивления немецких агентов, а также перевербованных агентов английской разведки из числа заброшенных на территорию Франции абвер успешно использовал как приманку. Таким было, например, дело Матильды Каррэ (см. очерк о ней) и некоторые другие дела, в которых сотрудники абвера проявили себя как профессионалы с наилучшей стороны. Англичанам передали много дезинформации и немало английских агентов выманили во Францию и схватили. Характерно, что многих английских агентов и резидентов удалось склонить к признанию и выдаче своих сообщников обещанием, что всем им будет предоставлен статус военнопленных. И действительно, разведчики, попавшие в руки гестапо, были казнены сразу или отправлены в концлагеря, где их ждала та же участь. Тем же, кто оставался в распоряжении абвера, удалось выжить до конца войны в лагерях военнопленных. Скорее всего, сотрудники абвера выполняли указания Канариса, надеявшегося таким способом смягчить свою и их участь после неизбежного краха.

Абвер пытался вести радиоигры и на Восточном фронте. Одной из них стала операция, получившая у нашей разведки кодовое наименование «Монастырь». Ею руководил начальник 4-го управления НКВД генерал Судоплатов.

Суть её вкратце заключалась в следующем: советский разведчик «Гейне», Александр Демьянов, впоследствии участник операции «Березино» (см. очерк об Отто Скорцени), «перебежал» в феврале 1942 года на сторону немцев, был «завербован» ими и заброшен в тыл Красной армии. По легенде, он оказался в окружении маршала Шапошникова, откуда «черпал» самую свежую и «ценную» информацию. Не только абвер, но и руководство вермахта безоговорочно верили всему тому, что поставлял им «Гейне». Как стало известно впоследствии, высшие

немецкие военачальники не принимали решений, не получив донесений «Гейне». Его считали чуть ли не единственным прямым источником сведений из Москвы. О наличии у немецкого абвера ценного источника в Москве стало известно и английским спецслужбам. В 1943 году Черчилль даже сообщил Сталину, что «в штабе Красной армии есть немецкий агент».

Особенно большую, можно сказать уникальную, роль сыграл «Монастырь» при подготовке советского контрнаступления под Сталинградом, а также в Курской битве. В первом случае удалось убедить немцев, что Красная армия готовит удар под Ржевом (куда даже был переведён из-под Сталинграда Г. К. Жуков), а во втором — скрыть замысел активной обороны и последующего решительного контрнаступления.

Неудивительно, что провалы абвера вызывали недовольство Гитлера. Умышленно или по нерадивости агентуры, но Канарис терпел поражения на всех фронтах: часто его информация не соответствовала действительности.

Наряду с этим, у гестапо возникли подозрения в отношении самого Канариса. Некоторые из его сотрудников были сняты с постов и арестованы по обвинению в тайных сношениях с англичанами.

В январе 1944 года гестапо провело облаву на немцев, недовольных режимом Гитлера. Среди них были друзья и единомышленники Канариса. Всё это ослабляло его позиции. Но настоящая буря разразилась во время доклада Канариса Гитлеру о положении на русском фронте в феврале 1944 года. Слушая доклад Канариса, фюрер сначала пристально наблюдал за ним, а затем вдруг опрокинул стол, бросился к адмиралу и вцепился в его мундир.

— Вы что, пытаетесь доказать мне, будто я проиграл войну?! — в истерике кричал Гитлер.

Он тут же снял Канариса с должности. Заодно было покончено и с абвером. Его передали в подчинение Гиммлеру, который с этого дня возглавил единую разведывательную службу гитлеровской Германии.

Канарису подыскали какую-то второстепенную работу в армии в области снабжения. Близкие друзья советовали адмиралу бежать с семьёй в Испанию под крылышко его друга генерала Франко. Но он отказался.

В июне 1944 года были совершены неудачные попытки покушения на Гитлера и государственного переворота. Канарис не участвовал в заговоре, но знал о нём. Услышав о неудавшемся покушении, Канарис немедленно отправился на службу и успел поставить свою подпись под телеграммой фюреру с

поздравлениями по случаю счастливого спасения от смерти. Не сделав никакой попытки скрыться, он продолжил работать в хозяйственном управлении. Жену и дочерей отправил в Баварию и стал ожидать развития событий. Через два дня после покушения Канарис был арестован лично Шелленбергом, ставшим его преемником в абвере.

Гестаповцы начали тщательное расследование — ведь нельзя было просто так казнить известного человека, друга генерала Франко, тем более что его участие в заговоре никем не было подтверждено. После того как были найдены отдельные доказательства контактов с англичанами, Канариса перевели в крепость Флоссенбург, где днём и ночью держали в кандалах.

Однажды Гитлер напомнил Кальтенбруннеру о заключённых в крепости Флоссенбург.

— Этих изменников надо уничтожить без всякой церемонии! — в исступлении кричал фюрер.

9 апреля 1945 года, ровно за месяц до конца войны, Канариса казнили вместе с пятью другими заключёнными. Один из палачей-эсэсовцев показал на суде, что Канарис был повешен в железном ошейнике и умер в мучениях только через полчаса после повешения. Тела казнённых были сожжены на костре во дворе тюрьмы. Правда, ходили слухи, что Канарис остался жив, но они были опровергнуты.

Английский исследователь Кукридж писал о Канарисе, что он «безжалостно истребил сотни людей… был склонен к интригам и заговорам», а Курт Рисс, автор книги «Тотальный шпионаж», назвал Канариса «хитрым, коварным, изворотливым и наглым авантюристом». И ещё о Канарисе говорили, что если бы его не повесил Гитлер, это должен был бы сделать Нюрнбергский трибунал.

ВАЛЬТЕР ШЕЛЛЕНБЕРГ (1910–1952)

Он был одним из самых молодых деятелей нацистского рейха. Когда Гитлер устраивал «пивной путч» и писал «Майн кампф», Вальтер ещё учился в пятом классе высшего реального училища в Люксембурге. Туда его отец, владелец фабрики по производству фортепиано, переехал из Саарбрюккена, где его дела пришли в упадок.

В 1929 году Вальтер поступил в Боннский университет, сначала он изучал медицину, а потом юриспруденцию, и политикой не интересовался. В нацистскую партию и в СС Вальтер вступил в 1933 году только ради служебной карьеры и потому, что ему нравилась чёрная эсэсовская форма. Правда, ему нравилось в Гитлере и то, что тот боролся за восстановление величия Германии.

По служебной лестнице молодой юрист продвигался очень быстро. Его покровителями стали Гейдрих и Гиммлер, руководители Главного управления имперской безопасности (РСХА). В 1939 году он уже отвечал за организацию разведывательной работы за границей и одновременно, будучи начальником отдела Е в IV управлении РСХА, за контрразведывательную работу внутри Германии. Он постоянно общался не только со своими непосредственными начальниками и коллегами — Гейдрихом, Гиммлером, Кальтенбруннером, Канарисом, Мюллером, но и с Риббентропом, Гессом и с самим фюрером.

Рабочий кабинет Шелленберга напоминал декорацию к голливудскому триллеру. Вот как он сам описывает его:

«Возле огромного письменного стола стоял вращающийся столик, на котором было много телефонов и микрофонов. В обивке стен и под письменным столом, а также в лампе были вмонтированы невидимые для глаза подслушивающие устройства, автоматически фиксирующие любой разговор или даже шорох. Вошедшему бросались в глаза маленькие проволочные квадратики, расставленные на окнах; это были установки контрольной электросистемы, которые я вечером, уходя из кабинета, включал, приводя в действие систему сигнализации, охраняющую все окна, сейфы и различные двери в служебном помещении. Достаточно было просто приблизиться к этому месту, охраняемому при помощи селеновых фотоэлементов, как раздавался сигнал тревоги, по которому за считанные секунды прибывала вооружённая охрана.

Даже мой письменный стол напоминал маленькую

крепость, — в него были вмонтированы два автомата, стволы которых могли осыпать пулями помещение кабинета. Как только дверь моего кабинета открывалась, стволы автоматов автоматически нацеливались на вошедшего. В случае опасности было достаточно нажать кнопку, чтобы привести в действие это оружие. Вторая кнопка позволяла мне подать сигнал тревоги, по которому все входы и выходы из здания сразу же блокировались охранниками».

Шелленберг не входил в число нацистских лидеров, его фотографии редко появлялись в газетах, его имя было незнакомо публике. В то же время его положение позволяло ему быть в курсе политики, проводимой Гитлером по отношению к противнику, союзникам Германии и оккупированным странам.

Помимо общего руководства разведывательными операциями, Шелленберг лично принимал участие в некоторых из них, вошедших в историю разведки и Второй мировой войны.

Вскоре после начала войны, в октябре 1939 года, германская разведка начала вести довольно успешную «игру» с английской «Интеллидженс сервис». Через своего агента в Голландии, внедрённого к англичанам, немцы начали поставлять им дезинформацию о том, что в германском вермахте якобы существует оппозиционная Гитлеру группа генералов, ищущая контактов с Западом. Целью «игры» было нащупать и взять под контроль некоторые звенья английской шпионской сети в Германии.

Шелленберг лично отправился в Голландию под видом представителя оппозиции.

Поскольку Шелленберг по молодости лет не походил на генерала, он привлёк к этой операции профессора доктора Криниса, имевшего солидную, «генеральскую» внешность. Шелленберг и Кринис провели несколько встреч с представителями английской разведки капитаном Сигизмундом Пейном Бестом и майором Ричардом Стивенсом. Их отношения развивались благоприятно для Шелленберга и немецкой разведки, как вдруг произошло неожиданное: на Гитлера в Мюнхене было совершено покушение. Фюрер решил обвинить в этом англичан и приказал захватить Беста и Стивенса, якобы организовавших это покушение. Шелленберг был против этого, но пришлось подчиниться. Во время очередной его встречи с англичанами в городке Венло на голландской территории туда через границу прорвался специальный отряд СС, который захватил англичан и перевёз их на германскую территорию. Сопровождавший их голландский офицер в завязавшейся перестрелке был смертельно ранен.

«Привязать» Беста и Стивенса к делу о покушении на Гитлера не удалось. Но, попав в руки гестапо, они рассказали всё, что знали о деятельности английской разведки. Кроме того, у немцев остался переданный Стивенсом английский передатчик и секретные коды.

Этот эпизод получил название «Операция „Венло“» и стал поводом для обвинения Гитлером голландского правительства в нарушении нейтралитета. На этом основании 10 мая 1940 года Германия вторглась в Голландию, которая капитулировала через четыре дня.

Бест и Стивенс содержались в концлагере до конца войны.

В 1940 году, вскоре после капитуляции Франции, Шелленберг по указанию Риббентропа вылетел в Лиссабон. Там в это время находился герцог Виндзорский, экс-король Англии, отрёкшийся от престола из-за женитьбы на дважды разведённой американке миссис Симпсон. Шелленберг должен был склонить герцога Виндзорского выехать в Швейцарию или другую нейтральную страну. Учитывая, что сам герцог, а особенно его супруга были настроены прогермански, Гитлер рассчитывал после успешного завершения операции «Морской лев» и захвата Англии посадить на британский престол своего «карманного» короля.

Но участие Шелленберга в этой операции успеха не принесло. Патриотическое чувства герцога оказались сильнее, и он выехал на Багамские острова, где занял пост губернатора.

За несколько месяцев до нападения Германии на Советский Союз Шелленберг сосредоточился на подготовке, обучении и заброске агентуры в СССР. Одновременно он усилил и работу контрразведки против русских, обратив внимание не только на советских дипломатов, но и на эмигрантов. Каждый третий из эмигрантов стал его агентом. В будущем Шелленберг намеревался использовать этих агентов для работы на оккупированной территории. В своих мемуарах Шелленберг пишет: «Мы раскрыли многочисленную агентуру, маршруты курьеров и местонахождение секретных передатчиков… Нам также стало многое известно о методах их работы и об отношениях между различными группами агентов, работавших на них». Скорее всего, он преувеличивает. Непосредственно перед войной советская разведка не понесла существенных потерь в Германии.

22 июня 1941 года Шелленберг был официально назначен начальником VI управления РСХА — службы разведки за рубежом. Вскоре он получил возможность убедиться в том, что донесения немецкой разведки неправильно отражали военный и экономический потенциал и политическое положение в

Советском Союзе, его способность к сопротивлению. Полной неожиданностью стала умело организованная партизанская война.

Взявшись за перестройку разведывательной службы, Шелленберг особое внимание уделил операции «Цеппелин» — массовой заброске агентурных групп из русских военнопленных на парашютах в глубокий тыл Советского Союза. Они проходили тщательную подготовку, всестороннюю проверку и подвергались идеологической обработке. «В конце концов, — признаёт Шелленберг, — большинство из них было захвачено НКВД».

Шелленберг привлёк к борьбе против Красной армии Власова и других лиц, перешедших на сторону немцев. В своих мемуарах он рассказывает о том, как боевая часть, составленная из военнопленных и носившая название «Дружина», под командованием полковника Родионова (кличка «Гиль») перебила отряд СС, сопровождавший колонну пленных, и перешла на сторону партизан. Вообще партизаны доставляли немцам немало неприятностей.

Гитлер хотел получать исчерпывающую информацию о русских партизанских соединениях, их организации, подчинении и задачах. Его удивляло, что советский народ встретил немецкую армию не «хлебом-солью», а широкомасштабной партизанской войной. Шелленберг дал этому своё объяснение: «Русские воспользовались жестокостью, с которой немцы вели войну, в качестве идеологической основы действий партизан. Так называемый „Приказ о комиссарах“, требовавший расстреливать всех комиссаров без исключения, пропаганда о „недочеловеческом“ в характере российских народов, массовые расстрелы… — были аргументами, способными вызвать неукротимый дух сопротивления». Его доклад был отвергнут фюрером и его окружением.

Точно так же был отвергнут и его доклад о необходимости пересмотра политической и военной стратегии в России, так как она строилась на неправильной оценке советского потенциала. Более того, Гитлер приказал арестовать по обвинению в пораженческих настроениях всех экспертов, принимавших участие в составлении доклада. Шелленбергу удалось отстоять своих сотрудников, но убедить в своей правоте ему не удалось ни Гитлера, ни Гиммлера.

Одним из направлений работы VI управления РСХА было получение информации от агентуры, находившейся в высокопоставленных советских штабах. Останавливаться на этом не будем, так как этот вопрос освещён в других очерках (о Судоплатове, Скорцени, Канарисе), из которых явствует, что

гитлеровские спецслужбы в данном случае стали жертвой «игры», которую вела с ними советская разведка в операциях «Монастырь» и «Березино», а также в радиоиграх.

В 1942 году спецслужбы Германии разоблачили и ликвидировали крупномасштабную советскую разведывательную сеть, которой дали название «Красная капелла». По существу, таких сетей было две: одна в Берлине, которой руководили Шульце-Бойзен и Харнак, и вторая в Брюсселе, которой руководил Треппер. В разоблачении этих групп значительную роль сыграл Шелленберг. Захватив шестьдесят четыре радиопередатчика, немцы начали «радиоигру». Правда, Шелленберг признаёт, что «три месяца пришлось давать правдивую и ценную информацию, чтобы русские нам поверили». А потом… потом русские поняли, что с ними ведут «игру», и стали действовать соответственно обстоятельствам. Таким образом, если ликвидация «Красной капеллы» и была успехом, то дальнейшего развития этот успех не принёс.

Германия ещё была в зените своего могущества, когда Шелленберг начал задумываться об «альтернативном варианте окончания войны». В августе 1942 года у него состоялся на эту тему конфиденциальный разговор с Гиммлером, который после убийства в Праге Гейдриха стал его непосредственным начальником. Получив принципиальное согласие Гиммлера, Шелленберг заявил, что при условии отстранения Риббентропа сможет установить по линии полицейской разведки информационный контакт с западными державами.

После этого Шелленберг вышел в Швейцарии на «официальное лицо Британии», которое выразило готовность начать «предварительные беседы с авторитетным представителем Германии», а позднее даже получило полномочия Черчилля на эти «беседы».

Когда Шелленберг доложил Гиммлеру об этом, то по его реакции понял, что тот струсил. Гиммлер предложил обсудить этот вопрос с… Риббентропом, против которого недавно выступал.

План был доложен Риббентропу, а тот поделился им с Гитлером. Результатом стала записка от Риббентропа на имя Шелленберга: с англичанами можно обсуждать только вопрос об их капитуляции.

Гиммлер всё же разрешил Шелленбергу продолжать контакты с англичанами через нейтральные каналы, добавив при этом, что не хочет знать никаких деталей.

Вместо Гейдриха новым начальником РСХА был назначен старый соратник Гитлера обергруппенфюрер Эрнст

Кальтенбруннер. Они с Шелленбергом ненавидели друг друга, но приходилось терпеть, и от этого, пишет Шелленберг, «последние ужасные годы войны были для меня сплошной мукой».

Одной из удач секретной службы стало дело «Цицерона», камердинера посла Великобритании в Анкаре, сэра Нэтчбулла-Хьюгессена. Этот камердинер в октябре 1943 года предложил за крупные суммы продавать документы английского посольства (об этом деле рассказывается в очерке «Цицерон»). От него были получены очень ценные материалы, которые постоянно докладывались Гитлеру. Примерно в феврале или марте 1944 года «Цицерон» прекратил свою деятельность, а в апреле Турция порвала отношения с Германией и перешла в лагерь западных союзников. Остаётся добавить, что деньги, которые получил «Цицерон», оказались фальшивыми.

В середине 1944 года, после смещения адмирала Канариса, Шелленберг возглавил Управление военной разведки. Теперь функции Шелленберга значительно расширились.

Наступал последний этап войны. Удары, которые были нанесены в 1943–1944 годы по немецкой армии (начиная от Сталинграда и Курска и кончая капитуляцией Италии и открытием второго фронта), подтвердили прогнозы Шелленберга. Теперь он был готов вести переговоры даже с русскими. Но первую встречу Шелленберг провёл в Стокгольме с американским дипломатом Хьюиттом, который обещал организовать официальные переговоры. Вернувшись в Берлин, Шелленберг доложил об этой беседе Гиммлеру. Тот пришёл в ярость и категорически запретил какие-либо контакты с противником.

Вместо этого Гиммлер предложил убить Сталина. С этой целью были завербованы двое бывших советских военнослужащих. Их снабдили радиоуправляемой миной и на самолёте доставили в советский тыл. Однако дальнейшей связи с ними не было. Видимо, вспоминая об этом эпизоде, Шелленберг имеет в виду «супругов» Шиловых. Они были арестованы в тот же день, и в дальнейшем от их имени велась радиоигра с немецкой разведкой, о чём Шелленберг, очевидно, запамятовал.

Именно в этот период Шелленберг был свидетелем нескольких заявлений Гитлера: «Если Германия проиграет войну, то немецкий народ докажет свою биологическую неполноценность и потеряет право на существование… Да, тогда он заслужит уничтожение… Конец Германии будет ужасным, и немецкий народ заслужит это… Однако ясно, что победителем будет не Запад, а Восток».

Шелленберг продолжал свои «миротворческие» попытки. В конце 1944 года ему удалось организовать секретную встречу

Гиммлера с бывшим президентом Швейцарии Музи. Но разговор на ней ограничился обсуждением вопроса об освобождении из концлагерей и высылке в Швейцарию нескольких тысяч евреев в обмен на поставки тракторов, медикаментов, машин и других товаров, в которых нуждалась Германия.

Таким образом удалось спасти тысячу двести евреев. Позже Шелленберг добился от Гиммлера издания приказа о запрещении эвакуации концлагерей, которые могут быть захвачены союзниками.

Шелленбергу даже удалось подключить Международный Красный Крест к переговорам с Кальтенбруннером, благодаря чему было получено разрешение вывезти всех француженок, содержавшихся в лагере Равенсбрюк.

В феврале 1945 года в Германию приехал шведский граф Бернадот. Сначала с ним встретились Шелленберг и Кальтенбруннер, затем он отправился к Риббентропу. После этого Шелленберг организовал его встречу с Гиммлером (несмотря на запрет Гитлера). Договорились о том, что все находившиеся в лагерях датчане и шведы будут свезены в один лагерь на севере Германии. Для организации перевозок Шелленберг выделил своих людей.

Шелленберг и Бернадот теперь вместе вели дела, связанные с предстоящей капитуляцией Германии. Шелленберг был готов вместе с ним вылететь на встречу с Эйзенхауэром. Более того, он организовал тайную встречу Гиммлера с представителем Всемирного еврейского конгресса Мазуром, также втайне от Гитлера, который практически уже терял рычаги управления страной.

В последние дни существования Третьего рейха Шелленберг метался между Гиммлером, Бернадотом и представителями шведского правительства, между Данией, Швецией и Германией, пытаясь что-то спасти. Что? Скорее всего, себя.

30 апреля 1945 года Кальтенбруннер сместил Шелленберга со всех занимаемых им постов.

5 мая новый глава немецкого правительства адмирал Дёниц, сменивший Гитлера, назначил Шелленберга посланником в Стокгольм, куда он и прибыл 6 мая 1945 года. На этом его служба закончилась.

После падения Германии Шелленберг нашёл убежище у графа Бернадота, где сразу принялся за составление отчёта о переговорах, в которых он участвовал в последние месяцы войны. В скором времени союзники потребовали выдачи Шелленберга, и он в июне 1945 года вернулся в Германию, где должен был предстать перед судом в Нюрнберге.

Однако на суде над главными военными преступниками — Герингом, Риббентропом и другими (Гиммлер успел отравиться) — Шелленберг выступал лишь в качестве свидетеля. Суд над ним самим начался в 1947 году. С Шелленберга сняли все обвинения, кроме двух: он был членом СС и СД, объявленных Международным военным трибуналом в Нюрнберге преступными организациями, а VI управление РСХА, которым он руководил, было признано ответственным за казнь без суда и следствия ряда русских военнопленных, набранных для операции «Цеппелин». Суд заключил, что вина Шелленберга смягчается его попытками помочь пленным, находившимся в концлагерях на последнем этапе войны, каковы бы ни были причины, которыми он руководствовался. Он был приговорён к шести годам тюремного заключения, а в начале июня 1951 года после тяжёлой хирургической операции освобождён. Шелленберг поселился в Швейцарии и начал писать мемуары. Но вскоре швейцарская полиция попросила его покинуть страну.

Он обосновался в Италии, в маленьком городке Палланцо. 31 марта 1952 года Шелленберг скончался в клинике Форнака в Турине.

УИЛЬЯМ ДЖОЗЕФ ДОНОВАН (1883–1959)

Официально считается, что до 1941 года Соединённые Штаты не имели единой разведывательной службы. Вот слова государственного секретаря США Дина Ачесона: «До Второй мировой войны в государственном департаменте число работников, занимавшихся сбором информации, не превышало десяти человек. Прогресс в технике сбора информации по сравнению с 1770 годом характеризовался лишь тем, что появились пишущие машинки и телеграф».

Тем не менее, надо признать, что США располагали практически всей необходимой информацией. Её сбором занимались посольства, военные и военно-морские атташе, но главным образом могущественные финансовые и промышленные магнаты, которые имели по всему земному шару сеть своих собственных разведывательных служб, собиравших информацию, нужную не только их хозяевам, но и американскому правительству. Другое дело, что не было специального органа, который бы эту информацию обобщал, анализировал и в готовом виде преподносил высшему руководству страны.

В преддверии вступления США в войну президент Рузвельт решил создать центральную службу, стоящую выше всех остальных разведывательных органов. Этому противились руководители различных разведывательных органов, особенно ВМФ США.

Однако Рузвельт настоял на своём. 11 июля 1941 года он поручил нью-йоркскому адвокату, полковнику, впоследствии генерал-майору Уильяму Дж. Донована разработать проект такой организации.

В своей книге «Разведка — ключ к обороне» Донован вспоминал слова Рузвельта, сказанные ему в этот день: «Хорошо, что ты начнёшь с самого начала. Ибо Соединённые Штаты ещё не имели того, что называется разведывательной службой».

Уильям Донован родился в городе Буффало в семье чиновника, ирландца-католика. Женился на протестантке. Характера был довольно крутого, и друзья его звали «Дикий Билл». Будучи известным адвокатом — республиканцем и католиком, он каким-то образом стал близким другом и доверенным лицом Франклина Рузвельта, демократа и протестанта. Перед войной тот направил его в Англию для налаживания сотрудничества с англичанами, а заодно и понаблюдать там за деятельностью американского посла Джозефа Кеннеди, который, как ирландец и католик, в какой-то степени

сочувствовал немцам, поддерживавшим независимость Ирландии.

Должность, на которую Донован был назначен 11 июля 1941 года, вначале называлась «координатор разведывательной службы». Но несмотря на приказ президента, предписывавший всем правительственным органам предоставлять Доновану информацию стратегического и тактического характера, полковник столкнулся со скрытым сопротивлением, непониманием, ревностью носителей узких ведомственных интересов, которые делали почти невозможной его работу. Та информация, которой снабжали его госдепартамент, армия и флот, никуда не годилась. Люди, имевшие разведывательный опыт, на его предложения о переходе к нему на работу отвечали отказом. Тогда он пошёл по непроторённому пути: стал приглашать в свою службу людей со стороны, никогда не занимавшихся разведкой: сотрудников фирм, служащих банков, юристов, преподавателей университетов, даже священников.

В июне 1942 года по приказу Рузвельта было создано Бюро военной информации, а затем Управление стратегических служб (УСС), которое возглавил Донован. Перед ним были поставлены три задачи: продолжать сбор научной и неофициальной информации; вести подрывную пропаганду; заниматься подрывной деятельностью (во взаимодействии с регулярной армией).

Тем самым, столкнувшись с сопротивлением руководства армии, флота и госдепартамента, Рузвельт и Донован создали собственную мощную службу, которая попросту затмила другие разведывательные организации. Донован получил неограниченные денежные средства (для примера: в 1940 году все расходы армии США на разведку составили двести сорок тысяч долларов, а УСС в 1945 году располагало бюджетом в пятьдесят девять миллионов долларов).

Теперь Донован мог смело приглашать к себе на работу высококвалифицированных, а следовательно, и высокооплачиваемых специалистов, учёных, представителей всех областей современной науки, писателей, журналистов, музыкантов, техников, мастеров и даже профессиональных мошенников и «медвежатников». Доллары, а также чувство долга перед родиной делали своё дело. В кратчайшие сроки Донован сумел собрать армию из пятнадцати тысяч агентов, которые выполняли его задания во всех странах мира. Интересно, что все эти люди, не будучи профессиональными разведчиками, изобретали свои, нестандартные методы и приёмы разведки и подрывной деятельности, которые скованные определёнными традициями, дисциплиной и бюрократизмом профессионалы не

могли даже вообразить.

Армейские и флотские генералы, адмиралы и киты госдепартамента к концу войны вынуждены были признать, что служба Донована «сильно обскакала их и первой пришла к финишу», как выразился один из исследователей.

Достаточно сказать, что только резидентура УСС в Берне, которой руководил Аллен Даллес, получила более ценную и обширную информацию о фашистской Германии, нежели та, которую добыли вместе взятые армия, флот и госдепартамент. Кроме того, тот же Даллес, как известно, занимался не только вопросами разведки. Он поддерживал связи с Ватиканом, а в Германии с крупнейшим монополистом Круппом, одним из руководителей Третьего рейха Гиммлером, главой разведки Шелленбергом. Через японского разведчика-дипломата Фудзимуру передал японскому правительству, что «США готовы в любое время начать переговоры о мире, чтобы лишить СССР права голоса при обсуждении проблем Китая». Тем самым он выдал японцам одно из секретных решений Ялтинской конференции о вступлении СССР в войну против Японии.

Тогда же Даллес рекомендовал Рузвельту и Доновану не жалеть сил и средств для того, чтобы ослабить в странах Восточной Европы влияние СССР и Англии, превратить в будущем Венгрию и Польшу в форпосты борьбы с коммунизмом.

В 1943–1945 годах Донован организовал успешные операции по заброске агентов в тыл противника во Франции, Италии, Бирме, Таиланде, Алжире и других странах. К сожалению, не всем парашютистам, заброшенным в Чехословакию, удалось остаться в живых.

В выяснении их судьбы большую помощь Доновану оказала советская разведка.

В конце 1943 года Рузвельт с одобрением отнёсся к предложению Донована начать сотрудничество с советской разведкой. Накануне Рождества 1943 года Донован прилетел в Москву. 25 декабря он вместе с послом Гарриманом был принят Молотовым и подробно рассказал об УСС, его задачах, функциях и конкретной деятельности в ряде стран, в том числе на Балканах. Затем Донован встретился с руководителем внешней разведки Фитиным.

Результаты переговоров были доложены Сталину. Он дал согласие на обмен представителями и сотрудничество советской разведки с УСС.

Вернувшись в США, Донован во все подразделения направил инструкцию о том, что «России может быть передана оригинальная разведывательная информация УСС, которая

полезна стране, ведущей войну против Германии».

Советский представитель при УСС, полковник Граур и члены его миссии уже готовы были вылететь в США, когда вдруг 16 марта 1944 года из США на имя Гарримана поступила телеграмма от Рузвельта о том, что обмен делегациями откладывается на неопределённое время. Как стало известно, это решение было принято по настоятельному требованию главы ФБР Э. Гувера, который заявил, что цель НКГБ — внедрение в государственные службы США. Донован был буквально разъярён вмешательством Гувера, но президент своего решения не изменил.

Контакт между разведками всё же был установлен, но через руководителя военной миссии США в СССР генерал-майора Дж. Р. Дина.

За время сотрудничества между разведками от американской стороны была получена политическая и военная информация, представлявшая в годы войны особую ценность, в том числе: сведения о положении в Германии и оккупированных странах, разведывательные сводки по отдельным конкретным вопросам, анализ возможностей германской промышленности; оценка обстановки в нацистском руководстве Германии, информация о положении в Венгрии, Румынии и Болгарии. Во время переговоров Донован высказывал пожелания обмениваться материалами по диверсионной технике и аппаратуре, однако от него был получен лишь один иллюстрированный каталог специального оружия и механизмов, представлявший интерес для специалистов. Вторая посылка американцев — образцы разработанных УСС портативных устройств для микрофильмирования — оказалась непригодной, так как образцы были выполнены на низком, кустарном уровне.

Со своей стороны, советская разведка передала партнёрам: обстоятельные справки по состоянию немецкой армии, её вооружения, с оценкой политического будущего Германии; сведения о секретных химических заводах в Германии и Польше по производству отравляющих веществ; о подземном заводе в Свинемюнде; об испытательной станции ракет в Мерзебурге; об обстановке в Болгарии с оценкой внутриполитического положения.

По просьбе Донована в мае 1944 года ему была направлена информация о механизмах и методах диверсий, в частности, об опыте применения мин замедленного действия и изысканиях и совершенствовании средств диверсий.

В 1944 — начале 1945 года советская разведка оказала большую помощь американским коллегам в выяснении судьбы нескольких групп американских парашютистов в Чехословакии и

лётчиков сбитых там самолётов.

Вся полученная от советской разведки информация высоко оценивалась американской стороной.

В июле 1945 года, уже после войны, Донован сообщил Фитину о том, что в Австрии захвачен руководитель германской разведывательной сети на Балканах Хёттль, который «желая вызвать разногласие между Советами и американцами, готов передать последним всю существующую сеть с тем, чтобы она была использована против русских». Донован предлагал обсудить совместные мероприятия по ликвидации сети Хёттля и сообщил, что поручил это дело своему помощнику Аллену Даллесу.

Попав к Даллесу, дело вышло из-под контроля Донована и застопорилось. Донован пытался что-то сделать, настоятельно просил о личной встрече с Фитиным, но она не состоялась. А в это время Даллес вместе с начальником разведки армии Брэдли генералом Сибертом уже вели переговоры с начальником разведывательной службы Гитлера на Восточном фронте генералом Геленом о совместных действиях против русских. Против предложения Донована выступила также объединённая группа начальников штабов, которые считали необходимым «обсудить вопрос, не следует ли сотрудничать с германскими офицерами — не нацистами — для сбора разведывательной информации о русских потенциальных возможностях и намерениях».

Перепиской по делу Хёттля и закончилось сотрудничество между советской и американской разведками.

Донован остался в одиночестве. Президент Рузвельт умер 12 апреля 1945 года, а новый президент Трумэн занял резко антисоветскую позицию. Ни о каком дальнейшем сотрудничестве с советской разведкой не могло быть и речи. Видимо, Донован сожалел об этом. В одном из писем Фитину Донован, выражая признательность за «атмосферу дружеского сотрудничества», писал: «Я уверен, что наш успех, который мы до сих пор имели в нашем общем деле, показывает, на что способны союзники в совместных действиях, по крайней мере, в области разведки».

После победы над Японией, 20 сентября 1945 года, Трумэн отдал приказ о роспуске УСС. Генерал Донован подал в отставку и вернулся к частной адвокатской практике в Нью-Йорке.

Разведка на какое-то время снова была отдана во власть её прежним хозяевам — государственному департаменту и военному министерству, а несколько позже, 15 сентября 1947 года, президент Трумэн подписал Закон о национальной безопасности, который вновь собрал разведки в единое целое и официально положил начало созданию Центрального разведывательного

управления — ЦРУ США.

АЛЛЕН ДАЛЛЕС (1893–1969)

Этот человек был самым «долгоиграющим» директором ЦРУ США. Аллен Даллес был вторым сыном пресвитерианского пастора в Уотертауне, в штате Нью-Йорк. Его старшим братом был Джон Фостер, ставший впоследствии государственным секретарём США.

Аллен родился в апреле 1893 года, учился в Нью-Йорке, Эльзасской школе в Париже, престижном Принстонском университете, после окончания которого совершил поездку в Азию. В это время уже шла Первая мировая война, в которой США ещё не участвовали. Поэтому в 1916 году Даллес оказался сотрудником американского посольства в Вене, столице воюющей Австро-Венгрии. Затем в 1917–1918 годах он работал в Берне, где впервые почувствовал вкус к разведке. В 1920 году в составе американской делегации Даллес вместе со своим старшим братом Джоном Фостером находился в Париже, где был подписан Версальский мирный договор.

Его дипломатическая карьера продолжалась ещё шесть лет. Он работал в Берлине, в Стамбуле, в аппарате госдепартамента в Вашингтоне до 1926 года, после чего занялся углублённым изучением права. Одновременно вместе с Джоном Фостером трудился в международном юридическом кабинете «Салливан энд Кромвель», участвуя в рассмотрении дел по Европе и Германии.

В 1942 году он переходит на работу в Американскую секретную службу (УСС), которой руководил генерал Уильям Донован. Вскоре его назначают руководителем миссии УСС под «крышей» американского посольства в Берне. Два года он занимается сбором информации по Германии и установлением связей с правыми антинацистскими группировками. Именно в этот период он входит в контакт с адмиралом Канарисом. Даллес вмешивается и в дела французского Сопротивления. Желая привлечь к работе на американскую разведку французскую организацию движения Сопротивления «Комба», он предлагает финансировать её в обмен на предоставление политических и военных разведданных. Это вызвало серьёзные противоречия между руководством «Комба» и секретной службой движения «Свободная Франция», которую возглавлял личный представитель генерала де Голля Жан Мулен. Впоследствии это вылилось в личную неприязнь генерала де Голля к Аллену Даллесу.

Тайные переговоры с немцами Даллес стал вести ещё в 1943 году. Кстати, вначале немецкая разведка не знала, о каком Даллесе идёт речь, поэтому дело, заведённое по поводу этих

переговоров, носило кодовое наименование «Фостер». Это дело вёл Хайнц Фельфе, тогда ещё добросовестный сотрудник РСХА, а в будущем небезызвестный советский разведчик (см. о нём очерк).

О намерениях американцев у Фельфе имелась информация из первых рук: через его реферат (отделение) предпринимались попытки установления с ними контактов в Швейцарии. Немцам удалось подвести к Аллену Даллесу своего агента Габриэля. В своём донесении от 30 апреля 1943 года он, в частности, отмечал: «Бывший рейхсканцлер Вирт сообщил мне, что он имел беседы со специальным уполномоченным президента Рузвельта, в ходе которых и рассказал ему обо мне. Специальный уполномоченный Даллес готов пригласить меня на встречу, если я изъявлю готовность восстановить связь с теми кругами Сопротивления в Германии, которые располагают доверием Вирта или его окружения. Я выразил такое согласие, и мы встретились с мистером Даллесом».

Далее в донесении Габриэля говорилось о том, как Даллес прогнозировал будущее политическое развитие в мире и в Германии: «Он высказал мысль, что следующая мировая война произойдёт, конечно, в результате столкновения между двумя самыми могущественными государствами — США и Советским Союзом… Он готов в любое время предпринять в Вашингтоне шаги с целью начать переговоры с такой оппозицией в Германии, которую действительно можно принимать всерьёз».

Даллес назвал Габриэлю нескольких людей, которые в будущем становлении Германии смогут играть какую-то роль, и выразил желание вести с ними переговоры.

В 1943–1944 годах Даллес под именем «господина Балла» встречался с князем Гогенлоэ, видным представителем аристократических кругов Германии, с генералом Браухичем, а также с доверенными лицами группы крупных германских военных во главе с генерал-полковником Цейтслером, отражавших и интересы промышленников. Они подробно обсуждали планы создания «кордона против большевизма и панславизма», а также уступок на Западе при сохранении свободы действий против СССР.

Весной 1945 года в Берне прошли переговоры между Даллесом и шефом СС и полиции в Италии генералом Карлом Вольфом. Совещания проходили в обстановке секретности, но как Даллес упоминает в своей книге «Операция Санрайз» («Операция „Восход солнца“»), произошла утечка информации, за что шеф охранной полиции и СД Кальтенбруннер на одном из совещаний упрекнул Вольфа.

Даллес пишет: «…Среди тех, кто знал об операции „Санрайз“, очевидно, находился предатель, иначе Кальтенбруннер не мог бы знать так много…»

Но «предателя» не было среди участников переговоров. Всему виной оказалась болтливость Даллеса, который с гордостью рассказывал немецкому агенту Габриэлю даже о деталях проходивших переговоров, чтобы показать в должном свете свою деятельность и работу УСС. К тому же специалисты германской технической службы расшифровали радиокод дипломатических представительств, а частично и резидентур в Великобритании и Швейцарии. Поэтому в РСХА имелось достаточно ясное представление о том, каких встречных шагов в сепаратных переговорах о перемирии в Италии хотели западные державы.

О секретных переговорах в Берне стало известно и в Москве. МИД СССР высказался и за наше участие в них. Однако англо-американцы отклонили это предложение. Когда же Советский Союз потребовал прекращения сепаратных переговоров, союзники стали отрицать наличие дальнейших контактов с немцами и, более того, заявили, что «советские информаторы вводят своё правительство в заблуждение». Состоялся обмен посланиями на самом высоком уровне. В письме И. В. Сталина Ф. Д. Рузвельту от 7 апреля 1945 года, в частности, сказано: «Мы, русские, думаем, что в нынешней обстановке на фронтах, когда враг стоит перед неизбежностью капитуляции, при любой встрече с немцами по вопросам капитуляции представителей одного из союзников должно быть обеспечено участие в этой встрече представителей другого союзника… Что касается моих информаторов, то, уверяю Вас, это очень честные и скромные люди, которые выполняют свои обязанности аккуратно и не имеют намерения оскорбить кого-либо». Пожалуй, это один из немногих примеров добрых и тёплых слов Сталина в адрес советских разведчиков.

По требованию Сталина сепаратные переговоры с немцами были прекращены. Как утверждают, именно тогда Даллес стал ярым антикоммунистом и антисоветчиком. Он не мог простить провала своей миссии. В разгар холодной войны, в 1960 году, встретившись с Фельфе в тюрьме, генерал Вольф сказал о целях своих переговоров: «Я хотел сохранить жизнь немецким солдатам, так как знал, что они ещё понадобятся, и как вы видите сегодня, я был прав».

Обиженный на то, что его недооценили после «итальянского дела» (сепаратные переговоры в Берне) и держат на вторых ролях (он остался лишь представителем УСС в американской зоне оккупации Германии), Даллес в 1946 году подал в отставку. Два года он работал в коллегии адвокатов и своими личными

средствами помогал проведению разведывательных операций, направленных против советского блока.

Гарри Трумэн, временно исполняющий обязанности президента, назначил Даллеса главой комиссии из трёх членов для оценки деятельности разведслужб. В своём докладе Даллес развил тезисы, в частности, о необходимости создания должности центрального управляющего, имеющего возможность координировать деятельность различных гражданских и военных спецслужб.

В 1947 году президент Трумэн создаёт ЦРУ. Даллес становится заместителем директора по проведению специальных операций в рамках ЦРУ.

В 1951 году его назначают на должность помощника директора ЦРУ генерала Уолтера Беделла Смита.

В январе 1953 года президентом США становится генерал Дуайт Д. Эйзенхауэр, который очень ценил братьев Даллесов. Он назначает Джона Фостера Даллеса государственным секретарём США. 9 февраля Беделл Смит уходит в отставку из вооружённых сил и занимает пост помощника госсекретаря, а ещё через три недели Аллен Даллес назначается новым директором ЦРУ. На этом посту он пробудет восемь лет.

Таким образом, родился опасный тандем двух братьев Даллесов, способный ради борьбы с коммунистической опасностью идти на всё, сочетая дипломатию, разведку и подпольную деятельность. Эта последняя и стала любимым детищем Аллена Даллеса. «Каверт экшн» (подпольные операции) проводились постоянно в период пребывания Даллеса на должности директора.

В 1953 году «горячей точкой» стал Иран. Там премьер-министр Мохаммед Мосаддык начал проводить реформы, в ходе которых национализировал в своей стране нефтяное производство, прежде принадлежавшее англо-иранской нефтяной компании. Другие его планы привели к ещё более радикальным переменам.

ЦРУ вместе с английскими спецслужбами решило свергнуть Мосаддыка, сделав ставку на шаха Ирана Мохаммеда Резу Пехлеви и офицеров-роялистов. Однако шах был недостаточно решителен. В августе 1953 года Аллен Даллес и американский посол Лой Хендерсон встретились в Швейцарии с принцессой Ашраф, сводной сестрой шаха, энергичной и настойчивой женщиной. Она выехала в Иран с целью убедить шаха принять участие в перевороте.

Посольство США в Тегеране превратилось в центр заговора, проводившего операцию «Аякс». Она была успешно завершена

свержением правительства Мосаддыка, благодаря военному вмешательству и действию хорошо организованных групп мятежников. Мосаддыку пришлось отправиться в изгнание, а его место занял генерал Захеди, который ещё в 1942 году был смещён британскими спецслужбами из-за его прогерманских симпатий.

В результате операции «Аякс» США приобрели верного союзника на четверть века и сумели серьёзно подорвать позиции своих британских соперников.

Ещё одну секретную операцию ЦРУ провело на Филиппинах, где в это время росло коммунистическое влияние и успешно действовала закалённая в борьбе с японцами армия национального освобождения «ХУКС».

Посланец Даллеса Эдвард Гири Лансдейл прибыл на Филиппины и, используя большие финансовые возможности, развернул кампанию психологической войны против «красных», а также нашёл надёжного кандидата на пост главы государства — Рамона Магсайсая. При материально-технической и финансовой поддержке ЦРУ он одерживает победу на выборах 1953 года и становится одним из инициаторов создания в 1954 году блока СЕАТО, азиатского эквивалента НАТО.

Другим объектом проведения «Каверт экшн» явилась Гватемала, где президентом в 1951 году был избран офицер крайне левых убеждений Арбенс. В 1952 году он начал проводить радикальную аграрную реформу, в ходе которой у американской многонациональной компании «Юнайтед фрут» было конфисковано сто десять тысяч гектаров плодородных земель.

Ситуацией в Гватемале был озабочен сам президент Эйзенхауэр, тем более что Арбенс всё сильнее левел и всё более сближался с коммунистами. Президент поручил Даллесу урегулировать проблему в Гватемале. ЦРУ разработало операцию «Успех». В дело пошли подкупы, угрозы, обещания. Сотрудники ЦРУ совместно с дипломатами и бизнесменами из «Юнайтед фрут» снабжали деньгами и оружием противников Арбенса. На пост президента был подобран новый кандидат — Мигель Идигорас Фуэнтос, находившийся в эмиграции в Сальвадоре. По предложению Даллеса Эйзенхауэр дал разрешение американским пилотам бомбить территорию Гватемалы, чтобы ускорить процесс дестабилизации режима. 27 июня 1954 года Арбенс капитулировал. Сработал старый лозунг: «То, что выгодно „Юнайтед фрут“, выгодно Америке».

Основная доктрина, которую проводили в жизнь президент Эйзенхауэр и братья Даллесы, это сдерживание коммунистического влияния, а затем и вытеснение его. Для этого Эйзенхауэр создал и «невидимое правительство», куда, помимо

его представителя, входили Аллен Даллес, помощник его брата Джона Фостера, министр обороны. Этим «кабинетом для решения кризисных дел» руководил Аллен Даллес.

К числу успешных мероприятий ЦРУ в годы правления Даллеса можно отнести финансовую поддержку разведывательной и контрразведывательной организации «серого генерала» Гелена в Западной Германии, которая из полулегальной стала мощной правительственной службой ФРГ.

В Египте при поддержке Аллена Даллеса и ЦРУ Насер и его сторонники из организации «Свободные офицеры» свергли короля Фарука и захватили власть. Вначале Насер развязал беспощадную войну против англичан, в то же время оставаясь другом американцев. ЦРУ затратило огромные средства, стремясь сделать его своим надёжным союзником. Но вскоре началось сближение Насера с Советским Союзом, а ЦРУ занялось изучением возможности его свержения с помощью «братьев-мусульман». Более того, рассматривались планы его физического устранения.

На Тайване ЦРУ поддерживало китайских националистов: удалось спасти режим и обезопасить остров от угрозы вторжения с материка.

В Венгрии удалось поднять население на восстание в 1956 году. Правда, после того, как оно было подавлено, ЦРУ бросило венгров на произвол судьбы.

Вот, пожалуй, и весь «положительный» баланс деятельности Аллена Даллеса на посту директора ЦРУ.

Не менее велик и отрицательный баланс.

ЦРУ забрасывало в СССР и страны советского блока агентов-эмигрантов из этих стран. Однако почти никто из них не остался в живых или хотя бы на свободе.

Удалось вытеснить из Индокитая побеждённых там французов, но вскоре американцы сами ввязались в бессмысленную и кровавую войну во Вьетнаме, закончившуюся полным поражением.

ЦРУ тщетно пыталось свергнуть Сукарно в Индонезии. Покушение на индонезийского лидера 30 ноября 1957 года потерпело неудачу. Тогда решили использовать другие методы. ЦРУ внедрило своих агентов, прикрываясь оказанием экономической помощи. Оно поддерживало также противников президента, которые вели боевые действия. Эта поддержка обернулась международным скандалом, когда в мае 1958 года пилот Б-26 Аллен Поуп, работающий по контракту с ЦРУ и бомбивший правительственные войска, был сбит. Это ещё более подвигло Сукарно к сближению с Москвой и Пекином… Он,

правда, был свергнут, но уже много позже, когда Даллес оказался не у дел.

В 1959 году ЦРУ позволило Фиделю Кастро обосноваться в Гаване. Когда спохватились, было уже слишком поздно: Кастро оказался совсем не тем «демократом», который был нужен американцам. ЦРУ пыталось всеми средствами избавиться от Кастро: вывести его из строя или убить. Таких попыток, в которых замешано ЦРУ, по заключению Сенатской комиссии по иностранным делам, было восемь. Сначала его пытались дискредитировать перед обществом, подорвать его здоровье и психику различными методами (распылением газов, отравленными сигарами и даже лишением его бороды и т. д.). Затем стали планироваться более серьёзные акции. Много позже, уже в 1975 году, в беседе с сенатором Макговерном Кастро заявил, что всего покушений было двадцать три.

1 мая 1960 года над Свердловском был сбит самолёт-разведчик, пилот которого Пауэрс, вместо того чтобы раскусить ампулу с ядом, сдался русским и дал показания о том, что он действовал по приказу ЦРУ. Этот скандальный эпизод послужил Хрущёву предлогом отказаться от встречи на высшем уровне с Эйзенхауэром. Да и то сказать, можно ли договариваться о взаимном доверии с человеком, который засылает в твою страну самолёты-разведчики, к тому же в праздничный день.

И, наконец, скандальный провал в заливе Свиней на Кубе. Высадившиеся там кубинские эмигранты, поддерживаемые американскими войсками и авиацией, потерпели сокрушительное поражение и были сброшены в море. Несколько сотен десантников оказались в тюрьмах Фиделя Кастро. События на Кубе переполнили чашу терпения тогдашнего президента Джона Кеннеди, и он предложил Даллесу подумать о своей «профессиональной пригодности».

20 ноября 1961 года Аллен Уэлс Даллес вышел в отставку и занялся литературным трудом. Основной темой его сочинений была работа секретных служб.

Умер Даллес 29 января 1969 года в разгар войны во Вьетнаме.

Вот очень важное свидетельство, касающееся деятельности Аллена Даллеса и особенно его чрезмерной страсти к «Каверт экшн» (подпольным операциям): «Когда я создал ЦРУ, оно совсем не должно было быть по духу таким, каким оно стало — и это в годы мира — в операциях плаща и шпаги. Я считаю, что некоторые сложности, некоторые затруднения, известные нам, подтверждают отчасти тот факт, что разведка — это тайное оружие в руках президента — настолько удалена от той цели,

которая на неё возложена, что теперь её рассматривают как символ злобных и таинственных интриг за границей и как тему для вражеской пропаганды во времена „холодной войны“».

Автор этого свидетельства не кто иной, как бывший президент США Гарри Трумэн, создатель ЦРУ, и дано оно в 1963 году.

РЕЙНХАРД ГЕЛЕН (1902–1979)

Одно время его считали чуть ли не мифической личностью, призванной оправдать название ОГ (организация Гелена). Его никто не видел, он нигде не показывался и не давал никаких интервью. Однако этот человек существовал в действительности, и именно ему своим рождением обязана ОГ.

Рейнхард Гелен родился в Эрфурте 3 апреля 1902 года. Он избрал для себя военную карьеру и к началу Второй мировой войны уже был ответственным сотрудником Генерального штаба. Будучи руководителем восточной группы оперативного отдела Генштаба, отличился при составлении военных планов нападения на Советский Союз. С октября 1940 года Гелен отвечал за «общие вопросы ведения войны на Востоке».

С 1 апреля 1942 года полковник возглавлял 12-й отдел Генштаба, к сфере деятельности которого, кроме Советского Союза, относились Скандинавия и Балканы. Плохо работавший до него отдел Гелен превратил в хорошо отлаженный механизм. Отдел, получивший название ФХО (Фремде Хеере Ост — «Иностранные армии на Востоке»), должен был заниматься обработкой материалов, поступавших от абвера, составлять сводки и прогнозы. Работа неблагодарная, тем более что её результаты докладывались Гитлеру и часто вызывали его раздражение и недовольство, так как не соответствовали его представлению о ходе дел.

Поскольку качественная информация от абвера перестала поступать, Гелен установил тесные контакты с другими разведывательными подразделениями: отделами фронтовой разведки «Ост-I–II–III», секретной службой связи, радио-, воздушной и фронтовой разведками. Использовались также результаты допросов военнопленных. Гелен лично участвовал в этой работе. Именно он склонил к сотрудничеству генерала Власова.

Гелен тесно сотрудничал и с VI управлением РСХА. Он принимал участие в подготовке операций «Цеппелин» по заброске агентов за линию фронта, разрабатывал тактические указания по применению диверсионных групп и организации саботажа в тылу противника.

Будучи человеком, к которому стекалась вся достоверная информация о ходе войны и неизбежном поражении Германии, и являясь воинствующим антикоммунистом, Гелен сделал выбор: поставить себя, свои знания и свой отдел на службу тому из западных союзников, кто изъявит готовность «приобрести» его и

хорошо оплачивать его услуги.

Гелен держался подальше от заговорщиков 20 июля 1944 года, а если и поддерживал с кем-либо знакомство, то с теми, кто, как и он, ориентировались на Запад.

Перед концом рейха он не одобрил намерения гитлеровского руководства создать группы «Вервольфа» и вести подпольную войну.

5 апреля 1945 года Гелен заключил тайное соглашение со своим помощником Герхардом Весселем и бывшим шефом русского бюро абвера Германом Бауном. Они договорились прийти к американцам с хорошим «приданым» — архивом и картотеками, а также с лучшими, настроенными антикоммунистически, антисоветски и проамерикански, кадрами.

В суматохе последних дней войны Гелен оставил службу и с Весселем и другими верными ему людьми укрылся на альпийских лугах близ Элендзальма, где по его указаниям были зарыты в землю архивы ФХО.

Когда эту часть Европы заняли американские войска, Гелен не захотел сдаваться кому попало. Ему нужен был кто-либо из руководителей разведки или контрразведки. Но первый же встреченный им молодой капитан американской контрразведки отправил Гелена в лагерь военнопленных. Там, к счастью для Гелена, в июле 1945 года он встретился с бригадным генералом, шефом Г-2 (военная разведка) в американской оккупационной зоне Германии Эдвином Лютером Сибертом. Гелен поделился с ним своими идеями совместной борьбы против Советского Союза.

Это совпадало с идеями самого генерала Сиберта. Он представил Гелена начальнику штаба Эйзенхауэра генералу Уолтеру Беделлу Смиту, известному своими антисоветскими настроениями. Они долго и душевно беседовали. В результате в сентябре 1945 года Гелен вместе с шестью помощниками вылетел в США. Там они встретились с шефом американской военной разведки генерал-майором Джорджем В. Стронгом. До июля 1946 года в Вашингтоне велись переговоры и другая подготовительная работа.

В то же время бывший «союзник» Гелена Герман Баун под контролем генерала Сиберта, втайне от Гелена, создал небольшую группу разведки-контрразведки. Её штаб-квартира находилась в горном массиве Таунус. Активная работа началась с марта 1946 года.

В июле 1946 года Гелен возвратился в Германию. К этому времени американцы санкционировали и согласились финансировать единую разведывательную организацию во главе с Геленом. Баун и Вессель были назначены его помощниками. Так

родилась ОГ.

Подобную организацию пытались создать и англичане. Но у них ничего не получилось. Её начальник Адольф Вихт вместе с подчинёнными в начале 1947 года перешёл в ОГ.

В числе условий, на которых была создана ОГ, были следующие:

1. немецкая разведывательная служба осуществляет разведку на Востоке… на основе общей заинтересованности в защите от коммунизма…

…4. Организация финансируется американской стороной… Взамен организация передаёт американцам все результаты разведывательной работы…

Вначале ОГ действовала в Таунусе, в декабре 1947 года её штаб-квартира переехала в поместье Рудольфа Гесса в Пуллахе, недалеко от Мюнхена.

Своего соперника Германа Бауна Гелен устранил в декабре 1951 года под предлогом финансовых нарушений.

Постепенно поместье Гесса перестало устраивать разросшуюся службу Гелена. К нему присоединили бывшую резиденцию Мартина Бормана («агента русских» по определению Гелена), а затем соорудили ряд новых построек для работы и жилья сотрудников ОГ. Этот посёлок называли «лагерь Святого Николауса», поскольку он был заселён 6 декабря 1947 года, в день Святого Николауса.

Получая дефицитное в то время продовольственное снабжение, а также запрещённые для обращения среди немцев доллары, многие сотрудники ОГ и их жёны занялись спекулятивными сделками. При этом в сговоре с военной полицией проворачивали даже такие дела: покупали у спекулянта за доллары товары. Тут же спекулянта хватала военная полиция и изымала доллары, которые возвращала владельцу (оставив часть добычи себе). Спекулировали кофе на чёрном рынке, занимались контрабандой. В 1953 году состоялся большой процесс, но на нём ни генерал Гелен, ни его организация названы не были. Это обошлось им в немалую сумму, но ОГ осталась незапятнанной.

Конечно, сотрудники ОГ занимались не только спекуляцией. Их главной задачей была борьба против СССР. Она велась как по линии военного шпионажа, главным образом против Группы советских оккупационных войск в Германии, так и по линии контрразведки. Велась и политическая разведка, и работа с агентами-двойниками.

С момента своего создания ОГ поддерживала тесные контакты с ЦРУ, снабжая его дополнительной подробной информацией об СССР и социалистических странах, сбор которой

был затруднён для американцев.

С 1950 года Гелен стал брать в свою службу бывших нацистов из РСХА. Они явились серьёзным подспорьем в годы «холодной войны». Он также установил тесные контакты с эмигрантскими антисоветскими организациями: НТС (Народно-трудовой союз), УПА (Украинская повстанческая армия) и другими.

После образования в 1949 году ГДР организация Гелена стала особенно важной для американцев. По их заданию Гелен вербовал агентов в окружении премьер-министра ГДР Отто Гротеволя, министра транспорта ГДР будущего руководителя МВД Эрнеста Волльвебера и в других «болевых» точках. ОГ склонила к бегству на Запад несколько крупных фигур: в апреле 1953 года Йоханна Краусса, ответственного сотрудника внешней разведки ГДР, а в сентябре 1955 года заместителя министра Херманна Кастнера.

11 июля 1955 года ОГ была преобразована в Бундеснахрихтендинст (БНД — Федеральная служба разведки), председателем которой стал Рейнхард Гелен. Теперь служба финансировалась не из американского, а из федерального бюджета ФРГ и приобрела большую самостоятельность.

Особое внимание Гелен уделял укреплению своего влияния в армии ФРГ — бундесвере. Не случайно в его организации нашли пристанище сын бывшего начальника Генерального штаба подполковник Хайнц Гюнтер Гудериан, племянник кайзеровского генерала полковник Людендорф, бывший генерал фашистского вермахта Адольф Хойзингер, который впоследствии стал первым генеральным инспектором бундесвера, и многие другие. В дополнение к этому Гелен предусмотрел ведение контрразведки внутри страны, что усиливало его влияние, особенно в период «охоты на ведьм», и давало право свободного доступа к первому федеральному канцлеру правительства ФРГ Конраду Аденауэру.

ОГ, под каким бы названием она ни числилась, располагала громадным количеством агентов. Только одно генеральное представительство ОГ в Карлсруэ имело сорок два источника, которые действовали непосредственно в Восточном Берлине и советской оккупационной зоне. Оно имело также источников, наводчиков, курьеров и другую агентуру в нейтральных Австрии и Швейцарии, во Франции и Югославии. Кроме того, вербовалась агентура в политических и экономических сферах внутри ФРГ и в Западном Берлине, в министерствах, правительствах земель, в органах полиции и пограничных войск, в политических партиях, профсоюзах, в дипломатических представительствах боннского государства за рубежом.

С ростом своего значения и влияния Гелен всё больше стал проявлять «непотизм» (говоря по-русски: «Ну как не порадеть

родному человечку?!»). Все руководящие посты Гелен доверял только своим старым соратникам, в основном — бывшим офицерам Генштаба и абвера. Они руководили подразделениями, иногда сменяя друг друга.

Семейственность особенно проявила себя после создания БНД. В службе Гелена образовался настоящий семейный клан, оказывавший влияние на политику секретной службы. Немецкие писатели Х. Хене и Г. Цоллинг отмечали в своей книге «Пуллах изнутри»: «Бесчисленные узы связывали членов этого ордена друг с другом. Гелен, которому было свойственно чувство семейственности, привёл в аппарат в Пуллахе многочисленных родственников. Ему очень нравилось выступать в роли покровителя бракосочетаний. Так, он содействовал заключению брака его секретарши с одним из высокопоставленных сотрудников, который позже стал генералом секретной службы».

Свою дочь Катарину Гелен выдал замуж за полковника Дюррвангера, он же «Юстус», которого сделал начальником связи БНД в Бонне, то есть назначил на должность, дававшую возможность заводить контакты во всех сферах правительственного аппарата.

На вилле Гелена постоянно встречался семейный клан: три дочери, сын, зятья, друзья и секретарша «Юстуса» Дюррвангера Вероника, дочь ближайшего приятеля Гелена Вольфа. Мужем Вероники стал сотрудник БНД Ленкайт, иногда заменявший «Юстуса». Помимо Катарины ещё две дочери Гелена вышли замуж за сотрудников БНД.

Брат Гелена, получивший прозвище «Дон Жуан», был резидентом БНД в Риме, где отличился странными проектами внедрения в Ватикан и поведением, соответствующим его прозвищу.

Шурин Гелена, фон Зейдлиц-Курцбах, возглавлял отдел кадров БНД и прочно держал в руках эту важнейшую для «семьи» позицию. Один из двоюродных братьев Гелена Шлемель, по кличке «Доктор», был официальным врачом БНД.

Самое важное в этой «семейной идиллии» было то, что во время встреч на вилле разрабатывалась шпионская доктрина, составлялись и распределялись задания.

Кроме членов своей семьи Гелен радел и за семьи своих старых приятелей и сослуживцев. Сыновей этих приятелей устраивали на различные синекурные должности. Они получали образование за счёт БНД и поступали на работу под псевдонимами, что позволяло прикрыть тот факт что они родственники руководящих работников. Советский разведчик Фельфе, работавший у Гелена, вспоминал, как одного из таких

отпрысков отправили на специальное задание, которое, как говорилось, было весьма важным и секретным. А во время передачи из Рима об Олимпийских играх этого молодого человека показали во всей красе на трибуне стадиона, где он никак не должен был оказаться.

С 1960-х годов начался закат эры Гелена.

Полной неожиданностью для него и для его службы явилось сооружение Берлинской стены. Это стало не только моральным ударом по престижу БНД, но и лишило службу важнейшего пункта для связи с агентами, действовавшими в ГДР.

Вторым ударом явился арест и осуждение в 1963 году советского агента Фельфе, занимавшего ответственный пост в БНД. Он был выходцем из РСХА и из СС, и благодаря этому стал сотрудником ОГ, а затем и БНД. Его разоблачение вызвало резкую критику в западногерманском обществе по поводу использования в спецслужбах бывших нацистских офицеров. А как известно, особенно этим грешила организация Гелена.

В том же, 1963 году канцлера Аденауэра заменил канцлер Эрхард, который с меньшим почтением относился к Гелену. С приходом к власти канцлера Курта Георга Кизингера и создания «Великой коалиции» ХДС и СДПГ в Западной Германии произошли изменения — политика правительства теперь была направлена на развитие гражданского общества и ограничение неконституционной деятельности БНД внутри страны.

По достижении пенсионного возраста (66 лет), в мае 1968 года Гелен был отправлен в отставку. В 1972 году генерал опубликовал свои мемуары, озаглавленные «Служба, воспоминания 1942–1971 годов».

В 1979 году, в возрасте семидесяти семи лет, генерал Гелен скончался.

МАРКУС ВОЛЬФ (1923–2006)

Маркус Вольф, «человек без лица», как его называют на Западе, — один из самых талантливых организаторов разведывательных служб.

Возглавляемая им разведка ГДР на протяжении более тридцати лет была самой действенной и энергичной, и не её вина, что государство, интересы которого она представляла и защищала, в одночасье перестало существовать.

Старший сын Эльзы (немки, протестантки) и Фридриха (еврея) Вольфов, Маркус родился в 1923 году в небольшом городке Хехинген. Отец был врачом, увлекался гомеопатией, вегетарианством и культуризмом, но помимо этого стал известным писателем и драматургом. Фильм по его пьесе «Профессор Мамлок», рассказывающий об антисемитизме и преследовании евреев в нацистской Германии, был очень популярным в нашей стране, а сама пьеса шла в театрах всего мира. Как еврей и коммунист, Фридрих Вольф после прихода Гитлера к власти вынужден был бежать за границу и после года скитаний вместе с семьёй оказался в Москве.

Маркус, которого его московские друзья звали Мишей, вместе со своим братом Конрадом поступил в московскую школу, а после её окончания — в авиационный институт. Русский язык стал для него родным. Маркус рос убеждённым антифашистом, твёрдо верил в торжество социализма. В 1943 году он готовился к заброске в качестве разведчика-нелегала в тыл фашистской армии. Но задание было отменено, и до конца войны Маркус проработал диктором и комментатором на радиостанции, которая вела антифашистские передачи. Этой же работой он занялся, приехав в мае 1945 года в Берлин. Затем полтора года находился на дипломатической работе в Москве. Для этого ему пришлось сменить своё советское гражданство на гражданство ГДР.

Летом 1951 года Маркуса Вольфа отозвали в Берлин и предложили, а точнее приказали по партийной линии перейти в аппарат создаваемой разведывательной службы. К этому времени в Западной Германии уже несколько лет существовала разведка — Организация Гелена. В ответ на это 16 августа 1951 года был создан Институт экономических исследований. Такое безобидное имя получила для маскировки внешнеполитическая разведка (ВПР) ГДР. Официальным днём её основания стало 1 сентября 1951 года, когда восемь немцев и четыре советника из СССР на совместном заседании сформировали её задачи: ведение

политической, экономической и научно-технической разведки в ФРГ, Западном Берлине и странах НАТО, а также проникновение в западные спецслужбы. Последняя задача была поручена отделу, которым вскоре стал руководить Вольф.

Трудность заключалась не только в том, что ни сам Вольф, ни его сотрудники, ни советские советники ничего не знали об этих спецслужбах, кроме того, что ими руководит некий генерал Гелен (да и то об этом стало известно из статьи в лондонской газете «Дейли экспресс»), а в том, что отдел Вольфа оказался в конфронтации с министерством государственной безопасности ГДР, которое с 1950 года действовало в этой же области.

Вначале предполагалось использовать уже сложившийся агентурный аппарат партийной разведки КПГ, но вскоре выяснилось, что опираться на неё нельзя: она вся была пронизана вражеской агентурой. От использования КПГ решили отказаться раз и навсегда.

Надо было создавать свой агентурный аппарат, но решение этой задачи представлялось Вольфу туманным.

В декабре 1952 года его неожиданно вызвал Вальтер Ульбрихт — глава партии (СЕПГ) и фактический руководитель государства. Он объявил Маркусу Вольфу о назначении его руководителем разведки. Маркусу ещё не исполнилось тридцати лет, разведывательный опыт был почти равен нулю. Зато он происходил из семьи известного писателя-коммуниста, имел надёжные связи в Москве, и его рекомендовал бывший начальник разведки Аккерман, ушедший в отставку «по состоянию здоровья».

Новое назначение Вольф получил незадолго до смерти Сталина, событий 17 июня 1953 года и краха Берии, что в немалой степени отразилось на дальнейшей судьбе разведки. Она была включена в систему министерства госбезопасности, которое возглавлял Волльвебер, а затем Мильке.

После событий 17 июня начался массовый отток населения из ГДР. До 1957 года её покинуло почти полмиллиона человек. В это число удалось «запустить» специально отобранных мужчин и женщин, агентов разведки, прошедших несложный курс обучения: элементарные правила конспирации и задачи, которые придётся решать. Некоторым из них пришлось начинать жизнь на Западе с нуля, заниматься физическим трудом и собственными усилиями делать карьеру. Для студентов и научных работников окольными путями подыскивали места в важных научных центрах. Кое-кто оказался на должностях, связанных с обеспечением секретности, некоторые достигли крупных постов в экономической иерархии.

Трудности встретились при внедрении переселенцев в

политические и военные круги. Они подвергались слишком сложной проверке и не всегда выдерживали её. Были и объективные препятствия: в ФРГ хватало своих претендентов на эти должности.

Первым агентом, добившимся успеха, стал «Феликс». По легенде представитель фирмы по поставке оборудования для парикмахерских, он часто бывал в Бонне, где находилось ведомство федерального канцлера. Разведчики и не мечтали проникнуть туда. «Феликс» решился. В толпе на автобусной остановке он познакомился с женщиной, ставшей затем первым источником в ведомстве. Со временем они стали любовниками, и «Норма» (так назвали её) родила от него сына. Она не была агентом, но то, что она рассказывала, позволяло разведке действовать активнее и систематичнее.

Позднее «Феликсом» заинтересовалось ведомство по охране конституции (контрразведка ФРГ). Его пришлось отозвать, а «Норма» осталась на Западе, так как, по словам Феликса, «не могла представить себе жизнь в ГДР». Так завершилось первое «дело Ромео». Потом было много подобных дел. Всю эту эпопею называли «шпионаж по любви».

Маркус Вольф в своих мемуарах «Игра на чужом поле» по этому поводу пишет, что любовь, личная привязанность к сотруднику разведки является лишь одной из мотиваций для тех, кто действовал в пользу его службы, наряду с политическими убеждениями, идеализмом, финансовыми причинами и неудовлетворённым честолюбием. Он пишет: «Распространённое в средствах массовой информации утверждение, что моё Главное управление разведки выпустило на невинных гражданок Западной Германии настоящих „шпионов-Ромео“, быстро зажило собственной жизнью. С этим ничего нельзя было поделать, и с тех пор к моей службе прицепились сомнительные слова „взломщиков сердец“, которые таким способом выведывают тайны боннского правительства…» Писали, что существует специальное отделение по подготовке «Ромео». «…Такое отделение, — говорит далее Вольф, — относится к той же категории фантастики, как и мнимое подразделение в британской МИ-5, где изобретаются и испытываются новейшие вспомогательные средства для агента 007».

Маркус далее замечает, что возникновение «стереотипа Ромео» стало возможно потому, что большинство направляемых на Запад разведчиков были мужчины-холостяки — для них было легче создать легенды и условия для адаптации.

Вот несколько примеров «шпионажа по любви».

Упомянутый выше «Феликс», вернувшись в ГДР, сообщил о

некоей Гудрун, одинокой секретарше в аппарате статс-секретаря Глобке, на которую мог бы повлиять правильно выбранный мужчина. Для этой цели был выбран Герберт С. (псевдоним «Астор»), спортсмен-лётчик, бывший член НСДАП. Это последнее явилось хорошим поводом для его «бегства» из ГДР. Он отправился в Бонн, где завёл хорошие знакомства, в том числе и с Гудрун. Она, даже не будучи завербованной, стала давать информацию о людях и событиях в ближайшем окружении Аденауэра, контактах Гелена с канцлером и с Глобке. «Астор» завербовал Гудрун, выдав себя за… офицера советской разведки. Внимание к её особе представителя великой державы импонировало ей, и она стала усердно шпионить. К сожалению, болезнь Астора заставила отозвать его, и связь прекратилась.

Директор известного театра из Саксонии Роланд Г. уехал в Бонн, чтобы познакомиться с женщиной по имени Маргарита, ревностной благовоспитанной католичкой, работавшей переводчицей в штаб-квартире НАТО. Он изображал из себя датского журналиста Кая Петерсена, говорил с лёгким датским акцентом. Сблизившись с Маргаритой, «признался», что является офицером датской военной разведки. «Дания маленькая страна, и её в НАТО обижают, не делясь с ней информацией. Ты должна помочь нам». Она согласилась, но призналась, что мучают угрызения совести, усугубляемые греховностью их связи. Чтобы успокоить её, провели целую комбинацию. Один из сотрудников разведки быстро выучил датский язык (в необходимом объёме) и отправился в Данию. Нашёл подходящую церковь, узнал режим её работы. Туда же поехали Роланд Г. с Маргаритой. В один прекрасный день, когда церковь была пуста, «священник» принял у Маргариты исповедь, успокоил её душу и благословил на дальнейшую помощь её другу и «нашей маленькой стране».

В дальнейшем, когда Роланда Г. из опасения провала пришлось отозвать, Маргарита согласилась снабжать информацией другого «датчанина», но вскоре её интерес пропал: она работала только ради одного мужчины.

В начале 1960-х годов офицер разведки Герберт З., работавший под псевдонимом «Кранц», познакомился в Париже с девятнадцатилетней Гердой О. Она служила в отделе МИДа «Телько», где расшифровывались и передавались дальше телеграммы всех западногерманских посольств. «Кранц» открылся Герде, они вступили в брак, и она под псевдонимом «Рита» стала работать на супруга. Будучи смелой и рисковой, она спокойно набивала свою огромную сумку многометровыми телеграфными лентами и приносила их «Кранцу». Три месяца она работала шифровальщицей в Вашингтоне, и благодаря ей разведка была в

курсе американо-германских отношений.

В начале 1970-х годов «Риту» перевели на работу в посольство в Варшаве. «Кранц» по своей легенде должен был остаться в ФРГ. «Рита» влюбилась в западногерманского журналиста, агента БНД, и во всём призналась ему, но у неё хватило порядочности предупредить по телефону «Кранца». Тот успел бежать в ГДР.

По просьбе Вольфа офицеры польской разведки в аэропорту перед отправкой «Риты» в Бонн предложили предоставить ей политическое убежище в Польше. Она какое-то мгновение колебалась, но вошла в самолёт. В Бонне охотно дала информацию о своей работе на разведку ГДР и о «Кранце».

Но разведчик оказался «непотопляемым». Он нашёл другую женщину, получившую псевдоним «Инга». Она всё знала о нём, тем более что в иллюстрированном журнале натолкнулась на статью о процессе против «Риты» и фотографию «Кранца». Несмотря на это, она стала активно работать, довольно быстро нашла место в Бонне, в ведомстве федерального канцлера, и на протяжении ряда лет снабжала разведку первоклассной информацией.

«Инга» мечтала официально выйти замуж за «Кранца», но в ФРГ это было невозможно. Решили сделать это в ГДР. «Инге» выдали документы на её девичью фамилию и в одном из загсов оформили отношения супругов. Правда, страница с записью о регистрации их брака была изъята и уничтожена, о чём супруги в то время так и не узнали.

В 1979 году западногерманская контрразведка нанесла тяжёлые удары по разведке ГДР. Было арестовано шестнадцать агентов. Многим, в том числе «супружеским парам», пришлось бежать в ГДР. Некоторые из них сохранили свои брачные союзы и зажили нормальной семейной жизнью. Однако работа разведки успешно продолжалась как с использованием классических методов, так и «шпионажа по любви». (Под «классическими» методами автор подразумевает обычную мужскую агентуру.)

В 1950-х годах действовала группа Корнбреннер, во главе которой стоял бывший сотрудник СД — национал-социалистической службы безопасности. Это, кстати, был единственный случай, когда разведка ГДР использовала бывшего активного нациста.

Одним из удачливых разведчиков оказался Адольф Кантер (псевдоним «Фихтель»). Он был внедрён в окружение молодого политика, будущего канцлера Гельмута Коля. Правда, его восхождению в рядах сторонников Коля был положен конец из-за нелепого обвинения в нецелевом использовании пожертвований,

по которому он был оправдан. Однако с окружением Коля он сохранил добрые отношения. В 1974 году стал заместителем руководителя боннского бюро концерна Флика и не только передавал сведения о связи крупного бизнеса с политикой, но и сам влиял на распределение довольно крупных «пожертвований».

Когда в 1981 году в Бонне возник крупный скандал по поводу этих «пожертвований», разведка ГДР, укрывая своего источника, преодолела искушение передать материалы западногерманским средствам массовой информации, хотя знала очень много. После скандала боннское бюро было ликвидировано, но Кантер сохранил все свои связи в партийно-правительственном аппарате и продолжал информировать разведку. Он был арестован только в 1994 году и приговорён к двум годам тюрьмы условно. Видимо, сработало то, что в ходе процесса он умолчал о многом из того, что знал о жизни боннского политического сообщества.

«Источником неоценимой важности» назвал Маркус Вольф своего агента «Фредди» (он так и не раскрыл его настоящего имени) в окружении Вилли Брандта. Он делал успешную карьеру, но в конце 1960-х годов после сердечного приступа умер.

Одним из важнейших источников информации разведки ГДР стал Гюнтер Гийом, имя которого вошло в историю (см. очерк о нём). Поэтому здесь мы не будем рассказывать о нём подробно. Заметим лишь, что трудно сказать, чего больше для развития общеполитической обстановки в Европе принесло дело Гийома — пользы или вреда?

Наконец, выдающейся разведчицей была Габриела Гаст — единственная женщина в западногерманской разведке, достигшая руководящего поста в качестве главного аналитика по Советскому Союзу и Восточной Европе. Именно она составляла для канцлера сводные доклады из всей полученной информации. Вторые экземпляры этих докладов оказывались на столе у Маркуса Вольфа. В 1987 году она была назначена заместителем руководителя отдела восточного блока в западногерманской разведке. В 1990 году её арестовали, в 1994 году выпустили на свободу.

Зачастую миссия Маркуса Вольфа была шире, чем простое ведение разведки. Он участвовал в тайных переговорах с некоторыми официальными и высокопоставленными деятелями ФРГ. Например, с министром юстиции Фрицем Шеффером, излагавшим свои идеи воссоединения двух Германий. Или (через посредников) с министром по общегерманским вопросам в кабинете Аденауэра Эрнстом Леммером. Доверительные политические контакты поддерживались с премьер-министром земли Северный Рейн — Вестфалия Хайнцем Кюном и с

председателем фракции СДПГ в боннском парламенте Фрицем Эрлером. Его анализ процессов, происходивших внутри НАТО, или сообщения о планах вашингтонских «ястребов» были очень полезны.

Для приобретения друзей в высших сферах Бонна Маркус Вольф использовал самые разные способы. Например, для установления контакта с видным деятелем бундестага, который затем проходил под псевдонимом «Юлиус», Вольф организовал его поездку по Волге, а затем посещение рыбацкого домика под Волгоградом, где в самой непринуждённой обстановке, под русский баян, пельмени, водку, икру и рассказы рыбака, потерявшего на фронте двух сыновей, нашёл с ним общий язык.

Количество контактов на высоком и высшем уровне самого Маркуса Вольфа и его людей было очень велико, и одно их перечисление заняло бы несколько страниц и утомило читателя. Но и агентура, и эти контакты дали так много для разведки, что если бы их информация могла быть и была бы реализована, она сыграла бы большую роль в дальнейшем развитии ГДР-ФРГ и европейских отношений. Но, к сожалению, и по субъективным и по объективным причинам информация разведки является далеко не единственным определяющим события фактором.

Маркус Вольф получил на Западе прозвище «Человек без лица», так как за двадцать лет его пребывания во главе разведки ГДР на Западе так и не сумели заполучить его фотографию. Это удалось лишь после измены и бегства на Запад сотрудника разведки старшего лейтенанта Штиллера. Случилось так, что во время пребывания в Швеции Вольф был сфотографирован как «неизвестное подозрительное лицо». Этот снимок хранился среди множества других и в их числе был предъявлен Штиллеру, который сразу же опознал своего шефа. Следствием этого стал арест некоего Кремера, человека, с которым Вольф встречался в Швеции. Его посчитали очень важным агентом, поскольку с ним встречался сам начальник разведслужбы. Кстати, он не был агентом, а лишь «мостиком» для выхода на нужного человека. Но Кремеру это не помогло, и он был осуждён.

Многие годы продолжалось единоборство Маркуса Вольфа с руководителем БНД «серым генералом» Геленом. Борьба шла с переменным успехом. Гелен засылал, точнее, вербовал свою агентуру во многих жизненно важных объектах ГДР, начиная с партийно-правительственных учреждений. Агентура Вольфа проникала в самые сокровенные места БНД и НАТО. Оба страдали от перебежчиков и изменников. Оба считали, что служат интересам германского народа.

Гелен был уволен со своего поста в 1968 году и ушёл из

жизни в 1979-м.

Вольф же в 1983 году в шестидесятилетнем возрасте добровольно подал в отставку. Его сразу не уволили, передача дел новому начальнику разведки Вернеру Гроссману практически длилась около трёх лет. 30 мая 1986 года был его последний рабочий день, но официальное увольнение состоялось 27 ноября 1986 года.

Вольф оказался не у дел. Прежде всего, он выполнил мечту своего умершего брата — завершил его фильм «Тройка» о судьбах людей их московской юности. Весной 1989 года фильм одновременно вышел на экраны в ГДР и ФРГ и привлёк внимание зрителей. В нём автор критически трактовал мрачные стороны социализма, требовал открытости, демократического обмена мнениями, терпимости по отношению к инакомыслию.

В середине того же года произошло удивительное событие: генеральный прокурор ФРГ Ребман добился ордера на арест Вольфа Маркуса, являющегося гражданином ГДР. Это была бессмысленная и неумная акция, вызывавшая только раздражение.

18 октября 1989 года Хонеккер и некоторые его сподвижники ушли из политической жизни. 4 ноября Вольф выступил на пятисоттысячном митинге на Александерплатц, призывая к перестройке и истинной демократии. Но когда он упомянул, что был генералом госбезопасности, раздались свистки и крики «Долой!».

После падения Берлинской стены Маркус Вольф уехал к сестре Лене в Москву, чтобы заняться творческим трудом. Но вернувшись в Германию, попал в «истерическую атмосферу побоища». Жажда мести у многих концентрировалась на органах госбезопасности и её известных представителях — Мильке и Вольфе.

Летом 1990 года подготовленный вместе с договором об объединении закон об амнистии для сотрудников службы разведки ГДР, защищавший их от преследования, был провален. Со дня объединения, то есть с 3 октября 1990 года, Вольфу угрожал арест. Он написал письмо министру иностранных дел ФРГ, а также Вилли Брандту о том, что не собирается отправляться в эмиграцию и готов на рассмотрение всех предъявленных ему обвинений на честных условиях. «Но честных условий в эту немецкую осень 1990 года не было дано», — вспоминает Вольф.

Вместе с женой он выехал в Австрию. Оттуда 22 октября 1990 года написал письмо Горбачёву. В нём, в частности, говорилось:

«Дорогой Михаил Сергеевич…

…Разведчики ГДР много сделали для безопасности СССР и его разведки, и агентура, которая сейчас подвергается преследованию и публичной травле, обеспечила постоянный поток надёжной и ценной информации. Меня называют „символом“ или „синонимом“ успешной разведывательной работы. Видимо, за успехи наши бывшие противники и хотят меня наказать, распять на кресте, как уже писали…»

Далее в своём письме Вольф просил Горбачёва во время его предстоящего визита в Германию поставить вопрос о судьбе друзей-разведчиков, их помощников, с которыми обращаются хуже, чем с военнопленными.

Кончалось письмо словами:

«Вы, Михаил Сергеевич, поймёте, что я ратую не только за себя, но за многих, за которых болит сердце, за которых я и поныне чувствую ответственность…»

Но «дорогой Михаил Сергеевич» не только не принял никаких мер, но и не ответил на письмо.

Из Австрии Вольф и его жена переехали в Москву. Но там он почувствовал, что в Кремле существуют различные мнения относительно его пребывания в СССР. С одной стороны, его прошлое обязывало предоставить убежище, с другой — там не хотели портить отношений с Германией.

После провала «опереточного» августовского путча 1991 года Вольф решил вернуться в Германию и разделить груз ответственности, возложенный на его преемника и товарищей по службе.

24 сентября 1991 года он пересёк австро-германскую границу, где его уже ожидал генеральный прокурор. В тот же день он оказался в одиночной камере с двойной решёткой в тюрьме города Карлсруэ. Через одиннадцать дней его отпустили под огромный залог, собранный его друзьями.

Началась длинная и изнурительная процедура следствия, а затем и судебного процесса над Маркусом Вольфом. Его, как и всех здравомыслящих людей, прежде всего возмущал сам факт предания суду людей, действовавших в интересах своего, законно существовавшего, государства, члена ООН.

Даже бывшие противники Вольфа выражали недоумение.

Бывший руководитель БНД Х. Хелленбройт заявил: «Процесс против Вольфа я считаю противоречащим конституции. Вольф занимался разведкой по поручению тогдашнего государства…»

Министр юстиции Кинкель: «В немецком объединении нет ни победителей, ни побеждённых».

Берлинская судебная палата убедительно обосновала свои сомнения в соответствии обвинений против сотрудников

разведки международному праву.

Тем не менее процесс состоялся.

6 декабря 1993 года Маркус Вольф был приговорён к шести годам лишения свободы, но отпущен под залог.

Летом 1995 года Федеральный конституционный суд вынес решение по делу Вернера Гроссмана, что офицеры разведки ГДР не подлежат в ФРГ преследованию за измену родине и шпионаж. На этом основании Федеральная судебная палата отменила и приговор Дюссельдорфского суда, вынесенный Маркусу Вольфу.

Бывший глава восточногерманской разведки продолжал борьбу за реабилитацию тех, кто ещё подвергается преследованию за работу на ГДР.

Интересно, что Маркус Вольф, «человек без лица», при жизни стал героем шпионского романа. В 1960 году его подвиги вдохновили молодого служащего «Интеллидженс сервис» Дэвида Корнуэлла. Под псевдонимом Джона Ле Карре он создал известный образ Карла, шефа разведки коммунистов, человека образованного и пленительного, одетого в твидовый костюм и курящего сигареты «Нейви кэт»…

ИССЕР ГАРЕЛЬ (1912–2003)

Человек, который долгие годы руководил израильскими спецслужбами, родился в далёкой России, в Витебске, в семье раввина, его первым языком был русский, и до конца дней он так и не смог избавиться от русского акцента. Его настоящая фамилия Гальперин, и лишь в пятидесятилетнем возрасте он принял псевдоним Гарель.

В 1929 году Иссер эмигрировал в Палестину, уже тогда проявив качества конспиратора: через строгую английскую таможню провёз пистолет.

Несколько лет Иссер добросовестно трудился в кибуце, где выучил иврит. Там же вступил в секретную еврейскую армию — Хаганах, а с началом Второй мировой войны поступил на службу в подразделение береговой охраны британской армии. Его приметил Исраель Амир, шеф ШАИ, разведслужбы Хаганах. Иссер быстро продвигался по службе и вскоре возглавил так называемый «еврейский» отдел ШАИ. Работа была нелёгкой, приходилось бороться как с правыми, так и с левыми экстремистами внутри еврейского движения. Иногда борьба приобретала братоубийственный характер.

Конкурентом Иссера Гареля был другой Иссер, по фамилии Беер, отличавшийся от первого огромным ростом. Их так и называли «Иссер Маленький» и «Иссер Большой». Гарель вскоре попал в подчинение Бееру, возглавившему все израильские спецслужбы, и получил задачу создать Шин Бет — генеральную службу безопасности.

Ошибки «Иссера Большого» и умелое использование их Иссером Гарелем привели к тому, что Беера в начале 1949 года отстранили от власти. Его обвинили в изготовлении фальшивок и «торопливости», в результате которой было казнено несколько ветеранов сионистского движения.

Иссер Гарель, пользуясь падением Беера, расширил сферу деятельности Шин Бета и в 1952 году возглавил новую специальную службу Моссад (это название — сокращённый вариант полного наименования «Института разведки и научных задач»). В его ведение по настоянию главы правительства Бен-Гуриона были включены и «специальные задачи», не входящие в компетенцию других спецслужб.

Гарель пользовался постоянным дружеским расположением и поддержкой первого премьер-министра и министра обороны Израиля Д. Бен-Гуриона. Оба они начинали свою карьеру в 1948 году и закончили её в 1963-м.

Шефом Моссада Иссер Гарель был с сентября 1952 по март 1963 года и фактически направлял всю работу израильской разведки. Одной из его главных задач было установление тесного сотрудничества с ЦРУ, и он справился с ней, главным образом благодаря тому, что через Моссад поступала в ЦРУ ценнейшая информация о Советском Союзе.

С 1955 года Иссер Гарель установил контакты и с французскими спецслужбами, когда израильская разведка начала снабжать французов информацией о планах Фронта национального освобождения (ФНО) Алжира и его союзников (имеется в виду Египет). Этот контакт поддерживал в Париже Яаков Кароза, который представлял Моссад и являлся доверенным лицом Иссера Гареля.

Правда, в самом Алжире, где Гарель намеревался создать широкую разведывательную сеть, его старания не увенчались успехом. После победы ФНО значительная часть еврейской общины, в том числе и потенциальная агентура, вынуждена была эмигрировать из Алжира. Единственным союзником Израиля среди арабских стран тогда осталось Марокко. Начиная с 1954–1955 годов, ещё до обретения Марокко независимости, Гарель сумел создать в стране две различных разведывательных сети — «нормальную» разведсеть Моссада и специальную разведсеть по организации самозащиты и эмиграции евреев в Израиль. В октябре 1959 года Гарель тайно посетил Марокко, а в самом начале 1963 года министр внутренних дел Марокко Уфкир нанёс ему ответный визит. Это тот самый Уфкир, который два года спустя стал организатором похищения и убийства в Париже лидера марокканской оппозиции Бен Барки.

Некоторые операции, проведённые Моссадом в годы, когда им руководил Иссер Гарель, вошли в историю разведки.

Одной из них стало похищение Адольфа Эйхмана, человека, ответственного за гибель миллионов евреев, бывшего начальника отдела IV-B-4 РСХА фашистской Германии.

Он скрывался в Аргентине под чужим именем, но ни его нового имени, ни местопребывания израильская разведка не знала.

В 1957 году поступила кое-какая информация. Некий Л. Херман, слепой еврей, проживавший в Буэнос-Айресе, сообщил, что его дочь встречалась с молодым человеком, которого звали Николас Эйхман. Было известно, что у Адольфа Эйхмана есть сын Николай. Это уже была кое-какая наводка. Узнали адрес Николаса и установили за домом наблюдение. Но, видимо, Эйхман что-то почувствовал, и вся семья скрылась.

Только почти через два года удалось установить новый адрес

этой семьи и выяснить, что Адольф Эйхман скрывается под именем Рикардо Клемента. За домом установили круглосуточное наблюдение.

Можно было бы схватить «Рикардо Клемента», отвезти его в ближайший лес и, прочитав приговор, пристрелить, как было сделано со многими другими. Но, во-первых, требовалось установить, тот ли он Адольф Эйхман, которого ищет разведка, а во-вторых, правительство дало строгий приказ: доставить Эйхмана в Израиль и там судить по всем правилам.

Случай убедиться, что «Рикардо Клемент» — это настоящий Эйхман, вскоре представился. 21 марта 1960 года сотрудники наблюдения заметили, что «Рикардо» приехал домой с большим букетом, который преподнёс супруге. Его обычно небрежно одетый младший сын был в праздничном костюме. Затем из дома донёсся шум, свидетельствовавший о большом семейном торжестве.

Сверились с записями в личном деле Эйхмана и выяснили, что в этот день отмечается серебряная свадьба супругов Эйхманов. Все сомнения отпали. В Буэнос-Айрес прибыла группа израильских разведчиков, более тридцати человек. Двенадцать из них входили в группу захвата, остальные — в группу прикрытия.

11 мая 1960 года группа захвата расположилась в районе дома, где жил Эйхман. Она пропустила два автобуса, на которых он должен был вернуться домой, но его всё не было. Наконец появился. Едва он вышел, его сразу же схватили и втащили на заднее сиденье автомашины, которая умчалась, прежде чем прохожие успели понять, в чём дело.

Эйхмана доставили на конспиративную квартиру, где он сразу же «сдался». Он не отпирался ни в чём. То ли сработал шок, то ли заговорила совесть, что, впрочем, маловероятно, то ли он предполагал, что чистосердечным признанием смягчит свою участь. Эйхман даже прочитал еврейскую молитву на иврите, может быть, рассчитывая разжалобить своих тюремщиков.

20 мая Эйхману сделали укол, в результате которого он стал плохо воспринимать происходящее. Затем его одели в форму сотрудника израильской авиакомпании и, поддерживая под руки как подвыпившего члена сменного экипажа, провели в самолёт. Через несколько часов он оказался в Израиле.

11 апреля 1961 года начался суд над Эйхманом. Он был признан виновным в преступлениях против человечности и приговорён к смертной казни. 31 мая 1961 года Эйхмана повесили.

Под руководством Гареля была проведена и операция по внедрению Элие Кохена в сирийский истеблишмент. Под видом

араба, эмигрировавшего в Аргентину, он познакомился и «подружился» там с сирийским военным атташе Амином Эль-Хафизом, будущим президентом Сирии. В январе 1962 года Кохен «вернулся» в Сирию, где быстро завёл нужные связи, спекулируя своим знакомством с Амином. Он сумел заполучить и передать ценную информацию в Израиль. Но в 1964 году, уже после увольнения Гареля, Кохен с помощью радиопеленгатора был разоблачён, а затем осуждён и повешен.

В марте 1963 года в Швейцарии разразился крупный скандал, вызванный арестом известного учёного, находившегося на службе Моссада. Этот провал стоил должности Гарелю. Бен-Гурион уволил его. Правда, с сентября 1965 и до июня 1966 года он ещё занимал пост советника премьер-министра Леви Эшкола, после чего окончательно ушёл с политической сцены. В последний раз он появился на ней в 1992 году, когда выступил с резкой обличительной речью об угрозе возрождения нацизма в Германии.

Часть II
РАЗВЕДКА ДО НАЧАЛА XX ВЕКА

ПЁТР ТОЛСТОЙ (1645–1729)

Казалось бы, в пятьдесят два года трудно начинать новую жизнь и делать карьеру. Но именно так случилось с Петром Андреевичем Толстым. Потомок древнего боярского рода, близкого к Милославским, он во время стрелецкого бунта призывал к расправе с Нарышкиными, родственниками матери царя Петра. За что и был удалён в Великий Устюг, где прослужил воеводой двенадцать лет. Но, как говорили раньше, «попал в случай». В захолустный городок приехал сам царь. Толстой порадовал его артиллерийским салютом, великолепным обедом и умной беседой. «Проси, чего хочешь», — милостиво сказал Пётр. Толстой многого не просил — лишь разрешить ему на старости лет изучить военно-морскую науку. Так он в пятьдесят два года оказался студентом в Италии, где прилежно занимался и получил хороший аттестат.

Но моряком ему не суждено было стать. Хорошо образованного, элегантно одетого и хитроумного Толстого Пётр решил использовать на дипломатическом поприще и направил послом в Оттоманскую империю, в Турцию, где он провёл четырнадцать лет. В те времена должности посла и резидента разведки мало чем отличались друг от друга.

Время для России было тяжёлое: шла трудная война со Швецией, и Турция угрожала нападением с юга. Надо было сделать всё возможное, чтобы не допустить этого.

Отправляя Толстого, Пётр дал ему самое настоящее разведывательное задание: «Необходимо выведывать и описывать тамошние народы; состояние; какое там правление; какие правительственные лица; какие у них с другими государствами будут поступки в воинских и политических делах; какое устроение для умножения прибыли или к войне тайные приготовления, против кого, морем или сухим путём; какие государства больше уважают; какой народ больше любят…» Это, так сказать, общие сведения, а вот и конкретные военные: «Сколько войска и где держат в готовности и сколько даётся ему из казны; также каков морской флот, и нет ли особого приготовления на Чёрном море; конницу и пехоту после царской войны не обучают ли европейским обычаям; бомбардиры и пушкари в прежнем ли состоянии, или учат вновь, кто учит…»

А как было действовать Толстому в незнакомой стране, на кого опереться, если не было ни одного близкого человека?

Но всё же один такой человек нашёлся. Им оказался патриарх Иерусалимский Досифей. У него было много своих агентов из

числа православных, которые занимали разные должности в турецких канцеляриях. Они имели возможности подкупать падких на взятки турецких чиновников. Досифей сам был нелегальным резидентом Петра и поддерживал с ним связь через курьеров-монахов.

Толстой нашёл общий язык с Досифеем и подружился с ним. Досифей выполнил много просьб и поручений Толстого, невзирая на смертельную опасность — ведь он не был дипломатом, и султан мог пытать и казнить его.

Одним из первых успехов совместной работы Толстого и Досифея было получение копии грамоты, которую султан направил своему послу в Москве. Эту копию Досифей со специальным курьером отправил в Москву, и царь Пётр раньше турецкого посла узнал о намерениях султана.

Но главной задачей Толстого было предотвратить нападение турок, на которое их толкали крымские татары и другие противники России — Франция и Швеция. Султан не хотел войны, но великий визирь Далтабан поддерживал татар и сговорился с ними: они инсценируют бунт против султана, а великий визирь пойдёт с войсками усмирять бунтовщиков. Но, прибыв в Крым, поведёт войско не на татар, а соединившись с ними, направится на Киев или Азов.

У Толстого в это время уже были агенты в окружении великого визиря. Услышав от них о его планах, Толстой нашёл подход к матери султана и оповестил её и муфтия (верховного священнослужителя) о заговоре. Узнав о заговоре, султан возмутился, и по его приказу великий визирь был схвачен и тут же удавлен.

Чтобы «подружиться» с матерью султана, Толстой подарил ей дюжину горностаев и соболей, алмазное перо на шапку и кушак с отделкой из драгоценных камней. Не худшие подарки получил и муфтий, который стал агентом Толстого.

Вообще Пётр Андреевич не скупился на подарки и взятки, которые тогда назывались «дача», а человек, который их давал, — «дачником». Так что Толстой был великим «дачником»! Турецкий чиновник, поставленный для наблюдения за русским послом, доносил, что Толстой «ради продления мира раздал в различных местах и различным людям около трёх тысяч кошелей с полутора миллионами талеров».

Но многие люди — это были христиане — работали на благо России не ради вознаграждения. Как докладывал Толстой, «эти люди чистосердечно трудятся без боязни».

Однако враги Толстого не дремали, и вокруг него начали сгущаться тучи. Посольство находилось в постоянном

враждебном окружении, за каждым его шагом велось наблюдение, некоторых сотрудников пытались «обусурманить». С одним из них Толстой жестоко расправился: по его приказу тому поднесли чарку отравленного вина.

Толстой регулярно направлял в Москву подробную информацию о составе турецкой армии, её дислокации и передвижениях, о турецком флоте, типах кораблей и их вооружении. Он прознал о том, что турки направили в Россию множество шпионов, в том числе из христиан и греков, и сообщил об этом Петру, который отдал соответствующие распоряжения.

Используя подкуп, «дачи», «дружбу» с матерью султана и муфтием, Толстой выполнял главную задачу: удержать Турцию от вступления в войну с Россией. Но для этого Толстому приходилось постоянно «раскошеливаться». Только в 1706 году муфтий получил от него «два сорока» соболей, визирь — сорок соболей и на радостях удавил двух самых умных пашей, противников Толстого. Это так понравилось Толстому, что он вскликнул: «Дай Вышний, чтобы и остальные все передавились!»

Однако в конце 1710 года Турция всё же объявила России войну, и её первой жертвой стал сам Пётр Андреевич. Он был арестован и заключён в Семибашенный замок, в глубокую земляную темницу, «зело мрачную и смрадную». Его дом и имущество разграбили. По турецким обычаям того времени это было нормальным явлением — с началом войны всех вражеских дипломатов сажали в тюрьму, где содержали в тяжёлых условиях.

Толстому ежедневно угрожали мучениями и пытками, стремясь выведать, каким министрам и сколько он давал денег. Но он не только никого не выдал, но даже начал активно действовать. Он добился, чтобы ему разрешили свидания с послом молдавского господаря Кантемира, и через него установил контакт с внешним миром.

Почти полтора года провёл Толстой в турецкой тюрьме, а затем, ещё до заключения мира, с помощью взяток (своих денег и соболей у него уже не было, помогли агенты) вышел на волю. Но отпускать Толстого в Россию турки не хотели, окружили его плотным кольцом соглядатаев. Однако и в этих условиях Толстой связался со своей агентурой и стал передавать сведения о положении во дворе султана, в правительстве и дипломатическом корпусе.

Между тем война между Россией и Турцией продолжалась. В 1711 году, когда русская армия попала в критическое положение, царь Пётр поручил подканцлеру Петру Шафирову задание подкупать вражеских сановников. Однако на этот раз сделка сорвалась, а самого Шафирова и сына фельдмаршала Шереметева

турки оставили у себя в качестве заложников.

Так Шафиров оказался в Стамбуле. Он быстро освоился с обстановкой, восстановил связь с частью агентуры Толстого, завязал новые знакомства и завербовал новых агентов. Он тоже начал раздавать взятки. Муфтию за то, чтобы тот противился продолжению войны, он заплатил тридцать тысяч левков. Затем Шафиров с этой же целью стал обрабатывать других, в том числе голландского и английского послов. Расходы на «дачи» — взятки, подкупы и подарки составили восемьдесят четыре тысячи девятьсот червонных венецианских и двадцать две тысячи российских рублей. Из них муфтий получил десять тысяч червонных, визирь тридцать тысяч, английский посол шесть тысяч, голландский четыре тысячи, а многим другим были розданы подарки.

Он завербовал агентов в окружении султана: например, Бастанжи-пашу, который передавал султану все предложения шведского и французского послов, направленные против России, переводчика шведской миссии, через которого узнавал всё о переписке султана с Карлом XII.

Окончательно мир был подписан в апреле 1712 года, и одним из его пунктов было возвращение наших задержанных дипломатов на Родину.

П. А. Толстой выполнил ещё одно деликатное поручение Петра Великого: он сумел вернуть в Россию беглеца — царевича Алексея.

Но жизнь престарелого разведчика закончилась печально. В 1727 году восьмидесятидвухлетнего старца за неосторожное высказывание в адрес Петра II, сына Алексея, отправили вместе с сыном в Соловецкий монастырь, где они вскоре и умерли.

Шафиров ещё при жизни царя Петра поссорился с Меншиковым, был обвинён в корыстолюбии и нарушении многих законов Российской империи. Его приговорили к смертной казни. Пётр подтвердил приговор, но когда Шафиров уже находился на эшафоте, ему было объявлено о помиловании и ссылке в Сибирь. Но и это решение было смягчено: его отправили в Новгород.

Екатерина I вернула Шафирова, и он снова занял дипломатический пост. Умер он в 1739 году, в чине действительного тайного советника.

НАТАН ХЭЙЛ (1755–1776)

Немногие разведчики удостоились памятников в знак признания их заслуг соотечественниками. Одним из таких людей был американец Натан Хэйл, смелый, искренний, но неопытный разведчик, патриот, повешенный англичанами в сентябре 1776 года. Он послужил прототипом героя романа знаменитого американского писателя Фенимора Купера «Шпион». Памятник Натану Хэйлу поставлен в Вашингтоне.

Хотя Хэйл претерпел неудачу в своей работе, он считается «отцом» американской военной разведки. Собственно, ничего особенного он не совершил, но его смерть от рук ненавистных англичан подняла на борьбу с врагом молодых американских патриотов, и многие из них пошли по стопам Натана Хэйла.

В самом начале Войны за независимость (1775–1783) в Соединённых Штатах не было профессионально поставленной разведывательной службы. Необходимая информация поступала зачастую от случайных доброхотов, сторонников освободительной борьбы.

Но генерал Вашингтон, главнокомандующий армии колонистов Северной Америки, хотя и не располагал такой разведслужбой, всё же имел одно преимущество по сравнению с другими правителями того времени: его поддерживало огромное количество людей, для которых борьба за свободу и независимость страны стала смыслом жизни. Среди них были молодые и пылкие, способные на большой риск и жертвы. Из таких молодых людей и начала создаваться секретная служба Джорджа Вашингтона. Одним из них и стал Натан Хэйл.

Во время войны молодых Соединённых Штатов за независимость он выполнял поручения генерала Джорджа Вашингтона в тылу английских войск. Ему удалось получить некоторую информацию об их дислокации и вооружении, но почти сразу же он был схвачен англичанами. Начальник британской военной полиции Каннингем весьма жестоко обошёлся с Хэйлом. Тот не выдержал допросов, обнаружил сильное волнение, чем вызвал ещё большее подозрение у англичан, и допросы стали ещё более жестокими. Хэйл, как полагают исследователи, выдал все секреты, которые знал, и это стоило ему жизни — его казнили. Он стал первым казнённым американским разведчиком.

Первым сообщил об этом американским войскам английский офицер, капитан Джон Монтрессор из королевского корпуса сапёров, адъютант генерала Уильяма Хау. С белым флагом он

перешёл линию фронта в Харм-Плейнсе, штат Нью-Йорк. Его встретила группа американских офицеров.

Какое-то время известие о гибели Натана Хэйла держалось в тайне. Но спустя пять месяцев в прессе стали появляться инспирированные сообщения о трагической смерти Хэйла на службе отечеству. После этого, по существу, и началось формирование регулярной американской военной разведки.

Долгое время считалось, что генерал Вашингтон, узнав о гибели молодого разведчика, будто бы отказался от секретной службы как оружия борьбы. Лишь более столетия спустя были обнаружены документы, опровергающие это и подтверждающие, что он сделал практические выводы из этой трагедии, решив создать профессиональную разведывательную службу и привлекать в неё не только патриотически настроенных, но и обладающих определёнными качествами молодых людей. Руководителем бюро секретной службы Вашингтон вначале планировал назначить Джона-Морина Скотта, но по каким-то причинам он был отстранён от этой работы, едва успев начать её. На должность начальника службы был назначен Бенджамин Толмедж, которому помогали его брат Инок и Роберт Таунзенд, однокурсники Хэйла по Йельскому университету. В тылу у англичан они организовали целую агентурную сеть, или «цепь», как назвал её Джордж Вашингтон. Звенья этой цепи маскировались кличкой «Самюэль Калпер» и были хорошо законспирированы, хотя у американской разведки в то время ещё не было никакого опыта. Один из разведчиков, Вудхолл, стал подписываться «Самюэль Калпер старший», а Таунзенд — «Самюэль Калпер младший». Руководитель цепи полковник Толмедж имел кличку «мистер Джон Болтон».

Основные действия «Калперы» развернули в Нью-Йорке, на Манхэттене и в его окрестностях, где в то время располагался английский штаб, да и большая часть британского флота базировалась в нью-йоркском порту. Таунзенд содержал крупный универсальный магазин, где встречался с агентурой, а английские офицеры — покупатели нередко выбалтывали секреты, которые он бережно копил.

«Калперы» помимо разведки провели и первую контрразведывательную операцию, в результате которой был захвачен и, можно сказать, в отместку за Хэйла, казнён английский разведчик майор Андре.

Произошло это так. Посёлок Ойстер-Бэй (Устричная бухта), расположенный в двадцати пяти милях от центра Нью-Йорка, был оккупирован англичанами. По случайному стечению обстоятельств высокопоставленные английские офицеры

разместились в доме, принадлежавшем Роберту Таунзенду. У него была младшая сестра Сара.

Молодая девушка входила в группу разведки, однако долгое время ничем не могла проявить себя в борьбе с англичанами.

Но вот как-то раз, в конце августа 1780 года, английский полковник Симкоу пригласил на ужин своего друга по имени Андре. Подававшая гостям ужин Сара заметила, как вошедший посыльный положил на буфет письмо, адресованное «Джону Андерсону», которое вскрыл, прочёл и положил к себе в карман Андре. После этого она подслушала разговор Андре с полковником Симкоу и поняла, что речь идёт ни больше ни меньше, как о захвате с помощью предателей крупнейшей американской базы Вест-Пойнт, на складах которой хранились почти все запасы американской армии, в том числе и вооружение, полученное от Бомарше (см. очерк о нём).

Надо было срочно сообщить об этом Роберту, находившемуся в Нью-Йорке. Сара нашла выход. На следующее утро ей не составило труда уговорить влюблённого в неё английского капитана Даниеля Юнга направить в Нью-Йорк курьера за провизией для полковника Симкоу, которую он должен был приобрести в магазине её брата. В список заказанных продуктов Сара вложила записку, в которой сообщала Роберту об Андре, «Джоне Андерсоне» и о намерении англичан захватить Вест-Пойнт. Как только записка дошла до Таунзенда, «цепь» заработала. Остин Роу вскочил на лошадь и помчался по просёлочным дорогам Лонг-Айленда в городок Сетокет, где жил его друг. Немедленно по получении донесения тот направился на берег, где было развешено бельё для просушки. Небольшая «смена декорации» на верёвке — и вот с противоположного берега спешит на своей лодчонке Коллеб Брустер, получает донесение и сразу возвращается обратно, не забыв просигнализировать о своём благополучном прибытии: на верёвке вывешивается красная юбка.

Остальное, как говорится, дело техники. Брустер, оказавшись на американской территории, доставил документ начальнику разведслужбы Бенджамину Толмеджу. И надо же, какое совпадение: как раз перед этим Толмедж получил письмо от коменданта Вест-Пойнта, генерала Бенедикта Арнольда, который сообщал, что в район, где находится Толмедж, возможно, прибудет друг генерала Джон Андерсон, и просил выделить драгунов для его охраны!

Мы не будем описывать все перипетии разоблачения и срыва английской операции по захвату Вест-Пойнта. Это увело бы нас в сторону от темы очерка. Скажем только, что Бенджамин Толмедж

проявил себя не только как разведчик, но и как блестящий контрразведчик. Правда, изменнику генералу Бенедикту Арнольду удалось бежать, но его соучастник Джон Андерсон, он же Андре, был пойман, отдан под суд и повешен.

Первый президент Соединённых Штатов Джордж Вашингтон однажды сказал, что и Натан Хэйл, и майор Андре были честными и храбрыми офицерами и умерли достойно.

Остаётся с сожалением констатировать, что даже в условиях «открытого» американского общества имена членов группы «Калпер» долгое время хранились в тайне и стали известны лишь более столетия спустя.

Известно лишь, что Джордж Вашингтон в бытность свою президентом навестил своих бывших агентов в Лонг-Айленде и поблагодарил их за ценные сведения, которые они доставляли во время войны. И ещё одна интересная деталь. Главная бухгалтерская книга, которую тщательно вёл сам Вашингтон, свидетельствует о том, что между 1775 и 1781 годами он израсходовал всего лишь семнадцать тысяч шестьсот семнадцать долларов на свою разведывательную организацию. Платежи заносились в книгу как выдачи «безымянным лицам» для того, чтобы не раскрывать их имён.

ШАРЛЬ-ЖЕНЕВЬЕВ-ЛУИ-ОГЮСТ-АНДРЕ-ТИМОТЕ Д'ЭОН ДЕ БОМОН (1728–1810)

Рассказывая о людях, потрудившихся на ниве разведки, нельзя обойти вниманием загадочную, полуфантастическую личность — шевалье д'Эона. Кем был этот шевалье — мужчиной или женщиной? Об этом до сих пор спорят. Не вмешиваясь в эту дискуссию, припомним, чем же прославился шевалье д'Эон — авантюрист, воин, шпион, юрист, фехтовальщик, дипломат, шантажист и талантливый исполнитель женских (или мужских?) ролей.

Шевалье родился в аристократической семье и с детства подавал большие надежды. Рассказывают, что в четырёхлетнем возрасте мать почему-то нарядила его девочкой, и до семи лет он ходил в платье. Скорее всего, это отразилось на его образе жизни и мышлении. Но в юности он воспитывался как настоящий дворянин. Он преуспел в юриспруденции и фехтовальном искусстве, при этом, будучи с виду хрупким и слабым, фехтовал настолько мастерски, что был единодушно избран старшиной фехтовального клуба. Совсем молодым получил степень доктора гражданского и церковного права и был принят в адвокатуру.

Почувствовав, что родной городок Тоннер стал тесен для него, д'Эон отправился в Париж. Времени даром он не терял: не имея собственных финансов, написал трактат о финансах Франции при Людовике XIV, обративший на себя внимание Людовика XV. Поскольку государственная казна всё время скудела, король надеялся поправить положение с помощью свежих умов. Молодой шевалье д'Эон был представлен королю и произвёл на него хорошее впечатление. Юноше прочили успешную финансовую карьеру при дворе. Но в это время на европейском континенте произошли события, которые коренным образом повлияли на судьбу шевалье д'Эона.

Обстановка в Европе была очень сложной. Возмутителем спокойствия был прусский король Фридрих II Великий, взошедший на престол в 1740 году. Он вторгся в Австрию и захватил богатейшую часть австрийских владений — Силезию. На стороне Пруссии в этой войне выступили Франция и Бавария. Австрию поддерживали Англия и Голландия.

Каждая из противоборствующих сторон, конечно же, мечтала о приобретении такого могущественного союзника, как Россия. Но русское правительство колебалось. С одной стороны, оно в 1741–1742 годах заключило русско-английский союзный договор.

С другой стороны, между Россией и Пруссией велись переговоры, закончившиеся заключением в 1743 году оборонительного союза. К тому же Россия была связана начавшейся в 1741 году войной со Швецией, которую побуждали к этому Франция и Пруссия, а также с Ираном и Турцией.

При дворе Елизаветы существовали две партии — проанглийская и профранцузская, выражаясь нынешним языком, английское и французское лобби. Канцлер Бестужев-Рюмин представлял первое из них, вице-канцлер Воронцов — второе. Чаши весов колебались.

Британский посол Диккенс предложил Бестужеву-Рюмину пятьсот тысяч фунтов стерлингов, если тот направит шестьдесят тысяч русских солдат для участия в войне. Однако эта сделка провалилась, и Диккенс вынужден был уйти в отставку. Новый посол, сэр Вильямс, оказался удачливее. Ему удалось добиться подписания конвенции, по которой Россия была обязана отправить на фронт тридцать тысяч солдат в помощь королю Георгу или союзникам Ганновера в обмен на энное количество английского золота, сумма которого в конвенции не была оговорена. В конвенции имелся один важный пункт: она вступала в действие не немедленно, а лишь после ратификации, которая должна была состояться через два месяца.

Об этом проведал Людовик XV и решил любыми способами помешать ратификации. Надо было спешить. Но демарш, предпринятый королём, закончился плачевно: его эмиссар, шевалье де Валькруасан, который пытался «прорваться» к царице, чтобы лично засвидетельствовать ей своё почтение и вступить с ней в контакт от имени Людовика, был арестован по обвинению в шпионаже и посажен в крепость. Послания короля перехватывались агентами Бестужева-Рюмина. Короче говоря, никаких официальных возможностей связаться со своей венценосной «сестрой» у Людовика не было.

Вот тогда-то Людовику XV и пришла в голову идея направить в Санкт-Петербург шевалье д'Эона.

К этому времени Людовик уже прослышал о некоторых проделках юного шевалье, который нередко мистифицировал окружающих, выдавая себя за женщину. Королю пришла в голову мысль — если к Елизавете не мог проникнуть мужчина, может быть, это удастся даме?

Пригласив к себе д'Эона, он предложил ему продемонстрировать свой талант и остался очень довольным.

— Я поражён, — произнёс король. Он немного помолчал и продолжал: — Шевалье, я хочу дать вам ответственное поручение, от выполнения которого, может быть, зависит судьба Франции.

— Я готова служить вашему величеству и Франции в том месте и таким образом, каким вы мне прикажете, — приятным грудным голосом ответила девушка.

Король удивлённо посмотрел на неё, но взяв себя в руки, сказал:

— Тогда извольте выслушать меня. Я знаю, что вы достаточно искушены в фехтовальном искусстве, но шпаги, которые вам придётся скрестить с русским канцлером Бестужевым-Рюминым, несколько иного рода…

В 1755 году в Петербург в качестве тайного курьера и эмиссара Людовика XV прибыла очаровательная мадемуазель Лия де Бомон со своим «дядюшкой», неким Дугласом. Парочка остановилась в доме французского агента-банкира. Надо было спешить — до дня ратификации оставалось не так уж много времени. Дуглас нервничал: всем его действиям мешали люди Бестужева-Рюмина, бравшие под контроль каждого француза, прибывавшего в столицу империи. И хотя Дуглас постоянно носил с собой красивую черепаховую табакерку, под фальшивым дном которой был запрятан шифр для его личных донесений, воспользоваться им он не мог — нечего было доносить, кроме жалоб на обставивших его агентов. Зато на милую девушку Лию никто из них не обращал внимания, и вскоре ей удалось беспрепятственно повстречаться с влиятельным сторонником Франции вице-канцлером Воронцовым.

Сообразив, что привлекательная француженка будет способствовать оказанию на царицу выгодного ему влияния, Воронцов поспешил представить её ко двору.

Стареющая императрица стремилась окружать себя молодёжью, любила удовольствия, лесть, с наслаждением слушала волнующие рассказы о легкомысленных нравах французского двора, при котором, как ей было известно, существовал знаменитый «Олений парк» — постоянно пополнявшийся прекрасными наложницами королевский гарем.

И когда перед ней появилась милая, весёлая мадемуазель, Елизавета решила, что теперь сможет в полной мере удовлетворить своё любопытство. Так, в одночасье, Лия де Бомон стала фрейлиной, а затем и чтицей императрицы.

Сейчас трудно сказать, о чём разговаривали длинными зимними ночами владычица великой державы и её скромная чтица. Но, безусловно, среди предложенных императрице для чтения книг была и «Дух законов» Монтескьё с письмом короля, которую Лия тайно привезла с собой.

Так или иначе, некоторое время спустя сэр Вильямс вынужден был направить в Лондон сообщение лорду Холдернею:

«Должен с сожалением уведомить, что канцлер (Бестужев-Рюмин) находит невозможным побудить её величество подписать договор, которого мы так горячо желали».

Благополучно вернувшись из далёкой таинственной России, шевалье д'Эон блестяще справился ещё с несколькими щепетильными дипломатическими поручениями Людовика XV, за что признательный король пожаловал д'Эону годовой доход в три тысячи ливров.

Но поручения следовали одно за другим, и для их выполнения требовалось принимать то мужское, то женское обличье. Когда Франция вступила в войну, шевалье д'Эон пошёл в действующую армию, где стал адъютантом герцога де Брольи, начальника королевской секретной службы, и не раз выполнял его разведывательные задания, однако успел отличиться и в одном из сражений, доставив обоз со снарядами в критический момент битвы под сильным огнём вражеской артиллерии. Иногда же «Лие де Бомон» снова приходилось пудриться, завиваться и наряжаться в женское платье.

Когда война закончилась, д'Эон был направлен в Лондон, где вновь отличился на разведывательно-дипломатическом поприще. Ему удалось добыть точные копии инструкций английского дипломата Бедфорда, уполномоченного вести переговоры с французским министром Шуазелем о мирном договоре. Для этого он пригласил Бедфорда в посольство, напоил его, вынес в другую комнату его портфель с документами и быстро снял копии. Бедфорд так расстроился провалом переговоров и тем, что все его ходы заранее известны противнику, что подал в отставку, а позже отказался от должности председателя совета министров.

Д'Эон участвовал также в операциях военного разведчика, известного инженера и тактика маркиза де ла Розьера. Он изучал побережье Ла-Манша, чтобы выяснить, где лучше было бы высадить французскую армию.

Своей деятельностью в Англии д'Эон добился таких успехов, что получил ранг полномочного министра. Но там же оказался втянут в приключения, которые представляют огромный интерес для романиста.

Мотовство и любовь к роскоши постоянно заставляли шевалье влезать в долги, несмотря на огромные суммы, переводимые королём. И интриги, интриги… Д'Эон занялся шантажом, используя для этого личные письма Людовика XV, каждое из которых являлось разоблачением заговора против Англии, коварных планов высадки десанта и доказательством шпионской деятельности Розьера и д'Эона. И хотя к этому времени во Франции правил Людовик XVI, эти письма, попади

они в руки парламентской оппозиции, могли возмутить английскую публику и вызвать войну между Англией и Францией. Скандал принимал нешуточный характер, и даже были попытки похитить д'Эона, вынудившие его нанять телохранителей.

Французские дипломаты всячески стремились дискредитировать и погубить шевалье. Нанятые журналисты обливали его грязью. В ответ на это он опубликовал несколько писем Людовика, где содержались нескромные подробности, но действуя осторожно, начал с самых невинных из них, намекнув, что у него есть и более опасные. Приоткрыл шевалье и тайну «Оленьего парка», где Людовик XV появлялся инкогнито под видом польского графа Лещинского. Но опять же это была только часть того, чем он владел. В обмен на все письма д'Эон потребовал двенадцать тысяч ливров в год субсидии и назначения на секретную службу за границу.

За этим следуют и новые шпионские похождения, и мистификация «Лией де Бомон» лондонского общества, и непримиримая поначалу борьба с королевским агентом Бомарше, вылившаяся затем в дружбу с великим драматургом…

Очевидцы оставили описание Лии де Бомон, как «женщины маленького роста и худощавой, с молочно-розовым цветом лица и кротким, приятным выражением». Мелодичный голос ещё более способствовал этому образу. Полагают, что д'Эон благоразумно разыгрывал из себя не заносчивую, кокетливую и таинственную личность, а скромную, сдержанную и застенчивую девушку. Если бы она слишком привлекала мужчин, это могло бы испортить всё дело, и всё-таки известно, что она пользовалась их симпатией. Придворные живописцы не раз писали портреты Лии, благодаря чему её образ сохранился и соответствует впечатлениям очевидцев.

Кем же был д'Эон в действительности? Трансвеститом, мужчиной, игравшим роль женщины, или девушкой, выдававшей себя за мужчину, бравого шевалье д'Эона? Автор почему-то склоняется к последней, более романтичной версии.

И хотя английские врачи вроде бы дали заключение, что шевалье д'Эон был мужчиной, ему всё же не хочется верить до конца.

АББАТ ЛЕКЛЕРК (XIX век)

Отношения между наполеоновской Францией и Англией к 1806 году обострились до предела. 21 декабря 1806 года Наполеон провозгласил, а через одиннадцать месяцев подтвердил декретом введение континентальной блокады Англии. Он приказал арестовать всех английских подданных во Франции и запретил покупать и продавать английские товары. Наличные английские товары были сожжены, все виды связи прерваны, а переписка между Европой и Британскими островами запрещена.

Как всегда, при подобных запретах пышным цветом расцвёл «теневой промысел», в первую очередь контрабанда, хотя по французским законам она каралась жестоко, вплоть до смертной казни.

Контрабандная торговля между Англией и Францией непрерывно поддерживалась и даже росла. Наличные деньги регулярно обращались между Лондоном и Парижем. Лондонские банкиры выписывали чеки на Париж так просто, будто ни Наполеона, ни континентальной блокады не существовало.

Для удобства нелегального сообщения с Францией англичане использовали так называемых экспресс-курьеров. Они умудрялись переправляться через Ла-Манш прямым путём, перевозя документы в двойных подошвах своих сапог, зашивая в воротники сюртуков или попросту кладя их в карманы. Это были надёжные, умные и бесстрашные люди, не имевшие предрассудков. Они трудились ради больших денег, которыми щедро рассчитывались с ними банкиры, дворяне, государственные чиновники за быстроту и надёжность.

На некоторое время удалось подкупить чиновников муниципалитета Булони, которые стали выдавать фальшивые паспорта. Это было огромным подспорьем как для контрабандистов, так и для секретной службы, но длилось недолго. Поэтому курьерам приходилось всячески изворачиваться. Нередко агенты и курьеры, видя, что им грозит арест, избавлялись от компрометирующих материалов, глотая их. Для секретной переписки употреблялась очень тонкая бумага. Некая мадам Шаламе (а среди курьеров попадались и женщины), наскочив на полицию, умудрилась проглотить целую пачку писем.

Естественно, что услугами контрабандистов пользовались и английская разведка и заговорщики-роялисты, эмигранты, поддерживавшие тайные связи со своими единомышленниками во Франции. Это было опасным делом. Десятки и сотни связников

попали в руки французской полиции и были убиты при оказании сопротивления или казнены по приговору суда.

В эти годы в Англии находилось в эмиграции много бежавших туда роялистов и врагов Наполеона. Англия дала приют уцелевшим деятелям вандейского движения и шуанской войны, выступавшим ещё против революции 1789 года, а также заведомым заговорщикам. Их заговоры устраивались на английские деньги, и английские же суда перевозили их во Францию. Англия поддерживала контрреволюцию всеми возможными средствами и реставрацию Бурбонов ставила условием мира.

Эмигранты, группировавшиеся в Англии вокруг графа д'Артуа, принца Конде и герцога Беррийского, составили заговор против Наполеона. Там же действовала другая группа заговорщиков во главе с Жоржем Кадудалем. Им необходима была связь с их сообщниками во Франции и подробная информация о положении там.

К роялистам, боровшимся против Наполеона, присоединилось множество самоотверженных людей, но, конечно, прилипло и немало проходимцев.

Некий аббат Ратель разместился вместе со своей любовницей мадемуазель Жюльеной Спер в замке де Комбремон. Он направлял в Англию весьма ценную информацию, которую якобы приобретал за огромные деньги. Кроме денег на расходы он получал жалование для себя и Жюльены Спер. Когда же британские чиновники решились потребовать от него отчёт о расходах, а заодно и здраво оценили поступавшие от него сведения, оказалось, что он получил восемнадцать тысяч фунтов стерлингов и почти триста тысяч франков, которые потратил на себя и мадемуазель Спер, а половина его информации по сути не стоила ни гроша.

Совсем другим оказался аббат Леклерк, он же Буавалон. Этого преданного своему делу роялиста его биографы характеризуют как «упрямого, деятельного, ловкого, предприимчивого, скромного конспиратора, и что всего замечательнее — бескорыстного».

Всё самое опасное время террора аббат Леклерк прожил в Париже, где выступал в роли адвоката. Он был настолько хорошо осведомлён обо всём, что делалось во Франции, что это даже вызвало подозрения у его сторонников в Англии: не подставлен ли он французской разведкой. Нет, аббат Леклерк действовал честно. Он собирал информацию изо всех доступных ему источников, а также донесений множества роялистских агентов во Франции.

Конечно, аббат не нарушал тайну исповеди. Но дипломатично склонял своих собеседников к откровенности. Среди его вольных и невольных информаторов оказались не только коммерсанты, мелкие чиновники, полицейские, но и некоторые государственные мужи, офицеры и даже генерал наполеоновской армии. Особенно много интересной информации он получал от жён высокопоставленных чиновников и военных. Сорокалетний Леклерк, внешне непривлекательный, имел необъяснимое влияние на женщин, но набожный священник использовал это влияние только в интересах разведки.

Когда Наполеон организовал «Булонский лагерь», где концентрировались и проходили подготовку войска, предназначенные для высадки в Англии, Леклерк получил задание собрать информацию об этом лагере. Он переехал на побережье и там постоянно курсировал в маленькой коляске. Лошадьми правил его верный секретарь Пьер-Мари Пуа. Леклерк находил пристанище в домах своих друзей-роялистов, но нигде не проводил больше одной ночи.

Он имел немногочисленную, но весьма осведомлённую агентуру. Одним из его агентов был высокопоставленный чиновник, представитель военного министерства Франции в Бресте, а другой служил в административном совете императорского флота. От нескольких агентов Леклерк получал копии политических донесений.

Для связи с Англией Леклерк выезжал со своим секретарём в прибрежные городки. В каком-нибудь рыбацком трактире они подсаживались за столик к бедным рыбакам. Сам Леклерк обычно говорил мало, а Пьер-Мари Пуа угощал соседей коньяком и хорошей закуской. В завязавшемся разговоре объяснял им, что он коммерсант, который должен известить живущего в Лондоне эмигранта о причитающемся ему наследстве. При этом подчёркивал, что ничего политического в этом деле нет, даже зачитывал письмо вслух. Конечно, он не раскрывал, что между строками этого письма написано другое невидимыми чернилами.

Кто-нибудь из рыбаков всегда соглашался за приличное, по его понятиям, вознаграждение передать это письмо на английское судно, которое встретится ему в море во время лова рыбы. Одним из его помощников был рыбак-бакалейщик по имени Филипп.

Филипп держал в Трепоре бакалейную лавочку. Он завербовал нескольких приятелей, в том числе местного школьного учителя Дюпоншеля и свою жену, дородность и добродушие которой помогали маскировке, не умаляя её рвения и ловкости. Она часто совершала рейды, Доставляя важные пакеты, спрятанные в потайных карманах необъятного платья. За каждый

«поход» получала двадцать франков. Леклерк предупредил, что если её арестуют или станут допрашивать, она должна твердить, что «только что нашла письма на берегу и несёт их в полицию в Э или в Булонь».

Поскольку Леклерк был священнослужителем, не приходится удивляться, что набожные женщины, глубоко преданные делу роялистов, давали ему приют. Но так как он был человеком безупречной нравственности, его фанатическая ненависть к Бонапарту и революции привлекала к нему множество сторонников и сторонниц в аристократических кругах.

Одной из надёжных помощниц аббата стала мадемуазель де Руссель де Превиль. Миниатюрной, очаровательной девушке в 1804 году едва исполнилось восемнадцать. За красоту и грацию её прозвали Нимфой. Она привыкла к весёлому обществу, где вызывала обожание, была непостоянна и до глупости простодушна. Все её интересы сводились к украшению своей особы, балам и приёмам. И хотя пословица гласит: «Когда говорят пушки, музы молчат», никогда не было ни таких весёлых балов, ни такой прекрасной музыки, ни таких прелестных танцев, как в её годы.

Казалось, её характер совершенно не соответствовал представлению о разведчике, человеке умном и сосредоточенном на деле, свято следующем правилам конспирации. Но… В разведке бывает всякое.

И вот эта девушка, узнав, чем занимается Леклерк, и заинтересовавшись его работой (не исключено, что и просто от безделья), вызвалась помогать ему. И вскоре стала его незаменимой сотрудницей.

Нимфа де Руссель де Превиль — под таким именем она осталась в архивах французской полиции — переоделась юношей, приняла фамилию Дюбюиссон и начала опасную, полную приключений работу роялистского шпиона и курьера. Хотя она и была довольно опрометчивой, это не сказалось на безопасности её товарищей. В её задачи входил приём и передача секретной корреспонденции для Леклерка; для сбора информации она не раз выезжала в Дьепп или Амьен.

Вскоре французская полиция вышла на след аббата Леклерка и Нимфы. Они укрылись в Аббервиле, в доме некоей мадам Дени на улице Пти-рю-Нотр-Дам. Один из задержанных агентов Леклерка, Филипп, рыбак-бакалейщик, выдал на допросе это укрытие, и жандармы бросились в Аббервиль. Но жилище госпожи Дени, построенное в Средние века, имело секретные ходы, через которые Леклерку и «мальчику Дюбюиссону» удалось скрыться. Однако напуганная жандармами мадам Дени показала

им тайник с документами, имевшими отношение к деятельности Леклерка.

С помощью учителя Дюпоншеля и рыбака Дьеппуа аббату Леклерку и его секретарю Пьеру-Мари Пуа удалось на лодке бежать в Англию.

Девушка после побега спокойно вернулась домой в Булонь и заявила матери:

— Я объявлена вне закона, но ни в чём не повинна и готова отдать себя в руки полиции.

Мадам де Превиль пришла в ужас: ведь она и не подозревала, чем занимается её дочь. Однако присутствия духа не потеряла и действовала с поразительным хладнокровием и решимостью.

— Немедленно возвращайся в Аббервиль, спрячься у родственников. Я умоляю тебя, ты должна тщательно скрываться и никому не показываться на глаза.

Девушка, конечно, пообещала, но вряд ли собиралась сдержать обещание. Уже через несколько дней она уселась у окошка, а затем всё время просиживала у него, чтобы, как говорится, «людей посмотреть и себя показать». А однажды даже появилась на публичном балу. И это в городе, кишевшем агентами полиции, разыскивавшими сообщников Леклерка!

У неё всё же хватило ума или инстинкта самосохранения, чтобы однажды исчезнуть. В одиночку, почти без средств, она пересекла большую часть Европы, пытаясь пробраться в Россию. Однако ей это не удалось, и в одном из немецких портов она оказалась на корабле, шедшем в Лондон. Там и закончились её странствования.

Тем временем аббат Леклерк, его секретарь Пьер-Мари Пуа и Нимфа де Руссель де Превиль были заочно приговорены к смертной казни комиссией, заседавшей в Руане. Упомянутые выше рыбаки Филипп и Дьеппуа и учитель Дюпоншель были арестованы, также приговорены к смерти и казнены.

Нимфе, как несовершеннолетней, приговорённой к смертной казни, британское правительство назначило ежегодную пенсию в шестьсот франков.

Леклерк некоторое время прожил в Англии. Затем перебрался в город Мюнстер в Германии, откуда связался со своими агентами. И хотя имперская полиция парализовала его деятельность в округе Булонь, он сумел перенести её на нормандское побережье и на Джерси и снова наладил надёжную разведывательную связь с Англией.

АЛЕКСАНДР ЧЕРНЫШЁВ (1785/86–1857)

В жизни этого человека было так много ярких моментов, что выбрать тот, с которого надо было бы начать рассказ о нём.

Пожалуй, начнём с бала. В честь коронации двадцатичетырехлетнего Александра I в 1801 году московское дворянство устраивало празднество. Танцевали экосез, танец, в котором мужчины становятся с одной стороны, дамы — с другой. Рядом с императором оказался шестнадцатилетний вахмистр, сын генерал-поручика, сенатора, правителя костромского наместничества. Они перекинулись несколькими словами, а потом проговорили целый час, и юноша очень понравился молодому царю. Он запомнил вахмистра и определил корнетом в Кавалергардский полк.

Через два года Чернышёва произвели в поручики, и он отправился в свой первый боевой поход. За Аустерлицкое сражение получил первую награду — крест Святого Владимира 4-й степени с бантом, за Фридландское — Георгиевский крест 4-й степени и золотую шпагу.

В феврале 1808 года Александр I направил Александра Чернышёва с личным письмом к Наполеону. При получении письма император французов задал несколько вопросов посланцу царя. Ответы были такими дерзкими и умными, что присутствовавший при этом русский посол князь Куракин только хватался за голову. Аудиенция заняла больше часа.

О беседе с Наполеоном Чернышёв доложил царю. Тот посмеялся, обратил внимание на несколько метких и интересных наблюдений Чернышёва, а в марте 1809 года поручил ему быть своим личным представителем в ставке Наполеона во время боевых действий французской армии против Австрии и Пруссии. В 1810 году Чернышёв постоянно находился при дворе Наполеона.

Ведя на первый взгляд легкомысленную светскую жизнь, Чернышёв на самом деле выполнял задание царя. Он был одним из первых семи русских «военных агентов», направленных военным министром Барклаем-де-Толли в столицы европейских государств в качестве сотрудников «Особенной канцелярии» — специального органа российской военной разведки. Перед Чернышёвым, как и перед другими, стояли задачи: в области стратегической разведки — добывать стратегически важные секретные сведения; оперативно-тактической разведки — собирать данные о войсках противника на границах России; контрразведки — выявлять и нейтрализовать наполеоновскую

агентуру.

Требовалось также собирать сведения о духе войск и населения, о способностях, достоинствах и недостатках лучших генералов, «о внутренних источниках держав или средствах к продолжению войны и о разных выводах, предоставляемых к оборонительным и наступательным действиям».

Первые донесения от Чернышёва поступили уже в начале августа 1810 года, и, как ни удивительно, первым источником информации стал сам Наполеон. Свои плоды давали его долгие беседы с Чернышёвым в неофициальной обстановке, когда император, ни о чём не подозревая, проговаривался о самых секретных вещах. Тёплые отношения русского полковника с Наполеоном не были секретом для окружающих, и это придавало ему вес в свете и позволяло расширять круг полезных знакомств. Но «всепарижскую» славу и любовь Чернышёв приобрёл после знаменитого пожара зимой 1810 года в доме австрийского посланника.

От плохо закреплённой свечи вспыхнул занавес в тот момент, когда приглашённые на бал гости беспечно танцевали. Мгновенно загорелась сухая мебель, пламя охватило стены, лёгкие платья дам. Началась паника, в бушующем огне гибли десятки людей, цвет парижского общества. Какой-то офицер вскочил на подоконник, его громкий повелительный голос заставил людей опомниться, не давить друг друга. Он тут же на месте организовал группу смельчаков-спасателей, которые, бросаясь в огонь, вытаскивали беспомощных кричащих людей. Сам герой вынес из огня двух женщин — Каролину Мюрат и Полину Боргезе, двух сестёр императора Наполеона. Этим героем был Александр Чернышёв. Наутро слава о нём разнеслась по Парижу. Его даже прозвали «маленьким царём Парижа». Не было в обществе человека, который не мечтал бы познакомиться с умным, красивым, отважным «любимцем двух императоров».

За короткий срок Чернышёву удалось создать целую сеть информаторов в правительственных и военных кругах Франции. «Друзья» были не только «платоническими», многие из них были подкуплены за немалые деньги, в том числе и личные, те, которые добывались потом костромских крестьян.

Одним из агентов Чернышёва стал сотрудник военного министерства Франции Мишель. Он входил в группу офицеров, составлявших дважды в месяц так называемую «Краткую ведомость» — сводку о численности и дислокации французских вооружённых сил. Она составлялась в одном экземпляре и предназначалась лично Наполеону. Но Мишель брал на себя труд снимать копию этого документа для Чернышёва. Через неделю

эту копию специальный курьер доставлял императору Александру I. «Зачем не имею я побольше министров, подобных этому молодому человеку», — такую надпись сделал царь на полях одного из сообщений Чернышёва.

10 января 1811 года (30 декабря 1810 года), через несколько дней после пожара, Чернышёв весёлой вечеринкой отметил своё двадцатипятилетие. Одну из гостий он поехал провожать лично. Это была Полина Боргезе, славившаяся своим лёгким нравом и беломраморным телом. В эту ночь он домой не вернулся…

Другой великосветской возлюбленной Чернышёва стала Полина Фурес. Ещё во время египетской кампании она была любовницей Наполеона; вернувшись во Францию, завела светский салон, всегда полный умных, интересных гостей. Многие из них весьма пригодились Чернышёву, например, «хозяин картографии» — секретарь топографической канцелярии Наполеона. Он снабжал Чернышёва копиями карт целого ряда городов Европы и их окрестностей, где строились укрепления, арсеналы, дороги…

Чернышёв свёл знакомство и с высшими военными деятелями Франции, её маршалами. Характеристики, которые он дал таким генералам и маршалам, как Удино, Лефевр, Даву, Груши, и другим, можно назвать образцами аналитического мастерства и эпистолярного искусства.

Столь активная деятельность разведчика не могла ускользнуть от внимания французской контрразведки. За ним установили плотное наблюдение. Он чувствовал, что вокруг него сгущаются тучи. Об опасности его предупредила Полина Фурес и посоветовала скорее уезжать. Чернышёв сжёг в камине все компрометирующие документы и отбыл в Петербург.

Во время отлучки в доме Чернышёва провели тщательный обыск. Под ковром нашли случайно закатившуюся записку Мишеля. На допросах он во всём сознался, и его голова скатилась под ударом ножа гильотины.

В парижских газетах появились инспирированные министром полиции Савари материалы о шпионской деятельности полковника Чернышёва.

Главный вывод, который сделал Чернышёв на основании своих бесед с Наполеоном и его окружением, он сформулировал в одном из своих донесений: «Война неотвратима и не замедлит разразиться». Он правильно указал срок нанесения удара и его направление.

Царь наградил Чернышёва и направил его в Швецию с заданием выяснить позиции шведского правительства на случай войны между Россией и Францией. Он участвовал в подготовке

тайного соглашения между Россией и Швецией, подписанного 5 апреля 1812 года и обеспечившего России «благожелательный нейтралитет Швеции».

Чернышёв стал одним из организаторов и активным участником партизанского движения в тылах наполеоновской армии. На заключительном этапе войны с небольшим отрядом первым форсировал Эльбу, а затем захватил город Кассель, который обороняли Жером Бонапарт и генерал Аликс. В Париж вернулся победителем и первый визит нанёс мадам Полине Фурес.

Чернышёв сделал поистине неслыханную карьеру как на военном, так и на гражданском поприще. В 1812 году он стал генерал-адъютантом, а в 1826 году генералом от кавалерии. В 1832 году был назначен военным министром и на этой должности прослужил двадцать лет. За заслуги перед отечеством получил в 1826 году титул графа и в 1843 году — светлейшего князя. Преданный царедворец, в этом качестве проявил себя как член следственной комиссии по делу декабристов.

Трижды был женат. С первой женой развёлся, вторая умерла при родах, с третьей был счастлив.

Прожив долгую жизнь, Чернышёв всегда сохранял интерес к разведке. Будучи военным министром, привлекал к ней не только кадровых военных, но и сотрудников МИДа и других ведомств, работавших за рубежом.

В ноябре 1831 года по инициативе Чернышёва Николай I дал указание российскому посольству в Лондоне «собрать самые точные и верные сведения» о только что изобретённом в Англии новом ружье и добыть, если возможно, его образцы. Одновременно всем российским посольствам при европейских странах было вменено в обязанность обращать особенное внимание на изобретения, открытия и усовершенствования «как по части военной, так и вообще по части мануфактур и промышленности».

С 1832 года деятельность зарубежных представительств стала значительно результативнее. Достаточно назвать несколько достижений разведки: описание новых лафетов для французской полевой артиллерии; чертежи и описание нового вида зажигательных ракет, ударного ружья; чертежи крепостной, осадной и горной артиллерии; закрытое учебное пособие для военного инженерно-артиллерийского училища в Меце; документация по производству французских пушек на заводах в Тулузе; образцы витых ружейных стволов; описание нового сменного магазина для патронов; модели ружей новейшего образца и телеграфа нового вида. В Лондоне были добыты

описание новых ударных колпачков для ружей, образцы машины, изготовлявшей эти колпачки, и ружьё, оснащённое новым колпачком.

Информация поступала не только о военно-технических достижениях, но и о численности, дислокации, боеготовности и боевом духе войск.

До самого конца своей работы в Военном министерстве Чернышёв не оставлял без внимания вопросы военной разведки. Одним из последних документов в этой области стало письмо в МИД от 8 мая 1852 года, в котором он детализировал задания российским посольствам в разных странах по добыванию информации по военной тематике. В то же время внедрением новейших достижений в военной области Чернышёв занимался недостаточно.

В 1848 году Чернышёв занял высшую в России должность председателя Государственного совета, оставаясь военным министром. В известной степени она была скорее представительской и почётной, нежели властной.

Вообще надо сказать, что в последние годы своей деятельности Чернышёв, как теперь говорят, переступил уровень своей компетентности. Об этом свидетельствует тот факт, что, несмотря на доставленные разведкой по его же указаниям сведения о вооружении западных держав и даже образцы их оружия, это никак не повлияло на перевооружение русской армии, которая в Крымскую войну вступила с гладкоствольными ружьями против английских винтовок.

И дореволюционные, и современные историографы предъявили немало обвинений Чернышёву-министру. Вот что сказано о нём в Большой советской энциклопедии: «Сторонник палочной дисциплины и устаревшей линейной тактики, Чернышёв один из главных виновников поражения русской армии в Крымской войне 1853–1856 годов».

Александр Иванович Чернышёв умер 20 июня 1857 года в Кастелламаре-де-Стабиа (Италия), где находился на лечении.

КАРЛ ШУЛЬМЕЙСТЕР (1770–1853)

Это одна из наиболее примечательных фигур в истории мировой разведки. Исследователи считают его «великим агентом-шпионом императора Наполеона, которого можно назвать „Наполеоном военной разведки“». В своей книге «Очерки секретной службы», изданной в Лондоне в 1938 году, историк разведки Р. Роуан писал: «Более ста двадцати пяти лет прошло с той поры, как прекратилась деятельность Шульмейстера, но за весь этот солидный период европейской истории не появлялся более умелый или отважный шпион, чем Шульмейстер. Крайне беззастенчивый, как и сам Бонапарт, он сочетал находчивость и наглость — качества, присущие всем крупным агентам секретной службы, — с такими специфическими качествами, как физическая выносливость, энергия, мужество и ум со склонностью к шутовству».

Он родился в 1770 году в приграничном с Германией районе Эльзаса в семье лютеранского пастора. Так что и французский и немецкий языки были для него родными. А также венгерский. В этом его убеждала мать, считавшая себя наследницей старинного и знатного венгерского рода. В своё время сам Шульмейстер тоже подтвердит своё дворянское происхождение, правда, с помощью фальшивых документов.

От матери Карл унаследовал элегантность, соответствующую его «знатному происхождению». Он мечтал блистать в обществе, храбро драться, быть первым во всём. Для этого брал уроки танцев у лучших танцмейстеров Европы. Умение красиво танцевать принесло ему впоследствии успех в светском обществе.

Но пока провинциальная жизнь шла своим чередом. Когда настало время, родители нашли ему невесту, местную уроженку, по фамилии Унгер. На деньги, полученные от родителей, и на приданое своей супруги он завёл бакалейную и скобяную торговлю. Она шла настолько успешно, что вскоре он и сам мог помогать родителям.

Главные доходы Карл получал от контрабанды. Он был уроженцем приграничной области, где все уважающие себя люди получали доход от этого ремесла и не понимали, как можно не использовать для наживы границу, лежащую прямо за окнами их домов.

Этим объясняется его пренебрежительное отношение к закону. Свои первые деньги он заработал в семнадцать лет контрабандой и не брезговал ею даже тогда, когда стал богатым и высокопоставленным господином. Он никогда не стыдился

признаться в этом, добавляя, что занятие контрабандой требует необычайного мужества и присутствия духа, и он получает от него не только материальное, но и моральное удовлетворение.

Революция 1789 года привлекла в Париж не только борцов за свободу, но и множество авантюристов, спекулянтов, разного рода проходимцев. В их числе оказался и Шульмейстер.

Скорее всего, наряду с занятием каким-либо незаконным промыслом он стал осведомителем полиции. Но о его «подвигах» этого времени история умалчивает. Известно лишь, что в 1799 году он каким-то образом познакомился с полковником Савари, будущим герцогом Ровиго, генералом, дипломатом, руководителем разведки и министром полиции. Эта странная дружба принесла свои плоды.

Помните, с чего начинается роман Л. Н. Толстого «Война и мир»? В великосветском салоне мадам Шерер гости с возмущением обсуждают похищение и казнь герцога Энгиенского. «Автором» этого похищения был наполеоновский агент Карл Шульмейстер.

В 1804 году Савари, уже ставший генералом и приближённым Наполеона, вспомнил о способностях своего «приятеля» и решил поручить ему провести эту операцию, которую считают одним из самых сомнительных и омерзительных «подвигов» секретной службы Наполеона.

Герцог Энгиенский был одним из последних представителей династии Капетингов (Бурбоны — ветвь этой династии по женской линии). После французской революции он оказался в эмиграции в одном из крошечных германских княжеств, Бадене. И хотя в это время англичане и роялисты плели заговоры против Наполеона, герцог Энгиенский скромно жил на содержании англичан и не принимал участия в антинаполеоновской деятельности.

Но Наполеон решил дать урок всем роялистам, полагая, что похищение и казнь одного из их родственников устрашит их.

Герцог Энгиенский в это время жил в городке Эттингейме, проводя дни в праздности и любовных похождениях. На этой слабости герцога и сыграл Шульмейстер. Он захватил молодую женщину, возлюбленную герцога, и увёз её в приграничный город Бельфор. Герцог узнал об этом, а вскоре он получил письмо от возлюбленной, подделанное Шульмейстером, в котором она якобы умоляла спасти её из плена. Герцог немедленно бросился к ней на выручку, надеясь подкупить стражников и освободить даму сердца. Шульмейстеру только этого и нужно было. Как только герцог Энгиенский пересёк французскую границу, он был схвачен людьми Шульмейстера, привезён в Париж, судим и ночью

расстрелян в Венсенском лесу. При этом палачи заставили его держать в руках фонарь, чтобы удобнее было целиться.

Возлюбленную герцога Шульмейстер выпустил на свободу. Она даже не подозревала, какую роль сыграла в столь страшном деле.

За проведённую операцию Шульмейстер получил в награду тридцать тысяч долларов — огромную сумму по тем временам. Всё произошло так стремительно, что позволило позже Наполеону утверждать, что казнь герцога свершилась без его ведома. Это печальное событие в дальнейшем сыграло большую роль.

Через год после расстрела герцога Энгиенского Савари представил своего верного агента Шульмейстера Наполеону со словами: «Вот, ваше величество, человек, состоящий сплошь из одних мозгов, без сердца». Наполеон благосклонно усмехнулся в ответ, но никакой новой награды Шульмейстер не получил, а он так мечтал стать кавалером ордена Почётного легиона!

У Наполеона было своеобразное отношение к разведчикам и шпионам. Он говорил: «Шпион — это естественный предатель» и не ставил их заслуги на одну доску с заслугами офицеров и генералов.

В том же, 1805 году началась наполеоновская кампания против Австрии и России, столь же неудачная для армий этих двух стран, сколь блестящая для армии Наполеона. И не будет преувеличением сказать, что Наполеон во многом обязан этим успехом своему скромному шпиону Шульмейстеру. Историки удивляются тому плану кампании 1805 года, который Наполеон составил в Булони после провала попыток высадки в Англии и поражения флота в Трафальгарском сражении.

Известный историк Сегюр писал: «…гений императора преодолел всё: время, пространство и всевозможные препятствия, предусмотрел всё, что должно было случиться в будущем. При своей способности прозревать будущее с той же безошибочностью, какой отличалась его память, он уже в Булони предвидел главные события предполагаемой войны, их даты и конечные последствия, словно ему приходилось писать воспоминания через месяц после этих событий».

Справедливо отмечая военный гений Наполеона, историки забывают об одном: его прозорливость строилась не на пустом месте. Она проистекала из тех сведений, которыми он располагал, и прежде всего, из данных разведки.

Наполеон знал, что надежды австрийцев на успех в предстоящей войне опирались на опыт и авторитет австрийского военачальника генерала Мака. Это был своеобразный человек,

тупой, простоватый, легко поддающийся обману. Не слишком одарённый полководец, уже понёсший в 1800 году поражения от французов, он был одержим маниакальной идеей отмщения за свои неудачи. Мыслил он довольно узко и прямолинейно, был убеждённым монархистом и не мог понять, как это французы видят героя и гения в безродном «корсиканском узурпаторе».

Задолго до начала кампании 1805 года в окружении генерала Мака появился молодой человек из знатного венгерского рода, изгнанный из Франции Наполеоном, заподозрившим его в шпионаже в пользу Англии. Нетрудно догадаться, что этим «венгерским аристократом» был Шульмейстер. Его «секретарём» и доверенным лицом был некий Рипманн. Если Шульмейстер был душой и мозгом разведывательной операции, то Рипманн её нервной системой — он организовал бесперебойную конспиративную связь с наполеоновским штабом. До сих пор остаётся загадкой, как он мог не только в течение нескольких дней, но буквально в течение нескольких часов передавать туда добываемые Шульмейстером секреты.

На одном из светских вечеров «венгерский аристократ» «случайно» встретился с генералом Маком и очаровал его. Оказалось, что их взгляды полностью совпадали. Аристократ, как и генерал, ненавидел Наполеона, считал его узурпатором, бездарным воякой, которому просто везёт.

Шульмейстер «делился» с Маком всем, что он знал о Франции. Мак был поражён теми сведениями военного и политического характера, которыми располагал Шульмейстер. Кроме того, ему льстило, что они соответствовали тому, что думал он сам. Мак рекомендовал своего нового друга в привилегированные офицерские клубы Вены, выхлопотал ему офицерский чин и сделал его членом своего штаба. Более того, обаяние Шульмейстера было так велико, что Мак назначил его… начальником австрийской военной разведки!

Таким образом, ещё до начала войны Шульмейстер, а через него и Наполеон, прекрасно знали все планы своих будущих противников. Подчеркнём ещё раз, что прозорливость Наполеона основывалась не только на донесениях Шульмейстера, но и они сыграли свою, и немалую, роль.

Когда началась война и Мак, а вместе с ним Шульмейстер и его «секретарь» Рипманн отбыли в действующую армию, французский разведчик исхитрился извещать Наполеона о каждом шаге, и о любом замысле австрийцев.

От французского штаба Шульмейстер получал немалые деньги и щедро делился ими со своими агентами. Он не только собирал и переправлял французам секреты австрийской армии.

Как начальник австрийской разведки, он «добывал» и снабжал Мака и его штаб дезинформацией о действиях и замыслах Наполеона. Для того чтобы его донесения были весомыми, он подкупил двух штабных офицеров, Вендта и Рульского, которые аккуратно подкрепляли его дезинформацию донесениями, якобы полученными от их агентов.

Маку хотелось, чтобы во Франции и во французской армии всё было плохо. Он с удовольствием и доверчивостью принимал любую информацию о раздорах среди французов, о росте недовольства среди военных, о гражданских беспорядках и вообще о всяческих неприятностях, происходивших в наполеоновском тылу. Он с нетерпением ждал момента, когда Наполеон, его государство и его армия рухнут сами собой.

Шульмейстер доставлял ему удовольствие, поставляя «перехваченные» письма от «недовольных» из французской армии. Сплетни, изложенные в этих письмах, готовились специально подобранными людьми, в том числе французскими журналистами.

Более того — случай, уникальный в истории, — специально для Мака по распоряжению Наполеона в одном экземпляре издавалась французская газета, в каждом номере которой публиковались статьи и заметки, подтверждавшие информацию Шульмейстера о бедственном положении Франции и её армии. Шульмейстер якобы «с большим трудом» добывал эту газету и вручал её доверчивому Маку. Тот слишком охотно верил тому, во что хотел верить!

Шульмейстер утверждал, что Франция стоит на пороге восстания и Наполеону придётся оттянуть свои войска к рейнской границе. Поверив этому, Мак во главе тридцатитысячной армии вышел из стратегически важного города Ульм с тем, чтобы преследовать армию маршала Нея. Извещённый Шульмейстером о замыслах Мака, Наполеон проделал ряд сложных манёвров, в результате чего Мак оказался в ловушке. Его армия вернулась в Ульм, испытывая недостатки в продовольствии. Мак мог рассчитывать только на помощь русских войск. Но когда он узнал, что русские войска ещё слишком далеко, потеряв мужество, сдался с тридцатью тремя тысячами человек, шестьюдесятью пушками и сорока знамёнами. Это произошло 20 октября 1805 года.

Стотысячная армия австрийцев была рассеяна в три недели. «По всему фронту, — писал историк А.Васт, — французами не было сделано ни одной ошибки, не упущено ни одной выгодной комбинации. „Император разбил врага нашими ногами“, — говорили шутя солдаты». И головой Карла Шульмейстера,

добавим мы.

Шульмейстеру, попавшему в плен вместе с генералом Маком, удалось совершить «чудесный побег», «тайно» перейти линию фронта и вернуться. Пока «несчастный Мак» (выражение из «Войны и мира») мучился в плену, Шульмейстер смог восстановить доверие к себе и оказаться в центре событий. Он сумел организовать несколько тайных военных совещаний, на которых поочерёдно председательствовал русский царь и австрийский император. Он даже выступал на этих совещаниях и убедил участников серьёзно выслушать его и рассмотреть его соображения и планы, которые якобы должны были изменить ситуацию в пользу союзников. Оперируя фальшивыми документами, он сбивал их с толку.

Но по Вене в начале ноября 1805 года пошли слухи, разоблачавшие Шульмейстера. Был даже отдан приказ о его аресте. Вместе с ним под стражу был заключён и его верный помощник Рипманн.

Если бы австрийской армии удалось удержать Вену, Шульмейстер, наверное, был бы предан суду, осуждён и казнён. Но французские войска стремительно наступали. Император Франц II покинул свою столицу, там царило страшное смятение. Вена открыла свои ворота, даже не пытаясь сопротивляться. Шульмейстер и Рипманн были освобождены из тюрьмы.

Кстати, это было не первое заключение Шульмейстера. Ещё весной 1805 года, как явствует из австрийских архивов, его вместе с Рипманном арестовали по обвинению в сношениях с врагом. Но тогда они были освобождены безо всяких последствий, видимо, благодаря крупной взятке.

Война продолжалась. Впереди был триумф Бонапарта под Аустерлицем, но использовать Шульмейстера в качестве разведчика против Австрии уже было нельзя.

Шульмейстер получил в награду небольшое состояние от Наполеона. Он хвастался, что столько же получил от австрийцев за свои услуги.

Но надобно признать, что Наполеон недостаточно высоко ценил заслуги своего разведчика. Своих генералов и разного рода авантюристов, принёсших значительно меньше пользы, он награждал более щедро — титулами, поместьями, привилегиями.

Приятель Шульмейстера, генерал Лассаль, пытался уговорить Наполеона пожаловать разведчику орден Почётного легиона. Вернувшись после беседы с императором, Лассаль рассказал Шульмейстеру, что Наполеон наотрез отказал в этом, заявив, что золото — единственная подходящая награда для шпиона.

Чувствуя неприязнь императора к «шпионам», Шульмейстер

стремился проявить себя на военном поприще.

Он был поистине энергичным и смелым воином. Всего с тринадцатью гусарами он атаковал и захватил германский город Висмар. В битве у Ландсгута Шульмейстер командовал отрядом, который штурмовал мост через Изар и помешал неприятелю поджечь его.

По заданию Савари, ставшего министром полиции, Шульмейстер направился в Страсбург, где вспыхнули волнения среди гражданского населения. Вскоре волнения переросли в мятеж. Шульмейстер на глазах у беснующейся и небезоружной толпы одним-единственным выстрелом уложил вожака восстания, тем самым усмирив мятежников.

Он был несколько раз ранен в сражениях, в частности, под Фридландом он получил серьёзное пулевое ранение.

27 сентября 1808 года открылся Эрфуртский конгресс — встреча Наполеона с Александром, в присутствии нескольких германских королей. Наполеон поставил своей задачей заинтересовать, поразить, ослепить русского царя. Он привёз с собой всё, что было у него наиболее замечательного, в том числе весь женский персонал Французской комедии, гвардейские команды, придворный штат.

Шульмейстер по представлению Савари был назначен руководителем французской секретной службы. В числе его заслуг — предотвращение покушения на Наполеона, которое пытался совершить немецкий студент. Агенты Шульмейстера, не желая поднимать шум по этому поводу, сумели сделать так, что студент сам отказался от своего намерения.

Но главной задачей Шульмейстера была другая. Как он сам писал Савари, император каждое утро задавал ему первым делом два вопроса: с кем виделся накануне Гёте (Наполеон очень ревниво относился к великому поэту, пытаясь завоевать его дружбу и доверие) и с кем провёл эту ночь царь? Оказалось, что каждая из очаровательных спутниц Александра (в основном из числа актрис Французской комедии) являлась агентом начальника французской секретной службы Шульмейстера и сообщала ему о настроении и высказываниях Александра I. Судя по всему, Шульмейстер угодил своему императору.

Тогда же Шульмейстеру пришлось выполнять ещё одно сомнительное поручение Наполеона. Он должен был организовать слежку за королевой Луизой Амалией Прусской и собирать «компромат» на неё. Дело в том, что Луиза Амалия, патриотка своей страны, страдала от её унижения и требовала объявления войны Франции. В 1806 году она заставила мужа сделать это, но Пруссия была тут же раздавлена французами.

Русский царь восхищался этой красивой и смелой женщиной и был дружественно настроен к ней. Наполеону хотелось очернить её в глазах царя. Но ни у Шульмейстера, ни у его высокого хозяина ничего не получилось. Супруга прусского короля осталась вне подозрений.

В 1809 году началась новая австрийская кампания Наполеона. В мае того же года, обогнав отступавшую австрийскую армию, он почти без боя овладел австрийской столицей. На этот раз Шульмейстер выступил в новом качестве, уже не прикрываясь маской венгерского аристократа. Он был назначен комиссаром полиции, а одновременно цензором, наблюдавшим за печатью, театрами, издательствами и религиозными учреждениями.

Его деятельность на этом посту заслуживает подлинного уважения. Он проявил себя как настоящий просветитель, стремясь распространить среди народов Австрии и Венгрии сочинения Вольтера, Монтескьё, Гольдбаха, Дидро, Гельвеция, которые до того времени было запрещено издавать в этих странах.

Каде де Гассикур, аптекарь Наполеона, оставил свои воспоминания, в которых, в частности, рассказывает о Шульмейстере венского периода:

«Нынче утром я встретился с французским комиссаром полиции в Вене, человеком редкого бесстрашия, непоколебимого присутствия духа и поразительной проницательности. Мне любопытно было посмотреть этого человека, о котором я слышал тысячи чудесных рассказов. Он один воздействует на жителей Вены столь же сильно, как иной армейский корпус. Его наружность соответствует его репутации. У него сверкающие глаза, пронзительный взор, суровая и решительная физиономия, жесты порывистые, голос сильный и звучный. Он среднего роста, но весьма плотного телосложения; у него полнокровный, холерический темперамент. Он в совершенстве знает австрийские дела и мастерски набрасывает портреты виднейших деятелей Австрии. На лбу у него глубокие шрамы, доказывающие, что он не привык бежать в минуту опасности. К тому же он и благороден: он воспитывает двух усыновлённых им сирот. Я беседовал с ним о „Затворницах“ Ифланда и благодарил его за то, что он дал нам возможность насладиться этой пьесой».

После Вены Шульмейстер некоторое время был генеральным комиссаром по снабжению императорских войск в походе. Но вскоре он оставил этот выгодный пост, вернувшись к разведывательной деятельности.

Услуги Шульмейстера, по сравнению с любимцами Наполеона, оплачивались может быть и скромно, но неплохо. Он стал богачом, купил роскошный замок Мейно в Эльзасе, в 1807

году — второе большое поместье близ Парижа. Оба они стоили, в переводе на нынешние цены, более полутора миллионов долларов. И продолжал заниматься контрабандой.

Но его успешное продвижение по жизни и по службе внезапно прервалось в 1810 голу, когда ему было всего сорок лет. В этом году был заключён брак Бонапарта с Марией Луизой, дочерью австрийского императора. Новая императрица, прибыв в Париж, привнесла сильное австрийское влияние. Шульмейстеру припомнили его антиавстрийские деяния в годы войны, и он вынужден был уйти в отставку.

Он поселился в своём замке в Мейно, жил в своё удовольствие, по-прежнему не порывал с контрабандой, был весёлым и гостеприимным хозяином, занимался благотворительностью, чем снискал любовь и уважение земляков.

Злоба австрийцев на шпиона, опозорившего их полководца Мака, была столь велика, что когда в 1814 году австрийские войска пришли в Эльзас, целый полк артиллерии послали бомбардировать и разрушить поместье Шульмейстера.

Во время Ста дней (20 марта — 18 июня 1815 года) Шульмейстер, забыв обиды, примкнул к Наполеону. После отречения императора Шульмейстера арестовали. Он спасся лишь тем, что уплатил огромный выкуп, но это сильно разорило его. Ему пришлось заняться биржевыми спекуляциями, в чём он был не мастак, и окончательно разорился.

Он дожил до 1853 года, будучи скромным владельцем табачной лавочки. Иногда он рассказывал завсегдатаям о своих похождениях, но те только недоверчиво посмеивались, слушая старика. Однако их сомнения были рассеяны, когда в 1850 году принц Луи Наполеон, позже взошедший на престол под именем Наполеона III, а тогда ещё президент Франции, объезжая страну, разыскал легендарного разведчика и в присутствии соседей крепко пожал ему руку.

ЭЛИЗАБЕТ ВАН-ЛЬЮ (1818–1900)

В 1861 году началась Гражданская война в Соединённых Штатах между федералистами, то есть северянами, сторонниками отмены рабовладения, и Конфедерацией — объединением южных рабовладельческих штатов. Обе стороны широко использовали разведывательные и контрразведывательные службы, в тех и других было немало женщин.

Самой ценной разведчицей северян была мисс Элизабет Ван-Лью. Её можно поставить в один ряд с наиболее выдающимися героями секретных служб за всю их обозримую историю.

Элизабет родилась в 1818 году в Ричмонде, столице штата Вирджиния. Получив образование в Филадельфии, вернулась ярой аболиционисткой — сторонницей освобождения негров. Она не скрывала убеждений, демонстративно освободив девять собственных невольников, нескольких выкупила из рабства, чтобы воссоединить с родными, находившимися во владении её семьи.

Мать и дочь Ван-Лью были гостеприимными, обаятельными и щедрыми людьми, их передовые взгляды не ставились им в укор, и у них было множество друзей и знакомых среди местной знати. В последующей разведывательной работе Элизабет огромную роль сыграли её связи: в числе её близких друзей был главный судья южных штатов Джон Маршалл, пользовавшийся непререкаемым авторитетом; знаменитая певица Дженни Линд постоянно выступала на музыкальных вечерах в доме Ван-Лью, который регулярно посещали офицеры и влиятельные чиновники Юга — ведь Ричмонд был столицей Конфедерации, и все самые свежие новости стекались в гостиную Ван-Лью. Послеобеденные беседы гостей поставляли неоценимую информацию.

Элизабет Ван-Лью была женщиной слабого телосложения, невысокого роста, но представительной, живой и решительной, хотя это сочеталось в ней с внешней кротостью. На решительный путь борьбы её толкнула казнь Джона Брауна — знаменитого борца за освобождение негров. «С этого момента наш народ находится в состоянии войны», — записала она в своём дневнике.

И она начала свою разведывательную деятельность. По собственной инициативе стала направлять федеральным властям одно письмо за другим, информируя их об обстановке, складывавшейся на Юге. Одновременно она бесстрашно выступала на улицах Ричмонда как ярая аболиционистка: отвергая возможность прикрыть себя маской «лояльной патриотки Юга», она демонстративно отказалась шить рубашки для солдат Вирджинии.

«Позорное» поведение мисс Ван-Лью и её матери клеймилось в газетах, вызывая порой яростный гнев толпы. Но большинству рядовых южан она казалась просто чудачкой, и причиной её поведения они считали безобидное помешательство, потому и прозвали её «Безумной Бет». Её спасло то, что для заядлого южанина-вирджинца была непостижимой даже мысль о том, что, находясь в здравом уме, дама-аристократка может выступать против дела южан.

Вернёмся, однако, к письмам, которые «Безумная Бет» отправляла в штаб северян. Вначале им не придавали значения. Но однажды один незаметный чиновник, подобрав её письма, явился в военное министерство.

— Господа! Мы тратим много сил и средств, чтобы получить правдивые и своевременные данные о положении в лагере южан. Но вот, посмотрите, какие ценнейшие сведения по своей инициативе присылает нам женщина из самой столицы Конфедерации!

Так работа Элизабет была впервые оценена по достоинству, и она стала постоянной и единственной сотрудницей разведки, действовавшей всю войну в тылу врага.

Для пользы дела, которому она служила, Элизабет Ван-Лью не гнушалась никакими средствами, подвергала постоянной опасности не только себя, но и мать и брата, растрачивала всё нажитое её семьёй, не раз рисковала стать жертвой самосуда. Но, хотя её и обвиняли в аболиционизме и добром отношении к северянам, ни один контрразведчик не заподозрил в ней умелого и изобретательного руководителя агентурной сети.

Прежде всего Элизабет наладила сбор информации. Помимо постоянных посетителей её салона, она устанавливала связи с десятками людей, носителей тех или иных данных, которые ей могли пригодиться. Её агентура была повсюду. Вот только один пример.

У Элизабет была молодая негритянка-рабыня Мэри Баусер, которую она отпустила на свободу за несколько лет до войны и, так как та была чрезвычайно умной девушкой, отправила её на Север, где и оплачивала её обучение. Но когда нависла угроза войны, Элизабет вызвала её в Ричмонд и вскоре устроила официанткой в «Белый Дом» Юга, к самому президенту Джефферсону Дэвису.

Одним из источников полезной для Севера информации стала, как ни странно, военная тюрьма «Либби», где содержались взятые в плен северяне. Они знали очень много о тактике южан, дислокации их частей, уязвимых позициях и т. п. Элизабет и её мать, войдя в доверие к коменданту тюрьмы лейтенанту Тодту,

проникли туда под видом оказания гуманной помощи раненым, и вскоре, к удивлению военного министерства, информация оттуда полилась широким потоком.

Связь со своими добровольными помощниками Элизабет поддерживала самыми разнообразными способами. Записки с вопросами и ответами прятались в корзинах с продовольствием или в них завёртывались склянки с лекарствами. Пленным передавались книги, которые через несколько дней возвращались обратно с незаметно подчёркнутыми словами. Иногда удавалось и лично побеседовать с пленными.

Несмотря на откровенно «антиюжное» поведение Элизабет и предъявляемые ей газетами обвинения, единственным официальным взысканием, которому подверглась «Безумная Бет», было запрещение посещать военную тюрьму. Такое случалось несколько раз. Тогда Бет наряжалась в своё лучшее платье и, как говорится, не мелочась, отправлялась прямо к генералу Уиндеру — начальнику контрразведки или к Джуде Бенджамину — военному министру южан. Несколько минут ей приходилось выслушивать упрёки в плохом поведении, каяться, что-то обещать и… дело кончалось тем, что Бенджамин или Уиндер, который был вправе подписать ей смертный приговор, подписывал разрешение на посещение военной тюрьмы! Бывали случаи, когда Элизабет отправлялась на тайную встречу под покровом ночи, переодевшись сельской батрачкой.

Но собранную информацию надо было переправить в штаб северян генералу Шарпу. Для этой цели она создала пять точек связи. Начальным пунктом был её собственный дом, где она составляла шифровки и прятала прибывавших с Севера агентов-связников. Иногда эти агенты не появлялись, а доходили слухи о пойманных и расстрелянных шпионах. Тогда она отправляла через линию фронта своих слуг, которые стали надёжными помощниками в её деле.

Секретные донесения Бет, зашифрованные её личным кодом, часто бывали написаны рукой кого-нибудь из её слуг. Для них она раздобыла военные пропуска, позволявшие им беспрепятственно передвигаться между её домом в городе и фермой, где был один из переправочных пунктов. Слуги постоянно носили корзины с продуктами; в корзину с яйцами, например, вкладывалась пустая скорлупа с донесением внутри; молоденькая швея из дома Ван-Лью проносила через фронт донесения, зашитые в образчики ткани или в платье. Система связи была настолько отработана, что для того чтобы продемонстрировать её эффективность, Элизабет однажды после обеда нарвала букет цветов в своём саду, а на следующее утро он уже был доставлен к завтраку

командующему войсками северян генералу Гранту.

Видимо, учитывая склонность своих негритянских помощников к театральным эффектам, Элизабет придумала такой способ передачи донесений внутри своего дома: в библиотеке возле камина находилась фигура лежащего льва. Её можно было поднять, как крышку коробки. Туда, как в почтовый ящик, Элизабет опускала свои донесения. Прислуга, производя уборку, вынимала донесение и относила его на ферму Ван-Лью. Правда, эта театральность имела и юридический смысл: в случае провала служанка могла смело клясться на Библии, что никаких поручений от мисс Ван-Лью не имела и никаких документов от неё не получала.

Элизабет всегда считала, что нужно не уходить от опасности, а идти навстречу ей. Одно время военным комендантом заключённых военнопленных был капитан Гибс. Элизабет удалось поселить его с семьёй в своём доме в качестве постояльцев и долгое время пользоваться его протекцией. Иногда поступки «Безумной Бет» действительно выходили за рамки разумного. Когда военное министерство южан с целью укрепить свою кавалерию стало конфисковывать лошадей из частных конюшен, Элизабет спрятала свою последнюю лошадь в кабинете, а чтобы заглушить стук копыт, обвязала их соломой.

Таким образом, как отмечает один из биографов Бет Вильям Гилмор Беймер, «в доме Ван-Лью встречались шпионы Юга со шпионами Севера, одновременно жили начальник военной тюрьмы и бежавшие из этой тюрьмы военнопленные, дезертиры и контрабандная породистая лошадь, под стойло которой был отведён кабинет её хозяйки, служивший и штабом секретной службы, и центром продовольственной помощи военнопленным, и местом организации побегов тех же военнопленных».

Однажды Ван-Лью оказалась на грани провала. Один из агентов северян оказался провокатором и выдал южанам всех, с кем был связан. Однако люди, которых он предал, не выдали её.

Перед падением Ричмонда по просьбе Элизабет ей переправили федеральный флаг. Когда передовой отряд северян вошёл в столицу южан, он развевался над домом Ван-Лью.

Дальнейшая жизнь Элизабет Ван-Лью была мрачной и безотрадной, хотя генерал Грант, ставший президентом, высоко оценил её заслуги, обратившись к ней от имени правительства и армии Севера: «Вы слали мне самые ценные сведения, какие только получались из Ричмонда во время войны» — и назначив почтмейстером Ричмонда. На службе её вынуждены были терпеть, но общество, которое она «предала», так и не простило ей этого.

За услуги, оказанные ею армии федералистов, она не

получила ни одного цента. Более того, ей даже не возместили понесённых ею затрат. После ухода президента Гранта с поста она была понижена в должности — стала мелким чиновником министерства почт, а затем лишилась и этого скромного заработка.

Последние годы она прожила в нищете, существуя лишь на пенсию, выплачиваемую ей друзьями и родственниками полковника Поля Ревира, которому она когда-то помогла бежать из плена. За ней преданно ухаживали верные ей негры, такие же жалкие старики, как и она.

БЕЛЛ БОЙД (1844–1900)

Во время Гражданской войны в США не только северяне, но и южане могли похвастаться своими разведывательными кадрами.

Звездой конфедератского шпионажа безусловно можно назвать мисс Белл Бойд. Американский романист Джозеф Хергесхеймер писал о ней «Мисс Белл Бойд была поистине пленительна в кринолине».

Эта прирождённая авантюристка, для которой опасные военные приключения были хлебом насущным, родилась в семье федерального чиновника в Мартинсберге, штат Вирджиния.

В июле 1861 года, когда уже шла Гражданская война, ей только исполнилось семнадцать лет. Её родной город Мартинсберг был захвачен северянами. Однажды солдаты пытались водрузить над домом семьи Бойд федеральный флаг. Мать Белл воспротивилась этому и пыталась захлопнуть дверь перед их носом. Тогда федеральный унтер-офицер силой распахнул дверь и наговорил матери грубостей. Белл не выдержала этого и, по её собственным словам, «…вскипела негодованием, выхватила пистолет и выстрелила в него. Его унесли смертельно раненным, вскоре он умер».

Федеральные офицеры произвели вежливое расследование случайного убийства и, приняв во внимание возраст мисс Белл, признали его неумышленным.

Безнаказанность воодушевила мисс Белл, которая внушила себе, что она сильнее «янки». Вскоре она стала работать на разведку южан.

У корреспондента «Нью-Йорк геральд» и федеральных офицеров, разместившихся в доме семьи Бойд, Белл без труда выуживала самые последние военные новости. Она переправила в штабы южан множество рапортов и донесений.

К 23 мая 1862 года она собрала чрезвычайно важные сведения о предстоявшем наступлении федеральных войск: объединённые силы генералов Банкса, Майта и Фремонта должны были обрушиться на войска генерала Джексона. Эти сведения требовалось переправить в штаб южан. Однако никто из её единомышленников не решился идти через линию фронта. Тогда пошла сама Белл Бойд, причём со свойственным ей авантюризмом и любовью к эффектам сделала это не тайком, ночью, а средь бела дня. Она демонстративно нарядилась в тёмно-синее платье, белый чепчик и накрахмаленный передник, в таком виде прошла через боевые порядки федеральных войск и оказалась на нейтральной полосе под огнём. По ней стреляли из

ружей, вокруг рвались снаряды — один из них разорвался в семи метрах от неё, сыпались осколки, но она благополучно прошла через это и призывно махнула своим белым чепчиком солдатам Первого Мэрилендского полка и Луизианской бригады, которые радостными возгласами приветствовали её и приняли в свои объятия.

Генерал Джексон, которому немедленно доставили важное донесение, отнёсся к нему со всей серьёзностью: этот человек, в отличие от многих других, умел ценить усилия разведки и поступающую от неё информацию. Он сразу же принял меры — сконцентрировал на нужном направлении все свои отряды и разбил наступающие части северян.

Вскоре девушке было вручено послание:

«Мисс Белл Бойд!

Благодарю Вас от имени моего и всей армии за огромную услугу, которую Вы оказали сегодня Вашей Родине.

Всегда Ваш друг

Т. Д. Джонсон, командующий южной армией».

После этого феноменального успеха Белл Бойд продолжала оказывать помощь армии южан. Но вскоре она допустила роковой промах, доверив своё донесение агенту Севера. Оно было вручено военному министру Федерации Стэнтону, который тут же направил сыщика федеральной разведки Криджа для ареста Белл Бойд и её доставки в Вашингтон. Кридж, грубый и жестокий человек, не поддался чарам юной красавицы и в точности исполнил приказ.

Однако Белл повезло. Некоторое время спустя её обменяли на арестованного на Юге шпиона северян. Белл отправили в столицу Конфедерации Ричмонд, где для её встречи был выстроен караул, а вечером под её окнами городской оркестр сыграл серенаду.

Дальнейшая судьба очаровательной шпионки — это типичный хеппи-энд. Она отправилась в морское путешествие, побывала в Англии, где встретилась с федеральным морским офицером Уайльдом Хардингом. Его чувства к ней оказались столь сильными, что он не задумываясь вышел в отставку, и вскоре мисс Бойд стала миссис Хардинг. Она ни в коей степени не стыдилась своей славы «шпионки мятежников» и совершила ряд выгодных турне для чтения лекций о своих подвигах, а также стала автором мемуаров о своей разведывательной работе.

АЛЬФРЕД РЕДЛЬ (1864–1913)

Накануне Первой мировой войны дело полковника австрийского Генерального штаба Редля стало самым сенсационным из всех шпионских дел.

По официальной версии сотрудников австро-венгерского Генерального штаба Урбанского и Ронге и начальника германской разведки Николаи, суть его была такова.

Альфред Редль родился в семье скромного аудитора гарнизонного суда (по другим данным — железнодорожного служащего) в городе Лемберге (Львове), близ российской границы, который населяли люди самых разных национальностей. Поэтому Альфред с детства свободно говорил на нескольких языках. В пятнадцать лет он стал учеником кадетского корпуса, затем блестяще закончил офицерское училище и, вопреки кастовым традициям монархии, вместо заштатного гарнизона был зачислен в Генеральный штаб. В 1900 году, уже в чине капитана, Альфреда Редля командировали в Россию для усовершенствования в языке и изучения обстановки в этой недружественной стране. Он изучал, его изучали. В результате появилась такая характеристика: «…Среднего роста, седоватый блондин с седоватыми короткими усами, несколько выдающимися скулами, улыбающийся вкрадчивыми глазами. Человек лукавый, замкнутый, сосредоточенный, работоспособный. Склад ума мелочный. Вся наружность слащавая. Движения рассчитанные, медленные… Любит повеселиться…»

По возвращении в Вену Редль был назначен помощником начальника разведывательного бюро Генерального штаба генерала барона Гизля фон Гизлингена, который поручил ему возглавить агентурный отдел бюро, отвечавший за контрразведывательные операции.

Узнав о новом назначении Редля и сопоставив это с его характеристикой и некоторыми другими данными (как, например, склонность к гомосексуализму, расточительность), руководитель русской военной разведки Варшавского военного округа полковник Батюшин поручил одному из своих лучших вербовщиков (возможно, полковнику Владимиру Христофоровичу Роопу, занимавшему до 1903 года пост русского военного агента в Вене) задание завербовать Редля и при этом снабдить его инструкциями и крупной денежной суммой. Вербовка прошла успешно. На посту начальника контрразведки Редль отлично проявил себя, перестроив её и сделав одной из сильнейших

спецслужб того времени. Он ввёл новые методы работы, такие, как негласное дактилоскопирование и тайное подслушивание с записью на граммофонную пластинку, а также фотографирование скрытыми камерами.

Но главные его успехи заключались в том, что он добывал уникальные секретные документы русской армии, а также выявил нескольких русских шпионов — и то и другое, конечно, с помощью своих новых российских друзей. Русская разведка без угрызения совести «сдавала» агентов никуда не годных, требовавших денег, а возможно, и двурушников. А документы добросовестно фальсифицировались в специальном подразделении русского Генштаба.

Что же касается Редля, то передаваемые им материалы были поистине превосходными. Известный исследователь Эдвин Вудхолл свидетельствует: «Полковник Редль выдал России огромное количество копий документов, кодов, фотографий, планов, секретных приказов по армии, мобилизационных мероприятий, докладов о состоянии железных и шоссейных дорог, описаний образцов военного оборудования и т. д.». Кроме того — австро-венгерские мобилизационные планы против России, в которых «были указаны все подробности вплоть до последнего человека и последней пушки… всё это было изложено в таблицах, схемах, чертежах, картах… Этот план был шедевром Генерального штаба австро-венгерской армии…»

Помимо этого, Редль по своей инициативе скрывал от своего Генштаба секретные сведения, поступавшие из России от австро-венгерских агентов. Более того, этих лиц он выдавал российскому Генштабу.

Услуги Редля оплачивались неплохо. Помимо того, что его квартира оказалась роскошно обставленной, в ней описали сто девяносто пять верхних рубашек, десять военных шинелей на меху, четыреста пар лайковых перчаток, десять пар кожаных ботинок, а в винном погребе сто шестьдесят дюжин бутылок лучшего шампанского. Кроме того, в 1910 году он купил дорогое поместье, за последние пять лет приобрёл четыре автомобиля и трёх первоклассных рысаков.

В 1907 году, получив внеочередное звание полковника, Альфред Редль стал вторым человеком в аппарате австро-венгерской военной разведки и контрразведки. Ему прочили пост начальника разведки и даже начальника Генштаба.

Попался он на своей же уловке. Ещё в начале работы он организовал «чёрную комнату» для перлюстрации корреспонденции. Подозрительное письмо возвращалось на почту, а когда адресат являлся за ним, почтовый чиновник

потайным звонком вызывал филёров. Так произошло с письмом на имя некоего господина Ницетаса, в котором обнаружили семь тысяч крон. Филёры, последовавшие за «Ницетасом», установили, что это не кто иной, как сам полковник Редль. Более того, он подтвердил, что футлярчик от ножа, оставленный в такси, в котором ехал «Ницетас», принадлежит ему. На глазах у филёров он порвал на мелкие клочки и разбросал по улице бумажки, оказавшиеся почтовыми квитанциями.

Ночью в гостиничный номер, где остановился Редль, вошли несколько офицеров во главе с Ронге.

— Я знаю, зачем вы пришли, — сказал он. — Я погубил свою жизнь. Я пишу прощальные письма.

На вопросы офицеров он ответил, что союзников у него не было, а все нужные доказательства находятся в его доме в Праге.

Редлю оставили револьвер и ушли. Когда вернулись, он был уже мёртв.

26 мая 1913 года все газеты Австро-Венгерской империи поместили сообщение о неожиданном самоубийстве полковника Редля… «которому светила блестящая карьера». Далее сообщалось о предстоящих торжественных похоронах…

Уже на другой день пражская газета «Прага тагеблатт» сообщала: «Одно высокопоставленное лицо просит нас опровергнуть слухи… относительно полковника Редля… который будто бы обвиняется в том, что передавал… России военные секреты. На самом же деле комиссия высших офицеров, приехавшая, чтобы произвести обыск в его доме, преследовала совсем иную цель». И это в то время как о тайне никто, кроме группы офицеров, даже император Франц Иосиф, не знал.

Как же произошла утечка информации? Официальная версия такова: для вскрытия квартиры был приглашён слесарь Вагнер, он же лучший футболист команды, капитаном которой был редактор «Прага тагеблатт». Из-за отсутствия Вагнера команда проиграла, и он, оправдываясь, объяснил капитану — редактору причину своего отсутствия. Тот понял, что открыл сенсационную тайну, и в условиях строгой цензуры изложил её эзоповским языком. Такова общепринятая версия дела Редля. Однако возникает много «но».

В квартире Редля не обнаружили никаких шпионских материалов. Фотокопии письма Ницетаса не существует. Зачем он хранил квитанции, почему так неловко пытался избавиться от них, и как могли филёры быстро собрать на улице мелкие кусочки бумаги?

Удивляет быстрота и поверхностность допроса Редля в отеле, причина, почему ему сразу предложили покончить с собой.

Удивляет эпизод со слесарем-футболистом Вагнером. Неужели ему не могли приказать «всё забыть и заткнуть рот»? А то, что австро-венгерская полиция умела это делать, показывает эпизод с лакеем Редля Сладеком. Начальник полиции побеседовал с ним столь обстоятельно, что репортёры не вытянули из него ни слова.

Короче говоря, в деле полковника Редля серьёзных улик нет. Отсюда два вопроса: кто же был агентом и почему именно Редля сделали козлом отпущения?

Уже упомянутый выше полковник Рооп завербовал в Вене агента № 25, но был ли это Редль, сам Рооп, уже к тому времени генерал, не подтверждает. Более того, информация от этого агента именно того характера, которая приписывалась Редлю, продолжала поступать и после его гибели. Перед самой войной 1914 года работник Генштаба Самойло выезжал в Берн на встречу с агентом № 25 и получил от него интересовавшие русскую разведку сведения, но так и не узнал его имени.

Можно предположить, что события развивались так. В начале 1913 года австрийская контрразведка получила сведения, что в Генштабе есть тайный русский агент. Но поиски не дали результатов, а это грозило неприятностями руководителям спецслужб. Контрразведка нашла «козла отпущения» — Редля, уличила его в гомосексуальных наклонностях, несовместимых с честью офицера, а возможно, и других грехах. Это и стало причиной самоубийства, а может быть и убийства — ведь до суда «дело» доводить было нельзя. А с помощью футболистов — слесаря и редактора — версия была обнародована.

Но как бы то ни было, уничтожив Редля, или вынудив его уничтожить себя, австрийская контрразведка «прославила» его как одного из самых результативных шпионов.

Часть III
В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

ЛОУРЕНС АРАВИЙСКИЙ (1888–1935)

Одна из самых блестящих и романтических фигур в истории разведки — это сэр Томас Эдвард Лоуренс. Он был равнодушен к женщинам и деньгам. Он любил только себя и Британскую империю, которым верно служил. О себе он сказал: «Я в общем-то похож на пешехода, который ловко увёртывается от автомобилей, движущихся по главной улице». О нём создано много романов и фильмов, где небольшое количество правды густо замешано на лжи. Однако и то количество правды, которое в них есть, достаточно для того, чтобы эта личность стала героем боевиков.

Он родился 16 августа 1888 года в небогатой англо-ирландской семье. Учился в Оксфорде, вначале в школе, а потом в университете. Школу он, по его словам, «ненавидел от всей души», так как она отвлекала его от главного — чтения книг о крестовых походах и археологии. Эти два предмета он знал досконально, как и всё то, что касалось Ближнего Востока, куда направлялись крестоносцы и где было много объектов для археологических поисков.

В 1910 году Лоуренс, к тому времени уже агент английской разведки, обосновался на Арабском Востоке. Он тщательно изучил быт, нравы и обычаи арабов, их религию, прекрасно знал арабский язык и наречия многих бедуинских племён. На Аравийском полуострове не осталось, пожалуй, ни одного местечка или оазиса, где бы он не побывал. Со всеми вождями арабских племён он установил приятельские отношения (трудно сказать «дружеские», так как в этой «дружбе» каждый искал свою выгоду). Лоуренс вызнал сильные и слабые стороны всех вождей, кого и чем можно соблазнить.

Когда началась Первая мировая война, Лоуренс стал сотрудником британской разведки, точнее МИ-4 или Арабского бюро, призванного следить за развитием националистического движения арабов в границах Османской империи.

Дело в том, что все арабские земли и проживавшие там народы находились в то время под властью Турции. А с началом Первой мировой войны свою лапу протянула туда Британская империя. Но воевать с турками английским регулярным войскам, привязанным к своим базам, в этих пустынных местах было неудобно. Нужны были небольшие подвижные группы, которые привыкли к жизни в безлюдной и безводной пустыне и передвижению по ней, могли бы свободно пробираться по вражеским тылам, совершать диверсии. Кроме того, это давало возможность воевать с турками чужими руками, сохраняя

основные силы на других фронтах.

К этому времени арабские националисты уже сами начали борьбу против турок. На юге Аравийского полуострова зелёное знамя восстания арабов поднял Абд эль-Азид ибн Сауд, лидер религиозной секты ваххабитов и заклятый враг хашимитов. Главой политико-религиозного клана хашимитов был шейх Мекки, Хуссейн ибн Али, провозглашённый в 1916 году королём Хиджаза.

Кого поддерживать, ибн Сауда или Хуссейна? Ваххабитов или хашимитов? Верховный британский комиссар в Каире сэр Генри Макмагон и шеф военной разведки на Ближнем Востоке майор Астон поставили на хашимитов и даже объявили Хуссейну, что после распада Османской империи его вместе с сыновьями сделают главами будущей арабской конфедерации. В то же время Индийское бюро английской разведки поддерживало ваххабитов. Его представитель Сент-Джон Филби, отец знаменитого в будущем Кима Филби, в 1917 году отправился в Эр-Рияд с совершенно секретным заданием: сообщить ибн Сауду, что король Георг V именно его намерен сделать главой арабской конфедерации, которая будет образована после краха Османской империи. Политика «разделяй и властвуй» и на этот раз служила интересам Британской империи.

Однако вернёмся к нашему герою. Томас Эдвард Лоуренс завоевал доверие самого решительного из сыновей Хуссейна эмира Фейсала, который задался целью организовать целую армию для борьбы с турками. Однако создание крупной единой армии в то время было совершенно нереальным. Требовались небольшие мобильные подразделения, которые, как свора собак, напавших на медведя с разных сторон, атаковали бы и кусали мощное, но неповоротливое турецкое войско.

Созданием таких «летучих» повстанческих сил и занялся Томас Лоуренс. Белокурый и голубоглазый, он никак не походил на араба. Но одетый в бурнус, с наполовину закрытым лицом, загорелый и превосходно владевший арабским языком, он легко мог сойти за бедуина. А твёрдая воля, склонность к авантюризму и интригам, лицемерие, честолюбие и упорство в достижении цели позволяли ему становиться лидером в любом сообществе. К тому же он обладал большими деньгами, которыми снабжала его британская разведка. Лоуренс питался одной пищей с арабами и жил в тех же условиях, что и они. Своих последователей-разведчиков он поучал: «Вам придётся чувствовать себя как актёру, играя свою роль днём и ночью в течение ряда месяцев, не зная отдыха и с большим риском».

Иногда Лоуренс проводил вечер с одним шейхом, затем

садился на верблюда, ехал всю ночь и утром встречался с другим. Разговаривать с ними было не всегда легко.

В своих инструкциях, названных им «27 статей», он писал:

«Добейтесь доверия вождя и удерживайте его. Укрепляйте, если можете, престиж вождя перед другими за свой счёт. Никогда не отказывайтесь и не разбивайте тех планов, которые он может предложить. Всегда одобряйте их, а похвалив, изменяйте мало-помалу, заставляя самого вождя вносить предложения до тех пор, пока они не совпадут с вашим собственным мнением… Хотя бедуина трудно заставить что-либо делать, им легко руководить, если только у вас хватит терпения. Чем будет менее заметно ваше вмешательство, тем больше будет ваше влияние. Бедуины с охотой станут следовать вашему совету, даже не предполагая, что вы или кто-либо другой знает об этом.

Маскировка не рекомендуется… В то же время, если вы, находясь среди арабов, сумеете носить их одежду, вы приобретёте такое доверие и дружбу, какие в военной форме вам никогда не удастся приобрести. Однако это трудно и опасно. Поскольку вы одеваетесь как арабы, они не будут делать для вас никаких исключений…

Нередко вам придётся участвовать в дискуссиях по вопросам религии. Говорите о собственной вере что угодно, но избегайте критиковать их взгляды…

Не следуйте примеру арабов и избегайте слишком свободных разговоров о женщинах. Это столь же трудный вопрос, как и религия. В данном отношении взгляды арабов настолько не похожи на наши, что безобидные, с английской точки зрения, замечания могут показаться для них несдержанными, так же, как и некоторые из их заявлений, переведённые буквально, могут показаться несдержанными для вас.

Весь секрет обхождения с арабами заключается в непрерывном их изучении. Будьте всегда настороже, никогда не говорите ненужных вещей, следите всё время за собой и своими товарищами. Слушайте то, что происходит, доискивайтесь действительных причин. Изучайте характеры арабов, их вкусы и слабости и держите всё, что вы обнаружите, при себе… Ваш успех будет пропорционален количеству затраченной вами на это умственной энергии».

В своих мемуарах Лоуренс выставлял себя сторонником национально-освободительной борьбы арабов за независимость. В действительности же его беспокоили лишь интересы Великобритании, стремившейся захватить новые колонии. Можно ли осуждать за это англичанина, воспитанного на традициях Британской империи и верившего в то, что «My country is my

country, good or bad, but it is my country!» — «Моя страна — это моя страна, хорошая или плохая, но это моя страна!»?

Действуя умело, тактично и напористо, Лоуренс сумел стать любимцем Хуссейна и его сына Фейсала, руководящего многими племенами. Он подсказал им лозунг: «Объединение арабов для борьбы с Турцией». Под этим лозунгом было поднято восстание и созданы боеспособные части, снабжённые британским оружием. Восстанием фактически руководил Лоуренс, получивший звание полковника и прозвище «Лоуренс Аравийский». Его голова была оценена турками в двадцать тысяч фунтов стерлингов. Отряды Фейсала — Лоуренса причинили большой ущерб турецкой армии, постоянно действуя на их коммуникациях партизанскими методами. В то же время были успехи, характерные и для «регулярной» войны. После изнурительного перехода через пустыню в июле 1917 года войска под командованием Фейсала и Лоуренса неожиданным налётом захватили порт Акаба. А в сентябре 1918 года Лоуренс с небольшим отрядом арабов на верблюдах вошёл в Дамаск, воспользовавшись отступлением турецких войск.

В итоге Первой мировой войны, в том числе и деятельности Лоуренса, Великобритания получила новые колонии: Ирак, Палестину, нефтяную и военно-морскую базу в Хайфе, закрепила своё господство на Аравийском полуострове. Она лишится всего этого после Второй мировой войны. Тогда же это было триумфом Британской империи и лично полковника Лоуренса. Однако даже в те времена триумф был неполным. Вскоре после войны под давлением Франции англичане вывели свои войска из Сирии, французы заняли Дамаск, изгнали арабов из Палестины, лучший же «друг» Лоуренса Фейсал осыпал его проклятиями. А ибн Сауд, «друг» Сент-Джона Филби, изгнав из Мекки в 1924 году «друга» Лоуренса Хуссейна, стал основателем Саудовской Аравии.

После войны Лоуренс занялся другими делами. В 1921 году по предложению Уинстона Черчилля, возглавившего министерство по делам колоний, Лоуренс стал политическим советником в новом управлении по делам Среднего Востока. Ему удалось искупить свою вину перед Фейсалом, изгнанным из Сирии. Так как Ирак подпал под мандат Англии, все вопросы о власти там решались в министерстве по делам колоний. В марте 1921 года на конференции в Каире Лоуренс сумел уговорить Черчилля сделать Фейсала королём Ирака. После этого Лоуренс неожиданно покидает свой престижный пост в министерстве и в августе 1922 года поступает… рядовым в британскую военную авиацию под фамилией Росс. Что он там делал, неизвестно, но через полгода его опознал и публично разоблачил в газетах один

офицер, его давний недруг.

Тогда английская разведка дала ему новое задание, которое он выполнял, находясь в Индии на границе с Афганистаном. Там он выступал сразу в двух обличиях: бортмеханика Шоу для сношения с англичанами, — и священнослужителя Пир-Карам-шаха для «туземцев».

В то время эмиром Афганистана был Аманулла, который пытался провести в стране некоторые реформы. Но Англию это не устраивало, и было решено любыми способами устранить его, посадив на престол другого эмира, послушного британским колонизаторам. Этим в 1927–1928 годах и занялся полковник Лоуренс.

Он наладил связь с разбойником и головорезом Бачайи Сакао. Этот головорез прославился тем, что убил собственного отца, жену, муллу, не считая десятков других людей. На него-то и сделал ставку Лоуренс. Он пообещал Сакао афганский трон, если тот поможет сбросить Амануллу.

Лоуренс разработал и претворил в жизнь коварный план с целью вызвать всеобщее недовольство Амануллой, прежде всего у правоверных мусульман. Агенты Лоуренса и Сакао стали агитировать против Амануллы и его реформ: он-де нарушает законы Пророка — отвергает ношение чалмы, исламские одежды, заставляет женщин снять чадру, велит им ходить в школы, разрешает мужчинам брить бороду и усы, хочет, чтобы люди лечились у врачей и т. д. Эти, на наш взгляд, нелепые обвинения (кстати, те же, с которыми сейчас выступают талибы и ваххабиты в Афганистане и Чечне) сыграли свою роль. Тёмное, неграмотное население поднялось против Амануллы.

Масла в огонь добавили распространённые Лоуренсом через своих агентов фотографии девиц, сидящих в откровенных позах на коленях мужчин. Подписи под этими фотографиями также обвиняли Амануллу в нарушении «святых велений Пророка и Священного шариата».

А затем Лоуренс распространил по всему Афганистану прокламацию от имени всех правоверных мусульман, призывавшую к свержению Амануллы и признанию новым правителем Бачайи Сакао.

Бачайи Сакао захватил Кабул, провозгласил себя эмиром и развернул активную антисоветскую деятельность. Базируясь на территории Афганистана, двадцать тысяч басмачей начали совершать бандитские набеги на советские республики Средней Азии — Таджикистан, Туркмению, Узбекистан.

Считая свою задачу выполненной и понимая, что бандит Сакао долго у власти не продержится, полковник Лоуренс в

начале 1929 года вернулся в Лондон, где стал героем шумного скандала: депутаты от лейбористской партии сделали запрос в парламенте относительно похождений Лоуренса в Афганистане. Тогда же участники организованной коммунистами демонстрации сожгли чучело Пир-Карам-шаха — Лоуренса.

Сорокадвухлетний Лоуренс подал в отставку и начал писать мемуары. Он написал две книги: «Восстание в пустыне» и «Семь столпов мудрости».

В октябре 1929 года «друг» Лоуренса Бачайи Сакао был свергнут с афганского трона и казнён.

Но авантюрный характер «отставника» не изменился. Он намеревался встретиться с Гитлером и установил контакт с вождём английских фашистов Освальдом Мосли.

Однако этим намерениям не суждено было сбыться — 19 мая 1935 года он погиб в катастрофе, разбившись на мотоцикле. Полковник сэр Томас Эдвард Лоуренс похоронен в лондонском соборе Святого Павла среди британских военных героев и знаменитых аристократов.

ВАСМУС ПЕРСИДСКИЙ (1880–1931)

У этого человека было много общего с британским полковником Лоуренсом, и по аналогии с Лоуренсом Аравийским поклонники называли его Васмус Персидский.

Вильгельм Васмус родился в 1880 году. О его происхождении, а также годах молодости сведений нет. Известно лишь, что в 1914 году он занимал не очень высокий, но всё же престижный пост консула в персидском Бушире. Он был ориенталистом, как родной знал классический фарси, а также владел наречиями племён, разбросанных на громадных пространствах Персии. По натуре типичный колонизатор викторианской эпохи, он считал, что мир должен принадлежать белому человеку, лучше всего немцу. По-своему был влюблён в Восток и, верно служа фатерланду, чтил и соблюдал местные обычаи, чем вызывал уважение и признательность влиятельных персидских кругов. Кайзер Вильгельм II, объявивший себя «защитником Корана», знал об успехах энергичного молодого консула на поприще установления добрых отношений с «туземцами». По его личному указанию Васмусу повысили оклад и увеличили суммы на пропаганду и представительство.

Персия накануне Первой мировой войны была отсталой страной, с неграмотным в своей массе населением, всё ещё верившим в то, что мир состоит из ряда концентрических сфер, в центре которых находится Земля. Влияние великих держав: России, Англии, Германии было значительным, зачастую они чувствовали себя хозяевами многих регионов. Уже велась необъявленная «нефтяная война» между немцами и англичанами. По международному соглашению для поддержания порядка в нефтеносном районе была создана нейтральная жандармерия, основу которой составляли шведские войска, но Васмус сумел прибрать её к своим рукам. Когда началась война, англичане объявили этот факт грубым нарушением нейтралитета Персии и при помощи войск начали расширять сферу своего влияния.

Из тех мест, куда приходили англичане, германским дипломатам приходилось срочно уезжать. Васмус категорически отказался это сделать и был интернирован англичанами. Его взяли под стражу как «нежелательного и враждебного иностранца» и держали под домашним арестом, имущество конфисковали и вместе с ним должны были вывезти в британскую штаб-квартиру. В ночь накануне этого события Васмус проявил сильное беспокойство о здоровье своей верховой лошади. В сопровождении двух часовых он спустился в конюшню и

обнаружил у лошади симптомы особой туземной болезни, требующей постоянного наблюдения и частого приёма лекарств. Всю ночь, каждые десять—двадцать минут он, в сопровождении двух солдат, едва передвигавших ноги от усталости, спускался к своей любимой лошадке. Наконец, один из «томми» сказал: «Послушай, если ты её так любишь, иди-ка сам!» Консулу только этого и нужно было. Спустившись в последний раз в конюшню, он достал из кучи сена заблаговременно спрятанный там мешок со ста сорока тысячами марок золотом, вскочил на своего совершенно здорового коня и был таков.

Среди местных князьков, к которым в горы бежал Васмус, у него были друзья, могущественные, воинственные и, что немаловажно, хорошо им оплачиваемые. Они пользовались влиянием, далеко распространявшимся за пределы территорий, занимаемых их племенами. С их помощью Васмус начал вести неравную борьбу с Британской империей. Он действовал как главный резидент германской секретной службы, руководитель военной и политической разведки в зоне Персидского залива. Но свою задачу он видел не только в сборе информации для главнокомандующего германскими войсками на Ближнем Востоке генерала Лиман фон Сандерса. Его планы были более обширны: он хотел включить всю южную Персию в сферу германского влияния, помешать англичанам заполучить персидскую нефть, побудить горные племена к активным выступлениям против британских войск.

Чтобы ещё более упрочить своё положение, Васмус пошёл на беспрецедентный шаг: он женился на дочери одного из влиятельнейших персидских вождей. Васмус оформил это событие не только как союз любящих сердец, но и как союз «двух великих рас», символ германо-персидского единения. Согласно местным обычаям, свадебные расходы должен был оплачивать отец невесты, но Васмус настоял на том, чтобы все расходы были отнесены на его счёт (то есть на счёт секретной службы). Отцу невесты и многочисленным гостям как из высшего общества, так и из числа простолюдинов, были сделаны подарки, соответствовавшие их положению и «цене». Верный помощник Васмуса, немец Бругман, раздавая подарки, тут же вербовал одариваемых. Британская разведка установила впоследствии, что половина персов, гостей свадьбы, была завербована в шпионскую сеть Васмуса, раскинутую между Индией, Суэцем и берегами Тигра, Евфрата и Персидского залива.

С разведывательной точки зрения пространство, контролируемое Васмусом, занимало очень выгодное положение. Британская разведка два раза в месяц печатала для служебного

пользования карту с обозначением вражеских сил на восточном театре военных действий. И не случайно в течение четырёх лет большой район Персии, размером с Францию и Англию вместе взятые, был отмечен напечатанным красной краской и заключённым в овал словом «Васмус».

Васмус зафрахтовал множество мелких судов, которые контролировали все пути между Индией и Европой через ближневосточные моря. Таким образом он был в курсе всех перевозок войск и грузов. Его агентура пробиралась к коммуникационным линиям каждой экспедиционной армии союзников. Агенты Васмуса добывали информацию в Палестине, Дарданеллах, Месопотамии и даже в Восточной Африке и Турецкой Армении. Он наладил идеальную систему связи, позволявшую с минимальным разрывом во времени доставлять германскому командованию информацию о силах и передвижениях союзных войск.

Крупным, можно сказать стратегическим, успехом Васмуса стала его помощь генералу Кольмару Вильгельму Леопольду фон дер Гольцу, командовавшему 6-й турецкой армией и объединёнными германо-турецкими войсками в Месопотамии. Агенты Васмуса знали о всех манёврах английского генерала Чарлза Таунсгенда, который во время наступления на Багдад командовал колонной, двигавшейся по долине реки Тигр. Ему удалось разбить турецкие войска у Кут-эль-Амары. Развивая свой успех, Таунсгенд проник до Ктезифона. Здесь его уже ожидали два турецких корпуса группы войск «Ирак» во главе с генералом Гольцем, предупреждённым Васмусом о направлении удара англичан. Сражение у Ктезифона 23 ноября 1915 года не выявило победителя, но Таунсгенд был вынужден отступить к Кут-эль-Амаре, где турецкие войска блокировали его. Все попытки как со стороны русских, так и со стороны английских войск помочь осаждённым были безуспешными. Английский генерал Перси Лейк, назначенный главнокомандующим вооружёнными силами в Месопотамии, действовал пассивно. Агенты Васмуса докладывали, что его силы малочисленны, плохо обеспечены продовольствием, снаряжением и медикаментами и к тому же его коммуникации подвергаются налётам племён, состоявших на службе у Васмуса. Эта информация позволяла Гольцу сосредоточить все силы на осаде крепости, не опасаясь Лейка. Важные сведения сообщил ещё один из агентов Васмуса: опасаясь усиления русского влияния в Месопотамии, Лейк отверг предложение русского командования соединиться с английскими войсками в Персии и вести совместные боевые действия против турецких войск.

Четыре вялые попытки Лейка деблокировать Таунсгенда не дали результатов. После ста сорока трёх дней блокады, истощив все продовольственные запасы и уничтожив всю свою артиллерию, Таунсгенд 29 апреля 1916 года с тремя тысячами англичан и шестью тысячами индусов сложил оружие. Месопотамия стала единственным театром военных действий, где Турция не потерпела поражения.

Стремясь убрать такого серьёзного противника, как Васмус, англичане назначили награду в размере трёх тысяч фунтов стерлингов за доставку его живым или мёртвым. Постепенно сумма награды возрастала, и в 1917 году за его поимку предлагали уже в пять раз больше. Как ни странно, такая большая сумма только отпугнула её потенциальных получателей: на Востоке жизнь ценится не очень высоко, и никто не верил, что за одного человека заплатят так много.

В 1916 году Васмус попытался поднять мятеж среди племён Афганистана, чтобы отвлечь английские войска. Он потратил много золота — а его количество у него уменьшалось, — но безуспешно. Зато успешно действовала его морская разведка, доставлявшая данные обо всех военных транспортах, шедших из Индии, Австралии и Новой Зеландии. В 1916 году он вооружал и снаряжал воинственные племена, которые сковывали деятельность тысяч английских солдат. Англичане были вынуждены послать в Персидский залив четыре военных корабля для несения дозорной службы и проведения блокады. Их так и называли — «васмусовский флот», и они должны были перехватывать парусники, доставлявшие Васмусу разведывательные материалы и военное снаряжение.

Однако, по мере общего ослабления положения Германии, ухудшалось и положение самого Васмуса. Он всё чаще кормил свою туземную аудиторию ложью о победах германской армии. Однажды распустил слух, что германские армии оккупировали Англию, а короля Георга публично повесили. В Персии этим слухам охотно верили.

У Васмуса возник новый план. Своего друга и помощника Бругмана он направил в Индию для привлечения на свою сторону местных туземных правителей. Англичане сорвали эту акцию, арестовав Бругмана и заключив его в тюрьму «до конца войны». Ещё раньше был захвачен другой надёжный сообщник Васмуса, швед доктор Линдберг. Таким образом, Васмус остался один среди племён, начинавших относиться к нему враждебно. Из Европы всё же доходили сведения об ослаблении Германии, и персидские вожди были склонны примкнуть к побеждающей стороне.

Шёл к концу 1918 год, Германия была на грани краха. Васмусу уже никто не верил. Его стали одолевать кредиторы. Однажды ему удалось вырваться из неприязненно настроенной толпы, инсценировав разговор по радиотелефону с самим калифом. Но долго на таких штучках продержаться было нельзя.

В ноябре 1918 года, когда пришло известие о перемирии, тесть Васмуса Ахрам сам посоветовал ему бежать. Васмус скрылся, и следы его с той поры затерялись.

БЕРТ ХОЛЛ (1885–1948)

Американского лётчика Берта Холла можно назвать родоначальником воздушной разведки.

Он родился в штате Кентукки в 1885 году. С юности его манили к себе горы. Ребёнком он забирался на самую высокую из окружающих вершин и, глядя на расстилающуюся внизу долину, мечтал парить над ней подобно орлу. Любил он и технику и был без ума от высоких (по тем временам) скоростей. И когда ему удалось стать шофёром гоночного автомобиля, считал это величайшим счастьем. Выигрывал и проигрывал гонки, переворачивался, был на волосок от смерти, но профессии не бросал, пока не услышал над головой шум мотора и не увидел чуда — человека в шлеме, очках и кожаной куртке, парящего в небе словно орёл.

С этого дня и навсегда его сердце принадлежало авиации. Он выучился на лётчика, а затем решил перенести в авиацию традиции автомобильных гонок и сделался пионером лётного спорта.

На этом деле можно было неплохо заработать, но денег всегда не хватало. «Если существуют наёмные пехотинцы, почему бы не быть наёмнику-лётчику?» — подумал он и стал искать, где бы можно было применить свои знания и опыт. И тут ему улыбнулась удача.

В 1912 году началась Балканская война. Против Турции выступили сербы и болгары, к ним присоединились греки. Холл поспешил в Европу. На скопленные деньги купил французский моноплан и предложил свои услуги туркам. Те с радостью ухватились за это предложение и назначили ему огромное содержание — сто долларов золотом в день. Их надо было отрабатывать. Вместе со своим бортмехаником — французом Андре Пьерсом он ежедневно вылетал на разведку. Иногда снижался до бреющего полёта и смеялся, когда солдаты из полудиких горных селений, впервые увидевшие самолёт, падали на колени и крестились.

Но, несмотря на старание Берта Холла, турки терпели поражения. Они были разбиты у Кирк-Килиса 24 октября, а ещё через пять дней, 29 октября 1912 года, у Бургаса. Сербо-болгарские войска осадили главный город и крепость турецкой Фракии Адрианополь, прикрывавший подступы к Стамбулу (Константинополю).

Турки потребовали, чтобы Холл помимо ведения разведки стал сбрасывать на их противников бомбы. Но это не устраивало

Берта, убивать он никого не собирался, тем более таких же, как он, христиан. Тогда ему просто перестали платить.

Холл нашёл простой выход: вместе с бортмехаником перелетел на сторону болгар. Там ему предложили ту же сумму, что и турки, но пользы он приносил больше, так как хорошо знал систему турецких оборонительных сооружений.

Однако болгарам этого оказалось мало. Они помимо разведки предложили ему заняться и шпионажем. За дополнительное вознаграждение он, впервые в истории, перелетев линию фронта, приземлился и высадил в тылу турок болгарского агента.

Холл работал добросовестно, и всё же через месяц болгары задержали его зарплату. Он решил улететь от них, но прямо у самолёта его схватили и потащили в полицию, где обвинили в том, что он является турецким шпионом. Поскольку Холл не отрицал, что ранее работал на турок, ему было трудно доказать, что он перестал им служить. С американским консулом связаться ему не разрешили.

Лётчик был предан военному суду. Его оправданий не слушали, объяснения о том, что он хотел улететь из-за невыплаты ему денег, не приняли во внимание и приговорили к расстрелу.

Спас его бортмеханик, оставшийся на свободе. Часть своего «золотого запаса» он отнёс кому следует, и буквально за несколько часов до расстрела Холл оказался на свободе.

Вместе с Андре Пьерсом он вернулся во Францию. А вскоре началась Первая мировая война. На второй день войны он записался в иностранный легион, а через три месяца был переведён в знаменитую эскадрилью Лафайета, лётчики которой получили прозвище «воздушных чертей».

Теперь очень пригодился опыт Берта Холла. Ему поручили перебрасывать агентов в немецкий тыл. Для этого требовалось умение летать и совершать посадки ночью, точнее в ранние предрассветные часы, а также приземляться на незнакомых и неподготовленных площадках. Приходилось летать каждые несколько дней, и каждый полёт представлял собой смертельную опасность. Но его мастерство и хладнокровие всегда приводили к успеху.

Лишь однажды для него была приготовлена ловушка. Нужно было приземлиться за линией фронта и принять на борт возвращавшегося домой шпиона. Но тот, видимо, стал сотрудничать с немцами, и они подготовили засаду, чтобы захватить лётчика. Однако у кого-то из немецких солдат не выдержали нервы, и он открыл огонь из пулемёта, когда самолёт шёл на посадку. Лётчик снова взмыл в небо и с лёгким ранением

и простреленным крылом вернулся на свой аэродром.

Если бы его захватили немцы, ему мог грозить расстрел, как шпиону. Правда, в те годы ещё соблюдались некоторые рыцарские правила войны. Если лётчик был в военной форме, он признавался военнопленным, а не шпионом. Прецедент был создан 30 октября 1915 года, когда немецкий суд снял обвинение в шпионаже с двух французских лётчиков именно потому, что они были задержаны в форме. Три года они провели в плену.

К концу войны Берт Холл оказался одним из двух оставшихся в живых «воздушных чертей» эскадрильи Лафайета.

ЛУИЗА БЕТТИНЬИ (АЛИСА ДЮБУА) (1880–1918)

Многие специалисты и историки разведки считают Луизу Беттиньи самой выдающейся разведчицей Первой мировой войны.

Страшное слово «война!» потрясло мир 1 августа 1914 года. Великие армии великих держав столкнулись в смертельной схватке.

На Западе наиболее драматические события происходили в Бельгии и Северной Франции, где десятки тысяч женщин, детей, мирных жителей в панике устремлялись к Ла-Маншу, пытаясь спастись от наступавших немецких армий, уже захвативших Бельгию и вторгшихся во Францию, и занять места на отходивших в Англию судах.

Огромные очереди выстроились на пунктах проверки. Военная полиция опрашивала каждого: во-первых, с целью идентификации его личности, а во-вторых, получения хоть какой-либо информации о противнике. Но большинство такой информацией не располагало. Несколько офицеров окружили молодую, красивую француженку, которая отвечала на их вопросы. Она была небольшого роста, миловидная, с красивыми каштановыми волосами, сверкающими карими глазами, овальным лицом, чистой кожей, чувственными губами и очаровательной улыбкой.

Офицер продолжал обычный опрос:

— Можете ли вы что-нибудь сказать об армии оккупантов?

Девушка начала отвечать на французском, но потом перешла на английский, причём говорила так же бегло, как и сам офицер. Его потрясло качество и количество той информации, которую она сообщила. Профессиональный разведчик вряд ли мог собрать информацию более квалифицированно, чем она, простая беженка. В живом рассказе присутствовало всё её существо: глаза, уши, интуиция, суждения, знания, память, способность сжато изложить свои наблюдения.

Офицеры с нарастающим интересом слушали её.

— Такую информацию мог собрать только человек, хорошо владеющий немецким! — воскликнул один из них.

— Я владею им, — ответила девушка.

— Кто вы?

Она рассказала о себе. Её зовут Луиза де Беттиньи, родилась в Северной Франции, её дом в Лилле, теперь он в руках немцев, и она надеется пробраться в город Сент-Омер, во Франции, где

находится её мать. Она гордилась своим знатным происхождением и образованием, но была бедна. До войны служила гувернанткой в богатых и титулованных французских и немецких семьях, однажды даже отказалась поступить в семью наследника австро-венгерского трона. Поскольку она сама была аристократкой, наниматели относились к ней как к равной, предоставляли возможность совершать дорогостоящие поездки по Европе, приглашали играть в бридж с коронованными гостями. Сейчас она без работы.

Офицеры посовещались шёпотом и сказали Луизе, что она вправе поехать к своей матери, но британская секретная служба будет благодарна ей, если девушка задержится на пару дней для консультаций. Она согласилась. Вечером Луиза узнала, чего хотела от неё секретная служба.

Ей предложили стать разведчицей, вернуться в Лилль и там, в тылу у оккупантов, организовать агентурную сеть и регулярно направлять информацию в штаб-квартиру фельдмаршала Френча в Сент-Омер и в разведывательный центр в Фолькстоне.

— Готовы ли вы делать всё это? — спросили её.

Когда Луиза поняла, чего от неё хотят, то испугалась не на шутку. Она знала, как немцы расправляются со шпионами и как хорошо работает их контрразведка, и представляла, что будет с ней, если немцы её поймают. Но мужество, впитанное с кровью праотцов — воителей и авантюристов, заговорило в душе скромной гувернантки, готовой принять мученическую смерть, но совершить какой-то подвиг, достойный предков.

— Я сделаю это! — твёрдо сказала она.

Луиза переправилась в Англию и после инструктажа — в Голландию, которая в ту войну избежала германской оккупации. Она добралась до деревушки с громким названием Филиппины, на границе между Голландией и оккупированной Бельгией.

По всей длине границы немцы соорудили сплошной забор, обтянутый колючей проволокой, по которой проходил электрический ток высокого напряжения. Прожектора освещали забор в тёмное время суток. С бельгийской стороны к нему примыкали проволочные заграждения, ловушки, капканы и минные поля. Всё было продумано с немецким педантизмом.

Тёмной ночью, одетая во всё чёрное, Луиза, стоя на голландской стороне, ждала проводника.

— Его зовут Альфонс Верстапен, он бельгиец, профессиональный контрабандист. Но война сделала его патриотом. Он отлично знает границу. Я думаю, мы можем верить в его патриотизм, но не знаем, как он будет вести себя с хорошенькой женщиной. Если вы почувствуете малейшее

сомнение, мы дадим другого проводника, — предупреждал Луизу английский офицер.

Вот с этим-то человеком Луиза и должна была переходить границу. Он, словно тень, бесшумно подошёл к ней, прошептал пароль, она ответила отзывом, чуть не задохнувшись от запаха табака и перегара. Некоторое время он вглядывался в неё, затем взял за руку. Без единого слова повёл по узкой лесной тропе.

Перед высоким забором, увитым колючей проволокой, они остановились, и Альфонс опустился на колени. Руками начал раскапывать песок. Хотя, казалось, действовал не спеша, он удивительно быстро добился результата, полез в дыру и потащил за собой Луизу. Так они очутились на бельгийской стороне.

Альфонс знал каждый дюйм земли, по которой шёл, обходя ловушки, проволоку и мины. Луиза следовала за ним шаг в шаг.

Внезапно ночную темноту прорезал яркий луч прожектора. Альфонс бросился на землю, рывком потянув за собой Луизу. Они лежали, уткнувшись лицами в траву, зная, что за каждым прожектором стоит готовый к стрельбе снайпер. Пулемётная очередь пронеслась над головами, но стреляли не в них, просто немцы запугивали тех, кто рискнёт перейти границу. Выждав, когда погасли прожектора, двинулись дальше.

Настало утро. Забор, мины и прожектора оказались уже далеко позади. Но почти каждый перекрёсток дороги охранялся германскими патрулями. Они проверяли паспорта, «разрешение на передвижение» у всех прохожих, опрашивали о целях передвижения. Луиза и Альфонс были снабжены надёжными документами.

К ночи они добрались до дома Луизы. Альфонс с удовольствием отведал горячей пищи и вина, но отдохнуть отказался.

На следующее утро Луиза оделась в строгий тёмный костюм — свой обычный рабочий наряд. В сумке среди прочих необходимых вещей находились документы на имя кружевницы и продавщицы кружев Алисы Дюбуа.

Позавтракав, Алиса вышла на прогулку. На улицах всюду виднелись следы прошедших боёв: повреждённые дома, выбитые окна, кое-где воронки от артиллерийских снарядов. Признаки железного порядка, установленного оккупантами: посты и патрули, патрули и посты — были повсюду. И особенно опасной, потому что она была невидимой, являлась контрразведывательная сеть, которую, как она знала, немцы набросили на всю оккупированную зону. Следовало остерегаться не только профессиональных немецких контрразведчиков и тех, кто служил им, но даже соседей, слабых духом, подавленных

мощью оккупантов. Но ощущение опасности заставляло только сильнее биться сердце Алисы.

Алиса стала бродить по городу и его окрестностям, торгуя кружевами, а в действительности знакомясь с обстановкой и подыскивая себе помощников. В маленькой лавочке встретила молодую энергичную продавщицу Марию Леонию Ванхут. Они сразу понравились друг другу. Алиса попросила Марию Леонию стать её помощницей, и та охотно согласилась, взяв себе псевдоним «Шарлотта», странствующая торговка сыром.

Алиса привлекла к работе живших в городе Мускроне химика де Гейтерса с женой, и их дом стал одной из конспиративных квартир. В лаборатории де Гейтерса появились новые странные предметы: фотокамеры разных видов, увеличительные стёкла, химикалии для приготовления невидимых чернил, стальные гравировальные доски, ручной пресс, который можно было в одну минуту собрать или разобрать на части, материалы для ремонта радиоаппаратуры. Владение даже одним из этих предметов, будь оно раскрыто немцами, навлекло бы на голову хозяина немалые неприятности.

В городе Сантес картограф Поль Бернар служил ей своим каллиграфическим почерком и пером. Со временем, с помощью лупы и системы стенографии, Бернар стал записывать бесцветными чернилами донесения Алисы, состоявшие из трёх тысяч слов, на крошечном листочке прозрачной бумаги, умещавшемся на линзе очков.

Во многих городах и местечках люди разных профессий и различного общественного положения вступили в организацию Алисы Дюбуа. Она создала резидентуру из тридцати восьми человек, которой руководила одна, без посредников, заменяя собою целый аппарат сотрудников. Более того, в большинстве случаев сама же исполняла обязанности связной.

Алиса была озабочена не только сбором информации, но и обеспечением безопасности этих людей, тем, чтобы в случае провала одного из них другие не пострадали и могли продолжать работу. Она постоянно повторяла:

— Если завтра я или кто-нибудь из вас будет схвачен немцами и доставлен на очную ставку с другим нашим человеком, ваша память должна прекратить свою работу. Неудачник — неважно, кто им окажется — вам незнаком и должен быть предоставлен своей судьбе. Жалость, дружба в такое время будут означать только смертный приговор для вас и для тех, чья жизнь зависит от вас. Запомните это.

Они-то запомнили, и только сама Алиса в страшный момент своей жизни забыла об этом.

Организация начала действовать. Первое задание было несложным. После серьёзных боёв союзникам важно было узнать о немецких потерях. Поезда с ранеными проходили через Лилль. Окна домов, выходящих на железную дорогу, полагалось держать закрытыми плотными шторами днём и ночью. Приходилось подчиняться, ибо в любую минуту, заметив открытое окно или свет, мог явиться немецкий патруль или влететь немецкая пуля. Но в шторах проделали маленькие дырочки, через которые были видны железнодорожные пути. Когда проходил длинный поезд с ранеными, человек за таким окошком делал карандашом одному ему понятные заметки. Затем число раненых, размещавшихся в одном вагоне, умножалось на количество вагонов, и точная цифра становилась известной Алисе, а от неё Бернару. Он каллиграфическим почерком вписывал цифру в очередной рапорт.

Теперь Алисе предстояло самое трудное — проделать путь через оккупированную Бельгию, от кордона к кордону, через «зону ужаса» на границе со всеми возможными опасностями этого пути. Нередко она совершала эти ходки каждую неделю, часто с кем-нибудь из своих помощников. Документами надёжно обеспечивала «фабрика» Алисы в лаборатории де Гейтерса, которая выпускала совсем как настоящие «удостоверения личности», «визы», «разрешения на передвижение», «подтверждения о регистрации», «паспорта» и «сертификаты».

Реальные трудности возникали, когда немцы вели допросы, сопровождаемые обысками. Обнаружение донесения означало смерть. Только благодаря таланту Бернара удавалось проносить донесение из трёх тысяч слов в линзе очков. Бернару удалось снять тонкую плёнку с фотографии Алисы на её «удостоверении личности», поместить под неё написанное невидимыми чернилами донесение и снова вернуть плёнку на место.

Но до того как Бернар достиг такой степени мастерства, Алисе и её помощникам пришлось пережить немало трудных минут, пряча донесения. Однако и теперь Алиса, казалось, играла в спортивную игру. Однажды ночью, например, она непринуждённо брела по шоссе, неся в руке фонарик со свечой. Как раз перед входом в дом, куда она должна была зайти, её остановил патруль. Она знала, что её обыщет женщина, которая раньше была надзирательницей в немецкой тюрьме. За неуклюжую фигуру её прозвали «Жабой». Алиса спокойно задула свечу, чтобы не расходовать её зря, и только тогда разрешила, чтобы её обыскали. «Жаба» раздела её донага и ощупала, но ничего не обнаружила. А ей следовало бы заглянуть внутрь свечи!

Другой раз, тоже ночью, когда патруль задержал Алису, она

незаметно выбросила моток чёрной шерсти в кусты. Но сделала это так, что конец нити зацепился за куст. Когда после обыска её отпустили, она вернулась и смогла отыскать моток, в котором хранилось донесение.

Как-то утром в отеле она очень испугалась. Накануне вечером Алиса оставила свои туфли в коридоре, чтобы их почистили. Выглянув утром, обнаружила пропажу туфель. Её обеспокоила не потеря туфель, а то, что в каблуке могли обнаружить её донесение!

В действительности оказалось, что туфли забрала немецкая полиция. Она проверяла каждого постояльца и не хотела никого выпускать из городка, пока всех не проверят. А туфли забрали для того, чтобы убедиться, что постоялец никуда не ушёл. И когда очередь дошла до Алисы, ей вернули почищенные туфли, допросили и отпустили.

Донесения прятали в корсетах и швах юбок, воротничках и стельках туфель, ручках зонтиков или дамских сумочек, в фальшивых днищах хозяйственных сумок и коробках с пирожными или фруктами.

Иногда у девушек не было иного способа пересечь границу, кроме как переправиться через глубокий канал. Алиса сшила для этого специальный костюм: брюки, юбку и жилетку тёмного цвета, лёгкие по весу. Она была отличным пловцом, брала на спину «Шарлотту», не умевшую плавать, и таким невероятным способом они переправлялись на другой берег. В плохую погоду им угрожала не только водная стихия, но и опасность схватить воспаление лёгких.

Их «игры» с германской военной полицией заставляли каждый раз придумывать что-то новое, дважды нельзя было применять одну и ту же хитрость: немцы тоже были достаточно искушены.

Как-то раз поезд, в котором они ехали, был остановлен между станциями. Немецкие детективы начали повальную проверку с первого вагона. Девушки находились в последнем. Выбравшись из купе, полезли под вагонами вдоль поезда, пренебрегая тем, что тот может тронуться в любую минуту. Добравшись до первого, уже проверенного вагона, вскарабкались в него и долго не могли отдышаться от пережитого страха.

В одной гостинице, где Алиса обычно останавливалась, проверки проводились, как правило, по ночам. Алиса выбрала эту гостиницу потому, что проверки были довольно поверхностными и проходили в одно и то же время. При первом сигнале о появлении полиции Алиса одевалась в чёрный костюм, выбиралась через окно на крышу, а оттуда спускалась во двор и

пряталась. Но постель оставалась неубранной и, естественно, могла вызвать подозрение полиции. Выручала хозяйка гостиницы, спавшая с детьми в соседней комнате. Когда в дом входили полицейские, один из детей перебирался в комнату Алисы и ложился в её постель. Заглянув в комнату и увидев в ней только ребёнка, полицейские следовали дальше. После окончания проверки хозяйка давала сигнал, и Алиса возвращалась.

Становясь всё более самоуверенной, Алиса относилась ко всем своим приключениям как к весёлым проделкам и постепенно теряла чувство опасности. Как-то раз набралась смелости пробраться в особо охраняемую зону штаб-квартиры принца Рупрехта Баварского, командующего германскими войсками в этом секторе. Получив там нужную информацию, направилась к выходу из зоны, неся донесение в сумочке. На пропускном пункте часовой вдруг заявил:

— Это разрешение не годится. Вы должны иметь специальное разрешение на пребывание в особой зоне.

Она попыталась выразить негодование, но немец знал своё дело и был слишком флегматичным, чтобы поддаться на её трюки.

Как раз в это время дверь особняка отворилась, и оттуда появился какой-то важный генерал с целой свитой офицеров. Луиза узнала его: это был принц Рупрехт. В её памяти мгновенно всплыл вечер в Баден-Бадене. Немецкая семья, в которой она была гувернанткой, пригласила принца Рупрехта на бридж, где он проиграл значительную сумму. Без колебаний Алиса пересекла дорогу и остановила принца.

— Ваше высочество, вы не помните меня? — улыбаясь спросила она. — Я побила вас в партии в бридж в доме графини Орландо в Баден-Бадене, несколько лет тому назад.

Он не узнал её. Но он помнил Баден-Баден, графиню Орландо и свою неудачную игру в бридж. Мужчины в определённом возрасте становятся чувствительными к своим воспоминаниям.

Принц радушно поздоровался с Алисой.

— Это был мой не единственный проигрыш в тот сезон, — он улыбнулся. — Но вас я помню.

— Боюсь, ваше высочество, вы более галантны, чем правдивы. Но я не могу осуждать вас за это.

Он рассмеялся и с добродушной улыбкой отправился дальше.

Этот разговор произвёл впечатление на охрану. И Алиса доставила своему шефу, майору Камерону, детальный отчёт о количестве и расположении артиллерийских батарей в важном секторе фронта.

К этому времени информация Алисы стала столь важной для

союзников, что они предприняли дополнительные меры для её бесперебойного поступления. Как-то раз Алиса вернулась после встречи с шефом с целым мешком незаполненных воздушных шариков. Она не делала попыток спрятать их, и когда часовой поинтересовался их предназначением, ответила:

— Игрушки для детей. Конечно, если вы боитесь, что с их помощью я улечу, можете забрать их.

Как обычно, её находчивость сработала, и часовой, сентиментальный ветеран, имевший собственных детей, отпустил её.

Но уже в ближайший день надутый шарик перелетел линию фронта и был сбит выстрелом английского солдата. Донесение попало по адресу.

В другой раз на площадку возле Моускрона опустился ночью аэроплан, после быстрой выгрузки нескольких закрытых корзин взмыл в воздух и скрылся прежде, чем немецкие солдаты заметили его. В эту ночь связные обзавелись почтовыми голубями.

Наконец, Алиса почувствовала себя столь уверенной, что потребовала от своих шефов радиосвязи. Те колебались, ссылаясь на опасность для неё и её людей: немцы к этому времени весьма преуспели в пеленгации тайных радиостанций.

Но Алиса продолжала настаивать и добилась своего. В тот день, когда поступила последняя деталь портативной радиостанции, она так ликовала, будто получила платье от самого модного кутюрье из Парижа.

Тем временем германская контрразведка не дремала. Мало кто знает, что двести двадцать шесть мужчин и женщин в Бельгии были пойманы, осуждены и расстреляны немцами за шпионаж. Многих приговорили к тюремному заключению.

Длительное время секретная служба, которой руководил майор Ротселер, была обеспокоена активной утечкой информации из района, где действовала Алиса. Но все попытки найти источник утечки оказывались бесполезными. Были отданы приказы по всем постам быть строже при досмотре, к проверкам стали привлекаться руководящие офицеры. Патрули были усилены, из других районов на подмогу прибыли специалисты. Алиса знала обо всём, но это только прибавляло куража в её играх со смертью.

Более осторожные из помощников Алисы стали выражать беспокойство её безрассудством. Наконец, один из её товарищей высказал то, о чём думали все:

— Вы слишком открыто ставите себя под удар. И тем самым — нас. Я не знаю, какую пользу приносит наша работа. Мы

знаем, что вы отправляете информацию. Но обращают ли там на неё должное внимание?

Алиса уже была достаточно опытным руководителем, чтобы недооценить падение морального духа своих подчинённых. Она знала, что с ней говорит человек, мнением которого дорожат остальные. Он не должен сомневаться в правильности того, что они делают.

Чтобы убедить и успокоить своих помощников, она договорилась с командованием союзников, что в одну из ночей, ровно в час, их авиация совершит налёт на склад боеприпасов, о котором она сообщила. На эту ночь пригласила к себе сомневающихся, и когда раздался гул самолётов и взрывы, они бросились её целовать. «Бунт» был «подавлен».

Правда, этот эпизод не с лучшей стороны характеризует Алису как организатора и конспиратора. Во-первых, она собрала вместе людей, которые, по идее, не должны были бы знать друг о друге как о тайных агентах. Во-вторых, подвергала их и всё своё дело опасности, вынуждая ходить ночью, когда наверняка действовал комендантский час. Но такая уж она была любительница эффектов. Безнаказанность порождала бесшабашность.

Успех вдохновил Алису. Она создала карту района своих действий. На ней были нанесены все склады боеприпасов в окрестностях Лилля, которые впоследствии были взорваны. В «награду» шеф приказал распространить действие её организации и на соседний район.

Казалось, всё шло хорошо. Однако беда всё же подстерегла её. Была арестована «Шарлотта».

Алиса услышала об этом от своих людей и сразу принялась за реорганизацию резидентуры с тем, чтобы в случае её ареста работа не пострадала. Составила срочное донесение для шефа. Бернар написал несколько колонок цифр на рисовой бумаге, Алиса скрутила её в тонкое кольцо и поместила под фамильным перстнем-печаткой де Беттиньи, который упорно продолжала носить. Послала записку одной из своих девушек, Маргарите, назначив встречу. Почти сразу же при встрече они были арестованы. На реквизированном автомобиле девушек куда-то повезли, причём полицейский тщательно задвинул шторку на окне, чтобы никто не узнал об их аресте.

Сквозь переднее стекло Алиса увидела на тротуаре супругов де Гейтерс. И тут, потеряв самообладание, она воскликнула:

— Если вы не верите мне, то спросите господина и госпожу де Гейтерс, кто я такая.

Машина остановилась возле этой пары, и немцы показали им

Алису. Прежде чем кто-либо из детективов успел открыть рот, Алиса крикнула:

— Не знаете ли вы, кто шьёт для вас, мадам де Гейтерс? — Она ничего не могла сказать глазами, так как один детектив наблюдал за ней, а другой за супругами. — Не правда ли, мадам, что я беженка из Ню-Эгли и что я шью для вас последние шесть месяцев?

Это был ужасный момент для де Гейтерсов и для Алисы. Должны ли они ответить: «Да, мы знаем эту девушку» или поступить так, как она сама учила их: «Если кого-нибудь увидите в руках немцев, то не признавайтесь, что знаете этого человека, и предоставьте его своей судьбе».

Мадам де Гейтерс твёрдо посмотрела на Алису и пожала плечами:

— Нет, мадемуазель, я не знаю вас.

— И тем не менее, — заявил один из полицейских, — вы оба тоже поедете с нами.

Четверо задержанных были доставлены в ту же тюрьму, где уже содержалась «Шарлотта». В доме де Гейтерсов сделали обыск. Но организация Алисы имела много глаз. Их арест заметили и к тому моменту, когда явились полицейские, все улики уничтожили. Де Гейтерсы были условно освобождены.

Алису доставили в офис коменданта тюрьмы на допрос. Один из задержавших её полицейских сказал:

— Я вас оставлю одну на несколько минут. Не вздумайте бежать.

Он вышел из комнаты и повернул ключ в двери. Она осталась совершенно одна, но знала, что в любую минуту детектив может вернуться, и не один, а с её старым врагом, «Жабой», которая обыщет её с ног до головы.

Алиса ничего не могла сделать, кроме одного: достала крошечный листок бумаги из-под перстня и проглотила его.

Алису поместили в камеру, на двери которой по-немецки было написано: «Опасный арестант». Час спустя в камеру привели «Шарлотту».

— Ты знаешь эту женщину? — спросили Алису.

— Нет.

И это «нет!», «нет!», «нет!» звучало рефреном до дня суда.

Военный трибунал, который судил обеих женщин, признал их виновными в шпионаже и приговорил Луизу де Беттиньи и Леонию Ванхут к смертной казни. Выслушав приговор, Алиса обратилась к суду:

— Господа! — она говорила по-немецки, так что «Шарлотта» не понимала её. — Я прошу вас не расстреливать мою подругу.

Она ещё молода. Я умоляю вас сжалиться над нею. Что касается меня, то я готова умереть.

С такой же просьбой в отношении подруги обратилась Леония. Девушек вернули в камеры. Даже немецкие надзиратели были взволнованы и жалели их.

— Бедняжки! Вас всё-таки приговорили к смерти. Просите всё, чего вы хотите. У кого хватит сердца отказать вам?

Это было даже не в ту ночь, когда осуждённым полагались кое-какие поблажки, а сразу же после приговора. Старая, добрая немецкая сентиментальность ещё была жива!

Накануне дня казни девушки просили генерал-губернатора Биссинга о милости — разрешить провести ночь вместе.

Надзиратель вернулся с сияющим лицом:

— Он отказал в этом! Слава Богу! Это значит, что вас не расстреляют завтра. Иначе он бы не отказал в вашей просьбе.

Рассвет был поздним, с тучами и дождём. Алиса и «Шарлотта» были не единственными, кого должны были расстрелять в это утро. Они слышали, как Габриель Пети, красивая девушка, тоже осуждённая за шпионаж, вышла из камеры, и на всю тюрьму прозвучал её возглас:

— Салют! О, моя дорогая Родина!

Этот крик потряс сердца двух женщин, ожидавших своей очереди. Хватит ли у них силы салютовать Родине, когда их поведут на расстрел?

Но надзиратель знал, о чём говорил.

От генерала Биссинга поступило сообщение: «Немцы умеют воздавать должное героизму. Приговор Леонии Ванхут изменён на пятнадцать лет каторжных работ. Луизе де Беттиньи назначено пожизненное заключение». Их отправили в тюрьму в Германию.

Несмотря на арест Луизы, организация, благодаря принятым ею мерам, не пострадала, и все её члены остались живы.

Но в германской тюрьме бедную Луизу свалил тиф. Тюремные доктора безуспешно пытались спасти её. Когда английские войска вошли в Кёльн, они обнаружили на местном кладбище простой деревянный крест с надписью: «Луиза де Беттиньи. Умерла 27.9.1918».

Во Франции похороны Луизы прошли с воинскими почестями. На подушечках несли её четыре ордена — два английских и два французских.

В реляции на её награждение французским Военным Крестом, говорилось:

«…За то, что добровольно посвятила себя службе своей стране; за то, что не дрогнув, с несгибаемой смелостью встретила трудности и опасности своей работы; за то, что преодолела,

благодаря своим выдающимся способностям, труднейшие препятствия, постоянный риск… за героизм, который трудно превзойти».

Что касается «Шарлотты», то она, также награждённая за свои заслуги, вернулась в лавочку в своём родном Рубе.

ФРАНЦ ФОН РИНТЕЛЕН (1877–1949)

Многие авторы называют его величайшим шпионом и диверсантом Первой мировой войны. Он остался жив и написал автобиографию, яркий рассказ о работе германской разведки в США, взрывах кораблей, разжигании «случайных» пожаров, использовании секретных кодов и американских профсоюзов в целях разведки.

Ринтелен провалился из-за бездарности своего босса Франца фон Папена, использовавшего устаревший код, известный союзникам. Ринтелен полагал, что это было сделано намеренно. Он рассказал об этом в своих воспоминаниях, изданных в 1933 году.

22 марта 1915 года капитан Франц фон Ринтелен выехал из Берлина в Штеттин, оттуда в Швецию, а оттуда в Нью-Йорк. У него был паспорт на имя швейцарского гражданина Эмиля Гаше с настоящими британскими и американскими визами.

По прибытии в Нью-Йорк Ринтелен первым делом посетил Немецкий клуб, где встретился с военно-морским и с военным атташе, капитаном Бой-Эдели и капитаном Папеном, которые не выразили особой радости при виде его, так как поняли, что он призван нарушить их спокойную жизнь. Правда, он обрадовал фон Папена, сообщив, что тот награждён Железным крестом. Может быть, благодаря этому Папен в письме к генералу Фалькенхайну поблагодарил его за приезд человека, который «должен любым способом помешать американским военным поставкам».

Ринтелен привёз с собой новый секретный код для посла и обоих атташе, так как в Берлине считали, что старый код уже известен союзникам и употреблять его больше нельзя. Вручив код, Ринтелен распрощался с атташе и «растворился» в неизвестности.

Он устроился в скромном, но хорошем отеле на 57-й улице и начал с того, что стал искать возможности приобрести взрывчатые вещества. Затем, прогуливаясь по нью-йоркским улицам, убедился, что там шляется без дела много германских матросов: немецкие суда не могли покинуть порт, так как в открытом море были бы потоплены или захвачены англичанами. Этих матросов один из помощников Ринтелена шестидесятилетний капитан фон Кляйст стал использовать для саботажа.

Большинство докеров были ирландцами, ненавидевшими англичан и их союзников. Они бранились, не стесняясь

окружающих, каждый раз, когда видели транспорт с оружием, отправлявшийся в Англию.

Ринтелен должен был действовать под руководством Папена, но ему это было не по душе: он много слышал о бездарности военного атташе. Большинство агентов отказывалось с ним работать. Но приходилось.

Вскоре Ринтелен узнал о человеке, которому доверяли и немцы, и ирландцы. Это был доктор Бюнц, в прошлом германский консул в Нью-Йорке. В описываемое время он представлял Гамбургско-американское пароходство, занимался наймом судов для тайного снабжения углём германских крейсеров в открытом океане. Для общения с командованием германского флота у него был специальный код. «Когда мы встретились, он сказал, что было бы неплохо, если бы я снабдил его детонаторами. „Детонаторами? Зачем?“ — спросил я. „Знаешь, мои ребята хотят кое-что сделать. Если они в открытом море встретят судно, везущее снаряды в Европу, то захватят его, команду возьмут в плен, а судно с помощью детонатора взорвут…“ — Я не возражал против этого, но где я в Нью-Йорке найду детонаторы, не привлекая внимания к себе?» — вспоминал Ринтелен.

Консул дал Ринтелену адрес экспортёра, бизнес которого подорвала война. Это был некий Макс Вайзер. Ринтелен испытал его и убедился, что тот всё знает и всё может.

Совместно они организовали фирму «Э. В. Гиббонс и К°», наняли офис на Чедар-стрит в сердце финансового района Нью-Йорка и занесли её название в Коммерческий реестр как экспортно-импортную компанию.

Вскоре к ним присоединился немецкий химик доктор Шееле. Он принёс рекомендательное письмо от капитана Папена и какой-то предмет, похожий на сигару, который оказался детонатором. Его испытали в лесу, и он прекрасно проявил себя. Теперь предстояло наладить производство детонаторов и доставку их на суда.

С помощью своих друзей-ирландцев, докеров и грузчиков вопрос загрузки детонатора на судно Ринтелен решил легко. Подобрали первое судно «Фобус», которое должно было через пару дней отправиться в Архангельск с грузом снарядов. Один из грузчиков пронёс детонатор на борт, пройдя спокойно мимо охранников.

Весь следующий день после отплытия судна Ринтелен с партнёрами сидели в офисе и ждали экстренного сообщения. Но его не было. И на второй… и на третий день. И вдруг «Информация Ллойда» (страховой компании):

«Происшествия. Пароход „Фобус“ из Нью-Йорка,

направляющийся в Архангельск, загорелся в море. Отбуксирован в Ливерпуль».

Ринтелен обрадовался, прочитав это сообщение. Он утверждает, что они не хотели гибели команды, и поэтому детонатор был заложен не в снаряды, а в амуницию, и испытание прошло успешно.

Фирма «Э. В. Гиббонс» должна была проявлять свою активность в легальном бизнесе. Через знакомую даму Ринтелен связался с российским военным атташе в Париже графом Игнатьевым и с его помощью наладил импорт французского вина «Кларет» в США. Затем фирма предложила Игнатьеву расширить бизнес путём поставок для русской армии. Некоторое время спустя фирма мистера Гиббонса заключила контракт на поставку русской армии сёдел, мясных консервов, полевых кухонь, мулов, ботинок, сапог и т. д. Было подписано около дюжины контрактов, которые были подтверждены и зарегистрированы в российском посольстве в Вашингтоне.

Первое же судно с грузом для русской армии (консервы и амуниция) было сожжено в открытом море миной, подложенной агентами Ринтелена. Вряд ли это было порядочным поступком с его стороны — ведь для этого не требовалось ни умения, ни мужества. Он и его агенты свободно посещали корабль при погрузке: им доверяли.

Русские были очень огорчены, даже Ринтелен мог понять их. Второе судно для России было загружено без происшествий, под его личным наблюдением. Но… оно опять сгорело в открытом море.

При загрузке третьего судна Ринтелен и его агенты не спускали глаз с процесса погрузки. Но внезапно баржи, подвозившие грузы, стали переворачиваться, и вскоре все оказались на дне нью-йоркской гавани. Командам едва удалось спастись.

На следующее утро русские агенты явились в офис мистера Гиббонса с бледными лицами. До них ещё не дошло, что его компания не несла ответственности за их несчастья. Но они требовали немедленной поставки оставшихся товаров. Ринтелен что-то толковал о «форсмажорных» обстоятельствах, транспортных трудностях, но они не желали понять его. Тогда Ринтелен прямо заявил, что он не намерен продолжать поставки.

Стороны расстались неудовлетворёнными. Фирма была объявлена несостоятельной и прекратила существование.

Франц фон Ринтелен испытывал огромное удовлетворение: русские не получили свои грузы!

Доктор Шееле продолжал изготавливать детонаторы, работая

день и ночь. Количество несчастных случаев увеличивалось, и «Нью-Йорк таймс» регулярно публиковала на первой странице сообщения, радовавшие Ринтелена и его друзей. 5 июля 1915 года Милюков представил Думе доклад о том, что задержки с поставками из США становятся всё более серьёзными и что необходимо принять меры для расследования всех случаев и наказания виновных.

Поставки для России были сорваны. «Мы чувствовали себя счастливыми», — пишет Ринтелен. Он продолжал закладывать бомбы и открыл свои «отделения» в Бостоне, Филадельфии, Балтиморе и в южных портах США. Детонаторы доставляли туда в своём багаже его тайные агенты. Его самыми фанатичными помощниками были ирландцы. Они не теряли ни единой возможности заложить мину в английское судно.

«Они не знали, кем я являюсь на самом деле, полагая, что я связан со штаб-квартирой ирландского освободительного движения», — вспоминал Ринтелен. Но ему пришлось отказаться от их услуг, так как они стали закладывать бомбы туда, куда не следовало. Дело в том, что он не планировал закладывать бомбы в американские суда, чтобы не нарушать их нейтралитет и не обозлить американцев, а ирландцы делали это.

Ринтелен открыл новую фирму «Мексиканская Северо-западная железнодорожная компания». Автором и исполнителем первой акции был немецкий инженер Фэй. Он подплывал на лодке к судну, стоявшему в гавани, и прикреплял мину к рулю. В открытом море мина взрывалась, и судно оказывалось в буквальном смысле «без руля и без ветрил», совершенно беспомощным. Несколько судов таким образом были выведены из строя.

Охранные службы портов повысили бдительность, и Фэй больше не смог подплывать к судам на моторной лодке. Тогда он соорудил пробковый плот. Толкая его в ночной тьме, Фэй подплывал к судну и прикреплял мину. Иногда применяли одновременно и мины, закладываемые в груз, и мины Фэя. Это давало особый эффект, и «производительность» группы Ринтелена увеличилась в десятки раз.

Как-то раз Ринтелен прочитал в газете о начале забастовки нью-йоркских докеров, не санкционированной профсоюзами. Это навело его на новую мысль. Большинство докеров были ирландцами, и они считали, что если будут препятствовать поставкам оружия, то Англия проиграет войну и их страна скорее станет свободной. Но профсоюзы, руководимые проанглийским лидером Самуэлем Гомперсом, запрещали эти забастовки. Не все профсоюзные лидеры были согласны с ним, и в их руководстве

произошёл раскол.

Ринтелен решил создать «собственный» профсоюз, который поддерживал бы забастовки докеров, и у него были на это деньги.

Он не мог выступать как немец, это подорвало бы к нему доверие, идея борьбы ирландцев тоже не была абсолютной, так как её не поддерживали докеры других национальностей. Тогда он поднял на щит святую идею интернационального братства рабочих. Его лозунгом стало: «Не позволим грузить бомбы и снаряды, которыми рабочие враждующих стран убивают друг друга!»

Эту идею стали проталкивать оплачиваемые им агенты. Они организовали митинг, на который были приглашены конгрессмены и другие известные лица, выступавшие против войны. Никто из них не подозревал, что является марионеткой немецкого офицера, скромно сидевшего среди участников.

На следующий день он встретился с лидерами германо-американских и ирландских профсоюзов, и они создали новый профсоюз, получивший название «Национальный рабочий совет за мир». Естественно, что сам Ринтелен не вошёл в число руководителей, но среди них был его надёжный агент.

Ринтелен мечтал объединить в «профсоюзе» как можно больше американских докеров, это позволило бы полностью прекратить поставки военных грузов союзникам. Официальные профсоюзы высмеяли создание нового союза, но ему всё же удалось организовать серию забастовок в портах США. Однако забастовщикам надо было платить деньги, и немалые. Много денег ушло и на телеграммы в адрес президента Вильсона, которые отправлялись из многих городов с требованием прекратить поставки оружия «для убийства рабочих-братьев». Вильсон даже дал, было, согласие принять лидеров ринтеленовского «профсоюза», но затем отказался.

Между тем давление со стороны официальных профсоюзов и военно-промышленного комплекса увеличивалось, а сам Ринтелен обнаружил за собой слежку. Большинство докеров вернулось на работу. Казалось, его замысел терпел крах.

Неожиданная поддержка пришла со стороны австрийского посла, агенты которого сумели организовать забастовку на крупнейшей фирме по производству оружия «Бетлехем стил», где в основном работали австрийцы и венгры. Но это дало лишь временную отсрочку. Производство и погрузка оружия повсеместно возобновлялись и расширялись.

Ринтелен обратил внимание на новый объект — Мексику. Если она начнёт войну с США, полагал он, то всё американское оружие будет брошено на мексиканский фронт. Ринтелен

встретился с бывшим президентом Мексики Гуэрте, который проживал в нью-йоркском отеле и готовил государственный переворот с целью захвата власти. Ринтелен открыто представился как немецкий офицер, который может снабдить Гуэрте оружием и способствовать приходу его партии к власти.

Гуэрте вначале принял Ринтелена за американского агента, но в конце концов поверил ему. «Стороны» договорились о том, что немецкая подводная лодка доставит оружие на мексиканский берег, а кроме того Германия окажет моральную поддержку. В этом случае Мексика повернёт своё оружие против США.

Выйдя из отеля после свидания с Гуэрте, Ринтелен заметил детективов, которые и раньше следили за ним. Некоторое время спустя он увидел, как Гуэрте вышел из отеля и куда-то уехал, сопровождаемый своими охранниками, а детективы, взяв такси, последовали за ним. Ринтелену стало ясно, что встреча не осталась незамеченной.

Он вернулся в офис и послал шифрованную телеграмму в Берлин о своей беседе и договорённости с Гуэрте.

Но в этот же день адвокат Ринтелена мистер Бонифэйс сообщил ему неприятную новость: германский секретный код похищен. Британские агенты подставили свою девушку-агента молодому и плохо оплачиваемому секретарю немецкого военно-морского атташе. Она уговорила его продать англичанам немецкий код. Юноша снял копию с кода и передал ей, а она — британской разведке.

В тот же день Ринтелен получил подтверждение этого факта — в Вашингтоне этот вопрос обсуждался в правительстве. Это был тот самый секретный код, который Ринтелен привёз с собой взамен старого уже известного противнику.

Франц срочно отправился к военно-морскому атташе и сообщил ему о пропаже кода. Тот отказался поверить в это.

Ринтелену ничего не оставалось делать, как ждать ответа из Берлина на телеграмму о его переговорах с Гуэрте. Получив положительный ответ, он отправился к экс-президенту, но тот куда-то уехал, и сведений о нём не было.

Несколько дней спустя, когда Ринтелен возвращался с вечеринки, его остановил неизвестный.

— За вами следят. Будьте осторожны. Не ждите Гуэрте. Он отравлен.

Позднее он узнал, что Гуэрте был отравлен своим поваром на мексиканской границе.

Хотя Ринтелен знал, что за ним следят, он был спокоен: он ведь очень осторожен, нигде не «наследил» и юридически чист.

На другой день он получил по почте письмо, адресованное

«герру капитан-лейтенанту Ринтелену». Он вскрыл письмо, увидел, что оно от военного атташе, и был поражён беззаботностью и глупостью фон Папена, обращавшемуся к нему в такой форме в открытом письме.

Всё складывалось против него — провал «профсоюза», смерть Гуэрте, глупость Папена.

6 июня 1915 года, когда он находился в яхт-клубе, его пригласили к телефону. Военно-морской атташе попросил встретиться с ним. На встрече он вручил ему телеграмму: «Военно-морскому атташе. Конфиденциально информируйте капитана Ринтелена, что он должен вернуться в Германию». Что такое? Разве Ринтелен не просил пару недель назад не упоминать его имени в телеграммах? Он не понимал, почему была послана эта телеграмма, но должен был немедленно подчиниться приказу. Но ведь он нужен здесь: ирландцы ещё верят ему, забастовки возобновились, и бомбы ещё подкладываются в корабли. Всё это теперь кончится.

Ринтелен понял, что он стал жертвой каких-то интриг.

Он воспользовался своим швейцарским паспортом и письмом графа Игнатьева, согласно которому был его представителем по продаже «Кларета» в США. На ближайшем пароходе «Ноордам» он отбыл в Европу.

13 августа 1915 года на рейде Рэмсгейта «швейцарский гражданин Эмиль Гаше» был арестован и препровождён в Тауэр. Никаких показаний он не дал. 13 апреля 1917 года, уже после вступления Америки в войну, его отправили в США. В тюрьме Томбс он встретил фон Кляйста, инженера Фэя и ещё тридцать членов своей подпольной группы, и содержался там до 1921 года.

После этого он приехал в Англию, так как решил порвать с германской разведывательной службой и рассказать всё, что он знает о методах немецкого шпионажа. Он остался в Англии и отказался иметь какие-либо дела с нацистами накануне и во время Второй мировой войны.

ЭДВАРД С. МИЛЛЕР (XX век)

Эдвард С. Миллер не был выдающимся разведчиком или шпионом. Собственно говоря, он вообще не был разведчиком. Но в то же время ему довелось внести существенный вклад в ход и результаты войны на море в годы Первой мировой войны.

Миллер был судовым плотником британского флота. Эта профессия всегда ценилась моряками. Ещё во времена Средневековья пираты, захватив купеческое судно, выстраивали экипаж захваченного корабля на палубе и командовали: «Врач и плотник, два шага вперёд! Остальных за борт!». Эдвард был очень добросовестным плотником. Для того чтобы самому иметь возможность осмотреть подводную часть корабля, требующего ремонта, он однажды попросил спустить его под воду в водолазном костюме. Это ему так понравилось, что он решил овладеть и водолазным делом. Вскоре стал специалистом высокого класса. В 1914 году Миллера назначили инструктором Британской морской тренировочной школы.

Шла Первая мировая война. Союзники объявили блокаду Германии, та, в свою очередь, объявила блокаду Англии. Германские подводные лодки разбойничали на море, топя беззащитные торговые и пассажирские суда. Особое возмущение мировой общественности вызвало потопление 7 мая 1915 года германской подводной лодкой «U-20» английского трансатлантического лайнера «Лузитания», на котором погибло тысяча сто девяносто восемь человек, в том числе сто пятнадцать американцев.

Для борьбы с субмаринами были изобретены глубинные бомбы. Применялось конвоирование военных транспортов и торговых пароходов в опасных зонах. Появились быстроходные «морские охотники», вооружённые траулеры, гидроакустические устройства для подслушивания движения подводных лодок, гидросамолёты для обнаружения вражеских субмарин, притаившихся под водой. Выдвигались и экзотические проекты обнаружения подводных лодок и борьбы с ними. Один американский учёный-зоолог предлагал дрессировать морских львов, которые следовали бы за подводными лодками, выдавая их присутствие, другой для этой же цели предложил дрессировать морских чаек.

Из всех этих проектов был принят один: «приманные суда». Он был создан по аналогии с «обманными судами» Средневековья. Тогда мирные «купцы» рядились в боевые фрегаты, устанавливая на бортах деревянные пушки и отпугивая

тем самым пиратов. Теперь же поступили наоборот — торговые, вполне мирные на вид суда были оснащены скорострельными пушками и имели боевые, хорошо тренированные экипажи. Завидев такое судно, германская субмарина выпускала по нему одну торпеду, а затем всплывала на поверхность, чтобы добить его из пушки (торпеды надо было беречь). На судне начиналась «паника», часть команды спускала спасательную лодку, другие «паникёры» бросались в море. Чтобы бить наверняка, субмарина подплывала ближе. Артиллеристам «обманного судна» только это и нужно было. Они стремительно сбрасывали маскировку и открывали ураганный огонь. Оставляя огромное масляное пятно, вражеская подлодка шла на дно… Забегая вперёд, заметим, что из ста сорока пяти лодок, потопленных англичанами, одиннадцать были уничтожены «приманными судами» с июля 1915 по ноябрь 1918 года. Обратите внимание на эти даты. До июля 1915 года успехи англичан были весьма незначительными. Дело в том, что немецкие подводные лодки внезапно появлялись в самых неожиданных местах и, сделав своё дело, так же таинственно исчезали, чтобы объявиться в другой точке океана.

В июне 1915 года у берегов графства Кент была потоплена германская подводная лодка. Её предположительное местонахождение отметили буйком. Адмиралтейство приняло решение спустить к лодке водолаза. Он должен был выяснить состояние и обследовать внутреннее устройство лодки, а, главное, ознакомиться с её новейшими техническими приспособлениями. До этого на затопленные субмарины ещё никто из английских водолазов не спускался. Сделать это вызвался Эдвард Миллер.

Несколько дней он проходил инструктаж у инженеров-подводников, изучал принципы устройства подводных лодок, примерное расположение отсеков и различных устройств. Ему объяснили, что именно он должен искать, с какими опасностями и трудностями может столкнуться.

Наступил день погружения. Стояла ясная, безветренная погода, лучше не придумаешь. Когда Миллер опустился на дно, он никакой лодки не увидел. Свет электрического фонаря едва пробивал завесу из взбаламученного ила. Эдвард медленно двинулся вперёд. Впереди показался какой-то огромный предмет, похожий на подводную скалу. Когда Миллер приблизился, он разглядел остов корабля, потопленного или утонувшего, может быть, сотню лет тому назад… В этот день он так и не обнаружил лодку: буёк был поставлен слишком приблизительно. Так же закончился и второй день работы. Лишь на третий день Миллер нашёл субмарину. Но ему удалось провести лишь наружный

осмотр, время не позволяло работать дольше. Зато он увидел пробоину, через которую можно было проникнуть внутрь.

Наступил четвёртый день. Погода начинала портиться. Когда Эдвард, спустившись к лодке, внимательно осмотрел пробоину, ему стало не по себе. Края были острыми, и при проникновении в отверстие можно было повредить шланг, подающий воздух. Но синоптики прогнозировали ухудшение погоды, со штормами, которые могли продлиться несколько дней. Надо было спешить. Эдвард решил рискнуть. Он осторожно пробрался внутрь лодки и прошёл вдоль всей её длины, стараясь не глядеть на трупы немецких моряков, у которых при его приближении от движения воды начинали шевелиться волосы и руки.

В капитанской рубке Эдвард нашёл металлический ящик. Он понял, что это главный его трофей. Хотелось поскорее выбраться на поверхность со своей находкой.

Но существовали строгие правила подъёма. Выбравшись из лодки, он привязал ящик к железному тросу и дал сигнал на подъём. Вслед за ящиком на поверхность был поднят и сам водолаз. Представителю Адмиралтейства он доложил о том, что видел на борту лодки, и тот приказал ему составить подробный письменный отчёт. Тем временем со всеми предосторожностями открыли железный ящик. Из него были извлечены такие ценности, как планы немецких минных полей, два новых кода германского флота и ценнейший код, используемый только для связи с имперским Большим флотом открытого моря. Представитель Адмиралтейства аккуратно сложил документы в портфель. «Всё это нужно немедленно доставить в Лондон», — приказал он командиру водолазного судна. «Есть, — отвечал тот. — Оставить буёк для приметы! Полный вперёд!»

Трофейные коды были доставлены в знаменитую «Комнату 40» британского Адмиралтейства, где хранились английские коды и работали над расшифровкой неприятельских шифров.

Теперь Эдвард Миллер оказался в штате британской военно-морской разведки. Был создан специальный отряд для оперативной переброски Миллера и его водолазного оборудования в те пункты побережья Англии, где были потоплены германские субмарины. Вскоре Миллер уже знал строение и внутренние механизмы немецких подводных лодок лучше, чем любой английский специалист — ведь им не доводилось видеть немецкие лодки изнутри.

Опытный водолаз обследовал большинство пущенных ко дну германских подводных лодок. И, хотя германское морское министерство постоянно меняло секретные коды и специальные инструкции командирам субмарин, британская разведка знала об

этом. Каждую новую потопленную подлодку с новыми кодами успевал «прочесать» Эдвард Миллер.

Коды, которые Миллер извлекал с морского дна, стали могучим оружием в руках флота союзников. Радиограммы германского командования командирам подводных лодок регулярно перехватывались и расшифровывались. Лодки шли навстречу своей гибели в те точки, где их уже в полной боевой готовности ждали корабли союзников. И всё благодаря простому водолазу, бывшему корабельному плотнику.

ЭДИТ КАВЕЛЬ (1865–1915)

В 1914 году германская армия, нарушив нейтралитет Бельгии, в считанные дни захватила её и установила жёсткий оккупационный режим, который проводился в жизнь военным генерал-губернатором генералом Морицем фон Биссингом.

Тысячи молодых бельгийцев устремились прочь из страны, чтобы вступить в ряды союзных армий. Кроме того, на захваченной немцами территории оказалось много раненых и отставших от частей во время немецкого наступления французских и английских солдат.

Для переброски всех этих людей из Бельгии и была создана подпольная организация, руководителем которой стала мисс Эдит Кавель — немолодая англичанка, работавшая больничной надзирательницей (по нашим стандартам нечто вроде сестры-хозяйки и главной медсестры в одном лице).

Больных и раненых солдат разыскивали в лесах, укрывали от немцев, подлечивали, снабжали деньгами, продуктами и бельгийскими удостоверениями личности и затем с помощью проводников переправляли через голландскую границу.

Соратниками Эдит Кавель были самые разные люди — от князя Реджинальда де Крупа, графини Жанны де Бельвиль и одного из издателей газеты «Свободная Бельгия» Филиппа Бокка до опытных контрабандистов, служивших переправщиками на границе. Все эти люди действовали разрозненно, не имели практически единой организации, дисциплины и чувства ответственности за общее дело. Они доверяли, иногда слепо, всем, кто брал на себя труд помогать им в их благородном деле. И неудивительно, что в их среду затесались провокаторы и предатели.

Однако организация сумела продержаться и активно действовала около года. Результаты её работы впечатляют. Только один из её «комитетов» (так назывались её подразделения) переправил через границу всего за четыре месяца не менее трёх тысяч человек, другой — по более опасному и длинному маршруту — около восьмисот.

Душой всего этого дела была Эдит Кавель. И нередко её единомышленники, но менее энергичные и смелые, эксплуатировали такие её качества, как доброта и самоотверженность, и перекладывали многие опасные и трудные заботы на хрупкие плечи седовласой женщины, не заботясь о её безопасности. Своему другу, доктору Буллу, она рассказывала, что однажды к ней привели одновременно тридцать четыре

солдата, которых надо было спрятать в небольшой школе медсестёр.

15 августа 1915 года Эдит Кавель и тридцать пять членов её организации были схвачены немецкой оккупационной полицией и после непродолжительного следствия преданы военному суду. Формально её судили не за разведывательную деятельность. Статья 58 германского военного кодекса предусматривала суровое наказание за переброску солдат к неприятелю — вплоть до смертной казни. То, что она делала, имело к разведке лишь косвенное отношение: спасённые ею солдаты, безусловно, являлись ценными источниками информации о германской армии и о положении на оккупированных территориях.

Однако в нелегальной деятельности Эдит Кавель был ещё один эпизод, который не нашёл отражения в приговоре суда и не стал общеизвестным. Дело в том, что именно Эдит Кавель и Филипп Бокк завербовали сотрудника германской шифровальной службы Александра Цека (см. очерк), который скопировал и передал разведке союзников немецкие шифровальные книги. После этого Цек бесследно исчез. У немцев не было никаких доказательств его вины, а у английской разведки не было никакого интереса оставлять в живых, да к тому же в руках неприятеля, свидетелей.

Ещё до суда представилась возможность организовать побег Эдит Кавель из тюрьмы. В этот период в Брюсселе действовала французская резидентура, руководимая Жозефом Крозье, которая, используя подкупы и другие возможности, успешно добивалась освобождения своих людей, попавших в бельгийские тюрьмы. Для освобождения Эдит Кавель требовалась всего одна тысяча фунтов стерлингов. Так как Кавель была англичанкой и подданной английского короля, Крозье обратился к своему английскому коллеге.

Вначале тот с энтузиазмом отнёсся к предложению Крозье, заявив, что это «не деньги», и ему только надо запросить официальное разрешение начальства на их списание. Но через пару дней он вдруг резко изменил своё мнение, заявив, что сумма является «чрезмерной» и правительство его величества не может идти на такие расходы. Крозье впоследствии с горечью отмечал, что английская разведка имела неограниченные суммы, и ей, например, ничего не стоило потратить две тысячи фунтов на организацию поездки в Англию некоего «нейтрального» дельца. Да и на самого Крозье оказало давление его собственное руководство, приказав ему не вмешиваться в это дело.

Так Эдит Кавель была предана во второй раз и отдана на растерзание своим палачам.

По мнению Крозье, это было сделано вполне сознательно и умышленно. На классический вопрос юриспруденции «Кому выгодно?», то есть кому в первую очередь была выгодна казнь Эдит Кавель, Крозье отвечает однозначно: англичанам, английской пропаганде. Казнённая Эдит Кавель была гораздо полезней, чем живая, тем более, бежав из тюрьмы, она бы уже не могла работать в Бельгии. Кроме того, в этой стране к тому времени английских солдат почти не оставалось.

А Эдит-мученица — это прекрасная иллюстрация к рассказам о зверствах немцев, вдохновляющая не только английский народ, но и потенциальных американских союзников. Ведь не случайно англичане на каждое гражданское судно, выходившее в море в годы войны, старались устроить хоть одного американского матроса, чтобы в случае его гибели был повод для пропагандистской шумихи. Это не домыслы автора. Об этом писал английский историк. Справедливости ради надо отметить, что и в нашей истории имел место подобный случай: говорят, когда Сталину предложили обменять Эрнста Тельмана, томившегося в фашистском концлагере, он ответил: «Эрнст Тельман гораздо ценнее для нас в гитлеровском застенке, нежели на свободе»…

После недолгого судебного разбирательства немецкий военный суд вынес приговор. Восемь обвиняемых были оправданы, двадцать два приговорены к различным срокам каторжных работ, а пятеро — к смертной казни, причём троим из них она сразу же была заменена пожизненным тюремным заключением. А Эдит Кавель и Филипп Бокк должны были быть расстреляны на следующее утро после вынесения приговора.

Американский посланник, представлявший интересы Англии, и испанский посол от имени нейтральных государств обратились к фон Биссингу с просьбой о помиловании осуждённых. Но эта просьба ни к чему не обязывала ни послов, ни фон Биссинга: он чувствовал, что она носит чисто формальный характер, и отказал в ней.

На рассвете следующего дня Кавель и Бокк были расстреляны.

Англичане оказались правы. Казнь Эдит Кавель вызвала бурю негодования во всём мире и немало способствовала укреплению мнения о немцах, как о жестоких и не знающих жалости противниках.

На скромном памятнике Эдит Кавель, воздвигнутом в Лондоне, высечены слова, произнесённые ею перед казнью: «Стоя здесь, перед лицом вечности, я нахожу, что одного патриотизма недостаточно». Для непосвящённого эти слова остаются загадкой.

Профессионалу-разведчику ясно, что имела в виду Эдит: каким бы патриотом ни был человек, занимающийся разведывательной деятельностью, он должен блюсти главное правило этой профессии: соблюдать требования конспирации, в противном случае он обречён на провал. Именно этим правилом пренебрегла Эдит Кавель. Это стоило ей жизни.

АЛЕКСАНДР ЦЕК (XX век)

Война шифровальщиков и дешифровальщиков ведётся не менее ожесточённо, чем война на полях сражений. Особый размах она приобрела в годы Первой мировой войны, когда начали широко использовать радиосвязь.

В октябре 1914 года русские моряки потопили в Финском заливе лёгкий германский крейсер «Магдебург», захватив при этом уцелевшую книгу кодов германского военно-морского флота. Всё было проделано аккуратно, немцы ни о чём не узнали и продолжали пользоваться кодом. Своей находкой русские поделились с союзниками, и англичане практически всю войну читали радиограммы немецких военных моряков надводного флота. Их расшифровкой и чтением занималось специальное подразделение британской военно-морской разведки, руководимой сэром Реджинальдом Холлом. Она называлась «Комната 40», и там работали лучшие специалисты. Благодаря успехам этого подразделения (и подарку русских) Королевский военно-морской флот смог нанести впечатляющее поражение немцам в Ютландском морском сражении в конце мая 1916 года. Труднее обстояло дело с расшифровкой германского дипломатического кода. Несмотря на все усилия сотрудников «Комнаты 40» открыть его тайну не удавалось.

Руководство английской разведки понимало, что такая удача, какая подвернулась с крейсером «Магдебург», больше не повторится. К добыче немецких шифров надо было привлекать агентуру. Самые большие возможности английская разведка имела в Бельгии. Туда и направились усилия разведчиков.

Руководить агентами на севере Франции и в Бельгии (английская медсестра Эдит Кавель, молодые бельгийки Маргерит Вальревенс и Марта Кнокерт, француженка Луиза Беттиньи, она же Алиса Дюбуа и другие) поручили майору Камерону. В составе его группы было подразделение охотников за кодами под командой майора Тренча. Они занимались поисками кодовых книг в сбитых немецких дирижаблях, и иногда их поиски оказывались успешными. Но дипломатический код достать никак не удавалось.

Между тем в оккупированной немцами Бельгии произошло одно незаметное событие.

Ещё в самом начале оккупации в богатый дом в центре Брюсселя вселился офицер немецкой комендатуры. Хозяином дома был очень зажиточный австрийский предприниматель, чех по национальности, по фамилии Цек, который жил там вместе с

сыном Александром и женой — англичанкой. Она, правда, в это время находилась в Англии, где её застала война, и как подданная враждебного государства (Австро-Венгрии) была интернирована.

Как-то раз Александр постучал в дверь комнаты офицера, попросил разрешения войти и сказал, что хочет сообщить об одном важном деле. Оно заключалось в следующем: занимаясь опытами с беспроволочным телеграфом, он сконструировал особый приёмник, который установил на чердаке дома. Поэтому он просит офицера немедленно проинформировать комендатуру, чтобы его не заподозрили в шпионской деятельности.

Офицер успокоил наивного молодого человека и сообщил о разговоре приятелю из электротехнической роты. Тот, ознакомившись с устройством, установил, что Александру действительно удалось создать приёмник, которого ещё не было в германской армии. Для своего времени приёмник Цека был новинкой: он мог принимать как на самых коротких, так и на длинных волнах. О Цеке и его устройстве было доложено начальству. Молодым изобретателем заинтересовались.

Военные власти и контрразведка подвергли всю семью Александра Цека негласной проверке. Выяснилось, что его отец, очень богатый австрийский фабрикант, принадлежал к высшим кругам австрийского общества, был даже принят при императорском дворе. Будучи чехом, он оставался ярым австро-венгерским патриотом и в политическом отношении был безупречен. Благоприятные отзывы были получены и о матери Александра, которая вполне сжилась со своей новой родиной и слыла «доброй австриячкой».

Об интересе контрразведки к Цеку каким-то образом стало известно влиятельным кругам Австро-Венгрии. Оттуда поступил запрос. Военное командование дипломатично ответило на него и, в свою очередь, поинтересовалось, возможно ли воспользоваться техническими знаниями представителя этой уважаемой семьи и предложить ему работу, связанную с важными военными тайнами.

Ответ не замедлил себя ждать: «Он вне всяких подозрений». После этого Александр был приглашён на работу. Его взгляды совпадали со взглядами отца, он считал себя австрийским патриотом и охотно принял предложение.

Его приняли на службу и зачислили на скромную должность штатского чиновника центральной радиостанции гражданского управления Бельгии.

Поначалу Александр занимался сборкой аппаратов для радиотелеграфа. Он проявил усердие и недюжинные способности

техника и вскоре заслужил полное доверие своего начальства. Его назначили на один из самых ответственных постов приёмщика радиограмм, получаемых германскими властями в Бельгии как из Берлина, так и от различных военных штабов с театра военных действий. Это была совершенно секретная работа.

Тайный код, который использовался при посылке особо важных правительственных депеш, был лишь у важнейших должностных лиц германского правительства и подчинённых ему организаций. Книги, содержащие коды, находились лишь у командующих армиями, генерал-губернаторов завоёванных территорий и у германских послов в иностранных государствах.

Германский телеграфный ключ был выработан ещё в предвоенные годы. Он состоял из двух книг. В «толстой» буквы алфавита, а также некоторые слова обозначались условными цифровыми знаками. Но этой книгой нельзя было пользоваться без второй, «тонкой». В ней было указано, в какой день года каким ключом пользоваться, так как цифры первой книги ежедневно меняли своё значение. Кроме того, в различные дни года ключи «толстой» книги приходилось особым образом сочетать с определёнными цифрами «тонкой».

Немецкий код принадлежал к разряду тех, расшифровать которые практически невозможно.

Александр Цек стал одним из тех немногих, кто в изолированном и строго охраняемом помещении днём и ночью был занят расшифровкой тайных правительственных телеграмм, адресованных генерал-губернатору оккупированной Бельгии Морицу фон Биссингу.

Английская разведка продолжала поиски немецких кодов. Майор Тренч выяснил, что в Брюсселе существует радиостанция, которая получает телеграммы по особому тайному коду.

Тренч дал команду своим агентам в Бельгии узнать, кто занимается расшифровкой. Они сообщили несколько фамилий.

Английская разведка навела обстоятельные справки обо всех сотрудниках радиостанции и остановила своё внимание на Александре Цеке. Его кандидатуру признали подходящей, поскольку он был наполовину англичанином, а его мать находилась в Англии и была интернирована британскими властями.

Цека вербовали медицинская сестра Эдит Кавель и её правая рука, издатель-подпольщик Филипп Бокк. В обмен на секретные коды ему предложили безопасность горячо любимой матери и возможность переехать в Англию после удачного завершения операции. Вручили письмо от матери.

Цек внимательно выслушал агентов, прочёл письмо, в

котором мать просила со вниманием отнестись к тому, что ему скажут её друзья. К этому времени он уже разочаровался в немецких союзниках Австро-Венгрии, в кайзере Вильгельме. Предложение Кавель и Бокка пришлось ему по душе, к тому же добавилось беспокойство за мать. Он дал согласие.

Руководитель разведки Бенджамин Холл действовал с солдатской прямотой. Он предложил, чтобы Александр похитил книги кода и ночью, со всеми необходимыми предосторожностями, бежал в нейтральную Голландию.

Но майор Тренч выступил против этого плана.

— В случае обнаружения кражи, — заявил он, — немцы немедленно изменят ключи шифра, и вся авантюра пойдёт насмарку.

Было принято предложение Тренча: Александру Цеку засесть за кропотливую работу — по ночам во время дежурства дословно скопировать обе книги.

Это было безумно тяжело и опасно, и, окончив свой труд, он оказался совершенно больным. Врач констатировал сильное переутомление. Состояние Александра было тяжёлым.

Немного придя в себя, он приступил ко второй части задания: требовалось доставить копии книг в Голландию. Агент-проводник в ночь на 14 августа 1915 года довёл его до проволочных заграждений с током высокого напряжения и указал слабо охраняемое место. Там при помощи изолированных деревянных покрышек на ободьях своего велосипеда он раздвинул проволоку и перебрался на территорию Голландии.

Копии книг попали в руки майора Оппенгейма, шефа английской разведки в Роттердаме, а от него — адмиралу Холлу. С этого дня, задолго до вступления Америки в войну, союзники получили возможность расшифровывать секретные радиограммы немецкого правительства.

Поступок Александра Цека привёл к тому, что в войну вступили Соединённые Штаты Америки, что во многом предопределило поражение Германии. Вот почему историки иногда называют Александра Цека человеком, решившим исход Первой мировой войны.

Как же это случилось?

17 января 1917 года в «Комнату 40» поступила перехваченная телеграмма. Она, как и большинство других, проходила через американскую фирму связи «Вестерн юнион» и была «пиратским» способом получена англичанами.

Ею занялись дешифровальщики секции А (дипломатический перехват) Найджел ди Грей и Уильям Монтгомери. Уже просмотр первых групп цифр показал, что он содержит набор цифр

варианта 13 040, ключевого числа немецкого дипломатического кода. Вскоре прочли и подпись под телеграммой (97 556). Это был не кто иной, как Артур Циммерман, статс-секретарь немецкого министерства иностранных дел. А телеграмма предназначалась германскому шефу в Мексике фон Экардту:

«Справочный № 13 042. Министерство иностранных дел, 16 января 1917 года. Совершенно секретно. Дешифровать лично. Мы намерены начать с первого февраля неограниченную подводную войну. Несмотря на это я считаю возможным поддерживать нейтралитет США. Если наши усилия в этом направлении будут безуспешны, мы заключим союз с Мексикой на следующих условиях. Мы будем считать её и в войне нашей союзницей и заключим мир. Мы могли бы предоставить ей за это финансовую помощь и постараться возвратить ей утерянные ею в 1848 году штаты Нью-Мексико и Аризона. Выработка подробностей этого плана предоставляется на ваше усмотрение. Вам поручается под строжайшим секретом прозондировать на этот счёт мнение Каранцы и, как только он узнает, что с Америкой также нам не миновать войны, намекнуть, что недурно было бы ему взять на себя инициативу начать переговоры с Японией о союзе, довести их до благоприятного конца и тогда немедленно же предложить своё посредничество между Германией и Японией. Обратите внимание Каранцы на то, что начало нашей беспощадной подводной войны делает возможным обессилить Англию и привести к миру в течение нескольких месяцев.

Циммерман».

Текст телеграммы сразу же попал контр-адмиралу Реджинальду Холлу. Его необходимо было довести до сведения американского президента и народа США. Но как это сделать, чтобы не раскрыть перед всем миром, что «Комната 40» имеет возможность перехватывать и читать самые секретные депеши врага? Ведь информация обязательно просочится.

А в это время, пока американский президент Вудро Вильсон вёл с немецким послом фон Бернштоффом переговоры о свёртывании подводной войны, секретарь МИДа кайзера усиливал антиамериканские происки в Мексике и Японии, а флот кайзера готовился к расширенным подводным операциям.

Легализовать телеграмму решили следующим образом: в Мексике с согласия «Вестерн Юнион» получить дубликат телеграммы и предоставить её Вашингтону. Кто и как расшифровал её, умолчать. Так и сделали.

Текст телеграммы передали в американское посольство в Лондоне.

Опубликование телеграммы вызвало бурю негодования во

всём мире. Выходило, что Германия замышляла заговор против ещё одной нейтральной державы и хотела вовлечь Японию в войну против Англии и США. Американская пресса, выступавшая за войну, сгущая краски, изображала опасность, угрожавшую Америке. Она писала, что, по мнению высших американских военных, нападение Японии на Америку произойдёт через мексиканскую территорию в долину Миссисипи, чтобы разделить страну на две части.

После опубликования телеграммы агентством «Рейтер» немцы узнали, что текст депеши германского статс-секретаря каким-то образом попал в руки врагов. В Германии это вызвало общую депрессию. Статс-секретарь Циммерман вынужден был давать объяснения в рейхстаге по этому делу. Вместо того чтобы откреститься от телеграммы и назвать её фальшивкой и провокацией, он что-то мямлил о том, что совершенно не понимает, каким путём её текст мог попасть в руки американцев, так как отправлена она была «под самым секретным кодом». Сплоховал он и на пресс-конференции: неловко негодуя на неделикатность англичан, он тем самым подтвердил подлинность телеграммы.

Каковы же были последствия? Когда президент Вильсон узнал о двойной игре немцев, его едва не хватил удар. 3 февраля США объявило о разрыве американо-германских отношений, а 6 апреля 1917 года — о вступлении в войну.

Какова же судьба главного героя Александра Цека?

Он пересёк границу и… исчез. Никто никогда его больше не видел. Даже неизвестно, как документы попали в руки английского резидента. Александр Цек словно в воду канул, и никаких следов его гибели или его существования не обнаружено.

Несчастный отец израсходовал громадные деньги на его поиски и одно время даже содержал целый штат детективов. Но всё это оказалось напрасным. Единственный след, на который удалось напасть отцу, вёл из Голландии в Англию.

Узнав об этом, отец написал отчаянное письмо сэру Реджинальду Холлу. Тот ответил 3 мая 1925 года, что лица под именем Александр Цек он нигде, кроме их семьи, не встречал и ничего о нём не слышал.

Но сэр Реджинальд о чём-то умалчивал. Его, бесспорно, волновал вопрос, что будет, если немцы узнают о бегстве шифровальщика. Они поменяют коды — и начинай всё сначала! Если бы молодого человека оставили в живых, он во время войны мог бы сознаться в том, что выдал код англичанам. Другое дело, если бы от него удалось навсегда отделаться.

Исследователи полагают, что драконовские законы

приговорили молодого человека к смерти. Скорее всего, англичане перевезли его тело в Брюссель, чтобы убедить немцев, что Цек погиб в результате несчастного случая. Итог: шифровальщики кайзера продолжали пользоваться теми же шифрами.

Но ведь остались свидетели его работы на британскую разведку — Эдит Кавель и Филипп Бокк. Их группа была арестована немцами на следующий день после перехода Цека в Голландию.

В очерке об Эдит Кавель рассказывалось, что ещё до суда представилась возможность организовать побег Эдит Кавель из тюрьмы, и для её освобождения требовалась всего лишь одна тысяча фунтов. Но английская разведка была заинтересована в обратном — в том, чтобы избавиться от лишних свидетелей, имевших отношение к раскрытию шифров.

Вместе с другими Эдит Кавель и Филипп Бокк приговорены к смерти. Троих членов группы генерал Биссинг помиловал. Эдит Кавель и Филипп Бокк были казнены 12 октября 1915 года.

«ФРАУ ДОКТОР» — ЭЛИЗАБЕТ ШРАГМЮЛЛЕР (XX век)

Доктор Элизабет Шрагмюллер, пресловутая «Фрау Доктор», была одной из великих шпионок. Некоторые даже утверждали, что она одна могла бы выиграть в пользу кайзера Первую мировую войну. Однако сама она вряд ли «ходила в разведку» лично. «Фрау Доктор» была выдающимся организатором.

Немки-шпионки, за редким исключением, не обладали шармом и обаянием их французских коллег. Это были добросовестные, методичные работницы. Отсутствие воображения заменяли им строгая дисциплина и прилежание. «Фрау Доктор» более, чем кто-либо, воспитала в них эти качества, будучи основательницей первой разведывательной школы в истории, подготовившей шпионов и ставшей примером для разведок всего мира.

Школа начала действовать во время Первой мировой войны в оккупированном Антверпене, который стал центром германского шпионажа, и ей были предоставлены солидные фонды и неограниченные возможности для успешной работы.

Основной целью «Фрау Доктор» была Англия от Корнуолла на юге до военно-морской базы в Скапа-Флоу на севере.

«Фрау Доктор» не только обучала и тренировала разведчиков. Она также руководила сетью агентов, развернувшейся от Булони до Парижа, а от Парижа до швейцарской границы. Позже, во время войны, сфера её деятельности распространилась на Скандинавию и Испанию.

Временами германский Генеральный штаб доверял её информации больше, чем документам и докладам, поступавшим из Управления военной разведки.

Элизабет Шрагмюллер была привлекательной на вид женщиной, первоклассным лингвистом и, сверх того, обладала необычайными организаторскими способностями и энергией. Она могла бы добиться успеха в любой сфере деятельности. Элизабет всегда скрывала свой возраст, но скорее всего ей было около сорока пяти, когда она возглавила школу. Её прошлое покрыто туманом, однако известно, что она была дочерью отставного прусского офицера. До войны много путешествовала по Франции, Голландии, Великобритании под именем баронессы д'Аспремонт и графини де Лувен, выдавая себя за бельгийскую аристократку, что не составляло труда при её безупречном знании французского языка.

Вскоре после того как она заняла пост в разведцентре в Антверпене, она убедилась, что многие разведчики плохо подготовлены. Некоторых из них, как например «Лоди», к этому времени уже поймали и расстреляли в лондонском Тауэре. Шпионы, с которыми «Фрау Доктор» встретилась на первых порах, были в основном наёмниками, стремившимися заработать максимально при минимальном риске.

Доктор Шрагмюллер — её никто уже не называл Элизабет — приступила к реорганизации разведывательного центра с хорошо рассчитанной жестокостью, решив, что в целях наведения дисциплины в этой разношёрстной компании должна заставить своих разведчиков и агентов бояться её больше, чем противника. В этом она преуспела. Стоило ей заподозрить кого-либо в недобросовестности или малейшей неискренности, она направляла этого человека на сравнительно лёгкое задание. Как только агент оказывался на вражеской территории, «Фрау Доктор» делала так, чтобы контрразведывательная служба противника узнавала о прибытии «нежелательного гостя». Агента тут же арестовывали, и имелось достаточно улик для предания его суду. Во Франции разоблачённых агентов, как правило, расстреливали, иногда гильотинировали, в Англии вешали или расстреливали.

Это производило потрясающее впечатление на учеников доктора Шрагмюллер, которых не вводили в заблуждение о том, как и почему их сотоварищ погиб. Таким путём «пропалывалась от сорняков» почва в школе «Фрау Доктор», которая теперь оставалась с меньшим количеством боявшихся её, но лояльных агентов. Иногда она направляла другого, хорошего агента именно в то место, где погиб его неудачливый предшественник. Англичане или французы, только что изловившие одного немецкого агента, несколько ослабляли своё внимание, и второй мог успешно выполнить задание без помех со стороны контрразведки.

Доктор Шрагмюллер не забывала повторять, что её ученики должны доказать свою лояльность, чтобы быть посланными на более важное или лучше оплачиваемое задание.

Р. В. Роуан, сотрудник союзнической контрразведки, который специально изучал методы доктора Шрагмюллер, рассказывал о ней такую историю. Союзники предпринимали огромные усилия, чтобы проникнуть в Антверпенский центр. После многих усилий им удалось внедрить туда бельгийца. Это казалось бесценным достижением. Вскоре после того, как он завоевал доверие фрау Шрагмюллер (или ему показалось так), он услышал от неё, что она направила в Шотландию одного из своих лучших агентов. Из

Шотландии тот должен был добраться до Парижа. Бельгиец срочно сообщил об этом в Париж и в Лондон. В Шотландии решили агента не трогать, и он, как это было ему приказано, отправился в Париж. Но в результате недоразумения был арестован в Дюнкерке излишне старательным французским офицером и обвинён в шпионаже.

Какими-то таинственными путями «Фрау Доктор» узнала об этом через два дня. Она вызвала бельгийца в свой офис и рассказала о невероятно быстром провале агента. Она также сказала, что только два человека знали о его миссии: она и бельгиец. При этих словах она спокойно достала револьвер из ящика стола и застрелила бельгийца, даже не выслушав его оправданий.

Доктор Шрагмюллер вообще была примечательной женщиной. Именно она первая узнала о том, что союзники намереваются применить новое секретное оружие — танки. Союзники приложили много усилий, чтобы сохранить в секрете это оружие, и когда оно появилось на полях сражений, то оказалось неожиданностью для немцев и во многом повернуло ход Первой мировой войны. Однако могло быть иначе.

Информацию о танках доктор Шрагмюллер получила от Лиззи Вертхейм. Три рапорта направила «Фрау Доктор» начальнику германского Генерального штаба генералу фон Фалькенхайну относительно английских танков. В последнем рапорте она подробно описала их устройство и вооружение Но технические советники генерала объявили эти рапорты фантастическими и не заслуживающими внимания. Один эксперт расценил танки как трюк и в комментарии написал: «Этот так называемый танк бесполезен в бою против артиллерии и мощных мин».

Вскоре, в битве при Камбрэ, англичане использовали три сотни «бесполезных» танков. Они разгромили Вторую германскую армейскую группу. Многие специалисты утверждали впоследствии, что это стало поворотным пунктом Первой мировой войны.

«Фрау Доктор» была реабилитирована, но какой ценой! Какова была её реакция? Она просто послала подробный агентурный отчёт о битве при Камбрэ тому эксперту, который так чудовищно ошибся. К своему отчёту она приложила револьвер. Он понял недвусмысленный намёк и застрелился из револьвера, столь услужливо присланного доктором Шрагмюллер. Скорее всего, это легенда, но красивая. Надо сказать, что вообще о «Фрау Доктор» ходило много легенд,

Лиззи Вертхейм, представившая первые сведения о танках,

была поймана английской контрразведкой, приговорена к десяти годам тюрьмы и умерла в Эйльсбершу через два года после перемирия. Её напарник, Георг Брееков, который работал в Англии под именем Реджинальда Роланда, был расстрелян в лондонском Тауэре. Оба были лучшими учениками Антверпенской школы.

Доктор Шрагмюллер изобрела несколько хитроумных кодов для передачи информации из Англии в её штаб-квартиру. Двое из её агентов, Маринус Джансен и Ганс Рооз, работали в Англии под видом представителей табачной фирмы «Диркс и компания». «Дело», которым они занимались в задней комнате небольшого офиса в Лондоне, было организовано доктором Шрагмюллер ещё до войны.

У британских почтовых цензоров часто возникали подозрения относительно множества писем, которые получал этот офис, и огромных заказов на сигары. Потребность в них была немыслимой. Ещё более немыслимым было количество заказов из военно-морских портов — Портсмута, Чатэма, Девенпорта и Дувра. Эти заказы поступали к Джансену и Роозу, имевшим голландские паспорта. Затем пересылались в главный офис «Диркс и Компания» в Роттердам. Британские агенты в Голландии без особого труда установили, что роттердамская фирма являлась в действительности отделением организации доктора Шрагмюллер. Код, придуманный ею, был достаточно прост. Джансон и Рооз, к примеру, направляли телеграмму, запрашивая о высылке сигар: «10 000 Гавана», «4000 Ротшильд», «3000 Коронас». Телеграмма поступала из Портсмута. Это означало, что в его гавани находятся десять миноносцев, четыре крейсера и три линкора. Джансен и Рооз были арестованы, приговорены к смерти и расстреляны.

Другой код доктора Шрагмюллер был связан с использованием филателии. Она направила двоих из своих лучших агентов, Йозефа Маркса и «Сюзетту», подлинное имя которой так и не было рассекречено, в Лондон. Они имели фальшивые голландские паспорта, большую сумму денег и альбом марок. Код, который предложила им доктор Шрагмюллер, был позднее скопирован многими спецслужбами всего мира.

Иностранные марки символизировали собой военно-морские соединения, вооружение, порты, укрепления, боеприпасы и даже людей. Перуанская марка 1897 года, изображавшая мост в Паукартамбо, представляла военно-морской порт в Ферт-оф-Форте, марка, выпущенная на Гаити в 1904 году, на которой были нарисованы вооружённые люди, означала военное снаряжение. Марки Британской империи и французских колоний изображали

те или иные условности кода. Немецкие шпионы лишь вставляли в нейтральный текст нужные цифры или указывали их в количестве марок, которые они хотели бы купить или продать.

Всё это, на взгляд непрофессионала, представляло собой набор специальных терминов и жаргонных выражений, знакомых лишь заядлым филателистам. Таким образом Йозеф и «Сюзетта» передавали специфическую информацию об оборонных силах Великобритании. Но, в конце концов, Маркс был обнаружен и арестован британской контрразведкой. Он сказал своему следователю, что английская тюрьма теперь для него — единственно безопасное место, где он может укрыться от «этой женщины из Антверпена». Маркс был осуждён, а «Сюзетту», хитроумную француженку, ученицу «Фрау Доктор», так и не удалось схватить.

Мы уже упоминали о том, что немецкие шпионки были храбрыми и самоотверженными, но им не хватало импровизации и вдохновения, свойственных французским коллегам. Поэтому немцы часто использовали иностранок.

«Шведская Ева», одна из выпускниц шпионской школы «Фрау Доктор», может служить типичным примером этого.

У Евы де Бурнонвиль отец был шведом (семья его прибыла из Франции с наполеоновским маршалом Бернадоттом), мать датчанкой. Сама Ева работала гувернанткой в богатой немецкой семье в Прибалтике. В этот период она познакомилась с титулованной англичанкой. Позже оставила работу и решила стать театральным антрепренёром, но не преуспела в этом, и ей пришлось сменить несколько мест. Она вернулась в Стокгольм. Там в 1915 году её завербовала германская секретная служба и направила в школу «Фрау Доктор».

Когда Ева рассказала о своём знакомстве с высокопоставленной английской леди, ей предложили написать ей письмо и попросить разрешения приехать в Англию для совершенствования познаний в английском языке. Будучи гражданкой нейтральной Швеции, она не испытывала в этом затруднений и несколько недель спустя прибыла в Лондон.

Ева сняла себе комнату в комфортабельном отеле в Блумсбери. Оттуда она написала письмо леди, в котором намекнула, что хочет помочь воюющей Англии. В результате её назначили цензором (учитывая знания языков) на пункт контроля переписки. Там она стала «цензором» собственных писем в Стокгольм и Копенгаген, по адресам, которые дала ей германская разведка.

Но Ева оказалась слишком увлекающейся шпионкой. Она буквально засыпала вопросами своих новых друзей. Как раз в это

время германские дирижабли совершали воздушные налёты на Лондон, и Ева вполне открыто спрашивала об их результатах, интересовалась, где расположены зенитные батареи, сколько орудий они имеют, какого калибра, как ведётся управление огнём и т. д.

Однажды она шла со знакомым через Финсбери-парк.

— О, это Финсбери-парк! Где здесь расположены пушки?

Ева была слишком яркой, слишком стремительной и слишком любопытной для англичан. Шпиономания во время Первой мировой войны была широко распространена, и народ подозревал в шпионаже всех иностранцев. Об излишнем любопытстве Евы было сообщено полиции. Хотя она и была пока вне подозрений, контрразведка «положила на неё глаз». Как раз в это время она допустила грубую ошибку: направилась в один из отелей, где обычно жили офицеры, прибывающие в отпуск. Вскоре завела с некоторыми из них приятельские отношения. Она пыталась оказать на них впечатление рассказами о своём отце, генерале датской армии, и о тётке, которая была учителем музыки у королевы Александры.

Молодые офицеры не особенно интересовались родственниками Евы, но один или два из них заметили, что она очень любила расспрашивать о том, в каких полках они служили, где они расположены и каково их вооружение. Сообщили об этом одному из старших офицеров, а тот — в контрразведку. Главный инспектор Каннинг занялся любопытной шведкой. Он был одним из «двух Альбертов», больших специалистов контрразведки, преуспевших в делах по разоблачению шпионов. Однажды ночью 1915 года он вместе с другим Альбертом, главным инспектором Фостером, поймал сразу девять германских шпионов.

Каннинг решил удовлетворить любопытство Евы в военных делах.

Два молодых офицера были поставлены в известность о каком-то новом секретном оружии, конечно, не существовавшем. Этой новостью они поделились в отеле с милой иностранкой. Теперь контрразведка принялась тщательно проверять все письма, побывавшие в руках Евы. Вскоре задержали два письма в Копенгаген. В них упоминалось о поставках нового секретного оружия в британскую армию. Легко было доказать, что письма написаны Евой. Дальнейшее расследование представило новые доказательства.

Карьера Евы как служащей военной цензуры и военной шпионки длилась всего несколько месяцев. 12 января 1916 года она предстала перед судом.

Она не отрицала, что шпионила, но дала интересное

объяснение своему поведению:

— У меня была идея заставить шефов германской разведки поверить, что я работаю на них, и добиться их полного доверия. После этого я хотела предложить свои услуги вам и стать британской шпионкой.

Она признала, что её деятельность приносила неплохой доход. Ей платили тридцать фунтов в неделю, которые она ежемесячно получала через датскую компанию. В 1915 году это была значительная сумма.

В Англии женщин обычно не казнили, и приговор Евы к смертной казни был заменён королём Георгом V на пожизненное заключение. В 1922 году она была депортирована на родину из тюрьмы Эйльсбери.

Но вернёмся к «Фрау Доктор». Она действительно была одной из выдающихся разведчиц.

Английский разведчик Эрнст Кукридж встретил её много лет спустя, после войны и её отставки. Он говорит, что в заслугу правительствам союзников можно поставить то, что после разгрома Германии Элизабет Шрагмюллер не была арестована. Тем самым шефы английских и французских спецслужб выразили своё восхищение этой неординарной женщиной, которая так часто переигрывала их. Большие деньги, которые она получала от германского Генерального штаба, превратились в ничто в результате послевоенной инфляции. Она была брошена на произвол судьбы, вела практически нищенскую жизнь, в результате заболела туберкулёзом и тихо жила на очень скромную пенсию в Швейцарии.

Когда Кукридж работал в Женеве в штаб-квартире Лиги Наций в 1934 году, то слышал, что доктор Шрагмюллер якобы находилась при смерти в цюрихской богадельне, и написал ей письмо с просьбой о встрече. Она согласилась. Эта больная шестидесятилетняя женщина была в здравом уме и твёрдой памяти. Элизабет Шрагмюллер рассказала, не скрывая гордости, о некоторых своих подвигах. Кукридж спросил её о Мата Хари, так как в то время поток невероятных историй и мифов о ней захлестнул книжные прилавки Европы.

— Если когда-нибудь и существовала дурочка, сама вырывшая себе могилу, то это была бедняга Герши, — сказала доктор Шрагмюллер с грустной улыбкой. — Герши, так мы звали Гертруду Целле, то есть Мата Хари — была крайне неэффективным агентом. Я пыталась учить её, но она не была достаточно интеллигентной, и по её мнению, шпионить означало хорошо проводить время с высокопоставленными мужчинами. Мы никогда не получали от неё ничего ценного. Она действительно

сама виновата в том, что была расстреляна французами. Она была глупышкой, которая болтала слишком много…

Да, утверждает Кукридж, Мата Хари и впрямь весьма отличалась от Элизабет Шрагмюллер: сердце «Фрау Доктора» не принимало участия ни в её мыслях, ни в поступках, и она этого не отрицала.

Она с гордостью призналась ему, что не хуже мужчины делала чисто мужскую работу во время войны. «Фрау Доктор» увлекалась шпионажем так же, как другие увлекались альпинизмом или шахматами. Такие люди, как она, опаснее всего.

Однако верить до конца всему тому, что говорит Кукридж, даже самому факту его встречи с «Фрау Доктор», нельзя, так как по другим данным она до своей смерти, последовавшей в 1940 году, жила в Мюнхене, где была профессором университета.

Фашистская пропаганда, руководимая Геббельсом, любила использовать имя «Фрау Доктор», а точнее, миф о ней для поднятия духа германской нации. Её действительным или мнимым похождениям было посвящено несколько фильмов.

АГЕНТ С-25 (XX век)

Патрульным, совершавшим обход парижского вокзала Аустерлиц январским вечером 1918 года, сразу не понравился этот солдат. Огромного роста, расхлябанный, в рваной форме, с вещмешком, привязанным верёвочкой, и с каской на затылке он собирался сесть на поезд, направлявшийся к испанской границе.

— Что за вид у вас? Предъявите документы! — потребовал прапорщик, старший патруля.

— А пошёл ты… — услышал он в ответ.

— Взять его! — приказал прапорщик.

— Попробуйте, — прорычал верзила.

Солдаты опасливо отодвинулись. Лишь один передёрнул затвор винтовки.

Верзила глянул на него и усмехнулся:

— Ладно, я подчиняюсь силе.

Задержанного доставили в комендатуру. Там выяснилось, что он бежал из дисциплинарного батальона и находился под следствием. Телеграмма о его розыске уже была разослана всем комендатурам.

Дело казалось вполне ясным, и дезертира уже собирались отправить под конвоем в крепость, когда в комендатуру зашёл офицер Второго бюро (французской контрразведки) и переговорил с комендантом. Тот, хотя и явно недовольный вмешательством в его дела, приказал отпустить солдата.

Офицеру-контрразведчику пришлось проводить его на вокзал и во избежание новых недоразумений усадить в вагон очередного поезда.

Ночь прошла спокойно, а утром, когда поезд уже приближался к месту назначения, в вагон вошёл военный патруль и начал тщательную проверку всех пассажиров. «Дезертира» выдал его рост и неряшливое обмундирование. Несмотря на громкие протесты и даже попытку вырваться, его арестовали и доставили в тюрьму приграничного городка Гэндея. Там он провёл две ночи. На третью ночь совершавший обход охранник шепнул ему, что дверь камеры останется незапертой. Арестант спокойно выбрался на волю. Тревога была поднята, когда он находился вне пределов досягаемости.

Началась стрельба. Беглец бросился в ледяную воду бурной приграничной реки Бидассоа и, переплыв её, попросил помощи у испанских таможенников.

На другой день по обе стороны границы только и говорили о смелом побеге французского дезертира.

Так агент французской разведки С-25 оказался в Испании. Он был переброшен в эту страну с целью проникнуть в действовавший там немецкий разведывательный центр, носивший название «Штаб пяти».

Этот центр был организован немцами в самом начале войны, в августе 1914 года, в городе Сан-Себастьяне, неподалёку от французской границы. Его целью были сбор и обработка информации, полученной от всех перебежчиков и дезертиров союзных армий. Обычно у них выпытывали всё, что было нужно, а затем возвращали в лагерь для интернированных лиц. Но если дезертир интересовал немцев, его вербовали и возвращали во Францию. Использовали, как говорится, «на всю катушку», а когда его возможности иссякали, а он продолжал требовать деньги, избавлялись от него очень простым способом: выдавали французам, которые после недолгого суда расстреливали его.

Для перебежчиков с немецкой скрупулёзностью был даже составлен прейскурант цен на шпионские услуги. Так, детальный план аэродрома и всего, что на нём имелось, оценивался в восемь тысяч франков. За исчерпывающий план артиллерии сектора платили двадцать пять тысяч, а за секретный приказ ставки главнокомандующего сто тысяч франков. В декабре 1917 года за секретную бумагу, похищенную в штабе армии, заплатили рекордную сумму в триста восемьдесят тысяч франков. Правда, деньги уплачивались лишь после того, как правдивость документов подтверждалась путём проверки через другую агентуру.

То, что деньги «Штаб пяти» платил не зря, подтверждают его успехи: сотрудникам центра удалось получить сведения о состоянии французских резервов, о плане наступления союзников в 1917 году, о пути следования крейсера «Клебер» (он был потоплен), о технологии производства траншейных гранат и многое другое, стоившее жизни тысячам солдат союзных армий.

Узнав о смелом побеге С-25, сотрудники «Штаба пяти» серьёзно заинтересовались им. Он отличался от других дезертиров, у которых смелости хватило лишь на то, чтобы пробраться по крутым горным тропинкам.

С С-25 встретился германский капитан Крафтенберг. С-25 «откровенно» поделился с ним своими мыслями о том, что он пацифист, ненавидит войну и не желает воевать.

Во время второго, более подробного допроса С-25 сказал, что хорошо знает испанский язык, но скрыл знание немецкого. Поведал о своей профессии коммивояжёра по продаже спортивного инвентаря и о желании найти в Испании работу по специальности. Чтобы сделать капитану Крафтенбергу приятное,

он сообщил о бедственном положении французских войск, о брожении в солдатской массе, вызванном русской революцией, критиковал помощь союзников.

К дальнейшему разговору подключился сам начальник «Штаба пяти» генерал Шульц. Он «взял быка за рога»:

— Я не буду притворяться, а сразу перейду к делу. Мне нужен такой человек, как вы. Я хочу, чтобы вы взяли на себя одно поручение, но для этого вы должны вернуться во Францию. Наша организация настолько сильна, что ваш риск будет минимальным. То, что вы свободно говорите по-испански, сделает вашу миссию проще: мы вам дадим испанский дипломатический паспорт. Вы, конечно, можете отказаться, но тогда мы вернём вас в лагерь, где вы пожалеете об этом. Даю вам на размышление срок до завтра.

На другой день С-25 дал, конечно, положительный ответ и поставил подпись под бумагой следующего содержания:

«Я даю слово всеми моими силами служить Германии, которая, начиная с этого дня, будет моим единственным отечеством. Я обещаю сохранить конспирацию, быть осторожным и мужественным при выполнении возложенных на меня поручений.

В этом я клянусь перед Богом!»

Вначале агенту С-25 поручили редактировать газету на французском языке, выпускаемую в Испании немцами. Она предназначалась для ведения пропаганды в лагерях, где содержались французские дезертиры.

В это время немцы проверяли агента, что они и не скрывали.

Через несколько недель капитан Крафенберг отозвал С-25 из Барселоны и объявил ему о первом настоящем задании. Агента одели в отличный модный костюм и вручили документы на имя сеньора Мигеля де Паленсия, официального делегата Международного Красного Креста.

В роли кастильского дворянина, вальяжно развалившись в купе спального вагона, С-25 вернулся во Францию, которую совсем недавно покинул столь необычным способом. Он обустроился в Париже и больше недели ждал связного от «начальства». Однажды при выходе из отеля посыльный передал ему конверт с письмом, в котором назначалось свидание у одной из колонн собора Парижской Богоматери. Там к С-25 подошёл неизвестный и передал приказ: добыть чертежи нового авиационного мотора, после чего немедленно возвращаться в Сан-Себастьян.

Задание было не из лёгких. С-25, понимая, что немцы будут следить за ним, приобрёл бывшую в употреблении форму

французского офицера и несколько дней толкался на аэродроме Бурже. Затем — конечно, с помощью французской разведки — приобрёл чертежи мотора, «подправленные» так, чтобы противник не смог их использовать. После этого с добычей в чемодане, снова переодевшись в шикарный костюм Мигеля де Паленсия, С-25 отправился в Сан-Себастьян.

С этого времени, пожалуй, и началась его настоящая служба в разведке Французской республики. Два обстоятельства способствовали этому.

Во-первых, немецкий принц, член семьи кайзера Вильгельма II, оказался захваченным французской полицией, и ему угрожала смерть как шпиону. Дело в том, что по состоянию здоровья он не мог попасть в действующую армию, а чувство долга и патриотизм требовали от него участия в войне. Он стал разведчиком, провалился, и теперь под чужим именем ждал казни во французской тюрьме.

Во-вторых, в результате успешного германского наступления в начале весны 1918 года французская разведка понесла тяжелейшие потери. Вследствие чьего-то преступного попустительства немцам удалось захватить списки агентов, оставленных в занятых немцами областях. Естественно, что эта агентура была уничтожена, и Франция лишилась источников информации тогда, когда особенно в них нуждалась.

Выступая на совещании по этому поводу, маршал Фош заявил:

— Необходимо, чтобы наша разведка предприняла все меры для ликвидации последствий этой большой неудачи… Это для нас жизненно необходимо. Я прошу отправить агентов в Германию и восстановить нарушенные организации…

После этого французской разведке пришлось проделать огромную работу. Через линию фронта самолётами в тыл врага забрасывались всё новые и новые агенты. Но надо было иметь хотя бы одного надёжного агента, связанного с немцами и пользующегося их доверием.

По прибытии в Сан-Себастьян агент С-25 сразу был приглашён к генералу Шульцу для очень серьёзного и строго конфиденциального разговора. Не скрывая своего искреннего горя, генерал поведал агенту о печальной участи принца.

— Пока его имя и положение ещё неизвестны. Его нужно вырвать как можно скорее из рук этих проклятых тюремщиков, прежде чем они раскроют его инкогнито… Подумайте только, сам его величество кайзер просит меня освободить молодого принца, который является одним из самых близких его родственников. Когда я думаю, что проклятые французы с минуты на минуту

могут расстрелять его, кровь холодеет в моих жилах. Я умоляю вас, помогите мне, спасите несчастного принца!

Через некоторое время генерал Шульц передал С-25 письменное задание (хранящееся в архивах французских спецслужб), в котором было указано, что некто по имени Отто Мюллер арестован во Франции по обвинению в шпионаже и в настоящее время находится в военной тюрьме под следствием военного суда, и С-25 поручается освободить его.

По прибытии в Париж С-25 сразу же явился к своему руководителю. Тот чуть не расцеловал его.

— Вы именно тот человек, который нам сейчас нужен!

На следующий день после доклада руководству он сообщил агенту С-25:

— Вы поможете немецкому принцу убежать, чем заслужите его благодарность и доверие; затем вы вместе с ним вернётесь в Германию и будете служить у него. Таким образом вы станете нашим человеком в главной квартире противника.

С-25 сразу же приступил к выполнению своей задачи. Он направился в тюрьму, где содержался принц.

Обстоятельства освобождения принца из тюрьмы точно не установлены. Известно лишь, что во избежание утечки информации С-25 должен был провести операцию своими средствами и не жалея денег (немецких!).

В назначенный час принц по переброшенной ему верёвочной лестнице перебрался через тюремную стену и уселся в подъехавший автомобиль. Когда поднялась тревога, беглецы отдыхали в отеле за сотню километров от городка, где находилась тюрьма. С-25 дал телеграмму в Сан-Себастьян:

«Погрузка выполнена. Доставка вскоре.

Мигель».

Беглецы имели испанские паспорта и без труда пересекли границу.

Принц выразил искреннюю признательность за своё освобождение генералу, а затем добавил, указывая на С-25:

— Что же касается этого человека, благодаря которому я нахожусь здесь, то я до самой смерти буду считать себя обязанным ему. Чтобы доказать ему глубокую благодарность, я хочу, чтобы с этого времени он постоянно находился при мне.

Генерал возразил, что его высочество должен немедленно вернуться в Германию. Таков приказ кайзера.

— Я, конечно, подчиняюсь его воле, но хочу взять с собой своего спасителя, которого считаю своим другом. Прошу сообщить об этом его величеству и получить согласие.

Несколько дней спустя за принцем пришла подводная лодка.

Она встала на рейде, командир прибыл на берег в шлюпке.

Узнав, что помимо принца он должен взять ещё одного пассажира, к тому же иностранца, командир лодки отказался это сделать, заявив, что по этому поводу есть категорический приказ, который он не может нарушить.

Но тут характер проявил принц:

— Вы послушаетесь, сударь, так как таково моё желание. И на это есть согласие кайзера.

Командир подчинился, но потребовал письменный приказ принца. Тот написал его немедля.

Подводное путешествие прошло успешно. Принца торжественно встретили в немецком порту.

В течение трёх месяцев принц посещал главную квартиру в сопровождении своего «верного нового друга». К С-25 относились с подозрением, подсылали к нему агентов-провокаторов, но он каждый раз с честью выходил из положения.

За три месяца пребывания в Германии С-25 собрал много очень ценных сведений, а главное, способствовал восстановлению французской разведывательной сети. Только после этого он посчитал своё задание выполненным. Есть документы, подтверждающие, что он внезапно покинул принца в районе Лилля и таинственно исчез. Точный его путь домой неизвестен, но скорее всего он перелетел во Францию на специально присланном за ним самолёте.

На докладе в военном министерстве С-25 привёл в восхищение руководство точностью и большим количеством доставленных документальных данных. Большинство сообщённых им сведений имело первостепенное значение: они помогли главному командованию уяснить, насколько ослаб противник, и спланировать стратегию перед решающими боями 1918 года.

С-25 умер несколько лет спустя после войны. Даже на смертном одре он отказался сообщить некоторые подробности своей деятельности в тылу врага и попросил никогда не раскрывать его имени.

Просьба была уважена. Имя агента С-25 так и осталось неизвестным.

МАТА ХАРИ (1876–1917)

Маргарет Гертруда Целле родилась 7 августа 1876 года в голландском городке Лаувардене в семье шляпного мастера. Вскоре отец разорился и куда-то исчез, мать умерла. Сироту взял на воспитание дядюшка. Девушка подрастала, и убогая провинциальная жизнь ей претила всё больше. Она мечтала о приключениях, о дальних странах. Как-то раз, читая брачную газету, наткнулась на предложение руки и сердца некоего капитана колониальных войск Рудольфа Маклеода. Некоторое время спустя она уже в качестве его жены постигла экзотику сначала Суматры, а затем Явы. Муж проявил себя недобрым, жестоким человеком. Доведённый им до отчаяния денщик попытался отравить их детей. Сын Норман погиб, дочь Гертруду едва удалось спасти. Не избежала жестокостей мужа и Маргарет. В 1903 году она уехала в Европу. Дочку муж отсудил и оставил при себе. Впоследствии о дочери Мата Хари ходило множество слухов. По одной из версий она умерла в годы Первой мировой войны. По другой, более убедительной, она осталась жива, получила хорошее образование и жила в собственном доме в Джакарте. Во время японской оккупации участвовала в подпольной работе, затем была агентом нескольких спецслужб, выполняя их поручения во Вьетнаме и Северной Корее. Во время Корейской войны была арестована северокорейской контрразведкой и 23 декабря 1950 года под именем Вильгельмины ван Дирен была расстреляна. Но являлась ли она действительно дочерью Мата Хари? Этот вопрос остался без ответа.

В Париже Маргарет Целле-Маклеод устроилась наездницей в цирк, а вскоре перешла на эстраду. Она обладала несколько загадочной «восточной» внешностью и была очень пластична, к тому же имела познания в области ритуальных танцев дикарей Явы и Суматры. Директор цирка помог организовать ей выступление в великосветских салонах. Она взяла экзотическое имя «Мата Хари», точный перевод которого никому не известен, но разными авторами трактуется как «утренний» или «пробуждающийся» взгляд, или «око утра», или «глаз утренней зари», или что-то в этом роде.

Невиданное зрелище восточных танцев, к тому же со стриптизом, потрясло предвоенную Европу. Париж, Вена, Берлин, Амстердам, Рим, Монте-Карло лежали у её ног. Деньги сами текли в кошелёк Мата Хари, она приобретала виллы, ценные бумаги, потом, правда, всё это куда-то исчезло, она оказалась в

долгах и вынуждена была скрываться от кредиторов. Пыталась поступить в гастролирующую в Европе труппу Дягилева, но безуспешно.

Видимо, сочетание всех этих качеств — таинственность, красота, связи в высших кругах, нужда в деньгах — и привлекли к ней внимание разведок.

Но стала ли она шпионкой, и если да, то чьей и когда, и опять же, если да, то снабжала ли своих хозяев действительно ценной информацией или только числилась по «шпионскому ведомству» и получала от него деньги?

Кем была Мата Хари в действительности — шпионкой, авантюристкой, жертвой неправедного суда? Кому она служила? На вопрос гипотетического следователя: «На кого вы работаете?» — она могла бы, пожалуй, честно ответить: «На себя», и была бы недалека от истины.

Постараемся, однако, рассмотреть хотя бы несколько из множества версий.

Согласно одной из них, Мата Хари стала немецкой шпионкой ещё задолго до войны 1914 года, сразу же после развода с капитаном Маклеодом, когда ей впервые понадобились собственные средства, хотя бы и скромные. В пользу этой версии говорит тот факт, что у германской разведки она значилась как агент Н-21, а буквой «ха» обозначались лишь старые, довоенные агенты. Тем же, которые были приобретены после начала военных действий, присваивался индекс AF. Других подтверждений этой версии нет, а ведь немцы, несмотря на свою педантичность, могли и сварьировать, присвоив ей, например, какой-нибудь резервный псевдоним. Во всяком случае, сведений об утечке в Германию через Мата Хари каких-либо довоенных французских секретов обнаружено не было.

По другой версии, в июле 1914 года, за несколько недель до начала военных действий, Мата Хари выехала из Парижа в Германию, где её и застала война. В день объявления войны танцовщицу видели завтракающей в ресторане с главой берлинской полиции. Это впоследствии и явилось основанием утверждать, что он-то тогда её и завербовал. Сама же Мата Хари дала этому факту весьма простое объяснение. На суде она показала: «В Германии полиция имеет право цензуры над театральными костюмами. Меня находили слишком обнажённой. Префект зашёл осмотреть меня. Тогда же мы и познакомились».

К этому можно добавить, что глава полиции, человек известный в городе, вряд ли стал бы показываться в обществе не менее хорошо известной женщины, если бы она была его агентом. К тому же полиция всегда стояла далеко от шпионажа, тем более

военного.

Далее. Существует версия, что Мата Хари была завербована во время войны германским военным атташе в Мадриде Гансом фон Калле, любовницей которого она была какое-то время. Эта версия до некоторой степени похожа на правду, ибо впоследствии именно из Мадрида поступали роковые для Мата Хари шифровки. Более того, рассказывали, что участие в этой вербовке принимал будущий адмирал Канарис, в то время скромный капитан подводной лодки, а много лет спустя руководитель военной разведки гитлеровской Германии. Когда друзья расспрашивали об этом факте, он только скромно улыбался в ответ. Некоторые утверждали, что она была завербована в Мадриде бароном фон Мирбахом. При вербовке получила от немцев большие деньги.

Есть и другие версии того, как Мата Хари стала немецкой шпионкой. Но читатель вправе сказать: в конце концов неважно, как она стала шпионкой и кто её первым завербовал. Важно то, какую пользу она принесла Германии и какой ущерб нанесла Франции, заслуживала ли она славы самой выдающейся шпионки и смертного приговора? К этому вопросу мы ещё вернёмся.

Мата Хари всегда нуждалась в деньгах: её расходы превышали доходы. Но где взять деньги? И она приняла парадоксальное и роковое для себя решение: «Если германская разведка ни за что выложила мне такую большую сумму, почему бы не попробовать подоить и французскую?»

Мата Хари отправилась на приём к начальнику контрразведки капитану Ляду, благо повод для такого визита имелся: ей понадобился пропуск в прифронтовой город Виттель, куда её давно приглашал мэр, и к тому же она намеревалась пройти там курс лечения.

Она переговорила с капитаном Ляду и поступила на службу во французскую разведку, ничего не сказав о том, что уже числится в штате германской.

Новоиспечённый агент получил задание сначала отправиться в Испанию, а оттуда — в Бельгию.

При расставании капитан Ляду многозначительно намекнул ей о том, что нельзя работать на два фронта, надо выбрать один, иначе дело может кончиться плохо. Мата Хари ответила витиеватой восточной фразой, из которой следовало, что она будет верой и правдой служить французской разведке.

Отпуская Мата Хари в Испанию, Ляду действовал почти наверняка: французская разведка знала шифр, по которому германский военный атташе в Мадриде сносился с верховным командованием в Берлине.

И действительно, некоторое время спустя взволнованный

офицер принёс Ляду расшифрованную телеграмму:

«В Мадрид прибыл агент Н-21. Ему удалось поступить на французскую службу. Он просит инструкций и денег (опять денег! — *И.Д.*). Сообщает следующие данные о расположении полков… Указывает также, что французский государственный деятель N находится в близких отношениях с иностранной принцессой…»

В ответной телеграмме германского штаба предписывалось:

«Предложите агенту Н-21 вернуться во Францию и продолжать работу. Получить чек Кремера в 5 тысяч франков на Котуар д'Эсконт».

Как впоследствии выяснилось, не все сведения о французских полках были точны, не особенно большой интерес представляло и сообщение о любовных похождениях государственного деятеля.

Для судьбы же Мата Хари эти малозначительные телеграммы оказались решающими — французская контрразведка получила подтверждение того, что именно она является немецким агентом Н-21.

Но в то же время Мата Хари оказала ценную услугу французской разведке. От своего любовника, германского резидента Ганса фон Калле, она узнала, что немцам известно о намеченной англичанами высадке десанта в марокканском порту с помощью подводной лодки, и германское командование готовит разгром десанта. Она немедленно направилась к французскому резиденту в Мадриде полковнику Данвиню и сообщила ему об этом. Полковник направил шифровку в Париж. Немцы перехватили радиограмму и расшифровали её. Поняв, откуда «дует ветер», руководство разведки сделало суровый выговор Гансу фон Калле, а тот, в свою очередь, крепко отругал свою возлюбленную. Та, сразу сообразив в чём дело, сделала правильный вывод: вновь побежала к Данвиню и поставила его в известность о печальном факте — немцы знают французские шифры и читают французские радиограммы. Одним этим, не считая того, что своим первым сообщением она спасла жизни сотням солдат и матросов, Мата Хари заслужила тот миллион, который обещал Ляду. Но «благодарность», полученная ею, оказалась иного рода.

Вскоре после рождественских праздников 1916 года, отмеченных в Испании, несмотря на военное время, пышно и торжественно, Мата Хари отправилась в Париж. Все хотели этой поездки: немцы потому, что она сулила им поступление интересной информации, французская контрразведка потому, что «птичка» сама летела в подготовленную ей западню, а Мата Хари потому, что надеялась получить заслуженный ею миллион.

Но ровно через месяц за ней пришли. 13 февраля французская полиция арестовала её по обвинению в шпионаже в пользу Германии.

Несколько месяцев продолжалось следствие. На рассмотрение суда дело поступило 24 июля 1917 года.

Теперь самое бы время сказать об ущербе, который обвиняемая причинила Франции. Точно он не выяснен. Но дело в том, что свой вердикт: «виновна» — к этому времени уже вынесли, как это часто бывает, средства массовой информации — французская пресса. Захлёбываясь от душераздирающих и щекочущих воображение обывателя подробностей, они обвиняли Мата Хари в том, что вследствие её работы потоплены семнадцать военных союзных кораблей и погибло не менее дивизии союзных войск. Положение несчастной женщины усугублялось тем, что все эти обвинения ложились на благодатную почву общественного мнения, взбудораженного провалом так называемой «операции Нивеля» — весеннего наступления французских войск, в неудаче которого обвиняли немецких шпионов — и в первую очередь Мата Хари. Союзники потеряли в этой операции более двухсот двадцати тысяч солдат и офицеров.

Специалисты и военные эксперты назвали главные причины провала «операции Нивеля»: длительная подготовка операции при игнорировании оперативной и тактической маскировки, применение устаревших методов штурма живой силой, недооценка имевшихся у германского командования пятидесяти двух дивизий стратегического резерва. После провала наступления Нивель и ряд других генералов были смещены и уволены из армии.

Но как заманчиво было объяснить этот грандиозный провал предательством несчастной женщины, арестованной за два месяца до наступления, а ещё за месяц до этого находившейся во власти своих личных проблем и к тому же лишённой связи с немецким командованием! Как важно было найти «козла отпущения»! Народ жаждал крови в отместку за пролитую на полях сражений.

Так или иначе, обвинение в выдаче секретов, относящихся к этому наступлению, было на суде главным. Другим — получение денежных сумм от немцев. Довод Мата Хари, что часть этих денег она получала за выполнение отнюдь не шпионских услуг, а другую часть немецкие агенты просто списали на неё, чтобы прикрыть свои личные расходы, суд во внимание не принял. Она была единогласно приговорена к смертной казни.

Своей смерти Маргарет Целле ждала в одиночной камере Сен-Лазарской тюрьмы. Но до последнего часа она играла роль

той же Мата Хари — исполняла ритуальные танцы перед пришедшими утешить её и обратить в свою веру монашками, доктору обещала открыть три секрета: один даст ему любовь, другой золото, третий вечную жизнь, а предложение старика адвоката заявить о том, что она якобы беременна от него, встретила громким хохотом.

Ранним утром 15 октября её разбудили. Она капризно воскликнула: «Как? Так рано! На рассвете! Что за манера?» Отказалась от сигареты, но выпила стакан грога. На предложение пастора помолиться заявила: «Я не желаю прощать французам. Впрочем, всё равно. Всё — всё равно. Жизнь ничто, и смерть тоже ничто. Умереть, спать, видеть сны, какое это имеет значение? Не всё ли равно, сегодня или завтра, у себя в постели или на прогулке? Всё это обман».

Ей разрешили написать три коротких письма: некоему сановнику, её возлюбленному Вадиму и дочери.

У ворот тюрьмы стояли пять автомобилей. Серым промозглым утром её расстреляли в лесу на окраине Венсенского полигона. Перед расстрелом она просила не завязывать ей глаза и улыбалась, глядя в серое промозглое небо.

Жизнь, приключения, а особенно смерть Мата Хари стали поводом для распространения множества мифов о ней. Английский разведчик Бернард Ньюмен писал: «…Я вовсе не желаю сказать, будто вообще не было женщин-разведчиц, хотя их деятельность не была особенно выдающейся. Среди них нашлась только Мата Хари, да и та не совершила сотой доли того, что приписывалось ей в романтических произведениях, или одной тысячной части из того, что говорилось в якобы более серьёзных книгах».

Но помимо книг о Мата Хари создано и много фильмов. В 1921 году Людвиг Вольф снял фильм «Шпионка Мата Хари» с Астой Нильсен в главной роли. В 1927 году режиссёр Фридрих Фегер отразил образ обнажённой красавицы в фильме «Мата Хари, красная танцовщица». Затем две лучшие кинозвезды той эпохи оспаривали честь лучшего воплощения на экране образа Мата Хари: Марлен Дитрих в фильме фон Штернберга «Опозоренная» в 1931 году и Грета Гарбо год спустя в фильме «Мата Хари» режиссёра Фитцмориса. Так закончившаяся на земле жизнь Мата Хари продолжилась на экране.

МАРТА РИШЕ (1891–1982)

Марта Бетенфельд родилась в Лотарингии, в немецкой семье. В качестве кутюрье начала свой бизнес в Париже. В 1913 году, в возрасте двадцати двух лет, стала одной из первых женщин во Франции, получивших лицензию пилота.

Марта отлично летала и составила серьёзную конкуренцию пилотам-мужчинам. Она стала пионером женского лётного спорта. В 1914 году вышла замуж за военного лётчика Анри Рише, который погиб на фронте через год.

После гибели мужа Марта, страстная патриотка, желавшая любой ценой отомстить немцам, пыталась стать военным лётчиком. Однако в боевую авиацию её не допустили. Тогда она предложила свои услуги Пятому отделу — службе французской контрразведки, которую возглавлял капитан Ляду. Ей дали псевдоним «Жаворонок». Вот что писала она впоследствии в своей книге «Моя разведывательная работа»:

«Быть разведчиком — это значит прежде всего служить. Секретная служба выполняется в абсолютной тайне, её солдаты погибают молча, как будто проваливаются в люк. Это значит — служить начальникам, задача которых состоит в том, чтобы всем не доверять. Ужасное ремесло. Недоверие обволакивает вас со всех сторон. Ваша же задача состоит в том, чтобы заставить противника поверить тому, что вы предаёте свою родину. Но противник колеблется: не является ли эта предательница разведчиком-двойником? Те, кто вас послал, те тоже сомневаются. Таким образом, агент, который служит своей родине в качестве агента-двойника, испытывает одну из самых жестоких пыток, какую только можно вообразить: он находится между двух огней, которые иногда могут превратиться и в огонь ружейного залпа».

Капитан Ляду с места в карьер огорошил её:

— Мадам Рише, вы направляетесь в Испанию.

Отказаться от поездки ей не удалось, и вскоре она оказалась на пляже в Сан-Себастьяне с единственной целью — стать «немецкой шпионкой», то есть, говоря профессиональным языком, внедриться в германскую агентурную сеть.

Уже через несколько дней беззаботной приморской жизни немцы «клюнули» на неё. Пользуясь её денежными затруднениями, они без труда «завербовали» её и, присвоив кличку С-32, дали первое задание, снабдив деньгами, инструкцией и средствами тайнописи. «Меня немного ошеломила быстрота, с которой мы договорились», — вспоминала она

впоследствии.

— С-32, если вы не сдержите своих обязательств, — сказал немец, — я за вашу жизнь не дам и трёх тысяч песет, где бы вы ни находились: в Париже или в Нью-Йорке.

Когда, вернувшись в Париж, Марта доложила обо всём капитану Ляду, тот пришёл в восторг.

— Это великолепно! — воскликнул он. — Вы поймали как раз того, кого и нужно было искать в Испании. Это барон фон Крон, немецкий военный атташе в Мадриде, племянник генерала Людендорфа.

Ляду дал понять, что Марта теперь должна проявить себя не только как разведчица, но и как женщина.

— Этим вы спасёте много жизней, Марта. Служба требует этого.

Через три дня Ляду принёс ответы на вопросы барона фон Крона. Сведения были точные, но устаревшие, такие же были переданы и через других агентов-двойников.

Вскоре Марта вернулась в Испанию, где по-настоящему и началась её двойная игра. Фон Крон принял её в Сан-Себастьяне, разместил в шикарном особняке, и вскоре милая двадцатишестилетняя женщина была вынуждена стать любовницей человека, который был ей ненавистен как враг и отвратителен как мужчина. «Если в дальнейшем моё сомнительное предприятие и увенчалось успехом, я обязана этим главным образом именно этой жгучей ненависти, которая… вызывала у меня чувства смелости, жестокости и коварства».

Пользуясь доверием фон Крона, Марта выступила в роли его «связника» с заговорщиками, готовившими с помощью немцев восстание в Марокко, и выяснила координаты места встречи немецких подводных лодок и конвоя судов с оружием для марокканских повстанцев. Мятеж в Марокко был предотвращён.

По инициативе Марты фон Крон помог ей организовать салон красоты «Зеркало жаворонков», который он намеревался использовать в своих интересах — для маскировки и гримировки направляемых во Францию агентов. Марта сумела, делая причёски и окрашивая волосы, создавать такие приметы, которые помогали вылавливать прибывающих во Францию шпионов.

А некоторое время спустя ей удалось раскрыть тайный переход через Пиренеи, которым пользовалась немецкая разведка. Для этого она пошла на чисто женские хитрости: во-первых, инспирировала «слежку» со стороны французов, которая лишала её возможности легального возвращения во Францию, а во-вторых, симулировала беременность от фон Крона, избавиться от которой можно было только во Франции. Волей-неволей

пришлось фон Крону отправлять её через тайный переход.

Впоследствии на этом переходе было задержано несколько опасных немецких шпионов.

Однажды Марта и фон Крон попали в автомобильную аварию. Со сломанной ногой она пролежала два месяца. В одной из французских газет появился памфлет, в котором задавался вопрос: что Марта Рише делала ночью на шоссе в компании германского военного атташе? Статья называлась «Шпионка в автомобиле: фон Крон и мадам Рише». Вскоре к физическим страданиям Марты прибавились и моральные: она получила письмо от матери о том, каким преследованиям и позору подвергается её семья во Франции.

Лёжа в постели в доме Крона, Марта могла прослушивать его разговоры с агентами. Однажды она услышала о готовившемся взрыве порохового завода Буно вблизи Байонны и сумела послать об этом секретную информацию в Пятый отдел. Но что-то не сработало. Завод был взорван, погибли девяносто человек.

К этому времени у Рише зародился новый план. Она написала о нём капитану Ляду. Зная комбинацию цифр, открывавшую сейф барона фон Крона, и надеясь получить его ключи, она намеревалась усыпить барона и выбросить в окно содержимое сейфа, где его должен был подобрать её помощник.

В сейфе, как она знала, находились фотографии всех агентов, данные о пунктах снабжения подводных лодок в Средиземном море и Атлантическом океане, данные о местах расположения минных заграждений, шифры, телеграммы, списки испанцев-германофилов, работавших против Франции.

Когда нога зажила, Марта поехала на один из приморских испанских курортов подлечиться. Там произошёл загадочный случай: во время катания на лодке её пытались утопить, и лишь незаурядные физические данные и хорошая спортивная подготовка позволили ей спастись. Марта связалась с фон Кроном и от него узнала, что это покушение — дело рук агентов фон Калле, немецкого военного атташе, соперника фон Крона.

Но Марта так и не получила никаких указаний о сейфе. Она просто не выдержала и однажды заявила фон Крону, что желает вернуться во Францию.

— Я француженка, понимаете? Вы знаете, что это значит? Да, да, знайте, с тех пор как я в Испании, я работаю для своей родины, а за вами наблюдаю. Я за вами слежу. Вы поняли меня?

Фон Крон покраснел, потом побледнел, лицо скривилось в злой усмешке.

— Это невозможно… Это неправда, — шептал он. — Я вам не верю…

Внезапно с неслыханной яростью он ударил Марту по лицу, сломал ей зуб.

— Вы подписали свою гибель, — сказала Марта. — Обо всём будет знать немецкий посланник. Я передам ему ваши любовные письма.

— Вы не успеете! — закричал Крон.

В тот же день к Марте явился в отель полицейский, он хотел задержать её. Но Марта не растерялась. Она сняла трубку и потребовала, чтобы её соединили с посланником Германии.

Его превосходительство князь Ратибор лично принял её.

— Я была любовницей фон Крона. И я принесла вам доказательства того, что он содержал меня на деньги, предназначенные для оплаты его агентов.

Марта передала посланнику любовные письма барона, сочетание цифр, открывавших его сейф. Она не могла унести содержимое сейфа, но уничтожила его ценность. Всю организацию фон Крона нужно было создавать заново.

Во Францию Марта вернулась без визы. Жандармский лейтенант узнал её на границе и сказал:

— Здравствуйте, «Жаворонок»!

Новый начальник Пятого отдела полковник Губер, заменивший Ляду, заявил ей:

— Теперь, мадам, после того как вы провалились, мы не нуждаемся более в ваших услугах.

Так закончилась эпопея «Жаворонка». И лишь пятнадцать лет спустя Марта Рише получила признание. 23 января 1933 года правительство наградило её орденом Почётного легиона.

Выйдя второй раз замуж, Марта переехала в Англию. Во время войны, вернувшись во Францию, участвовала в Сопротивлении, а после победы была избрана муниципальным советником парижской мэрии. По её инициативе был принят закон о запрете публичных домов, получивший в народе имя «закона Марты Рише». По этому закону в частности были уничтожены все картотеки проституток. Нашлись злопыхатели, которые утверждали, что сама Марта Рише когда-то в молодости занималась проституцией, поэтому и настояла на уничтожении карточек. Но это утверждение пусть останется на совести их авторов.

ЖЮЛЬ-КРОФОРД ЗИЛЬБЕР (XX век)

Во многих отношениях Зильбер был самым умным и удачливым германским шпионом в годы Первой мировой войны.

Будучи немцем, Зильбер выглядел как англичанин, безукоризненно говорил по-английски, обладал английскими манерами. Большую часть своей жизни он провёл за границей, в странах, входивших в Британскую империю. Во время Англо-бурской войны сумел оказать англичанам кое-какие услуги, о чём своевременно запасся соответствующим документом. В беседах за дружеским столом иногда «проговаривался», что во время войны был знаком с молодым британским волонтёром Уинстоном Черчиллем и даже находился с ним в приятельских отношениях. «Но это было давно, он, конечно, уже и забыл про меня, а тогда-а…» — и многозначительно замолкал.

В самом начале войны, в сентябре 1914 года, Зильбер через США и Канаду въехал в Англию. У него имелся паспорт подданного какого-то нейтрального государства и документ, подтверждавший его деятельность в пользу англичан против буров. Этого хватило для того, чтобы ему разрешили въезд в Англию и пребывание там. Он понравился местным чиновникам, которые ухватились за его знание иностранных языков. Зильбера направили на работу в бюро цензуры, которое в это время расширялось и нуждалось в услугах полиглотов, так как письма приходили не только на всех европейских языках, но и на языках народов — подданных Британской империи.

Английские цензоры славились своей добросовестностью и скрупулёзностью. Достаточно сказать, что именно по их наводке в Англии были разоблачены и казнены несколько германских агентов. Ничья подпись не могла смягчить суровости цензуры. Греческая королева София (сестра германского кайзера), шведская королева (бывшая принцесса Баденская) и испанская королева-мать были настроены явно прогермански. Письма, адресованные этим дамам и исходившие от них, подвергались тщательному анализу и задерживались, если этого требовали обстоятельства. А нередко, как это было с греческой королевой, попавшей в список подозрительных лиц, вовсе не отправлялись по назначению. Когда цензура установила, что приказы германским агентам и подводным лодкам передаются по кабелям в Южную Америку шведским правительственным кодом, британская разведка немедленно приняла меры. Она устроила так, что о поведении шведской королевы, сестры Вильгельма, стало известно в Стокгольме, и в шведской столице разразился громкий

скандал. Естественно, что после этого использование шведского кода немцами было прекращено.

Но английские цензоры тоже были людьми и умели расслабиться. После напряжённого трудового дня, за кружкой доброго старого эля в компании друзей-сослуживцев, которым они не имели никаких оснований не доверять, их языки развязывались. Конечно же, пересказывались разного рода скабрёзные истории, вычитанные из писем (без раскрытия источника), но в разговорах обсуждалась также военная и политическая информация, которую сообщали своим друзьям авторы писем. Зильбер, весёлый, добродушный, был завсегдатаем таких компаний. Обзавёлся он многочисленными друзьями и на стороне. Всё это пополняло те сведения, которые он черпал из сотен и тысяч писем, проходивших непосредственно через него.

Зильбер работал один, не был связан ни с какими другими агентами, а со своим Центром поддерживал одностороннюю связь, не нуждаясь в «помощи» и советах начальства и даже избегая их.

Будучи цензором, то есть, по существу, последней контролирующей инстанцией, он имел возможность свободно отправлять свои разведывательные донесения. Чтобы заручиться подлинными почтовыми штемпелями, он сам себе отправлял местные письма, не подвергавшиеся цензуре, из разных пунктов Лондона. При этом пользовался конвертами с «прозрачным окошком», под которым был написан адрес. Получив такое письмо, он выбрасывал ненужную бумажку со своим адресом и вкладывал донесение с новым адресом, занимавшим своё место в прозрачном окошке. Затем ставил на конверте свою метку, штамп: «Просмотрено военной цензурой» и отправлял письмо по назначению на континент, в одну из нейтральных стран.

Зильбер почти никогда не использовал один и тот же адрес. Он искусно разнообразил свою переписку, справляясь со «Списком подозрительных лиц» самого последнего издания, всегда имевшимся у него под рукой и содержавшим адреса известных английской разведке лиц, поддерживавших связь с немцами. Получив такое письмо, адресат тут же доставлял его немецкому резиденту. А так как письма, даже в условиях военного времени, доходили за считанные дни, то этот способ связи был самым быстрым и надёжным. Правда, существовала опасность наткнуться на «подставу» английской разведки, но, как говорится, Бог миловал. Зильбер умудрился отправлять секретные сообщения и через Нью-Йорк в попадавших к нему пакетах, адресованных видным фирмам. Он вкладывал свои письма с отметкой «прошу переслать», и не было случая, чтобы

такая просьба не сработала. Будучи человеком осторожным, он прибегал к такому способу только один раз в отношении каждой фирмы.

Были случаи, когда ему приходилось молча наблюдать, как английская контрразведка подкрадывается к тому или иному немецкому агенту. Он не мог ни предупредить, ни помочь ему. Случалось и обратное: он выявлял английских агентов в Германии, но никогда не вмешивался и не оказывал помощи германской контрразведке, считая, что может этим загубить себя.

Зильбер, работая бок о бок с другими цензорами, не мог делать никаких заметок и выписок из писем, всю добытую из них информацию приходилось держать в голове, и напряжение было огромным. Он никогда не составлял и, тем более, не оставлял донесения в своей квартире, а снимал для этого другие помещения на вымышленное имя. Чтобы замаскировать свои отлучки, говорил, что часто ходит в театры, покупал билеты, отрывал «контроль», «использованные» билеты бросал возле жилья или на работе. Зачастую удавалось унести с работы нужные документы и сфотографировать их. Требовалось много плёнки, и Зильбер покупал её и фотоматериалы в разных концах города.

Однажды некий лавочник в чём-то заподозрил Зильбера и начал за ним самостоятельную слежку. Заметив её, Зильбер пожаловался начальству, и чересчур бдительному лавочнику посоветовали заняться своими делами.

Как-то раз Зильбер вскрыл письмо, оказавшееся самым важным за годы его разведывательной работы. Женщина делилась с подругой своей радостью: её брат, морской офицер, сможет теперь чаще бывать дома, так как получил назначение в близлежащий порт, где занимается секретной работой, имеющей отношение к вооружению старых морских судов. Разведчик понял, что речь идёт о чём-то важном, и в первый же свой выходной отправился в город, где жила легкомысленная отправительница письма. Он выступил перед ней в качестве официального лица, правительственного цензора, и сделал ей серьёзное внушение. Перепуганная и огорчённая девушка умоляла Зильбера не сообщать о случившемся брату и не портить его карьеры. В разговоре с ней он узнал, что речь шла ни больше ни меньше, как о новом средстве борьбы с германскими подводными лодками, так называемых «приманных судах». Ни сам Зильбер, ни главное командование военно-морскими силами Германии никогда раньше не слышали о чём-то подобном. Прощаясь, Зильбер милостиво пообещал девушке простить её и не заводить дела, взяв, в свою очередь, с неё клятвенное обещание ничего не говорить брату о его визите. «Это в ваших же интересах», —

добавил он. Девушка и сама понимала это.

На другой же день Зильбер отправил важнейшее донесение. В нём говорилось, что англичане приступили к оборудованию «приманных судов». Это были старые торговые пароходы, на которых устанавливались хорошо замаскированные скорострельные пушки и другое вооружение. Борта укреплялись, а в трюм загружалась пробка и другой материал, который мог поддержать плавучесть судна в случае попадания в него торпеды. (Об использовании этих судов см. очерк «Эдвард С. Миллер»).

Германское командование уже было осведомлено о внезапном исчезновении нескольких субмарин, сообщивших об успешном торпедировании вражеского судна. Теперь эта загадка получила объяснение.

Но даже после того как немцам стало известно о сути «приманных судов», легче от этого не стало. Когда немецкие подводники узнали о том, что любое беззащитное и безоружное с виду судно может мгновенно превратиться в грозный военный корабль, они потеряли присущую им до этого уверенность в действиях. Были зафиксированы случаи, когда команды охватывал смертельный страх, и они не могли выполнить своей задачи.

Зильбер пробыл в Англии до конца войны, так и не будучи разоблачённым, и благополучно вернулся в Германию, где выступил со своими воспоминаниями.

Поскольку речь зашла о делах цензоров-шпионов, хотелось бы напомнить ещё об одном, имеющем прямое отношение к нашей стране. Австро-германский агент Карл Циверт всю свою жизнь прожил в России и сорок лет служил в Киеве тайным цензором почты. Он имел возможность перлюстрировать всю личную корреспонденцию самых высокопоставленных военных и гражданских лиц. Циверт и три его сообщника, Макс Шульц, Эдуард Хардак и Конрад Гузандер, во время Первой мировой войны были разоблачены, арестованы и осуждены.

Часть IV
ДЛЯ РАЗВЕДЧИКОВ НЕТ ПАУЗЫ

РОБЕРТ БРЮС ЛОККАРТ (1887–1970)

Британский разведчик Локкарт хорошо известен по его участию в знаменитом «заговоре послов» (или «заговоре Локкарта») в 1918 году. Однако его разведывательная деятельность началась раньше и закончилась значительно позже этих событий.

Роберт Гамильтон Брюс Локкарт родился 2 сентября 1887 года в Анструтере, графстве Файф. Его отец был учителем начальной школы, все его предки — шотландцы. «Во мне нет ни единой капли английской крови», — вспоминал Локкарт. Образование он получил в Берлине, оттуда отправился в Париж. Приобретя множество познаний, он вернулся в Англию, чтобы подготовиться к гражданской службе в Индии. Но случилось иначе. Его дядя соблазнил племянника возможностями получения баснословных барышей на каучуковых плантациях, и он отправился на Малайский архипелаг, где освоил азы счетоводства и ведения делопроизводства. Там же он приобрёл первый опыт в журналистике. Был увлечён спортом и серьёзной литературой и избежал увлечения «восточной троицей — опиумом, пьянством и женщинами». Он полюбил ночные путешествия по таинственным джунглям и научился преодолевать страх. «Это было хорошей подготовкой для большевистской России», — вспоминал он.

Любовная интрига, которую он завёл с племянницей султана, явилась причиной его преждевременного отъезда из Малайи. К тому же он заболел тяжёлой формой лихорадки, от которой едва оправился.

Когда он вернулся на родину, ему было двадцать три года. По рекомендации отца поступил на консульскую службу, успешно сдав трудные экзамены. Его работа в Форин Офис началась в 1911 году, и он успешно совмещал её с литературным творчеством.

После года работы в аппарате министерства Роберт получил назначение на должность вице-консула в Москве. Накануне отъезда он встретил девушку-австралийку. Они были помолвлены и в следующем году обвенчались.

В январе 1912 года Брюс Локкарт прибыл в Москву. Зимняя Москва ему очень понравилась. Он окунулся в раздольную жизнь московских купцов и цыган.

Работа оказалась не очень трудной. Брюс поселился на частной квартире у вдовы писателя Эртеля, друга Толстого. Своё пребывание там использовал для изучения русского языка. Когда приехала жена, Локкарт, чтобы добавить что-то к скудному окладу, начал писать корреспонденции в газеты «Манчестер

гардиен» и «Морнинг пост» и в несколько журналов, интересовавшихся Россией. Он завёл широкий круг знакомств в среде интеллигенции, промышленников. «Для того чтобы стать настоящим работником контрразведки, оставалось завоевать лишь знать, купечество», — вспоминал Локкарт.

В 1915 году Локкарт занял пост генерального консула Великобритании в Москве. Он стал свидетелем краха царского режима, развала армии, беспорядков в тылу. В 1917 году познакомился с Керенским и Савинковым, последнего он считал «трагической фигурой, к которой нельзя было не чувствовать глубочайшей симпатии» и в самоубийстве которого не сомневался.

В сентябре 1917 года Локкарта отозвали на родину по весьма банальной причине: он сошёлся с «русской еврейкой», и история эта выплыла наружу. Формальным поводом для отзыва была болезнь, так что по прибытии в Лондон он уехал в горы лечиться. За это время в России свершилась Октябрьская революция. Локкарт снова понадобился как эксперт по России. Он высказал мнение, что Ленин и Троцкий не являются немецкими агентами, и «было бы безумием не войти в сношения с людьми, державшими в своих руках судьбы России». Ллойд-Джордж согласился с его мнением.

В январе 1918 года Локкарт вновь отправился в Россию. «Я получил весьма неясные инструкции, — вспоминает Локкарт. — …Я не был облечён никакими полномочиями. Моя задача заключалась в том, чтобы завязать сношения…»

Локкарт получил известные дипломатические привилегии, в том числе мог пользоваться шифрами и дипкурьерами. Первый советский посланник в Лондоне Литвинов написал для Локкарта рекомендательное письмо на имя наркоминдела Троцкого.

Со всякими приключениями Локкарт добрался до Петрограда. Встретили его хорошо, как человека, сочувствующего большевикам.

Как раз в это время Советскую Россию покидали союзнические посольства. Союзники полагали, что большевики не продержатся и несколько недель. Локкарт оставался в Петрограде, считая, что большевики внутренне гораздо сильнее, чем предполагают в Лондоне, и что в России нет силы, способной заменить их. С ним остался морской атташе капитан Кроми, не хотевший, по свидетельству Локкарта, допустить, чтобы Балтийский флот попал в руки немцев, и ещё несколько офицеров и чиновников контрразведки.

Вскоре В. И. Ленин принял Локкарта в Смольном. При встрече присутствовал Троцкий, который, по мнению Локкарта,

«был неспособен противостоять Ленину, как блоха не может противостоять слону».

Ленин говорил с Локкартом откровенно, ответил на все его вопросы и гарантировал ему личную безопасность и возможность в любое время покинуть Россию.

Тогда же Локкарт встретился с Мурой Бенкендорф-Будберг, в будущем своим агентом и любовницей. Позже она станет любовницей также Горького и Уэллса.

15 марта 1918 года вслед за советским правительством Локкарт переехал в Москву. Там он встретил знакомых, в том числе французского резидента генерала Лаверни, американского майора Риггса. Они договорились о политике, которую будут проводить в жизнь: «интервенция с согласия большевиков». Послы союзников — Фрэнсис, восьмидесятилетний банкир, впервые покинувший Америку, Нуланс, тоже недавно прибывший французский профессиональный политик, и другие находились в Вологде и не держали руку на пульсе событий. Нуланс и Фрэнсис стояли на позиции «интервенция без согласия большевиков».

В мае в Москву прибыл английский агент Сидней Рейли, который прославился впоследствии как «искуснейший английский шпион» (слова Локкарта). Он чувствовал себя независимо и начал действовать самостоятельно, вызвав недовольство Локкарта.

Одной из акций, предпринятых Локкартом в это время, была выдача британской визы Керенскому, переодетому сербским солдатом и заручившемуся сербским паспортом. Керенскому удалось бежать из России через Мурманск.

В конце мая 1918 года Локкарта вызвали в Вологду, где послы подтвердили своё мнение об «интервенции без согласия большевиков». Это совпало с чехословацким мятежом в Сибири. Локкарт по указанию своего правительства выразил резкий протест против попытки разоружить чехов и препятствовать их отъезду на родину. Он сам признал, что с этого момента «связал себя с движением, направленным против фактического правительства России». Теперь и он стал сторонником интервенции и свержения большевистского правительства. Локкарт активизировал контакты с антибольшевистскими силами, вступил в тайную переписку с лидерами белого движения, установил связь с антисоветским «Центром» и «Союзом возрождения России», основанным Савинковым. Среди участников заговора были французский капитан Вертимон, а также американский резидент Каламатиано.

Враги Ленина и его противники не дремали.

6 июля 1918 года был убит Мирбах и предпринята попытка

государственного переворота. Савинков, подстрекаемый французами, захватил Ярославль, беспорядки прошли в Москве, чехи, наступая на запад, заняли Симбирск.

4 августа войска союзников высадились в Архангельске, начав интервенцию. Их было всего тысяча двести человек, и эта операция практического военного значения не имела. Но Локкарт делал всё, чтобы помочь ей изнутри, финансируя местные антиправительственные силы. Не имея наличных денег, он давал письменные обязательства о выплате их в Лондоне. Одновременно Локкарт готовился к отъезду из Москвы.

15 августа к Локкарту явился некий Шмидхен — под этим именем скрывался чекист Я. Буйкис, — сопровождаемый Э. Берзинем (не путать с Я. К. Берзиным, будущим начальником Разведывательного управления Красной армии). Шмидхен передал Локкарту письмо от капитана Кроми, который писал, что надеется «крепко хлопнуть дверью до своего отъезда из России». Шмидхен объяснил, что представляет латышских стрелков, которым надоело сражаться за большевиков. Они хотят вернуться на родину, для чего просят поддержки Локкарта: ходатайства перед командующим войсками в Архангельске генералом Пулем, на сторону которого они хотят перейти, если их пошлют на фронт.

Локкарт обсудил ситуацию с генералом Лаверни и французским генконсулом Гренаром. Решили принять предложение латышей. Локкарт написал записку на имя Пуля и передал её Шмидхену. Дальнейшую судьбу латышей вручили Сиднею Рейли. При этом Рейли выразил намерение с их помощью поднять восстание после отъезда Локкарта и других дипломатов. Локкарт не поддержал его и больше с Рейли не встречался.

Утром 30 августа 1918 года глава петроградской ЧК Урицкий был убит эсером-террористом Леонидом Каннегисером. Вечером того же дня эсерка Фани Каплан совершила покушение на Ленина.

В ту же ночь Локкарт и его помощник Хикс были арестованы и доставлены в ЧК. Муру, которая ночевала у Локкарта, тоже увезли в ЧК.

После долгого ожидания Локкарта привели на допрос к заместителю председателя ВЧК Петерсу. Тот задал всего три вопроса: «Знаете ли вы эту женщину, Каплан?», «Где Рейли?» и «Это ваше письмо?» — показывая ему его записку Пулю.

Локкарт отвечать отказался. Ему было ясно, что его пытаются связать с покушением на Ленина. Его вернули в камеру. Отпросившись в уборную, он избавился от листков с шифрами, находившимися в записной книжке.

Утром Локкарта и Хикса отпустили. Он направился в голландское посольство, где узнал, что капитан Кроми во время налёта на здание консульства в Петрограде начал перестрелку, убил комиссара, но и сам был застрелен.

Во всех газетах появились кричащие заголовки о «заговоре Локкарта». Союзников обвиняли в попытке свержения правительства путём подкупа латышского гарнизона. Несмотря на это Локкарт оставался на свободе и даже ездил в Наркоминдел ходатайствовать об освобождении Муры. Там ему не помогли, и он отправился к самому Петерсу. Тот сказал, что рассмотрит просьбу Локкарта, но самого его вынужден арестовать.

Заключение Локкарта длилось ровно месяц. Первые шесть дней он содержался на Лубянке, затем его перевели в Кремль, где условия содержания были почти комфортными. Была даже ванная комната, правда, без ванны. Локкарту давали газеты, из которых он узнал, что в Лондоне в ответ на его арест посажен в тюрьму Литвинов. Петерс освободил Муру и даже разрешил ей принести Локкарту передачу.

В эти же дни в «Известиях» было опубликовано письмо члена французской миссии Рене Маршана, он писал о встрече в американском генеральном консульстве, на которой обсуждались такие меры, как взрыв железнодорожных мостов, чтобы отрезать Москву и Петроград от снабжения. К счастью для Локкарта, он на этой встрече не присутствовал.

В конце сентября Локкарта освободили. При этом Петерс предложил ему остаться в Советской России. Локкарт задумался над этим предложением. Ему не хотелось бросать Муру, но не хотелось и стать причиной новых международных осложнений. Не мог он и стать большевиком.

Через два дня после освобождения, 2 октября 1918 года, Локкарт вместе с другими освобождёнными из-под ареста англичанами и французами выехал из Москвы.

Такова версия «заговора Локкарта», изложенная им самим в книге «История изнутри», согласно которой он стал почти невинной жертвой чекистской провокации. Но есть и другая, официальная версия этого же заговора, подтверждённая свидетельскими показаниями, другими доказательствами и приговором суда. «Заговор трёх послов» действительно существовал. В истории он известен как «заговор Локкарта». Сам он, пожалуй, не был в нём главным действующим лицом, скорее «нервным узлом», через который основные заговорщики — послы Англии, Франции и США, находившиеся в Вологде, поддерживали связь со своими коллегами в Петрограде — капитаном Кроми и другими, и пытались установить связь с «мятежными»

латышскими стрелками в Москве, с единомышленниками в других городах и с генералом Пулем в Архангельске. Заговорщики ставили своей целью свержение советского правительства, арест и убийство Ленина. Шмидхен и его товарищ Спрогис специально выезжали в Петроград, откуда поступали сведения о существовании там контрреволюционного подполья. Они сумели войти в доверие к его руководителям, а те вывели их на главное действующее лицо, капитана Кроми, который был занят отнюдь не «спасением Балтийского флота», как пишет Локкарт, а заговором по свержению советского правительства. Он действительно дал Шмидхену рекомендательное письмо на имя Локкарта, а тот, в свою очередь, письмо на имя генерала Пуля. Шмидхен (Буйкис) провёл, по его словам, не одну, а несколько встреч с Локкартом, на которых тот его инструктировал: «Ваша главная и самая первая задача арестовать и убить Ленина». По просьбе Локкарта, Шмидхен привёл к нему командира полка латышских стрелков Э. П. Берзиня, который обещал Локкарту открыть ворота Кремля, куда должны были ворваться заговорщики из числа контрреволюционных офицеров. А письмо на имя генерала Пуля «и всех британских военных представителей в России» Локкарт дал Шмидхену по своей инициативе, указав в нём его настоящую фамилию: Я. Я. Буйкис.

В 1969 году престарелый Локкарт передал все документы своему сыну Брюсу Локкарту-младшему. Из этих документов явствует, что Локкарт всё же был участником заговора.

Как известно, Локкарт и некоторые другие лица были высланы из России, Вертимон и Рейли скрылись в неизвестном направлении. Заседавший после отъезда Локкарта верховный революционный трибунал приговорил Каламатиано и его помощника А. В. Фриде к расстрелу, восемь подсудимых к разным срокам заключения, а Локкарта, Гренара и бежавших от правосудия Рейли и Вертимона объявил вне закона. Это означало, что в случае задержания на территории России они будут расстреляны.

Вернувшись в Англию, Локкарт сменил немало профессий. Он занялся журналистским и литературным творчеством, банковским бизнесом, даже писал сценарии для Голливуда. Семь лет он провёл в Чехословакии, выучил чешский язык, был знаком со многими её лидерами.

В сентябре 1939 года «капитан Р. Г. Брюс Локкарт» был официально призван в Департамент политической разведки Форин Офиса. Он «вёл» такие страны, как Чехословакия, Венгрия, Югославия, Болгария, Румыния, Греция и Турция. В его задачу входило составление еженедельных политических обзоров по

этим странам для министра. Несколько позже он был назначен представителем британского правительства при правительстве Чехословакии в изгнании. Его официальный титул был «Британский агент…» Но он протестовал против этого названия, так как оно напоминало те печальные времена, когда в Москве его называли «британским агентом» и обвиняли в развязывании интервенции, против которой он, по его признанию, всегда выступал.

Затем он получил повышение: в 1941–1945 годах был директором департамента МИДа, ведавшего пропагандой и разведкой.

Когда немцы напали на СССР, первое, что сделал Локкарт, так это добился, чтобы на официальных церемониях исполнялся советский гимн «Интернационал», который до этого был запрещён в Англии.

Несмотря на то что Локкарт в России был объявлен «вне закона», у него сложились прекрасные отношения с советским послом Майским. Локкарт активно выступал за скорейшее открытие второго фронта и усиление помощи Советскому Союзу. В своём меморандуме на имя правительства он потребовал, чтобы Россию признали равноправным партнёром при обсуждении стратегии войны, и в послевоенном урегулировании, и чтобы она рассматривалась как Великая держава. Его проект был поддержан Иденом и Рузвельтом и послужил основой для союзного договора между СССР, США и Великобританией.

Во время визита в Англию советской делегации во главе со Шверником Локкарт был его переводчиком. За обедом Иден шутливо сказал: «Брюс был причиной интервенции». Локкарт возразил: «Я был не причиной, а жертвой интервенции». Шверник воспринял разговор очень серьёзно и заключил: «Я знаю господина Локкарта. Я думаю, что сегодня мы согласимся с тем, что он был в центре событий, в которых всё ещё трудно разобраться». Иден поддержал серьёзный тон Шверника и сказал, что главное сейчас, чтобы не было никаких недомолвок между союзниками.

В своих мемуарах о военных годах, написанных в 1947 году, Локкарт с большой теплотой отзывается как о старой России, так и о современной, добившейся победы в тяжелейшей войне.

СИДНЕЙ РЕЙЛИ (1874–1925)

Энтузиаст шпионажа и авантюр. Пожалуй, именно такими тремя словами можно определить суть этого незаурядного человека. Говорят, что каждая эпоха рождает своих героев. Появись он на свет в другое время, может быть, он и не нашёл бы применения своим талантам.

Настоящее его имя Зигмунд Георгиевич Розенблюм, родился он на юге России, под Одессой. Достоверных сведений о первых годах его жизни нет, известно лишь, что неуёмная жажда приключений ещё в юности забросила его в Латинскую Америку. Его отчимом или приёмным отцом стал некий Сидней Рейли Каллаган. Отбросив фамилию отчима, юноша взял его имя и стал Сиднеем Рейли (это одна из версий, всей правды о его жизни никто не знает).

В Америке он познакомился с майором английской секретной службы Фочергилом и начал работать на британскую разведку. Ему каким-то образом удалось получить британское подданство.

Страсть к приключениям переросла в авантюризм, и он стал платным агентом нескольких разведок.

Во время русско-японской войны Рейли отправился на Дальний Восток, где сотрудничал с японской спецслужбой. Затем, перебравшись в Петербург, он, продолжая работать на англичан, предложил свои услуги и российской разведке. Крупные деньги он зарабатывал в качестве маклера по различным торговым делам, сочетая это занятие со шпионажем. Это дало ему возможность приобрести в 1906 году роскошную квартиру в Петербурге; более того, он собирал картины и создал неплохую коллекцию.

Над Европой сгущались тучи мировой войны. И для России, и для Англии главным противником была Германия. По заданию английской разведки Рейли устраивается… сварщиком на военный завод Круппа, там он убивает двух охранников и крадёт секретные документы. После этого у него хватает смелости никуда не бежать из Германии, а поступить на немецкую судоверфь, где он проворачивает хорошенькое дельце — похищает секретные чертежи новых кайзеровских дредноутов и продаёт их одновременно англичанам и русским. На этот раз из Германии ему приходится скрыться, но он не унывает, так как среди его «патронов» появляются и американцы, а следовательно, и новые источники дохода.

Но всё же главные его хозяева — англичане, и он по заданию британской разведки в 1918 году вновь появляется в России, где

готовит военный переворот с целью свержения правительства большевиков. Он работает как совместно с Савинковым, так и с «тремя послами» (см. очерк о Б. Локкарте), иногда проявляя и собственную инициативу, неожиданную даже для такого заговорщика, как Б. Локкарт.

К Локкарту под видом участников заговора явились латыши-чекисты Шмидхен (Буйкис) и Берзинь, которые выразили желание перейти на сторону англичан.

Локкарт вспоминает: «Я написал на имя английского генерала Пуля (командующего интервенционистскими войсками в Архангельске. — *И.Д.*) записку, которую вручил Шмидхену и Берзиню, и познакомил их с Рейли. Через два дня Рейли сообщил, что „переговоры шли гладко, и латыши не имели никакого намерения впутываться в неудачи большевиков“. Он выдвинул предложение поднять после нашего отъезда контрреволюционное восстание в Москве с помощью латышей. Проект этот был категорически отвергнут генералом Лаверном, Гренаром и мною самим, — утверждает Локкарт, — а Рейли было дано особое предупреждение никоим образом не участвовать в столь опасном и сомнительном деле».

Однако Рейли, как известно, не внял этому предупреждению. Он продолжал разыгрывать карты заговора, который окончился полным провалом, был раскрыт, и все главные заговорщики предстали перед судом. Рейли судили заочно, так как ему удалось бежать.

Приговором суда он был объявлен «вне закона», а это по понятиям того времени означало, что в случае обнаружения и задержания на территории России он должен быть расстрелян без следствия и суда.

Вот что пишет в своих мемуарах «История изнутри» Брюс Локкарт: «Рейли, имя которого главным образом фигурировало в заговоре, исчез… Оказалось, что Пуль, американский генконсул (не путать с английским генералом Пулем. — *И.Д.*)… склонен был считать Рейли провокатором, инсценировавшим заговор для выгоды большевиков. В одном из рассказов о заговоре упоминалось о проекте не убивать Ленина и Троцкого, а провести их по московским улицам в нижнем белье. Такое фантастическое предложение могло зародиться только в изобретательном уме Рейли. Я засмеялся над опасениями Пуля. Позднее я ближе узнал Рейли, чем в то время, но мнение о его характере не изменилось. Ему было тогда сорок шесть лет. Это был человек с громадной энергией, очаровательный, имевший большой успех у женщин, и честолюбивый. Я был не очень большого мнения о его уме. Знания его охватывали большую область от политики до

искусства, но были поверхностны. С другой стороны, мужество его и презрение к опасности были выше всяких похвал. Капитан Хилл, его соратник… вряд ли мог бы не обнаружить, если бы со стороны Рейли велась двойная игра… Когда я приехал в Англию, то со всей убеждённостью поручился за Рейли перед министерством иностранных дел».

Далее Локкарт отмечает, что хотя он никогда не сомневался в верности Рейли союзникам, но никогда не был уверен, как далеко тот зашёл в своих переговорах с латышами.

«Это был человек наполеоновской складки. В жизни его героем был Наполеон… Он видел себя брошенным в Россию, и перспектива свободных действий внушила ему наполеоновские замыслы, — пишет Локкарт. — По его теории, Берзинь и другие латыши вначале искренне не хотели сражаться против союзников. Когда они поняли, что интервенция союзников не опасна, они отшатнулись от него и выдали, чтобы спасти свои шкуры.

По возвращении в Англию Рейли поспешно договорился с Черчиллем и сторонниками интервенции и уехал на юг России в качестве английского агента при армии Деникина. Когда эта авантюра окончилась крушением, Рейли объединился с Савинковым, осаждавшим в это время государственных деятелей Англии и Франции просьбами о поддержке его движения. Рейли, расходовавший деньги с расточительностью, исчерпал на Савинкове свои ресурсы.

Стеснённый в средствах, он предпринял последнюю отчаянную попытку спасти свои дела и отправился в Россию с контрреволюционным планом».

Так написал о Рейли Локкарт. Мы несколько уточним и дополним его воспоминания.

В 1920-е годы одновременно с операциями по поимке Савинкова советская разведка и контрразведка проводили и другие, направленные против белогвардейских организаций. В Берлине действовал ВМС — «Высший монархический совет», в Париже РОВС — «Российский общевоинский союз». Они ставили своей целью свержение советской власти и восстановление монархии в России.

В конце 1921 — начале 1922 года в ВЧК стали поступать сведения о наличии в России нескольких монархических групп, которые стремились установить прямой контакт с центрами белой эмиграции и, опираясь на их помощь, готовить вооружённое восстание. Сами эти группы не были опасными, но их объединение под руководством ВМС могло представить серьёзную угрозу.

Руководство ВЧК решило перехватить инициативу, создать

легендированную «Монархическую организацию Центральной России» (МОЦР) и сделать так, чтобы она превратилась в своего рода «окошко», через которое ВЧК могла бы получать информацию о планах и замыслах противника и управлять событиями.

Организации присвоили вполне невинное, особенно в разгар нэпа, наименование «Трест». Перед «Трестом» была поставлена задача: подчинить себе монархическое общественное мнение за рубежом; внушить ему мысль о вреде террора и диверсий; убедить, что главное — внутренняя контрреволюция, то есть «Трест», а эмиграция — только подпора; «подсовывать» эмиграции материалы для споров и раздоров; выявлять забрасываемых в Россию шпионов и террористов, а также перехватывать каналы связи с иностранными разведчиками.

Оперативной игрой под названием «Трест» руководил соратник Дзержинского Артузов. МОЦР развила не только монархическую, но и «шпионскую» деятельность. Эстонской, а затем польской и финской разведкам стали передавать под видом «ценной информации» дезинформацию, специально подготовленную в Генштабе Красной армии. Этими сведениями эстонцы, поляки и финны делились с англичанами и французами. И так как они не всегда указывали свои источники, то получалось, что информация очень убедительная — ведь она поступала от трёх независимых разведок, что подтверждало её достоверность.

Эта дезинформация сыграла свою роль: мощь Красной армии была преувеличена, поэтому западные державы отказались от новых планов интервенции, а затем решили установить мирные отношения с Советской Россией.

«Трест» выполнил и ещё одну задачу. Он рассорил ВМС и РОВС. Да и в самом РОВСе он добился смены власти. Вместо генерала Врангеля РОВС возглавил генерал Кутепов. Врангель, который до этого был знаменем белого движения, утратил свой авторитет. Это было важно, так как Врангель, можно сказать, был вождём всех белых, а Кутепов — только монархически настроенной эмиграции, прежде всего из офицерской среды. Правда, оказалось, что он ещё «круче» Врангеля.

Чтобы проверить работу МОЦР, Кутепов направил в Москву своих представителей — племянницу Марию Захарченко-Шульц (см. очерк о ней) и её мужа Радковича. Это осложнило работу чекистов, так как «Племянники», а особенно Мария, оказались дотошными контролёрами. Однако чекистам удалось взять под контроль деятельность этой пары.

Все задачи, поставленные перед МОЦР, успешно

выполнялись. Теперь Артузов знал обо всей засылаемой из-за рубежа агентуре. На советско-финской границе было открыто «окно», через которое перебрасывали агентуру и почту. Хозяином «окна» был начальник заставы Тойво Вяхя, якобы «завербованный» МОЦР.

Из разных источников поступили сообщения о том, что находящийся в США английский разведчик Сидней Рейли проявляет интерес к положению в России. Собранные о нём сведения подтверждали, что Рейли принимает меры для свержения советской власти как из собственных побуждений, так и по заданию английской разведки. В конце 1921 года Рейли организовал встречу Савинкова с Черчиллем. Савинков так радужно обрисовал перспективы борьбы своего «Народного союза защиты родины и свободы», что Черчилль пригласил его на встречу с премьер-министром Англии Ллойд-Джорджем. Но тот разочаровал Савинкова, говоря больше о торговле, нежели о терроре.

Однако Рейли по-прежнему возлагал надежды на Савинкова и подробно инструктировал его перед поездкой последнего в СССР в 1924 году. Однако инструктаж не помог: Савинков был захвачен и осуждён.

ОГПУ располагало информацией о том, что и сам Рейли намеревался приехать в СССР.

Собственно говоря, Рейли не казался особенно опасным противником, хотя ещё в 1922 году он участвовал в подготовке покушения на наркома иностранных дел Чичерина. Но после провала Савинкова стало известно, что Рейли совместно с белогвардейцами замыслил совершение террористических актов в СССР. Он связался с деятелями легендированной организации МОЦР и предложил совместно провести ряд терактов. Дзержинский и Артузов приняли решение вывести Рейли на территорию СССР и арестовать его.

Для того чтобы побудить Рейли приехать в СССР, решили «втёмную» использовать Марию Захарченко-Шульц, представительницу генерала Кутепова в МОЦР. Эту идею, сам того не ведая, поддержал и резидент английской разведки в прибалтийских странах Бойс. Он послал Рейли в США зашифрованное письмо, в котором информировал его о том, что МОЦР — это мощная монархическая организация, в работе которой заинтересованы английская и французская разведки.

Рейли согласился и отправился в Финляндию. По пути, в Париже, встретился с генералом Кутеповым, который поддержал идею поездки Рейли в СССР.

В двадцатых числах сентября Рейли прибыл в Хельсинки. 24

сентября с ним встретился один из «руководителей» МОЦР Якушев (агент ОГПУ). Рейли изложил свои взгляды на политическое положение в Европе, Америке и России. Он предложил два пути финансирования МОЦР: покупка и кража художественных произведений и сотрудничество с английской разведкой — снабжения её информацией о деятельности и планах Коминтерна. Якушев, объяснив, что он не может единолично принимать решение, пригласил Рейли в Москву на заседание «политического совета» МОЦР.

Рейли колебался. Но тут, как говорится, подсуетилась Захарченко-Шульц. Она стала стыдить Рейли: «Я, слабая маленькая женщина, не боюсь переходить границу, а вы, джентльмен, боитесь!» Рейли решился. 25 сентября 1925 года Рейли перешёл финскую границу через «окно» Сестрорецка. Его встретил «хозяин окна» Тойво Вяхя, начальник заставы, который, как полагали, является агентом МОЦР. Вяхя на двуколке доставил его на станцию Парголово. Там Рейли сел в поезд, шедший в Ленинград. В вагоне его ожидали Якушев и чекист, выступавший под фамилией Щукин.

День 26 сентября Рейли провёл в Ленинграде, на квартире Щукина, а вечером в международном вагоне с паспортом на имя Штейнберга в сопровождении Якушева выехал в Москву.

27 сентября на даче в Малаховке на заседании «политического совета» МОЦР (все члены были чекистами) Рейли изложил свои предложения, о которых говорил Якушеву в Ленинграде.

С заседания «совета» его повезли на «конспиративную квартиру» в Москве. По дороге он бросил в почтовый ящик две открытки: одну в США, другую в город Бланкенбург в Германии.

После этого Рейли прямиком доставили в здание ОГПУ на Лубянке. Там ему объявили, что согласно приговору, вынесенному ему в 1918 году, он подлежит расстрелу. Но расстреливать не спешили. Его допрашивали, и он выложил всё, что знал о деятельности английской разведки. Условия его содержания были привилегированными: его возили на прогулки в Сокольники, в сопровождении чекиста-разведчика Сыроежкина он даже посещал ресторан.

Рейли вёл дневник, из которого видно, что он не отнёсся серьёзно к заявлению чекистов о приведении приговора в исполнение. Он рассчитывал, что его обменяют. Однако этого не произошло. 5 ноября 1925 года Рейли был расстрелян. Его убили во время прогулки в парке Сокольники выстрелом в затылок. Тело зарыли во дворе здания ОГПУ.

Ночью 29 сентября на границе были инсценированы

перестрелка, крики, шум, «убийство» трёх человек и арест Тойво Вяхя. Всё это было сделано для того, чтобы финская разведка посчитала, что Рейли и сопровождавшие его люди случайно наткнулись на пограничников и в завязавшейся перестрелке убиты. Об этом сообщила ленинградская «Красная газета».

Был распространён слух, что Тойво Вяхя как предатель и изменник расстрелян. В действительности же он был награждён орденом Красного Знамени и под чужим именем переведён в другой пограничный округ на должность начальника заставы. В почёте и уважении он прожил долгую жизнь.

МАРИЯ ЗАХАРЧЕНКО-ШУЛЬЦ (1893–1927)

Ненависть этой женщины к советской власти можно сопоставить лишь с той пользой, которую она своими действиями объективно принесла карающему органу этой власти — ВЧК. Недаром говорят, что «ненависть застит глаза». В своём ожесточении она не увидела того, что мог бы разглядеть более хладнокровный и рассудительный человек.

Однако всё по порядку…

Мария Владиславовна Лысова родилась в дворянской семье, в Пензенской губернии, 3 декабря 1893 года. Мать умерла сразу после родов, а отец, занятый службой, отдал её в руки гувернанток. Своенравная воспитанница не очень-то жаловала их, училась, правда, хорошо, но едва кончались занятия, вырывалась из-под их опеки и бросалась в конюшню. Лошади были её страстью, недаром она стала впоследствии гусаром.

Смольный институт Мария окончила с золотой медалью в 1911 году. Пробыв год в Лозанне, вернулась в деревню, где привела в порядок хозяйство и создала при имении небольшой, но образцово-показательный конный завод.

В 1913 году Мария вышла замуж за участника японской войны капитана Михно.

Начавшаяся мировая война перевернула её жизнь. Муж, тяжело контуженный, умер на руках Марии, а через три дня у неё родилась дочь. Оставив её на попечение кормилицы и гувернантки, она направилась в Петроград, где всеми правдами и неправдами, решив заменить мужа, добилась направления на фронт. В среде солдат, унтеров и младших офицеров, в которой она теперь находилась, Мария быстро нашла свою нишу. Ледяной, иногда наглый взгляд, неприступный вид, крепкое словцо, которое она могла отпустить, никому не давали повода попытаться завязать с ней близкие отношения. К тому же её отчаянная храбрость и удивительная выносливость вызывали уважение, а безжалостное отношение к противнику и излишняя жестокость удивляли даже видавших виды солдат.

Мария настояла на том, чтобы её взяли в разведчицы. Однажды, находясь в разведке с двумя рядовыми, нарвалась на немецкую засаду. Их встретил град пуль с двадцати—тридцати шагов. Один солдат был тут же убит наповал, второго, тяжело раненного в живот, Мария, сама раненная в руку, под ураганным огнём немцев вынесла на себе к своим. За этот подвиг была награждена солдатским «Георгием». Второй Георгиевский крест получила за поиск под деревней Локница. В ноябре 1916 года,

добровольно вызвавшись быть проводником команды разведчиков дивизии, ночью провела их в немецкий тыл. Команда вышла к заставе, которую занимала рота противника. Разведчики напали внезапно и без единого выстрела. В результате немецкая рота частично была переколота штыками, частично захвачена в плен. Мария лично участвовала в штыковом бою.

Осенью 1917 года фронт развалился, и Мария вернулась в родное имение. В отличие от других помещиков, бросавших всё нажитое на произвол судьбы и бежавших в города, она осталась в опустевшей усадьбе строгой и своенравной хозяйкой. Первого же, попытавшегося что-то «экспроприировать», избила хлыстом и гналась за ним полверсты, пока он не скрылся в каком-то сарае.

Но накал революционных страстей нарастал, и вскоре крестьяне и вернувшиеся с фронта солдаты из большого села разгромили ближнее имение, захватив и распределив между собой скот с фермы. В ответ Мария сформировала отряд из молодых пензенских офицеров, тоже бывших фронтовиков, студентов и старших гимназистов и организовала карательную экспедицию. Захватив село, Мария жестоко расправилась с его жителями и лично участвовала в расстреле руководителей налёта на имение.

В неразберихе революционных событий 1917 года эта акция так и осталась не расследованной, но Марии пришлось распустить свой отряд и переехать в Пензу.

Дом Лысовых был занят под местный совет, и она поселилась в маленьком флигеле, во дворе; здесь, чуть ли не на глазах у совета, организовала переправу офицеров на обозах, следовавших на восток за солью, к Колчаку через чехословацкий фронт.

Офицеры, ожидавшие отправки, скрывались в зарослях сада и под лестницей в чулане флигеля. Однажды ночью к Марии постучали. Она открыла и сразу узнала пришедших. Одним из них был генерал Розанов, ещё недавно вручавший ей Георгиевский крест, другим — полковник Захарченко, старый друг её покойного мужа. Встреча была радостной, но недолгой. Розанова отправили с первым обозом, впоследствии он стал начальником штаба Колчака. У Захарченко же открылась рана, и ему пришлось задержаться.

Мария преданно ухаживала за больным, и они полюбили друг друга. Вскоре скромно справили свадьбу. Теперь она стала Марией Захарченко, под этим именем она и вошла в историю разведки.

Захарченко когда-то служил в Персидской бригаде и имел там надёжные связи. Каким-то образом он достал документы о том, что является персидским подданным. Так и Мария

приобрела подданство Персии.

Дело по переправке офицеров стало опасным — на след Марии вышла ЧК. Надо было поскорее убираться из Пензы.

Новые «персы» отправились в Астрахань, пароходом добрались до Пехлеви, где друзья полковника уже наладили выгодное дело. Теперь можно было жить в покое.

Но Марии была полна ненависти и мечтала отомстить тем, кто отнял у неё имение и любимый конный завод, в который она вложила столько труда и сердца. До Персии стали доходить слухи о том, что на юге России создаётся Добровольческая армия. Муж колебался, но Мария настояла: «Мы едем туда!»

Прямого пути через Кавказ не было, пришлось добираться окольным — через всю Персию, Индию, а затем на английских пароходах через Порт-Саид и Босфор в Новороссийск. Здесь полковник Захарченко принял под своё командование Кавказский полк, Мария стала его ординарцем, а при ней состояли ещё два ординарца-перса.

Мстить красным она решила до конца, и злоба её нарастала с каждым боем, с каждым прощанием с погибшими однополчанами. Она неслась в бой, как на праздник, не щадя ни врагов, ни себя.

Вся печальная эпопея Добровольческой армии вписалась в её жизнь: поход на Москву, успехи и поражения, новороссийская катастрофа, Крым, Северная Таврия, непрерывные бои. Как многие в то время, Мария перенесла и тиф, сначала в седле, а потом в подводе в обозе полка.

Она стала ещё более жестокой. С дикой, бешеной злобой казнила захваченных в плен красноармейцев, сама расстреливала их из пулемёта и заслужила прозвище «Бешеной Марии».

Но всему приходит конец. В кавалерийской атаке полковник Захарченко был тяжело ранен и умер на её руках. Почти прямо от его могилы она снова пошла в бой, в котором искала забвения либо смерти.

В одном из последних боёв, в ноябре 1920 года, Мария была ранена, отбилась от полка и с отмороженными руками и ногами с трудом добралась до Керчи, где попала на последний пароход, уходивший в Константинополь.

Далее началась унылая жизнь, через которую прошли тысячи эмигрантов, офицеров Белой армии. Печально известное «Галлиполийское сидение», голод, холод, безденежье, а главное — полное отсутствие надежды на что-то — то ли на новую успешную войну против большевиков, то ли на человеческое устройство в этом треклятом эмигрантском мире.

С кавалерийским эшелоном Мария осенью 1921 года попадает в Сербию. Снова борьба за жизнь, за кусок хлеба, и

мечты о новом походе… С этими мечтами она пробирается на север, в Германию. У неё есть возможность поехать в Париж, куда её зовут друзья её дяди, генерала Кутепова. Но она остаётся в Берлине, потому что он ближе к России, откуда доносятся пока ещё смутные слухи о том, что там набирает силу и консолидируется монархическое движение, которое может стать боевым и объединяющим центром борьбы за великую, единую и неделимую Россию.

Ещё в Галлиполийском лагере Мария — уже дважды вдова — сошлась с лихим врангелевским разведчиком, штабс-капитаном Георгием Радковичем, и стала его гражданской женой. Вместе они проделали путь в Сербию, а затем и в Германию. Радкович, как и Мария, ненавидел новый строй в России, хотя и не был таким фанатиком, как она. Мария подавляла его своей сильной волей. Он полностью находился под её влиянием и к тому же имел присущий многим российским офицерам недостаток: любил выпить, а в пьяном состоянии устраивал дебоши, за которые она часто отхлёстывала своего Гогу по щекам.

В Берлине, где в эти годы активно действовал «Высший монархический совет» (ВМС), работа для боевой, желающей попробовать себя в настоящем деле, пары скоро нашлась. Они получили документы на имя супругов Шульц и ждали приказа действовать.

Однажды Марию пригласил к себе один из руководителей монархистов Николай Евгеньевич Марков.

— У Монархического совета есть верный филиал в Москве, — сказал он. — Это Монархическая организация центральной России — МОЦР. Наша задача: ещё раз убедиться в надёжности и возможностях МОЦР и наладить с ней постоянную связь.

Теперь хорошо известно, что МОЦР была легендированной организацией, «созданной» чекистами, и являлась составной частью игры «Трест», которая велась под руководством Менжинского и Артузова.

Дзержинский сумел привлечь на свою сторону одного из активных монархистов — Якушева, который по его заданию практически возглавил МОЦР, отвечая за все её зарубежные контакты и перехватив каналы связи отечественных монархистов с зарубежными.

Заместителем Якушева по финансовым делам стал агент ВЧК, бывший царский офицер Опперпут (под фамилией Стауниц), человек авантюрного склада, с неустойчивым характером.

Из Ревеля поступило сообщение, что в Москву направляется супружеская пара Шульц, имеющая полномочия от самого Кутепова. Они должны прибыть к Стауницу. И Артузов, и Стауниц

понимали, что эти люди едут в качестве контролёров, и каждый по-своему опасался их. В то же время появилась возможность установить через них прямые связи с Кутеповым и, более того, проникнуть в возглавляемый им РОВС.

Шульцы прибыли с опозданием, изнурённые дорогой и взбудораженные. Своим первым впечатлением о Марии Стауниц поделился с «напарником», чекистом Зубовым:

— Психопатка, с бледным лицом, судорожно сжатыми губами и широко открытыми горящими глазами. Призналась, что является племянницей Кутепова и её настоящая фамилия Захарченко.

В материалах по делу «Трест» прибывшая пара получила кличку «Племянники». Они попали в цепкие объятия чекистов, и если раньше Мария в какой-то степени сама управляла событиями, то теперь, не сознавая этого, она на какое-то время стала игрушкой в чужих руках.

Она рвалась к активным действиям, к диверсиям, к террору. Чтобы не допустить этого и как-то занять «Племянников», им нашли дело: сняли для них ларёк на Центральном рынке, где они, торгуя сахарином, одновременно исполняли роль «почтового ящика» — получали пакеты для «Треста» от сотрудников польского и эстонского посольств и передавали им пакеты «Треста». Кроме того, Стауниц поручал Марии шифровку писем, отправляемых за границу. Это была нелёгкая, требующая усидчивости и отнимающая много времени работа, но «Племянников» надо было не только нейтрализовать, но и заставить действовать на пользу «Треста».

Естественно, было сделано всё, чтобы в глазах «Племянников» «Трест» выглядел мощной, влиятельной, хорошо законспирированной организацией. Это не могло не произвести впечатления, «Племянники» направили в Париж Кутепову донесение с восторженным отзывом о работе «Треста». Но в то же время появился и тревожный сигнал: Стауниц подслушал и пересказал Зубову разговор супругов о том, что втайне от «Треста» они собираются совершить диверсию. Кроме того, хотя Мария и направляла через «Трест» восторженные письма Кутепову, у неё сложилось несколько иное мнение об этой организации. В доверительном разговоре она сказала Стауницу:

— «Трест» должен существовать только до переворота. А когда он произойдёт, вернётся Кутепов, который не станет считаться ни с Якушевым, ни с его идеологией, и наведёт в России должный порядок.

Тем временем в Париже произошли важные изменения. Под руководство Кутепова полностью перешёл «Российский

общевоинский союз» (РОВС), объединяющий двадцать пять тысяч белогвардейских офицеров. Поэтому особое значение приобрела роль Марии Захарченко-Шульц как главной представительницы Кутепова в России. «Тресту» доверяли и на него делали основную ставку. Доказательством этого послужило приглашение Якушева и Захарченко в Париж на встречу с Кутеповым. В июле 1925 года через «окно» они перешли границу Польши. До Парижа добрались без помех. Якушев понравился Кутепову и имел аудиенцию у самого великого князя Николая Николаевича. Репутация «Треста» была подкреплена.

После возвращения из Парижа Мария Захарченко получила новое задание от руководства «Треста», не зная, что выполняет задание Артузова.

Дело в том, что руководство ВЧК-ОГПУ приняло решение заманить в СССР давнего врага советской власти Сиднея Рейли, ещё в 1918 году приговорённого к расстрелу за участие в заговоре Локкарта. Его требовалось обезвредить, так как от общих слов о борьбе с большевиками он решил перейти к террору и предпринял кое-какие конкретные шаги.

Мария Захарченко и Григорий Радкович под фамилией супругов Красноштановых легально выехали за рубеж. Они встретились в Париже с Рейли и ознакомили его с деятельностью «Треста» как главной опоры контрреволюционных сил в России. Рейли заинтересовался возможностью использовать «Трест» в своих целях. Правда, Мария сказала, что «Трест» террором не занимается, но Рейли решил, что нужно иметь базу и надёжных людей, а уж как их привлечь к выполнению своих целей, он и сам разберётся.

Из Парижа супруги Красноштановы переехали в Гельсингфорс. От имени «Треста» они связались с финской разведкой и провели переговоры об организации «окна» на финско-советской границе. Тем временем велась работа по склонению Сиднея Рейли к поездке в Москву. Главную роль в ней сыграл Якушев. Марии досталась вспомогательная: на собственном примере показать, что пересекать советскую границу вполне возможно и не представляет опасности.

Якушев окончательно убедил Рейли, и в ночь на 26 сентября 1925 года он отправился в путь. Обстоятельства его ареста и дальнейшая судьба хорошо известны, напомним лишь, что 5 ноября 1925 года был исполнен приговор, вынесенный ему в 1918 году.

Исчезновение Рейли вызвало панику.

Мария Захарченко 29 сентября направила Стауницу телеграмму: «Посылка пропала. Ждём разъяснений». А в письме

Якушеву она жаловалась: «Мучительная, щемящая тоска и полная неизвестность… У меня в сознании образовался какой-то провал… У меня неотступное чувство, что Рейли предала и убила лично я… Я была ответственна за „окно“… Для пользы дела прошу взять нас или хотя бы меня на внутреннюю работу».

Неприятные минуты Марии пришлось пережить, когда в Гельсингфорс приехала жена, теперь уже вдова Сиднея Рейли. Её пришлось убеждать, и небезуспешно, в непричастности «Треста» к гибели Рейли. Она поместила в «Дейли экспресс» траурное извещение о смерти мужа, но всё время порывалась ехать в Россию, чтобы отыскать его или его могилу. Мария с трудом отговорила её.

Благодаря принятым мерам доверие к «Тресту» не было подорвано, и вскоре с его помощью и с участием Марии провели ещё одну, на этот раз вполне бескровную операцию.

В конце 1925 года нелегальную поездку в СССР решил совершить Василий Витальевич Шульгин, видный монархист, бывший депутат Государственной Думы, один из тех, кто принял отречение Николая II. Цель его поездки была вполне мирной: отыскать своего сына, пропавшего без вести во время Гражданской войны. Менжинский и Артузов решили, что поездка Шульгина под эгидой «Треста» никакого вреда не принесёт, а польза будет велика. Во-первых, подтвердится существование и реальная сила МОЦР — «Треста», а во-вторых, впечатления Шульгина, его размышления о том, что он увидел в России в 1925–1926 годах — а это были годы наибольшего процветания нэпа, — могли бы открыть глаза многим эмигрантам на те положительные перемены, которые произошли в России.

Шульгину была открыта «зелёная улица» — обеспечено надёжное «окно» на границе, надёжное сопровождение по всему маршруту, интересные встречи.

Перед поездкой Шульгин отрастил седую бороду, а в Киеве попробовал её выкрасить, но из-за скверной краски она оказалась красно-зелёной. Пришлось бороду сбрить. (Этот случай описан Ильфом и Петровым в «Двенадцати стульях» в эпизоде, когда волосы, выкрашенные Воробьяниновым, приобрели зелёный цвет.)

4 января 1926 года Шульгин приехал в Москву, и его поселили в Лосиноостровской, на зимней даче «Племянников». В своей книге об этой поездке, написанной сразу по возвращении, он изменил обстановку и имена действующих лиц, а впоследствии писал:

«Я был отдан Марии Владиславовне Захарченко-Шульц и её мужу под специальное покровительство. Муж её был офицер… По

её карточкам, снятым в молодости, это была хорошенькая, чтобы не сказать красивая женщина. Я её узнал уже в возрасте увядания (ей шёл всего лишь тридцать третий год! — *И.Д.*), но всё-таки кое-что сохранилось в её чертах… Испытала очень много, и лицо её, конечно, носило печать этих испытаний, но женщина была выносливая и энергии совершенно изумительной. Она была помощницей Якушева. Между прочим, она работала „на химии“, то есть проявляла, перепечатывала тайную корреспонденцию, которая писалась химическими чернилами…

Мне приходилось вести откровенные беседы с ней. Однажды она мне сказала: „Я старею… Чувствую, что это мои последние силы. В этот "Трест" я вложила все свои силы, если это оборвётся, я жить не буду“».

Захарченко жаловалась Шульгину на медлительность Якушева, его нежелание совершать теракты или другие «громкие» акции. Постепенно в её глазах и мужа, и Якушева вытеснял другой человек — Стауниц.

Шульгин благополучно закончил поездку, вернулся в Париж и подготовил рукопись своей книги. Чтобы не выдать «тайны „Треста“», он присылал её по частям на рецензию в Москву. «Мы редактировали её на Лубянке», — вспоминал позже Артузов. Естественно, что книга получилась если не явно просоветской, то благожелательной к советской власти, что вызвало целую бурю в эмигрантской среде.

Отношение Марии к Якушеву и Потапову («руководителю» военной секции МОЦР — «Треста») окончательно определилось. Она уже считала их людьми, непригодными для руководства «Трестом». Теперь только Кутепов в Париже и Стауниц-Опперпут в Москве представляли для неё интерес, тем более что деловая связь с последним скоро перешла в интимную. Радкович оказывался «третьим лишним» в этом треугольнике.

В сентябре 1926 года Мария вновь побывала в Париже, на этот раз с химиком Власовым. Его послали туда, так как Кутепов и активный сторонник террора монархист Гучков предложили использовать отравляющий газ для теракта, и надо было его проверить.

Приехав в Париж, Захарченко активно поддержала идею теракта и предложила свой план: произвести массовое отравление делегатов съезда Советов во время заседания в Большом театре, одновременно подготовив за границей и забросив в Москву отряд из двухсот бывших офицеров, которые сразу же после теракта захватят Кремль.

Но… выяснилось, что Кутепов сам был обманут: никакого газа не оказалось. Зато он обсудил с Марией план террора и

направления в Россию группы террористов. Кутепов теперь через Марию напрямую сносился со Стауницем-Опперпутом и делал ставку на него. Вскоре в Москву приехали три террориста, к счастью, ещё под контролем «Треста».

Мария стала подозревать, что Якушев — двойник и работает если не на оппозицию в лице Троцкого, то, скорее всего, просто на себя: боится, что теракты могут вывести на его след, а без них он спокойно пересидит трудное время, а потом придёт к власти. Она так убедительно говорила, так внушала Стауницу-Опперпуту мысль о том, что именно он должен стать во главе «Треста», что тот, наконец, поверил в это. Он, как и Георгий Радкович, полностью попал под влияние этой женщины. Мария призналась мужу, что живёт со Стауницем, но объяснила это тем, что он ей нужен для работы. Тот проглотил это известие.

События стали стремительно разворачиваться. В Краснодаре произошёл провал, и Стауниц-Опперпут узнал о том, что его «друг» Зубов был предупреждён Якушевым об этом провале. Значит, он чекист? Стауниц помчался на дачу к Захарченко.

— Мария Владиславовна!

Она удивилась, услышав такое обращение.

— Мария! — продолжал Стауниц. — И я и ты — орудие Якушева, а Якушев чекист! И Потапов! И Зубов! — Посмотрев на Марию, Стауниц испугался: на него глядели глаза сумасшедшей. «Ведьма!» — подумал он.

— Нам надо срочно бежать. Сейчас прямо на вокзал, в Ленинград, и через финское «окно».

Уходя, Стауниц-Опперпут оставил на столе прощальную записку, где написал о том, что Якушев, Потапов, Зубов — чекисты, а сам он и Захарченко находятся вне пределов досягаемости ГПУ. Действительно, через ещё действующее «окно» на финской границе в ночь на 13 апреля 1927 года им удалось бежать в Финляндию, где уже находился Радкович.

«Трест» перестал существовать.

В отместку Кутепов отдал приказ развернуть террористическую деятельность и убивать как можно больше советских работников.

Началась активная засылка террористов в СССР. В числе прочих был и Георгий Радкович. В ночь на 4 июня он с напарником перешёл финскую границу. Их задачей было найти чекистов, руководивших операцией «Трест», и отомстить им. Конечно, задача была неразрешимой для них. Они и не пытались её выполнить, а сделали самое лёгкое, что могли: вечером 6 июня Радкович бросил бомбу в бюро пропусков ОГПУ. В суматохе им удалось бежать, но в районе Подольска их настигли и окружили.

В безвыходном положении Радкович застрелился.

Вслед за ним границу пересекли Мария Захарченко-Шульц, Стауниц-Опперпут и некий Вознесенский.

Этому предшествовало заключение Стауница в финскую тюрьму и публикация им в финской и эмигрантской прессе материалов, разоблачающих «Трест». Из неумело написанных статей можно было сделать вывод, что он сам был чекистским агентом. От Опперпута потребовали доказать делом, что это не так, в противном случае он мог поплатиться жизнью.

Он обратился за советом к Марии.

— Я виновата не меньше тебя и пойду с тобою! — заявила она.

Перед поездкой их инструктировали сам генерал Кутепов и специально приехавший из Ревеля английский разведчик Бойс. Прощаясь, Кутепов перекрестил Марию и трижды поцеловал — по обычаю.

Так получилось, что руководить группой стала она. И вот они снова в Москве. Раньше избегали района Лубянки, теперь Мария с пистолетом в кармане несколько раз прошлась по ней (авось, кого-нибудь встретит), побывала даже на квартире Якушева, но его в Москве не застала.

Потом в косыночке и простом, немодном платье решилась внимательно осмотреть здание ОГПУ на Лубянке. Беспрепятственно вошла во двор, который не охранялся, и к своей большой радости обнаружила тоже неохраняемое пустовавшее помещение, вплотную примыкавшее к зданию.

Поспешила к своим спутникам, которые с тяжёлыми чемоданами ожидали её на Ленинградском вокзале. Наняли извозчика, доехали до Сретенских ворот, оттуда дошли до нужного места. Мария снова заглянула в ворота, убедилась, что там всё по-прежнему. Быстро шмыгнули во двор.

Делом нескольких минут было установить в помещении мелинитовый снаряд, а по углам и вдоль стен несколько зажигательных бомб. Затем на пол вылили канистру керосина. Оставалось поджечь бикфордов шнур, но что-то замешкались. И в этот момент раздался крик:

— Эй! Кто там? Стой! Стой! Ребята, керосином воняет, скорее сюда!

Спички, не зажигаясь, ломались. Одна, вторая… А крики становились всё ближе…

Пришлось бросить всё и бежать. Пока во дворе устраняли возможность взрыва, удалось скрыться. Пристанища в Москве не было, да и в любом случае требовалось скорее убираться отсюда. Поспешили на Белорусский вокзал, пока ОГПУ не раскинуло

везде свои сети, на первом же пригородном поезде доехали до Вязьмы, только там вздохнули свободнее.

К этому времени из Финляндии агентурным путём было получено сообщение о личностях и намерениях преступников. ОГПУ смогло дать ориентировку всем местным органам с их полным описанием.

Из официального сообщения о беседе с заместителем председателя ОГПУ тов. Г. Ягодой (газета «Правда», 6 июля 1927 года):

«…После провала покушения террористы немедленно двинулись из Москвы к западной границе, в район Смоленской губернии… Опперпут рассчитывал использовать свои связи и знакомства среди бывших савинковцев. Кроме того, здесь ему и Шульц была хорошо знакома сама местность…

…Шли в разных направлениях. В сёлах они выдавали себя за членов каких-то комиссий и даже за агентов уголовного розыска. Опперпут, бежавший отдельно (они понимали, что будут, прежде всего, разыскивать троих. — *И.Д.*), едва не был задержан на Яновском ликёро-водочном заводе, где он показался подозрительным. При бегстве он отстреливался, ранил милиционера Лукина, рабочего Кравцова и крестьянина Якушенко. Опперпуту удалось бежать… Тщательно и методически проведённое оцепление дало возможность обнаружить Опперпута, скрывавшегося в густом кустарнике. Он отстреливался из двух маузеров и был убит в перестрелке… У убитого Опперпута был обнаружен дневник с его собственноручным описанием подготовки покушения на М. Лубянке и ряд других записей, ценных для дальнейшего расследования ОГПУ.

…Остальные террористы двинулись в направлении на Витебск. Пробираясь по направлению к границе, Захарченко-Шульц и Вознесенский встретили по пути автомобиль… Беглецы остановили машину и, угрожая револьверами, приказали шофёрам ехать в указанном ими направлении. Шофёр т. Гребенюк отказался вести машину и был сейчас же застрелен. Помощник шофёра т. Голенкин, раненный белогвардейцами, всё же нашёл в себе силы, чтобы испортить машину. Тогда Захарченко-Шульц и её спутник бросили автомобиль и опять скрылись в лес. Снова удалось обнаружить следы беглецов уже в районе станции Дретунь… При активном содействии крестьян удалось организовать облаву. Пытаясь пробраться через оцепление, шпионы-террористы вышли лесом на хлебопекарню Н-ского полка. Здесь их увидела жена краскома (офицера. — *И.Д.*) того же полка т. Ровнова. Опознав в них по приметам преследуемых шпионов, она стала призывать криком

красноармейскую заставу. Захарченко-Шульц выстрелом ранила т. Ровнову в ногу. Но рейс английских агентов был закончен. В перестрелке с нашим кавалерийским разъездом оба белогвардейца покончили счёты с жизнью. Вознесенский был убит на месте. Шульц умерла от ран через несколько часов».

НАУМ ЭЙТИНГОН (1899–1981)

Наум Исаакович (окружающие звали его Леонид Александрович) Эйтингон принадлежит к числу тех разведчиков, о которых мы вроде бы знаем очень много, но, как подводная часть айсберга, это лишь небольшая, видимая часть его работы. Всё остальное скрыто в глубинах истории ушедшего века, многое не задокументировано, и мы никогда уже не узнаем всей правды.

Он родился 6 декабря 1899 года в провинциальном городке Шклове, возле Могилёва, в семье конторщика бумажной фабрики. Учился в коммерческом училище, после Февральской революции 1917 года вошёл в партию эсеров, где обучался их «наукам» — террору и диверсиям. Но вскоре вышел из партии из-за несогласия с её политикой. Тогда же начал трудовую деятельность — рабочим на бетонном заводе, делопроизводителем, инструктором продовольственного отдела; в Москве учился на курсах Рабочих кооперацій, занимался продразвёрсткой.

В сентябре 1919 года работал в гомельском губпрофсоюзе, тогда же вступил в РКП(б). В мае 1920 года Эйтингон перешёл на работу в органы ВЧК. Ему довелось участвовать в ликвидации на Гомельщине террористических савинковских групп, проникавших с территории Польши. В бою с диверсантами в сентябре 1921 года был тяжело ранен в ногу. Юноша, хотя и не отличавшийся могучим телосложением, был отважен в бою и быстро рос по службе. В 21 год он становится вторым по значимости человеком в ЧК Гомельской губернии, вскоре — председателем Смоленской губчека, затем председателем ОГПУ Башкирии.

В 1925 году начинается разведывательная служба Эйтингона. Он переходит в Иностранный отдел ОГПУ. Одновременно поступает на восточный факультет Военной академии, учиться на котором приходится заочно, так как его вскоре направляют на работу в Китай. В 1925–1927 годах он занимает должность вице-консула СССР в Пекине, а с конца 1927 года на какое-то время переходит на нелегальное положение. К сожалению, причины перехода и подробности работы в этот период неизвестны. Скорее всего, это связано с нападениями на советские консульства, их закрытием и необходимостью продолжения агентурной работы.

Затем он некоторое время работал резидентом в Харбине. После налёта китайской полиции на советское консульство, весной 1929 года его отозвали в Москву и тут же направили в Анкару на должность пресс-атташе посольства СССР в Турции. Здесь впервые пересеклись пути Эйтингона и его будущего

противника и жертвы — Троцкого. Эйтингону поручили организовать слежку за Троцким, заменив Якова Блюмкина, бывшего эсера, убившего в 1918 году германского посла Мирбаха. Блюмкина отозвали в Москву, арестовали и расстреляли, так как он вступил в непозволительный контакт с Троцким. Эйтингон успешно справился с заданием. Троцкий был буквально окружён вниманием агентуры, но вскоре он отбыл из Турции в Норвегию, а Эйтингон возвратился в Москву.

Но пребывание в бюрократическом аппарате Центра оказалось недолгим. Являясь заместителем начальника Особой группы Якова Серебрянского, «дяди Яши», Эйтингон большую часть времени проводил в зарубежных командировках, где, находясь на нелегальном положении, выполнял особые задания во Франции и в Бельгии, создавал сеть агентуры для её глубокого внедрения на объекты военно-стратегического значения в случае войны. Какое-то время Эйтингон возглавлял в руководимом Артузовым ИНО отделение, координирующее работу иностранных резидентур. Он также создал подразделение, занимавшееся изготовлением поддельных паспортов («сапог») для нелегальных операций, в котором буквально творил чудеса знаменитый австриец Миллер, из-под рук которого выходили «непробиваемые» паспорта.

В 1936 году в Испании разразилась гражданская война. Эйтингон, направленный туда под именем Леонида Котова, официально занимал должность заместителя советника при республиканском правительстве, фактически же был заместителем резидента НКВД Александра Орлова. После бегства Орлова Эйтингон возглавил резидентуру. Под его руководством сражались будущие Герои Советского Союза Прокопюк, Ваупшасов, Орловский, участник операций «Синдикат» и «Трест» Сыроежкин, а также будущие участники операции «Утка» Давид Сикейрос, Рамон Меркадер и другие. Эйтингон отвечал и за разведку, и за проведение партизанских операций в тылу франкистских войск, и за контрразведывательную работу. Он же руководил отправкой в Москву испанского золота общей стоимостью более полумиллиарда долларов.

Когда в 1939 году гражданская война закончилась победой генерала Франко, Эйтингон перебазировался во Францию, где занялся восстановлением агентурной сети. Одно время у него на связи находились Ким Филби и Гай Бёрджес.

В марте 1939 года Сталин отдал приказ о ликвидации Троцкого, во исполнение которого 9 июля того же года разведкой был составлен «План агентурно-оперативных мероприятий по делу „Утка“». Его подписали начальник внешней разведки

П. М. Фитин, его заместитель П. А. Судоплатов и Н. И. Эйтингон («Том») без упоминания их должностей и воинских званий. В плане указывалось, что «Том» является «организатором и руководителем на месте». К операции было привлечено довольно много участников, в том числе Рамон Меркадер («Раймонд»), его мать Каридад («Мать») и другие.

В начале августа 1939 года «Том» прибыл в Мексику под видом канадского предпринимателя. Там же оказались «Мать», «Раймонд» и другие. Но подготовка шла медленнее, чем ожидалось. Первое покушение на Троцкого произошло только через девять месяцев. 24 мая 1940 года, в 4 часа утра около двадцати человек в форме военнослужащих и полицейских напали на дом-крепость Троцкого, окружённый высоким каменным забором с проволокой под высоким напряжением. Калитку открыл дежурный американец Роберт Шелдон Харт. Охранники были изолированы, после чего нападавшие проникли внутрь дома и открыли огонь по спальне Троцкого. Но Троцкому и его жене удалось спрятаться под кроватями и остаться невредимыми. Нападавшие покинули дом, так и не узнав об этом.

Эйтингон прислал в Центр отчёт о неудаче с заключением: «Принимая вину на себя за этот кошмарный провал, готов по первому Вашему требованию выехать для получения положенного за такой провал наказания. 30 мая. Том».

Однако наказания Эйтингон не понёс, более того, к полученному из Москвы деловому письму была сделана одобряющая приписка: «Привет от тов. Берии».

Начавшая поиски мексиканская полиция вскоре отыскала руководителя провалившейся операции. Им оказался знаменитый мексиканский художник Давид Альфаро Сикейрос. Были установлены и другие участники операции. Никто из них в советской агентурной сети не состоял, их подобрал лично Сикейрос. Большинству из них удалось скрыться.

Роберт Шелдон Харт, агент НКВД, был убит мексиканскими участниками операции, так как, по свидетельству Эйтингона, данному много позже, в 1954 году, оказался предателем.

Арестованный полицией Сикейрос заявил, что целью нападения было только уничтожение архивов, участие в убийстве Шелдона отрицал. По распоряжению президента Мексики Авила Камачо, высоко ценившего Сикейроса как художника, он был освобождён и покинул страну.

Началась подготовка нового этапа операции «Утка». Она проходила без особых затруднений благодаря тому, что её исполнитель «Раймонд» был вхож в дом Троцкого как его «верный сторонник», побывал там двенадцать раз.

20 августа 1940 года, менее чем через три месяца после первой попытки, было совершено второе покушение. «Раймонд», имея при себе ледоруб, нож и пистолет, явился к Троцкому с просьбой получить рецензию на свою статью. Когда Троцкий читал статью, «Раймонд» ударил его ледорубом в затылок. Тот упал, издав громкий крик. Появившаяся охрана, жестоко избив «Раймонда», передала его в руки полиции. Троцкий умер в больнице на следующий день. «Раймонд», выдавший себя за бельгийца Жана Морнара, бывшего сторонника Троцкого, провёл в тюрьме девятнадцать лет, восемь месяцев и четырнадцать дней. В 1960 году он приехал в Москву, где ему была вручена золотая медаль Героя Советского Союза — первому из разведчиков-нелегалов.

В день убийства Троцкого Эйтингон и «Мать» покинули Мехико. Он вылетел на Кубу по иракскому паспорту. Там получил болгарский паспорт и направился в Европу. По приезде в Москву лично доложил обо всём Меркулову и Берии, никаких отчётов не писал.

Едва Эйтингон успел отдохнуть и приступить к новой работе в качестве начальника Особой группы при наркоме внутренних дел, как грянула война. Эйтингон в качестве заместителя Судоплатова участвовал в создании ОМСБОН — Отдельной мотострелковой бригады особого назначения, легендарного спецназа периода Великой Отечественной войны, прославившейся своими операциями в тылу врага. В бригаду брали только добровольцев, которые проходили специальную подготовку для диверсионной работы и выполнения заданий особой важности.

Она вошла в состав 4-го Управления НКВД-НКГБ, которое с первого до последнего дня войны возглавляли Судоплатов и Эйтингон. Это был центр, организовавший разведывательно-диверсионную работу на оккупированных территориях. Помимо самостоятельных операций, управление поддерживало партизанское движение, провело около восьмидесяти радиоигр, в том числе таких знаменитых, как «Монастырь», «Березино» (о них рассказывается в очерках, посвящённых Судоплатову, Скорцени, Канарису, Шелленбергу).

Следует отметить, что из всех советских разведчиков только двое были удостоены полководческих орденов Суворова — генералы Судоплатов и Эйтингон.

Во время войны Эйтингон выезжал в 1942 году в Турцию, где под именем Леонида Наумова руководил подготовкой покушения на германского посла фон Папена. Его было решено ликвидировать, так как в случае отстранения Гитлера от власти генералами вермахта он должен был возглавить правительство

Германии, что могло привести её к сепаратному миру с США и Англией. Однако попытка покушения не удалась: мина взорвалась в руках у покушавшегося болгарина Афанасьева. Сам он погиб, а Папен получил лишь лёгкие телесные повреждения.

Есть и ещё одна сторона жизни разведки, где Эйтингон оставил свой след, — «атомный шпионаж».

Ещё в 1939–1941 годах во время пребывания Эйтингона в США ему было предоставлено, как пишет в своих воспоминаниях генерал Судоплатов, «право вербовать и привлекать к сотрудничеству людей без санкции Центра, используя родственные связи». Ещё ранее, в начале 1930-х годов, Эйтингон легализовал на Западном побережье США двух агентов, в том числе зубного врача «Шахматиста» (с ним восстановила связь разведчица Китти Харрис — см. очерк о ней).

Когда под эгидой разведки было создано специальное подразделение, занимавшееся проблемами «атомного шпионажа», его возглавил генерал Судоплатов, а Эйтингон стал его первым заместителем. В числе его заслуг — организация взаимодействия наших спецслужб с учёными-атомщиками.

Ещё одна операция, в которой принял участие Эйтингон, — это контроль за урановыми рудниками в Болгарии. Дело в том, что ещё в феврале 1945 года была получена информация о высококачественных запасах урана в Родопских горах. Руда оттуда была использована при пуске первого советского атомного реактора. Работы велись секретно, но вскоре о них стало известно американцам, и они начали принимать контрмеры, засылая свою агентуру, в том числе и готовившую диверсии. Эйтингон пытался перевербовать американских разведчиков и их жён, но безрезультатно.

Тем временем в СССР были выявлены более крупные и высококачественные месторождения. Чтобы скрыть этот факт и создать у американцев впечатление, что нам крайне необходим болгарский уран, Эйтингон провёл широкие дезинформационные мероприятия, благодаря чему долгое время удавалось вводить их в заблуждение.

Одновременно с этим Эйтингон продолжал заниматься и чисто разведывательной работой. Так, он руководил в 1946–1947 годах подготовкой к выводу за рубеж В. Г. Фишера (Рудольфа Абеля). Кроме того, он вплоть до своего первого ареста 28 октября 1951 года являлся заместителем Судоплатова, начальника Бюро по диверсионной работе за границей. Правда, на практике эта работа ничем не проявилась — к счастью, «холодная война» не переросла в горячую, — но сыграла свою роль в повышении боеготовности страны на случай

противостояния со странами НАТО.

Когда Эйтингон был арестован, ему предъявили обвинение в принадлежности к сионистским организациям. После смерти Сталина, 20 марта 1953 года Эйтингона освободили и восстановили в звании, но 21 августа снова арестовали, на этот раз как сообщника Берии. Он был осуждён на двенадцать лет и освобождён лишь в 1964 году, после чего долгие годы работал редактором издательства «Международная книга».

Эйтингон умер 3 мая 1981 года, но реабилитировали его лишь в 1991 году. Ко Дню Победы, 9 мая 2000 года, его детям были возвращены награды разведчика: два ордена Ленина, два ордена Красного Знамени, ордена Суворова, Отечественной войны I степени и Красной Звезды.

НИКОЛАЙ КРОШКО (1898–1967)

Во второй половине 1920-х годов в зарубежной прессе стали появляться «документальные материалы» о «зловещих планах» ОГПУ и Коминтерна, направленных на потрясение экономических и политических устоев западного мира. Внешне подлинность документов не вызывала сомнений — стиль, лексика, реквизиты, подписи должностных лиц — всё было как настоящее. Публикации спровоцировали бурю негодования западной общественности и привели в ряде случаев к тяжким, трагическим последствиям: казням болгарских коммунистов, будто бы готовившим по заданию Коминтерна взрыв собора в Софии, налётам немецкой полиции на советское торгпредство в Берлине и английской на представительство российского кооперативного общества «Аркос» и последующему разрыву дипломатических отношений между Англией и СССР. Престижу и интересам нашей страны, едва начинавшей выходить из международной изоляции, был нанесён тяжёлый ущерб.

В США распространилась сенсационная новость: советская разведка решила подкупить сенаторов Бора и Норриса, с тем, чтобы они способствовали признанию нашей страны Соединёнными Штатами. Это тоже было «документально подтверждено» и вызвало скандал и неприязнь к нашей стране.

Документы исходили якобы из Москвы, но советское руководство знало, что это фальшивки, хотя и изготовленные квалифицированно, со знанием дела. Но кем и где? Разведка должна была ответить на эти вопросы.

После тщательных поисков удалось выйти на первоисточник — организацию, именовавшую себя «Братством русской правды» (БРП). Кропотливо собирали сведения о ней и её руководителе. Им оказался многоопытный и опасный противник, действительный статский советник Владимир Григорьевич Орлов, обосновавшийся в Берлине. В царское время он был следователем по особо важным делам, а затем начальником врангелевской разведки и контрразведки.

О его истинной деятельности знал весьма ограниченный круг лиц. Проникнуть в его окружение мог только очень ловкий человек, к тому же с подходящими анкетными данными. Выбор руководства разведки пал на Н. Н. Крошко.

Николай Николаевич Крошко родился на Тамбовщине, рос в бедности. Родители шли на любые жертвы, чтобы дать ему образование. Гимназию окончил с серебряной медалью. В 1918 году из оккупированного немцами Киева выехал на Дон, в армию

Деникина. Потом бежал за границу, в Польшу, работал у Савинкова, имел связи с эмигрантами, в основном из офицерской среды. В 1920 году одной из наших прибалтийских резидентур стало известно, что поручик Николай Крошко разочаровался в эмигрантской жизни и мечтает о возвращении на Родину. Ему было предложено сотрудничество с нашей разведкой, и он его с готовностью принял.

Первые задания оказались несложными. Надо было проникнуть в несколько эмигрантских групп и определить, что они собой представляют: то ли это с горечью тоскующие по прошлому болтуны, то ли это опасные, связанные с разведкой, организации. Задания, при которых Крошко и сам подвергался проверке, он выполнил настолько успешно, что был зачислен в штат внешней разведки, что случалось крайне редко, и стал её кадровым сотрудником под псевдонимом «Кейт».

Началась интересная, полная приключений и опасности, работа. Хотя «Кейту» не раз приходилось выезжать в другие страны, он в основном работал в составе берлинской резидентуры. В Берлине в этот период действовало «Братство белого креста» (ББК), которым руководил бывший лейтенант царского флота Павлов. Вокруг него группировались молодые офицеры, разочаровавшиеся в старых вождях — Деникине, Врангеле и в правомонархических организациях. Павлов нашёл материальную и политическую поддержку у деятелей из крайне реакционных германских кругов, ставших впоследствии активными гитлеровцами.

«Кейту» было поручено проникнуть в ББК, войти в доверие к Павлову и установить, чем они занимаются и насколько эта организация опасна.

«Кейт» значительно «перевыполнил» задание — он не только проник в ББК, но вскоре стал ближайшим помощником Павлова, разобрался в делах ББК, сумел наладить противодействие его работе: забрасываемая в СССР агентура перевербовывалась и использовалась как канал дезинформации, а весь тираж антисоветских брошюр и листовок, которые «Кейту» поручалось перебрасывать в Союз, в действительности уничтожался. Вскоре неудачи ББК настолько надоели немцам, что они отказали ему в материальной поддержке. Братство, по существу, свернуло свою деятельность, а сам Павлов был вынужден «переквалифицироваться» в шофёра, хотя и оставался во главе ББК.

Пребывание в ББК «Кейт» использовал с большой пользой. Он завёл обширные связи среди немцев, присутствовал в 1923 году на съезде партии национал-социалистов и организации «Стальной

шлем», на дружеских попойках делегатов, где ещё больше укрепил эти связи. Он был знаком с руководителями РОВС «Российского общевоинского союза», и с монархическими вождями, практически со всей верхушкой эмиграции во многих странах.

Так как в начале 1920-х годов наши резидентуры имелись далеко не во всех государствах, ему часто приходилось выезжать в разные европейские столицы, разбираться на месте в деятельности эмигрантских организаций.

Один из таких эпизодов был связан с русскими монархистами. Их штаб-квартира в то время находилась в Мюнхене. Приехав туда, «Кейт» потратил немало усилий, чтобы познакомиться и сойтись с секретарями великого князя Кирилла Владимировича бароном Медемом и князем Казем-беком. Конечно, кроме личного обаяния, пришлось воспользоваться и деньгами резидентуры — обедневшие аристократы были не прочь выпить за чужой счёт. «Кейту» не только удалось принять участие в совещании кирилловцев с фельдмаршалом Людендорфом и зарождавшейся нацистской партией, но и после переезда Кирилла Владимировича в Париж с помощью секретарей великого князя проникнуть в его канцелярию и сфотографировать около сотни хранившихся в сейфах документов.

В Париже он собрал информацию о связях эмигрантских организаций с французскими правительственными кругами и разведкой, выявил некоторых её агентов в Советском Союзе. Вернувшись в Берлин, «Кейт» однажды вечером вывез из военной миссии Деникина — Врангеля в резидентуру два чемодана с документами, а после перефотографирования ранним утром вернул их на место.

Но главной целью Н. Крошко оставался Орлов и его БРП. Он познакомился с полковником Кольбергом — приятелем и единомышленником Орлова. Кольберг представил своего нового знакомого лично Орлову. Тот, человек желчный и подозрительный, не спешил приближать Николая, хотя молодой поручик произвёл благоприятное впечатление. Он навёл справки у Павлова, и тот наилучшим образом охарактеризовал своего помощника. Но этого было мало. Требовалось продемонстрировать какие-то возможности, которые вызвали бы у Орлова интерес к сотрудничеству и растопили лёд недоверия. Однажды «Кейт» доложил Павлову, а по его совету и Орлову о полученной от «своих людей в СССР» информации о том, что они якобы активизировали работу и им нужна прямая связь. Павлов ухватился за это и, желая поднять свой престиж, стал убеждать Орлова направить «Кейта» в качестве эмиссара, используя для

этого свои связи в Финляндии.

Орлов нехотя дал «Кейту» рекомендательные письма на имя начальника финской политической полиции и своего представителя в Выборге. В свою очередь, Павлов попросил навестить его тётку в Севастополе.

Тёмной октябрьской ночью 1925 года с помощью финской политической полиции «Кейт» пересёк финско-советскую границу через «окно», которое заранее подготовили наши пограничные службы.

«Кейт» без происшествий прибыл в Москву, подробно доложил, что ему стало известно о связях эмигрантских группировок в Хельсинки и Выборге с финской полицией, о том, кто и как готовил и осуществлял его переброску через границу. Затем он встретился в Киеве со своими матерью и сестрой. Съездил и в Севастополь, где передал письмо Павлова его тётке и получил ответное. «Кейту» вручили советский паспорт. Правда, он остался в «деле».

Перед отправкой в обратный путь его снабдили «информационными материалами», которые должны были заинтересовать белую эмиграцию и её друзей из западных спецслужб. Часть этих «материалов» по возвращении в Финляндию «Кейт» в качестве «платы» за помощь передал начальнику политической полиции. Они произвели такое впечатление на финские спецслужбы, что те стали добиваться, чтобы «Кейт» дал им явки «своих людей» в Ленинграде и Москве. Но тот отказался под предлогом того, что они якобы занимают видные посты, и связь с ними из соображений их безопасности можно поддерживать только через него. Когда «Кейт» вернулся в Берлин, Павлов в своих интересах стал афишировать его успехи, а вскоре и Орлов, ознакомившись с привезённой «Кейтом» информацией и подогретый к тому же положительными отзывами о нём, предложил ему полностью переключиться на работу в БРП. «Кейт» согласился не сразу, его пришлось уговаривать.

Вскоре он стал у Орлова особо доверенным лицом и установил, что помимо финской Орлов сотрудничает с английской, французской и немецкой разведками, с политической полицией Берлина. «Кейт» выявил представителей Орлова в Латвии и Литве, тесно связанных с местной охранкой и разведкой, установил, что по заданию немецкой полиции Орлов через свою агентуру разрабатывает сотрудников советского представительства в Берлине, и обнаружил список этой агентуры в виде ведомости на получение вознаграждений.

Всё это было важно, но к выполнению главного задания — выявлению фабрики фальшивок — ещё не подводило. Так прошло

больше года. Фальшивки продолжали появляться, а «Кейт» по-прежнему ничего не знал об их происхождении. «Может быть, это и не дело рук Орлова?» — иной раз думал он.

Летом 1927 года сам Орлов по просьбе финских спецслужб предложил «Кейту» совершить новую вылазку в СССР. Тот вначале отказывался, ссылаясь на недавние провалы, но под давлением Орлова согласился. Вылазка оказалась «очень успешной» и для Орлова, и для финских спецслужб — они получили от «Кейта» «информацию», «явки» в Ленинграде, — но в первую очередь для «Кейта» — довольный начальник финской полиции многое рассказал о деятельности эмиграции в Финляндии, о её связях с западными спецслужбами, в том числе с английской разведкой. А главное — Орлов наконец полностью доверился «Кейту». Однажды он пригласил его для серьёзного разговора.

— Всё, что мы делаем, — переходы через границу, явки, информация — это неплохо, но не главное. Если мы хотим нанести настоящий вред Советам, надо рассорить их со всем миром. У меня для этого есть средства, и я кое-что делаю.

Орлов рассказал «Кейту» о тех фальшивках, о которых мы уже упоминали, и о других «проектах», направленных против советских представительств за границей и дискредитирующих отдельных лиц. А потом показал «Кейту» свою «фабрику».

Тот с удивлением разглядывал его обширную картотеку, штампы, печати, дубликаты наиболее злостных фальшивок, образцы подписей, фото- и химическую лаборатории, набор пишущих машинок с разными шрифтами и другие приспособления.

— Как человека умного и решительного, приглашаю вас принять участие в нашем деле. Оно не только нужное, но и хлебное. Между нами говоря, своё имение в Мекленбурге я приобрёл на доходы от него. Разведки хорошо платят и, между прочим, не особенно проверяют подлинность документов, которые я им предлагаю, им главное — качество исполнения и актуальность содержания.

С некоторыми оговорками «Кейт» дал согласие, и вскоре Орлов познакомил его со своим главным подручным — бывшим сотрудником ВЧК-ОГПУ Яшиным-Сумароковым, жившим в Берлине по выданным ему немцами документам на имя Павлуновского.

Тот отнёсся к «Кейту» с доверием, рассказал о перипетиях своей судьбы: влюбился в немку, некую Дюмлер, а та оказалась агентом полиции, склонила его к предательству. Замыслив побег, он прихватил с собой ряд документов резидентуры, часть отдал немцам в качестве платы за убежище, а часть передал Орлову, с

которых тот скопировал бланки, штампы, подписи и печати, поэтому-то всё, что выходило с «фабрики», и выглядело как настоящее. Консультировал Орлова он и по вопросам чекистской и партийной терминологий, по реалиям советской жизни, по деталям взаимоотношений сотрудников представительств и резидентур и т. д. В общем, Яшин-Сумароков раскрыл все тайны орловской «фабрики».

Итак, в руках нашей разведки оказалась необходимая информация о деятельности Орлова. Наступило время принять контрмеры. Некоторые горячие головы предлагали просто разгромить и сжечь его «фабрику». Но это только на некоторое время приостановило бы его работу, к тому же все прошлые фальшивки остались бы неразоблачёнными, а советские спецслужбы обвинили бы в нападении на эмигрантов.

«Кейт» предложил другое решение. Он сделал слепки ключей от квартиры, лаборатории, сейфов и шкафов с документами. По ним изготовили дубликаты ключей. Несколько недель выжидал удобного случая. Наконец, когда Орлов уехал в Мекленбург, «Кейт» проник в его квартиру и изъял копии, черновики и заготовки фальшивых документов, образцы штампов и печатей. Среди изъятых были и заготовки двух фальшивок — о мнимом подкупе советским правительством американских сенаторов Бора и Норриса.

Советская разведка по своим каналам довела этот документ до сведения правительства США. Его публикация стала новой сенсацией в Америке. Попытка распространить провокационные акции на Соединённые Штаты произвела большое впечатление не только на американскую общественность, но и на правительство. Получив убедительные данные о том, как и кем была изготовлена фальшивка, Вашингтон потребовал суда над её авторами. К этому требованию присоединилась советская сторона. Возможно, это была первая в истории совместная советско-американская инициатива.

27 февраля 1929 года Орлов и его подручные — Яшин-Сумароков-Павлуновский, его любовница — агент полиции Дюмлер и полковник Кольберг — были арестованы и преданы суду. Их обвинили в попытке продажи корреспонденту американской газеты «Нью-Йорк ивнинг пост» Артуру Никкер-Бокеру фальшивого письма о получении сенаторами Бором и Норрисом денег от советского правительства за то, что они выступили за признание Соединёнными Штатами СССР и установление с ним дипломатических отношений. На суде были разоблачены и другие фальшивки.

Орлов был приговорён к четырёхмесячному заключению и по

отбытии наказания выслан из Германии.

«Кейту» пришлось тоже срочно покинуть Германию, так как из-за грубого нарушения конспирации одним из сотрудников резидентуры над ним нависла угроза провала. На пароходе «Герцен» он отплыл на родину. «Кейт» ещё был в море, когда во всех газетах появились телеграммы о «таинственно исчезнувшем поручике» и пропавших из сейфа документах.

По разным причинам его роль в разоблачении Орлова и других акциях стала известна на Западе и в конце 1920-х годов послужила основой для сенсационных публикаций с броскими заголовками: «Король кремлёвских шпионов», «Хозяин секретных сейфов царя Кирилла», «Коллекционер ротозеев», «Человек, который проходит сквозь стену». Он стал знаменит во всём мире, кроме… своей страны, где о его делах долгие годы хранилось молчание. Счастье ещё, что с ним, как со многими другими разведчиками, не расправились в годы ежовщины-бериевщины.

Николай Крошко дожил до глубокой старости, долгие годы воспитывал молодых разведчиков, в 1967 году, уже будучи тяжело больным, написал воспоминания о своей разведывательной работе.

АРНОЛЬД ДЕЙЧ — СТЕФАН ЛАНГ (1904–1942)

Его имя долгое время хранилось в тайне, покрытое толстым слоем архивной пыли. Автору этих строк впервые удалось «смахнуть эту пыль» в 1991 году и открыть широкой публике имя и дела этого незаурядного человека.

Неоценимая заслуга Стефана Ланга (так его звали друзья, так он подписывал свои письма) в том, что именно он сумел создать «великолепную пятёрку» разведчиков, действовавшую на протяжении многих лет в самых высоких сферах Англии. Они пришли в разведку с его лёгкой руки, «крещены» и подготовлены им.

Дейч родился в семье мелкого коммерсанта, бывшего школьного учителя из Словакии. С 1920 года участвовал в революционном движении. В 1932 году по линии Коминтерна приехал в Москву. Спустя несколько месяцев был рекомендован в советскую разведку и с того времени действовал под именем Стефан Ланг. Он уже имел опыт работы в условиях подполья, знал несколько иностранных языков. Подготовка к разведке поэтому не заняла много времени.

В октябре 1933 года он получает задание обосноваться в Лондоне и начать активную работу. Вместе с ним из Австрии приехали три агента, с которыми он работал ещё в Вене, — один из них, «Джон», был англичанином, выполнял оперативные поручения Дейча; в частности, помог второму агенту, «Стреле», обосноваться в Лондоне. Она окончила курсы фотографии, стала прекрасным фотографом, её квартира использовалась для обработки и фотографирования разведывательных материалов. Третья помощница, «Эдит» (Эдит Тюдор Харт), вышла замуж за врача-англичанина, получила британское подданство, доступ в высшее английское общество. Её задача заключалась в изучении людей, работавших в интересовавших советскую разведку учреждениях, и перспективной молодёжи. Именно она познакомила Дейча с Филби.

В 1934 году Стефан поступил в Лондонский университет, где начал основательно изучать психологию. Пребывание в университете дало возможность заводить широкие связи среди студенческой молодёжи. Его, как разведчика, интересовали студенты, которые в перспективе могли стать его помощниками в разведывательной работе. Их он искал среди выходцев из высшего общества. Но в Лондонском университете таких практически не

было.

Стефан скрупулёзно изучал существовавшую в Англии систему подбора чиновников и специалистов в ведущих государственных учреждениях. Было ясно, что кандидатов на работу «в верхах» следует искать среди студентов Кембриджского и Оксфордского университетов. И он обратил свои усилия в эту сторону.

В то время социалистическая идея, воплощаемая в СССР, имела много сторонников и в элитной среде английского общества, особенно среди молодёжи. Советская Россия была единственной страной, резко и однозначно выступавшей против германского фашизма. Поэтому и в престижных Кембридже и Оксфорде были люди, готовые бороться за социалистическую идею. Но таких людей надо было найти, оценить, выявить их способности и возможности привлечения к работе, обучить правилам конспирации, определить тактику поведения…

Чтобы добиться успеха, нужны были осторожность и сильные аргументы. Стефан не был разведчиком «плаща и кинжала», не располагал деньгами, да в его планы и не входило привлечение людей угрозами или подкупом. Только идеей — на ней можно было построить всё.

Действуя в Лондоне, Стефан Ланг приобрёл для советской разведки более двадцати (!) источников информации, то есть агентов, которые долгие годы служили ей не за страх, а за совесть. Все известные сейчас агенты Стефана Ланга — воспитанники Кембриджского университета. Однако среди завербованных им людей были и студенты Оксфордского университета, не менее талантливые и преданные, чем кембриджские. Никто из них, в отличие от кембриджцев, так никогда и не был разоблачён.

«„Оксфордские кроты“ Сталина, должно быть, прорыли такие же ходы в британское правительство, как и кембриджские, — писал английский исследователь Дж. Костелло. — Большинство из них унесло в могилу тайну своей подпольной работы на Москву. Но можно только представить, до каких служебных высот они доросли и к каким тайнам английских секретных ведомств имели доступ!» Но славу Арнольду Дейчу — Стефану Лангу принесла «кембриджская пятёрка» — Ким Филби, Дональд Маклейн, Гай Бёрджес, Энтони Блант и Джон Кернкросс.

Не имея возможности посвятить каждому из них очерк, хотя они этого заслуживают, мы предлагаем вниманию читателю отдельный очерк о К. Филби (см.), об остальных же поведаем коротко здесь, в рассказе об их «крёстном отце». Их деятельность продолжилась и закончилась через много лет после того, как они

расстались, но начало всему положил он.

Итак, второй из «пятёрки» — Дональд Маклейн. Родился в Лондоне 25 мая 1913 года, сын видного политического деятеля, члена парламента. Став студентом Кембриджа, Дональд сразу оказался в гуще политических дискуссий, вступил в социалистическое общество студентов, мечтал поехать в Россию, чтобы стать там простым трактористом или учителем. Как и Филби, а затем и другие члены «пятёрки», публично отказался от своих левых взглядов после того, как Филби по поручению Ланга завербовал его в августе 1934 года. Окончив университет, начал работу в Форин Офисе — министерстве иностранных дел Англии. С этого момента и до июня 1940 года, когда он выехал из Франции, где работал в посольстве, он снабдил советскую разведку таким количеством документации, которое в архивах занимает сорок пять коробок, а в каждой из них более трёхсот страниц. Не менее интенсивной была его работа и в последующие годы, до того дня, когда в связи с угрозой провала он был выведен в Москву в 1951 году. (В то время он уже возглавлял американский отдел Форин Офиса.) Именно он в сентябре 1941 года сообщил о том, что британское правительство дало указание разработать проект «Тьюб эллойз» («Трубный сплав») — план создания атомной бомбы.

До конца своих дней Маклейн жил в Москве, стал видным учёным, доктором наук.

Третий из «пятёрки», Гай Фрэнсис де Монси Бёрджес, роился в 1911 году в семье кадрового морского офицера. После окончания Кембриджа поступил в Би-би-си и по заданию Дейча внедрился в английские спецслужбы. В 1938 году стал сотрудником УСО — Управления стратегических операций, секретной разведывательно-диверсионной службы Великобритании. Проявил себя как выдающийся вербовщик, приобретя для советской разведки много ценных агентов. В 1944 году был личным помощником министра иностранных дел, а в 1950 году получил назначение на дипломатическую работу в США. Особую ценность представляли его материалы о военной стратегии Англии и о деятельности английской и американской разведок.

В 1951 году под угрозой провала вместе с Маклейном был выведен в СССР. Умер в Москве в 1963 году.

Если имена Филби, Маклейна и Бёрджеса широко известны уже более трёх десятков лет, то имена двух остальных членов «Кембриджской пятёрки» всплыли на свет лишь в последние годы.

Джон Кернкросс родился в 1913 году в Шотландии, в семье лавочника. По квоте для простых людей и благодаря блестящим

знаниям и интеллекту поступил в Кембридж. После Кембриджа был принят в Форин Офис, с 1940 года он стал личным секретарём лорда Хэнки, который имел непосредственное отношение к секретным службам. От Кернкросса было получено много материалов о подготовке немецкого нападения на СССР. В сентябре 1941 года он передал копию доклада Черчилля о проекте создания атомного оружия.

С 1942 года Кернкросс работал в Службе радиоперехвата и дешифрования. Он снимал для нашей разведки копии секретнейших документов, которые готовились только в трёх экземплярах: для Черчилля, министра обороны и начальника СИС, в первую очередь тех, которые касались Германии и советско-германского фронта. Кернкросс передал важнейшие сведения о подготовке немецкого наступления на Курской дуге, о чём официальный Лондон умолчал, хотя должен был предупредить об этом своего союзника. Тем самым Кернкросс спас жизнь десяткам тысяч советских воинов. Затем Кернкросс работал в СИС, занимаясь контрразведкой в СССР и Балканских странах. Благодаря ему были выявлены немецкие резидентуры и получен полный список английских агентов.

В связи с ухудшением здоровья он вынужден был оставить работу в разведке, и связь с ним была прекращена. Умер он в 1995 году в возрасте восьмидесяти двух лет.

И, наконец, пятый член «пятёрки» — Энтони Блант, выдающийся искусствовед. Родился в сентябре 1907 года в семье священника. Мать происходила из богатой аристократической семьи, что определило его будущее, в том числе и учёбу в Кембридже. В годы войны Блант работал в английской контрразведке. Он информировал о её деятельности против советской разведки, а также о тайных сепаратных переговорах, которые англо-американцы вели с представителями Германии в 1944–1945 годах.

После войны Блант занял пост «хранителя картин королевских дворцов», что открыло ему доступ в высшие политические сферы Великобритании. Он передавал важную информацию, однако по договорённости с руководством советской разведки не касался королевской семьи. С 1952 года он стал официальным советником королевы по вопросам искусства.

26 марта 1983 года Энтони Блант скончался.

Вот, собственно, вкратце и всё о членах «пятёрки». Добавим, что только за годы войны ими было переправлено в Москву более двадцати тысяч документов секретного характера. Помимо политической и военной информации большую ценность представили данные о датах и местах заброски после войны

агентов на территорию СССР, что дало возможность своевременно их обезвредить.

В сентябре 1937 года Арнольд Дейч был отозван в Москву. К счастью, его миновала печальная участь многих других разведчиков — его не расстреляли, не репрессировали. Более того, ему даже разрешили поездку в Лондон для консервации завербованных им агентов.

Дейч внёс немалый вклад в совершенствование оперативной техники. Приобретая новые связи, встречаясь со своими помощниками, планируя и проводя сложные операции, он успевал совершать ещё множество дел. Достаточно сказать, что в Англии запатентовано шесть его изобретений. Будучи прирождённым экспериментатором, он серьёзно занимался совершенствованием методов снятия фотокопий с разведывательных материалов и изысканием наиболее надёжных способов пересылки их в Центр, интересовался практическим применением новых открытий в науке и технике, в частности, использованием ультрафиолетовых лучей для фотографирования в темноте, разработал несколько способов тайнописи.

Но по возвращении из Лондона он остался не у дел. Рассматривалась возможность его новой командировки, на этот раз в США, но она так и не состоялась. Фактически он оказался без работы. На рапорте о ремонте его комнаты и выделении денег на приобретение стола, кровати и шкафа стоит резолюция замнаркома «Отказать. Деканозов».

В конце 1938 года Дейч стал сотрудником Института мирового хозяйства и мировой политики АН СССР.

После 22 июня 1941 года руководство разведки решило направить Дейча в Аргентину, поддерживавшую в то время политические и экономическое отношения с фашистской Германией.

Разведчика и его группу планировалось направить через Иран, Индию, страны Юго-Восточной Азии. Но после 7 декабря 1941 года, после Пёрл-Харбора, этот путь стал опасным. К июню 1942 года группа оказалась в Тегеране, откуда Дейч направил начальнику разведки личное письмо, крик души патриота, изнывающего от вынужденного безделья в дни, когда решается судьба страны.

Вот это письмо.

«Уважаемый товарищ Фитин!

Обращаюсь к Вам как к начальнику и товарищу. Вот уже восемь месяцев я со своими товарищами нахожусь в пути, но от цели мы так же далеки, как и в самом начале. Нам не везёт. Однако прошло уже восемь ценных месяцев, в течение которых

каждый советский гражданин отдал все свои силы на боевом или трудовом фронте. Если не считать трёх месяцев, проведённых на пароходе и в Индии, где я всё же что-нибудь да сделал для нашего общего дела, я ничего полезного для войны не сумел осуществить. А сейчас больше, чем когда-либо, время ценно. Мне стыдно своего „трудового рекорда“ во время Отечественной войны. Тот факт, что я лично в этом не виноват, меня не успокаивает.

Сейчас нам предстоит вновь неопределённое выжидание. Этого я больше не могу совместить со своей совестью. Условия в странах нашего назначения с момента нашего отъезда из Москвы изменились. Поставленные тогда перед нами задания, насколько я понимаю, сейчас частично нереальны. Даже в самом лучшем случае нам потребуется три-четыре месяца, чтобы добраться до места. К этому времени война кончится или будет близка к концу.

Цель этого письма — изложить свои соображения и просить Вас как начальника и товарища помочь мне сейчас перейти на полезную работу и нагнать потерянное время.

Прошу извинить за беспокойство, но я лишён возможности лично переговорить с Вами, а особые условия, в которых мы находимся, не дают мне другой возможности.

Разрешите мне вернуться в СССР и пойти на фронт для выполнения непосредственной для войны работы. Вы помните, что я уже был мобилизован от Политуправления РККА, откуда Вы меня сняли. Я могу работать для Вас, но очень прошу — не в тылу. Наконец, когда Красная армия перейдёт немецкую границу — в Германию или Австрию, — для меня найдётся достаточно работы.

Если я нужен, пошлите меня на подпольную работу, куда хотите, чтобы у меня было сознание, что я делаю что-нибудь непосредственно для войны, для победы против фашистов…

…Сейчас идёт война, я коммунист и понимаю, что существует дисциплина, поэтому выполню все Ваши указания беспрекословно. Но итог последних восьми месяцев и перспектива затяжной бездеятельности вынуждают меня обратиться к Вам лично и просить Вашего быстрого решения.

С лучшим приветом Стефан».

Через несколько дней в Тегеране была получена телеграмма об отзыве Стефана Ланга и его группы в Москву. Был разработан новый, северный маршрут.

В октябре 1942 года на танкере «Донбасс», направлявшемся на восточное побережье США, разведчик отправился в путь. 7 ноября 1942 года танкер был атакован немецкими самолётами, а затем крейсером «Адмирал Шеер». Судно разломалось пополам и

пошло ко дну.

Танкер и весь экипаж были объявлены погибшими. Но, как оказалось, часть команды «Донбасса» спаслась и находилась в немецком плену. Капитан «Донбасса» В. Э. Цильке после возвращения из плена работал капитан-наставником на Чёрном море. Он подтвердил, что Стефан Ланг на его глазах был тяжело ранен взрывом торпеды — перебиты обе ноги — и вместе с носовой частью танкера погрузился в морскую пучину.

КИМ ФИЛБИ (1912–1988)

Его настоящее имя Гарольд Адриан Рассел Филби. Он родился 1 января 1912 года в индийском городке Амбала, где провёл первые четыре года своей жизни. Имя Ким в честь киплинговского героя дал ему отец Сент-Джон Филби, человек незаурядный. Будучи чиновником английской колониальной администрации, он увлёкся востоковедением, стал известным арабистом, принял мусульманство, взял в качестве второй жены саудовскую девушку-рабыню, подолгу жил среди бедуинских племён, стал советником короля Ибн Сауда, а во время Первой мировой войны оказался соперником Лоуренса (см. очерк) за влияние на арабов.

Ким с ранних лет овладел хинди и арабским языками, а уже потом немецким, французским, испанским, турецким и русским. Он воспитывался в духе классических британских традиций и получил наиболее престижное в Англии образование: в 1929 году поступил в Тринити — один из самых крупных и аристократических колледжей Кембриджа.

В это время Англия, как и другие капиталистические страны, переживала экономический кризис. Страну захлестнула безработица. А из Италии и Германии тянуло могильным холодом фашизма. Споры среди студентов не умолкали.

Решающими для последующей жизни Кима стали поездки в европейские страны, прежде всего в Германию и Австрию, которая была залита кровью рабочих. Ким рассказывал впоследствии: «В моей родной Англии… я тоже видел людей, ищущих правды, борющихся за неё. Я мучительно искал средства быть полезным великому движению современности, имя которому — коммунизм. Олицетворением этих идей был Советский Союз, его героический народ, заложивший начало строительства нового мира. А форму этой борьбы я нашёл в советской разведке. Я считал и продолжаю считать, что этой работой я служил и моему английскому народу».

Но ещё до установления связи с советской разведкой Филби вернулся в Вену, где принял участие в работе МОПР (Международной организации помощи рабочим). Там же познакомился с Литци Фридман, активисткой австрийской компартии. Вскоре они поженились (впоследствии брак распался).

Главной работой Кима было поддержание связи с коммунистами, нелегально проживавшими в Австрии, Венгрии и Чехословакии. Английский паспорт давал ему возможность

беспрепятственного передвижения из страны в страну.

В 1934 году обстановка в Австрии ухудшилась. Наступал фашизм. Литци, наполовину еврейке, а к тому ещё и коммунистке, которой за это пришлось посидеть в тюрьме, оставаться в Австрии было нельзя, не выручал и английский паспорт Кима. Они перебрались в Англию.

К этому времени советская разведка уже держала Филби в поле своего зрения. Однажды знакомая Филби по Австрии Эдит Тюдор Харт предложила познакомить его с «очень важным» человеком, который может его заинтересовать. Ким согласился без колебаний.

Этим человеком оказался Арнольд Дейч — Стефан Ланг (см. очерк). После не очень долгого разговора Дейч предложил ему, как вспоминал Филби, стать «агентом глубокого проникновения». Филби согласился. С этого времени, то есть с июня 1934 года, в оперативной переписке он значился как «Зёнхен» — «Сынок» (нем.).

Первое, что попросил его сделать Дейч, это прекратить всякие контакты с коммунистами и даже с людьми, сочувствующими им. То же требовалось и от его жены. Второе — внимательно присмотреться к своим друзьям по Кембриджу с позиции их пригодности к разведывательной работе. Третье — с точки зрения решения разведывательных задач определить свою будущую карьеру.

В это время перед нелегальной разведывательной группой в Лондоне стояла долговременная задача: проникновение в английскую разведку «Интеллидженс сервис». Мог ли Филби решить эту задачу? Прямого пути в разведку, естественно, не было; можно было проникнуть в неё через МИД. Но и туда дорога оказалась закрытой. В университете ему не дали рекомендации, помня о его «левых» убеждениях в прошлом. Филби стал журналистом, памятуя о том, что английская разведка всегда проявляла интерес к людям этой профессии.

В это время к работе с Филби подключился резидент-нелегал А. М. Орлов. Будучи сотрудником журнала «Ревью оф ревьюз», Ким стал давать ему кое-какую интересную информацию, в частности, касавшуюся Ближнего Востока. Тогда же он через своего университетского приятеля Уайли получил обзор деятельности военного министерства и его разведки с характеристиками на некоторых её работников.

Примерно в это же время Уайли познакомил Филби со своим другом Тэлботом, редактировавшим «Англо-русскую торговую газету», выражавшую интересы старых бизнесменов, когда-то имевших дела в царской России. Но газета постепенно умирала

вместе с её подписчиками, и Тэлбот задумал новое издание — «Англо-германскую торговую газету», для чего ему понадобился новый редактор. Им и стал Ким Филби.

В этом качестве он вступил в Англо-германское содружество, у него появились знакомые в германском посольстве, а оттуда и интересная информация. Каждый месяц он стал ездить в Берлин, был представлен Риббентропу; завязались контакты и с геббельсовским министерством пропаганды.

Но «перестараться» в подаче Филби как пронацистски настроенного человека было нельзя, так как в случае обострения англо-германских отношений, а тем более войны, ему грозили бы неприятности.

В 1936 году газета была закрыта, а у Филби и Дейча появился новый руководитель, резидент Теодор Малли, или «Малый», или «Манн», талантливый и преданный делу разведчик, который впоследствии был незаконно репрессирован. Дейч и Малли решили направить Филби в Испанию, где в это время развернулась гражданская война. Поездка была нужна не только и не столько для сбора информации о положении в этой стране, сколько для расширения разведывательных возможностей Филби и открытия новых перспектив. Перед ним была поставлена задача показать себя смелым, ярким журналистом, способным привлечь внимание британской разведки. Испания была в это время лучшим местом для демонстрации таких качеств.

Филби поехал в качестве «свободного» журналиста за «свой» счёт (в действительности за счёт резидентуры). Ему вручили адрес в Париже, на который он должен будет отправлять свои донесения, несложный код. Чтобы оправдать затраты, он продал часть своей библиотеки.

Прибыв в Лиссабон, получил визу в представительстве генерала Франко и выехал в Севилью, откуда и начал действовать. Информация, поступавшая от него, была интересной и основывалась на многочисленных контактах с испанцами.

Однажды случилось так, что Филби пришлось проглотить бумажку с кодом. Он запросил новый, и ему назначили встречу в Гибралтаре. Человеком, привёзшим код, оказался его друг Гай Бёрджес, которого он сам рекомендовал в нашу разведку.

Вернувшись в Лондон, Филби привёз большую «испанскую» статью. Но куда её поместить? Отец посоветовал «начинать с самого верха» и отнести её в «Таймс». Ему повезло. «Таймс» в это время остался без корреспондента в Испании, и Киму, после ознакомления со статьёй, предложили место постоянного корреспондента в Испании. Это был громадный шаг вперёд, можно сказать, прорыв. Стать сотрудником такой газеты — об

этом можно было только мечтать!

В мае 1937 года Филби по командировке газеты и с благословения Дейча снова выехал в Испанию. Он заручился рекомендательными письмами германского посольства в Англии, где его знали как человека, «сочувствующего» нацистам. К тому же корреспондента влиятельной «Таймс» франкисты и без того встретили очень тепло. Он, не стесняясь, рассказывал о своём знакомстве с Риббентропом, которое в глазах фалангистов выглядело, как его дружба с этим уважаемым ими деятелем (хотя он виделся с ним всего пять минут).

Филби работал не покладая рук. Он добросовестно писал ежедневные корреспонденции в «Таймс», готовил сообщения для нашей разведки, однако всю эту информацию надо было сначала получить. А для этого требовалось устанавливать и поддерживать дружеские отношения с военными и гражданскими деятелями франкистского режима, выезжать на фронт. Там он сильно страдал, видя тела убитых и раненых республиканцев, присутствуя на их казнях. Но приходилось скрывать свои чувства. Филби делал это настолько умело, что генерал Франко наградил его орденом, который вручил лично. Однажды при артиллерийском обстреле или от взрыва мины Филби чуть не погиб, когда проезжал на машине вдоль линии фронта.

Свою информацию для разведки он передавал А. М. Орлову, в то время советскому резиденту в республиканской Испании. Для этого они встречались в небольшом французском приграничном городке.

После окончания испанской войны Филби вернулся в Лондон. Вскоре началась Вторая мировая война, и он был назначен главным военным корреспондентом при штабе английских войск. После падения Франции и возвращения в Лондон его вызвали в редакцию и сказали: «Вас просил зайти капитан Шелдон из Военного министерства». Так английская разведка сама вышла на Кима Филби. Правда, помог ей Гай Бёрджес, который в это время уже был её сотрудником и порекомендовал Филби как достойного кандидата.

Он был зачислен преподавателем в разведывательно-диверсионную школу секции «D», но вскоре понял, что, работая там, он так же далёк от секретов СИС, как и будучи корреспондентом «Таймс».

Осенью 1940 года из-за отсутствия практических результатов секцию «D» вместе со школой передали в ведение министерства экономической войны. Большинство сотрудников было уволено, Филби в числе немногих был оставлен во вновь организованной школе, получившей наименование «станция 17».

24 декабря 1940 года с Филби восстановил связь новый советский резидент в Лондоне А. В. Горский. Он согласился, что работа в школе ничего не даёт Киму как разведчику. Филби использовал все свои возможности для перехода на оперативную работу. В этом ему помог друг его отца Валентин Вивиан, заместитель директора СИС по внешней контрразведке. Зная, что Филби побывал в Испании, он способствовал его устройству на должность руководителя испанского сектора в СИС, который вёл контрразведывательную работу в Испании, Португалии и частично во французских североафриканских владениях в плане борьбы с проникновением в Англию иностранных разведок с этих территорий. С согласия Центра Ким занял эту должность.

Хотя по учётам английской контрразведки Филби числился как бывший член социалистического общества Кембриджского университета и подписчик «Рабочего ежемесячника», его жена антифашистски настроенной, а отец как придерживающийся «крайних взглядов», этому, очевидно, не придали значения, ограничившись официальной проверкой. Тем более что антифашистские взгляды в 1940 году не считались большим криминалом.

Филби принялся активно бороться с немецкой агентурой на Пиренейском полуострове. Он получил доступ к нужной для советской разведки информации, в том числе к дешифрованным телеграммам германского абвера. Тогда же он добыл первую информацию о попытках установления контактов между британской разведкой и Канарисом. Уже позднее, в 1941 году, ему станет известно о сепаратных переговорах англо-американцев с немцами.

Добросовестность, трудолюбие и аналитические способности Филби способствовали его продвижению. К тому же он пользовался всеобщим уважением. Среди его сослуживцев и приятелей были Ян Флеминг и Грэм Грин, с которым Филби сохранял дружеские отношения до конца дней.

На новом посту Филби приобрёл возможность добывать для советской разведки разнообразную и ценную информацию. Для её получения он использовал не только свою должность, но и общение с многочисленными коллегами по СИС и контакты с сотрудниками МИ-5, МИД, представителями американской разведки. Иной раз информация бывала неожиданной — например, содержание дешифрованной телеграммы германского посла в Токио Риббентропу о том, что через десять дней Япония начнёт наступление против Сингапура.

Но обычно поступала информация, так сказать, рутинная: по различным вопросам деятельности английской разведки, её

структуре, личном составе, включая резидентуры, об отдельных агентах, особенно 5-го контрразведывательного отдела.

В августе 1943 года Филби получил повышение. Теперь ему поручили руководство несколькими направлениями: отделением, обслуживающим Пиренейский полуостров, отделением, ведущим разработку (с контрразведывательной точки зрения) немецкой разведки на территории Германии, Польши, Чехословакии, поддержанием связи с польской контрразведкой эмигрантского правительства в Лондоне. Кроме того, он отвечал за контрразведывательное обеспечение всех военных операций союзников, проводимых Эйзенхауэром, и поддержание связи между контрразведывательным отделом СИС и МИД Англии.

В ноябре 1944 года Филби стал начальником 9-го отдела (секции) «по борьбе с коммунизмом». К этому времени пятнадцать кодошифровальщиков работали над перехватом дипломатических телеграмм СССР и коммунистических организаций. После прихода Филби отдел был выделен в самостоятельное подразделение, но в работе поддерживал тесный контакт с контрразведывательным отделом и пользовался его агентурно-оперативными возможностями. Одно время Ким даже получил доступ к сейфу начальника этого отдела.

Однако в Центре в 1942 году возникло недоверие к Филби и всей «пятёрке». Всю поступавшую от них информацию было решено рассматривать не иначе, как дезинформацию. Основания? Во-первых, среди тех, кто с самого начала работал с ними, был «иностранный шпион» Малли и невозвращенец Орлов. Во-вторых, в 1942 году Филби не дал никаких материалов, характеризующих деятельность СИС в СССР, то есть «подозрительно преуменьшал работу английской разведки против нас».

Такое же отношение к «пятёрке» оставалось и в 1943 году (и это несмотря на то, что именно от неё поступила информация о предстоящем немецком наступлении на Курской дуге!). В письме в резидентуру от 25 октября 1943 года Центр отмечал: «…[мы] пришли к выводу, что они („пятёрка“. — *Авт.*) известны СИС и контрразведке, работают по их указаниям и с их ведома… Невозможно также допустить, чтобы СИС и контрразведка могли доверить такую ответственную работу и на таких ответственных участках лицам, причастным в прошлом к партийной и левой деятельности, если эта деятельность не проводилась с ведома этих органов».

Центр предложил резидентуре «предоставить источникам инициативу в предоставлении нам информации», не показывая им нашей заинтересованности в определённых вопросах. «Нашей задачей, — говорилось в письме Центра, — является разобраться

в том, какую дезинформацию подсовывает нам английская разведка».

Однако глубокий анализ переданных Филби и другими членами «пятёрки» в 1944–1945 годах материалов полностью исключили предположение о дезинформации. Подлинность переданной нам Филби информации была подтверждена документальными материалами, полученными нашей разведкой через другие оперативно-технические и агентурные возможности. Это, в частности, относилось и к переданному нам Кимом Филби агентурно-набюдательному делу СИС о связях и сотрудничестве британской и советской разведок. В июле 1944 года за плодотворную работу и передачу нам этого дела Киму Филби от имени наркома госбезопасности была объявлена благодарность. Отношение к нему и к его группе коренным образом изменилось. Им, в частности, в 1945 году была установлена пожизненная пенсия.

К сожалению, всплеск недоверия имел место вторично, в 1948 году, но тогда он сравнительно быстро сошёл на нет.

Ким Филби достиг цели, поставленной ему советской разведкой в самом начале его разведывательной деятельности: он стал не только сотрудником английской разведки, но и одним из её руководящих работников.

В августе 1945 года на стол Филби попали бумаги о том, что некий Константин Волков, советский вице-консул в Стамбуле, обратился в английское консульство с просьбой предоставить ему и его жене политическое убежище. Он написал, что в действительности является офицером НКВД. В подтверждение пообещал сообщить некоторые сведения об отделе НКВД, где служил ранее. Более того, сообщил, что знает имена трёх советских агентов, работающих в МИД Англии, и одного начальника контрразведывательной службы в Лондоне.

Действия Волкова угрожали полным провалом Филби и его друзьям. Филби успел проинформировать Москву. Но опасность была столь очевидной, что он решил лично отправиться в Стамбул. На его счастье, пока он добирался до места и не спеша согласовывал все вопросы с МИДом, с послом в Турции, с местными представителями разведки, Волкова успели отправить в Москву.

В конце 1946 года руководство английской разведки предложило Филби поработать в заграничной резидентуре и в 1947 году назначило резидентом в Стамбуле. Практика загранработы была необходима для его дальнейшего продвижения по службе. Стамбул в это время был главной южной базой, откуда велась разведывательная работа против СССР и

социалистических стран, расположенных на Балканах и в Восточной Европе.

В Лондоне Киму Филби рекомендовали главное внимание уделить Советскому Союзу. Он разработал несколько вариантов краткосрочной засылки агентов на торговых судах, направлявшихся в Одессу, Николаев, Новороссийск. Однако главное внимание уделил турецко-советской границе, что соответствовало целям и нашей и английской разведки, заинтересованной в изучении Восточной Турции — там собирались создать центры сопротивления в районах, которые Красная армия должна была захватить в случае войны.

Дела в Турции пошли успешно, и в 1949 году Филби получил повышение — был назначен представителем английской разведки при ЦРУ и ФБР в Вашингтоне (по значению должность приравнивалась к должности заместителя начальника СИС): сотрудничество ЦРУ и СИС становилось всё более тесным, и англичанам необходимо было ознакомиться с положением дел в американских спецслужбах.

Поскольку Гувер опасался, что Филби будет «совать нос» в его дела, шеф СИС направил ему телеграмму, в которой сообщил, что обязанности Филби ограничиваются лишь связью с американскими службами. В действительности же они были значительно шире, и Филби по заданию английской разведки действительно «совал нос» в дела американских спецслужб.

Это был период «охоты за ведьмами», когда Джозеф Маккарти, председатель сенатской комиссии конгресса США по вопросам деятельности правительственных учреждений, развернул кампанию преследования прогрессивных деятелей и организаций. Филби был в курсе всех дел, которые велись против советской разведки. В дополнение к этому он поддерживал связь с канадской службой безопасности.

Но главной его задачей была работа с ЦРУ. Оно интересовало как английскую, так и советскую разведки. Филби смог проинформировать Москву о целом ряде совместных англо-американских разведывательных операций, направленных против Советского Союза.

В 1951 году англичане стали подозревать в работе на советскую разведку заведующего отделом Форин Офиса Дональда Маклейна и его коллегу Гая Бёрджеса. Филби немедленно сообщил об этом в Москву. Оба они были нелегально вывезены в Советский Союз. Но подозрение пало и на Филби: было известно, что он дружил с обоими ещё в Кембридже, а Бёрджес даже какое-то время жил у него в доме в Вашингтоне.

Никаких прямых улик против него не было, поэтому

назначили служебное расследование. После нескольких допросов Филби предложили подать в отставку. Ему выдали всего две тысячи фунтов стерлингов, и он переехал жить в небольшую деревушку.

Однажды ему сообщили, что начато официальное расследование обстоятельств побега Бёрджеса и Маклейна, и он должен дать показания. Допросы вели опытные следователи Милмо и Скардон. После этих допросов Кима около двух лет не трогали. Ему надо было на что-то жить, и он занялся журналистикой.

В 1955 году после публикации «Белой книги» о деле Бёрджеса — Маклейна в парламенте разразился оглушительный скандал о «третьем человеке» — Киме Филби.

Филби выстоял в этой борьбе, отлично сыграл роль оскорблённой невинности, человека, возмущённого клеветой.

В 1956 году по предложению респектабельного еженедельника «Обзервер» он выехал в Бейрут, не теряя контактов с СИС.

О годах своей жизни, проведённых в Бейруте, Филби писал: «После неудавшейся попытки разоблачить меня в Англии, я получил… великолепную возможность „спокойно“ пожить и поработать в течение семи лет (1956–1963), возможность продолжать дело, которому посвятил жизнь… Для советской разведки было небезынтересно познать в самом широком плане ближневосточный феномен, знать всё о деятельности ЦРУ и СИС, о действительных намерениях США и Великобритании в этом районе». Он имел хорошие позиции, чтобы успешно осуществлять свою задачу, работал весьма активно и снабжал советскую разведку глубокой, хорошо проанализированной информацией.

Но в конце 1961 года СИС получило через американцев (от одного из предателей) новые данные, на основании которых сделало выводы о причастности Кима Филби к разведывательной сети русских. В Бейрут прибыл бывший резидент в Ливане Эллиот, который в беседах с ним пытался заставить его заговорить и признаться во всём. Но Ким молчал. Накануне нового, 1963 года и в дни новогодних праздников ситуация стала критической. 6 января Кима вызвали в посольство для встречи с новым резидентом Питером Ланом.

Однако на эту встречу Ким не пошёл. Британские власти не попытались задержать его.

23 января 1963 года он исчез из Бейрута, а затем объявился в Москве.

Здесь начался заключительный этап его жизни. Разведясь с прежней женой Элеонорой, которая не захотела ехать в Советский

Союз, Ким женился в третий раз, теперь на русской женщине Руфине Пуховой. Появились дети, внуки. Филби занимался научной и преподавательской деятельностью, литературным трудом, много выступал, проводил занятия с разведчиками. Он написал мемуары, изданные в 1988 году в Лондоне с предисловием Грэма Грина.

В 1988 году Ким Филби скончался, похоронен он в Москве.

Когда в 1978 году были обнародованы сведения об истинной роли Филби, один из ответственных сотрудников ЦРУ заявил: «Это привело к тому, что все чрезвычайно обширные усилия западных разведок в период с 1944 по 1951 год были безрезультатными. Было бы лучше, если бы мы вообще ничего не делали».

А «Чикаго дейли ньюс» писала в 1968 году, что Ким Филби и его соотечественники Бёрджес и Маклейн «дали русским такое преимущество в области разведки в годы „холодной войны“, результаты и эффективность которых были просто неисчислимы».

ИГНАТИУС ТИМОТИ ТРЕБИЧ-ЛИНКОЛЬН (1879–1943)

Этот международный авантюрист и шпион вполне может претендовать на звание великого политического шарлатана и мошенника своего времени, так как приложил руку ко множеству скандалов и беспорядков в обществе. Его разносторонние способности и умение перевоплощаться могут вызвать восхищение. Своё мастерство он проявил не только в Европе, но и в Америке, и в Азии — как журналист, политический агент, священник, член парламента, изготовитель фальшивых бумаг, шпион-двойник, буддийский монах и китайский мандарин.

Что позволяло ему использовать этот пёстрый карнавал масок? Был ли он просто хладнокровным и расчётливым дельцом, желавшим разбогатеть любым способом? Или у него была патологическая жажда власти, и он был достаточно умён, чтобы выбрать для этого самые неожиданные пути? Или же страсть к авантюрам развилась в нём до такой степени, что он пренебрегал риском и опасностью? Трудно сказать. Единственно, что известно, это то, что он промелькнул подобно метеору и что жизнь его была полна сенсаций, напоминающих голливудский фильм.

Линкольн, или по-настоящему Требич, родился 4 апреля 1879 года в венгерском городке Паксе, на Дунае. Это маленькое местечко процветало благодаря торговле. Его отец имел судостроительную верфь. Игнатиус, как младший сын, должен был стать раввином и потому получил лучшее образование, чем другие члены семьи. Его главным интересом стало изучение иностранных языков.

В двадцать лет он отправился в путешествие и прибыл в Лондон. Здесь он совершил неожиданный для молодого раввина поступок — сменил вероисповедание, перейдя в англиканскую церковь. Вернувшись домой, он встретил отца, разгневанного поступком сына. Поэтому Игнатиус не откладывал своего второго путешествия. Уже в 1899 году он оказался в Гамбурге, где вновь сменил вероисповедание и стал лютеранином. Своими «братьями» по церкви он был послан в Канаду для ведения миссионерской работы среди иудеев. Но он опять сменил веру и возвратился в англиканскую церковь. В течение нескольких лет он пребывал в роли английского миссионера, приобретя репутацию серьёзного и способного проповедника. Затем он уехал в Германию. Оттуда Требича по его просьбе направили в Англию, где он стал настоятелем церкви в графстве Кент. Но местные

жители не желали иметь своим пастором экс-венгра-еврея, и после трёх лет препирательств с ними он отправился в Лондон, где продемонстрировал талант журналиста и год или два работал для нескольких газет.

1906 год стал решающим в жизни этого человека. Он устремился в политику, познакомившись с мистером Зеебом Роунтри, известным квакером и одновременно влиятельным лидером либеральной партии. Молодой венгр произвёл настолько благоприятное впечатление на Роунтри, что тот сделал его своим личным секретарём. Нужно заметить, что Требич отблагодарил своего патрона несколько весьма своеобразно: он подделал его подпись на чеке в семьсот фунтов. Его преступление было раскрыто много лет спустя.

Попытки Требича заслужить политические лавры были вознаграждены в 1910 году, когда он стал членом палаты общин от Дарлингтона. Однако в парламенте его приняли не очень серьёзно: он был чужаком, и его иностранное произношение часто вызывало иронический шумок в зале. Несколько раз партия назначала его в различные комиссии по расследованиям, связанным с экономическими делами в Европе, благодаря чему он познакомился со многими дипломатами и политиками. Но его многочисленные поездки не принесли ему богатства, и когда накануне войны он потерял своё место в парламенте, его состояние заставляло желать лучшего.

Началась Первая мировая война. Нашлись влиятельные друзья, оказавшие ему помощь, и он устроился в Бюро цензуры в качестве цензора венгерской и румынской корреспонденции. Но долго там не удержался, так как коллеги косо смотрели на него, считая «засланным врагом» и подозревая в двурушничестве, хотя, честно говоря, он ещё не был ни в чём виноват и не совершил ничего, что оправдывало бы их отношение к нему. Так или иначе, ему пришлось оставить свой пост. Он опять оказался в затруднительном положении. В клубе постоянные посетители стали отворачиваться от него, и стало ясно, что его исключение — дело времени.

Скорее всего, именно в это время у него зародилась мысль отомстить за все оскорбления англичан. Он решил предать их и стать германским шпионом. С помощью своих влиятельных друзей, которые и в мыслях не держали, что бывший член парламента может стать врагом, Требич связался с английской разведывательной службой и добился встречи с ответственным лицом из секретной службы, которому высказал свои пожелания работать в контрразведке. На эту встречу Требич явился не с пустыми руками. Он принёс план, который, по его мнению,

должен был иметь очень большое значение для английских военно-морских сил. Вкратце этот фантастический план заключался в следующем: Британия должна направить в Северное море небольшую эскадру, а он проинформирует об этом германское адмиралтейство. Немцы пошлют туда более мощное соединение и уничтожат английские суда. Но это позволит ему завоевать доверие у немцев. Такой манёвр можно будет повторить два или три раза, после чего последует «большой манёвр». Британские дредноуты вовремя явятся к месту боя и разобьют немецкий флот. Таков был план Требича-Линкольна — окольный, хитроумный и одновременно глупый.

Английские спецслужбы не отметили особых стратегических способностей у этого бывшего члена парламента и с подозрением отнеслись к его рвению принести пользу и к его хитрости. Они рассудили, что если бы план удалось выполнить, они бы получили в лице Требича-Линкольна человека, через которого немцы могли бы получать информацию относительно английских военно-морских сил и планов командования.

Через десять дней бесплодного ожидания Требич был холодно извещён, что его предложение не может быть принято, так как власти не считают возможным сообщать ему сведения о дислокации британских кораблей.

Однако Требич никогда не впадал в уныние. У него родилась новая идея: он предложил отправиться в Роттердам, где он притворится желающим стать немецким шпионом, и это станет лучшим способом служить Британии, так как он будет получать информацию из первых рук и передавать немцам дезинформацию. Англичане согласились с этим. Он получил паспорт и в декабре 1914 года отправился в Роттердам, где явился к германскому генеральному консулу. Он не знал, что каждый его шаг известен агентам английской контрразведки, которая ни минуты не сомневалась в том, что он не намерен служить интересам Великобритании. Информация, которую он прислал из Голландии, была тщательно изучена самим сэром Реджинальдом Холлом, главой военно-морской разведки, который убедился, что она совершенно никудышная. Она была оставлена без внимания, а Требичу велели вернуться обратно и предстать перед шефом, имея при себе паспорт. Сэр Реджинальд объявил ему, что тот играет роль двойного агента, и чем раньше он уберётся из Англии, тем лучше будет для него. Требич понял всё и не заставил адмирала повторять свою угрозу. На следующий же день он отбыл в Нью-Йорк на борту парохода «Филадельфия».

Требич прибыл в Нью-Йорк 9 февраля 1915 года. Первое, что он сделал, это явился в германскую секретную службу, но там

отказались иметь с ним дело. Они тоже не верили ему. Требичу пришлось вспомнить своё журналистское ремесло и заняться писанием статеек в прогерманскую прессу.

Как раз в это время в Англии вскрылся факт подделки им чека, и британские власти потребовали его выдачи. После долгих переговоров 4 августа 1915 года Требич был арестован и доставлен в Англию, где его приговорили к тюремному заключению. Летом 1919 года его выпустили и депортировали в Венгрию. Атмосферу там, в революционной стране, он нашёл для себя совсем неподходящей и тут же направил свои стопы в Германию, где было больше возможности половить рыбку в мутной воде.

Он сделал несколько безуспешных (и непонятных) попыток попасть на приём к бывшему кайзеру Вильгельму, высланному в Голландию. Вернувшись в Берлин, присоединился к монархистам и реакционерам, группировавшимся вокруг Каппа. Его журналистские способности снова пригодились, он возглавил кампанию прессы в поддержку амбиций Каппа, готовившего мятеж.

Для справки: Капповский путч, неудавшийся контрреволюционный переворот в Германии, был организован монархистами, наиболее реакционными кругами банковского и промышленного капитала во главе с крупным помещиком В. Каппом, и милитаристами во главе с генералами Э. Людендорфом, В. Лютицем и другими. Путчистам даже удалось 13 марта 1920 года занять Берлин и образовать там своё правительство. Однако в течение пяти дней путч был подавлен, Капп бежал в Швецию.

После провала путча полиция выписала ордер на арест Требича, но вместе с группой единомышленников он бежал в Мюнхен, где была создана новая штаб-квартира путчистов.

Здесь Требичу удалось сделать то, чего не мог сделать никто — уговорить Похнера, шефа полиции, и Кара, баварского премьер-министра, присоединиться к проекту нового заговора, целью которого было восстановить друг против друга Баварию и Саксонию, а также Мекленбург и Берлин. Но поскольку для этого требовалось много денег, Требич получил от шефа мюнхенской полиции фальшивый паспорт и дважды ездил в Берлин, чтобы встретиться с Людендорфом и другими лицами, имеющими контроль над денежными фондами. Берлинские детективы следили за ним и почти добрались «до его шеи», когда баварская полиция предупредила его об опасности. Ему пришлось уехать. Во время второго визита в Берлин Требич посетил одного из видных заговорщиков капитана Пабста, владевшего большими деньгами,

который знал секретное обиталище Людендорфа. Вдвоём они поехали к нему. Людендорф согласился помочь. Но штаб решили перенести в Будапешт, чтобы выступить вместе с венгерскими и русскими монархистами одновременно в Берлине, Вене и Будапеште. 8 мая 1920 года в Берлине должен был состояться монархистский конгресс. Требич поспешил туда, но по какой-то причине был не особенно тепло встречен участниками, предупредившими его, что за ним охотится полиция и ему надо скрыться. Он последовал совету и исчез, спрятавшись в городке Треббин. Но на следующий день, пытаясь выехать в Берлин, на железнодорожной станции был арестован. Требич попросил разрешения вернуться домой, чтобы собрать вещи, полицейские пошли с ним, но едва упустили его из виду, он выпрыгнул в окно и был таков. В руки полиции попала ценная улика — его ботинок, где в каблуке была спрятана секретная переписка заговорщиков.

Некоторое время Требич укрывался в Потсдаме у своих единомышленников. Затем добрался до Мюнхена. Шеф полиции Похнер снабдил его письмом к венгерскому генеральному консулу в Мюнхене. Тот отправил его в Вену с дипломатическим сопровождением. Но в Вене Требич опять заметил слежку детективов. Ему помог венгерский консул, и он сумел добраться до Будапешта, надеясь найти подходящую его характеру работу. С этой целью он придумал новый план, подобный тому, который предлагал британской разведке. На этот раз он явился к пресс-секретарю венгерского правительства полковнику фон Пронею. План был таков: множество бывших германских солдат в Венгрии, которые занимались контрабандой и другими преступлениями, были безработными. Их следовало снабдить оставшимся после войны германским оружием и направить против Австрии и Чехословакии. Но проект провалился.

Требич понял, что ему не удастся добиться успеха в Германии и Австрии, и отправился в Италию, где за власть боролись фашисты. Он решил, что его способности пригодятся им, и не был разочарован. Там он был втянут во многие интриги, связанные с приходом к власти Муссолини, выполнял его тайные поручения и участвовал в убийстве его противника Матеотти. Но что-то рассорило его с итальянцами, и он исчез. Некоторое время о нём ничего не было слышно, и многие считали, что он умер. Но это было не так. Он просто решил расстаться с неблагодарной Европой. В «Нью-Йорк уорлд» появились корреспонденции американского журналиста из Китая, который писал, что встретил некоего Чилана, политического советника генерала У Пейфу и организатора антибританской пропаганды в Китае. Из статей в газете стало известно, что Чилан — не кто иной, как

Требич-Линкольн. С циничной откровенностью он рассказывал американскому корреспонденту обо всех превратностях своей авантюрной жизни, не скрывая попыток стать шпионом-двойником во время мировой войны.

Того, кто знал его раньше, не удивило, что он вновь сменил религию и стал буддистом и «мандарином», то есть крупным чиновником при генерале У Пейфу. В конце 1920-х годов этот генерал активно участвовал в гражданской войне в Китае, будучи орудием англо-американской политики. В одном из своих выступлений И. В. Сталин сказал: «Борьба У Пейфу и Джан Цзолиня против революции в Китае была бы невозможной, если бы их не поддерживали империалисты». Одним из связующих звеньев этой помощи был Требич-Линкольн.

Последние сведения об этом авантюристе касались его плана возвращения из Китая в Англию. Его сын был приговорён к смерти за убийство, и Требич хотел увидеться с ним перед казнью. Британское правительство не имело возражений. Но отец опоздал. За годы жизни Требич-Линкольн пропустил много денег через свои руки: однажды генерал-лейтенант Краусс открыл ему кредит на двести тридцать тысяч долларов. На этот же раз, когда он достиг Франции, его финансовые ресурсы настолько иссякли, что он не смог приобрести билет на паром до Лондона. Он так и не увидел сына живым.

После этого он вернулся в Китай, где и умер 7 октября 1943 года в Шанхае.

ВАСИЛИЙ ЗАРУБИН (1894–1972)

Коренной москвич, сын железнодорожника, высокий, голубоглазый, с гладко зачёсанными назад белокурыми волосами, он гораздо больше походил на плакатного арийца, нежели любой из главарей Третьего рейха… Всё это ему пригодилось много позже, а в начале службы разве что рост помогал его солдатской карьере: он всегда был правофланговым. Василий успел принять участие в Первой мировой и Гражданской войне. С 1920 года работал в ВЧК, где сначала занимался борьбой с бандитизмом, контрабандой оружием и наркотиками на Дальнем Востоке. С 1925 года уже по линии военной разведки работал в Китае и Финляндии. В целом двадцать пять лет службы Зарубина прошли за кордоном, тринадцать из них он находился на нелегальной работе.

В свою первую нелегальную командировку Зарубин выехал вместе со своей второй женой Лизой Горской. Она была не только его супругой и помощницей, но и самостоятельным сотрудником.

Елизавета Юльевна Зарубина родилась в 1900 году в Северной Буковине, в семье управляющего лесным хозяйством крупного имения. С юных лет приняла участие в революционном движении, была студенткой трёх университетов: училась в Черновицах, Париже и Вене, она прекрасно говорила на нескольких языках. Особенно ей пригодится немецкий, так как Василий его не знал. В Вене Лиза стала вначале переводчицей советского постпредства, а затем и сотрудницей ИНО ПГУ. В 1925 году получила советское гражданство, а в 1927-м отправилась на самостоятельную работу в Турцию. Там некоторое время была гражданской женой знаменитого эсера Блюмкина — убийцы немецкого посла в Москве Мирбаха в 1918 году (Блюмкин находился в Турции по заданию ИНО ОГПУ и «присматривал» за Троцким). В 1928 году вернулась в Москву, работала в секретариате ОГПУ, где и познакомилась с Зарубиным. В 1929 году Блюмкин приехал в Москву с письмом Троцкого, и, уже будучи человеком, переметнувшимся к нему, он был задержан и расстрелян. Существует версия, что Елизавета «вытянула» его в Москву и выдала, но она не соответствует действительности.

Итак, в 1929 году Зарубины оказались сначала в Дании, а затем во Франции. Приехавший туда первым, Василий познакомился на Лазурном берегу с девушкой Майей, дочерью русского эмигранта, высланного во Францию за участие в революции 1905 года. Майя познакомила чету Зарубиных с отцом. Впоследствии он получил кличку «Ювелир» и помогал им

в их работе во Франции.

Целью супругов было осесть на длительное время во Франции, установить связь с уже имеющейся там агентурой, наладить надёжные контакты внутри резидентуры и с Центром и приобрести новые источники. Главная задача состояла в организации разведки по Германии.

Вначале Зарубины устроились в городке Сен-Клу под Парижем, где Василий, который был мастером на все руки, стал совладельцем маленькой мастерской, ремонтировал автомашины, швейные машинки, примусы и т. д. Владелец мастерской помог «эмигрантам из Чехословакии», в качестве которых выступали Зарубины, получить документы, дававшие право на пребывание в стране до получения из главной префектуры Парижа вида на жительство. Некоторое время спустя было получено разрешение и на постоянное проживание.

Но Зарубиным надо было перебраться в Париж. Василий вспомнил о своём агенте, с которым работал ещё на Дальнем Востоке, «Башмачнике». У того в Париже жил младший брат, владелец маленькой рекламной мастерской. «Башмачника» разыскали, он свёл Василия с братом, и вскоре Зарубин стал компаньоном рекламной фирмы, деятельность которой расширилась благодаря вложенным им деньгам. Теперь супруги стали полноправными жителями Парижа.

Василий и Лиза часто встречались с «Ювелиром» и членами его семьи и выяснили их взгляды. Оказалось, что он сам, его жена, сын и дочь дружелюбно относятся к Советской России, готовы оказать посильную помощь.

Зарубин попросил «Ювелира» разрешения один-два раза в неделю использовать их квартиру в Париже и загородный дом для встречи с товарищами, подчеркнув при этом последнее слово.

Поколебавшись и посоветовавшись с женой (она получит кличку «Нина»), «Ювелир» согласился, заранее оговорив, что ни о какой плате не может быть и речи. Поблагодарив «Ювелира», Зарубин попросил его впредь избегать разговоров с приятелями на политические темы и, во всяком случае, не высказывать своих левых убеждений.

К разведывательной работе были привлечены также Майя и её брат. Майя выполняла обязанности курьера, однажды даже ездила в Москву, а позже в этой же роли приезжала и в Германию, где в то время находились Зарубины. Сын «Ювелира» по совету Василия закончил военное училище и дослужился до высоких чинов во французской армии. В доме «Ювелира» и «Нины» была оборудована фотолаборатория для обработки почты. С этой семьёй сотрудничество продолжалось в общей сложности

двадцать лет.

Лиза Зарубина (она работала под псевдонимом «Вардо») разыскала своего старого, ещё венского знакомого, «Друга», армянина по национальности, который жил с женой недалеко от Парижа. Зная об истинной роли Зарубиных, он рассказал им о немецком журналисте, который вместе со своей возлюбленной (назовём её «Ханум»), стенографисткой германского посольства, часто бывал у него. Журналист однажды поделился с «Другом», что как-то раз, навестив «Ханум», случайно прочитал на оставленной ею копирке очень важное сообщение посольства в МИД Германии об экономике Франции. «Ханум» брала работу на дом, так как в рабочее время она не успевала всё сделать. Она жила трудно, вынуждена была содержать свою старую мать, проживающую в Германии.

По просьбе Василия «Друг», под видом журналиста, которому нужна информация, привлёк «Ханум» к сотрудничеству. За каждое сообщение он с ней расплачивался. Но Зарубин решил, что отношения с «Ханум» надо поставить на более деловую основу.

«Вардо» в доме «Друга» познакомилась с «Ханум» и стала получать от неё информацию, постепенно приучая к мысли, что та работает на Москву. Вскоре «Вардо» заявила, что устная информация её не устраивает, а нужна документальная, за которую платить будут больше. Чтобы успокоить разволновавшуюся «Ханум», «Вардо» объяснила, что то, что «Ханум» принесёт, никогда не попадёт в частные руки, а в обезличенном виде будет направляться в Москву.

Так как «Ханум» стенографировала и печатала почти все документы, исходящие из немецкого посольства в Берлин, советская разведка оказалась в курсе всей этой важной переписки. Информация от «Ханум» поступала до её отъезда в Берлин на прежнее место работы.

«Друг» вывел Зарубиных ещё на одного своего приятеля, венгерского журналиста «Росса», работавшего техническим секретарём депутата французского парламента. Знакомство организовали так: «Друг» пригласил «Росса» к себе домой, там же «случайно» оказалась «Вардо». Когда пришло время возвращаться в Париж, на железнодорожной станции «Вардо» так же «случайно» увидела в машине своего «родственника» Василия (у него был псевдоним «Бетти», в честь жены). «Бетти» «как раз» ехал в Париж и пригласил их подвезти.

После нескольких встреч «Росс» согласился давать (конечно, не бесплатно) информацию о ситуации в парламенте, о положении в Германии и Венгрии.

Одновременно «Бетти» и «Вардо» работали и с другими агентами, в частности, с очень интересным человеком, бывшим царским генералом Павлом Павловичем Дьяконовым. Он имел широкие связи в рядах русской военной эмиграции, в РОВСе — «Российском общевоинском союзе». Информация Дьяконова высоко ценилась в Москве. Кроме того, будучи кавалером ордена Почётного легиона и имея доступ в высшие военные круги Франции, он довёл до сведения Второго бюро Генштаба французской армии подготовленные советской разведкой данные о «пятой колонне» профашистски настроенных французских генералов и офицеров. Это было необходимо, чтобы не допустить сближения на антибольшевистской основе Германии и Франции. Акция прошла успешно и сыграла свою роль в охлаждении отношений между этими странами.

После четырёхлетнего пребывания в Париже Зарубины вернулись в Москву, но вскоре отбыли в новую командировку, в гитлеровскую Германию. Зарубин прибыл туда в качестве резидента-нелегала. Незнание языка стало бы непреодолимой проблемой, если бы не Лиза.

Перед ними была поставлена на первых порах почти нереальная задача: в недельный срок восстановить деятельность нелегальной резидентуры, которая прервалась из-за отъезда на родину большинства оперативных работников. Почти все они были неарийцами, евреями, и их дальнейшее пребывание в фашистской Германии становилось не только бесперспективным, но и опасным.

Одним из первых и важнейших агентов, с которым была восстановлена связь, стал Вилли Леман — «Брайтенбах» (см. очерк), ответственный сотрудник гестапо. Связь с ним до самого отъезда из Берлина (в 1937 году) поддерживала «Вардо».

Другим важным агентом стал «Винтерфельд», вначале скромный посыльный МИДа Германии. Встречи с ним также проводила «Вардо». Постепенно «Винтерфельд» рос по службе и получил доступ к шифротелеграммам, что позволило раскрыть немецкие шифры и коды. «Вардо» обучила его фотографированию документов. Дело наладилось не сразу, однако в марте 1937 года Центр сообщил в Берлин: «Снимки вполне удовлетворительные, пусть продолжает так же работать и впредь».

Но с «Винтерфельдом» получилась неувязка. Он прошёл в школе штурмовых отрядов (СА) курс обучения, получил звание штурмфюрера и вернулся оттуда другим человеком. Его настроения изменились, он стал разделять многие идеи нацистов. Хорошо хоть, что честно признавался в этом.

В 1937 году Зарубины уехали из Германии, и связь с ним

была прервана. Прибывший в Берлин сотрудник «легальной» резидентуры А. И. Агаянц в октябре того же года вновь начал работу с ним и даже получал ценную информацию, но в ноябре 1938 года, убедившись, что тот в своих профашистских настроениях зашёл слишком далеко, разорвал с ним отношения. В 1940 году «Вардо» была направлена в Берлин, и одной из её задач стало восстановление связи с «Винтерфельдом». Она перехватила его 11 июня 1941 года на станции метро Кёпениг, и он выразил готовность оказывать нам помощь, как и прежде. Очередная встреча была назначена на 21 июня, но она не состоялась, так как все входы и выходы из посольства были перекрыты гестапо. 22 июня 1941 года «Вардо» в числе других сотрудников посольства была интернирована, а затем вывезена через Турцию на родину. Судьба «Винтерфельда» неизвестна.

Во время этой же, последней предвоенной командировки в Берлин, «Вардо» выполнила ещё одно поручение Центра — восстановила контакт с Августой, женой германского дипломата. С ней связана одна из самых романтических историй советской разведки. Ещё в 1931 году с ней познакомился, а затем и установил агентурные отношения советский разведчик Фёдор Парпаров. Но случилось так, что она полюбила его, причём по-настоящему, глубоко и преданно. От неё поступала важная документальная информация, исходившая от её мужа-дипломата. Она не скрывала, что ей всё равно, какой стране передавать информацию — она работала ради любимого человека… В 1938 году Фёдор был отозван в Москву и арестован по ложному обвинению (в 1939 году был освобождён и продолжил работу в разведке).

«Вардо» удалось встретиться с Августой 10 декабря 1940 года, передать письмо Фёдора, и та продолжила работать, её информация по-прежнему была важной и интересной. Сотрудничество с Августой продолжалось до того самого дня, когда «Вардо» пришлось покинуть Германию.

Но вернёмся назад, в годы пребывания Зарубиных в Германии.

В 1934 году была восстановлена связь с «Ханум». Теперь она давала ещё более ценные материалы — ведь она работала в центральном аппарате МИДа. Но плодотворное сотрудничество прекратилось: «Ханум» заболела и умерла.

Не имея возможности лично встречаться с агентами из числа немцев, Василий Зарубин руководил работой группы разведчиков-нелегалов, всем аппаратом нелегальной берлинской резидентуры, в том числе связниками, среди которых была Китти Харрис (см. очерк).

Помимо получения информации, на нём лежала обязанность обеспечения безопасности резидентуры и её сотрудников. Один из его успехов на этом поприще — предотвращение серьёзного провала, к которому могло привести продолжение контакта с неким Карлом Флик-Штегером («Музыкантом»). Проверив всю его деятельность, Зарубин пришёл к заключению, что он либо авантюрист, либо провокатор, либо агент спецслужбы американского госдепартамента, и в любом случае и сам он, и все его связи находятся под наблюдением сразу двух германских спецслужб: абвера и гестапо. К счастью, меры были приняты вовремя. Сотруднику резидентуры, связанному с «Музыкантом», пришлось уехать в другую страну, а отношения с «Музыкантом» были прекращены.

Удалось Зарубину предотвратить и другой провал, когда прибывший из Москвы опытный разведчик-нелегал Такке буквально находился на грани гибели. Он восстановил связь с неким Мейсснером, который оказался агентом гестапо (об этом сообщил «Брайтенбах»). Эриха Такке удалось вовремя вывезти из Германии.

«Брайтенбах» помог Зарубину предотвратить провал ценного источника резидентуры, учёного Ганса Генриха Куммерова, работавшего в фирме, выполнявшей военные заказы, и имевшего большие связи в научных и политических кругах. «Брайтенбах» сообщил об имеющихся в гестапо на Куммерова данных и даже об опасности ареста последнего. В связи с этим агент был законсервирован на два года. За это время подозрения гестапо рассеялись, и работа с ним продолжилась. В 1942 году с ним встретился наш связник, выезжавший из Стокгольма, и он дал ценные сведения. Но в результате предательства Ганс Генрих Куммеров в конце 1942 года был арестован и в 1944 году повешен.

В начале 1937 года Зарубины были на несколько месяцев направлены в нелегальную командировку в США, с целью вербовки агентов из числа американцев для работы в Германии на случай войны (поскольку предполагалось, что США не будут в ней участвовать). Особенно их интересовали курьеры-связники. Было завербовано три агента.

В конце 1937 года Зарубиных отозвали в Москву в связи с предательством одного из сотрудников разведки, работавшего за границей, который знал Зарубина и мог его выдать. Зарубины продолжали работу в Центре.

С января по июнь 1941 года Василий Михайлович находился в Китае, где, помимо других дел, встретился с Вальтером Стеннесом, одним из военных советников и начальником личной

охраны Чан Кайши. В молодости Стеннес был близким приятелем Гитлера, знал всю его подноготную, за что фюрер собирался расправиться с ним. Лишь вмешательство Геринга спасло ему жизнь, и Стеннес уехал в Китай. Однако у него остались в Германии хорошие связи, в том числе среди оппозиционно настроенных офицеров. В Шанхае с ним установил контакт один из советских разведчиков, но затем он прервался. Для восстановления связи и направился Зарубин. В ходе беседы Стеннес изъявил готовность сделать всё возможное для ликвидации Гитлера. Одновременно Стеннес сообщил о гитлеровских планах нападения на СССР. (Как оказалось, этими сведениями с ним поделился немецкий журналист и советский разведчик Рихард Зорге).

Зарубин договорился со Стеннесом о сотрудничестве, и тот согласился, исходя исключительно из идейных соображений, информировать СССР по важнейшим вопросам и попросил дать ему для этих целей связного. Именно от Стеннеса впоследствии поступила подробная информация об аресте Зорге. Связь с ним продолжалась и после войны, когда Стеннес возвратился в Германию. Она была прекращена в 1952 году.

Ночью 12 октября 1941 года, когда немцы подходили к Москве, Зарубин был вызван в Кремль. Никаких признаков нарушения нормального ритма жизни, суматохи или подготовки к эвакуации, а тем более к бегству, он там не заметил. Его проводили в приёмную. Несколько человек, военных и штатских, молча сидели в ожидании.

— Товарищ Зарубин, — полувопросительно, полуутвердительно произнёс Поскрёбышев. — Сейчас вас примет товарищ Сталин.

У Зарубина заныло под ложечкой. Он знал, зачем едет в Кремль, но значительность этой фразы поразила его.

Через несколько минут, после выхода очередного посетителя, Поскрёбышев пригласил Зарубина в кабинет.

Сталин сидел за столом. При входе Зарубина поднялся, сделал несколько шагов ему навстречу и, пожав руку, предложил сесть. Сам продолжал стоять, затем принялся не спеша ходить по кабинету.

После короткого доклада Зарубина Сталин сказал:

— До последнего времени у нас с Америкой, по существу, не было никаких конфликтов интересов в мире. Более того, и президент, и народ поддерживают нашу борьбу с фашизмом. Нашу тяжёлую борьбу. Но недавно мы получили данные, что некоторые американские круги рассматривают вопрос о возможности признания правительства Керенского в качестве

законного правительства России в случае нашего поражения в войне. Этого им никогда не дождаться. Никогда! Но очень важно и необходимо знать об истинных намерениях американского правительства. Мы хотели бы видеть их нашими союзниками в борьбе с Гитлером. Ваша задача, товарищ Зарубин, не только знать о намерениях американцев, не только отслеживать события, но и воздействовать на них. Воздействовать через агентуру влияния, через другие возможности…

…Когда Зарубин уже встал, чтобы уходить, — беседа была закончена, — Сталин сказал:

— Исходите из того, товарищ Зарубин, что наша страна непобедима. — Он немного помолчал и добавил: — Я слышал, что ваша жена хорошо помогает вам. Берегите её.

Это длилось лишь мгновение, но Зарубин вдруг увидел в нём — его герое, полубоге — простого, усталого, одинокого старика.

Несколько дней спустя Зарубины вылетели в США. Уезжали они в дни октябрьской паники, когда казалось, что вся Москва ударилась в бегство, и хотя знали, что едут на важное, ответственное задание, чувствовали себя дезертирами.

На этот раз у Василия была официальная должность секретаря посольства. Правда, фамилию пришлось немного изменить — на Зубилиных.

По приезде в США они сразу включились в активную агентурную работу, не зная ни сна, ни отдыха. Это трудно себе представить, но у одной «Вардо» на связи находились двадцать два (!) агента, с которыми надо было конспиративно встречаться, беседовать, поддерживать в них веру в правоту того дела, за которое они боролись, а самое главное — получать от них информацию, отметая «зёрна от плевел», обрабатывать и отправлять её, мотаться между Вашингтоном, Нью-Йорком и Калифорнией, заводить новые знакомства и устанавливать новые связи. И всё это приходилось сочетать с посольской работой, посещать приёмы, вежливо улыбаться какому-нибудь шведскому советнику, когда после бессонной ночи ужасно хочется спать или ждёт в резидентуре необработанный для отправки в Центр срочный документ.

Одним из тех, с кем работали в США, был «Звук» — Яков Голос, человек уникальный, находившийся на подозрении и под наблюдением ФБР и даже осуждённый условно за нарушение закона «О регистрации иностранных агентов» и в то же время умудрявшийся приносить огромную пользу нелегальной разведке. Достаточно сказать, что всего за несколько месяцев он смог достать десять чистых бланков, необходимых для получения

паспортов, с подписями и печатями, более семидесяти свидетельств о натурализации, двадцать семь свидетельств о рождении. Он привлёк к работе в разведке около двух десятков человек, в том числе «Брайена», сотрудника одного из ключевых министерств, «Олфсена», дававшего информацию по вопросам вооружения, «Ронда», занимавшего ответственный пост в правительственном учреждении и принёсшего особенно много пользы в годы войны. 25 ноября 1943 года Голос скоропостижно умер от разрыва сердца. У Зарубиных осталось ещё немало помощников и верных друзей в США, но потеря Якова была невосполнимой, ведь с его смертью была утрачена связь и с теми, с кем она поддерживалась только через него.

Но работу требовалось продолжать. Конечно же, они помнили о главной задаче, поставленной Сталиным. Сразу по приезде через «Звука» и других агентов прежде всего проверили сведения о «правительстве Керенского». Выяснилось, что сам Керенский — уже политический труп, реальной силы за ним нет, и люди, поднимавшие вопрос о его возможном использовании, авторитетом у Рузвельта не пользуются. Сталин, всегда опасавшийся соперников, мог вздохнуть спокойно.

Через того же «Звука», его людей, а также агентуру и заведённые ранее связи в еврейских кругах удавалось оказывать влияние на многих весьма авторитетных лиц в американском правительстве, в том числе в окружении президента, в пользу Советского Союза. Вступление США в войну на стороне союзников и оказываемая ими помощь Советской России явились наглядным тому примером.

Работа Зарубина была архисложной. И всё-таки он справлялся с ней. Но в 1942–1943 годах появились новые аспекты этой работы — на первый план стала выходить атомная тематика. Зарубин и «Вардо» установили связи в научных кругах. Но теперь требовались новые подходы, новые люди, знакомые с проблемой. К тому же семье Зарубиных не удалось поработать на этом направлении в полную силу. В 1944 году они были неожиданно отозваны в Москву.

Василий и Лиза терялись в догадках. Они вроде бы успешно выполняли поставленные задачи, создали перспективные заделы для дальнейшей работы. Не произошло ни одного провала, конспирация соблюдалась тщательно. Кстати, о том, что Лиза — разведчица, ФБР узнало лишь в 1945 году, после предательства шифровальщика Гузенко. В чём же дело?

Всё выяснилось лишь по возвращении в Москву. Оказалось, что их отозвали для проверки — сотрудник резидентуры Миронов в письме на имя Сталина обвинил Зарубина в сотрудничестве с

американскими спецслужбами. Миронов с упорством и скрупулёзностью шизофреника (каковым, как выяснилось, и оказался) следил за встречами Зарубина с его агентами и источниками информации, объявив их всех агентами ФБР. Проверка Зарубиных заняла полгода, обвинения были полностью отметены. Миронов предстал перед судом, и от тюрьмы его спасло лишь заключение судебно-психиатрической экспертизы, признавшей его невменяемым.

Но была ещё одна причина отзыва Зарубина. Наступал атомный век, а для разведки — век погони за тайной атомного оружия, и на пост резидента требовался человек, знакомый с техникой и настроенный на нужную волну. Требовалась «смена караула».

После окончания проверки Зарубин получил ответственный пост заместителя начальника разведки. Лиза ещё несколько лет работала, выполняла отдельные поручения в стране и за рубежом. После выхода в отставку обучала молодых разведчиков. Словом и делом помогала своей старой соратнице Китти Харрис, которая одиноко доживала свой век в городе Горьком.

Василий Михайлович Зарубин скончался в 1972 году, Елизавета Юльевна пережила его на пятнадцать лет.

ЮРЕК ФОН СОСНОВСКИЙ (1896–1945?)

— Это возмутительно! — негодовал полковник Гудериан, будущий генерал-полковник германской армии. — Секретнейшие документы моего отдела, о деталях которых не знают даже в других отделах Генерального штаба, оказывается, уплывают за границу, в Польшу, в штаб нашего потенциального противника! Где же была наша хвалёная контрразведка?

— Полковник, — прервал его начальник Генштаба генерал Хольман, — верьте, что даже сам фюрер обеспокоен не меньше вашего и примет серьёзные меры. Что же касается контрразведки, то именно она вскрыла это дело и прервала утечку секретных сведений.

— Но то, что уже ушло, раскрывает наши планы, нашу стратегию. Вся моя работа пошла насмарку!

— Поверьте мне, старику, противник да и любое руководство самого высшего ранга в любой стране не всегда верит и правильно оценивает документы, доставленные разведкой. Тем более такие документы. То, что вы делаете, настолько необычно, что этому не поверят. Так что спокойно продолжайте работать. Можете идти.

Гудериан отдал честь, чётко повернулся и вышел. Вернувшись к себе в отдел, велел секретарю никого к нему не пускать, а по телефону соединять только с начальством. Сел за стол. Надо было обдумать всё, что произошло, и всё, что предстоит сделать, чтобы исправить случившееся.

Не так давно закончилась Первая мировая война. Большинство прошедших её генералов и офицеров не могло избавиться от сознания того, что и следующая, которая неизбежно приближалась, будет носить тот же позиционный характер: огромные армии, по горло зарытые в землю, укрепления из бетона и стали, безнадёжные, чреватые миллионными потерями штурмы крепостей, ничтожные продвижения по одному-два километра в месяц по пропитанной кровью земле…

Но среди молодых офицеров уже появились теоретики новой, танковой войны. Эта теория родилась на полях Гражданской войны в России, где конные бригады, корпуса, армии устремлялись в прорывы, совершали тысячекилометровые молниеносные по тем временам рейды по тылам противника, захватывали города и решали исход сражений. Воображение рисовало картину таких же рейдов, но не конных, а танковых соединений. В России теоретиком такой войны стал Тухачевский,

в Германии — Гудериан, впоследствии генерал-полковник, автор знаменитой книги «Внимание — танки!»

И пока французские генералы и инженеры трудились над созданием «непробиваемой» «линии Мажино» вдоль границы с Германией, а германские планировали сооружение аналогичной «линии Зигфрида» на границе с Францией, в недрах германского генштаба, в секретном отделе полковника Гудериана, созревали планы молниеносной танковой войны.

Прослышавшая что-то об этих планах, но не знавшая ничего ни об их сути, ни о содержании, польская разведка решила любой ценой добыть их.

Одним из польских разведчиков, прибывших в Германию в 1934 году, был лейтенант Гриф-Чайковский. Но он, то ли по глупости, то ли из меркантильных соображений, встал на путь предательства — он сам явился в германскую контрразведку, признался, что является польским разведчиком, и предложил свои услуги. Конечно же, его решили использовать для передачи дезинформации.

Вскоре Рихард Протце, начальник контрразведывательной службы военной разведки Германии, которую возглавлял адмирал Канарис, вручил Гриф-Чайковскому фотоплёнки с материалами, якобы добытыми в Шестом инспекционном отделе Генштаба, возглавляемом полковником Гудерианом. Вслед за этим были переданы и другие «документы». Лейтенант добросовестно относил их польскому резиденту, а тот переправлял в Варшаву.

Примерно в это же время в Берлине появился отставной капитан польской армии Юрек фон Сосновский. Была ли приставка «фон» придумана им для вящего впечатления, или действительно в нём текла дворянская немецкая кровь, история умалчивает. Так или иначе, высокий, красивый, элегантный, к тому же, судя по всему, обладавший немалым состоянием капитан сразу стал вхож в берлинское общество. Его успеху, особенно у женщин, способствовала и романтическая история его отставки и отъезда из Польши.

— Ах, Ядвига! Это такая красавица, ради которой я был готов на самые большие безумства. Она — жена командира полка, я — скромный офицер. Но однажды, когда полк отправился в лагеря, меня оставили комендантом зимних квартир. Тогда-то всё и произошло. Наше сумасшедшее счастье длилось два месяца. И однажды ночью командир полка прискакал домой. Вы можете только представить себе сцену, которая произошла при этом. Ах, Ядвига, Ядвига! Она, бедняжка, металась как овечка между двумя тиграми. В итоге была назначена дуэль. Но узнавший о ней командир дивизии приказал мне немедленно подать в отставку и

уехать из страны. Всё произошло в глубокой тайне, и даже ни один офицер в полку не узнал о причинах моего внезапного отъезда. Ах, Ядвига, Ядвига!

Юрек только вздыхал, женщины дружно и горестно кивали головами, сожалея о том, что из-за них никто стреляться не собирается.

Существует и другая версия появления Юрека в Берлине. Сын известного юриста-международника из Варшавы, он выбрал себе военную карьеру. Стал блестящим кавалерийским офицером, крепко сбитым, стройным, первоклассным атлетом, получал призы на международных теннисных соревнованиях и был великолепным наездником, поэтому ему и предоставили отпуск для подготовки к Олимпийским играм 1936 года в Берлине, где он должен был представлять Польшу в соревнованиях по верховой езде. Собственно говоря, одна версия не исключала другую.

Вечеринки в доме Сосновского стали модными. Светская публика, офицеры, видные адвокаты, промышленники считали за честь посетить дом отставного капитана, где он был душой общества. У него появились фаворитки, и первой из них стала фрау Бенита фон Фалькенгейн. Вместе они посещали ночные клубы, театры, скачки.

Баронесса Бенита фон Берг происходила из старинного рода Цолленкопфен-Альтенклинген, который поставлял на службу Германии воинов и придворных со времён тевтонских королей. Тридцатичетырехлетняя черноволосая красавица являла собою яркий тип «роковой женщины». Воспитанная гувернантками и закончившая школу в Швейцарии, она часто посещала Англию в качестве гостьи титулованных семейств. Была прекрасной наездницей, чемпионкой любительского тенниса и признанным художником-акварелистом. В девятнадцать лет Бенита вышла замуж за майора графа Курта фон Фалькенгейна, сына кайзеровского фельдмаршала, который в 1914 году захватил Сербию и Румынию и нанёс тяжёлые поражения России. Курту Фалькенгейну светило прекрасное будущее в Третьем рейхе. Он смирился с нацистской идеологией и воспринял её. Единственным препятствием в карьере стала его жена, не любившая фюрера и его грубых, невоспитанных клевретов. Она не принимала лидерства человека из низов, часто открыто выступала против режима, хотя в то время не имела неприятностей из-за гестапо — оно было слишком занято преследованием евреев и коммунистов, чтобы его беспокоили проделки капризной графини.

Не найдя общего языка с женой, Курт с ней развёлся. Но это

только прибавило ей популярности. Она вышла замуж за богатого молодого дипломата барона фон Берга, атташе при германском после в Лондоне фон Риббентропе. Но та же причина, что и в первый раз, вызвала её размолвку с фон Бергом, хотя она и продолжала оставаться его супругой.

В 1933 году барон фон Берг был назначен представителем от германского МИДа в комитет по подготовке к Олимпийским играм. Бенита, естественно, была хозяйкой на всех приёмах в честь иностранных гостей, приезжавших в Берлин для обсуждения вопросов, связанных с Играми. Среди них был и Юрек Сосновский.

Своей неординарностью Юрек обратил на себя внимание Бениты, и уже через несколько недель после их первой встречи она стала его любовницей. Лёгкое увлечение скоро сменилось глубокой любовью к нему. Их связь не была секретом для общества, в том числе и для мужа, но он из карьерных соображений закрывал на это глаза.

Однажды Юрек и Бенита были на приёме у рейхсмаршала Геринга, командовавшего авиацией Третьего рейха. Сам бывший военный лётчик, ас Первой мировой войны, он любил поговорить с молодыми лётчиками, его гостями, о достоинствах и недостатках новых самолётов.

Юрек, не разбиравшийся в авиации, сумел, однако, тайно сделать кое-какие записи, и ночью на свежую память закодировал их для передачи резиденту польской разведки.

Утром Бенита заметила странный набор цифр. Между любовниками произошёл острый разговор — так Бенита узнала, что Юрек польский разведчик.

Неприязнь к Гитлеру и его клике, искренняя любовь к Юреку и желание помочь ему сделали Бениту не только его любовницей, но и агентом. Она стала его секретарём, курьером, соучастницей во всех делах. Бенита написала мужу письмо, в котором призналась, что любит другого. Фон Берг сделал вид, что не получил этого письма, и формальные супружеские отношения между ними продолжали сохраняться. Как-то раз Бенита сказала Юреку:

— У меня самой нет возможности добывать секретную информацию, но есть кузина, работающая в военном министерстве.

Речь шла о Ренате фон Натцмер, молодой симпатичной девушке. По словам Бениты, Рената была глупенькой простушкой и происходила из менее знатного, чем она, рода. Её отец был полковником баварской пехоты. Выйдя в отставку, он мирно жил с женой в имении под Гармишем. Скромной пенсии не хватало,

поэтому пожилая пара сдавала комнаты постояльцам, приезжавшим покататься на лыжах. Через знакомых офицеров полковнику удалось пристроить свою дочь на приличную работу в военное министерство.

Пару дней спустя фрау фон Фалькенгейн пригласила свою кузину на озеро Ванзее. В беседе с ней она выяснила, что фрейлейн Рената фон Натцмер работает в Шестом отделе, у полковника Гудериана.

Через несколько дней состоялась вторая встреча. Сделав большие глаза и понизив голос до шёпота, Бенита спросила подругу, знает ли та, что работает на… русских.

— Как на русских? — удивилась фрейлейн Натцмер.

— Да, да, именно на русских! Гудериан и весь его отдел работают по их заданию. А мы, настоящие немцы, патриоты, даже не знаем, чем они занимаются. Вы должны помочь нам.

Разговор оказался длинным и непростым. В результате фрейлейн Натцмер согласилась помогать Бените и её друзьям в борьбе с большевиками.

Она сообщила, чем занимается Шестой отдел, добыла подробный план помещений, стала приносить подлинные документы отдела, которые Юрек фотографировал и через Бениту возвращал. Фрау фон Фалькенгейн, водя свою подругу по дорогим магазинам, втянула её в долги (помимо того, что платила за документы) и поставила в полную зависимость от себя.

— А знаешь ли ты, что мы работаем не на группу патриотов, а на польского разведчика? — ошарашила однажды Бенита свою подругу.

Та была в шоке.

— Я не могу! Я не могу! — только шептала она, но вынуждена была покорно согласиться. К тому же, познакомившись с Юреком, она тут же влюбилась в него…

Если Рената и стала любовницей Юрека, то это могло произойти только с ведома Бениты, готовой на всё, чтобы угодить ему. Так или иначе, Ренату увлекла шикарная жизнь, окружавшая Юрека, подарки, подкреплённые лёгким шантажом с его стороны, и у неё не оставалось иного пути, как добросовестно работать в качестве его агента. Рената не особенно разбиралась в разрабатываемой Гудерианом стратегии, но когда печатала документ на имя Гитлера или Геринга, у неё хватало ума делать лишнюю копию или исполнять гениальную по простоте задумку Юрека: при печатании она закладывала сразу два листочка копирки, один из которых каждый вечер сдавала, как полагалось, начальнику канцелярии, а второй, надёжно спрятав, относила

Юреку. Многие документы попадали к Сосновскому раньше, чем они ложились на стол Гитлеру. В общей сложности фрейлейн Рената фон Натцмер передала Сосновскому сотни важных военных документов.

Бенита, выполняя свою роль «сводницы», познакомила Юрека с ещё одной своей кузиной — Ирен фон Йена, племянницей герцога Вильгельма Эрнста фон Заксен-Веймар-Эйзенах. Ирен, служащая военного министерства, имела доступ к важным документам. Несмотря на то что она была нацисткой, Ирен решила помогать поляку. Что побудило её к этому? Она получала жалование, плюс хорошее содержание от отца, так что особенно в деньгах не нуждалась. Симпатии к Польше не испытывала. Скорее всего, на её решение повлияло увлечение Юреком как мужчиной, любовницей которого она тоже стала, и склонность к риску. Её работа с Сосновским превратилась для Ирен в своего рода хобби.

Бенита продолжала заманивать женщин в сети Юрека, которого она, на немецкий лад, звала Георг фон Сосновски.

Сам он тоже не терял времени даром. В Будапеште Юрек познакомился с очаровательной венгерской исполнительницей цыганских танцев Ритой Паси, возлюбленной штандартенфюрера СС Шелленберга. Сосновскому с его обаянием ничего не стоило увлечь молоденькую балерину, и она вслед за ним уехала в Берлин, чтобы танцевать «только для него». Но Юрек разочаровал её, заявив, что помимо танцев ей придётся заниматься и ещё кое-чем, соблазняя высокопоставленных лиц, особенно из числа военных, втягивать их в долги и привлекать к его шпионской деятельности. С помощью Риты Паси он завербовал сотрудника военного министерства лейтенанта Ротлофа. Приобрёл он и ещё нескольких агентов, имена которых для германской контрразведки остались тайной.

Одной из интимных связей Сосновского была фрау фон Биденфур, жена полковника. Она получала от Юрека подарки и деньги, которые быстро спускала обычно на скачках и к тому же влезала в долги. Однажды Юрек сообщил, что больше не может помогать ей, так как должен тратиться на других женщин. Разговор был драматичным и откровенным — долги нужно было отдавать. Несчастная фрау фон Биденфур не нашла ничего лучше, как признаться мужу в своих долгах и обстоятельствах, при которых они образовались. Полковник довольно спокойно воспринял сообщение о её неверности, так как и сам был грешен. Но долги возмутили его.

В результате у полковника состоялся крупный разговор с Сосновским, но не о любви и морали, а о военных планах и ресурсах. Оплатив долги фрау Биденфур, Юрек стал получать

информацию от полковника.

Всего за 1 год работы Юрек Сосновский получил более ста пятидесяти секретных документов, набросок плана нападения немцев на Польшу и ключи от сейфа полковника Гудериана. Он уже предвкушал проникновение в «святая святых» — Шестой отдел и сейф Гудериана.

Но замыслам смелого и талантливого разведчика не суждено было сбыться. Первый, косвенный удар нанёс ему уже упоминавшийся нами двойник Гриф-Чайковский. Однажды, зайдя в фотолабораторию польского посольства, он обнаружил там плёнки со снимками подлинных документов Шестого отдела германского Генштаба и немедленно доложил об этом своему «хозяину» Рихарду Протце. Тот немедленно отдал приказ усилить слежку за всеми посетителями польского посольства, а также организовать наблюдение за сотрудниками Шестого отдела. И хотя конспирация в работе Сосновского с агентурой была на высоте и никого из его агентов на этом этапе контрразведка ещё не засекла, тучи над головой Юрека начали сгущаться.

К этому времени агентурная сеть Сосновского разрослась. Его агентами стали машинистка из личной канцелярии Розенберга — главы внешнеполитического отдела национал-социалистской партии, женщины-секретарши, работавшие в Главном управлении имперской безопасности — РСХА. Его любовницами и агентами были жёны крупных чиновников.

Ирен фон Йена первая почувствовала опасность. Трудно сказать, чем это было вызвано, скорее всего, сработала женская интуиция, но она сказала Юреку:

— Успех твоей работы превысил самые большие ожидания. Ты сделал всё, что мог. Уезжай, пока не поздно.

То же самое Юреку сообщили из Варшавы, где были удовлетворены его работой и советовали возвращаться. Польский посол Липский, наслышанный об образе жизни Сосновского, хотя и не знавший о его действительном статусе, тоже предложил ему возвращаться домой, так как его любовные похождения, по мнению посла, мешали польским интересам в Германии.

Но Юрек Сосновский наслаждался своей работой. Он наслаждался Берлином, женщинами, своей яркой роскошной жизнью. К тому же он хорошо знал Бениту, единственную женщину, которую любил, и был уверен, что она никогда не предаст его. Но он также знал, что она немка до мозга костей и никогда не променяет свой Берлин на дикую славянскую Варшаву, что она готова работать против нацистов, но не изменит Германии.

Бенита тоже чувствовала опасность, однако решила идти до

конца со своим возлюбленным.

И вот в это время два роковых и решающих удара по Юреку Сосновскому и его группе почти одновременно нанесли две женщины — одна вполне сознательно, а другая по собственной глупости, приведшей к её же гибели.

Заподозрив Юрека в неверности, Рита Паси стала следить за ним и обнаружила его конспиративные встречи с женщинами. Трудно сказать, были ли эти встречи чисто деловыми или носили и романтический характер. Но зная наклонности и способности Сосновского, можно предположить, что он применял все доступные ему средства, чтобы удержать и заставить работать дам на себя.

Помучившись несколько дней, Рита явилась к своему антрепренёру.

— Я должна вам признаться, — дрожащим голосом произнесла она. — Меня заставили шпионить против Германии, — уже смелее начала рассказывать Рита и в слезах поведала свою историю.

В тот же вечер антрепренёр явился в контрразведку. Его принял сам Рихард Протце.

— Девчонка запуталась, — сказал антрепренёр, — мне её жаль. Она готова вам помочь, но прошу дать заверения, что она не будет наказана.

Протце такие заверения дал, и вскоре Рита, согласившаяся работать на него, не только узнала места встреч, но и имена подруг Юрека.

Услышав имена фрейлейн фон Натцмер, фрейлейн фон Йена и других сотрудниц военного министерства, работавших секретарями и ведавших секретной перепиской, Протце схватился за голову.

Контрразведка не заслуживала бы такого названия, если бы она просто хватала вражеских разведчиков, не пытаясь использовать их в своих интересах. Протце решил действовать вместе с гестапо.

Среди агентов гестапо была красивая женщина, жена пожилого дипломата, которую и решили подставить Сосновскому. Он клюнул на эту удочку и вскоре «соблазнил» и «завербовал» нового агента «Марию». Через неё немцы передавали дезинформацию, которую Сосновский, не зная того, доводил до сведения своего правительства. Одновременно фрейлейн фон Натцмер, фрейлейн фон Йену и других агентов Сосновского постепенно и незаметно отвели от секретных дел.

Но наивная Рената фон Натцмер никакой опасности не чувствовала и продолжала беззаботно носить Юреку копирки.

Приехав к родителям, она хвасталась своими мехами, украшениями и модными платьями. На их недоуменные вопросы, откуда у неё столько денег, отвечала, что генерал Хольман и полковник Гудериан дают ей премии за хорошую работу.

Отец Ренаты, служивший сорок лет назад кадетом вместе с будущим генералом Хольманом, написал благодарственное письмо генералу за заботу о его дочери. Оно вызвало шок у Хольмана. Он навёл справки. Да, Рената фон Натцмер служит в Шестом отделе, но он едва помнил её лицо и твёрдо знал, что никому из служащих не выдавал никакой премии.

Генерал приказал представить ему подробный рапорт о Ренате. Его составили очень быстро, так как вся её частная жизнь была как на ладони. Рената была близка с баронессой Бенитой фон Берг (фон Фалькенгейн), её другом Георгом фон Сосновским и всеми влиятельными людьми, с которыми тот имел контакты.

Рапорт напугал генерала. Он отправился на приём к военному министру генералу Бломбергу. Тот разгневался. Ведь под угрозой оказалась репутация министерства, Генерального штаба и его собственная. Он боялся, что Гиммлер, шеф гестапо, и Гейдрих, его первый помощник, запустят свои грязные руки в чрево его министерства.

Бломберг решил посоветоваться с адмиралом Канарисом, рассчитывая, что тот защитит его от нацистов. Но Гейдрих очень скоро узнал о сговоре Бломберга и Канариса. Он доложил Гиммлеру, что генералы «опять саботируют мои усилия по защите рейха от предателей и шпионов». К этому времени Гейдриху уже было известно о доносе танцовщицы.

Пригласив к себе Бломберга, Гиммлер заявил, что ведение дела поручено гестапо. Партия и народ не должны сомневаться в способностях и возможностях Гейдриха раскрывать важные преступления против рейха. Но всё же столковались на том, что в операции будут участвовать совместно гестапо и военная контрразведка.

Сосновский был достаточно умным и проницательным человеком, чтобы не заподозрить неладное. Он почувствовал, что за ним ведётся слежка, и начал готовиться к бегству. Дальше события развивались в духе кинематографического боевика.

Напряжение нарастало.

Протце спланировал и осуществил захват Сосновского и его друзей. Вначале действие происходило в концертном зале, где Сосновский давал бал для высшего общества Берлина. Туда же Протце послал и свою жену Елену, чтобы та наблюдала за обстановкой и теми, с кем особенно близко будет общаться Сосновский.

Елена приглянулась Юреку, а когда сказала, что работает в военном министерстве, он и вовсе распалился и пытался назначить ей свидание.

— Возможно, мы увидимся уже сегодня вечером, — многообещающе сказала она.

В этот же вечер представление перенеслось в квартиру Сосновского, где он после бала устроил для особо близких людей вечеринку в честь Риты Паси.

На какое-то время хозяин оставил гостей. Тут же в контрразведке раздался тревожный звонок Риты:

— Скорее, пожалуйста, он укладывает чемодан.

Машина с гестаповцами понеслась по берлинской улице. Сосновский сам открыл дверь нежданным пришельцам.

Рихард Протце, также прибывший в дом Сосновского, решил сразу же поставить точки над «i».

— Мне известно, что вы офицер польской разведки.

Сосновский молча улыбнулся.

Юрека и всех его сорок восемь гостей доставили в гестапо.

Во время обыска в квартире Сосновского в книге по истории польских королей XV века гестапо обнаружило несколько копирок военного министерства, которые он приготовил для отправки в Варшаву.

Когда гестапо арестовало Ренату фон Натцмер, та сразу призналась во всём, даже прежде, чем был начат её допрос. В её же квартире была арестована Ирена фон Йена.

Следствие по делу продолжалось несколько месяцев. В прессе раздувалась кампания шпиономании, сообщались всё новые и новые подробности, которые явно указывали на страшную опасность для Германии и её народа со стороны иностранных разведок.

Гудериан, сам разрабатывавший план нападения на Польшу, требовал разорвать отношения с этой страной. Правительство, всячески подчёркивая своё дружеское отношение к Польше, опасалось, что скандал может повредить польско-германской дружбе.

В зале суда находились высокопоставленные партийные чиновники. Молодые офицеры немецкой разведки были приглашены специально, чтобы поучиться у Сосновского, как надо вести разведывательную работу.

Когда судья повторил Сосновскому обвинение в том, что он офицер польской разведки, тот поднялся, щёлкнув каблуками стал по стойке «смирно» и чётко сказал:

— Да, вы правы. Я — офицер польской разведки.

Юрек Сосновский проявил полное равнодушие к своей

судьбе. Его единственной заботой было спасение Бениты и Ренаты. Он настаивал на том, что Бенита ничего не знала о его работе. То, что она познакомила его с некоторыми из женщин, работавших в государственных учреждениях, было простым совпадением. Он заявил суду, что шантажировал Ренату, и она никогда не понимала, что простые копирки представляют такую ценность для её министерства. Но его самоотверженность никому не помогла.

Фрау фон Фалькенгейн и фрейлейн фон Натцмер приговорили к смертной казни, фрейлейн фон Йену и Юрека Сосновского как иностранца — к пожизненному заключению.

Уже после приговора фрау фон Фалькенгейн заявила о своём желании выйти замуж за капитана Сосновского. Тот согласился, ведь это давало какой-то шанс спасти её, так как она приобретала в таком случае польское гражданство. Но Гитлер, отказав ей в этой просьбе, утвердил смертный приговор. Обе женщины были казнены в феврале 1935 года на глазах у Юрека Сосновского.

По пути на плаху Бенита фон Фалькенгейн воскликнула: «Я с радостью умираю за своё новое отечество!» Растроганный Сосновский склонился перед ней и молча поцеловал руку.

Казнь Бениты и Ренаты происходила во дворе тюрьмы Плётцензее в присутствии свидетелей, в числе которых был Рейнхард Гейдрих, группа партийных функционеров и чинов гестапо и СС, явившихся насладиться зрелищем.

Палач был в вечернем костюме, цилиндре и чёрной маске. Рената подвергалась казни первой, Бенита и Юрек должны были наблюдать её. В последнюю минуту нервы фрейлейн фон Натцмер сдали. Три тюремных надзирателя с трудом приволокли её, пронзительно кричащую и сопротивляющуюся, на плаху и удерживали тело в позе, позволившей палачу нанести удар. Было ясно, что он сам потрясён, и первый удар топора был неудачным.

Баронесса фон Фалькенгейн приняла свою участь спокойно. Она верила в то, что Сосновский не перенесёт её гибели и они вскоре встретятся на небесах.

Последние моменты её жизни выглядели несколько театрально, но были столь искренними, что растрогали даже твердокаменных официальных лиц. Бенита преклонила колени перед плахой и положила перед собой фотографию Юрека так, чтобы видеть её в момент смерти. После этого положила голову на плаху, откинув с шеи волосы.

Палач нерешительно оглядывался по сторонам. Офицер СС приказал ему действовать. Всю свою волю и нервы, видимо, сконцентрировал палач на этом ударе. Топор обрушился на шею Бениты, и прекрасная голова баронессы упала на землю, окропив

кровью фото её возлюбленного.

Палач повернулся и пошёл. Свидетель, рассказывавший об этой казни, видел, как он неуверенно ковылял через тюремный двор. Впоследствии он отказался от этой работы, и в дальнейшем топор палача в Германии был заменён гильотиной.

После казни по всей Германии были развешены громадные малиновые плакаты, на которых большими чёрными буквами сообщалось:

«Народный суд Рейха в Берлине приговорил 16 февраля 1935 года:

1. Бениту, урождённую фон Цолленкопфен-Альтенклинген, разведённую баронессу фон ФАЛЬКЕНГЕЙН.

2. Ренату фон НАТЦМЕР, обеих жительниц Берлина за предательство военных секретов к СМЕРТИ как врагов германского народа.

За то же преступление гражданин Польши Георг фон Сосновски и Ирен фон Йена приговариваются к пожизненному тюремному заключению.

Приговорённые фон Фалькенгейн и фон Натцмер, поскольку фюрер и рейхсканцлер не посчитал возможным помиловать их, были казнены этим утром во дворе тюрьмы Плётцензее.

Государственный обвинитель народного суда Берлина».

По Германии были развешены и другие плакаты, которые призывали к бдительности и запугивали такой же расправой всех, кто будет выдавать или выбалтывать государственные тайны иностранцам или общаться с ними.

Кампания шпиономании сыграла свою роль. Разведчики, находившиеся в то время в Германии, рассказывали, что многие из их агентов были настолько напуганы, что отказывались от встреч и дальнейших контактов с ними.

Некоторое время спустя адмирал Канарис навестил польского посла в Берлине Липского и предложил обменять Сосновского на арестованную в Польше германскую разведчицу фрау Лидию Орзорек (и тут ему «помогла» женщина!). Польское правительство дало согласие на этот обмен, и вскоре Сосновский оказался… в польской тюрьме.

Как это часто бывает в разведке и с разведчиками, польское правительство посчитало представленные им подлинные материалы фальшивками, так как они не соответствовали концепции тогдашних властей о том, что главный враг Польши — это Советский Союз, а Германия не может готовить нападение на Польшу. А дезинформация материалы Гриф-Чайковского (так же как и полученная Сосновским дезинформация гестапо) была признана достоверной. Несколько позже Гриф-Чайковский был

всё-таки уличён в измене и понёс заслуженную кару: его повесили.

Однако Сосновского это не спасло. Видимо, власти действовали по принципу: «Раз человек арестован, значит, он виновен». Его обвинили… в перерасходе денежных средств на содержание агентуры, припомнили всё — и балы, и скачки, и меха, которые он дарил своим женщинам-агентам.

Сосновского заключили в крепость. А 1 сентября 1939 года в Польшу вторглись немецкие танки. Они шли точно по тем маршрутам и по тому графику, которые были нанесены на карты Гудериана и которые польский генштаб отверг как фальшивые.

Автор книги об адмирале Канарисе английский журналист Иан Колвин пишет, что после захвата Варшавы Канарис приказал разыскать Сосновского в надежде получить от него материалы о невыданной им ранее агентуре. Но в Варшаве найти его так и не удалось.

Однако Сосновский какое-то время был на свободе, в 1938 году его навестил в Варшаве английский разведчик Кукридж, который знал его ещё по Берлину. Сосновский поседел, выглядел измученным и корил себя за гибель Бениты. Разговаривать о каких-либо делах с Кукриджем он отказался. Вскоре он вновь был арестован и заключён в одну из самых мрачных политических тюрем панской Польши — «Берёзу Картузскую». Именно там этот некогда блестящий офицер, любимец женщин был обнаружен в сентябре 1939 года, когда в Западную Белоруссию пришли части Красной армии. Тысячи заключённых в «Берёзе Картузской» белорусских подпольщиков, коммунистов, крестьян-бунтовщиков и других были освобождены и отправлены по домам. В числе их оказался и Сосновский.

Но несчастного Сосновского ждала третья тюрьма, на этот раз советская. Уже после освобождения им заинтересовались соответствующие органы и препроводили его в Москву, как ценного польского разведчика. Никакого обвинения, правда, ему предъявлено не было, он содержался на Лубянке, в сравнительно — насколько это было возможно — привилегированных условиях и «числился» за разведкой.

И опять в его судьбу вмешалась женщина.

Работу с Сосновским поручили опытной разведчице Зое Рыбкиной-Воскресенской. Шёл 1940 год.

В беседе с автором этих строк она рассказала, что главной её задачей в работе с Сосновским было получение информации, касающейся гитлеровского плана «Дранг нах остен», впоследствии ставшего основой для пресловутого «Плана Барбаросса».

Сосновский не был расположен к откровенному разговору. У него хватало мужества отвечать, что «долг польского офицера не позволяет ему идти на сотрудничество с советской разведкой».

Рыбкина применила своеобразный розыгрыш. Используя тот факт, что на последнем этапе деятельность Сосновского проходила под контролем гестапо, а контроль этот осуществлял не кто иной, как агент советской разведки «Брайтенбах», работавший помощником шефа гестапо Мюллера, она построила беседы с Сосновским таким образом: задавала вопросы, а ответы Сосновского, уличая его в неправде или умолчании, комментировал присутствовавший тут же разведчик Василий Зарубин. Он называл обстоятельства и места встреч Сосновского с агентурой, номера и марки автомашин, даже суммы, которые тот тратил в ресторанах, и клички его лошадей.

Сосновский всё более терялся, к нему «возвращалась» память, и, наконец, он встал, поклонился и сказал:

— Я восхищён искусством советской разведки. Вы знаете обо мне больше, чем я сам. Я готов мобилизовать свою память и ответить на всё, что вас интересует.

Юрек дал информацию о разведке Риббентропа и взаимоотношениях германского МИДа с абвером и гестапо.

После Рыбкиной с ним работал известный разведчик Судоплатов. К этому времени Сосновский уже охотно сотрудничал с советской разведкой. Он сообщил о двух своих агентах, о которых гестапо так и не узнало, и они продолжали действовать. От его имени с ними восстановили связь, и она поддерживалась до начала войны.

Достоверных данных о дальнейшей судьбе Сосновского нет. Рыбкина рассказывала автору, что слышала, что в 1943 году он был освобождён из заключения, вступил в ряды Войска Польского и погиб в боях за освобождение Варшавы.

После казни жены барон фон Берг обратился в Верховный суд в Лейпциге с просьбой о том, чтобы его брак с Бенитой, «предательницей, отвергнутой германской расой», был объявлен «недействительным с самого начала». Суд удовлетворил его просьбу.

Полковник Натцмер, отец Ренаты, потрясённый её гибелью, умер через несколько месяцев после казни дочери. Его жена умерла вслед за ним.

Ирен фон Йена из тюрьмы была направлена в один из женских концлагерей, где и закончилась её жизнь.

Что касается виновницы провала Юрека Сосновского танцовщицы Риты Паси, то последние сведения о ней относятся к 1950 году, когда её видели в Западной Германии, она выступала с

цыганским ансамблем.

НИКОЛАЙ СКОБЛИН (1893–1937)

Николай Владимирович Скоблин — личность загадочная, его деятельность в качестве разведчика до сих пор вызывает споры. Окончил кадетский корпус и юнкерское училище, участвовал в Первой мировой войне. В 1917 году, будучи штабс-капитаном, вступил в ударный батальон. Вместе с первыми добровольцами проделал знаменитый Ледовый поход. Командовал Корниловским полком, одним из четырёх полков, которые были укомплектованы только офицерами и считались элитой Добровольческой армии. Полк был назван в честь генерала Корнилова, погибшего в 1918 году; позднее он был развёрнут в дивизию. В последние часы белого движения в Крыму, в ноябре 1920 года, он лично проследил за тем, чтобы каждый боец-корниловец был погружен на пароход «Саратов». 2 ноября 1920 года он последним вошёл на палубу «Саратова» и, как говорят, был фактически последним участником белого движения, покинувшим родную землю. К этому времени он уже был генералом.

Боевая судьба свела его с выдающейся русской певицей Надеждой Плевицкой. Уроженка курской деревни, простая крестьянская девушка, она стала знаменитой исполнительницей русских народных и других популярных в то время песен. Неоднократно выступала в высшем свете, пела и для самого государя Николая II, который очень ценил её талант. Сразу после революции стала на сторону красных, впрочем, утверждали, что она с одинаковым чувством, в зависимости от аудитории, могла спеть и «Боже, царя храни» и «Смело мы в бой пойдём». Во время Гражданской войны, находясь на гастролях на фронте, попала к белым. Известны три версии этого факта: пленена в бою; перебежала к белым; осталась в городе после отступления красных. Достоверно известно лишь то, что частью, которая её захватила, командовал тогда ещё полковник Скоблин. Он влюбился в Плевицкую, та ответила взаимностью.

Надежда была на двенадцать лет старше своего возлюбленного, что не помешало им до самого конца оставаться любящей и верной парой.

Иностранные и эмигрантские авторы зачастую утверждают, что Плевицкая уже тогда была агентом ВЧК, которая забросила её в тыл белых с целью вербовки Скоблина, с чем она успешно и справилась. Это утверждение полностью противоречит документальным данным, да и логике событий.

Вместе с остатками белых войск Скоблин и Плевицкая вначале оказались в Галлиполи, а затем в Париже. Он был

вынужден снять военную форму, без которой казался маленьким и невзрачным, особенно рядом с красавицей женой. Однако оставался командиром Корниловского полка и мог в любой момент собрать офицеров этого полка, находившихся в Париже. Все они были членами «Российского общевоинского союза» (РОВС), организации, объединявшей русское офицерство в эмиграции. Формально РОВС носил благотворительный характер и занимался оказанием помощи неимущим офицерам и их семьям. Фактически же представлял собой довольно активное объединение белогвардейцев-единомышленников, готовых в любое время выступить в интервенционистский поход против Советской России. РОВС имел широкие связи во всей Европе, обладал собственными разведывательной и контрразведывательной службами, унтер-офицерской школой, проводил сборы.

В среде русских офицеров Скоблина уважали, к нему с подчёркнутым вниманием относились генералы Кутепов и Миллер, руководители РОВС. «И с семьёй Кутепова, и с семьёй Миллера Плевицкая и Скоблин очень дружили ещё со времён Галлиполи», — писал в своих воспоминаниях Александр Вертинский.

РОВС очень беспокоил руководителей ВЧК и Советской России. Они видели в нём не только врага идеологического, но и вполне реального, способного предоставить квалифицированные кадры и для армий, и для разведок возможных противников, и для осуществления террора. Поэтому борьба с белой эмиграцией вообще, и с РОВС в частности, стала одной из главных задач ВЧК-ОГПУ в 1920–1930 годы.

Осенью 1930 года во Францию был направлен агент ИНО Пётр Георгиевич Ковальский с задачей завербовать Скоблина и Плевицкую. Он был однополчанином и другом Скоблина с 1917 года, когда они вместе служили в ударном батальоне. У Ковальского было «вербовочное» письмо от брата Скоблина. Он провёл несколько бесед с супругами — вместе и по отдельности. В результате они согласились работать на советскую разведку, в чём и дали соответствующие расписки 10 сентября 1930 года, а затем вторично 21 января 1931 года. Скоблин и Плевицкая получили клички «Фермер» и «Фермерша» и обещание разведки выплачивать им по двести долларов ежемесячно.

Первые донесения Скоблина не представляли интереса, и руководство ИНО уже стало опасаться — не подстава ли он, уж слишком легко, «без сучка и задоринки» прошла их вербовка. Однако победило мнение, что Скоблин и Плевицкая дали согласие искренне, так как разговор с ними произошёл вовремя,

после их крупных финансовых неудач, и, кроме того, дал Плевицкой надежду воскресить свою славу при возвращении в Россию.

После нескольких бесед со Скоблиным и Плевицкой от них начал поступать более ценный материал, например, копия плана РОВС на случай войны с СССР и другие внутренние документы этой организации, в том числе три доклада с мобилизационными планами всех белых войск в Европе. Проверка показала, что Скоблин и Плевицкая преданно и честно служили советской разведке.

За четыре года на основании информации, полученной от Скоблина, ОГПУ арестовало семнадцать агентов, заброшенных в СССР, и установило одиннадцать явочных квартир в Москве, Ленинграде и Закавказье.

Скоблин и Плевицкая стали основными источниками информации. Более того, Скоблин, как указано в одном из документов разведки, «ликвидировал боевые дружины, создаваемые Шатиловым и генералом Фоком; свёл на нет зарождавшуюся у Туркула и Шатилова мысль об организации террористического ядра; разоблачил агента-провокатора, подсунутого нам французами и работавшего у нас одиннадцать месяцев; сообщил об организации, готовившей убийство наркоминдела Литвинова во время визита в Швейцарию, и т. д.».

Многочисленные провалы вынудили контрразведку РОВС провести расследование. Были составлены списки лиц, знавших о провалившихся операциях. Во всех фигурировал Скоблин. Однако умелым поведением во время расследования и с помощью нашей разведки он сумел отвести от себя подозрения, и руководство РОВС даже вынуждено было вступиться за него.

Тем временем председатель РОВС генерал Миллер всё больше склонялся к мысли о необходимости сотрудничества с нацистами. «РОВС должен обратить всё своё внимание на Германию, это единственная страна, объявившая борьбу с коммунизмом не на жизнь, а на смерть», — заявлял он.

Новое руководство, теперь уже не ОГПУ, а НКВД, приняло решение убрать Миллера, а на его место поставить Скоблина, и он уже примерялся к креслу председателя РОВС.

Учитывая заинтересованность Миллера в контактах с немцами, Скоблин 22 сентября 1937 года предложил ему встретиться с германскими представителями. Миллер согласился, но что-то беспокоило его, и, уходя на встречу, он оставил записку: «У меня сегодня в 12.30 свидание с ген. Скоблиным на углу улиц Жасмен и Раффе. Он должен отвезти меня на свидание с германским офицером, военным атташе в балканских странах

Штроманом и с Вернером, чиновниками здешнего германского посольства. Оба хорошо говорят по-русски. Свидание устраивается по инициативе Скоблина. Возможно, что это ловушка, а потому на всякий случай оставляю эту записку. 22 сентября 1937 года. Ген. — лейт. Миллер».

Со свидания со Скоблиным Миллер не вернулся. Он был похищен сотрудниками нелегального аппарата внешней разведки. Его усыпили, в большом деревянном ящике доставили в Гавр, погрузили на советское судно «Мария Ульянова», которое тотчас же снялось с якоря и 29 сентября доставило Миллера в Ленинград. Он содержался в тюрьме под чужим именем, и под этим же именем его судили и в мае 1939 года расстреляли.

Когда Скоблин передал Миллера с рук на руки советским оперативникам, он вернулся в РОВС. Ему предъявили записку Миллера и спросили, где генерал. Поняв, что провалился, Скоблин «на минутку» вышел из комнаты, где с ним беседовали, и исчез… Навсегда. После этого никто, нигде и никогда его не встречал. По некоторым сведениям, ему удалось бежать в республиканскую Испанию, где он погиб во время бомбардировки Барселоны.

Власти, обозлённые тем, что на территории Франции, как дома, действуют иностранные разведчики и террористы (за несколько лет до этого советской разведкой был похищен генерал Кутепов, хорватским террористом были убиты министр иностранных дел Барту и югославский король Александр, русским эмигрантом Горгуловым убит французский премьер-министр), решили отыграться на Надежде Плевицкой. Её обвинили в содействии мужу и в создании для него ложного алиби. После громкого процесса она в декабре 1937 года была приговорена к двадцати годам тюрьмы, где и скончалась в 1940 году, до немецкой оккупации. Узнав о смерти Плевицкой, парижская резидентура советской разведки передала в Центр последнее сообщение о своём агенте по кличке «Фермерша»:

«Перед смертью её исповедовал православный священник. Есть основания полагать, что исповедь, в которой она всё рассказала, была записана французской контрразведкой с помощью скрытых микрофонов».

В деле Скоблина присутствует ещё один остросюжетный детектив — обвинение в том, что он виновен в гибели Тухачевского. В эмигрантской печати появились сообщения о том, что генерал разработал план, авторство которого приписывается Сталину.

Согласно этим публикациям, Скоблин воспользовался поездкой Тухачевского в Париж, чтобы полностью

скомпрометировать его в глазах Сталина. Генерал понимал, что с Тухачевским погибнет и цвет Красной армии, к чему Скоблин якобы и стремился. Будучи немецким, а заодно и бельгийским (!) агентом, он посетил Берлин, где поделился своими мыслями с Гейдрихом, и был понят с полуслова. Было сфабриковано дело, в ход пошли подложные документы. Скоблин получил пятьдесят тысяч немецких марок. Но тут же, в Берлине, будто бы выяснилось, что советская контрразведка пронюхала об этом плане и поддержала Скоблина. Через президента Бенеша фальшивки были переданы Сталину. Тухачевского судили и расстреляли, а вслед за ним ещё примерно тридцать пять тысяч командиров Красной армии. Так якобы была проведена в жизнь идея генерала Скоблина, ненавидевшего советскую власть и решившего таким образом навредить ей. А некоторые западные исследователи (Роже Фалиго и Реми Коффер) полагают, что в этом деле был замешан и генерал Миллер.

Примерно такую же историю рассказывает и Шелленберг в своих мемуарах «Лабиринт», однако согласно его версии Скоблин лишь передал Гейдриху материалы, «полученные от Сталина». Вот что пишет Шелленберг:

«От одного белогвардейского эмигранта, генерала Скоблина, Гейдрих получил сведения о том, что Тухачевский, маршал Советского Союза, участвовал вместе с германским Генеральным штабом в заговоре, имевшем своей целью свержение сталинского режима.

Гейдрих сразу понял огромнейшее значение этого донесения. При умелом его использовании на руководство Красной армии можно было обрушить такой удар, от которого она не оправилась бы в течение многих лет.

Янке (эксперт по разведке и шпионажу у Рудольфа Гесса. — *Авт.*) придерживался противоположного мнения. Он предупредил Гейдриха, что Скоблин мог вести двойную игру и что его сообщение могло быть сфабриковано русскими и передано Скоблиным по распоряжению Сталина. Янке полагал, что Сталин преследовал этим двойную цель: он хотел ослабить германский Генеральный штаб, вызвав у Гейдриха подозрения против его руководства, и в то же самое время он смог бы выступить против советской военной фракции, которую возглавлял Тухачевский. Янке считал, что, учитывая обстановку внутри Советского правительства, Сталин не хотел сам начинать процесс против генералов, и предпочитал, чтобы инкриминирующий материал поступил из-за границы.

Гейдриха не убедили хитроумные доводы Янке. Более того, его подозрения обратились против самого Янке, точка зрения

которого, чувствовал он, была продиктована его приверженностью Генеральному штабу. Гейдрих сразу же посадил Янке на три месяца под домашний арест, а сам тем временем представил Гитлеру донесение Скоблина…

Сам материал не был полным. В нём не содержалось никакого документального доказательства активного участия руководителей германской армии в заговоре Тухачевского. Гейдрих понимал это и сам и добавил сфабрикованные сведения с целью компрометации германских генералов. Он чувствовал себя вправе это сделать, коль скоро этим самым он мог ослабить растущую мощь Красной армии, которая ставила под угрозу превосходство рейхсвера. Нужно помнить, что Гейдрих был убеждён в достоверности информации Скоблина, и, учитывая дальнейшие события, мне кажется, что он оказался прав. Сфабрикованные им документы предназначались поэтому лишь для того, чтобы подкрепить и придать ещё большую убедительность информации, которая сама по себе была ценной.

В тот момент Гитлер столкнулся с необходимостью принять важное решение — выступить на стороне западных держав или против них. Принимая это трудное решение, необходимо было также учесть, каким образом использовать материал, доставленный ему Гейдрихом. Поддержка Тухачевского могла означать конец России как мировой державы (Шелленберг не поясняет эту точку зрения. — *Авт.*), в случае же неудачи Германия оказалась бы вовлечённой в войну. Разоблачение Тухачевского могло бы помочь Сталину укрепить свои силы или толкнуть его на уничтожение значительной части своего Генерального штаба. Гитлер в конце концов решил выдать Тухачевского и вмешался во внутренние дела Советского Союза на стороне Сталина.

Это решение поддержать Сталина вместо Тухачевского и генералов определило весь курс германской политики вплоть до 1941 года и справедливо может рассматриваться, как одно из самых роковых решений нашего времени. В конечном итоге оно привело Германию к временному альянсу с Советским Союзом и подтолкнуло Гитлера к военным действиям на Западе, прежде чем обратиться против России. Но раз Гитлер принял решение, Гейдрих, конечно, поддержал его.

Гитлер тотчас же распорядился о том, чтобы офицеров штаба германской армии держали в неведении относительно шага, замышлявшегося против Тухачевского, так как опасался, что они могут предупредить советского маршала. И вот однажды ночью Гейдрих послал две специальные группы взломать секретные архивы Генерального штаба и абвера, службы военной разведки,

возглавлявшейся адмиралом Канарисом.

В состав групп были включены специалисты-взломщики из уголовной полиции. Был найден и изъят материал, относящийся к сотрудничеству германского Генерального штаба с Красной армией. Важный материал был также найден в делах адмирала Канариса. Для того чтобы скрыть следы, в нескольких местах устроили пожары, которые вскоре уничтожили всякие признаки взлома. В поднявшейся суматохе специальные группы скрылись, не будучи замеченными.

В своё время утверждалось, что материал, собранный Гейдрихом с целью запугать Тухачевского, состоял большей частью из заведомо сфабрикованных материалов. В действительности же подделано было очень немного — не больше, чем нужно для того, чтобы заполнить некоторые пробелы. Это подтверждается тем фактом, что всё весьма объёмистое досье было подготовлено и представлено Гитлеру за короткий промежуток времени — в четыре дня.

По зрелом размышлении решено было установить контакт со Сталиным через следующие каналы: одним из немецких дипломатических агентов, работавших под началом штандартенфюрера СС Боме, был некий немецкий эмигрант, проживавший в Праге. Через него Боме установил контакт с доверенным другом доктора Бенеша, тогдашнего президента Чехословацкой Республики. Доктор Бенеш сразу же написал письмо лично Сталину, от которого к Гейдриху по тем же каналам пришёл ответ с предложением установить контакт с одним из сотрудников советского посольства в Берлине. Мы так и поступили, и названный русский моментально вылетел в Москву и возвратился в сопровождении личного посланника Сталина, предъявившего специальные полномочия от имени Ежова, бывшего в то время начальником ГПУ.

Сталин запрашивал, в какую сумму мы оцениваем собранный материал. Ни Гитлер, ни Гейдрих и не помышляли о том, что будет затронута финансовая сторона дела. Однако, не подав и виду, Гейдрих запросил три миллиона рублей золотом, которые эмиссар Сталина выплатил сразу после самого беглого просмотра документов. Материал против Тухачевского был передан русским в середине мая 1937 года.

Тухачевский вместе с другими участниками заговора был арестован вечером 4 июня 1937 года… Он предстал перед судом в 10 часов утра 11 июня; суд закончился в 9 часов вечера того же дня. Согласно сообщению ТАСС от 11 июня, все обвиняемые признали свою вину. Никаких других подробностей дела фактически опубликовано не было. Тухачевский и все остальные

обвиняемые были расстреляны.

Большую часть суммы в три миллиона рублей, выплаченных нам русскими, пришлось уничтожить лично мне самому, так как вся эта сумма состояла из купюр высокого достоинства, номера которых, очевидно, были переписаны ГПУ. Всякий раз, когда кто-нибудь из наших агентов пытался использовать их на территории Советского Союза, его арестовывали в удивительно короткое время.

Таким образом, дело маршала Тухачевского явилось подготовительным шагом к сближению между Гитлером и Сталиным. Оно явилось поворотным пунктом, ознаменовавшим решение Гитлера обеспечить свой восточный фронт союзом с Россией на время подготовки к нападению на Запад».

Такова версия Шелленберга. Что же, версии остаются версиями. Никаких их документальных подтверждений нет.

ГЕНРИ РОБИНСОН (1897–1943 или 1944)

Этот человек один из самых удивительных представителей так называемого «разведывательного сообщества». Он не любил Москву и ненавидел «порядки», установленные во время сталинских чисток 1930-х годов, и в то же время честно и бескорыстно служил ей до последнего дня своей жизни.

Его настоящее имя Арнольд Шнеэ. Он родился в Сен-Жилле, в Бельгии, в семье евреев — выходцев из России. Ещё в юности переехал во Францию и получил французское гражданство. Закончил Цюрихский университет, где изучал юриспруденцию, прекрасно знал английский, французский, русский, немецкий и итальянский языки. Во Франции в 1920 году вступил в ФКП, позже стал членом компартии Германии. Женился на Кларе Шаббель, которая родила от него сына Лео.

На личности этой незаурядной женщины тоже следует остановиться.

Клара Шаббель родилась в 1894 году в Берлине, в семье рабочих, членов социал-демократической партии, идеалы которой впитывала с детства. В 1913 году вступила в молодёжную социалистическую организацию, в 1914 году — в СДПГ. С началом Первой мировой войны вступила в союз «Спартак». Она вошла в его леворадикальное крыло, которым руководили К. Либкнехт и Р. Люксембург. В 1918 году она стала секретарём Прусского Совета рабочих депутатов, с 1919 года — членом КПГ, затем работала в Коминтерне. С этого времени она являлась агентом Разведуправления. При подготовке вооружённого восстания в Германии осенью 1923 года Клара Шаббель вместе с мужем Генри Робинсоном (он уже имел кличку «Товарищ Гарри») вела подрывную работу в Рурской области. В 1924 году жила и работала в Москве, в Центральном аппарате Разведупра РККА.

Затем вместе с сыном вернулась в Германию, где её квартира использовалась как конспиративная и как «почтовый ящик». Перед началом Великой Отечественной войны она, наряду с И. Штёбе и Э. Хюбнером, являлась одним из ценных источников, находящихся в Берлине. Поскольку она поддерживала контакт с коммунистами, входившими в группу Харнака — Шульце-Бойзена, ареста избежать не смогла. Её арестовали 18 октября 1942 года, и по приговору Имперского военного суда от 30 января 1943 года она была казнена 5 августа 1943 года — в день первого победного салюта в Москве в честь освободителей Орла и Белгорода в ходе Курской битвы.

В 1921 году руководство компартии Германии направляет

«товарища Гарри» в Москву в распоряжение Коммунистического интернационала молодёжи (КИМ). По возвращении в Германию он получает задание вести подпольную антивоенную работу против оккупации Рура французской армией, объединяет вокруг себя группу молодых революционеров. Их база — так называемое «Движение детей», источник, откуда они постоянно черпают всё новых и новых сторонников. За деятельность в Рурской области французский суд заочно приговорил его к десяти годам тюремного заключения.

Первые контакты Генри Робинсона с советской военной разведкой относятся к 1923–1924 году.

В этот период промышленность и наука Германии переживала необычайный подъём, достижения в аэронавтике, химии и оптике вызвали особый интерес советской разведки. Генри Робинсон, являясь активистом «М-Аппарата» КПГ, подпольной организации, работавшей в военной сфере, имел возможность получать нужную информацию.

Генри Робинсона сначала косвенно, через партию, а в 1933 году по личному указанию начальника Разведупра Я. Берзина привлекли к добыче этой информации. Будучи завербован опытным разведчиком Стиггой, он официально числился в составе агентурной сети Разведупра. Вначале был заместителем резидента, а затем стал резидентом во Франции.

Одним из методов получения нужной промышленной информации как во Франции, так и в Германии стало создание сети «рабкоров» — рабочих корреспондентов. Внедрённые на заводы, они снабжали своих партийных руководителей, а через них и советскую разведку детальной информацией о промышленных проектах и технологии.

Интересно строилась работа с рабкорами. Никто открыто не заставлял их заниматься шпионажем. Они полагали, что трудятся на благо рабочего класса и профсоюзов. Полученные от них данные объединялись и анализировались узким кругом специалистов. При необходимости направлялись запросы инженерам, симпатизировавшим профсоюзам и коммунистам.

Размах этой работы был колоссальным. Об этом свидетельствует простое перечисление только части тех концернов, предприятий и исследовательских учреждений, где она велась: «И. Г. Фарбениндустри», заводы Круппа, «Рейнметалл», АЭГ, «Сименс унд Гальс», «Телефункен», Высшая техническая школа Берлина, Институт Герца, Институт кайзера Вильгельма, Институт авиационных исследований, авиазаводы Юнкерса и Дорнье…

Генри Робинсон со знанием дела руководил

разведывательными операциями. Естественно, что с приходом Гитлера к власти деятельность рабочих корреспондентов стала нелегальной. В период с 1937 по 1939 год «товарищ Гарри» создал, в том числе и на её основе, большую и надёжно законспирированную агентурную сеть, добывавшую ценную информацию. Он специализировался на экономике, отбирая и анализируя сообщения своих агентов. Они в это время работали не только в Германии, но и в Англии, Франции, Италии и других странах. Среди них были крупные учёные, инженеры, исследователи, специалисты во многих отраслях науки и техники.

Робинсон направлял в Москву обширные материалы по военно-техническим проблемам, в том числе о производстве разрывных снарядов и новых орудий, о кислородных приборах для лётчиков и новых немецких противогазах. Он умудрился даже приобрести и переправить в Центр образцы брони новых французских танков.

Военно-политическая информация также представляла интерес: доклад о частичной мобилизации в Англии в сентябре 1938 года, материалы о подготовке английских вооружённых сил и переброске их во Францию и т. д.

В 1938 году Робинсон посетил Москву. Наверное, руководству не надо было приглашать его, ибо он воочию увидел весь размах сталинских репрессий. Их жертвами стали не только его руководители по Разведупру, но и бывшие товарищи по германской компартии, брошенные в тюрьмы или расстрелянные. Он не мог без отвращения думать об этих репрессиях.

Но если и пошатнулась в нём вера в Сталина, то вера в справедливость самого дела, которому он служил, осталась незыблемой. Он продолжал верить в идеалы коммунизма, верил в то, что Советский Союз — это единственная страна, которая может противостоять фашизму.

Вернувшись за границу, Робинсон прекратил сотрудничать с Коминтерном. Сделано ли это было в силу изменения его убеждений или в порядке выполнения инструкций Центра, запрещавших одновременное участие в разведывательной деятельности и пребывание в национальной компартии, тем более в её руководящих структурах? Сейчас ответить на этот вопрос невозможно. В любом случае работа Робинсона в разведке продолжалась.

Через несколько дней после подписания советско-германского пакта о ненападении, в конце августа 1939 года, он участвовал в совещании, на котором обсуждались возможности добыть секретные статьи польско-английского договора. Неизвестно, чем закончилась эта попытка, но она свидетельствует

о том, что его взгляды на сотрудничество с советской разведкой не изменились.

Он стал скрупулёзнее относиться к вопросам конспирации и зачастую скрывал имена своих агентов даже от руководителей разведки. Как-то раз «товарищ Гарри» получил из Москвы запрос: «Вы ни разу не написали нам, от кого получаете материалы. Неясность вокруг этого вопроса нас несколько беспокоит». Он ответил, что его друг делает безвозмездно всё, что может, он знает его в течение двадцати лет и «сообщит его имя только устно».

Но вот грянула Вторая мировая война. Резидентура Робинсона переориентировалась на работу против Германии. Крах Франции в июне 1940 года не оставил сомнений в том, что очередной целью Гитлера станет Советский Союз. Робинсон умело отсекал пропагандистские заявления Гитлера о предстоящем вторжении в Англию от того, что происходило в действительности, и посылал ценнейшую информацию в Центр. Однако, хоть он и стучал двумя кулаками в дверь, за ней его плохо слышали.

«11.11.1940. Четыре пятых моторизованных сил Германии переброшены в Польшу. На прошлой неделе двенадцать поездов инженерных войск проследовали с вокзала Ромилли в Германию… Источник: дирекция железнодорожной немецкой администрации и лётчики».

«5.04.1941. По железным дорогам Франции на восток отправляется большое количество санитарных машин».

«17.04.1941. Ближайшие помощники Гитлера считают, что завоевание Украины — одна из задач готовящейся войны».

«27.04.1941. Семидесятитонные танки заводов Рено перебрасываются в Катовице (Польша). С 21 по 23 апреля на восток отправлено восемьсот лёгких танков».

«7.05.1941. В Польшу отправлено триста пятьдесят французских двенадцатитонных танков завода Гочкис».

«10.06.1941. Знакомый полковник имел беседу с одним из высших немецких офицеров, который заявил, что не позднее, чем через два месяца часть территории СССР будет захвачена немцами.

…По мнению немцев, СССР превосходит их в численности личного состава и техники, но они считают своих солдат лучше подготовленными к войне, а генштаб более квалифицированным».

Когда началась Великая Отечественная война, резидентура Робинсона находилась во Франции. Она была полностью готова к работе в условиях войны. Хорошо законспирированные агенты

имели надёжные прикрытия, получали достаточно полную информацию. Резидентура располагала двумя радиопередатчиками, которые поддерживали постоянную связь с Центром. Главной гарантией её благополучного существования являлась независимость от каких-либо других подразделений разведки и возможность прямого выхода на Москву. Одновременно с этим Робинсон лично мог связываться с резидентурой «Дора» в Швейцарии, возглавляемой Шандором Радо (немцы называли её «Красная тройка» или «Драй ротен», по числу действовавших передатчиков).

Кроме резидентуры Робинсона, на территории Франции действовала резидентура Озолса, а после оккупации немцами Бельгии добавилась и ещё одна — Треппера. Они поддерживали связь с Москвой через военного атташе во Франции генерала Суслопарова. Но так как с началом войны он отбыл на родину, обе резидентуры остались без связи.

И здесь Центр совершил две серьёзные ошибки (это мы сейчас можем смело называть их ошибками, а тогда они были вынужденными шагами). Резиденту бельгийской резидентуры К. Ефремову в июне 1941 года было поручено оказать помощь Трепперу и Гуревичу («Кент», резидент в Бельгии) в налаживании связи с Москвой. Это явилось одной из причин будущих тяжёлых провалов, но в то время позволило установить связь с Центром. Однако, несмотря на восстановление связи, в сентябре 1941 года Трепперу приказали установить контакт и с Робинсоном, рассчитывая, что этот контакт ограничится использованием радиопередатчика Робинсона как запасного. Но Треппер переступил через это указание. Одержимый тщеславием, он решил, что Робинсон поступил в его полное распоряжение. Он свёл его с двумя членами своей резидентуры — Кацем и Гроссфогелем. Кроме того, он сообщил о Робинсоне Райхману, оказавшемуся предателем.

Таким образом, все перечисленные резидентуры переплелись в почти не управляемую и слабо законспирированную сеть, которой с трудом руководил Треппер и которая получила у немцев название «Красная капелла».

Робинсон, оказавшийся в сложном положении, продолжал всё же работать самостоятельно.

В июле 1942 года в Париж из Лондона нелегально прибыл бывший префект Шартра Жан Мулен («Рекс»), посланный лично генералом де Голлем. Каким-то образом (детали неизвестны) была установлена связь между Робинсоном и Муленом, который в своей телеграмме в Лондон сообщил об этой встрече, подчеркнув, что «вошёл в контакт с „секретной службой русских“».

Очень важным следствием этой встречи явилось то, что Мулен, а через него секретная служба Свободной Франции вышли на коммунистическое подполье — главную движущую силу французского Сопротивления. После того как Мулен высказал своё желание связаться с коммунистами, Робинсон доложил об этом Трепперу. Тот сообщил это Луи Гроновски, своему связному с руководством ФКП и Жаком Дюкло. Таким образом, связь «Свободной Франции» с коммунистами — «партией расстрелянных», — была установлена.

Тем временем гестапо не дремало. 13 декабря 1941 года в Брюсселе произошли первые аресты. Следующие — в июне 1942 года. Аресты следовали один за другим. Не все выдерживали пытки. Кроме того, немцы перехватили и расшифровали множество радиограмм и других документов. Остававшиеся на свободе участники «Красной капеллы» были обречены.

21 декабря 1942 года гестапо арестовало Генри Робинсона. К январю 1943 года с резидентурами Макарова, Треппера, Робинсона и Гуревича было покончено. Всего же во Франции, Бельгии и Голландии немцы в эти дни арестовали более сотни человек. Семьдесят из них работали на советскую разведку.

Захваченные радиопередатчики немцы попытались использовать в радиоиграх с советской разведкой, и не всегда безуспешно. Но большая «игра» немцам не удалась. Об арестах радистов успел сообщить Робинсон ещё 25 сентября 1942 года, затем сообщения об этом поступили от Треппера. Благодаря этому, Центр с июня 1942 года начал вести радиоигру с немцами в своих интересах.

Что же произошло с Г. Робинсоном? Его арестовывали в присутствии Треппера и во многом по его вине (хотя некоторые исследователи, например небезызвестный Жилль Перро, считают, что это не так). На конспиративной квартире Робинсона гестаповцы обнаружили множество документов: адреса «почтовых ящиков» в Англии; подложные документы с именем Генри Робинсона; бельгийские и швейцарские паспорта на разные имена и, наконец, копии рапортов, в некоторых из них содержатся сведения о Жане Мулене. Это, последнее, позволило Леопольду Трепперу впоследствии заявить: «После ареста этот человек сделал многое, чтобы спасти свою шкуру. Гестапо нашло в его гостиничном номере массу документов и все копии рапортов. Почему в нарушение правил он их хранил? Кому хотел продать?»

Неизвестно, чем руководствовался Треппер, делая такое заявление. Может быть, хотел отвести подозрения от себя? Ведь сохранились гестаповские рапорты по делу «Красной капеллы», где говорится, что именно он «сдал» Робинсона.

После ареста гестаповцы подвергли Робинсона страшным пыткам. Но он не дал никаких показаний, попросту молчал. Гестаповцы арестовали в Берлине его жену Клару Шаббель и сына Лео. Сына на глазах у отца готовили к расстрелу. Но «товарищ Гарри» молчал. Он не выдал ни одного человека, и после его ареста никто не был арестован.

О его дальнейшей судьбе существует несколько версий. Согласно первой, он был приговорён к смерти и казнён. Согласно второй, он официально не был расстрелян, а в 1944 году его убил какой-то член «Красной капеллы» за подготовку к побегу. Согласно третьей, он был убит кем-то по приказу из Москвы (?). Наконец, согласно четвёртой, он остался жив и продолжал работать на советскую разведку.

Единственное письменное свидетельство, рассказывающее об участи Робинсона, приводит в своей статье «Неизвестный солист „Красной капеллы“» Н. Поросков в газете «Красная звезда» от 17 июня 1998 года. Вот оно.

В конце сентября 1944 года неизвестный передал в советское представительство в Софии следующую записку:

«Французский товарищ Анри Робинсон, „Гарри“, был арестован гестапо в декабре 1942 года в своём доме. Он был выдан лицом, которое получило его адрес в Москве. Его жена и сын были подвергнуты пыткам и заключены в тюрьму, а затем казнены. Сам „Гарри“ был заключён в одиночку и впоследствии отвезён в Берлин, Гауптзихерхайстамт (РСХА), Принц Альбрехтштрассе, где содержится в большом секрете в камере 15 в ожидании смертного приговора. Пишущий настоящие строки видел его в последний раз 20 сентября 1943 года в день выхода из соседней камеры 16 и обещал передать это сообщение…» (Далее следует описание подробностей ареста и поведения отдельных лиц).

«…Все связи к французскому министерству и генштабу в безопасности, так как были известны только Га…

Отрубят голову или расстреляют, победа будет всё равно наша. Ваш Гарри».

РУТ КУЧИНСКИ (1907–2000)

Трудно усомниться в том, что одной из самых выдающихся и результативных разведчиц XX века стала Рут Вернер, она же Рут и Урсула Кучински, она же Рут Бёртон, Рут Брюер, Мария Шульц.

Её жизнеописание достойно не краткого очерка, а повести или скорее романа, ибо в нём присутствует и любовь, счастливая и несчастливая, и измены, и страсть. Не говоря уж о том, что оперативная судьба свела её с самыми знаменитыми разведчиками современности — Рихардом Зорге, Шандором Радо и Клаусом Фуксом, работа которых имела или могла иметь решающее влияние на судьбы XX столетия.

В 1907 году в семье германского учёного-экономиста Рене Роберта Кучински родилась дочь, которую назвали Рут. У неё уже был старший брат Юрген, потом появились младшие братья и сёстры. Семья не бедствовала, но очень скромно жила на огромной вилле, полученной в наследство.

Девушка рано вступила в революционное движение, стала членом германского комсомола, а затем и компартии, и с юношеским максимализмом участвовала во всех её акциях. Жила полной жизнью, играла в самодеятельных концертах, танцевала. Из писем: «Играю русскую крестьянку»; «Играю руководительницу международного конгресса, проходящего в России»; «Дирижирую хором»; «…была на празднике красных фронтовиков, танцевала с восьми вечера до трёх утра, ни одного танца не пропустила. Веселились невероятно».

Из писем к брату: «Недавно один из друзей… просил разъяснить, что такое коммунизм… Как-то вечером встретились. Он купит ряд книг, которые я назвала. При этом мы съели три молочных шоколадки „Кронас“»; «…куплю себе купальный костюм, поскольку ты как обыватель не признаёшь купания в голом виде»; «…вышла книга Сталина „Вопросы ленинизма“. Должно быть, очень важная книга, стоит четыре марки тридцать пфеннигов. Мне, несчастной идиотке, понадобилось три часа, чтобы прочитать двадцать страниц»; «У нас прошёл костюмированный праздник. Кое-кто утверждает, что я поцеловала двадцать парней. Но если не считать Рольфа, то таковых наберётся не больше девятнадцати».

Рольф — товарищ по партии, архитектор, друг, возлюбленный. В 1929 году Рут несколько месяцев проработала в Нью-Йорке, а когда вернулась, они поженились. Так как работы в Германии не нашлось, молодые отправились в Шанхай, где Рут рассчитывала стать представителем партии. С ней обещали

связаться.

На поезде пересекли весь Советский Союз, часть Китая до Дайрена, оттуда пароходом добрались до Шанхая. Рут оказалась в чуждом ей «великосветском» обществе иностранного сеттльмента. Тоска от вынужденного безделья охватывала её. Единственной отрадой стало знакомство с американской писательницей Агнес Смедли, корреспонденткой газеты «Франкфуртер цейтунг». Смедли уже сыграла определённую роль в жизни другой будущей разведчицы, Китти Харрис, в том же Шанхае. Теперь наступила очередь Рут.

Рут поделилась с Агнес тем, что изнывает от ничегонеделания и ждёт, что партия вспомнит о ней. Агнес обещала помочь. И очень скоро сказала, что Рут мог бы навестить один товарищ, которому она вполне может доверять. Этим товарищем оказался Рихард Зорге.

Рут нашла Зорге обаятельным и красивым, таким, каким его впоследствии описывали другие. На первых порах он призвал её работать в духе интернациональной солидарности и после её «выраженного в резкой форме» согласия обсудил возможность организации встреч с китайскими товарищами в её квартире. Рут должна была предоставить комнату, но не принимать участия в беседах. Всего в течение двух лет Зорге провёл там более восьмидесяти встреч.

Вначале Рут считала, что работает на Коминтерн, а затем Зорге объявил ей, что она является членом его группы, работающей на разведку Генерального штаба Красной армии. «Для меня это ничего не меняло… Тем радостнее для меня», — вспоминала Рут.

Тогда же у неё родился первый ребёнок. Рихард поздравил её, и когда она подвела его к колыбели, долго молча разглядывал младенца.

Рут боялась показаться назойливой и никогда не спрашивала Рихарда, о чём он беседует с её гостями. После их ухода он задерживался на полчаса, и это время было тягостным для неё. Ни он, ни она не знали, о чём говорить. Постепенно их беседы стали содержательными и сердечными. Зорге стал проявлять заинтересованность к разговорам Рут с её европейскими знакомыми. Он терпеливо учил выбирать из них то, что может представить интерес для разведки, и вести их в нужном плане, учил анализу получаемой информации. Теории конспирации он её специально не обучал, но она вошла в её кровь так же, как забота о благе ребёнка (это её собственное сравнение).

Зорге ненавязчиво повёл дело так, что Рут поняла, что на людях придётся отказаться от своих интернационалистических

взглядов, и на долгие годы стала «дамой демократического склада ума с прогрессивными взглядами и интеллектуальными запросами».

Рольф вначале ничего не знал о секретной работе Рут и об использовании их квартиры в качестве явочной. Он категорически отрицал даже возможность этого, требуя, чтобы Рут целиком сосредоточилась на воспитании ребёнка. В общем, их брак дал трещину, правда, Рольф продолжал вести себя ровно и деликатно, а в дальнейшем смирился с разлуками и сложными обстоятельствами, обусловленными работой Рут.

К ближайшему окружению Зорге в Шанхае принадлежали радист Макс Христиан Клаузен, который впоследствии станет известен по совместной работе с ним в Японии, Гриша («Джон»), владелец фотоателье, делавший микрофильмы разведывательных донесений, заместитель Зорге Пауль (Карл Рим), японский писатель и журналист Ходзуми Одзаки. Он будет казнён вместе с Зорге 7 ноября 1944 года. С ними Рут уже работала как с боевыми товарищами. Как-то раз Зорге принёс Рут на хранение чемодан с рукописными и печатными материалами, а затем и второй, с оружием. Однажды Зорге поручил Рут отнести объёмистый пакет его знакомому Фреду. С ним у Рут сразу возникли удивительно доверительные отношения. Она рассказала ему о себе всё, даже советовалась, не разойтись ли с Рольфом. Много лет спустя Рут узнала о нём, как о «герое Мадрида». Это был Фред Штерн, знаменитый генерал Клебер, герой Мадридского фронта. Позже он будет отозван в Москву и расстрелян как «враг народа».

Всё это происходило на фоне ужасающей бедности в Китае, японской агрессии, гражданской войны, борьбы секретной полиции Гоминьдана с коммунистами. Десятки тысяч людей были убиты, в провинциальных городах их головы выставлялись на кольях у городской стены для устрашения населения.

По заданию Зорге Рут в качестве «благотворительницы» навещала раненых китайских солдат в госпиталях в сопровождении переводчика, одного из помощников Зорге. Она получила необходимую Зорге информацию, касавшуюся состояния Девятнадцатой китайской армии.

Рут удалось привлечь к сотрудничеству немца Вальтера, вербовку которого завершил Зорге. Вальтер оказался очень полезным для него агентом.

Последнее задание, которое Рут выполнила для Зорге, это беседа с Сун Цинлин, вдовой Сун Ятсена. Конечно, молодая женщина не могла оказать серьёзного влияния на Сун. Однако то, что Рут (после инструктажа Зорге) говорила ей, немало способствовало «полевению» её взглядов и пониманию значения

сотрудничества с Советским Союзом.

Вскоре Рихард Зорге простым телефонным звонком навсегда распрощался с Рут. Наступила новая пора её жизни.

Рут получила приглашение приехать на учёбу в Москву примерно на полгода. Сынишку брать с собой не разрешили: он не должен был знать русского языка. Вместе с сыном Мишей Рут выехала из Шанхая сначала в Прагу, где оставила его родителям Рольфа, а затем в Москву. Её привезли в управление Генштаба на Арбат. С ней беседовали два офицера, сразу назвавшие её Соней. Этот псевдоним ей понравился, так как, по её мнению, его выбрал Зорге. Офицеры осведомились о её здоровье и личных желаниях, а потом предложили путёвку в санаторий, чем она и воспользовалась. В санатории Рут восхищалась одним военным, имевшим орден Красного Знамени, но так и не решилась спросить, за что он получил его…

По возвращении начались занятия в школе: радиотехника, монтаж и демонтаж аппаратов, морзянка, теория радиодела, дававшаяся с огромным трудом, русский язык и любимый предмет — политподготовка.

После окончания учёбы Рут снова пригласили на Арбат, где сообщили о новом назначении, в Мукден, куда она должна была ехать с одним немецким товарищем в качестве его жены. Однако у Рут были возражения: в Шанхае её все знали как жену Рольфа, и многие из её знакомых приезжали в Мукден, где могли увидеть её. На этом беседа закончилась.

Некоторое время спустя последовал новый вызов. На этот раз сказали, что ситуация тщательно изучена и её мнение учтено. Она будет жить в Мукдене по старому паспорту, и идея о замужестве, к глубокому сожалению товарища, который с ней должен был ехать, отпала.

Несколько дней спустя Рут познакомили с будущим партнёром. Им оказался Эрнст, весьма соответствующий своему имени («серьёзный»), выходец из рабочего класса, моряк. Они сразу нашли общий язык. Эрнст прекрасно разбирался в технике и вообще был человеком основательным, солидным, хотя и несколько неотёсанным. Особенно обрадовало Рут то, что он не возражал против того, чтобы она взяла с собой ребёнка.

Отправились в путь на итальянском пароходе из Триеста. «На пароходе я разгуливала в белом платье без рукавов и вместе с Эрнестом плавала в бассейне, а длительное путешествие с его тёплыми днями и ясными ночами создавало атмосферу, которой трудно было противостоять, — признаётся Рут. — Мне было двадцать четыре года, Эрнсту двадцать семь… Я далеко не была уверена, что желаю лишь „товарищеских отношений“ между

нами…»

Конечно, случилось то, что должно было случиться…

Рольф спокойно и с достоинством принял появление Рут с её новым спутником. У него было одно желание: сохранить сына и хотя бы видимость семьи. Он принял Эрнста как боевого товарища и помог отправить в Мукден оперативный багаж. Тяжёлый трансформатор для передатчика запрятали в кресло, но в пути проволока, которой его закрепили, лопнула, и он был прикрыт лишь обивкой. Одно-два резких движения при перегрузке, и он, прорвав обивку, выпал бы, а миссию Эрнста и Рут можно было бы считать законченной. Но обошлось…

Рут оформила себе постоянную командировку в Мукден в качестве представителя шанхайской книготорговой фирмы.

Перед разведчиками стояла задача установить связь между китайскими партизанами, действовавшими в оккупированной японцами Маньчжурии, и Советским Союзом.

Работа началась с неудачи. Место встречи с одним из партизанских руководителей Ли было назначено у входа в отдалённое харбинское кладбище. Это и днём было не очень привлекательное место, а поздно вечером молодой женщине там было попросту страшно. Страх овладел Рут не так из-за мёртвых, как из-за живых: кругом шныряли подозрительные личности, дважды к ней пытались приставать. Она прождала двадцать минут. На следующий вечер — опять те же двадцать минут. Ли не появился.

Пришлось в «Информации номер один» сообщить по радио в Центр о неудаче. Центр выразил недовольство тем, что не выполнено первое самостоятельное задание.

Но и вторая, и третья встреча с Ли оказались сорванными. Впоследствии выяснилось, что хотя Центр рекомендовал Ли как особо ценного сотрудника, он испугался полученного им задания, и вся группа, которую он возглавлял, была потеряна.

Позже связи восстановились с другими группами, и работа пошла успешнее. Рут работала на передатчике, наполовину собранном из подручных материалов, так его легче было замаскировать. Например, ключом служила китайская линейка с катушкой из-под ниток и ввёрнутым в неё болтом. Дальность действия и скорость передач была небольшой, и всё время существовала опасность пеленгации.

Помимо связи разведчики обеспечивали партизан взрывчаткой. С этой целью покупали в магазинах различные химические реактивы. Одного килограмма аммониум нитрата с добавлением сахара и алюминиевого порошка было достаточно, чтобы приготовить мину. Покупали серу, соляную кислоту и

прочие химикалии. Транспортировка и передача всего этого партизанам были непростым делом.

Пришлось всерьёз взяться и за изучение китайского языка, а указания Центра передавать записками, так как произношение одних и тех же иероглифов различное, и эту тонкость освоить было непросто. Как-то раз связной Фэн попал в облаву и на глазах у Рут стоял с поднятыми руками. На его и её счастье искали оружие, а записку просто не заметили, иначе произошёл бы провал, ибо нетрудно было определить, что она написана европейцем.

Встреча с одним из партизанских руководителей состоялась в пятистах километрах от Мукдена. Здесь от вокзала рикши в клубах пыли, которая не могла скрыть европейскую женщину, везли её в какие-то трущобы, где толпа людей собралась поглазеть на иностранку. В этих условиях нелегко было передать взрывчатку. Но удалось.

Жить и работать в Мукдене приходилось в условиях непрерывной слежки за иностранцами. Квартиры постоянно обыскивались. Японцы не гнушались провокацией. Иногда шпики следовали вплотную, нимало не стесняясь.

В апреле 1935 года Рут отправилась на встречу с Фэном, но он не явился, не пришёл и два дня спустя. А на месте встречи Рут заметила японца и решила, что попалась. Но он не пошёл за ней. Пришлось сообщить в Центр об исчезновении Фэна. Позднее узнали, что он арестован и при нём нашли взрывчатку. Это означало пытки и смерть. Но он никого не выдал. Если бы это случилось, многие, в том числе и Рут, распрощались бы с жизнью.

Из Центра поступило указание прекратить все связи с партизанами, перебраться в Пекин и установить там передатчик. Эрнст вмонтировал разобранный передатчик в обычный радиоприёмник и старый граммофон. Но на границе приёмник задержали.

— Брать с собой не разрешается! Требуется разрешение правительства! — упёрся чиновник.

Рут потребовала начальника, подняла скандал. Но безуспешно. Пришлось ехать в Пекин без приёмника. Там Рут обратилась в таможенное управление, где ей объяснили, что иностранцам разрешение не требуется.

— Дайте ваш адрес, вам его вышлют.

Но давать адрес было рискованно, хотя и не менее рискованно ехать самой на границу. Рут предпочла второй вариант. Никто приёмник не вскрывал, и она благополучно привезла его в Пекин.

В эту ночь она должна была связаться по радио с Эрнстом.

Когда воткнула вилку в розетку, весь отель, где она остановилась, погрузился в темноту. К счастью, не обнаружили, что это случилось по её вине. Пришлось перебираться в другое место, в пансионат. Два дня радировала из своей крохотной комнатки, но связаться с Эрнстом так и не смогла. Когда он приехал, его упрёки были для неё оскорбительны.

В Пекине Рут поняла, что беременна, и решила ребёнка сохранить. И Рольф, и Эрнст безуспешно пытались уговорить её прервать беременность. Но Рут настояла на своём. Тогда Рольф заявил:

— В таком положении я не могу оставить тебя одну. Мы встретимся в Европе, и ты должна промолчать, что не я отец ребёнка.

Эрнст, выслушав его, заметил:

— Если уж я не могу быть с тобой, то лучше Рольфа нет никого другого, для меня это будет утешением.

Так, по-простому, старые партийные товарищи решили за неё этот сложный вопрос.

Китайский период жизни Рут Вернер завершился.

В Москве её ждало новое предложение: вместе с Рольфом отправиться в Польшу. Но сначала Рут заехала в Лондон, чтобы повидаться с семьёй, которая вся уже перебралась туда. Кроме родителей, сестёр и братьев её встретила там няня Ольга Мут (Олло). Главный смысл и содержание её жизни составляли шестеро детей Кучински. Когда семья эмигрировала, она последовала за ней, а когда Рут и Рольф собрались в Польшу, она сказала:

— У вас теперь будет двое детишек, и я буду с вами!

О том, что второй ребёнок не Рольфа, в семье никто не узнал, кроме брата Юргена, который слегка пожурил Рут:

— Ну, ты просто невозможная! — и засмеялся.

Трудно говорить о морально-этической стороне этой истории: ведь идеи, которыми вдохновлялась Рут, были для неё выше всех остальных принципов. К тому же она была женщиной во всех её проявлениях: весёлой, иногда взбалмошной, тянущейся к мужчинам и, наконец, страстной, любящей матерью.

Обстановка в Польше оказалась не менее опасной для разведчиков, чем в Китае. Только что умер маршал Пилсудский, но развязанная им антисоветская и антикоммунистическая истерия продолжалась, бушевала шпиономания. Если бы Рут и Рольф провалились, их немедленно выдали бы Германии, что являлось равносильным смертному приговору, так как гестапо уже давно разыскивало Рут. Офицеры гестапо, делавшие обыски в доме её родителей, до их отъезда в Лондон, каждый раз

повторяли:

— Мы до неё ещё доберёмся!

Задания, полученные разведчиками, были несложными: легализоваться, получить разрешение на пребывание в Польше, собрать передатчик и наладить связь с Центром. Самым трудным оказалось получить вид на жительство: его давали только на десять дней, и Рольфу пришлось не менее сорока раз побывать в различных инстанциях, пока, наконец, дали визу сроком на год.

Рут впервые сама собрала приёмник, всё с той же китайской линейкой. И началась работа. Руководила Рут, Рольф был её помощником и только обеспечивал прикрытие. Рут должна была «вести» двух нелегалов — из Кракова и Катовице и поддерживать их связь с Центром.

Её работе нисколько не помешало то, что 27 апреля 1936 года у неё родилась дочь Эрнста Янина, Нина. В день очередного выхода в эфир Рут смогла покинуть клинику и добавила к своей ночной радиограмме короткую фразу о том, что «у Сони родилась дочка».

Зимой того же года Рут получила задание на несколько месяцев отправиться в Данциг, куда она уже ездила несколько раз, так как местная резидентура осталась без связи. Данциг, в то время формально «вольный город», всё больше прибирали к рукам нацисты. Поляков и евреев терроризировали и запугивали, нередкими были вывески: «Здесь не желают видеть евреев, поляков и собак». Поверить в это трудно, но автор собственными глазами видел подобную вывеску в Познани в январе 1945 года. Правда, евреи в ней не упоминались, так как к этому времени в Познани их не осталось.

Группа, работавшая в Данциге, собирала разведданные о работе порта, строительстве подлодок, отправке военных грузов в воюющую Испанию. Иногда удавалось совершить небольшую диверсию.

Началось в Данциге всё хорошо. Однажды ночью Рут даже приняла радиограмму, которая, как ей показалось, была предназначена кому-то другому: «Соня поздравляем награждением орденом красного знамени директор». Она не верила своим глазам. Совсем недавно она боялась подойти к человеку с таким орденом!

Но утро принесло неприятности. Жена нациста, жившего в этом же доме, поделилась с ней:

— Муж заподозрил, что где-то рядом работает радиопередатчик, создающий радиопомехи, и в пятницу состоится облава.

Ночью Рут передала эту информацию в Центр, утром

разобрала передатчик и отнесла к товарищу, а вечером в четверг на обычный приёмник приняла приказ о возвращении в Польшу.

В 1937–1938 годах Рут дважды ездила в Москву на учёбу. Олло с детьми отправили к родителям Рольфа. «Когда я думала о свекрови и её мнимой внучке Нине, — вспоминала Рут, — всё это представлялось мне столь отвратительным обманом, что я уже не находила в себе сил молчать. Рольф, однако, просил меня не доставлять его матери новых огорчений».

По прибытии в Москву Рут была приглашена в Кремль, где М. И. Калинин вручил ей орден. Она носила его лишь один день. Когда уехала, он остался в Генштабе.

В Москве Рут стала свидетельницей страшных и печальных событий: многочисленных арестов людей, которых она знала как честных, преданных разведчиков. Тогда она полагала, что арестовывают их за какие-то незначительные ошибки в работе, а виною всему излишняя подозрительность, царившая в стране. Так же считали и жёны арестованных разведчиков, с которыми она говорила.

Её новый руководитель Омар Джиорович Мамсуров («Хаджи») готовил её к новой поездке. Она проходила подготовку в школе диверсантов. Однажды «Хаджи» сказал:

— Один твой товарищ приехал в Москву и хочет увидеться с тобой.

Этим товарищем оказался Эрнст.

— Как здорово, что ты такая же тоненькая, как и прежде! — воскликнул он.

Ни слова не говоря, Рут бросилась к нему на шею. Они вернулись к прежним отношениям. Как-то он спросил, не хочет ли она остаться с ним. Но его нервозность, жёсткость и нетерпимость стали ещё заметнее.

— Нет, — ответила Рут.

Они проходили один и тот же курс обучения. Эрнст из-за неладов с инструктором, недоучившись, покинул школу. Рут после её окончания вернулась в Польшу.

Рольфу по работе часто приходилось бывать в Кракове, и они переехали в Закопане. Но там пробыли недолго. В июне 1938 года их отозвали. Центр предложил Рут новое назначение, на этот раз в Швейцарию. Её напарником теперь стал «Герман». Рольф в треугольник не вписывался. Ему предстояло оставаться с ними только до тех пор, пока Рут не устроится в Швейцарии, а затем отправиться в Китай. Впоследствии он был там арестован. Сколько выдержки и самопожертвования было в этом несчастном человеке!

Из Москвы Рут направилась в Лондон за детьми кружным

путём, через всю Европу. Ей уже не привыкать было по чужим паспортам пересекать границы Германии, Франции, Финляндии, Швеции. Она стала опытным офицером разведки, получила звание майора (к концу службы стала полковником).

В Лондоне один из старых товарищей посоветовал ей взять себе в помощники бывшего бойца английского батальона Интернациональной бригады Александра Фута (он получил кличку «Джимми»). Центр дал согласие. Вторым её помощником стал тоже интербригадовец, Леон Брюер («Лен»).

В начале октября Рут и Рольф сняли домик в горах французской Швейцарии на высоте тысячи двухсот метров. Рольф помог установить и замаскировать передатчик, и Рут быстро наладила связь с Москвой. Ей удалось обзавестись полезными знакомствами, в частности, с библиотекаршей Лиги Наций Мари, которая впоследствии помогла разведчикам получить гондурасский и боливийский паспорта, а также с рядом других лиц. Из разговоров с ними Рут черпала информацию, хотя и не секретную, но представлявшую интерес для Центра. В основном она касалась положения в фашистской Германии, а вообще Германия стояла первой в списке задач, поставленных перед Рут. Своих помощников, «Джимми» и «Лена», Рут отправила в Германию, поручив им проникнуть на авиационный завод «Мессершмитт» и фирму «И. Г. Фарбениндустри». «Герман» прибыл последним из её группы, в апреле 1939 года. Поселившись в городе Фрибурге на западе Швейцарии, должен был первые месяцы сидеть тихо, собрать передатчик и ждать команду проникнуть на авиазавод «Дорнье».

Идиллический домик, в котором жила мать с двумя детьми, старая няня, в своё время вырастившая и саму мать, создавали видимость респектабельности и способствовали тому, что швейцарские власти выдали Рут разрешение на пребывание в стране до 30 сентября 1939 года. Но ни просроченный немецкий, ни гондурасский паспорт не могли служить гарантией пребывания Рут в Швейцарии. Существовала опасность её депортации в Германию. Поэтому в Центре возникла идея: Рут и Рольф должны развестись, и она вступит в брак с кем-либо из помощников. («Я вещь, вещь!» — могла бы воскликнуть Рут вслед за героиней «Бесприданницы».)

Вначале она выбрала «Джимми». Но тот оказался каким-то скользким, признался, что в Интербригаду поехал не из ненависти к фашизму, а чтобы скрыться от забеременевшей девицы, на которой обещал жениться. Да и вообще был сибаритом с налётом цинизма. От фиктивного брака отказался.

Пришлось остановиться на «Лене», скромном, даже

застенчивом, но, по свидетельству его товарищей из Интербригады, совершенно не знавшем физического страха. Он согласился на фиктивный брак.

Уезжая в Китай, Рольф оставил заверенное нотариусом письмо о своём согласии на развод. Таким образом, бракоразводный процесс можно было начинать.

Проездом из Советского Союза побывал в гостях у Рут и Эрнст. Он полюбовался своей дочкой, но больше никогда не интересовался ею. Эрнсту и Рольфу пришлось работать в Китае вместе, и, видимо, они не раз вспоминали там Рут.

Между тем обстановка в Швейцарии накалялась. В Европе пахло войной, и не было никакой гарантии, что после Австрии и Чехословакии Гитлер не захватит и Швейцарию. Был издан указ о том, что все эмигранты, занимающиеся политической деятельностью, будут высланы в Германию. Надо было торопиться с разводом, браком и получением британского паспорта.

«Лену» и «Джимми» пришлось уехать из Германии: как английские подданные в случае войны они оказались бы интернированными. Работа разведточки Рут теряла смысл. Её передачи больше носили контрольный характер. Поступила команда: «Ждать».

В детском магазине Рут увидела забавную игрушку — телеграфный аппарат Морзе с ключом, зуммером, батарейкой от карманного фонаря и таблицей морзянки. По вечерам игрушкой забавлялся Миша. Когда же он был в школе, Рут тренировала на ней «Джимми» и «Лена».

1 сентября 1939 года разразилась война. Выход радиолюбителей в эфир был запрещён.

Дом, где жила Рут, навестили сотрудники секретной службы и застали там «Германа». Никаких последствий это как будто не имело, но настораживало. Рут вместе с «Германом» пришлось спрятать передатчик в яме, выкопанной в кустах. На другой день какие-то незнакомцы несколько раз обошли их дом. Это вызвало ещё большее опасение.

Спустя несколько дней Рут пригласили встретиться с неким швейцарским сотрудником безопасности.

— По сведениям властей у вас есть радиопередатчик, которым вы пользуетесь. На вас донесла (он так и сказал «донесла») посыльная из бакалейного магазина. Когда она занесла вам покупки, то услышала стук ключа Морзе.

Рут, вначале слушавшая чиновника, вся внутренне сжавшись, расхохоталась, да так, что он удивлённо посмотрел на неё и пододвинул стакан воды.

— Пройдите в детский магазин, купите этот радиопередатчик за семь марок и покажите этой девушке. Если там не окажется, пойдёмте ко мне, и вы увидите его среди игрушек моего девятилетнего сына, если он ещё цел.

Чиновник был удовлетворён, но задал ещё несколько вопросов: на какие деньги Рут живёт, кто её родители, где муж На все ответы одобрительно кивал головой, и расстались они вполне довольные друг другом.

В конце 1939 года Центр запросил, не найдёт ли Рут возможности передать деньги Розе Тельман, жене арестованного секретаря КПГ Эрнста Тельмана. С этим поручением Рут послала Олло, которая не могла привлечь внимания гестаповцев. С запрятанными в одёжную щётку деньгами та побывала у Розы, которая была глубоко тронута, но сказала, что этими деньгами было бы трудно воспользоваться, так как нацисты следят за всеми её расходами.

Зимой 1939 года Рут получила новое задание: связаться в Женеве с товарищем Альфредом, которым оказался знаменитый в будущем разведчик Шандор Радо, руководитель самой крупной и действенной заграничной резидентуры советской разведки в годы войны «Дора».

Их активное сотрудничество продолжалось около года. Теперь её передатчик был загружен полностью. В первые три месяца Шандор передавал ей свои радиограммы, написанные открытым текстом, Рут шифровала их, по ночам передавала в эфир, а потом расшифровывала полученное из Центра для него или для неё самой. Она доставляла Шандору ответы и получала от него новые донесения. Путь из Ко, где жила Рут, в Женеву, занимавший три часа, и обратно приходилось проделывать чуть ли не ежедневно. Да ещё занятия с «Леном» и «Джимми». Это отнимало почти все силы, но ради этого стоило жить! Даже на такие «мелочи», как отсутствие денег — а надо было содержать «Германа», «Лена», «Джимми», собственную семью и Олло, — не хотелось обращать внимания.

Но 11 декабря 1939 года на резидентуру Рут обрушился удар: был арестован «Герман». Когда на следствии выяснилось, что он немец (у него был финский паспорт, но он ни слова не знал по-фински), гестапо потребовало его выдачи (заочно он был приговорён к смертной казни немецким судом). Однако швейцарцы не выдали его, и дело закончилось благополучно. Его осудили только за нарушение паспортного режима и приговорили к небольшому штрафу, но интернировали до конца войны, вследствие чего он «выбыл из игры».

В конце 1939 года Рут официально получила развод и можно

было заключать новый брак. Для этого выбрали праздничный день — 23 февраля 1940 года, так появился повод легально его отметить.

Но неожиданно возникла новая угроза.

Олло, верная няня Олло, вдруг взбунтовалась. Она либо прослышала, либо сама догадалась о том, что теперь, получив британское подданство, Рут уедет в Англию, прихватив с собой её дорогую Ниночку (Мишу она не любила, как и он её). Олло же, с её германским паспортом, в Англию не пустят. Она не ела, не спала и, плача, непрерывно твердила, что жить не может без Нины. Обстановка стала невыносимой. Олло собрала свои вещи и перебралась к жене крестьянина, с которой была дружна. Часами сидела на скамье и наблюдала за домом Рут.

У неё зародился чудовищный замысел. Вот что пишет об этом Аллен Даллес в книге «Искусство разведки»:

«…В Швейцарии Мария (так он называет Рут. — *И.Д.*) влюбилась в радиста, прикреплённого к ней для работы, развелась заочно с мужем и вышла замуж за радиста. Подобное проявление неверности так опечалило служанку, что она позвонила в английское консульство в Лозанне и наговорила столько, что этого было достаточно, чтобы поставить под угрозу всю советскую агентурную сеть. К счастью, она так ужасно говорила по-английски и вела себя настолько истерично, что в консульстве подумали, что это ещё одна очередная ненормальная…»

После этого Олло стала бегать по всем знакомым и повторять то же самое. В конце концов, когда Рут сказала, что знает о её предательстве, Олло, потеряв сознание, рухнула на пол, а потом, собрав вещи, навсегда уехала к брату в Германию.

На Шандора Радо приходилось работать всё больше и больше. Для удобства переехали в Женеву, где на Рут навалилась ещё одна обязанность: подготовить радиста Эдмунда Хамеля. Впоследствии он работал с Радо до самого конца и был арестован 19 ноября 1943 года во время радиопередачи.

В конце декабря 1940 года Рут с детьми, оставив «Лена», теперь уже не только фиктивного, но и фактического мужа, отправилась кружным путём в Англию. «Лену», как бывшему интербригадовцу, визу на проезд через Испанию не дали, и он вместе с «Джимми» остался в Швейцарии помогать Шандору Радо.

После войны «Джимми» (Александр Фут) побывал в СССР, снова был выведен за границу, стал предателем и написал книгу «Справочник для шпионов». Он выдал своих друзей и рассказал всё, что знал. Но что-то порядочное в нём осталось. Как пишет Рут в своих воспоминаниях, он явился к одному австрийскому

товарищу, знакомому Рут, трясущийся, похожий на нищего и больного, отказался войти и всё несвязно бормотал: «„Лен“ и „Соня“. Большая опасность. Не работать. Всё уничтожить». Потом убежал. Это случилось, когда он уже написал свою книгу, но она ещё не вышла из печати.

Однако надо заметить, что имеется довольно убедительная версия, согласно которой «Джимми» ещё в Швейцарии, задолго до своего открытого предательства, являлся агентом английской разведки «Сикрет интеллидженс сервис».

С большими трудностями, через Францию, Испанию и Португалию Рут с двумя детьми добралась до Англии лишь в феврале 1941 года. Однако устроиться там было совсем непросто — в одном месте ей не хотели сдавать квартиру как иностранке, в другом через пару дней предложили убраться. Она металась в поисках жилья, пока не нашла маленький домик с огородом, который стал серьёзным подспорьем в их жизни.

Рут несколько раз выходила на место, оговорённое ещё в Швейцарии, но никто из советских товарищей не появлялся. Наконец, в мае 1941 года «Сергей» — она так называла его и всех его преемников — вручил ей деньги и передал инструкции. Ей поручалось установить связи в политических и военных кругах, создать сеть для сбора информации о возможной готовности Англии пойти на сделку с нацистами.

Ей немало помог в этом отец, имевший связи в политических и научных сферах. Когда Германия напала на СССР, именно он передал Рут фразу, ставшую впоследствии широко известной, которую в беседе с ним произнёс видный деятель лейбористской партии Стаффорд Криппс (с 1940 по 1942 год он был послом в СССР):

— Советский Союз потерпит поражение не позднее чем через три месяца. Германский вермахт пройдёт сквозь Россию, как горячий нож проходит сквозь масло.

Эта фраза была доложена лично Сталину и, как известно, повлияла на ход его размышлений об отношении с союзниками.

Интересную информацию давал Рут и её брат Юрген. Одни лишь беседы с отцом и Юргеном предоставляли Рут материал на четыре—шесть донесений ежемесячно. Но у неё появились и другие источники. Ганс Кале, бывший командир дивизии Интербригад в Испании, давал ей военную информацию, она приобрела источника в лице Джеймса, офицера британских ВВС, имевшего отношение к авиастроению. Он сообщал ей данные о весе, габаритах, грузоподъёмности и других характеристиках и даже снабжал скалькированными чертежами машин, которые ещё и не поднимались в воздух. Он даже притащил оригинал одной

небольшой конструкции. Её исчезновение вызвало большой переполох, но он остался вне подозрений.

Рут завербовала и выучила на радиста ещё одного агента, Тома. Помимо прочего, от него получили важный инструмент, использовавшийся в радиолокационных устройствах на подводных лодках.

После долгих мытарств, в конце августа 1942 года в Англию прибыл «Лен». Он установил связь с одним химиком, от которого получал ценные сведения.

Осенью 1943 года «Лена» взяли в армию. Это случилось после рождения третьего ребёнка, Питера, на этот раз от «Лена».

Юрген работал в Бюро по американской стратегии бомбовых ударов. Секретные документы этого Бюро, которые издавались в строго ограниченном количестве экземпляров, доводились до сведения только Рузвельта, Эйзенхауэра, Черчилля и начальников штабов. Но один, дополнительный экземпляр регулярно ложился на стол Сталина. Союзники не хотели делиться секретами, которые могли бы помочь Красной армии, поэтому пришлось добывать их самим.

Никто из агентов Рут не взял у неё ни одного шиллинга. Они сознательно помогали стране, на которую пала главная тяжесть борьбы с фашизмом.

«Сергей» дословно передал Рут слова «Директора»: «Имей мы в Англии пять Сонь, война кончилась бы раньше».

В ЦСС (предшественнике ЦРУ) Юрген познакомился с неким американским офицером Максом, занимавшимся вербовкой немецких эмигрантов для заброски в Германию. Макс попросил Юргена о помощи. Рут запросила Центр. В результате дело было организовано так, что отбирали для подготовки и забрасывали в тыл врага только тех людей, кандидатуры которых одобрил Центр. Часть из них погибла в Германии, но оставшиеся в живых после войны работали на видных должностях в ГДР.

В книге «Соня рапортует», изданной в 1970-х годах, Рут Вернер рассказывает о «Лене», Эрнсте, Рольфе, о детях, сёстрах и родителях, о разных оперативных мелочах: пропущенных явках, утраченных тайниках, о бытовых трудностях и неурядицах и так далее. Но ни слова не упоминает о том, что стало «звёздным часом» не только лично её, но и всей советской разведки.

В мае 1941 года, после того как была доказана теоретическая возможность создания атомного оружия, власти Великобритании учредили первую в истории человечества организацию по конструированию и производству атомной бомбы. Кодовое название этой программы было «Тьюб эллойз» («Трубный сплав»). Об этом подробно информировал Центр советский разведчик

Дональд Маклейн.

В программу входили четыре независимых исследовательских группы, в том числе Бирмингемская. Одним из её самых крупных физиков-теоретиков был Клаус Фукс, немец-коммунист, бежавший от гитлеровского режима в Англию ещё до войны.

После нападения фашистской Германии на СССР Клаус Фукс принял твёрдое решение помочь Советскому Союзу и по своей инициативе связался с советской разведкой. Он вспоминал: «…Я в конце 1941 года… связался с одним товарищем, который, как я предполагал, мог передать имевшуюся у меня информацию советским представителям… Мне сообщили лондонский адрес… который стал моей явочной квартирой. Позднее был найден более конспиративный метод организации этих встреч: в определённое время я должен был встречаться с другим товарищем, на этот раз женщиной, причём каждый раз мы обговаривали и назначали новые места встреч, включая соответствующие опознавательные признаки…»

Познакомил его с представителем из советского посольства Юрген Кучински, брат Рут.

Кучински вспоминал: «…вначале я связал его с одним товарищем из советского посольства, а затем, когда этот контакт в силу различных обстоятельств прервался, я связал его с „Соней“. Таким образом, я дважды связывал его с советскими представителями. То, что он, обладая такой важной информацией, сам решил передать её Советскому Союзу, показалось мне совершенно правильным и необходимым в той ситуации…»

Клаус Фукс передал через «Соню» важнейшую информацию по разработке атомного оружия. Его вклад в работу, которая велась в рамках проекта «Тьюб эллойз», был настолько велик, что в 1943 году руководитель американского атомного проекта Оппенгеймер решил пригласить Клауса Фукса и ещё нескольких английских учёных в США для участия в различных проектах атомной программы.

Дав согласие на поездку в США, Клаус Фукс тут же поставил об этом в известность «Соню». Связавшись с Москвой, на очередной встрече она сообщила ему пароль и объяснила, каким образом он сможет встретиться с резидентом в Нью-Йорке.

Прибыв в США, Фукс активно включился в работу над «Проектом Манхэттен» — американским аналогом «Тьюб эллойз», но более масштабным. О том, что скрывается под этим проектом, знали очень немногие, достаточно сказать, что вице-президент Трумэн узнал о нём только в день принесения им присяги в качестве нового президента после смерти Рузвельта.

Клаус Фукс попал в знаменитый «атомный город» Лос-Аламос, где создавалась атомная бомба. Теперь его информация стала поистине бесценной. О его дальнейшей судьбе рассказывается в очерке, посвящённом этому уникальному учёному-разведчику.

В 1950 году Рут с детьми, а вслед за ней «Лен», переехали в ГДР. К этому времени она уже не сотрудничала с советской разведкой, служила на разных должностях в государственном аппарате ГДР, а с 1956 года оставила постоянную работу и стала профессиональной писательницей.

В 1969 году она была награждена вторым орденом Красного Знамени. Скончалась она совсем недавно, в июле 2000 года.

КИТТИ ХАРРИС (1899–1966)

Даже самая ценная и достоверная информация окажется бесполезной, если она не будет своевременно передана в Центр. Этот бесспорный факт ещё раз получил подтверждение в начале 1930-х годов, когда в Москве были приняты решения об улучшении работы нелегальной разведки, в том числе путём активизации использования связников.

Одним из таких связников стала Китти Харрис. Родилась она 25 мая 1899 года в Лондоне в семье выходцев из России; когда ей было восемь лет, они переехали в Канаду. Отец-сапожник не мог содержать большую семью. Не закончив даже начальной школы, в тринадцать лет Китти пошла работать на табачную фабрику. Боевая, смелая, бойкая на язык, черноглазая, она была настоящей «фабричной девчонкой» и напоминала друзьям героиню оперы «Кармен», тоже работницу табачной фабрики. Они прозвали её «Джипси» — «Цыганочка», не подозревая, что годы спустя это прозвище станет её псевдонимом и навсегда сохранится в анналах советской разведки.

Китти взрослела и с годами стала понимать, как несправедливо устроен окружающий мир. Первые протесты были неосознанными, вроде полудетского битья стёкол в доме фабриканта. Но когда из далёкой России пришли вести о революции, о том, что там рабочие взяли в свои руки власть, заводы и фабрики, она вслед за своими товарищами вступила на путь революционной борьбы. Уже в те годы всё, связанное с Советской Россией, стало для неё идеалом, и потому её приход впоследствии в советскую разведку не был случайным.

Живя в Канаде, а затем переехав в США, Китти Харрис активно участвовала в профсоюзной, а став членом компартии — и в партийной работе. В 1928–1929 годах по заданию Коминтерна со своим мужем, американским коммунистом Э. Браудером, она находилась в Шанхае в качестве связной профсоюзного центра.

Профсоюзное движение в странах Юго-Восточной Азии только зарождалось, и колониальные власти всячески преследовали активистов, вплоть до физической расправы с ними. Китти не раз подвергала опасности свою жизнь, перевозя документы, деньги для поддержки молодых местных профсоюзов и партийную литературу в Гонконг, Батавию, Манилу и другие города Тихоокеанского бассейна. Здесь, встречаясь с подпольщиками, она получила первый опыт нелегальной работы.

В 1929 году Китти вернулась в Нью-Йорк, а в 1931 году советским разведчиком Эйнгорном была привлечена к

разведывательной работе. Первым местом её назначения стала Германия.

Обстановка в эти годы в Германии была непростой, в стране набирал силу фашизм. В этих сложных условиях Китти Харрис десятки раз пересекала границы сопредельных государств, перевозя ценную информацию и документы, от которых зачастую зависели свобода и даже жизнь многих людей. Иногда попадала в сложные положения, из которых каждый раз выходила с честью.

В Праге после встречи с агентом «Ж-91» Китти, имевшая при себе «почту», заметила за собой плотное наружное наблюдение. Проверялась пешком, на трамвае — сотрудники наружки не отставали. В поисках говорящего по-немецки лавочника зашла в несколько маленьких магазинчиков, где не умели или не хотели говорить по-немецки. На третий раз повезло.

— Меня преследует какой-то мужчина. Я порядочная женщина. Меня ждут муж и дети, а этот тип…

— Фрау, вы попали ко мне очень удачно. У меня есть выход на соседнюю улицу. Вот в эту дверь, пожалуйста. А если этот негодяй заглянет сюда, я с ним поговорю по-мужски.

Мясник, по-видимому, сдержал своё слово, так как Китти удалось уйти незамеченной.

В другой раз, когда она с американским паспортом на чужое имя пересекала французскую границу в Страсбурге, молодой пограничник долго и внимательно изучал её паспорт, а затем спросил:

— Мадам, разве Чикаго находится в штате Индиана? По-моему, как я учил в школе, он в штате Иллинойс.

Китти только хотела сказать, что, мол, большой город Чикаго находится в штате Иллинойс, а Чикаго, откуда она родом, — это маленький городок в штате Индиана, как вдруг вспомнила, что уже заполнила таможенную декларацию, где указала правильное местоположение своего «родного» города.

Но пограничник оказался на редкость доброжелательным.

— Мадам, возьмите свой фальшивый паспорт и отдайте его тем, кто вам его продал. Пусть они вернут вам деньги.

Китти, не скрывая смущения, взяла паспорт и поспешила выйти из поезда. Но так как задание было срочным, она, пренебрегая опасностью, в тот же день там же, в Страсбурге, по тому же паспорту пересекла границу на автобусе. Может быть, это было безрассудно с её стороны, но к счастью, второй пограничник оказался не столь сведущ в географии. «Почта» в Париж была доставлена вовремя.

Помимо Франции и Чехословакии ей пришлось выезжать в Данию и Швецию, где она встречалась с агентами. Одним из них

был Антон Волльвебер — ветеран германского революционного движения, бывший моряк-подводник, один из руководителей кильского восстания немецких моряков в ноябре 1918 года. После прихода Гитлера к власти Волльвебер был вынужден выехать в Скандинавию. Ему удалось создать агентурную сеть в странах Балтики на случай войны с фашистской Германией. Эта сеть успешно действовала в годы Великой Отечественной войны: потопила несколько немецких кораблей, заложив в них мины замедленного действия с часовым механизмом.

В Дании Китти чуть было не провалилась, не по своей вине. Как раз во время её пребывания там произошёл один из крупнейших провалов советской разведки. На конспиративной квартире были захвачены сразу четыре нелегальных резидента и несколько агентов. Самое обидное, что их встреча не вызывалась служебной необходимостью, а просто была свиданием старых друзей из разных европейских стран. Этот провал, получивший название «совещание резидентов», коснулся только военной разведки, но вызвал такую кампанию шпиономании в стране, что под подозрение попали все недавно прибывшие иностранцы. На какое-то время пришлось свернуть работу.

В Германии Китти выполняла не только обязанности связника. Она работала в Берлине с таким источником информации по линии научно-технической разведки, как «Наследство», сотрудник фирмы «Бамаг». Простое перечисление полученных от него на первом этапе работы материалов свидетельствует об их значимости: проекты заводских установок по производству кали-аммониевой селитры, лауна-селитры, гидрогенизации жиров, абсорбционной установки.

Более того, после того как «Наследство» по неизвестным причинам перестал выходить на связь (как оказалось, он на полученные за информацию деньги купил себе загородный дом и решил «завязать»), Китти сумела разыскать его и через жену, имевшую на супруга большое влияние, приобщить к работе. В этот, второй, период сотрудничества Китти получила от него материалы по электролизу водорода, сжиганию аммиака в кислороде, чертежи новой абсорбционной установки завода «Бамаг» и (на радость садоводов и огородников) материал по получению нитрофоски. Позже он передал рабочие чертежи генератора по получению бензина из газов, добываемых при помощи синтеза угля. Уже перед самой войной «Наследство» сообщил сведения о германских пороховых заводах. Они были переданы в Генштаб Красной армии и получили высокую оценку: «Информация является ценной и поступает впервые».

Всего за время сотрудничества «Наследство» заработал

тридцать пять тысяч марок. Польза же, принесённая им, составила многие миллионы.

Китти несколько раз приезжала на учёбу в Москву, где изучала особенности работы в нелегальных условиях, а также под руководством Уильяма Генриховича Фишера (впоследствии ставшего известным под именем Рудольф Иванович Абель) освоила радио- и фотодело.

Овладение радиотехникой, особенно теорией, давалось Китти, имевшей небольшое образование, с большим трудом. Она, свободно говорившая на четырёх языках, едва могла выполнять математические расчёты.

После учёбы она получила направление в нелегальную парижскую резидентуру, где некоторое время одновременно с известным разведчиком Дмитрием Быстролётовым работала под руководством Теодора Малли. Затем, в связи с переводом Малли в Лондон, Китти Харрис тоже переехала туда.

Здесь наступил «звёздный час» её разведывательной деятельности. Непосредственным её руководителем в Лондоне стал выдающийся разведчик Арнольд Дейч. Вначале Китти выступала в роли содержательницы конспиративной квартиры, на которой организовывала встречи Дейча с его агентами из знаменитой кембриджской «пятёрки» — Кимом Филби, Дональдом Маклейном, Гаем Бёрджесом и другими, в случае необходимости выступая в роли связной и участвуя в проверочных мероприятиях. Именно она наблюдала за первой встречей Бёрджеса с офицером английской спецслужбы Футманом и подтвердила правдивость отчёта Бёрджеса об этом контакте, что дало возможность активизировать с ним работу.

Тем временем от Маклейна, который уже стал сотрудником МИД Великобритании, поступало такое количество материалов, что ни Малли, ни Дейч не справлялись с этим потоком, и работу с ним было решено выделить в отдельное направление. Малли предполагал использовать для этого Дмитрия Быстролётова, но в связи с его отзывом в Москву и арестом работа с Дональдом Маклейном была поручена Китти Харрис.

В начале 1938 года она сняла квартиру в одном из престижных районов Лондона, где появление Дональда у одинокой дамы не вызывало бы, даже будучи замеченным, никаких подозрений ни у соседей, ни у местных спецслужб, вздумай они вести за ним слежку. Работа строилась несложно: Дональд являлся на квартиру Китти с документами английского МИДа, Китти фотографировала их и на другой день передавала плёнку резиденту, которым к этому времени стал опытный разведчик Графпен.

Однако Маклейну не всегда удавалось вынести представляющие интерес документы. В этом случае срабатывали поистине фотографическая память Дональда и великолепная память Китти. Она почти дословно запоминала и передавала резиденту информацию, полученную от Маклейна.

Играя роль «влюблённых», Дональд и Китти слишком вошли в неё, и вскоре оперативная легенда стала романтической былью. Их чувства были красивыми и освящёнными общей высокой целью — бескорыстным служением советской разведке.

Китти прожила непростую жизнь, но Дональд был её первой и последней любовью.

Конечно, когда об их интимной связи стало известно высокому руководству, это вызвало определённую реакцию, однако не столь негативную, как можно было ожидать. Китти не только не была отстранена от работы с Дональдом, но и при переводе его во Францию была направлена туда же — это было и в интересах разведки, и в интересах влюблённых.

Разведывательные возможности Дональда в Париже, где он трудился в качестве второго секретаря английского посольства, были, конечно, меньше, чем у чиновника центрального аппарата МИДа. К тому же много времени и сил отнимали вечера, приёмы, обеды, на которых ему приходилось присутствовать. В Париже произошёл и случай, до предела взвинтивший нервы и Дональда, и Китти, и резидентуры. Вследствие ошибки одного из её сотрудников связь с ними была потеряна, причём произошло это сразу после подписания советско-германского пакта о ненападении и начала Второй мировой войны. В эти дни некоторые агенты, обвинив Советский Союз в развязывании войны, отказывались от встреч с советскими сотрудниками, и в резидентуре полагали, что также поступили Дональд и Китти.

Однако всё скоро разъяснилось. Оказавшись без связи и переживая это, Китти вынуждена была сама явиться в посольство СССР, где ей удалось встретить одного из работников, которого она знала. Да и Маклейн дважды посещал консульство СССР, правда, безрезультатно. При встрече с резидентом Китти подтвердила, что и она и Маклейн полностью поддерживают политику советского правительства.

Но вскоре Китти пришлось пережить тяжёлый удар. Дональд Маклейн полюбил другую женщину — американку Мелинду Мэрлинг. Китти по его поведению стала догадываться, что у него кто-то есть и, посетив его квартиру, где обнаружила предметы дамского туалета, окончательно убедилась в этом. У неё хватило мужества продолжить оперативную работу с Маклейном, переведя отношения в чисто товарищеские. 10 июня 1940 года

Дональд Маклейн и Мелинда Мэрлинг официально оформили свой брак, а через два дня немецкие войска вступили в Париж. Дональд и Китти расстались навсегда.

К этому времени материалы, переданные Маклейном, в том числе и через Китти Харрис, заняли в архиве сорок пять коробок, каждая из которых содержала триста страниц документации!

После оккупации Парижа Китти не могла оставаться там. С помощью резидента ей удалось пробраться на неоккупированную территорию Франции. Она скрывалась сначала в Бордо, а затем в маленьком городке у своей бывшей служанки. Там резидент разыскал её и под видом жены советского дипломата перевёз в Париж, где поместил в изолированной от посторонних комнате посольства. Несколько дней спустя Китти, также в качестве жены советского дипломата, выехала в Москву. Об этом путешествии через фашистскую Германию впоследствии вспоминал в своей книге «Люди, годы, жизнь» ехавший вместе с нею писатель Илья Эренбург.

В первый же день после начала Великой Отечественной войны Китти Харрис, находившаяся в то время в резерве, потребовала немедленного привлечения её к активной работе: «Я могу идти радисткой на фронт. Я, будучи швеёй, могу шить гимнастёрки солдатам, наконец, имея большой опыт нелегальной работы, не боюсь идти в тыл врага».

В ноябре 1941 года на танкере «Донбасс» (печальное совпадение: ровно год спустя на этом танкере, направляясь на нелегальную работу в Америку, погибнет Арнольд Дейч) Китти отбыла из Владивостока в Сан-Франциско, куда судно прибыло 6 декабря 1941 года, накануне нападения японцев на Пёрл-Харбор.

Местом назначения Китти была Мексика, а путь туда в те времена был один — через США. Это было довольно смелым решением. Дело в том, что американским спецслужбам к тому времени стало известно, что Китти Харрис — агент советской разведки. Первым её предал бывший член руководства компартии США Гитлоу, который, давая показания на заседании американской комиссии под председательством Дайса, созданной для расследования «политической активности, направленной против Америки», в сентябре 1939 года заявил:

«…Китти Харрис, жена Браудера, получила десять тысяч долларов для Пантихоокеанского союзного секретариата и выехала с ними в Китай.

По-моему, Китти Харрис в настоящее время — агент ОГПУ в других странах, а Маргарет Браудер, сестра Браудера, является членом военно-разведывательного отдела СССР.

…Насколько я понял, Браудер во время допроса утверждал,

что никого не знал по имени Китти Харрис…

…Харрис была его женой.

…До меня дошла некоторая информация, что Китти Харрис принудили работать на ОГПУ вне США, и в настоящее время она является агентом ОГПУ в Европе или Азии или в тех местах, куда она была послана».

Второе предательство последовало месяц спустя, в октябре 1939 года. Изменник Вальтер Кривицкий, бывший сотрудник ИНО, в своей книге «Я был агентом Сталина», вышедшей в США, писал (речь идёт о 1937 годе):

«Одной из оперативных работников, рекомендованных мне завкадрами, была американка по имени Китти Харрис, ранее Катрин Харрисон. Её представили мне как бывшую жену Эрла Браудера, лидера компартии США, и, следовательно, исключительно надёжную. В то время мне была необходима женщина-агент для работы в Швейцарии. Особенно хорошо было то, что у неё был американский паспорт. Когда Китти Харрис пришла ко мне, подав свои документы в запечатанном конверте, оказалось, что она тоже жила в гостинице „Савой“. Ей было около сорока лет, темноволосая, с хорошей внешностью, она была связана с нашей разведслужбой на протяжении нескольких лет. Китти Харрис хорошо отзывалась о Браудере и в особенности о его сестре, которая была у нас на службе в Центральной Европе.

Я одобрил назначение мисс Харрис на загранпост, и она уехала 29 апреля».

Всего за время работы Китти Харрис пришлось сменить семнадцать фамилий и псевдонимов. Это было вызвано причинами и объективными — необходимость многократного пересечения границ, и субъективными — факты предательства или необоснованного обвинения оперработников в предательстве, а также ошибкой со стороны самой Китти, раскрывшей в минуту откровенности Маклейну его и свой псевдоним.

На этот раз Китти прибыла в США нелегально и под чужим именем. Конечно, в какой-то степени это прикрывало её, но ведь нельзя было исключить возможность случайной встречи со знакомыми или неосторожного шага со стороны самой Китти, мечтавшей о свидании с сёстрами, с которыми не виделась много лет. И всё же и руководство, и Китти пошли на этот риск. Может быть, учитывалось то обстоятельство, что в этот период основные силы американской контрразведки были брошены на борьбу с японским и немецким шпионажем. Но в любом случае можно только восхищаться смелостью этой женщины, уже дважды преданной, но не побоявшейся идти навстречу опасности.

Так или иначе, сначала резидент в Сан-Франциско Харон, а

затем и главный резидент в США Василий Михайлович Зарубин, старый знакомый Китти, сочли возможным задержать её в этой стране на целый год, используя как связника для выполнения отдельных поручений.

По заданию Харона Китти участвовала в восстановлении связи с двумя выведенными в США агентами, имевшими контакты в окружении интересовавших разведку учёных-атомщиков.

По заданию Зарубина Китти выходила на связь с Голосом, агентом, располагавшим обширными разведывательными возможностями.

К сожалению, не удалось найти документальных данных о других мероприятиях в США в 1942 году, в которых Китти принимала участие.

Зимой 1942–1943 года Китти Харрис прибыла в Мехико, где резидентом в то время был Лев Василевский, тот, который в 1940 году вывозил её из Парижа в Бордо, а затем привёз обратно и отправил в Москву. Их связывала не только совместная работа во Франции, но и тот факт, что во время гражданской войны в Испании её родной брат сражался против фашизма в одной из частей республиканской армии вместе с Василевским, и они знали друг друга.

В Мексике Китти работала не только связником. Через агентов, с которыми она поддерживала контакт, ей удалось организовать получение подлинных документов и легендирование нескольких прибывших в Мексику нелегалов. За годы войны она выполнила и ряд других поручений резидента.

Лев Василевский был одним из руководителей операции по освобождению «Раймонда» — Рамона Меркадера, отбывавшего в мексиканской тюрьме двадцатилетний срок за убийство Льва Троцкого.

Одновременно он поддерживал связи с американской агентурой, имевшей выходы на учёных-атомщиков.

Видимо, большая занятость и заставила Василевского возложить на Китти дополнительные обязанности.

Ей было поручено поддержание связи с видным общественным и политическим деятелем «Штурманом» и получение от него политической информации. Он не являлся агентом внешней разведки, скорее просто симпатизировал нашей стране и готов был оказать ей посильную помощь, особенно в годы войны с фашизмом. Это был высокообразованный и занимавший солидное положение человек. Ни по своему образованию, ни по общественному положению Китти не была ему ровней, и это сразу поставило её в ложное положение. Зачастую он не столько давал информацию, сколько стремился

получить её от Китти — новости о положении в нашей стране, о важнейших решениях партии и правительства, о событиях на фронтах Отечественной войны, резонно мотивируя это тем, что как крупный деятель он должен знать больше, чем об этом сообщается в буржуазной прессе. К тому же он установил хорошие личные отношения с советским послом в Мексике Уманским и делился с ним всем, чем считал нужным. Лишь после трагической гибели Уманского в авиационной катастрофе «Штурман» стал относиться к Китти теплее, и порой от него стала поступать интересная информация.

В Мексике Китти работала до 1946 года. Из-за климата и стрессов состояние её здоровья очень ухудшилось, поэтому Китти отозвали в Москву.

Хотя к этому времени Китти уже девять лет — с декабря 1937 года — являлась гражданкой Советского Союза, документы об этом где-то затерялись, и ей пришлось вторично подавать в Президиум Верховного Совета СССР прошение о советском гражданстве. Вновь советской гражданкой она стала только в июне 1947 года.

Тем временем вышел приказ министра внутренних дел о выселении из Москвы иностранцев, и хотя практически он не выполнялся и в Москве продолжало жить, работать и учиться много иностранных граждан, Китти, формально подпав под действие этого приказа, была отправлена из Москвы в Ригу, где прожила несколько лет. К сожалению, слабое знание русского (только на бытовом уровне) и полное незнание латышского языков не позволили ей закрепиться на преподавательской работе (семинары по разговорному английскому). Возможно, причина была и в том, что она не нашла общего языка с коллегами, соседями и знакомыми. Некоторые «квасные патриоты» считали её «нежелательной иностранкой», другие, особенно из числа националистов, чересчур просоветски настроенной.

Действительно, попав после многих лет бурной, полной опасностей жизни в тихое мещанское окружение, Китти с трудом привыкала к новым людям, в спорах яростно защищала социалистический строй, политику партии. Томимая бездействием, она обращалась к руководству с просьбой вновь направить её на активную работу или же разрешить вернуться к семье, по которой она очень тосковала.

Видимо, её активность пришлась не по душе местному руководству, и в конце 1951 года она была арестована. К сожалению, руководство разведки, которое к этому времени несколько раз сменилось, не выступило в её защиту. Никаких традиционных обвинений ни в шпионаже, ни в измене родине ей

предъявить не смогли, и она около двух лет содержалась сначала в тюрьме, а затем в тюремной больнице как «социально опасный элемент» по статье 7–35 УК РСФСР.

В 1953 году эта статья была отменена. Но освободили её не сразу — лишь после прямого указания на её счёт Г. М. Маленкова и Н. С. Хрущёва, к которым обратился министр внутренних дел Круглов.

С 1954 года Китти Харрис жила в Горьком, где ей были предоставлены интересная работа, хорошие пенсия и квартира, ежегодные путёвки в санатории и дома отдыха.

Полный приключений, богатый впечатлениями жизненный путь Китти Харрис завершился в 1966 году. Ей довелось работать со многими выдающимися представителями советской разведки, сделать свой скромный вклад в её успехи, и до последнего часа она пронесла любовь и преданность стране, которой отдала сердце ещё в двадцатилетнем возрасте.

Во время торжественных похорон Китти Харрис у её гроба стоял почётный караул, а на венке было написано: «Славному патриоту Родины от товарищей по работе».

АЛЕКСАНДР КОРОТКОВ (1909–1961)

22 июня 1941 года. Ночью германские войска вторглись на территорию Советского Союза. Советское посольство в Берлине окружено плотным кольцом эсэсовцев под командой старшего лейтенанта Хайнемана. Вход и выход закрыты. Из посольства разрешается выезжать только одному его сотруднику Бережкову для связи с германским МИДом, где надо решать вопросы выезда дипломатов на родину, а пока они здесь, обеспечение посольства водой, электричеством, продуктами питания. Ведь, несмотря на войну, дипломаты и здание посольства неприкосновенны. Такое же положение и в Москве с посольством Германии.

А у разведчиков совсем другие заботы. Александру Короткову, работающему «под крышей» посольства, требуется связаться со своей агентурой, остающейся в Германии: договориться с ними о способах связи, передать радиостанцию и батареи к ней, новые шифры, деньги на оперативные расходы. Но как связаться с ними? Друзья долго обсуждают этот вопрос. Потом Бережков идёт к Хайнеману и говорит:

— У моего друга Александра есть любимая девушка в Берлине. Он хочет проститься с ней и передать кое-какие сувениры. Нельзя ли сделать так, чтобы когда я поеду в МИД, он поехал бы с нами?

Хайнеман морщится, говорит об опасности и даже невозможности этого дела. Но когда Бережков намекает на то, что в связи с предстоящим отъездом посольства у него остаются лишние деньги, которые всё равно девать некуда, и он может отдать их Хайнеману, тот вздыхает и кивает головой.

— Что делать? Раз человек хочет проститься с любимой девушкой, ему надо помочь. Все мы были молодыми…

На следующее утро из посольства выехала машина. Бережков за рулём, рядом Хайнеман, на заднем сиденье молодой «влюблённый». Солдаты услужливо открыли ворота и отдали Хайнеману честь. На одной из оживлённых улиц Коротков попросил остановиться, вышел из машины и нырнул в большое здание магазина. Дальше он шёл путём, известным только ему одному.

Его «девушкой» была Элизабет Шумахер, жена одного из членов советской разведывательной сети, которая впоследствии получила название «Красная капелла» или «Красный оркестр». Его придумали немецкие контрразведчики. По ночам их радиоприёмники ловили летящие в эфир звуки морзянки. Радистов на разведывательном жаргоне называли «пианистами»

или «музыкантами». Их, этих неизвестных советских «музыкантов», было много, из них можно было составить целый оркестр. Так появилось название «Красный оркестр», переделанное позже в «Красную капеллу». (Точнее, так была названа операция и подразделение контрразведки, которое её проводило.)

Александр Коротков родился в Москве в 1909 году, в семье банковского служащего. Отца никогда не видел — жена ушла от него ещё до рождения Саши. Закончил среднюю школу-девятилетку и работал электромонтёром, отдавая всё свободное время теннису. В девятнадцатилетнем возрасте один из партнёров, бывший секретарь Ф. Э. Дзержинского Герсон пригласил его на работу в ОГПУ в качестве… лифтового. Красивый, высокий (рост 185 сантиметров), старательный парень был, как говорится, «замечен» и уже через год, в 1929 году, принят на службу в качестве делопроизводителя Иностранного отдела ОГПУ. Им в то время руководил Михаил Трилиссер, которого сменил Артур Артузов. По долгу службы Саша знакомился со многими секретными документами, однако ещё не был аттестован в качестве хотя бы младшего оперуполномоченного. Кандидатом партии стал лишь в 1932 году (членом — семь лет спустя), тогда же — оперативным уполномоченным. От общественных нагрузок не уклонялся. Будучи пионервожатым в лагере, он познакомился с хорошенькой и умной вожатой Марусей Вилковыской, и она станет его женой.

Одним из первых заданий, с которым успешно справился Александр Коротков, было выяснение сущности «Гефы» — представительства германского генерального штаба в Москве. Он установил, что если раньше, до Гитлера, оно действительно занималось вопросами сотрудничества штабов, то с 30 января 1933 года стало по-настоящему шпионской резидентурой. Его выводы, подкреплённые и другими данными, дошли до самых верхов, и «Гефа» была прикрыта.

Затем Короткова стали готовить к работе за рубежом. Он изучал немецкий и французский языки, манеры, географию и экономику зарубежных стран, специальные дисциплины, в том числе и наружное наблюдение, в процессе занятий по которому за свой высокий рост получил первую оперативную кличку «Длинный».

В 1933 году его направили в нелегальную резидентуру Александра Орлова («Шведа»), будущего руководителя «кембриджской пятёрки», резидента в республиканской Испании, а затем беженца, не выдавшего ни одного из известных ему источников и тихо скончавшегося в Америке в 1973 году. А в 1933

году «Швед» организовал в Швейцарии группу нелегалов, задачей которых стало проникновение, ни много ни мало, в генеральный штаб Франции.

Коротков со своей женой Марией Вилковыской, его помощницей и «тренером» по немецкому и французскому языкам, из Швейцарии перебрался во Францию, где поступил вольнослушателем на антропологический факультет Сорбонны. В этот период у него на связи было два агента, кроме того, перед ним стояла задача найти ещё кого-нибудь, через кого можно будет проникнуть в генштаб. Он и нашёл одного, но… дело закончилось ничем. Его «кандидат», как сообщил информатор, работавший во французской контрразведке, оказался подставой. Ну что же, отрицательный результат — тоже результат. Пришлось срочно возвращаться на родину.

Интересная деталь. В телеграмме о выезде «Длинного» и «Жанны» (псевдоним Марии) есть приписка: «Их личный багаж (чемодан с книгами) направляется с почтой». Заметьте, не с модным барахлом, не с французским коньяком, а с книгами!

Дома супруги Коротковы пробыли недолго и в апреле 1936 года выехали в Германию, где Александр работал под именем Владимира Петровича Коротких в представительстве Наркомата тяжёлой промышленности СССР. Во время этой командировки Коротков поддерживал связь с несколькими агентами, в том числе с Гансом Генрихом Куммеровым, талантливым учёным, доктором наук, изобретателем.

Куммеров передал компоненты нового противогаза, данные об отравляющих веществах и средствах защиты от них, о радаре, акустической торпеде, специальной радиостанции для танков, о технике для производства синтетического бензина и синтетического каучука.

Работала с агентурой и Мария.

В конце 1937 года они получили приказ вернуться в Москву. И хотя не чувствовали за собой никакой вины, ехали с опаской. В Союзе был разгар ежовщины, хватали и расстреливали виновных и невиновных. При Ягоде, Ежове и их преемниках были репрессированы свыше двадцати тысяч чекистов. Но Коротковых эта участь миновала. Напротив, Александр получил новое важное и совершенно секретное задание. Речь шла о ликвидации за границей бывшего чекиста, изменника Агабекова, и переметнувшегося к Троцкому немецкого политэмигранта Рудольфа Клемента.

Сейчас можно много спорить о правомерности и морально-этической стороне этих акций. Но ведь это же был 1938 год! А, впрочем, поговорите и сейчас с любым разведчиком, как следует

поступать с предателем, по вине которого были казнены или оказались в тюрьме десятки людей, провалены операции, нанесён огромный материальный ущерб, поставлена под угрозу оборона страны…

Итак, Коротков приступил к выполнению заданий, исходивших от самого Сталина. О том, как они были выполнены, рассказал бывший начальник Короткова генерал Судоплатов: «Армянин… заманил Агабекова на явочную квартиру… Там его уже ждали боевик, бывший офицер турецкой армии, и молодой нелегал Коротков… Турок убил Агабекова ножом, после чего тело его запихнули в чемодан, который выкинули в реку. Труп так никогда и не был обнаружен».

Примерно так же поступили с Клементом, правда, неизвестно, присутствовал ли при его ликвидации Коротков.

В декабре 1938 года, вернувшись в Москву, Александр доложил о выполнении задания. Но его ждала неприятная новость — он был уволен из органов госбезопасности. Причина: на работу в ОГПУ он был принят по рекомендации «врага народа» В. Л. Герсона, к этому времени арестованного. Коротков обжаловал своё увольнение в письме на имя самого наркома. Этот поступок был очень необычным для того времени, когда все «запятнанные» мечтали, чтобы о них скорее забыли. Письмо пролежало у Берии около года.

Неожиданно для Короткова, в конце 1939 года его вызвали на работу, вручили дипломатический паспорт и на два месяца направили в командировку в Данию и Норвегию в качестве «дипкурьера» Центрального аппарата НКВД. С заданием, суть которого в архивных документах не отражена, Коротков справился успешно и по возвращении был повышен в должности: стал заместителем начальника отделения и переведён из кандидатов в члены ВКП(б).

К этому времени в разведке сложилось тяжёлое положение: лучшие разведчики были репрессированы, без связи осталась зарубежная агентура. Летом 1940 года было решено восстановить старую агентурную сеть в Германии и по возможности расширить её. Так совпало, что в конце июня 1940 года оставшийся без связи агент «Брайтенбах» (см. очерк о нём) в записке, кинутой в почтовый ящик посольства, обратился с просьбой о восстановлении связи. Между прочим, какое-то время назад связь с ним через конспиративную квартиру поддерживала жена Короткова. Но ни она, ни сам Коротков лично «Брайтенбаха» не знали, как не знали ни его псевдонима, ни подлинного имени.

В июле 1940 года Коротков (под псевдонимом «Степанов») получил задание выехать в Берлин всего на один месяц и

восстановить связь примерно с десятью законсервированными агентами. Задание, учитывая такой короткий срок и напряжённую обстановку в Германии, было нелёгким.

Коротков без особых осложнений встретился с «Брайтенбахом» (сотрудником гестапо Леманом). Они сразу достигли взаимопонимания и провели четыре встречи. На второй «Брайтенбах» передал копию доклада Гейдриха руководству рейха «О советской подрывной деятельности против Германии» и подробно описал реорганизацию немецких спецслужб, что позволило нашей разведке скорректировать свои действия. Но дальнейшая работа Короткова с ним не планировалась, и он вывел его на связь с молодым сотрудником резидентуры Журавлёвым.

После этого Коротков (носивший для немцев имя Александр Эрдберг) приступил к восстановлению других связей. Среди них были вошедшие в историю участники берлинской «Красной капеллы» Арвид Харнак («Балтиец», он же «Корсиканец»), Харро Шульце-Бойзен («Старшина», о нём см. очерк), Адам Кукхов («Старик») и другие.

Арвид Харнак, экономист, ответственный сотрудник министерства экономики, сначала не поверил Короткову. Тот, в нарушение принятых в разведке правил, вынужден был, положив его на дно своей машины, привезти в посольство, и только там, в непрослушиваемой комнате, они наши общий язык. «Корсиканец» доложил, что у него есть шестнадцать информаторов, людей разного общественного положения, профессий и даже политических взглядов, объединяемых ненавистью в фашизму. Среди них философ и драматург Адам Кукхов, скульптор Курт Шумахер, служащий министерства авиации, старший лейтенант Харро Шульце-Бойзен, друг и единомышленник Харнака, также имеющий ряд информаторов, и другие. Но с ними Коротков установил связь позже, пока же она поддерживалась через «Корсиканца».

Затем Коротков восстановил связь с Гансом Генрихом Куммеровым («Фильтр») и Эрхардом Томфором.

После этого для доклада начальству о проделанной работе он был вызван в Москву, где он провёл два месяца. А потом его направили в Берлин уже в длительную командировку, которая, однако, продлилась всего полгода.

Основной задачей, которую устно поставили перед Коротковым руководители разведки, было выявление планов гитлеровского руководства о сроке нападения на СССР. В письменном задании этого пункта не было — ведь Сталин был убеждён, что Гитлер нападать в ближайшие два-три года не

собирается.

18 апреля 1941 года во все европейские резидентуры поступила директива активизировать работу с агентами на случай возможной войны. Однако и она была подписана не наркомом Меркуловым, а лишь заместителем начальника разведки Судоплатовым. А тем временем от «Старшины», «Корсиканца» и других источников поступила информация о подготовке и даже сроках немецкого наступления. Однако судя по реакции Москвы, в Центре недостаточно объективно оценили опасность складывавшейся ситуации.

Официальным резидентом внешней разведки был Амаяк Кобулов, приближённый Берии. Но фактически все «нервные узлы» находились в руках Короткова. К нему поступала вся информация, получаемая другими разведчиками, и он готовил письма и шифровки в Москву. Но оттуда не было никакой адекватной реакции!

В такой ситуации Коротков решился на беспрецедентный шаг. 20 марта 1941 года он лично написал письмо Берии. Оно хранится в личном деле Короткова. Видимо, от волнения он перепутал дату, поскольку письмо датировано 20 марта 1940 года.

В нём Коротков чётко излагает сообщения агентуры, главным образом, «Корсиканца», «Старшины», «Брайтенбаха», и поступившие из других источников, об угрозе немецкого нападения в мае 1941 года. Ответа не последовало, письмо было подшито к делу. Единственная реакция — «добро» на запрашиваемый Коротковым для «Корсиканца» продуктовый подарок.

Короткову приходилось поддерживать регулярную связь с тремя основными агентами — «Корсиканцем», «Старшиной» и «Стариком». Это было очень опасно для всех них. Но выхода не было: он являлся самым опытным и квалифицированным сотрудником резидентуры.

Только в апреле Центр забил тревогу по поводу создания надёжной связи с агентурой в военное время, независимых радиоточек, подбора радистов и т. д. Времени оставалось в обрез. Были высланы деньги и рации с радиусом действия до Бреста — Белостока (а этот район будет захвачен немцами в первые же дни войны). Между тем не все, даже в разведке, верили, что скоро начнётся война. Об этом свидетельствует, например, такой факт: в деле «Переписка с берлинской резидентурой», хранящемся в архиве СВР, последний подшитый документ гласит: «Разрешаем сотруднику резидентуры т. такому-то нанять няню для ребёнка из местных жителей с такой-то оплатой».

После начала войны и описанных выше событий вместе с другими сотрудниками посольства Коротков вернулся в Москву. Она встретила его плохим известием: связь с группой Шульце-Бойзена прервалась, так как немцы заняли все города, где были принимающие радиостанции. Надо было восстанавливать связь, а также готовить новых агентов для засылки в Германию.

Попытки переправить связных в Берлин по тем или иным причинам закончились безрезультатно. Пришлось обратиться за помощью к военным. Нелегал ГРУ Гуревич («Кент») сумел из Бельгии добраться до Берлина и восстановить связь. Но произошла трагедия: шифровка, в которой для Гуревича сообщались адреса, фамилии наших агентов и пароли, была перехвачена немцами и расшифрована. Так начался крах берлинской «Красной капеллы». Шульце-Бойзен, Харнак, Шумахер и другие её участники — несколько десятков мужчин и женщин, были схвачены гестапо и повешены или гильотинированы. До своей гибели они всё же успели передать через «Кента» ценную информацию о планах немцев под Москвой осенью 1941 года и наступательных планах лета 1942 года.

Короткову и его людям удалось подготовить и заслать в немецкий тыл несколько разведывательно-диверсионных групп, состоявших из пленных и перебежчиков. Одна из них под руководством унтер-офицера Хайнца Мюллера провела в Берлине несколько дерзких операций и 25 апреля 1945 года встретилась с советскими войсками.

До конца войны Коротков вылетал в Афганистан, Югославию, Румынию для проведения разведывательных операций.

В самом конце войны Короткову было поручено сопровождать и обеспечивать безопасность германской делегации, прибывшей 8 мая 1945 года в Берлин для подписания акта о безоговорочной капитуляции. Его можно увидеть на фотографиях, запечатлевших это событие: стоящий за спиной Кейтеля, склонившегося над актом, моложавый, стройный советский офицер — Александр Коротков, покинувший Берлин в июне 1941 года и с триумфом вернувшийся в мае 1945-го.

Начались послевоенные будни. Коротков налаживал разведывательную работу в Германии, создавал заново агентурную сеть, устанавливал связи с союзниками. Он провёл много операций, в частности, по обмену пленного германского адмирала Редера на власовских генералов Малышкина и Жиленкова, которых позже судили вместе с Власовым, а затем повесили; по обнаружению и вывозу в СССР предприятий и специалистов ракетостроения; по выявлению скрывавшихся нацистских преступников…

В 1946 году Коротков вернулся в Москву, он был назначен заместителем начальника внешней разведки и одновременно руководителем нелегальной разведки, и оставался на этом посту до 1957 года. За это время Коротков подготовил десятки разведчиков-нелегалов. Он был «крёстным» супругов Михаила и Галины Фёдоровых, Де лас Эрас Африка (см. очерк о ней), Михаила и Анны Филоненко, Конона Молодого, Мориса и Леонтины Коэн (см. очерк), Вилли Фишера — Рудольфа Абеля (см. очерк) и многих других.

В марте 1957 года Александра Короткова назначили представителем КГБ СССР при МГБ ГДР. Это не было понижением — противостояние ФРГ и ГДР стало в это время одним из основных факторов «холодной войны».

В обязанности Короткова входила не только организация агентурной сети на территории ФРГ (главными объектами были ведомство генерального канцлера, МИД, министерство обороны, спецслужбы, политические партии), но и налаживание взаимодействия со спецслужбами ГДР — тактичное и деликатное дело, где нужно было проявить себя настоящим дипломатом. К чести Короткова надо сказать, что он стал не только сотоварищем руководителей ГДРовских спецслужб, но и другом. Он умел найти подход и к министру Мильке, и к руководителю разведки Вольфу, неприязненно относившимся друг к другу.

Коротков лично работал с советским разведчиком Хайнцем Фельфе (см. очерк о нём) и другими, выполнявшими задания на территории ФРГ.

В последние годы работы у Короткова сложились очень напряжённые отношения с председателем КГБ Александром Шелепиным. Постоянные придирки, нагоняи, вызовы «на ковёр» довели Короткова до стресса…

27 июня 1961 года во время очередного вызова в Москву Коротков после доклада руководству отправился на стадион «Динамо» — договорился с начальником ГРУ, старым другом Иваном Серовым сыграть партию в теннис. Во время игры он умер.

На его похороны в полном составе прибыло руководство МВД ГДР. Шелепин на похороны не приехал.

ВИЛЬГЕЛЬМ ЛЕМАН («БРАЙТЕНБАХ») (1884–1942)

Зрители телесериала «Семнадцать мгновений весны» часто спрашивают: «Существовал ли в действительности Штирлиц или другой советский разведчик-нелегал, ставший его прообразом?» Ну что же, на прямой вопрос — прямой ответ: «Нет. Ни одного нелегала, профессионального офицера советской разведки ни в окружении Мюллера или Шелленберга, ни вообще в центральном аппарате гитлеровских спецслужб, к сожалению, не было».

Однако в реальной жизни существовал человек, работавший в этом аппарате и знавший его тайны. Он не был профессиональным советским разведчиком, но являлся надёжным агентом нашей разведки. Его имя — Вильгельм Леман, а псевдоним — «Брайтенбах». О нём и пойдёт речь.

В 1884 году в небольшом городке в окрестностях Лейпцига в семье учителя Лемана родился сын, которого в честь кайзера назвали Вильгельмом. Однако всю жизнь его звали Вилли, и как Вилли Леман он фигурирует в документах советской разведки. В семнадцатилетнем возрасте юноша поступил добровольцем в военно-морской флот и прослужил на нём около десяти лет. Он участвовал во многих дальних походах, был свидетелем Цусимского боя, уволился с должности фельдфебеля-артиллериста и устроился на службу в берлинскую полицию. Там отметили его добросовестность и способности и перевели в контрразведывательный отдел полицей-президиума Берлина. В годы Первой мировой войны и после Вилли Леман проявил себя как умный и толковый контрразведчик, получил повышение, вёл особо важные расследования, был практически в курсе всей работы отдела.

Он характеризовался как человек, не страдающий тщеславием, трезво относящийся к деньгам, не имеющий каких-либо пагубных пристрастий и «порочных связей». В 1928 году, когда один из его друзей оказался в тяжёлом положении, Вилли посоветовал ему предложить свои услуги советскому полпредству. Тот так и сделал. Он стал агентом советской разведки А-70 (впоследствии от серьёзной работы был отстранён, так как чересчур «свободно» обращался с получаемыми деньгами и мог вызвать подозрение).

В 1929 году, когда самому Вилли понадобились деньги, он поступил так же. После вербовки он получил кодовое имя А-201 или «Брайтенбах». Чтобы не возвращаться больше к этому

вопросу, заметим, что хотя денежная сторона в мотивах сотрудничества Лемана была весьма существенной, на его решение, как это часто бывает с агентами, повлияло и резко отрицательное отношение к нацистам. Он считал преступной войну против Советского Союза.

Ввиду его служебного положения Центр и берлинская резидентура сразу же позаботились о глубокой конспирации Лемана. Было решено получать от него только ту информацию, которую он может добывать по своей должности, не заставляя его выуживать чужие секреты. Хотя документальной информации в агентурной работе всегда отдаётся предпочтение, в случае с «Брайтенбахом» советские спецслужбы не настаивали на том, чтобы он передавал документы, и удовлетворялись устными сообщениями. И так как «легальные» разведчики как официальные сотрудники советских учреждений могли находиться под наблюдением, связь с ним в основном поддерживали через нелегалов. Для него был изготовлен паспорт, по которому он мог срочно покинуть страну, и отработаны сигналы опасности.

В 1930 году разведывательные возможности «Брайтенбаха» расширились — ему поручили «разработку» советского посольства, следовательно, он оказался в курсе всех акций, намечаемых и проводимых против посольства и его сотрудников, и знал всю агентуру, используемую в них. В конце 1932 года ему также были переданы дела по польскому шпионажу, и не случайно польский резидент Юрек Сосновский (см. очерк о нём) удивлялся осведомлённости о нём советской разведки, когда его допрашивали на Лубянке в 1939–1940 годах.

После прихода Гитлера к власти в 1933 году, в отделе «Брайтенбаха» было создано отделение по борьбе с «коммунистическим шпионажем». 26 апреля 1933 года отдел Лемана влился во вновь созданную государственную тайную полицию (гестапо). Так он стал гестаповцем, а 20 апреля 1934 года, в день рождения Гитлера, Леман был принят в СС и повышен в чине.

В 1934 году агент «Брайтенбах» был передан на связь разведчику-нелегалу Василию Зарубину (см. очерк о нём). Центру требовался всё больший объём информации, выходящей за пределы должностных возможностей агента. И всё же он сумел получить её, например: для нашей дешифровальной службы добыл подлинные тексты телеграмм гестапо; сообщил технологические подробности о ракетах, которыми занимался арестованный конструктор Занберг; выяснил, не были ли перевербованы арестованные гестапо два источника резидентуры.

В ноябре 1935 года Леман в числе других высокопоставленных контрразведчиков посетил совершенно секретные заводы и полигоны, где производилось и испытывалось новейшее оружие вермахта — ведь контрразведчики должны «знать, что им нужно охранять». Подробное описание увиденного и ряд тактико-технических данных, полученных от специалистов, «Брайтенбах» передал тогда нашей разведке.

Ещё более важное значение имело донесение «Брайтенбаха» об изобретении молодым инженером Вернером фон Брауном невиданного до той поры оружия — ракет на жидком топливе, дальность полёта которых должна была составлять сотни километров. По этому поводу был составлен специальный доклад на имя Сталина, Ворошилова, Тухачевского. Руководство ГРУ дало высокую оценку этому документу и составило вопросник для уточнения данных.

В 1936 году «Брайтенбах» сообщил дислокацию пяти секретных полигонов по испытанию нового оружия; сведения о системе мощных укреплений вдоль германо-польской границы; о создании нового бронетранспортёра фирмой «Хейнкель» и истребителе; о самолётной броне; об огнемётном танке; зажигательной жидкости; строительстве на восемнадцати верфях подводного флота.

В конце того же года в Германии были предприняты особые меры для охраны государственной тайны в области разработки и производства новых видов оружия, однако Леман продолжал передавать информацию о достижениях Германии в военной области. От него, в частности, впервые стало известно о ведущихся под личным контролем Геринга опытах по изготовлению бензина из бурого угля; о строительстве секретного завода по производству отравляющих веществ.

Брайтенбах также смог заполучить и передать советской разведке особой важности доклад 1937 года «Об организации национальной обороны Германии».

О том, как ценили Лемана в гестапо, свидетельствует тот факт, что по случаю Рождества 1936 года он получил портрет фюрера с его подписью и грамоту, кроме него этой чести удостоились ещё трое сотрудников.

Был в его жизни случай, чуть не приведший к провалу. Приятель сообщил ему, что за ним велось наружное наблюдение по подозрению в связях с советским торгпредством. К счастью, оно не зафиксировало контакта Лемана с нашим разведчиком. А вскоре выяснилось, что наблюдение за ним велось по ошибке — оно должно было вестись за другим Леманом, его однофамильцем, на которого из ревности донесла его бывшая

любовница.

В марте 1937 года Зарубин выехал из страны, связь с «Брайтенбахом» поддерживала жена нелегала Короткова (см. очерк о нём) — Мария Вилковыская через хозяйку конспиративной квартиры Клеманс. Но в конце 1938 года и эта связь прервалась, так как руководивший ею единственный сотрудник-нелегал А. И. Агаянц скончался во время хирургической операции.

В 1939 году в Центре была составлена справка о работе «Брайтенбаха», в которой говорилось, что он «передал нам чрезвычайно обильное количество подлинных документов и личных сообщений, освещавших структуру, кадры и деятельность… гестапо, а также военной разведки Германии. „Брайтенбах“ предупреждал о готовящихся арестах и провокациях в отношении нелегальных и „легальных“ работников резидентуры в Берлине… Сообщал сведения о лицах, „разрабатываемых“ гестапо, наводил также справки по следственным делам, которые нас интересовали… в разведке никогда не возникало каких-либо сомнений в честности агента».

Итак, «Брайтенбах» остался без связи.

В конце июня 1940 года неизвестный бросил в почтовый ящик посольства СССР письмо, адресованное военному атташе. Автор предлагал восстановить с ним прерванный в 1939 году контакт, указывал пароль для вызова по телефону, время и место встречи. Он писал: «Если это не будет сделано, моя работа в гестапо потеряет всякий смысл», — писал он.

Конечно, это письмо не могло не вызвать подозрения: не переродился ли «Брайтенбах», не выступает ли он в качестве подставы. Но победила уверенность в его честности. В Берлин был направлен сотрудник Центра Коротков, который, восстановив связь с «Брайтенбахом», передал агента в ведение молодого разведчика Бориса Журавлёва.

«Брайтенбах» несколько раз предупреждал о растущей угрозе нападения Германии на СССР. В марте 1941 года он сообщил о том, что в абвере в срочном порядке укрепляют подразделение для работы против России; проводятся мобилизационные мероприятия в государственном аппарате; в конце мая — о том, что составлен график круглосуточного дежурства сотрудников. На последней встрече с Журавлёвым, 19 июня 1941 года, он сообщил, что в гестапо только что поступил приказ для немецких войск — начать боевые действия против Советского Союза 22 июня после 3 часов утра.

В тот же вечер телеграмма ушла в Москву.

Это была последняя встреча с «Брайтенбахом». Уже после

войны его жена Маргарита рассказала нашим сотрудникам, что в декабре 1942 года её муж был срочно вызван на работу и не вернулся. Один из его сослуживцев сообщил ей впоследствии, что Вилли был расстрелян в гестапо.

В деле «Брайтенбаха», хранящемся в архиве Службы внешней разведки, имеется справка о том, что он был выдан заброшенным в немецкий тыл агентом «Беком», попавшим в руки гестапо. В справке говорится, что «Бек» «по заданию гестапо с 14.10.42 по 12.04.44 поддерживал связь с Москвой по радио, передавая сообщения под диктовку сотрудников гестапо, в результате чего в декабре 1942 года был арестован и расстрелян агент органов НКГБ 201-й, т. е. „Брайтенбах“».

Никаких данных о следствии и суде по делу Вилли Лемана ни в делах гестапо, ни в других трофейных немецких архивах не сохранилось. Его дело не обнародовалось и, скорее всего, даже не докладывалось фюреру. Это был декабрь 1942 года, и разъярённый поражением под Сталинградом Гитлер мог выместить злость на руководителях гестапо: ведь враг в лице Лемана свил гнездо в самом сердце Третьего рейха. По-видимому, понимая это, они без суда расстреляли или замучили его в своих подвалах. А возможно, «папаша» Мюллер просто застрелил его в своём кабинете.

ХАРРО ШУЛЬЦЕ-БОЙЗЕН (1909–1942)

Противники нацизма и Гитлера избирали разные способы борьбы. Генералы устраивали заговоры, интеллигенты расклеивали антивоенные листовки. Харро Шульце-Бойзен и его друзья вполне сознательно избрали другой путь: оказание помощи той стране, которая могла сокрушить Гитлера и его режим. Они понимали, на что идут, и их подвиг был совершенно бескорыстным — даже гитлеровский суд не мог обвинить их в том, что они «продались врагу».

Харро родился 2 сентября 1909 года в семье кадрового морского офицера Эриха Эдгара Шульце. Вторую часть фамилии он получил от матери Марии Луизы Бойзен. Его крёстным отцом и двоюродным дедом был знаменитый адмирал Тирпиц, основоположник германской военно-морской доктрины и личный друг Вильгельма II.

Харро изучал право и политические науки в университетах Фройсбурга и Берлина. Он получил блестящее образование, владел французским, английским, шведским, норвежским, датским, голландским языками, в конце 1930-х годов начал изучать русский. В 1932 году, за год до прихода Гитлера к власти, он вместе со своим другом Генри Эрландером стал издавать антинацистский журнал «Дер гегнер» («Противник»). За это в 1934 году они были арестованы. В концлагере их прогнали сквозь строй и нанесли сто ударов палками. Харро выжил, Эрландер был забит до смерти.

Харро пришлось сделать вид, что он «исправился», и начал вести светскую жизнь. На парусной регате он познакомился с Либертас, дочерью профессора искусствоведения и графини. Их замок был рядом с имением Германа Геринга, и графиня часто услаждала его слух своим пением. Вопреки существующему мнению, Геринг не был посажённым отцом невесты на свадьбе Харро и Либертас, состоявшейся 26 июля 1936 года, но прислал поздравление.

Пользуясь покровительством Геринга, Харро закончил школу лётчиков-наблюдателей, а затем поступил в министерство авиации, что вряд ли было возможно при других обстоятельствах: проверка на благонадёжность выявила бы его «левое» прошлое.

Получив звание старшего лейтенанта резерва, Харро был зачислен в группу «по изучению заграничной авиационной периодики», фактически в разведку люфтваффе — военно-воздушных сил Третьего рейха.

Несмотря на высокое покровительство, хорошее назначение и

возможность вести светскую жизнь, Харро не отказался от своих антифашистских взглядов. Первой его акцией, враждебной режиму, стало предупреждение советского посольства о предстоящей массированной бомбардировке Барселоны в 1937 году. По его просьбе участница антифашистского кружка, который он начал создавать, Гизелла фон Поллниц, дочь крупного дипломата, опустила в ящик посольства написанное на французском языке письмо-предупреждение.

В антифашистский кружок Шульце-Бойзенов входили скульптор Курт Шумахер, его жена, супруги Кукх, балерина Ода Шоттмюллер и другие представители интеллигенции. Всех их объединяло одно — ненависть к нацистскому режиму.

Ближайшим другом и соратником Харро Шульце-Бойзена стал доктор Арвид Харнак.

Это был незаурядный человек. Родился он в 1901 году, в Тюрингии. Его отец был профессором Высшей технической школы, дядя — известным богословом. В тридцать лет Арвид имел уже две докторских степени: по философии и юриспруденции. Получив стипендию фонда Рокфеллера, обучался в университете штата Висконсин, где познакомился с Милдред Фиш. Вскоре она стала его женой и товарищем по совместной борьбе. И Арвид, и Милдред разделяли социалистические взгляды, были искренними друзьями СССР, состояли нелегальными членами компартии Германии.

В 1932 году Харнак побывал в СССР, а в 1935 году Артузов дал задание привлечь его к агентурной работе.

Таким образом, с 1935 года Харнак был не только нашим агентом, но и руководителем большой группы информаторов, насчитывавшей более шестидесяти человек. По рекомендации нашей разведки Харнак разорвал все связи с коммунистической партией, вступил в нацистскую партию и национал-социалистический союз юристов, и даже стал руководителем его секции в министерстве экономики.

Группы Харро Шульце-Бойзена и Арвида Харнака создали широко разветвлённую агентурную сеть, получившую в истории название «Красная капелла» (мы называем её «берлинской» в отличие от «бельгийской»).

Информация этой сети представляла большой интерес уже в предвоенные годы, но накануне войны она имела особо важное значение. Трудно отделить в сводках нашей разведки информацию Шульце-Бойзена («Старшины») и Харнака («Балтиец», затем «Корсиканец»).

Вот всего несколько выписок из их сообщений:

«9.06.41. „Старшина“. На следующей неделе напряжение в

русском вопросе достигнет наивысшей точки, и вопрос о войне будет окончательно решён… Все подготовительные мероприятия должны быть закончены к середине июня…»

«11.06.41. „Старшина“. В руководящих кругах германского министерства авиации утверждают, что вопрос о нападении на СССР окончательно решён… 15 июня Геринг должен выехать на новую штаб-квартиру».

«16.06.41. „Старшина“. Все военные мероприятия по подготовке вооружённого выступления против СССР полностью закончены, и удар можно ждать в любое время…»

«Корсиканец»: «В министерстве хозяйства… выступал Розенберг (один из главарей Третьего рейха. — *Авт.*), который заявил, что понятие „Советский Союз должно быть стёрто с географической карты“».

Сведённые в единые таблицы, их донесения были подобны набату, который предупреждал о неизбежности скорой войны. К сожалению, набат не был услышан, или услышан, но проигнорирован (см. очерк об А. М. Короткове).

Бывший начальник внешней разведки П. М. Фитин в своих записках вспоминал о том, как 17 июня 1941 года он вместе с наркомом доложил Сталину о поступившей от «Старшины» информации. «Сталин, не поднимая головы, сказал: „Прочитал ваше донесение… Выходит, Германия собирается напасть на Советский Союз?.. Что за человек, сообщивший эти сведения?“ Мы были готовы к ответу на этот вопрос, и я дал подробную характеристику источнику: „…близок нам идеологически, работает в министерстве воздушного флота и очень осведомлён… У нас нет основания сомневаться в правдоподобности его информации“. Сталин, подойдя к своему рабочему столу и повернувшись к нам, произнёс: „Дезинформация! Можете быть свободны“».

О деятельности берлинской «Красной капеллы» до войны, поступившей от неё информации и реагировании на неё Сталина рассказано и написано довольно много. И почти ничего не рассказывается о том, что успели сделать Шульце-Бойзен, Харнак и их друзья после начала войны и до своей гибели. Даже солидная германская энциклопедия «Брокгауз и Ефрон» статью «Красная капелла» завершает словами: «Её роль в ходе и результатах войны не определена».

Но это не так. Шульце-Бойзен сообщил в Москву о планах немецкого командования на осень и зиму 1941 года, в частности, о том, что наступать на Ленинград оно не собирается, стремясь задушить город в кольце плотной блокады. Через него же стали известны планы немецкого командования на 1942 год, которые

предусматривали наступление в направлении нефтеносных районов Кавказа. Харро сообщил местонахождение ставок Гитлера, а также проинформировал, что в Петсамо (Финляндия) немцы захватили советский дипломатический код и что за первые месяцы войны немецкие ВВС понесли значительные потери.

Все эти сведения были переданы в Москву не непосредственно из Берлина, а через радистов бельгийской «Красной капеллы» (см. очерк о Л. Треппере).

Так как радиосвязь с Берлином была потеряна, туда направили двух агентов-радистов из числа немецких военнопленных, но оба они попали в руки гестаповцев. Альберт Хесслер отказался работать с ними, Роберт Дарт дал согласие.

Кольцо вокруг «Красной капеллы» сжималось, и гестапо сумело выйти на Шульце-Бойзена. Его молодой друг, радиопеленгаторщик, сообщил ему об этом. Шульце-Бойзен хотел предупредить всех своих товарищей, но не успел этого сделать. 31 августа 1942 года он был арестован в своём кабинете, на его место сел гестаповец, который стал фиксировать все телефонные звонки. Вскоре у гестапо в руках был список связей Шульце-Бойзена.

Начались массовые аресты. К концу сентября только в Берлине было арестовано около семидесяти, в конце ноября больше сотни человек.

Гитлер, выслушав доклад Гиммлера о «Красной капелле», пришёл в ярость: «Если бы не русские шпионы, мы бы давно разбили их армию… Эти заговорщики дорого заплатят за то, что нанесли удар в спину вермахта!»

Допросы арестованных проводились в особом режиме, с применением пыток и избиений.

Харро Шульце-Бойзен, как и другие антифашисты, вёл себя мужественно, даже по утрам делал зарядку. Он злил этим своих охранников, и они орали: «Послушай, Харро, до следующей олимпиады всё равно не доживёшь!»

В последнем слове обвиняемые заявили, что действовали сознательно, в интересах Германии. Большинство из них было приговорено к смертной казни: мужчины к виселице, женщины к гильотине. Были повешены тридцать один мужчина и обезглавлены восемнадцать женщин. Семь человек покончили с собой во время следствия, семь были отправлены в концлагеря, двадцать пять — на каторгу, восемь — на фронт, несколько человек расстреляно.

Харро и Либертас Шульце-Бойзен, а также Арвид Харнак были сразу же приговорены к смертной казни, а жена Харнака Милдред и графиня Эрика фон Брокдорф — к тюремному

заключению. Узнав об этом, Гитлер в ярости велел пересмотреть приговор. Милдред и Эрика также были казнены.

В тюрьме Плётцензее, где происходили эти казни, сейчас хранится копия протокола, из которого видно, что нож гильотины падал точно каждые три минуты. Но больше поражают счета, выставленные родственникам казнённых: «За доставку к месту казни — столько-то», «За верёвку…», «За услуги (!) палача…», «За уборку помещения…» и т. д. Счета были оплачены!

В 1969 году тридцать два участника немецкого Сопротивления и борьбы с фашизмом были награждены орденами и медалями Советского Союза. Двадцать девять из них посмертно. В их числе Харро Шульце-Бойзен, Арвид Харнак и ещё пятнадцать членов их групп.

Родители Харро капитан-лейтенант Эрих Эдгар Шульце и мать Мария Луиза Бойзен надолго пережили своего сына и умерли в 1974 и 1972 годах.

ИЛЬЗА ШТЁБЕ (1911–1942)

Одной из советских военных резидентур в фашистской Германии руководила молодая миловидная женщина Ильза Штёбе, носившая псевдоним «Альта» (точнее «Альте» — «Старушка», что долгое время сбивало с толку гестаповских ищеек).

Она родилась в Берлине, в рабочей семье, 17 мая 1911 года. Окончив школу, приобрела специальность секретаря-машинистки. Некоторое время работала в издательском концерне, а затем перешла в газету «Берлинер тагенблат». Совсем юную девушку, заметив её способности, послали корреспондентом в Чехословакию, откуда перевели в Польшу. Там познакомилась с членом компартии Германии и агентом Разведупра Красной армии Рудольфом Херрнштадтом.

Это был человек с интересной судьбой, которая выйдет за рамки нашего повествования, но всё же… Сын преуспевающего адвоката и сам адвокат, он в 1924 году вступил в компартию Германии, в 1930 году был завербован советской военной разведкой, получив псевдоним «Арвид». В 1932 году работал корреспондентом в Варшаве, а с 1933 года в Москве, где получил советское гражданство. Тогда же по заданию Разведупра «встал на позицию крайнего антикоммунизма». За это он вместе с четырьмя другими немецкими журналистами был выслан из СССР в ответ на то, что советских журналистов не допустили в зал суда во время лейпцигского процесса над «поджигателями рейхстага». По возвращении в Германию его направили в качестве журналиста в Варшаву. Там он пользовался большим уважением не только как герой и мученик, пострадавший от большевиков, но и как отличный специалист своего дела, знаток Польши и местных традиций. К нему обращались за советом посол Германии фон Мольтке, ответственные сотрудники посольства.

Но Херрнштадта отличало не только умение налаживать контакт с нацистскими чиновниками. Он был прирождённым вербовщиком. Во всяком случае, трое из завербованных им агентов вошли в историю разведки.

Герхард Кегель родился в 1907 году в Верхней Силезии в семье железнодорожника. В 1930 году, ещё будучи студентом, вступил в немецкий комсомол, в 1931 году стал членом компартии Германии. Получив экономическое образование, в 1933 году был назначен заведующим экономическим отделом бреслауской газеты «Последние известия». Когда Гитлер пришёл к власти и началось преследование коммунистов, ему удалось

уцелеть благодаря высокому уровню конспирации. В качестве корреспондента он был послан в Варшаву. Там встретился с Херрнштадтом, который привлёк его к работе в советской разведке. Кегель получил псевдоним «ХВС». Для закрепления своих позиций в мае 1934 года вступил в НСДАП, что позволило ему при помощи Херрнштадта устроиться на работу в германское посольство.

Ещё одним «крестником» Херрнштадта стал Рудольф фон Шелия. Этот человеком был из совершенно другой среды, и подход к нему нужен был иной. Фон Шелия происходил из аристократического рода: отец его был крупный силезский помещик-дворянин, мать — дочь фон Миккеля, министра финансов в кабинете Бисмарка. Он родился в 1890 году, имел степень доктора права, во время Первой мировой войны служил кавалеристом, затем стал профессиональным дипломатом. Служил в Праге, Константинополе, был вице-консулом в Катовицах. В 1932 году получил назначение в германское посольство в Варшаве. Большой карьеры не сделал: к сорока двум годам был всего лишь секретарём посольства. Карьере мешали две его страсти — азартные игры и женщины. К тому же это требовало много денег, и даже его доходы плюс доходы его жены, дочери крупного промышленника, не покрывали его расходов. Он позволял себе некоторое аристократическое свободомыслие — крайне отрицательно отзывался о министре иностранных дел И. фон Риббентропе, называя его «коммивояжёром по продаже шампанских вин», и вообще недолюбливал «мелких лавочников», пришедших к власти.

— Я ненавижу свою жизнь в Польше, — не раз жаловался фон Шелия Херрнштадту.

«С первого дня нашего знакомства, — докладывал в Центр „Арвид“, — Шелия информирует меня обо всём, что ему кажется важным. Это и политическая информация, и личные интриги, и денежные истории, и его собственные конфликты с женой и прислугой… Документы, которые меня интересуют, он или прочитывает вслух, или разрешает мне читать их самому. Так как он сознаёт, что нарушает этим свои служебные обязанности, то обычно говорит: „Возьмите в руки газету для предосторожности. Если кто войдёт, прикройте ею телеграммы“».

«Арвид» обратил внимание на то, что Шелия, при всём кажущемся легкомыслии, неглупый и грамотный дипломат, хороший аналитик, умеет вызвать людей на откровенность.

По рекомендации Центра «Арвид» вербовку Шелии построил на меркантильном интересе. Тот, хотя и не высказав особого энтузиазма, согласился на сотрудничество. Забегая вперёд

отметим, что информация фон Шелия (его псевдонимом стал «Ариец») была настолько ценной, что в феврале 1938 года на его счёт в швейцарском банке Разведупром Красной армии было переведено шесть с половиной тысяч долларов, одна из самых крупных сумм, выплаченных до начала Второй мировой войны.

Новые обязанности заставили фон Шелия пересмотреть своё поведение. Он стал осторожнее в выражениях, добросовестнее относиться к работе. В 1933 году во время поездки в отпуск в Берлин стал членом НСДАП. Это способствовало его повышению — он получил чин действительного советника МИДа.

И, наконец, Ильза Штёбе — звёздный успех вербовщика «Арвида». Её вербовка не представляла никакой трудности: она была товарищем Херрнштадта по партии и его единомышленником.

Таким образом, к 1934 году в германском посольстве в Варшаве сложилась целая резидентура. Её главой вначале был Херрнштадт, затем после его отъезда в Москву её возглавила Ильза Штёбе. У неё на связи, не считая Кегеля и Шелии, было шесть агентов. Но это произошло уже после нападения Германии на Польшу.

Накануне войны, в августе 1939 года, заслуги фон Шелия наконец были отмечены начальством. Его перевели в информационный отдел МИДа Германии. «Арвид» предупредил «Арийца», что связь с ним будет поддерживать «Альта».

Но Ильза не смогла сразу устроиться на работу в Берлине. Какое-то время ей пришлось жить в Бреслау. В сентябре 1939 года сотрудник Разведуправления Н. Зайцев получил задание отыскать Ильзу и установить с ней связь. Он выехал из Берлина в Бреслау. Сначала разыскал мать Ильзы. Та назвала адрес дочери. Трудность заключалась в том, что не было установлено пароля для встречи, и нужно было назвать несколько паролей, чтобы убедить Ильзу признать нашего разведчика.

Но Ильза поверила ему сразу же, как только он назвал пароль встречи с нашим человеком в Польше. Зайцев и Штёбе прошлись по пустынным окраинам Бреслау. Она рассказала, что скоро получит разрешение на жительство в Берлине и переедет туда. Разведчики договорились о способах связи и, условившись о новых встречах, расстались.

В начале марта 1940 года Ильза Штёбе при помощи фон Шелии получила место в пресс-службе МИДа и поселилась в Берлине. Теперь их встречам ничто не мешало. Однако сам Шелия чуть было не впал в немилость. Его подвела болтливость. Кто-то донёс начальству о его «недостойном для германского дипломата» сочувствии полякам. От него потребовали

объяснений по «польскому вопросу». Чтобы «искупить вину», он принялся вместе с бывшим послом фон Мольтке составлять «Белую книгу» о причинах германо-польской войны. Естественно, она была составлена в духе «идей» и высказываний нацистских главарей. Когда Риббентроп ознакомился с ней, то не только простил фон Шелия, но даже намекнул на возможность его назначения на высокую должность в Будапеште.

Но для Ильзы Штёбе отъезд фон Шелия означал бы утрату очень серьёзного источника информации, и она отговорила его от этой затеи. К тому же вскоре он был назначен на новую должность в аппарате МИДа.

Надёжным помощником Ильзы Штёбе был Герхард Кегель. Благодаря своему положению, он мог получать важную информацию. Ещё в марте 1939 года сотрудник Риббентропа Клейст заявил, что «в ходе дальнейшего осуществления германских планов война против Советского Союза остаётся последней и решающей задачей германской политики». Позже германский военный атташе в Польше Хишер рассказал Кегелю о приёме у Гитлера и его указаниях касательно тайной подготовки внезапного нападения на Польшу. У Кегеля было много бесед и с послом фон Мольтке.

Но вскоре после переезда в Берлин Ильзе пришлось расстаться и с ним. Герхард Кегель, работавший в отделе торговой политики МИДа, получил новое, важное назначение. Вначале его включили в состав германской торговой делегации, выехавшей в конце 1939 года в СССР, а по прибытии в Москву оставили на работе в посольстве.

От него советские спецслужбы получали ценную информацию о том, что происходило в посольстве. От него поступали сообщения о настроениях и разговорах посла фон Шуленбурга, военного атташе генерала Кестринга и советника Хильгера. Все они выступали против войны с Советским Союзом, полагая, что она гибельна для Германии.

Кегель сообщил, что 30 апреля 1941 года Шуленбург после поездки в Берлин и беседы с Гитлером объявил своим ближайшим друзьям: «Жребий брошен, война — дело решённое!»

Шуленбург, Кестринг и Хильгер подготовили на имя фюрера меморандум, в котором подчёркивали: война против Советского Союза выиграна быть не может и, более того, способна привести Германию к гибели. Шуленбург лично отвёз этот меморандум в Берлин, но Гитлер не соизволил даже принять его.

А вскоре в Москву заявились два гостя. Один из них, Вальтер Шелленберг, — под видом представителя германской химической промышленности. Начальник внешней разведки гитлеровской

Германии изучал советский военный и экономический потенциал, готовность СССР к войне.

Вторым гостем был полковник Кребс, замещавший с середины марта до начала мая 1941 года генерала Кёстринга. Это был тот самый Кребс, который накануне падения Берлина, уже в звании генерала и последнего начальника германского Генерального штаба, явится к генералу Чуйкову с просьбой о мирных переговорах. После того как Чуйков заявит ему, что речь может идти лишь о полной капитуляции, Кребс вернётся в свой бункер и застрелится.

Пока же он присутствовал на первомайском параде Красной армии и воочию мог убедиться в её силе, но не поверил этому, о чём поделился с Кегелем, а последний с сотрудником Разведуправления К. Б. Леонтьевым, которого он знал как Павла Ивановича Петрова.

Накануне войны Кегель был свидетелем срочного отъезда на родину семей сотрудников посольства и других немцев, находившихся в СССР. А 21 июня он видел, как во дворе посольства жгли архивы и прочие важные документы. Это было явным свидетельством предстоящего начала войны, и об этом Кегель немедленно доложил Леонтьеву, а тот — выше по инстанции. Но где затерялась эта информация?

После начала войны Кегель вместе с другими сотрудниками посольства выехал в Берлин. По дороге в Серпухове (или в Курске) Леонтьев сумел проникнуть в поезд, сунуть ему в руку записку с условиями связи со Штёбе.

Теперь вернёмся к «Альте» и «Арийцу». Информация, поступавшая от них, была исключительно важной. Она касалась перемещения немецких войск, дипломатической переписки, сведений об успехах немецких дешифровальщиков и т. д. О том, как оценивались данные фон Шелии, свидетельствует тот факт, что в феврале 1941 года Ильза вручила ему пакет с тридцатью тысячами марок.

Штёбе передавала в Москву полученные от фон Шелии и других агентов сведения через легального резидента Разведуправления в Берлине полковника Н. Д. Скорнякова («Метеора»). Вот некоторые из них:

Начальнику Разведуправления

Генштаба Красной армии

29 сентября 1940 года

«Ариец» провёл беседу с Шнурре (руководитель хозяйственной делегации немцев в СССР). Шнурре передал:

«1. Налицо существенное ухудшение отношений СССР с немцами.

2. По мнению многочисленных лиц, кроме министерства иностранных дел, причинами этого являются немцы.

3. Немцы уверены, что СССР не нападёт на немцев.

4. Гитлер намерен весной разрешить вопросы на востоке военными действиями.

Метеор».

Начальнику Разведуправления

Генштаба Красной армии

29 декабря 1940 года

«Альта сообщила, что Ариец от высокоинформированных кругов узнал о том, что Гитлер отдал приказ о подготовке к войне с СССР. Война будет объявлена в марте 1941 года.

Дано задание о проверке и уточнении этих сведений.

Метеор».

Начальнику Разведуправления

Генштаба Красной армии

4 января 1941 года

«Альта запросила у Арийца подтверждение правильности сведений о подготовке наступления весной 1941 года. Ариец подтвердил, что эти сведения он получил от знакомого ему военного лица, причём это основано не на слухах, а на специальном приказе Гитлера, который является сугубо секретным и о котором известно очень немногим лицам.

В подтверждение этого он приводит ещё некоторые основные доводы:

1. Его беседы с руководителем Восточного отдела МИД Шлиппе, который ему сказал, что при посещении Молотова… единомыслия не было достигнуто ни по одному важному вопросу.

2. Подготовка наступления против СССР началась много раньше, но одно время была несколько приостановлена, так как немцы просчитались с сопротивлением Англии. Немцы рассчитывают весной Англию поставить на колени и освободить себе руки на войне (типичный пример гитлеровской дезинформации, которую он распространял даже среди окружения. — *Прим. автора*).

3. …Гитлером враждебные отношения не были изменены.

4. Гитлер считает:

а) состояние Красной армии именно сейчас является настолько низким, что весной он будет иметь несомненный успех,

б) рост и усиление германской армии продолжается. Подробное донесение Альты по этому вопросу — очередной оказией.

Метеор».

Огромное нервное напряжение Ильзы не прошло бесследно. У

неё обострилась болезнь почек и печени. Ей пришлось дважды съездить в Карлсбад, но болезнь так и не удалось вылечить. В письме к Херрнштадту в Москву она сетует, что часто по ночам, когда остаётся одна и подступают дикие, ужасные боли, ей становится страшно и за себя и за то, что из-за болезни она не сможет продолжать работу.

Ей пришлось уйти из МИДа. В начале 1941 года она перешла на должность начальника отдела заграничной рекламы дрезденского химического концерна «Лингерверке». Но оказалось, что у неё появилась ещё одна, более интересная возможность получать информацию помимо той, что поставлял Ариец. Примером этого служит следующее важнейшее сообщение.

«28 февраля 1941 года.

…Посвящённые военные круги по-прежнему стоят на той точке зрения, что совершенно определённо война с Россией начнётся уже в этом году. Подготовительные мероприятия для этого должны быть уже далеко продвинуты вперёд. Большие противовоздушные сооружения на востоке явно показывают на ход будущих событий. („Ариец“ не знал по этому поводу ничего конкретного. Он сообщил, однако, что бомбоубежища, которые расположены по всей Германии, на востоке могли бы быть предназначены для защиты от русских, а не английских самолётов.) Сформированы три группы армий под командованием маршалов Бока, Рундштедта и Риттера фон Лееба. Группа армий „Кёнигсберг“ должна наступать в направлении Петербург, группа армий „Варшава“ — в направлении Москва, а группа армий „Позен“ — в направлении Киев. Предполагаемая дата начала действий якобы 20 мая. Запланирован, по всей видимости, охватывающий удар в районе Пинска силами ста двадцати немецких дивизий. Подготовительные мероприятия, например, привели к тому, что говорящие по-русски офицеры и унтер-офицеры распределены по штабам.

Гитлер намерен вывезти из России около трёх миллионов рабов, чтобы полностью загрузить производственные мощности… Он намерен разделить российского колосса якобы на двадцать—тридцать различных государств, не заботясь о сохранении всех экономических связей внутри страны.

Информация о России принадлежит человеку из окружения Геринга. В целом она имеет чисто военный характер и подтверждается военными, с которыми разговаривал „Ариец“.

Альта».

Следует обратить внимание, что это первое точное сообщение разведки о направлении предстоящих немецких ударов.

22 июня 1941 года персонал советского посольства был лишён возможности передвигаться по городу, и таким образом разведчики потеряли связь с агентурой. Как известно, лишь А. Короткову, сотруднику внешней разведки НКВД, удалось выехать в город и встретиться с агентами из «Красной капеллы». Агентура военной разведки осталась без связи.

Резидентура «Альты» имела в своём распоряжении радиопередатчик и радиста К. Шульце. Первые месяцы после начала войны, пока передатчик работал, он передавал информацию в Центр. Осенью 1941 года ему удалось установить связь с Г. Коппи, радистом резидентуры НКВД, которой руководили А. Харнак («Корсиканец»), Х. Шульце-Бойзен («Старшина») и А. Кукхов («Старик»). Однако и Коппи утратил связь с Москвой, так как его передатчики сломались. Радисты совместными усилиями пытались починить их, но безуспешно.

То, что произошло дальше, описано в книгах и статьях, посвящённых «Красной капелле».

Обеспокоенные молчанием своих радиостанций, руководители внешней разведки НКВД и ГРУ договорились о сотрудничестве. Приказы об этом были подписаны 11 сентября 1941 года, а 11 октября ушла телеграмма руководителю нелегальной брюссельской резидентуры А. Гуревичу («Кенту»), с предложением выехать в Берлин и наладить связь.

Он встретился с Шульце-Бойзеном, взял последние разведданные, передал К. Шульце новые шифры. Но починить передатчики оказался бессилен.

Вернувшись в Брюссель, Гуревич передал в Центр полученную информацию. Но непрерывная многочасовая работа его радистов 21, 23, 25, 26, 27 и 28 ноября 1941 года привела к тому, что они были запелегованы и захвачены. Сам Гуревич тогда чудом избежал ареста, но гестаповцы захватили шифрованные тексты передававшихся радиограмм, которые радисты не успели уничтожить. Правда, немцам только к августу 1942 года удалось расшифровать телеграмму от 11 октября 1941 года с адресами лиц, которых Гуревич должен был посетить в Берлине.

Использование резидентуры «Кента» было не единственным способом, которым пытались установить связь с резидентурой «Альты».

В апреле 1942 года с Шульце установил контакт агент стокгольмской резидентуры «Адам». Радист доложил, что радиостанции не работают из-за неисправности и отсутствия батарей питания.

В Москве было принято решение забросить в Германию двух агентов-парашютистов с рациями. Им надлежало связаться с

группами «Старшины» и «Альты» и наладить радиосвязь. 5 августа 1942 года они высадились в тылу у немцев в районе Брянска.

Один из них, Альберт Хесслер, должен был установить связь с радистом Шульце или членами группы Шульце-Бойзена семьёй Шумахеров. Ему удалось это сделать, и вместе с радистом Коппи он принялся ремонтировать радиопередатчик.

Другому, Барту, поручалось установить контакт с агентом Леманом («Брайтенбах»), работавшим в гестапо. Но к этому времени само гестапо уже вышло на их след.

К августу 1942 года дешифровальщики гестапо смогли прочесть радиограммы, захваченные при аресте радистов «Кента». В результате в течение августа—сентября все члены берлинской «Красной капеллы» были арестованы. 12 сентября была арестована и Ильза Штёбе.

Барт тоже был захвачен и, не выдержав гестаповских допросов, выдал всё, что знал. Он дал согласие участвовать в радиоигре с Москвой.

8 октября 1942 года он под диктовку офицера гестапо передал в Москву радиограмму, в которой от имени «Альты» просил выслать деньги и новые инструкции для её агента в МИДе, чтобы активизировать его деятельность, ставшую несколько пассивной.

В Москве эта радиограмма не вызвала каких-либо подозрений. В середине октября в Восточной Пруссии были сброшены с парашютами агенты ГРУ Эрна Эйфлер и Генрих Коенен (Вильгельм Феллендорф). Под видом солдата-фронтовика, направляющегося в отпуск, Коенен прибыл в Берлин с задачей установить связь с «Альтой» и «Арийцем». «Для верности» у него была с собой расписка фон Шелии о получении им в 1938 году шести с половиной тысяч долларов.

Проведённая гестапо операция позволила захватить Эрну, а затем на квартире Ильзы Штёбе была устроена засада, в которую попал и Генрих Коенен. Расписка сыграла роковую роль, и вскоре фон Шелия был арестован.

За несколько месяцев до ареста Ильза Штёбе переехала в Берлин и работала начальником берлинского бюро немецкого газетного концерна. Она ежедневно говорила по телефону со Стокгольмом, столицей нейтральной Швеции. Но как использовать эту возможность для связи с Москвой? Она не знала.

Проявив «немецкий патриотизм», она попросилась на Восточный фронт в качестве военной корреспондентки, надеясь перейти линию фронта. Её поблагодарили за «порыв», но вежливо отказали.

И вот теперь она оказалась в гестаповском застенке. На

допросах Ильза держалась стойко. Она не выдала ни одного члена своей группы.

Её ежедневно избивали до потери сознания. Обливали водой и вновь начинали бить. Оставшаяся в живых соседка Ильзы по камере рассказывала, что поражалась её спокойствию и выдержке. Возвращаясь в камеру после допроса, Ильза даже пыталась улыбаться! Однажды она сказала соседке:

— Сегодня они опять ничего не выжали из меня.

Гестаповцы ненавидели Ильзу не только потому, что она была их врагом, но и потому, что против неё не было прямых улик. И вдруг они появились…

Аристократ, кавалерист, любимец женщин фон Шелия не выдержал допросов и сломался. Он выдал всё, что знал. К счастью, кроме Ильзы, он не знал никого, поэтому его слабость оказалась роковой только для «Альты».

За два дня до суда ей разрешили увидеть мать и брата. Они не могли без содрогания смотреть на её измученное и изувеченное побоями лицо. Но она уже знала об успехах Красной армии под Сталинградом, и это придавало ей силы.

14 декабря 1942 года Имперский военный суд приговорил Ильзу Штёбе к смертной казни. В своём последнем слове она сказала:

— Я не сделала ничего несправедливого. Вы приговариваете меня к смерти незаконно.

А вечером 14 декабря, вернувшись с последнего заседания суда, она поделилась с соседкой:

— Теперь всё позади: меня приговорили к смерти. Теперь можно сказать, что я выстояла, — всё уже миновало. Своим молчанием я спасла жизнь по крайней мере трём мужчинам и одной женщине.

Накануне казни 21 декабря 1942 года она писала матери: «Благодарю тебя, мамочка, за исполнение моих последних желаний. Не печалься! В таких случаях печали нет места. И не носи, прошу, чёрное платье». (Мать Ильзы была брошена в женский концлагерь Равенсбрюк и погибла там. Часть письма чудом сохранилась.)

В этот же день Гитлер подписал распоряжение:

«Фюрер. Ставка фюрера. 21.12.1942.

I. Я утверждаю приговор Имперского военного суда от 14 декабря 1942 года, вынесенный бывшему легационному советнику Рудольфу фон Шелия и журналистке Ильзе Штёбе, а также приговор Имперского суда от 19 декабря 1942 года, вынесенный обер-лейтенанту Харро Шульце-Бойзену и другим…

II. В помиловании отказываю.

III. Приговоры в отношении Рудольфа фон Шелии, Харро Шульце-Бойзена, Арвида Харнака, Курта Шумахера и Иоганнеса Грауденца привести в исполнение через повешение. Остальные смертные приговоры привести в исполнение через обезглавливание.

Подлинный подписал: Адольф Гитлер.

Начальник штаба Верховного главнокомандования вооружённых сил: Кейтель».

В соответствии с приговором Имперского суда и распоряжением фюрера 22 декабря 1942 года в 20 часов 27 минут Ильза Штёбе была гильотинирована в тюрьме Плетцензее.

Какова судьба её соратников?

Что касается её «крёстного» Рудольфа Херрнштадта, то, находясь в Москве, он до 1943 года работал в аппарате Разведуправления и Коминтерна. В 1943 году участвовал в создании комитета «Свободная Германия», а после победы Красной армии вернулся в Берлин, где вначале был шефом-редактором газеты «Берлинер цайтунг», а с 1949 года газеты «Нойес Дойчланд». Затем избирался в члены ЦК и даже Политбюро ЦК СЕПГ. Но 26 июня 1953 года его исключили из Политбюро и ЦК, а в 1954 году и из партии. После этого работал в Центральном архиве ГДР.

Герхард Кегель находился под наблюдением, но арестован не был. Он продолжал тайную антифашистскую деятельность. После 1945 года работал главным редактором газеты «Берлинер цайтунг» и руководителем издательства, затем в ЦК СЕПГ занимался вопросами внешней политики, а позже был представителем ГДР при ООН в ранге чрезвычайного и полномочного посла.

В своих воспоминаниях он писал: «Одним из трёх спасённых Ильзой мужчин был я, а женщиной — моя жена и боевая соратница Шарлотта».

РИХАРД ЗОРГЕ (1895–1944)

О Рихарде Зорге написано так много и причём самого разного, что изложить коротко его биографию и не повториться было бы очень трудно. Тем не менее попробуем ещё раз рассказать о нём.

В 1964 году Н. С. Хрущёв случайно попал на просмотр всемирно известного (кроме как в СССР и других социалистических странах) фильма французского кинорежиссёра И. Чампе «Кто вы, доктор Зорге?» Наутро Никита Сергеевич позвонил начальнику разведки и спросил, известен ли ему Зорге. Получив утвердительный ответ, воскликнул: «Так ведь это же герой!»

Так имя Зорге впервые прозвучало в Советском Союзе, и слава его распространилась мгновенно. Он посмертно получил звание Героя Советского Союза, его соратники, как оставшиеся в живых, так и погибшие, были награждены боевыми орденами. Родина признала своего резидента «Рамзая».

А вот что о нём ещё раньше писал начальник разведки штаба генерала Макартура генерал Чарлз Уиллоби в своей книге «Зорге — суперзвезда советского шпионажа»:

«Группа под руководством блестящего изобретательного разведчика Рихарда Зорге совершала поистине чудеса. В течение восьми лет она действовала смело, решительно и успешно, работая на свою духовную родину — Советский Союз.

Начав буквально на пустом месте, в стране, о которой он имел самое смутное представление, Зорге сумел создать самую блистательную организацию… В течение восьми лет своей деятельности Зорге передавал в Москву бесчисленное множество важных сообщений, каждое из которых подвергалось с его стороны скрупулёзному анализу и тщательной проверке. Руководители советской разведки и Красной армии всегда были в курсе всех планов японских и германских вооружённых сил.

…Все члены группы Зорге, как это ни покажется необычным, работали ради идеи, ради общего дела, а не ради денег. Те средства, которые они получали из Центра (по нашим понятиям весьма скромные), шли на оплату конспиративных квартир и переезды…»

Шеф ЦРУ США Аллен Даллес в книге «Искусство разведки» признал: «Основным достижением группы Зорге было предоставление Сталину в середине 1941 года определённых доказательств, что японцы не имели намерений нападать на Советский Союз и концентрировали свои усилия против Юго-

Восточной Азии и района Тихого океана, то есть затевали тактику Пёрл-Харбора. Эта информация была равноценна многим дивизиям…»

Кем же был этот человек, стоивший нескольких дивизий?

Рихард Зорге родился в Баку, в семье инженера-нефтяника. Вскоре семья вернулась в Германию. Рихард закончил школу, а когда началась Первая мировая война, пошёл добровольцем на фронт. Получил три ранения. На Восточном фронте он впервые узнал о революционном движении, услышал имя Ленина. Тогда же он сделал свой выбор, стал социал-демократом, а затем и коммунистом, работал с руководителем компартии Эрнстом Тельманом, а в 1925 году по его совету поехал в СССР.

Вместе с другими молодыми революционерами учился в институте марксизма-ленинизма, готовился нести знамя мировой революции. Ещё раньше, в 1919 году, он получил степень доктора социологии в Гамбургском университете. Одновременно занимался научным творчеством: только с 1925 по 1927 год были изданы две его книги и семнадцать серьёзных статей, он стал учёным. Но в 1929 году Ян Берзин привлёк Зорге к работе на советскую военную разведку. Это было сделать нетрудно. Страна, ставшая для Зорге родиной, была окружена врагами. Они готовили интервенцию, устраивали провокации, угрожали её границам. Её надо было защищать.

Первая зарубежная командировка Зорге состоялась в Китай, куда он прибыл как специальный корреспондент немецкого журнала «Дас зоциологише магазин» и представитель нескольких американских газет. Центру нужна была информация о происках Японии в Китае. Зорге ездил по всему Китаю, собирая нужные данные. Вместе с ним работал Макс Клаузен, новый шанхайский знакомый Зорге, автомеханик и любитель-коротковолновик. Он собрал передатчик и легко наладил связь с советской радиостанцией во Владивостоке.

Время, проведённое в Китае, Зорге посвятил не только сбору информации, но и легализации, налаживанию нужных связей, изучению обстановки как в Китае, так и в соседней Японии. Теперь путь его лежал туда, но не напрямую, а через Берлин. Там, где уже у власти были фашисты, ему предстояло выступать под своим именем, именем человека, о котором было известно, что он в прошлом коммунист, автор ряда книг, знаком с Тельманом. Сейчас трудно представить, что фашистская контрразведка могла сделать подобный промах, но это факт. Она была ещё молода и неопытна, ей некогда было проверять биографию каждого, тем более «отказавшегося» от своих прежних идей.

Так Зорге стал собственным корреспондентом либерально-

буржуазной газеты «Франкфуртер цайтунг» в Токио. 6 сентября 1933 года новый журналист сошёл с борта парохода в порту Иокогама.

Статьи Зорге оказались очень ценными для газеты и интересными для публики. Они отличались глубиной анализа, чёткостью выводов, широтой охвата темы. Завоевав авторитет как журналист, он взялся за следующую задачу — «вживание в немецкие круги», прежде всего в посольские. Самым перспективным знакомым Зорге стал полковник Ойген Отт, вначале военный наблюдатель, а затем военный атташе Германии в Токио. Он чрезвычайно высоко оценил Зорге как специалиста, знатока Японии и блестящего аналитика.

Из донесения в Москву группы «Рамзая»:

«Когда Отт получает интересный материал или собирается сам что-то написать, он приглашает Зорге, знакомит его с материалами. Менее важные материалы он по просьбе Зорге передаёт ему на дом для ознакомления, более важные секретные материалы Зорге читает у него в кабинете».

29 апреля 1938 года новый германский посол в Токио, «друг» Зорге генерал-майор Ойген Отт вручил императору свои верительные грамоты.

Теперь Зорге получил неограниченный доступ к информации из первых рук. Иногда Зорге по просьбе Отта писал доклады его берлинскому начальству. Работы было столько, что приходилось не спать ночами. А нужно было ещё вести и журналистскую и светскую жизнь. Сводки японской контрразведки кэмпэйтай показывают, что он был обычным человеком, со своими слабостями и недостатками. Он не прочь был выпить и не отказывал себе в этом удовольствии. Сотрудники японской наружки бесстрастно зафиксировали, что он не был пуританином и в отношениях с женщинами — за восемь лет пребывания в Японии он встречался с тремя десятками представительниц прекрасного пола. Может быть, таким путём он расслаблялся, а может быть, носил маску донжуана, чтобы прикрыть своё нутро разведчика.

К середине 1930-х годов в Токио сложилась и начала действовать группа «Рамзая». В неё входили японский журналист и общественный деятель Ходзуми Одзаки, корреспондент французского еженедельника «Ви» и белградской «Политики» Бранко Вукелич, немецкий коммерсант Макс Клаузен, художник Мияги. Все они были зрелыми людьми, интернационалистами, но Зорге немало сил вложил в их воспитание как разведчиков. Особенно трудно пришлось с Одзаки, который считал, что его убеждения интернационалиста, а тем более работа с Зорге,

противоречат его преданности Японии.

Восемь лет проработали эти люди вместе, без провалов, всецело доверяя друг другу.

Главной задачей группы Зорге было способствовать предотвращению войны между Японией и СССР и быть в курсе отношений между Японией и гитлеровской Германией.

С первой половиной задачи Рамзаю помогал справляться Одзаки. Человек с тонким аналитическим умом, высококультурный и хорошо образованный, в июле 1938 года он стал неофициальным советником при тогдашнем премьер-министре Коноэ. Это позволяло ему не только быть в курсе политики, но и в какой-то, пусть самой минимальной степени, влиять на принимаемые решения.

Первой, чисто военной информацией «Рамзая» стала его телеграмма с выводами о том, что японский генштаб готовит внезапный удар против Монгольской народной республики. Это позволило руководству Красной армии подготовиться к ответному удару и разгромить японцев на реке Халхин-Гол.

В 1939 году положение Зорге в германском посольстве укрепилось, так как посол Ойген Отт предложил ему место пресс-атташе. По существовавшим правилам это лишало Зорге права сотрудничать в газетах. Но помощь пришла с неожиданной стороны. Незадолго до этого в посольство прибыл гестаповец Мейзингер с заданием проверить личный состав посольства, причём на Зорге, как на бывшего коммуниста, ему предложили обратить особое внимание. Однако Зорге сумел так очаровать гестаповца, что тот выдал ему самую лестную характеристику и способствовал тому, что ему разрешили наряду с исполнением обязанности пресс-атташе сотрудничать и в газетах.

Надо сказать, что Зорге немало делал и как пресс-атташе. Ведь он прикрывался личиной правоверного нациста и в Германии числился токийским агентом Главного управления имперской безопасности, снабжавшим нацистскую разведку первоклассной информацией о Японии. Её очень высоко ценил Шелленберг, о чём он упомянул в своих мемуарах. И немцы так до конца и не могли поверить, что Зорге работает не на них. Сведения о том, что Зорге работает на немецкую разведку, поступали и в Москву, и, вероятно, это было одной из причин, почему Сталин не доверял ему.

Между тем приближалось время великих испытаний для всего человечества. От Зорге приходили тревожные телеграммы. Вот изложение некоторых из них:

Май—июнь 1939 года: информация о подготовке Германии к захвату Польши; нападение начнётся в конце августа — начале

сентября.

Февраль—апрель 1940 года: предупреждение о широкомасштабном наступлении немцев против Франции и Англии; после порабощения Европы планируется нападение на Советский Союз.

18 ноября 1940 года: данные о проводимых Германией мерах по подготовке агрессии против СССР. «На германо-советской границе сосредоточено восемьдесят немецких дивизий. Гитлер намерен оккупировать территорию по линии Харьков — Москва — Ленинград».

5 марта 1941 года: «Прибывшие сюда представители Гитлера подтверждают: война начнётся в конце мая. Германия сосредоточила против СССР девять армий, состоящих из ста пятидесяти дивизий».

20 мая 1941 года: «Нападение на СССР произойдёт 20 июня; направление главного удара на Москву».

31 мая 1941 года: «22 июня Германия без объявления войны совершит нападение на Россию».

15 июня 1941 года: «Нападение произойдёт на широком фронте на рассвете 22 июня».

Стоп! Ведь точнее не скажешь! Но Сталин не верил не только Зорге, но и Шульце-Бойзену и другим, которые называли эту дату. Тому были и объективные, и субъективные причины. Об объективных говорить не будем, они достаточно хорошо известны. А основной субъективной причиной недоверия был многократный отказ Зорге под разными предлогами приехать в Советский Союз в отпуск или в командировку. На нём чуть ли не было поставлено страшное клеймо «невозвращенец». А можно ли доверять такому? Но, кстати, и Зорге платил той же монетой — он, скорее всего, не верил, что сможет съездить в Советский Союз и вернуться оттуда живым, так как слишком много его боевых друзей уехали и не вернулись. Например, Берзин.

Была и ещё одна причина. Даты нападения на СССР поступали из многих источников, их даже публиковали в газетах нейтральных стран. И все они не подтвердились. Не подтвердились и некоторые предупреждения Зорге (конец мая, 20 июня…).

Так или иначе Сталин не поверил, и война началась. Теперь надо было выяснять позицию Японии.

2 июля 1941 года под председательством императора Хирохито проходит заседание Тронного совета. Принято решение: нападение на Индокитай, сохранение пакта о ненападении с СССР, приведение в готовность достаточного количества войск, чтобы при удобном случае всё же осуществить нападение.

3 июля в Москву уходит радиограмма: «Япония, несмотря на нажим гитлеровской Германии, пока не вступит в войну против СССР».

Сентябрь—ноябрь 1941 года. Гитлеровские танки движутся на Москву. Перед советским командованием встаёт судьбоносный вопрос: можно ли сибирские части перебрасывать на Запад для обороны Москвы?

6 сентября 1941 года в Москву уходит тщательно проверенное донесение: «…В текущем году Япония на Дальнем Востоке не выступит».

Начало октября 1941 года: «Если до 15 октября японское правительство не достигнет соглашения с США, Япония начнёт войну на юге против Сингапура. Военные действия между Японией и США должны начаться к концу года».

Зорге подготовил и ещё одну телеграмму: «Наша миссия в Японии выполнена. Войны между Японией и СССР удалось избежать. Верните нас в Москву или направьте в Германию». Отправить её не удалось.

18 октября 1941 года Зорге был арестован. Арест его группы расценивался японской контрразведкой как самая большая удача. Тридцать два её сотрудника получили высшие ордена.

Следствие тянулось несколько лет. Позиция защиты, выработанная Зорге, была трудноуязвимой: «Центр инструктировал нас в том смысле, что своей деятельностью мы должны отвести возможность войны между Японией и СССР. И я… с начала и до конца твёрдо придерживался этой линии».

Однако суд приговорил Рихарда Зорге и Ходзуми Одзаки к смертной казни. Остальные члены группы были приговорены к разным срокам заключения, но выйти на волю удалось только Клаузену, которого после поражения Японии освободили американские оккупационные власти.

Арест и осуждение Рихарда Зорге произвели в германском посольстве эффект разорвавшейся бомбы. И Отт, и Мейзингер постарались преуменьшить свою роль в отношениях с Зорге. Чтобы как-то объяснить провал, о Зорге был создан миф, как о «сверхчеловеке, проходящем сквозь стены».

7 ноября 1944 года, после трёх с лишним лет заключения, Зорге был повешен. После его смерти остались «мемуары» — записи, сделанные им в тюрьме. В них он и друзьям и врагам твёрдо заявил, что умер коммунистом, веря в победу СССР.

Часто задают вопрос, можно ли было спасти Зорге, обменяв его на японских разведчиков, арестованных в Советском Союзе? Вряд ли. В военное время такой обмен не практиковался ни одной из воюющих сторон.

Часть V
ВТОРАЯ МИРОВАЯ

РУТ КУЭН (ок. 1916 — после 1960)

Гавайские острова не только одно из красивейших мест в мире. Это ещё и место стоянки Тихоокеанского флота США. Именно здесь он был почти полностью уничтожен японской авиацией 7 декабря 1941 года.

О том, что произошло здесь в этот день, написано много, и вину за катастрофу возлагают на многих, даже на президента Рузвельта, который якобы знал о предстоящем нападении, но не принял никаких мер: ему было нужно такое потрясение для Америки, чтобы она бескомпромиссно вступила в войну с японским империализмом и германским фашизмом. Но это другой вопрос. Нам же интересны те подспудные силы, которые способствовали успеху японской акции. И здесь мы выйдем на женщину, которую можно смело причислить к плеяде наиболее результативных разведчиц мировой истории.

Восемнадцатилетняя Рут Куэн была сестрой адъютанта доктора Геббельса, гитлеровского министра пропаганды, и стала его любовницей. Об этой связи прознала Магда, жена министра. Обычно относившаяся снисходительно к похождениям своего любвеобильного супруга, на этот раз она потребовала, чтобы муж отправил любовницу куда подальше, «хоть на Гавайские острова». Министр послушался жену и дал соответствующие указания.

По рекомендации Геббельса, доктор Карл Хаусхофер, работавший в разведке министерства иностранных дел и поддерживавший тесные связи с Японией, занялся судьбой Рут Куэн.

В предвоенные годы японская разведка испытывала большую нужду в «белых» шпионах, которых можно было бы внедрять в те страны, где выглядящие «по-восточному» люди могли вызвать подозрение.

Карл Хаусхофер вскоре доложил Геббельсу, что ему удалось пристроить Рут Куэн и всю её семью именно туда, куда указал ему Геббельс. Перед отъездом всё семейство прошло курс разведывательной подготовки.

Отчим Рут, доктор Бернард Юлиус Отто Куэн, уроженец Берлина, во время Первой мировой войны служил на крейсере. В 1915 году в морском бою крейсер утонул, а Бернард попал в плен и оказался в Англии, где на редкость быстро освоил английский язык. Вернувшись после войны в Германию, не смог найти там работу, снова устроился на военно-морскую службу, но в связи с ликвидацией флота опять остался на мели. Ему удалось получить медицинское образование, одновременно он стал заядлым

нацистом, но ни в чём не преуспел. Зато с детства воспитывал свою дочь в нацистском духе. Будучи личным другом Гиммлера, доктор Куэн рассчитывал получить место начальника полиции в одном из германских городов, но вместо этого, из-за красоты и опрометчивости своей дочери, вынужден был отправиться в изгнание на Гавайи.

Семья Куэнов высадилась в Гонолулу 15 августа 1935 года — сам доктор Куэн, его супруга Фридель, её дочь от первого брака Рут и шестилетний сынишка Ханс Иоахим. Только Леопольд, старший сын Фридель, остался при Геббельсе.

Официальной причиной появления Куэнов на Гавайях стало желание главы семьи посвятить себя изучению японского языка, а дочь Рут мечтала изучать историю Гавайских островов. Отец и дочь объехали все крупные острова — Оаху, Гавайи, Молокаи, Мауи, Кауаи и множество маленьких, тщательно и скрупулёзно, с немецкой дотошностью записывая и отмечая на картах всё, что их могло заинтересовать. Вскоре они стали, пожалуй, лучшими специалистами по топографии Гавайев того времени.

Благочестивое семейство находилось на службе сразу у двух союзных стран, Японии и Германии. Копии всех докладов, направляемых в Токио, отсылались в Берлин. Помимо долга перед родиной ими руководили и меркантильные соображения. Они черпали средства сразу из двух источников, что при любви и Рут и Бернарда к красивой жизни было совсем не лишним. На вопросы знакомых о политических взглядах Куэны всегда подчёркивали, что не любят нацистов, а Рут говорила:

— Я была ещё такой юной, когда мы покинули Германию!

Доктор писал статьи в местные газеты о древних поселенцах островов. Жизнь текла спокойно. У Куэнов был красивый дом, коллекция произведений искусства, столовое серебро — всё свидетельствовало о богатстве и культуре семьи. Соседи и знакомые считали их состоятельными людьми: они постоянно имели доходы со своего имущества в Голландии и Германии. За первые три года пребывания на островах они получили семьдесят тысяч долларов, переведённых Роттердамским банком через банк Гонолулу.

ФБР и военная разведка впоследствии установили, что позже семья Куэн получила ещё более ста тысяч долларов. Этого нельзя было не заметить, но никто не обратил внимания на такие доходы.

Обязанности связной выполняла почтенная мать семейства, Фридель. Она несколько раз ездила в Токио с донесениями. Только из одной поездки привезла шестнадцать тысяч долларов наличными.

В начале 1939 года Куэн объявил, что ему требуется более тихое и спокойное место для занятия языками. Семья продала дом и перебралась в Пёрл-Харбор, поближе к главной стоянке Тихоокеанского флота США.

Здесь Рут открыла салон красоты. Он пользовался большой популярностью у жён офицеров американского военно-морского флота. Жёны, встречаясь в салоне, как в клубе, спешили обменяться новостями — о новых назначениях, вакансиях, о том, когда и куда отправлялись в плавание их мужья, о встречах прибывающих кораблей, иногда даже об их боевых характеристиках, и, конечно же, не забывали перемывать косточки всему начальству, от командующего флотом до командиров отдельных судов.

Ежедневно Рут и Фридель, которая тоже работала в салоне, докладывали доктору об услышанных разговорах. От него через связных цепочка шла в германское и японское консульства.

Однажды японский консул в Гонолулу Отохиро Окуда послал за Рут и её отцом. Они провели секретную встречу. Окуда поставил новую задачу: собирать сведения об обстановке на флоте — точные даты выхода и возвращения судов, точные места стоянок, количество и типы судов. Он поблагодарил их за прошлую работу, но нацелил на новую, обещая платить за неё гораздо больше.

Рут запросила сорок тысяч долларов, но отец согласился на четырнадцать тысяч авансом с тем, что остальные будут выплачиваться после успешного завершения работы. Доктор Куэн был обеспокоен: откуда он достанет такую информацию. Но Рут только рассмеялась — она уже была помолвлена с высокопоставленным морским офицером и могла всё! Теперь она командовала парадом, а отец выполнял её поручения. Пригодилось и то, что он когда-то был моряком и имел способности аналитика. Вдвоём они составили отличную пару.

Более того, им теперь помогал и десятилетний Ханс Иоахим. Всегда одетый в матросский костюмчик, весёлый и шустрый, он был любимцем моряков. Они брали его на корабли и показывали все «игрушки», которые там были. Отца на корабль не пускали, он и не настаивал на этом, но Рут узнавала от приятелей-офицеров обо всём, что видел и чем интересовался её маленький братик. Да и тот кое о чём рассказывал, в меру своего понимания и возраста.

Сама Рут по приглашению своего жениха побывала на военном судне. Но больше не ходила туда, так как услышала, как за её спиной кто-то довольно внятно произнёс: «Женщина на корабле — быть беде!»

Рут Куэн изобрела систему подачи сигналов из нового

домика, который они купили тоже в районе базы Пёрл-Харбор, в японское консульство. По настоянию консула система была усовершенствована с тем, чтобы сигналы могли принимать и суда японского флота.

В один из дней Рут купила в Гонолулу два мощных морских бинокля — приобретение более чем странное для молодой леди, но тем не менее не вызвавшее никаких подозрений.

2 декабря 1941 года Рут и её отец впервые опробовали новую систему. Она работала отлично. В этот день консул Окуда получил от них точную информацию о количестве, типах и местоположении судов в Пёрл-Харборе.

На следующее утро генеральный консул, резидент японской разведки Нагоа Кита с помощью коротковолнового передатчика сообщил эту информацию в штаб-квартиру японской военно-морской разведки.

Рут и Бернард Куэны знали точную дату и даже час нападения на Пёрл-Харбор. Теперь судьба американского флота была в их руках.

За сутки до атаки Рут и её отец начали непрерывно передавать самую последнюю, самую свежую информацию. Принимавшая её японская подлодка пересылала её по радио в центр. Радиосигналы были засечены американской службой радиоперехвата. Даже из японского консульства за 36 часов до атаки ещё велась прямая радиосвязь с Токио передавалась, в том числе и информация, полученная от Рут.

Однако ни ФБР, ни военно-морская разведка и контрразведка американцев не придали этим фактам должного значения, продемонстрировав поразительную беспечность.

В 8 часов утра 7 декабря 1941 года японская авиация в составе ста пяти самолётов Императорского военно-воздушного флота атаковала стоянку кораблей Тихоокеанского флота США и авиационные базы на Гавайских островах.

В Пёрл-Харборе стояли на якоре семь из восьми линкоров Тихоокеанского флота и около восьмидесяти крейсеров, миноносцев, минных заградителей, тральщиков и других боевых кораблей.

Японцы точно знали свои цели: они были расписаны для каждого самолёта по координатам, полученным от семьи Куэн.

В результате налёта, который в общей сложности длился 1 час 45 минут с пятнадцатиминутным перерывом, все линейные корабли и большая часть других судов была выведена из строя. Более трёх с половиной тысяч моряков погибли или пропали без вести. Раненых было около полутора тысяч.

После этого японский флот и Императорская армия начали

своё победное шествие по островам Тихого океана, Индокитаю, Малайе, Бирме.

Весь налёт корректировался Рут Куэн, которая с помощью отца сообщала о результатах бомбёжки световыми сигналами в японское консульство, а оттуда они по радио передавались прямо командующему японского флота.

Лишь за пятнадцать минут до окончания налёта в дом Куэнов ворвались три американских офицера, случайно заметивших световые сигналы. Но это уже не могло повлиять на судьбу флота.

Семья Куэнов была схвачена с поличным. На состоявшемся суде отец всю вину взял на себя. Правда, семья состязалась в благородстве — такие же признания сделали и жена и дочь. Но суд рассудил по-своему: жена казалась слишком глупой, дочь слишком молодой и красивой. А Бернарда приговорили к расстрелу. Он судорожно боролся за свою жизнь, обещая выдать американцам всю японскую и германскую агентурную сеть на Тихом океане, а в дальнейшем верой и правдой служить американцам. Сеть он выдал, а от его услуг отказались. 26 октября 1942 года заменили смертную казнь пятидесятилетним заключением в знаменитой тюрьме Алькатрас, в Сан-Франциско, откуда ещё никому не удалось бежать. Но в 1948 году его освободили, и он уехал в Аргентину.

Мать и дочь — фрау Фридель и фрейлейн Рут Куэн — суд оправдал за недостаточностью улик, их всего лишь интернировали до конца войны.

После войны они выехали в Западную Германию, где и жили благополучно, во всяком случае, по данным на 1960 год. Рут под другой фамилией работала учительницей в школе.

АННА ВОЛКОВА (1902–1970)

Что может быть для государства, тем более находящегося в критическом положении, более охраняемой тайной, чем совершенно секретная переписка его лидера с лидером другого, могущественного и дружественного государства?

Русская аристократка Анна Волкова, проникшая в эту тайну, явилась редким примером одержимости идеей — не государственной, политической или патриотической, а личной, основанной на расовой и национальной ненависти. Она стала необычной шпионкой.

С юных лет Анну обуревали некие идеи, главной из которых стала патологическая ненависть к евреям. Многие из родственников и друзей разделяли её взгляды на этот счёт, но держали их при себе. У Анны же вся жизнь была посвящена одной цели — борьбе с евреями и еврейством. Примечательно, что во всём остальном она была нормальной, даже приятной женщиной. И всё же Анна предприняла попытку осуществить свои безумные идеи, причём в самые критические для Англии дни войны с фашистской Германией.

Она была изощрённой шпионкой, при этом не являясь ничьим агентом, никому не служа, ни от кого не получая денег. Но в то же время стала предателем Англии, приютившей её и принявшей в свой правящий класс, и орудием передачи немецким нацистам точных сведений о британских вооружённых силах, планах отражения агрессии, развития военной промышленности и об американской помощи в мрачные часы перед и после падения Франции.

Поздним июльским вечером 1940 года Уинстон Черчилль вынужден был прервать заседание Военного кабинета Великобритании — так именовалось английское правительство в годы Второй мировой войны. Он получил срочное сообщение, на которое надо было немедленно реагировать. Черчилль вышел из кабинета и прошёл в соседнюю комнату. Там его ждал начальник разведки, который сразу же приступил к докладу.

— Службой контрразведки МИ-5 выявлен нацистский шпион в американском посольстве, который владеет секретными кодами, используемыми послом Джозефом Кеннеди в переписке с Рузвельтом и госдепартаментом. — Начальник разведки сделал паузу и продолжал: — Кроме того, он знает всё о посланиях, которые вы направляете Рузвельту. Этот шпион со своей сообщницей в состоянии передать немцам все телеграммы, которые вы, а также министр иностранных дел лорд Галифакс и

экс-премьер сэр Невилль Чемберлен посылали и посылаете через посольство США. Есть данные, что они успешно доходят до Берлина.

Черчилль слушал молча, вспоминая последние послания, мольбы, которые он направил Рузвельту и которые сейчас, ухмыляясь, читают на Альбрехтштрассе в Берлине.

«Черчилль — Рузвельту.

…Я прошу вас о помощи. Я умоляю, чтобы вы помогли всем, чем можете. Прежде всего, немедленно нужны сорок—пятьдесят старых миноносцев. Во-вторых, мы просим несколько сотен самолётов. Третье — противовоздушная артиллерия и боеприпасы должны быть в изобилии в будущем году… если мы доживём, чтобы увидеть их…»

В другом послании Черчилль писал: «Обстановка ухудшается… После катастрофы во Франции мы ожидаем, что будем атакованы с воздуха и воздушным десантом в ближайшем будущем, и мы всё готовим для этого… Мы будем продолжать войну одни, и мы не боимся…»

— Значит, все мои послания идут одновременно и к Гитлеру? — Черчилль задал этот вопрос, заранее зная ответ.

— Да, господин премьер-министр, — подтвердил разведчик.

— Как пересылаются эти материалы?

— Через посольства так называемых нейтральных стран, Италии и Румынии. (Впоследствии было установлено, что важность документов была столь велика, что Гитлер специально удерживал Муссолини от вступления Италии в войну, чтобы продолжать использовать её посольство.)

Несколько минут спустя после разговора начальника разведки с Черчиллем министр иностранных дел лорд Галифакс разбудил телефонным звонком посла США и вкратце сообщил ему суть дела. Кеннеди согласился снять дипломатический иммунитет с одного из сотрудников посольства. Ещё через несколько минут офицеры специального бюро Скотленд-Ярда прибыли в квартиру на Глоустер-роуд и арестовали молодого американского дипломата.

Это был Тайлер Кент, выходец из знатной американской семьи из Новой Англии, откуда происходил и посол Джозеф Кеннеди, отец будущего американского президента. Тайлер Кент, арест которого через два дня санкционировал сам президент Рузвельт, был любовником Анны Волковой. В ходе следствия выяснилось, что он был инструментом в её руках.

Не менее полутора тысяч совершенно секретных документов посольства было скопировано Тайлером Кентом и передано Анне, а вдобавок к этому — целый ряд других бумаг, адресованных

госсекретарю Корделлу Хэллу и послам во все европейские страны. Многие содержали важные выдержки из совершенно секретных распоряжений и докладов. Их направляли через Лондон, так как госдеп полагал, что только лондонское посольство имеет «непробиваемый» код.

Может быть, он и был «непробиваемым» для криптографических служб противника, но ни один код не может противостоять тому, кто знает его в деталях и работает с ним. Таковым и был Кент — начальник шифровальной службы посольства США в Великобритании.

Это позволило немцам не только быть в курсе англо-американских отношений, но и экономить средства на шпионаж за американцами в других странах Европы.

Что же толкнуло Тайлера Кента на измену?

Он делал это не ради денег. Он не получил ни от кого ни пенса, а на суде утверждал, что даже не знал о том, что секреты утекают к Гитлеру.

К моменту ареста Кенту исполнилось двадцать восемь лет. Его отец находился на дипломатической службе США. В 1911 году, когда Тайлер родился, отец был генеральным консулом США в Мукдене, в Китае. Тайлер был единственным ребёнком в семье, и родители делали всё, чтобы дать ему хороший старт в жизни. Он обучался в самых престижных школах и университетах Европы и США, знал несколько иностранных языков, в том числе французский и немецкий, был хорошо подготовлен к дипломатической карьере, и его перспективы выглядели блестяще. Приятный молодой человек, отличный игрок в бейсбол и футбол, легко заводил друзей и слыл сообразительным и остроумным. Правда, он очень смущался при виде красивых женщин.

В Лондоне Тайлер встретил Анну Волкову. Те, кто знал её, утверждали, что ни одна современная шпионка, включая Мата Хари, не подходила под определение «роковая женщина» так, как Анна Волкова, во всяком случае в том, что касается Тайлера Кента.

Когда они впервые встретились в Лондоне, ему было двадцать семь, ей тридцать восемь. Но было бы несправедливо всю вину за «падение» Кента возлагать на Анну Волкову или даже считать её влияние решающим. Политические причины лежали в основе его поведения ещё до назначения в Лондон.

Вскоре после того, как Тайлеру исполнилось двадцать три года, он, блестяще сдав экзамены, был принят на дипломатическую службу США и направлен на работу в американское посольство в Москве, куда и прибыл в феврале

1934 года.

Время пребывания Кента в Москве совпало с годами жестокого сталинского террора. Он был свидетелем чистки коммунистической «старой гвардии», судов над Зиновьевым, Каменевым, Бухариным, ликвидации маршала Тухачевского и других руководителей Красной армии, видел уничтожение большинства старых друзей Сталина. Сталинизм предстал перед Кентом во всей своей «красе».

В уме и сердце впечатлительного юного американца всё это вызвало не только ненависть к тому типу коммунизма, который он видел в России. Он вернулся из Москвы ярым антисемитом.

Случилось так, что до восемнадцати лет он вообще не встречался ни с одним евреем. В том обществе, к которому он принадлежал, евреи, даже очень богатые, были чужаками. Никогда он не видел их в престижных частных школах. Очень мало было евреев и среди студентов Принстонского университета. Но большинство из них были люди талантливые и с амбициями. Возможно, редкое общение с ними уже тогда вызвало в его несформировавшемся характере чувство отторжения.

В Москве Тайлер Кент встречался со многими официальными лицами Наркоминдела. И хотя многие из евреев к этому времени были убраны с высоких постов, всё же большинство рядовых сотрудников, с которыми общался Тайлер, были евреями. Кент, который уже мог говорить по-русски, был, по его словам, огорошен тем холодным цинизмом, с которым эти люди относились к массовым репрессиям. Вскоре он сделал для себя вывод, что цинизм, жестокость и вероломство являются характерными чертами всех евреев. Это и стало не только трагической ошибкой его жизни, но и основной причиной его падения.

Гитлер находился у власти уже два года, когда Кент отправился в отпуск в Берлин и Баварские Альпы. Он встретился со многими нацистами, сотрудниками германского МИДа, и был приятно удивлён культурными и обаятельными манерами немцев.

Немцы быстро раскусили симпатии Кента. Вполне очевидно, что он не случайно был введён в кружок профессора Хаусхофера, своего рода пророка «арийской геополитики». Через него Кент познакомился с Альфредом Розенбергом, нацистским «философом», был представлен Геббельсу и присутствовал на одном из блестящих приёмов у Геринга.

После «тура по витринам» нацистского государства он вернулся убеждённый, что «арийская философия» будет

господствовать в новом тысячелетии. Попав под влияние нацистов, он стал ярым антисемитом.

С такими настроениями Тайлер Кент получил назначение в лондонское посольство США накануне Второй мировой войны. Он уже был в ранге третьего секретаря и ожидал дальнейшего успешного продвижения.

В Москве Кент заведовал шифровальной службой посольства и показал себя столь способным на этой работе, что госдепартамент посоветовал послу Кеннеди назначить Кента на аналогичную должность в Лондоне.

В таких важных посольствах, как лондонское, на эту должность назначают обычно дипломатов более высокого ранга. Но квалификация Кента, прекрасное впечатление, которое он произвёл на Кеннеди, и его безукоризненное прошлое повлияли на решение посла. В распоряжение Кента поступил отдел кодов и шифров американского посольства в Лондоне. Так он получил ключ к большинству жизненно важных секретов американского посольства: книги, содержащие «непробиваемый» код, которым пользовался только посол для переписки с президентом и госсекретарём.

Уинстон Черчилль вспоминал в своих мемуарах, как президент Рузвельт советовал ему для сугубо секретной личной переписки использовать возможности американского посольства. Президент полагал, что это позволит лучше, чем любой иной метод, избежать перехвата переписки немцами.

Черчилль писал: «Я посылал свои телеграммы в американское посольство, которое находилось в прямой связи с Белым домом, посредством специальной кодировочной машины. Была достигнута великолепная скорость в радиообмене, и все вопросы решались в течение считанных часов. Некоторые послания я готовил вечером, ночью или даже в два часа пополуночи. Они попадали к президенту до того, как он ложился спать, и очень часто его ответ приходил ко мне, когда я на следующее утро только вставал с постели. В общей сложности я направил ему 950 посланий и получил около 800 ответных…»

У Черчилля была привычка работать по ночам. Иногда посыльные, сопровождаемые вооружёнными офицерами подразделений спецназначения, доставляли его послания в американское посольство в предрассветные часы. Кент вызвался лично отправлять все послания Черчилля президенту и ожидал ответа, даже если для этого нужно было не спать целую ночь. Молодой человек работал на износ. Кеннеди обратил на это внимание и, выразив обеспокоенность его здоровьем, посоветовал беречь себя. Но тот заявил на это:

— Я должен сделать всё, что могу.

Никто так и не установил, где и когда встретились Кент и Анна Волкова. Возможно, он «положил на неё глаз» на празднестве в англо-германском клубе «Линг». Одним из его основателей был лорд Редесдейл, тесть небезызвестного сэра Освальда Мосли, главы профашистского движения Англии. Вполне вероятно, что Анна, высокая, стройная, привлекательная женщина, интересная собеседница, сама организовала эту встречу.

Анна родилась в 1902 году в Санкт-Петербурге, где её семья занимала видное положение при дворе. Один из её дядей был воспитателем царя Николая II, другой генералом, командовавшим полком лейб-гвардии. Отец, военный моряк, дослужился до чина контр-адмирала и был военно-морским атташе в ряде европейских стран.

Его дети, Анна и Александр, выросли в дипломатической среде, свободно чувствовали себя в космополитическом обществе Парижа, Берлина, Рима, Копенгагена.

Во время Первой мировой войны, будучи военно-морским атташе в Лондоне, адмирал Волков был удостоен королём Георгом V звания кавалера ордена Бани. Когда революция 1917 года свергла царя, Волковы находились за границей. Их дом в Петрограде и имение на юге России были разграблены, все богатства конфискованы.

Адмирал Волков и его семья нашли убежище в Англии, но вскоре оказались в стеснённых обстоятельствах. Драгоценности мадам Волковой пришлось продать. Она и её муж вынуждены были искать любую работу, чтобы им и детям не умереть с голоду. На небольшие деньги, которые удалось спасти, и с помощью займа у более удачливых русских эмигрантов Волковы открыли маленькое кафе в Кенсингтоне.

«Русская чайная» на Харрингтон-роуд вскоре стала излюбленным местом «белых» русских, обитавших в Лондоне. Бизнес был скромным, но постоянным. Мадам Волкова, в прошлом державшая в услужении трёх горничных, французского повара и нескольких слуг, теперь стояла весь день в маленькой кухоньке, заваривая чай и приготавливая закуски в русском стиле.

Анне было всего четырнадцать лет, когда родители потеряли всё своё состояние и стали владельцами лишь маленького кафе. Но, несмотря на нехватку денег и трудности жизни, адмирал Волков и его жена старались воспитывать детей в семейных традициях. Девочка была способной к языкам, говорила на английском, французском и немецком так же бегло, как и по-

русски. Конечно, сыграл роль и тот факт, что детство она провела, путешествуя по Европе. Обучалась музыке, была способной художницей, и её акварели не раз выставлялись на любительских вернисажах.

Её поведение соответствовало тому, как должна вести себя девушка из аристократической семьи. Хорошо начитанная, знающая толк в искусстве, она была желанной гостьей в домах представителей правящего класса Англии. Тот факт, что отец всего лишь скромный владелец маленького кафе, в настоящее время нисколько не мешает дочери быть принятой в приличном британском обществе, но тогда, в 1920-е годы, всё было по-другому, и её могли не допустить в него. И лишь то, что многие знали прошлое её отца — адмирала, спасало положение. Её принимали как равную.

Когда белые эмигранты собирались в «Русской чайной», все их разговоры, естественно, касались положения в России. Эти лишённые корней люди, ставшие продавцами, официантами, ночными сторожами и рабочими, не могли смириться с тем, что в России произошёл переворот, оказавший влияние на историю человечества. Они воспринимали его лишь как досадное недоразумение, вызвавшее временный дискомфорт в их жизни.

Многие из них обвиняли Троцкого и других евреев в том, что те совершили революцию и лишили их благосостояния. Причиной своего бедственного положения в изгнании они тоже считали евреев.

Анна Волкова выросла в этой атмосфере. На суде она признала, что все её действия были продиктованы глубоким убеждением в том, что Англия стала инструментом в руках «сионских мудрецов». По её мнению, они развязали «еврейскую войну» для того, чтобы захватить господство над миром. Единственным способом помешать еврейскому заговору против арийских народов была, как она считала, поддержка Гитлера и нацистской Германии.

Она познакомилась со многими англичанами, разделяющими её взгляды на евреев и коммунистов, в большинстве своём членами Британского союза, фашистами, лидерами «Правого клуба». Все они поддерживали идеи Гитлера. Она была частым гостем в Вестборн-террас, штаб-квартире «Немецкого культурбунда в Англии», который впоследствии был разоблачён как центр нацистского шпионажа, и принимала активное участие в его работе.

В апреле 1939 года Анне сделали операцию, и она на период выздоровления отправилась на курорт в Судеты, захваченные Гитлером после мюнхенского сговора 1938 года. Там и в

Германии она встречалась со многими нацистскими лидерами. По возвращении в Англию представила членам клуба меморандум, оправдывающий деяния нацистского режима.

Естественно, что её деятельность, особенно с началом войны, не осталась незамеченной. Контрразведка решила следить за Анной и её друзьями, и время от времени их брали под наружное наблюдение. Когда стало известно о встречах Анны с сотрудниками итальянского и румынского посольств, наблюдение за ней было усилено, и она оказалась объектом серьёзной разработки. Контрразведка решила получить информацию из первых рук — из «Правого клуба», где Анна проводила теперь большую часть своего времени.

Две молодые девушки — они проходили в суде как «Мисс А» и «Мисс Б» — были привлечены к этому делу. Анна, руководившая «Правым клубом», нуждалась в новых сотрудниках и с распростёртыми объятиями приняла «Мисс А», когда та пришла к ней в поисках работы и с рекомендациями от двух-трёх людей, которые, как Анна знала, поддерживают её антиеврейскую компанию. «Мисс А» была принята на должность секретаря-машинистки. Через несколько дней появилась и «Мисс Б». Анна была счастлива, что та разделяет её политические взгляды. Через пару недель они обе завоевали полное доверие Анны. «Мисс Б» узнала, что Анна надеялась в офисе будущего гаулейтера Англии занять пост начальника отдела по ликвидации британских евреев. Она обещала «Мисс Б» сделать её своей помощницей.

Это было время, когда Анна регулярно встречалась с американским молодым дипломатом Тайлером Кентом. В ней он нашёл себе мать, любовницу и духовного наставника. Тайлер сообщил Анне, что находится в курсе переписки между Черчиллем и Рузвельтом.

Анна дала Кенту детальные инструкции. Он должен был оставаться в своём офисе после ухода других сотрудников, копировать все отправленные и полученные по кодировочной машине документы и передавать их ей. Осмелев, он вскоре стал относить Анне полные папки с документами, и они вместе снимали с них копии целыми ночами, прерывая иногда эти занятия любовными играми. Работа шла столь успешно и документов поступало такое множество, что Анна вскоре наняла профессионального фотографа для изготовления микрофильмов.

Детективы Скотленд-Ярда и сотрудники контрразведки вплотную занялись делами Волковой. Был установлен и допрошен работающий на неё фотограф, который считал, что занимается вполне легальной работой, делая «какие-то копии для леди из американского посольства».

В ужасе смотрели офицеры на кадр, который фотограф проектировал на экран. Наверху стоял штамп «Совершенно секретно». Внизу подпись: «Бывший военный моряк Уинстон Черчилль» — так премьер-министр подписывал свои личные послания президенту Рузвельту.

Фотографа и его плёнки отправили в Скотленд-Ярд. Через несколько минут главный инспектор Каннинг говорил по телефону с полковником Хинчли Куком, начальником контрразведки…

Далеко не все сообщения, переданные «Мисс А» и «Мисс Б», были представлены впоследствии на суде. Но многое из того, что было найдено ими в офисе Анны Волковой, фигурировало в качестве вещественных доказательств. Подтвердилось, что Анна использовала сумки-вализы итальянского посольства и контакты с румынскими дипломатами для отправки своей почты в Берлин. Анна поддерживала также контакт с Уильямом Джойсом — знаменитым «лордом Хау-Хау», который по немецкому радио вёл пропагандистские передачи на Англию. Она направляла Джойсу и его нацистским хозяевам из геббельсовского министерства пропаганды рекомендации по улучшению этих передач. Одновременно сообщала, на каких частотах и с использованием какого шифра вести передачу для неё.

Всего этого было достаточно, чтобы отправить Анну за решётку на длительный срок. Но её роль человека, руководившего похищением секретов из американского посольства, тянула на гораздо более тяжкое наказание, вплоть до смертной казни.

Уже после окончания войны посол Кеннеди так комментировал всё это дело:

«Кент руководил работой по использованию „непробиваемого“ кода. Из-за его предательства все дипломатические коммуникации внешнеполитической службы Соединённых Штатов были выведены из строя в самый драматический момент истории — в дни Дюнкерка и падения Франции. Дипломатический „блэк-аут“ (термин, обозначающий отключение связи, электроэнергии и т. д. — *И.Д.*), касающийся американских посольств и миссий во всём мире, длился от двух до шести недель, покуда курьеры с новыми кодами не прибыли из Вашингтона. Это было ужасное преступление. Кент всегда имел „непробиваемый“ код при себе, и это нанесло катастрофический вред. В первые месяцы войны мистер Черчилль через моё посредство сносился с президентом Рузвельтом без дипломатических условностей, говоря всю правду. Черчилль и другие члены британского Военного кабинета предоставляли мне

полную картину: точные данные о количественном составе наземных, воздушных и морских сил, диспозицию британских соединений и фундаментальные планы обороны Англии… Неделя за неделей они поступали к Рузвельту. И мы можем быть уверены, что неделя за неделей те же самые данные поступали в Берлин через Кента и Волкову…»

Но британская юстиция оказалась милостивой. Тайлеру Кенту дали семь лет тюрьмы, а в декабре 1945 года, после отбытия двух третей срока, депортировали в США. У него хватило ума держать язык за зубами, когда американские журналисты просили у него интервью и уговаривали написать мемуары.

Анна Волкова защищалась на суде с большим искусством, но была признана виновной по всем пунктам обвинения. За оказание помощи врагу её приговорили к десяти годам тюрьмы. По другим пунктам, в том числе и переписке с Уильямом Джойсом («лордом Хау-Хау»), — к пяти годам. Второй приговор был поглощён первым. В июне 1946 года её выпустили из тюрьмы. Умерла она в 1970 году.

Только в 1986 году стало известно имя «Мисс Б», ею оказалась Джоан Миллер, опубликовавшая в Дублине свою книгу «Война одной девушки». Фигура Джоан Миллер сама по себе небезынтересна.

После окончания школы хорошенькая девушка сначала работала в чайной лавке, а затем в парфюмерной фирме Элизабет Арденс — так хотела её мать, считавшая эту работу престижной. Осенью 1938 года Джоан исполнился двадцать один год. На мир надвигалась угроза фашизма, и Джоан решила что-нибудь сделать «для войны». Вместе со школьной подругой («Мисс А») она поступила в транспортный отдел МИ-5, а затем перешла на секретную работу, как она пишет, «для избранных». Она стала личным ассистентом Максвелла Найта, известного как «Капитан Кинг» или «Мистер М», шефа одной из секций МИ-5. По его заданию она проникла в «Правый клуб», вошла в доверие к Анне Волковой и способствовала её разоблачению.

В своей книге Джоан рассказывает о «Мистере М», секретной фигуре, даже имя которого было запрещено разглашать, о его образе жизни — он был дважды женат и к тому же являлся гомосексуалистом. Джоан раскрыла многие секреты МИ-5, обстановку, царившую там, описала небрежную систему безопасности, грязные трюки, личные интриги руководителей и сотрудников и с возмущением отозвалась о той романтической индульгенции, которая была безосновательно выдана английским обществом этому учреждению. Не случайно книга Джоан Миллер, изданная в Ирландии, была запрещена в Англии.

ЛЕОПОЛЬД ТРЕППЕР (1904–1982)

Его обычно называют «Большим шефом» «Красной капеллы». Но что же представляет собой она сама? Советской агентурной сети под таким названием не существовало, были лишь самостоятельные резидентуры ГРУ и НКВД, раскрытые германской контрразведкой. А «Красной капеллой» первоначально именовалась зондеркоманда гестапо (Gestapo-Sondercommando Rote Kapelle), занимавшаяся радиоперехватом на оккупированных территориях Западной Европы. Только после войны в литературе, посвящённой антифашистской борьбе, так стали называть группы антифашистов, связанных с советской разведкой.

Леопольд Треппер родился 23 февраля 1904 года в городе Новы-Тарг, в Галиции, в семье еврея-коммивояжёра. В четырнадцать лет примкнул к еврейской молодёжной организации «Хашомер Хацаир», сотрудничавшей с польской компартией. В апреле 1924 года эмигрировал в Палестину, где активно участвовал в борьбе против английских оккупантов. Был арестован, нелегально бежал во Францию и включился в работу французской компартии. В связи с угрозой ареста был отправлен в Москву в Коммунистический университет национальных меньшинств Запада. В 1936 году по указанию начальника Разведупра Я. Берзина выехал во Францию, чтобы разобраться в одном провале. Установив виновника провала — Роберта Гордона Свитца, Треппер вернулся в Москву. В 1937 году он становится сотрудником советской военной разведки и по её заданию создаёт в Бельгии резидентуру связи для работы в военное время. Его заместитель — завербованный им Л. Гроссфогель, руководитель паспортной службы — привлечённый им же А. Райхман.

В 1938 году Л. Треппер открывает в Брюсселе фирму во главе с директором Жюлем Жаспаром, братом бывшего премьер-министра Бельгии, одновременно создаёт сеть отделений фирмы с конспиративными квартирами в скандинавских странах. В апреле 1939 года в помощь Трепперу прибывают кадровые сотрудники Центра А. М. Гуревич («Кент») и М. В. Макаров («Хемниц»).

Основной задачей резидентуры Треппера было добывание документов и организация связи, поэтому прямой разведывательной деятельностью её сотрудники не занимались.

В 1938-м и вторично в 1939 году Райхмана арестовывают как не имеющего юридического права проживать в стране. Вопреки здравому смыслу, после освобождения по указанию Центра

Треппер передаёт Райхмана на связь сотрудникам резидентуры. Таким образом его сводят с Гуревичем, Макаровым, Избуцким, Гроссфогелем. Эта ошибка впоследствии дорого обойдётся резидентуре.

В мае 1940 года Бельгия была оккупирована немцами. Почувствовав угрозу ареста, Треппер бросил жену и сына на произвол судьбы и спрятался у своей любовницы Джоджии де Винтер. Отправкой его семьи в СССР занимался Л. Гуревич.

16 августа 1940 года Треппер, которому удалось перевести в Париж триста тысяч франков, принадлежавших фирме, на машине советского посольства с документами на имя Ж. Жильбера также направился в Париж. Туда же уехал Л. Гроссфогель.

Ошибкой Треппера было то, что, как показал впоследствии Гуревич, «нельзя было полностью вербовать наших работников за счёт еврейской секции компартии Бельгии». Это вело к провалу, особенно в условиях немецкой оккупации.

Гуревич, оставшийся в Брюсселе, принял на себя руководство резидентурой и, кроме того, сумел организовать новую фирму «Симэско» с филиалами в Париже, Марселе и других городах Европы. По существу, он создал новую агентурную сеть, приобрёл конспиративные квартиры, благодаря своему положению сам добывал важнейшие сведения. Его невольными информаторами были немецкие хозяйственные офицеры, размещавшие заказы через фирму «Симэско». Кроме того, Гуревич выезжал в Швейцарию для связи с резидентурой «Дора» (Шандора Радо, см. о нём очерк).

Одновременно в Бельгии действовала нелегальная резидентура «Паскаль», которую возглавлял капитан ГРУ Константин Ефремов.

После начала войны, помимо связи с перечисленными резидентурами, Гуревичу было поручено отправиться в Берлин и вступить в контакт с радистом группы «Альта» К. Шульце, а затем и с группой А. Харнака и Х. Шульце-Бойзена. Гуревич добросовестно выполнил эти задачи и передал в Москву дополнительно к своей информации информацию, собранную сетями «Альты», «Старшины» и «Корсиканца».

Его радиостанция непрерывно работала 21, 23, 25, 26, 27 и 28 ноября 1941 года. Аналогичное положение было и в декабре. Информация была высоко оценена в Центре. В одной из радиограмм Гуревичу сообщили: «Добытые вами сведения доложены Главному хозяину (т. е. Сталину) и получили его высокую оценку. За успешное выполнение задания вы представлены к награде».

Но немецкая контрразведка и радиопеленгационная служба не дремали. Была создана зондеркоманда под началом штурмбаннфюрера СС Фридриха Панцигера и гауптштурмфюрера СС Карла Гиринга, которая начала охоту за рациями. ГРУ требовало беспрерывной и продолжительной работы радиостанций, что облегчало противнику их пеленгацию и ликвидацию.

Неизбежное произошло. В декабре 1941 года группа пеленгации устроила облаву по установленным адресам. Несколько радистов, шифровальщица, содержательница квартиры, где находился один из передатчиков, были арестованы. Позже был арестован Макаров. Трепперу, попавшему в засаду, удалось бежать, предъявив удостоверение германской «Организации Тодта». Он немедленно предупредил о провале Гуревича. Вся агентура была законсервирована. Треппер, Гуревич и его жена Барча скрылись в Париже и Марселе.

В руках гестапо оказались зашифрованные радиограммы, передававшиеся через брюссельский передатчик. Их расшифровка привела к полному разгрому в Берлине группы Ильзы Штёбе («Альты»), Арвида Харнака («Корсиканца»), Харро Шульце-Бойзена («Старшины»). Практически с этого времени советской разведки в Берлине не стало.

Что касается тех разведчиков, которые находились в Бельгии, их судьба также оказалась печальной. Арестованный наряду с другими Райхман на первом же допросе дал согласие сотрудничать с немцами. В результате его предательства были арестованы разведчики, осуществлявшие связь с Голландией. Там было арестовано семнадцать человек. Один из радистов «сдался», и уже 22 сентября 1942 года его рация начала посылать сообщения в Москву под контролем гестапо. Правда, оставшиеся на свободе подпольщики успели сообщить об этом в Центр, который начал «игру» с немцами. Ещё несколько радистов и разведчиков были принуждены гестаповцами к сотрудничеству. Они сумели включить в радиопрограммы условные знаки, означавшие, что работают под контролем, но не все были поняты правильно.

Большинство участников бельгийской «Красной капеллы» после пыток было казнено. Но самое страшное, что на многих легло незаслуженное пятно предательства как например, на К. Ефремова и М. Макарова. Велика в этом «заслуга» и Л. Треппера, оговорившего в своих послевоенных показаниях и книге «Большая игра» Гуревича, Ефремова, Макарова и некоторых других.

Ещё в августе 1940 года Треппер обосновался в Париже. Он

принялся налаживать работу новой нелегальной резидентуры, имел надёжное прикрытие — коммерческую фирму «Симэско», ставшую одним из поставщиков «Организации Тодта» во Франции, которая вела все строительные и фортификационные работы по заданиям вермахта. Благодаря этому Треппер получил возможность приобретать пропуска в Бельгию, Голландию и оккупированную зону Франции и, конечно же, собирать важную информацию по военно-экономическим вопросам.

Талантливый вербовщик, Треппер создал агентурную сеть, состоящую из ценных источников. Ему на связь были переданы также агенты, завербованные легальным резидентом Разведупра генералом Суслопаровым, занимавшим пост советского военного атташе при правительстве Виши. Благодаря этому Треппер стал направлять через Суслопарова материалы о численности и дислокации немецких войск во Франции. В середине мая 1941 года Треппер передал особо важное сообщение о том, что немцы через Швецию и Норвегию перебросили в Финляндию около пятисот тысяч солдат, а все высшие руководители «Организации Тодта» переведены в Польшу. Он также сообщил о перемещении немецких войск из Франции к советским границам и называл дату возможного нападения на СССР 20–25 мая 1941 года. Сообщение с точной датой начала войны Треппер передал через Суслопарова 21 июня 1941 года.

После отъезда Суслопарова Треппер и его резидентура остались без связи с Москвой.

В июне 1941 года руководство ГРУ пошло на вынужденный шаг: поручило радисту Ефремова («Паскаль») Венцелю установить контакт с Гуревичем и оказать помощь ему и Л. Трепперу.

Всё это привело, в конце концов, к катастрофе. Из-за самоуверенности и переоценки своих возможностей, свойственных Л. Трепперу, все три резидентуры переплелись между собой и организовали рыхлую сеть, слабо законспирированную структуру, в которой Треппер пытался играть роль «Большого шефа».

Несмотря на успехи немецкой контрразведки в Бельгии и Голландии, её главной задачей оставался арест Треппера и Гуревича.

К ноябрю 1942 года у немцев было уже достаточно данных для ликвидации резидентуры Треппера во Франции. Им удалось расшифровать значительную часть переписки между Центром и Гуревичем. В ходе допросов арестованных агентов были получены необходимые сведения о французской агентурной сети. В ноябре 1942 года в Марселе и Париже были арестованы Гуревич, Барча и все сотрудники фирмы «Симэско».

Чтобы избежать дальнейшего розыска со стороны гестапо, Треппер пытался инсценировать смерть и похороны Жана Жильберта, под именем которого он жил. Но инсценировка не удалась. 24 ноября 1942 года в зубоврачебном кабинете в Париже Треппер был арестован. До января 1943 года были арестованы все его помощники и члены агентурной сети. Всего во Франции, Бельгии и Голландии арестовали более ста человек, из которых семьдесят работали на советскую разведку.

Немецкое командование решило через радиопередатчики Венцеля, Гуревича и Треппера организовать радиоигру с советскими спецслужбами. Шесть из восьми захваченных радиопередатчиков были использованы в радиоигре, которой руководили эсэсовец Гиринг, а затем гестаповец Паннвиц. Стремясь спасти не только себя, но и извлечь пользу для дела, Треппер и Гуревич вынуждены были подыгрывать гестаповцам. В июне 1943 года Трепперу удалось через своего связника в ФКП сообщить в Центр о том, что передатчики бельгийских и французских резидентур работают под контролем немцев. Подпольный радиопередатчик Коминтерна передал в Москву эту информацию 7 июня 1943 года. Но напомним, что сообщения о провалах и работе под контролем немцев наши разведчики передавали и раньше: 15 июля 1942 года Ефремов сообщил, что арестован его радист Венцель, 25 сентября 1942 года Г. Робинсон (см. очерк о нём) сообщил об аресте Ефремова и радиста-голландца. Сам Треппер ещё 1 ноября 1942 года сообщал о провалах резидентуры Ефремова, а 20 ноября подтвердил сведения об аресте 29 июня Венцеля, а 7 августа — Ефремова.

С июня 1943 года Центр начал вести полномасштабную радиоигру с немцами в своих интересах.

13 сентября 1943 года, воспользовавшись случаем, Л. Треппер бежал из-под стражи. Немцы начали на него охоту. Но он скрывался у своих друзей в Париже до самого его освобождения в августе 1944 года.

Оглушив охранника стулом, 18 ноября 1943 года совершил побег и Венцель. Ему удалось скрываться в Брюсселе до освобождения Бельгии.

Гуревич, который остался в заключении до конца войны, сумел совершить небывалый в истории разведки подвиг — завербовать сотрудника контрразведки Паннвица, который его разрабатывал. Перед подходом войск союзников к Парижу Гуревич, Паннвиц, его радист и секретарша укрылись в Альпах, прихватив архив зондеркоманды «Красная капелла».

После окончания войны Треппер вместе с другими советскими разведчиками вернулся в Москву. Нельзя сказать, что

здесь его встретили как героя. Ему были вменены в вину как его действительные ошибки, так и те провалы, которые произошли по вине Центра. Он был репрессирован, а освобождён лишь через девять лет, в 1954 году. С 1957 года жил в Польше, откуда в 1973 году эмигрировал в Израиль, где и скончался в 1982 году.

Трудно сложилась и послевоенная жизнь Гуревича. Привезя в Москву такие трофеи, как гестаповец Паннвиц и архив «Красной капеллы», он не избавился от обвинения в провале берлинской «Красной капеллы» и в других прегрешениях. Он отбыл длительный срок в заключении, затем был освобождён, но реабилитирован лишь недавно.

ШАНДОР РАДО (1899–1981)

Известно, что существовали две «Красные капеллы» — берлинская (руководимая Харнаком и Шульце-Бойзеном) и бельгийско-французская (руководимая Треппером). Но была ещё и «Красная тройка», названная немцами так потому, что имела три радиопередатчика и работала на «красных», то есть на СССР.

Накануне войны на территории Швейцарии действовали три резидентуры советской военной разведки. Ими руководили Л. Анулов («Коля»), Р. Дюбендорфер («Сиси») и Р. Кучински («Соня»).

Все эти люди сыграют свою роль в создании и работе «Красной тройки» и судьбе её руководителя Шандора Радо, поэтому о них нужно сказать особо. Именно Анулова, хотя его имя известно менее других, считают основателем «Красной тройки».

Леонид Абрамович Анулов (настоящая фамилия Московиш) родился в 1897 году под Кишинёвом. Рядовой царской армии, участник большевистского подполья, а с 1919 года профессиональный разведчик, он принимал участие в подготовке германского «Октября», воевал на КВЖД и в Испании, работал резидентом в Китае, Франции, Испании, Швейцарии. С 1937 года в качестве нелегального резидента он находился во Франции, откуда руководил агентурной сетью в Швейцарии. В числе приобретённых им агентов был швейцарский журналист Отто Пюбнер, взявший себе оригинальный псевдоним «Пакбо», то есть «партийная канцелярии Бормана», подчёркивающий, что его информация исходит как бы из самых верхов нацистской иерархии.

«Пакбо» завёл широкие связи в правительственных, журналистских и дипломатических кругах Швейцарии, имевших выход на Германию. Через них он получал сведения об этой стране, в частности, о военно-политических мероприятиях её правительства.

О Кучински мы не будем подробно рассказывать, так как ей посвящён отдельный очерк, и желающие могут обратиться к нему. Напомним лишь, что это уникальная сотрудница разведки, одна из немногих, награждённых двумя орденами Красного Знамени и работавшая с тремя выдающимися разведчиками — Р. Зорге, Ш. Радо и К. Фуксом.

Что касается Рашель Дюбендорфер («Сиси»), то о ней мы расскажем подробнее.

Рашель Дюбендорфер (по другим данным Дюбендорф),

урождённая Гёппнер, родилась в Варшаве в 1900 году, часть детства провела в Данциге. В юности стала коммунисткой и в 1920 году начала подпольную работу. Тогда же вышла замуж за некоего Каспарна, но вскоре развелась с ним и уехала в Германию. Там устроилась работать машинисткой-стенографисткой в аппарат ЦК КПГ. Примерно в то же время стала агентом советской военной разведки.

После прихода Гитлера к власти и развязанного им террора против евреев эмигрировала в Швейцарию. Её целью было получить швейцарское гражданство и обосноваться в этой стране. Она встретила Генриха (по другим данным Курта) Дюбендорфа, швейцарского механика, коммуниста. Они поженились, однако брак был фиктивным, и муж вскоре исчез из её жизни. Но зато теперь она была полноправной швейцарской гражданкой. Превосходно зная немецкий и французский языки, Рашель поступила на работу в Международное бюро труда (МБТ) при Лиге Наций.

Как разведчицу эта организация мало интересовала Рашель, но давала ей и сотрудникам её группы возможность общения с иностранными дипломатами, профсоюзными деятелями. Главной задачей Рашель стало получение информации о Германии и её военных приготовлениях.

Возлюбленным Рашель, фактически её мужем и ближайшим сотрудником в 1934 году стал Пауль Бетхер, немец-эмигрант, социал-демократ, бывший министр финансов земли Саксония. Бежать из Германии его заставила ненависть к фашизму, борьбе с которым он посвятил свою жизнь. Его положение в Швейцарии оказалось нелёгким, так как статус эмигранта не давал никаких прав, более того, он всегда находился под угрозой депортации. Устроиться на постоянную работу он не мог, на жизнь зарабатывал тем, что сотрудничал с различными газетами. Его кличка не отличалась оригинальностью и была просто «Пауль».

Ещё одним сотрудником Рашель стал «Мариус» — Александр Абрамсон, уроженец Прибалтики, с 1920 года работавший в пресс-центре МБТ, благодаря чему имел легальную возможность интересоваться всеми событиями международной жизни. Сейф в своём кабинете он превратил в тайник, где Рашель держала оперативные материалы и даже детали радиопередатчика. Тайник был вполне надёжным, так как МБТ пользовалось дипломатической неприкосновенностью.

«Мариус» выдавал Рашель деньги из своих средств на оперативные и личные расходы, если поступление денег из Центра задерживалось. Он не забывал брать у «Сиси» расписки, складывал их в сейф, и за ней числился солидный долг.

Ценным агентом Р. Дюбендорфер был также Жан-Пьер Вижье («Бранд»). Сын дипломата и сам дипломат, он работал в посольстве Франции и Швейцарии. С ним познакомилась дочь Р. Дюбендорфер Тамара, которая завербовала его, а впоследствии стала его женой. Вижье был источником важной политической информации, одновременно являясь связным между Дюбендорфер и французскими антифашистами. После начала Второй мировой войны вступил во французскую армию, оставив вместо себя в качестве связного французского студента Лашанеля.

Дюбендорфер (через Бетхера) использовала также австрийку Лезер Бергер. Она была сотрудницей некоего Фаррена, агента английской разведки. Она даже немного бравировала тем, что связана с СИС, не без оснований полагая, что это повышает её «рейтинг» в глазах местного общества. Бетхер сообщал «Сиси» всё, чем делилась с ним Бергер, в основном информацией о положении на Балканах. По заданию СИС она пыталась кое-что выведать и у Бетхера. Тот охотно рассказывал ей всё, что ему известно из прессы и обывательских разговоров.

Нельзя не упомянуть ещё двух человек, имевших отношение к созданию «Красной тройки». Это — Манфред Штерн и Мария Полякова.

Штерн уроженец Буковины. Служа во время Первой мировой войны в австрийской армии, попал в плен. В Сибири стал большевиком, участником Гражданской войны. После войны вся его жизнь была связана с военной разведкой. В Германии он участвовал в «мартовском путче», затем был резидентом в Китае, Маньчжурии, США, главным военным советником китайской компартии. С 1936 года воевал в Испании, под именем «генерала Клебера» командовал Одиннадцатой интербригадой. Затем работал в аппарате Коминтерна и занимался оказанием помощи республиканской Испании. Тогда-то ему и удалось создать в различных странах, в том числе и в Швейцарии, группы для содействия интербригадам.

Его помощницей в этом деле была Мария Полякова, «Вера», незаурядная женщина и разведчица. Находясь на легальной работе в представительстве СССР в Швейцарии, она курировала создание разведывательных групп «Красной тройки» и сама занималась активной разведывательной работой. Достаточно сказать, что она вывезла из Швейцарии автоматическую авиационную пушку «Эрликон» и восемь снарядов к ней. Уезжая на Родину, она передала Анулову свои полномочия по связи с Шандором Радо, но продолжала курировать «Красную тройку». Во время войны она вербовала и направляла в тыл врага немецких

пленных.

В 1941 году на случай захвата немцами Москвы планировалось оставить её там нелегальным резидентом ГРУ. Мария Полякова работала в ГРУ до ухода на пенсию. Умерла она в 1995 году.

Теперь вернёмся к нашему главному герою — Шандору (Александру) Радо. Он родился 5 ноября 1899 года в Будапеште, в семье торговца. После окончания гимназии был призван в австро-венгерскую армию и направлен в артиллерийское училище. Но на фронт не попал, а оказался в бюро секретных приказов артиллерийского полка. Именно эти приказы раскрыли ему глаза на положение в стране и в армии — солдатские волнения, революционные выступления в войсках, антимонархические настроения.

Одновременно со службой Радо учился на юридическом факультете университета, где тоже впитывал витавший там революционный дух. В 1918 году примкнул к социалистическому движению. 21 марта 1919 года в Венгрии победила советская республика, и двадцатилетний Шандор вступил в венгерскую Красную армию. Он рвался в бой, но по зрению в строй не попал, а с учётом образования был назначен картографом в штаб дивизии.

Всё больше проникался Радо идеями русской революции. После падения Венгерской советской республики в сентябре 1919 года он эмигрирует в Австрию, где создаёт русское телеграфное агентство Роста-Вин, продолжает учиться в Венском университете, активно работает на Коминтерн.

В 1921 году Шандора пригласили в Москву на III конгресс Коминтерна. Он вспоминал, как его растрогал скудный делегатский паёк: одна селёдка, десяток папирос и ломоть чёрного хлеба. Но зато он видел и слышал Ленина!

Читая эти строки сегодня, мы не должны забывать о настроениях и чувствах молодых революционеров 1920–1930 годов.

В 1922 году Шандор оказался в Германии, где встретил Лену Янсен, свою будущую жену и боевого друга. Он стал одним из руководителей готовившегося восстания, но оно не состоялось, выступление коммунистов в Гамбурге было жестоко подавлено, и Шандор выехал в Москву. Но ненадолго. Уже летом 1924 года вместе с женой и старшим сыном Имре он возвратился в Германию.

Там, вспомнив свой картографический опыт, Шандор основывает агентство «Пресс-географи», одновременно читая лекции в марксистской школе. В 1933 году, после прихода

Гитлера к власти, Шандор с семьёй перебирается в Париж, где открывает информационное агентство «Инпресс».

Октябрь 1935 года застаёт Шандора в Москве. Он приехал по приглашению редакции «Большого Советского Атласа мира», но разведка уже «положила на него глаз». Его приглашает к себе заместитель начальника Разведупра А. Артузов. Долгая и обстоятельная беседа двух умных людей заканчивается согласием Шандора работать в военной разведке в качестве разведчика-нелегала.

Перед отъездом Шандора Радо за рубеж его инструктирует сам начальник военной разведки комкор С. Урицкий, который ставит задачу под видом информационного агентства создать в Бельгии нелегальную резидентуру для сбора данных по Германии и Италии.

Шандор закрывает своё агентство в Париже, переезжает в Бельгию, но бельгийские власти не дают разрешения. Вступает в действие запасной вариант: Радо обращается с аналогичной просьбой к швейцарским властям.

В мае 1936 года он получил разрешение на открытие акционерного общества «Геопресс» в Женеве и вид на жительство.

С этого времени начинается новый этап жизни Шандора Радо. Его фирма «Геопресс» довольно быстро получила признание и даже была аккредитована при Отделе печати Лиги Наций. Это позволило получать заказы на карты от официальных организаций многих стран. Косвенно, а иногда и непосредственно «картографу» становились известны планы и замыслы европейских правительств и военщины.

Материалы, которые Шандор направлял в Москву через Полякову, получили высокую оценку.

В июне 1937 года Полякова была отозвана в Москву, а Шандор передан на связь Анулову. По его поручению он совершил поездку в Италию с заданием собрать сведения о переброске итальянских войск в Испанию. Радо посетил порты Специи, Неаполя, Палермо и другие, даже смог побывать на борту крейсера «Джованни делла Банда Нере» и выяснить его боевую задачу.

В апреле 1938 года Анулова неожиданно отозвали в Москву. (Его наградят орденом Ленина, но почти сразу же арестуют и осудят на пятнадцать лет. Впоследствии он будет реабилитирован и доживёт до 1974 года.)

Перед отъездом Анулов передал Шандору Радо «Пакбо» и других агентов. С этого времени Радо становится главой резидентуры, получившей незамысловатое имя «Дора». Она ещё невелика, и её главным источником пока является «Пакбо». К

этому времени у него уже есть много ценных связей: Поль де Нейрак («Негр»), бывший французский дипломат, большой знаток немецких дел, Жорж Блюн («Лонг»), французский журналист, связанный со швейцарской разведкой, Пао Синьцзюй («Поло»), пресс-атташе Китая в Берне, и, наконец, Бернгард Майр фон Бальдег («Луиза»). Это адвокат, который становится офицером швейцарской разведки и одним из серьёзных источников резидентуры «Доры».

1938 год отмечен такими вехами, как аншлюс Австрии, мюнхенский сговор Англии и Франции с Гитлером, открывший ему путь ко Второй мировой войне, отторжение немцами приграничных районов Чехословакии, продолжение войны в Испании.

В декабре 1938 года Радо через курьера получил следующую шифровку:

«Дорогая Дора! В связи с общей обстановкой, которая Вам вполне ясна, я ставлю перед Вами задачу самого энергичного развёртывания нашей работы с максимальным использованием всех имеющихся в Вашем распоряжении возможностей. Всемерно усильте работу с Пакбо для получения ценной военной информации и привлечения интересных для нас лиц. Сконцентрируйте внимание Пакбо прежде всего на Германии, Австрии и Италии… Директор».

Выполняя эти указания, Радо снабжал Москву важной информацией. Правда, в это время она в большей степени касалась Италии и относилась к дислокации и передвижениям вооружённых сил, состоянию военной промышленности и судостроения, поставки вооружения франкистам.

Наступило 1 сентября 1939 года. Швейцария после начала Второй мировой войны закрыла свои границы, и контакт «Доры» с Центром прервался. Имеющийся в резидентуре передатчик использовать было невозможно из-за отсутствия радиста.

Но, как говорится, «нет худа без добра» В декабре 1939 года Р. Кучински («Соня») получила из Москвы указание установить контакт с «Альбертом» (под этим именем проходил в переписке Ш. Радо) и помочь ему наладить регулярную связь с Москвой. В полученной ею радиограмме было предложено после установления контакта с «Альбертом» ответить на следующие вопросы: «Работает ли его бюро? Как у него с деньгами? Можно ли направлять донесения в Центр через Италию или ему нужна радиосвязь? В состоянии ли он установить такую связь самостоятельно?»

Получив обстоятельные ответы Ш. Радо на все вопросы, Центр обещал также прислать шифр, кодовую книгу, программу

связи.

Через три месяца, в марте 1940 года, в Женеву приехал Гуревич («Кент»), нелегальный резидент брюссельской резидентуры. Он привёз всё необходимое, кроме денег, так как при пересечении границ его могли арестовать за контрабанду валюты. Этот визит, к сожалению, впоследствии ещё даст себя знать.

Теперь Радо мог бы выходить на связь с Москвой, если бы у него был радист. Он успешно решает эту задачу: в июне 1940 года привлекает к работе в качестве радистов супругов Хамелей — Эдмонда («Эдуард») и Ольгу («Мауд»). Они придерживались левых политических взглядов, с симпатией относились к России. Эдуард был радиотехником по специальности и владельцем магазина по продаже радиоаппаратуры. Они прошли у «Сони» и её радиста Александра Фута курс обучения и с августа 1940 года, смонтировав передатчик у себя дома, начали работать самостоятельно.

Таким образом, Радо и Кучински могли теперь независимо друг от друга, используя собственные шифры и расписание связи, передавать сообщения в Центр.

Из-за войны резко уменьшилось число заказчиков «Геопресс», и доходы Радо упали. Ему едва хватало на жизнь — свою, жены, двух детей. А оперативные расходы росли. В октябре 1940 года Центр предложил Радо выехать в Белград, где связник передаст ему деньги. С помощью своего «приятеля», статс-секретаря итальянского МИДа Сувича, Радо получил разрешение для поездки в Венгрию через Белград. Там он встретился с прибывшим из Москвы курьером, который передал крупную сумму денег. В Швейцарию деньги были переправлены в густых волосах Лены, жены Радо, которая сопровождала его в поездке.

18 декабря 1940 года Рут Кучински с детьми выехала из Швейцарии и к лету 1941 года прибыла в Лондон. Передатчик Фута был перевезён в Лозанну, и связь с ним Радо поддерживал через оставшегося в Швейцарии Бёртона, агента (и мужа) Кучински. В марте 1941 года Фут наладил устойчивую связь с Москвой. Тексты сообщений до лета 1942 года он получал через Бёртона, а после его отъезда в Англию от самого Радо или через Лену.

В феврале 1941 года к «Пакбо» через его агента «Луизу» стала поступать всё более тревожная информация, касающаяся переброски немецких войск на Восток. Вот лишь некоторые радиограммы, направленные Радо в Центр:

«21.2.41. Директору

По данным, полученным от швейцарского офицера разведки,

Германия сейчас имеет на Востоке 150 дивизий. По его мнению, выступление Германии начнётся в начале мая. Дора».

«6.4.41. Директору

Все германские моторизованные дивизии на Востоке. Войска, расположенные на швейцарской границе, переброшены на юго-восток. Дора».

Тут интересен вопрос, каким образом офицер швейцарской разведки мог получить подобную информацию?

До 1935 года в ней служили всего два сотрудника, одним из которых был её начальник подполковник Роже Массон. Но вскоре к нему подключается швейцарский патриот Ганс Хаузаманн, капитан-резервист, который, убедившись в бедственном положении разведки, создал — случай уникальный! — свою собственную разведслужбу «Бюро Ха». С сентября 1939 года «Бюро Ха» становится подразделением разведки, штат которой возрастает в несколько раз. В ней трудится и «Луиза» (Бернгард Майр фон Бальдегг), с ней сотрудничает и Рудольф Рёсслер, о котором мы ещё скажем.

Есть и другие источники информации из сфер высшего немецкого военного командования. Массон и швейцарская спецслужба поддерживают тесную связь и с британской (Фаррэл) и с чешской (Седлачек) разведками, с которыми обмениваются информацией. Более того, Фаррэл обменивается информацией и с нашей разведчицей Р. Дюбендорфер, которую считает своим источником.

Одновременно с ним действует польская Экспозитура, германские и французские службы, швейцарская контрразведка, которые зачастую используют одних и тех же агентов, в том числе и используемых «Дорой». К этому надо добавить, что и радист «Доры» Александр Фут поддерживал тайную связь с английским разведчиком Фаррэлом.

Таким образом, в Швейцарии сплёлся сложнейший клубок разведслужб, в котором, в том числе и в роли каждого участника, будет непросто разобраться следователям на Лубянке в 1945–1946 годах.

И не случайно в сообщения Радо нередко проскальзывала дезинформация, что он и сам признаёт в своей книге воспоминаний «Под псевдонимом „Дора“». Например:

«6.6.40. Директору

По высказыванию японского атташе Гитлер заявил, что после быстрой победы на Западе начнётся немецко-итальянское наступление на Россию. Альберт».

В мае 1941 года, в связи с тем, что возросла угроза нападения Германии на СССР, Центр приказал Радо установить контакт с

резидентурой Р. Дюбендорфер («Сиси»), которая с сентября 1939 года не имела связи с Москвой.

Это было выполнено, но, несмотря на слияние групп, «Сиси» сохранила относительную самостоятельность. Советская разведка иногда работала непосредственно с ней, используя шифры, известные ей, но не известные Радо. Его это несколько задевало, но как дисциплинированный разведчик и хороший конспиратор, он принял этот приказ как должное.

Тревожные телеграммы продолжали поступать от «Доры»:

«2.6.41. Директору

Все немецкие моторизованные части на советской границе в постоянной готовности, несмотря на то, что напряжение сейчас меньше, чем было в конце апреля — начале мая. В отличие от апрельско-майского периода подготовка на русской границе проводится менее демонстративно, но более интенсивно. Дора».

«17.6.41. Директору

На советско-германской границе стоят около ста пехотных дивизий, из них одна треть моторизованные. Кроме того, десять бронетанковых дивизий. В Румынии особенно много немецких дивизий у Галаца. В настоящее время готовятся отборные дивизии особого назначения, к ним относятся Пятая и Десятая, дислоцированные в генерал-губернаторстве. Дора».

18 июня 1941 года в Центр ушла шифровка:

«18.6.41. Директору

Нападение Германии на Россию намечено на ближайшие дни. Дора».

Так началась война. И сразу же поступала ещё одна, трогательная и волнующая радиограмма:

«23.6.41. Директору

В этот исторический час с неизменной верностью, с удвоенной энергией будем стоять на своём посту. Дора».

После начала войны Центр передал Радо следующее указание:

«1.07.41. Доре

Всё внимание — получению информации о немецкой армии. Внимательно следите и регулярно сообщайте о переброске немецких войск из Франции и других западных районов».

Буквально на другой день Радо сообщил:

«2.7.41. Директору

Сейчас главным действующим оперативным планом является план № 1; цель — Москва. Операции на флангах носят отвлекающий характер. Центр тяжести на центральном фронте. Дора».

А вскоре последовала и ещё одна важная телеграмма:

«7.8.41. Директору

Японский посол в Швейцарии заявил, что не может быть и речи о японском выступлении против СССР, пока Германия не добьётся решающих побед на фронтах. Дора».

Эти две телеграммы содержали столь важную информацию, что она сыграла большую роль в битве за Москву.

Агентурная сеть «Доры» росла. Вскоре в ней появились два бывших французских офицера, которым дали псевдонимы «Зальцер» и «Лонг». Первый из них симпатизировал де Голлю и в своё время работал в посольстве Франции и в Швейцарии. Второй — бывший сотрудник французской разведки, работавший в интересах лондонского комитета «Свободная Франция» и имевший многочисленные и хорошо информированные источники. Среди них — австрийский аристократ с широкими связями Манфред фон Гримма («Грау») и корреспондент швейцарской газеты «Нойе цюрихер цайтунг» в Берлине и одновременно редактор немецкого внешнеполитического бюллетеня Эрнст Леммер («Агнесса»).

Но безусловно самым ценным, можно сказать уникальным приобретением резидентуры «Доры» явился Рудольф Ресслер — один из самых лучших агентов Второй мировой войны. На него вышла Р. Дюбендорфер («Сиси»), установившая в феврале 1942 года контакт с сотрудником Международного бюро труда Христианом Шнейдером («Тейлор»). В числе его знакомых и оказался Рудольф Ресслер.

Эта фигура занимает особое место в истории разведки. Американский исследователь Буранелли называет его «важнейшим источником информации о германском вермахте». Шеф американской разведки Аллен Даллес как-то заявил: «Если бы у меня была пара таких агентов, я бы мог ни о чём не беспокоиться». Он же в своей книге «Искусство разведки» писал: «…Советские люди использовали фантастический источник, находящийся в Швейцарии, по имени Рудольф Ресслер, который имел псевдоним „Люци“. С помощью источников, которые до сих пор не удалось раскрыть, Ресслеру удавалось получить в Швейцарии сведения, которыми располагало высшее немецкое командование в Берлине, с непрерывной регулярностью, часто менее чем через 24 часа после того, как принимались ежедневные решения по вопросам Восточного фронта». А бывший английский разведчик Л. Фараго утверждал, что Ресслер был лучшим советским агентом в Европе.

К мнению таких авторитетных людей нельзя не прислушаться.

Ресслер был, как и многие другие, беженцем из Германии. В

Швейцарии открыл небольшое издательство и книжную лавку. Как впоследствии выяснилось, попав в затруднительное положение, он согласился сотрудничать со швейцарской контрразведкой, поставляя ей некоторую информацию об эмигрантах и немецкой агентуре в их среде. В то же время он сотрудничал и с английской разведкой. В данном случае это сотрудничество объяснялось его желанием помочь союзникам в борьбе против Гитлера.

На очередной встрече с «Сиси» Шнейдер сообщил ей:

— Росслер имеет возможность снабжать нас материалами о Восточном фронте и по другим проблемам, относящимся к Германии.

— Откуда у этого лавочника могут быть такие сведения? — поинтересовалась «Сиси».

— Я спрашивал его об этом, но он категорически отказывается отвечать. Он утверждает, что они совершенно достоверные, но от кого и как поступают, не говорит. По его словам, того, что он нам даст, будет вполне достаточно, а тех антифашистов, которые поставляют эту информацию, он не хочет ставить под удар.

— Почему же он решил работать на советскую разведку?

— Он говорит, что цель его жизни — разгром нацистов и освобождение Германии, и борьба России лучше всего способствует её достижению. А кроме того, ему досадно, что ценные сведения, столь необходимые Красной армии, остаются неиспользованными.

— Хорошо, — согласилась «Сиси», — я думаю, он нам пригодится.

О разговоре со Шнейдером «Сиси» доложила Радо. Тот сразу заинтересовался и попросил познакомить его с Росслером.

— Я не могу этого сделать, — возразила «Сиси», — с незнакомым человеком он не станет разговаривать и прекратит всякий контакт с нами.

Всё же она переговорила с Росслером и передала Радо его слова:

— Вам нужна моя информация или мой труп?

После этого Радо не настаивал на встрече с ним.

Радо доложил в Москву о предложении Росслера, которому он дал псевдоним «Люци». Центр сообщил, что не следует отказываться от его помощи, но нужно соблюдать осторожность. С целью проверки Люци, его возможностей и честности, поступило задание: «Выяснить, что известно немцам о частях Красной армии, сражающихся на советско-германском фронте».

Некоторое время спустя пришёл ответ «Люци». Из него

явствовало, что, во-первых, «Люци» располагает действительно хорошо информированными источниками, а во-вторых, что немецкая разведка работала очень успешно как до, так и во время войны, и многое знала о противнике.

Вторым заданием Рёсслеру стало добыть данные о немецких соединениях и частях на Восточном фронте. Полученные от него сведения не оставляли сомнения в том, что он действительно располагает уникальными возможностями и источники его информации находятся в самых верхах германской военной структуры.

К сожалению, так и осталось тайной, кем же были эти люди. Не исключено, что они участвовали в заговоре против Гитлера и погибли после неудачной попытки покушения на фюрера 20 июня 1944 года, когда резидентура «Дора» уже не существовала. Имена своих друзей Рёсслер не называл никому и унёс их с собой в могилу. Лишь однажды он обмолвился, что пятеро из них генералы, один полковник, один майор и остальные капитаны. Тогда же он обозначил их инициалами. Исследователи ЦРУ считают, что у Рёсслера имелось в Германии четыре важнейших агента: «Вертер», «Тедди», «Анна» и «Ольга» — и предполагают, что это генерал-майор Ганс Остер, антифашист, начальник штаба абвера, Ганс Бернд Гизевиус, также сотрудник абвера, Карл Герделер, руководитель консервативной оппозиции Гитлеру, и полковник Фриц Бетцель, начальник отдела анализа разведданных юго-восточной группы армий в Афинах. Сам Ш. Радо полагал, что одним из информаторов Рёсслера был начальник узла связи Ставки верховного командования германской армии, который напрямую передавал Рудольфу Рёсслеру все секреты.

Во всяком случае, донесения «важнейшего источника информации» Рёсслера, которые получала от него «Сиси», продолжали поступать вплоть до разгрома резидентуры Радо и ареста её участников в 1943–1944 годах.

И все они имели первостепенное значение. Особенно оно проявилось в период летней кампании 1943 года:

«8.4.43. Директору. Молния.

От Вертера. Берлин. 3 апреля (Напомним, что „Вертером“ именовался источник в штабе вермахта. — *И.Д.*).

Разногласия между верховным главнокомандованием (ОКВ) и командованием сухопутных сил (ОКХ) улажены за счёт предварительного решения: отложить наступление на Курск до начала мая. Принятие этого решения облегчалось тем, что Бок, Клюге и Кюхлер смогли доказать растущую концентрацию войск во всём северном секторе фронта (это была блестящая

дезинформация советской разведки совместно с Генштабом. — *И.Д.*), и обратили внимание на опасность, которая может возникнуть в случае преждевременного израсходования резервов.

Манштейн же заявил, что он не сможет удержать южный сектор фронта, если Красная армия будет продолжать владеть таким прекрасным районом сосредоточения, как курский.

Как главное командование, так и генштаб сухопутных сил не думают, во всяком случае о наступательных операциях с широкими целями, в том числе ни на юге России, ни на Кавказе…»

Эта телеграмма во многом способствовала определению стратегии советского Верховного командования на 1943 год.

Объём информации, передаваемой в Центр, постоянно возрастал. Двух передатчиков (Фута и Хамеля) не хватало. Радо привлёк к работе двадцатитрехлетнюю антифашистку Маргариту Болли («Розу»). На её квартире в Женеве разместили третий передатчик, собранный с помощью Э. Хамеля. Маргарита прошла обучение у Александра Фута и в августе 1942 года стала выходить в эфир. Таким образом, «Красная тройка» полностью сформировалась.

Немецкие радиослужбы, конечно, не могли не обратить внимания на работу трёх неизвестных радиоточек в Женеве и Лозанне. В докладе шефа немецкой радиотехнической разведки указывалось, что ещё в начале июля 1941 года «слухачи» на немецкой, итальянской и французской границах Швейцарии нащупали эти нелегальные радиостанции. Через год их координаты были установлены более точно, но при всём старании шифры «тройки» и на кого она работает установить не удавалось.

Только после ареста во Франции в ноябре 1942 года руководителей «Красной капеллы» А. Гуревича («Кент») и Л. Треппера («Отто») с помощью захваченных шифров гестапо удалось прочитать часть радиограмм «Доры». Это было страшным ударом для руководства гитлеровской разведки и контрразведки: оказалось, что через Швейцарию уходила секретная информация из высшего военного командования вермахта! И куда — в Россию! Теперь «тройке» присвоили наименование «Красная тройка».

Её надо было полностью раскрыть и ликвидировать. Но ведь она находилась на территории другого, нейтрального государства. Началась охота на членов «Красной тройки»: официальная, путём контактов Шелленберга с руководством швейцарской разведки и контрразведки, и оперативная. Она была поручена резидентуре VI управления РСХА, которой руководил Ганс Мейснер, числившийся генеральным консулом Германии в Берне.

Немцы, располагавшие сведениями о Радо и «Пакбо», установили за ними слежку, в ходе которой вышли на «Розу». Мейснер поручил своему агенту в Женеве Гансу Петерсу завязать отношения с Маргаритой Болли и вскружить ей голову. Привлекательному молодому человеку, выдававшему себя за антифашиста и участника Сопротивления, без труда удалось это сделать. Самое страшное, что Маргарита не поставила в известность об этом Ш. Радо. Гестапо могло радоваться: оно проникло в агентурную сеть «Красной тройки».

К лету 1943 года гестаповцы располагали подробными агентурными данными обо всех членах резидентуры «Дора». Правда, они не знали, кто выступает под псевдонимами «Сиси» и «Тейлор». А самое главное, они не выполнили основной задачи — не выявили источников информации и потому не могли пресечь её утечку.

Оставался один выход: разорвать связь «Красной тройки» с Москвой. Но как это сделать? Лучше всего было бы выкрасть Радо или его радистов, доставить в Германию и под пытками вынудить заговорить. Но это могло вызвать международный скандал, чего Шелленбергу не хотелось.

Он приехал в Швейцарию 8 сентября 1942 года и встретился с начальником швейцарских спецслужб Роже Массоном. Тот с пониманием отнёсся к просьбе Шелленберга ликвидировать советскую агентурную сеть в Швейцарии и обещал сделать всё возможное. Но не пошевелил пальцем, чтобы выполнить обещание.

В марте 1943 года Шелленберг вновь посетил Берн. В свойственной ему мягкой, но категорической форме Шелленберг намекнул Массону, что промедление грозит серьёзным осложнением германо-швейцарских отношений. Это же было сказано комиссару швейцарской полиции Маудереру во время его визита в Берлин.

А «Дора» продолжал направлять всё новые радиограммы. Были переданы дополнительные сведения о планах немцев под Курском, данные о танке «Тигр», о заговоре группы генералов, которые полны решимости устранить Гитлера и «поддерживающие его круги».

Из Берлина поступали телеграммы и телефонные звонки с требованием от Массона и Маудерера действий. Деваться был некуда: Москва и Лондон далеко, а Берлин — вот он, рядом, и войска вермахта на границах. В сентябре 1943 года Массон и Маудерер организовали передвижную службу радиопеленгации. Пеленгаторы в специальных автофургонах непрерывно перехватывали работу радиопередатчиков. В ночь на 14 октября

1943 года во время передачи Эдмонд и Ольга Хамели были арестованы. Полицейские вошли бесшумно и захватили радистов с поличным. Были взяты шифры, программы связи, радиограммы. В тот же день на квартире своего возлюбленного Петерса была арестована Маргарита Болли. Все задержанные на допросах категорически отрицали связь с советской разведкой, а увидев фотографию Радо, заявили, что этого человека не знают.

Шандор Радо, узнав о провале радистов, успел передать руководство резидентурой «Пакбо» (О. Пюбнеру), а сам вместе с женой Еленой укрылся на квартире надёжного друга, доктора Бианки. Теперь оставался единственный радист — Александр Фут, он же осуществлял связь между «Пакбо» и Радо. Ему приходилось выходить в эфир, и он также был засечён пеленгатором. В ночь на 20 ноября 1943 года его захватили за приёмом радиограммы Центра. Пока полиция взламывала дверь, он смог ударом молотка вывести из строя радиопередатчик и сжечь на свече радиограммы.

На допросах Фут не отрицал, что был радистом-нелегалом, но утверждал, что работает на английскую разведку, передаёт информацию только о Германии, сообщников в Швейцарии не имеет, Радо, Болли, Хамелей не знает.

После ареста Фута швейцарская разведка попыталась вести радиоигру с Москвой, но неумело, и сразу же была разоблачена Центром, откуда стали поступать «распоряжения» и «рекомендации», уводящие швейцарцев на ложный путь. Только через четыре месяца швейцарцы догадались об этом и решили продолжить аресты. 19 апреля 1944 года было арестовано несколько членов «Красной тройки», в том числе Р. Дюбендорфер. Чтобы увести следствие в сторону, она «призналась», что работает на британскую разведку.

Был арестован и Р. Есслер. Это было сделано, чтобы в тюрьме спасти его от гестаповцев, которые могли выкрасть его и заставить признаться, что он работает на швейцарскую разведку, и раскрыть его источники.

«Пакбо» и ещё несколько агентов оставались на свободе, но дальнейшее существование резидентуры, не имевшей средств связи, оказалось бессмысленным. Поэтому 16 сентября 1944 года Радо и Лена с помощью французских партизан-маки нелегально перешли франко-швейцарскую границу и укрылись в городе Аннси, где власть принадлежала коммунистам. Затем они направились в уже освобождённый Париж, где Радо 26 октября 1944 года установил контакт с сотрудниками ГРУ, сообщив подробности ликвидации его резидентуры.

Тогда же, в сентябре 1944 года, швейцарские власти, уже

утратившие страх перед мощью Германии, выпустили из тюрьмы всех членов «Красной тройки». А. Фут, а позже и Р. Дюбендорфер с П. Бетхером прибыли в Париж.

Уже после войны, в октябре 1945 года, в Швейцарии состоялся судебный процесс по обвинению Ш. Радо, его жены Лены, Р. Дюбендорфер, П. Бетхера, А. Фута, Р. Ресслера, Х. Шнейдера, М. Болли, супругов Хамелей. Их обвиняли в проведении разведывательной деятельности на территории Швейцарской конфедерации. Все были осуждены на разные сроки заключения, кроме Р. Ресслера, которого оправдали. Но в тюрьму никто не попал. Первые пятеро были осуждены заочно, Хамели и М. Болли — условно, а Х. Шнейдер освобождён с учётом проведённого в тюрьме времени.

Но на этом драматическая история Шандора Радо не заканчивается. 5 января 1945 года Ш. Радо, А. Фут, Л. Треппер и другие нелегалы (всего двенадцать человек) вылетели на советском самолёте в Москву. Л. Треппер запугивал Ш. Радо: «Центр строго наказывает за неудачи, и, попав в Москву, вы вряд ли сумеете вернуться в Париж!»

Ш. Радо находился в состоянии стресса. Только что он получил из Венгрии весть о гибели в фашистском концлагере всех родных. Он чувствовал вину за разгром своей резидентуры. Сказалась и длительное — около года — пребывание в добровольном заключении, когда он находился на нелегальном положении. Во время остановки в Каире Радо бежал из гостиницы «Луна-парк» и обратился в английское посольство с просьбой о политическом убежище.

Англичане решили, что бывший советский военнопленный Игнатий Кулишер (под этим именем летел Радо) не представляет для них интереса, и отказали ему. Он пытался покончить жизнь самоубийством, но его спасли и поместили в лагерь интернированных.

Советская сторона была всерьёз встревожена исчезновением резидента. Были предприняты серьёзные меры. Посол вручил властям ноту, в которой говорилось, что Игнатий Кулишер разыскивается за совершённое убийство, и потребовал его выдачи.

В августе 1945 года Радо был возвращён советским властям, доставлен в Москву и передан органам военной контрразведки.

В декабре 1946 года Особым совещанием Ш. Радо был осуждён на десять лет тюремного заключения за шпионаж. Ему были предъявлены следующие обвинения: провал швейцарской резидентуры, происшедший по его халатности при хранении шифров, оперативных материалов и из-за отсутствия

конспирации; наличие в его сети агентов-двойников, работавших одновременно на несколько разведок; то, что он сам был двойником, — это подтверждал факт его бегства в Каире.

В 1954 году все эти обвинения специальной комиссией ГРУ были признаны полностью надуманными. Он, а также Л. Треппер в мае 1954 года были реабилитированы и вышли на свободу.

В июне 1955 года Ш. Радо вернулся в Венгрию, где его ждала Лена, не знавшая о судьбе мужа десять лет.

Дальнейшая его жизнь сложилась благополучно. Он занялся научной деятельностью в области географии и картографии, стал доктором наук, членом Академии. Советское правительство наградило его орденами «Дружбы народов» и «Отечественной войны I степени». Он написал мемуары «Под псевдонимом „Дора“», которые увидели свет в 1973 году.

Шандор Радо умер в 1981 году в возрасте восьмидесяти одного года.

Несколько слов о его коллегах.

Р. Дюбендорфер была осуждена за шпионаж (в деле были документы о том, что в Швейцарии она призналась, что является английской разведчицей!). В феврале 1956 года она была освобождена и вернулась в ГДР. Тринадцать лет спустя, в октябре 1969 года её наградили орденом Красного Знамени.

Александр Фут, последний из захваченных радистов и подлинный английский агент, не был репрессирован, а наоборот, вновь направлен на нелегальную работу. Но прибыв за границу, сразу же связался с английской разведкой, дал ей развёрнутые показания обо всём, что знал, а впоследствии написал книгу «Дневник шпиона».

Самый удивительный и загадочный агент резидентуры «Дора» — Рудольф Есслер дожил до 1958 года и умер, унеся с собой много неразгаданных тайн, в том числе и имена своих информаторов.

НИКОЛАЙ КУЗНЕЦОВ (1911–1944)

Слово «легендарный» редко применяется по отношению к каким-нибудь людям. Но выражение «легендарный разведчик» часто приходится слышать, когда говорят о Николае Ивановиче Кузнецове.

Он родился в деревне Зырянка Свердловской области 27 июля 1911 года. Учился в школе, техникуме, работал лесоустроителем. В общем, начало его биографии ничем не примечательно, если не считать удивительной способности к изучению немецкого языка. Он не только перечитал все немецкие книги в местных библиотеках, но и практиковался, разговаривая с детьми немецких колонистов и с учителем труда, немцем по национальности. Чтобы не возвращаться к вопросу о языке, заметим, что впоследствии он говорил на всех немецких диалектах как чистокровный немец, житель той или иной области Германии. Кроме немецкого он знал эсперанто, польский и коми-пермяцкий.

Во время работы Кузнецова в лесоустроительной партии его начальники за хищения были приговорены к различным срокам лишения свободы. Сам он «за допущенную халатность» тоже был осуждён на один год исправительных работ по месту службы с вычетом из зарплаты. Этот приговор лишь после войны был отменён «за отсутствием состава преступления».

В двадцать с небольшим лет Николай, уже переехавший в Москву, работал по заданиям контрразведки, выявлял разведчиков, находящихся на службе в германском посольстве. Общаясь с ними, он, как губка, впитывал всё, что пригодится ему впоследствии: их манеры, привычки, образ мыслей, шутки, анекдоты. Но и пользу контрразведке принёс немалую. С его помощью завербовали некоего Крно, который давал хорошую информацию, в том числе немецкий посольский шифр; Флегеля — личного камердинера посла Германии. Кузнецов участвовал и в перехвате германской дипломатической почты, и в других операциях. Хотя Кузнецов никогда не служил в армии и не имел воинского звания, он в те годы часто ходил в форме военного лётчика — старшего лейтенанта с тремя «кубиками» в петлицах. Об этом периоде жизни Н. И. Кузнецова автору много рассказывал известный контрразведчик Виктор Николаевич Ильин, который в своё время был его руководителем.

Перед немцами, с которыми надо было завести знакомство, Кузнецов выступал тоже в качестве этнического немца Рудольфа Шмидта, в раннем детстве вместе с родителями переехавшего в

Россию. Он якобы работал инженером-испытателем авиационного завода, что привлекало его «приятелей», немецких разведчиков. «Завзятый театрал и балетоман» Рудольф Шмидт имел знакомых балерин, которые никогда не отказывались приятно провести время с ним и его «друзьями». Ясно, что эти встречи проводились по заданию и под контролем контрразведки.

Но наступило 22 июня 1941 года. Из контрразведчика Николай Кузнецов переквалифицировался в разведчика, перейдя в распоряжение диверсионно-разведывательного управления НКГБ СССР. Больше года Кузнецов проходил специальную подготовку. Поскольку было решено направить его во вражеский тыл под видом немецкого офицера, он обучался тому, как должен вести себя предполагаемый обер-лейтенант Пауль Зиберт, роль которого он должен будет играть, как одеваться, а у немцев было четырнадцать строго предписанных вариантов формы на все случаи жизни, как обращаться со старшими, равными и младшими по званию и ещё тысячи разных вещей. Он слушал немецкое радио, читал газеты и журналы, смотрел фильмы, разучивал песни. Для лучшего усвоения всего этого и вживания в образ он был помещён в лагерь военнопленных, где прошёл самый строгий экзамен в их среде. Там он усвоил солдатский и офицерский жаргон, узнал, что «Волынская лихорадка» — это окопные вши, «Швейная машинка» — советский самолёт У-2, а медаль на багрово-красной ленте «За зимний поход на Восток» называют «Мороженым мясом». Наконец он был полностью готов к своей миссии. О степени этой готовности очень хорошо написал партизанский врач Цесарский, увидевший его позже, уже в отряде, в немецкой форме:

«…Я просто не верил своим глазам. Он гордо запрокинул голову, выдвинул вперёд нижнюю челюсть, на лице его появилось выражение напыщенного презрения. В первое мгновение мне было даже неприятно увидеть его таким. Чтобы разрушить это впечатление, я шутливо обратился к нему:

— Как чувствуете себя в этой шкурке?

Он смерил меня уничтожающим взглядом, брезгливо опустив углы губ и произнёс лающим, гнусавым голосом:

— Альзо, нихт зо ляут, герр артц. — Но не так громко, господин доктор.

Холодом повеяло от этого высокомерного офицера. Я физически ощутил расстояние, на которое он отодвинул меня от себя. Удивительный дар перевоплощения».

Вскоре после начала войны в немецкий тыл начали забрасывать небольшие, специально подготовленные группы, руководимые профессиональными разведчиками. Одни группы

занимались диверсиями, другие сбором военной информации. Многие стали ядром крупных партизанских отрядов.

Руководителем одной из таких групп стал Дмитрий Медведев. К нему в группу и был сброшен на парашюте 25 августа 1942 года Николай Кузнецов.

У него было специальное задание, о котором кроме командира никто не знал. В вещевом мешке Грачёва (такова была партизанская фамилия нового разведчика) хранился необычный багаж: обёрнутое в прорезиненный плащ полное обмундирование немецкого офицера, бумажник с различными немецкими документами на имя обер-лейтенанта Пауля Вильгельма Зиберта, но с фотографией Грачёва, толстая пачка рейхсмарок, пистолет парабеллум с запасом обойм, предметы личной гигиены и множество всяких мелочей, которые могут понадобиться скромному немецкому офицеру.

В задачу Кузнецова — Грачёва — Пауля Зиберта входило ведение разведки в оккупированном немцами украинском городе Ровно. Город был выбран не случайно: в нём размещались и действовали двести сорок три немецких тыловых учреждения, в которые стекалась самая разнообразная и важная информация со всех участков южного фланга советско-германского фронта. По существу, сорокатысячный город немцы сделали «столицей» захваченной Украины.

И вот первый выход в оккупированный город. Нужно представить себя на его месте, в немецкой форме идущего по улицам, заполненным фашистскими солдатами и офицерами. Младшие отдают честь, им надо отвечать, старшим нужно козырять. Кто из них остановит и задаст какой-нибудь каверзный вопрос? Кто из них потребует документы? Кто заметит что-нибудь необычное во всём облике?

А вот и патруль. Он останавливает Пауля Зиберта. Офицер внимательно читает документы, потом вскидывает на разведчика глаза.

— Вы почему нарушаете форму одежды?

«Что у меня не так? — проносится в голове Кузнецова. — Вроде всё, как было у настоящего Зиберта на карточке…»

— На вас пилотка. А её носят только на фронте. Вы должны быть в фуражке.

— А я только сегодня приехал из фронтового госпиталя и иду покупать фуражку…

— Хорошо. Можете идти. Больше не нарушайте…

Каждая мелочь, каждый пустяк, каждый штрих в биографии настоящего Пауля Зиберта, погибшего на фронте, имя, документы и прошлое которого он взял, жизненно важны. Нельзя совершить

ни одной ошибки.

Постепенно Пауль Зиберт обживался в Ровно, приобретал конспиративные квартиры, помощников. У него уже была своя разведывательная группа, в том числе кучер, шофёр, связные. Автомашины «заимствовали» в немецкой воинской части, перекрашивали, меняли номера. Появилась и «невеста» — Валя Довгер. Через подругу она познакомилась с сотрудником гестапо Лео Метко и, в свою очередь, познакомила его с Паулем Зибертом. Лео Метко свёл его с другими немецкими офицерами, и вскоре круг знакомых разведчика расширился. От них он получил много ценной информации.

Однажды Кузнецов сообщил Медведеву о том, что 20 апреля 1943 года в Ровно состоится военный парад по случаю дня рождения Гитлера, и о том, что на параде будет Эрих Кох, гаулейтер (правитель) Украины, палач украинского народа. Кузнецов ценой самопожертвования был готов совершить акт возмездия. Медведев дал согласие. Кузнецов вместе с Валей пробрался к самой трибуне. Но Кох на параде не появился.

Вскоре Валя Довгер получила известие о том, что её отправляют в Германию. Под предлогом подачи прошения об оставлении его невесты в Ровно Кузнецов вместе с Валей напросился на приём к Коху. Это был ещё один шанс расправиться с ним. Но стрелять было невозможно. В кабинете рядом с гауляйтером стояли два эсэсовца, а у ног Коха лежала овчарка, наблюдавшая за каждым жестом разведчика.

Расправиться с Кохом не удалось. Он дожил до конца войны. В 1959 году его судил польский суд. Остаток жизни Кох провёл в тюрьме и умер в 1986 году.

Беседа с Кохом не оказалась напрасной. Обер-лейтенант, «воевавший под Курском», понравился ему, и Кох, между прочим, сказал, что немецкое командование собирается взять реванш за поражение под Сталинградом там, где воевал Пауль Зиберт. Это сообщение, подкреплённое информацией о переброске немецких войск в район Курской дуги, ушло в Москву.

Среди знакомых Пауля Зиберта был сотрудник абвера Ульрих фон Ортель. Именно он проговорился ему о подготовке покушения на участников конференции «Большой тройки» — Сталина, Рузвельта и Черчилля — в Тегеране. Сам фон Ортель исчез из Ровно, распустив слухи о своём самоубийстве.

Основные дела ждали Пауля Зиберта впереди.

Просто собирать и передавать информацию казалось Паулю Зиберту недостаточно. Он рвался в бой, считал, что его дело — уничтожать фашистских главарей. Первым заместителем Эриха Коха был Пауль Даргель. Медведев разрешил Кузнецову

ликвидировать его. Валя Довгер, работавшая в областном комиссариате, изучила его распорядок дня: ровно в 14.30 Даргель шёл на обед, его сопровождал адъютант с красной папкой под мышкой.

20 сентября у здания немецкого комиссариата остановилась машина. В 14.30 из здания выплыла важная персона, которую сопровождал офицер с красным портфелем под мышкой. Сомнений не было — это был Даргель. Кузнецов, выйдя из машины, произвёл два выстрела в упор. На другой день выяснилось, что убитыми были имперский советник Ганс Гель и его адъютант.

Николай Иванович Кузнецов очень переживал эту неудачу. Ведь всё совпадало: и время, и адъютант, правда, не с папкой, а с портфелем.

Через десять дней, 30 сентября, Кузнецов на этом же месте метнул в Даргеля гранату. И опять неудача. Даргель был только ранен, и его самолётом отправили в Берлин. Осколком гранаты был ранен и сам Кузнецов. Ему и его шофёру Струтинскому удалось скрыться от охраны, которая погналась за ними, но по ошибке догнала и задержала другую машину, в которой находился немецкий майор. Прежде чем ошибка разъяснилась, его жестоко избили.

10 ноября 1943 года Кузнецов и Струтинский из автоматов расстреляли другого заместителя Коха, генерала Германа Кнута. Оставался «невыбитым» ещё один ближайший соратник Коха, оберфюрер СС Альфред Функ, верховный судья оккупированной Украины. Здесь, как до этого в Чехословакии, он жестоко расправлялся со всеми, кого причислял к «врагам рейха».

17 ноября 1943 года Кузнецов зашёл в приёмную Функа, когда тот брился в парикмахерской. Мило беседуя с секретаршей, Кузнецов смотрел в окно, ожидая сигнала своего помощника, находившегося на улице и наблюдавшего за парикмахерской. Наконец поступил сигнал: Функ кончил бриться. Кузнецов попросил секретаршу принести ему воды. Она вышла, а он тем временем проник в кабинет Функа. Когда секретарша вернулась, в приёмной никого не было. В это же время появился Функ и проследовал в свой кабинет. Едва он вошёл, раздались два выстрела.

Кузнецов спокойно собрал бумаги со стола и прошёл через приёмную, не обращая внимания на оторопевшую секретаршу. Выйдя из здания суда, он увидел две автомашины с гитлеровскими солдатами. Они удивлённо смотрели на окна второго этажа, откуда донеслись звуки выстрелов. «Поглазев» вместе с солдатами на окна, Кузнецов зашёл за угол дома и сел в

поджидавшую его машину.

Одной из ловких и смелых операций разведчика было похищение генерала фон Ильгена, командующего особыми войсками.

Он жил в отдельном доме. У подъезда всегда стоял часовой, в доме находился денщик. Оба из числа украинских «добровольцев» (их называли «казаками»). Кроме того, в доме находилось ещё четверо солдат — охранников. Но был выбран момент, когда генерал отправил их в Берлин в «командировку», а точнее, с грузом награбленного им на Украине имущества.

В назначенный день Кузнецов, Струтинский и Каминский, ещё один помощник разведчика, подъехали к дому генерала Ильгена.

Увидев офицера, часовой вытянулся. Обер-лейтенант и сопровождающие прошли в дом. Навстречу Кузнецову поспешил денщик.

— Господин генерал скоро придёт, — доложил он.

Увидев направленное в него дуло пистолета, денщик без сил опустился на пол. Его обыскали, оружия при нём не оказалось. Вызвали в дом часового и обезоружили. Его место занял Струтинский.

Кузнецов начал обыск квартиры. Собирал все бумаги, даже личную переписку, разбираться с ними предстояло позже. Нашли автомат, два пистолета. Кузнецов взял в подарок Медведеву и охотничье ружьё Ильгена (оно сейчас в брянском музее).

Вдруг заговорил сидевший на полу часовой, по фамилии Луковский:

— Господин обер-лейтенант, товарищ командир… Разрешите мне снова на пост заступить, а то должна подойти смена, могут шум поднять.

Кузнецов быстро всё просчитал в уме и согласился. Риск был, но он чувствовал, что Луковский не обманывает. К тому же у него из обоймы вынули патроны, а Струтинский с автоматом в руках, не скрывая этого, наблюдал за «казаком».

Буквально через несколько минут раздался шум мотора, и к дому подъехала машина.

Грузный, могучего телосложения сорокадвухлетний генерал Ильген поднялся в дом, вошёл в гостиную и обомлел, увидев троих неизвестных. Но тут же, сообразив в чём дело, бросился на Кузнецова. Тот один не мог справиться с Ильгеном, на помощь пришли Каминский и Струтинский, и даже денщик ухватил хозяина за ноги. Ян Каминский связал руки Ильгену, но слабо, и засунул в рот кляп, тоже неумело.

Когда Ильгена выводили, он освободил руки, ударил в лицо

Кузнецова, вытащил кляп и заорал по-немецки:

— Помогите! Помогите!

С трудом разведчикам удалось снова скрутить генерала и, накинув ему на голову шинель, втащить в машину.

В это время возле дома показались четыре немецких офицера. Что с ними делать? Можно перестрелять, но поднимется шум. И тут Кузнецов вспомнил о жетоне гестапо, который он привёз с собой из Москвы и ещё ни разу им не пользовался.

Достав жетон, он показал его офицерам, сказал, что задержан бандит в немецкой форме, и попросил их предъявить документы. Проверив их, троим предложил идти дальше, а четвёртого — им оказался личный шофёр Эриха Коха Пауль Гранау — попросил остаться в качестве понятого.

Таким образом, удача оказалась двойной: кроме генерала Ильгена разведчики захватили ещё одного человека, который многое мог бы рассказать…

Косвенно обер-лейтенант Пауль Зиберт участвовал в ликвидации ещё одного палача, генерала Прицмана, руководившего карательной экспедицией. Именно Кузнецов сообщил все детали, касающиеся этой экспедиции, и дал возможность партизанам организовать засаду, в которую угодил генерал.

Под натиском наступающих советских войск все немецкие учреждения были эвакуированы из Ровно во Львов. Туда же перебрался и Пауль Зиберт, теперь уже не «обер-лейтенант», а «хауптман» (капитан). Это надо было для маскировки — ведь «обер-лейтенанта» уже давно искала немецкая полиция.

Во Львове Кузнецов совершил ещё один акт возмездия, на этот раз в отношении вице-губернатора Галиции Отто Бауэра. Кузнецов со своими помощниками расстрелял машину генерала и всех, кто там был. В некрологе фашистская газета написала: «Отто Бауэр погиб за фюрера и империю».

Дольше оставаться в немецком тылу Кузнецов не мог. Вместе с Беловым и Каминским он направился к линии фронта, чтобы встретиться с советскими войсками. Но в селе Борятин Львовской области им встретился отряд бандеровцев. Завязался неравный бой. Исчерпав все силы, разведчики подорвали себя гранатой.

После гибели Николая Кузнецова было прочитано письмо, хранившееся в запечатанном конверте с надписью: «Вскрыть после моей смерти». В письме говорилось:

«25 августа 1942 года в 24 часа 05 минут я опустился с неба на парашюте, чтобы мстить беспощадно за кровь и слёзы наших матерей и братьев, стонущих под ярмом германских оккупантов.

Одиннадцать месяцев я изучал врага, пользуясь мундиром

германского офицера, пробирался в самое логово сатрапа — германского тирана на Украине Эриха Коха.

Теперь я перехожу к действиям.

Я люблю жизнь, я ещё очень молод, но если для Родины, которую я люблю как свою родную мать, нужно пожертвовать жизнью, я сделаю это. Пусть знают фашисты, на что способен русский патриот и большевик. Пусть знают, что невозможно покорить наш народ, как невозможно погасить солнце.

Пусть я умру, но в памяти моего народа патриоты бессмертны.

„Пускай ты умер! Но в песне смелых и сильных духом всегда ты будешь живым примером, призывом гордым к свободе, к свету!..“ Это моё любимое произведение Горького. Пусть чаще его читает наша молодёжь…

Ваш Кузнецов».

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 5 ноября 1944 года Николаю Ивановичу Кузнецову было присвоено звание Героя Советского Союза.

МАТИЛЬДА КАРРЭ (1910–1970)

Героиня этого очерка вошла в историю не только как знаменитая разведчица, но и как одна из самых коварных предательниц. На Западе её называют: «самая выдающаяся шпионка» или «Мата Хари Второй мировой войны».

После взятия немцами Франции в июне 1940 года горстка польских офицеров, не успевших эвакуироваться из Дюнкерка, организовала разведывательные ячейки во многих городах Франции.

Среди них был офицер разведки ВВС Польши капитан Роман Чернявски. Он стал одним из создателей и руководителей разведывательной сети, которую назвали «Интераллье» («Межнациональная»), со штаб-квартирой в Париже и получил кличку «Арманд».

Однажды он встретил тридцатилетнюю француженку Матильду Каррэ. Матильда происходила из военной семьи. Её отец во время Первой мировой войны был награждён орденом Почётного легиона. Каррэ работала в Красном Кресте, демонстрировала свою ненависть к немцам и казалась вполне заслуживающей доверия. «Арманд» взял её в свою организацию. Матильда стала его возлюбленной и ближайшей помощницей. 16 ноября 1940 года они связались с английской разведкой и вскоре начали радиопередачи на Лондон.

Постепенно «Интераллье» развернула свою сеть резидентур в четырнадцати точках, охватив почти всю территорию Франции, в том числе в такие ключевые места, как Брест, Шербур, Кале, Булонь, где они могли держать под постоянным наблюдением военно-морские сооружения немцев и передвижения флота, а также вблизи испанской границы, где помогали курьерам поддерживать регулярный контакт с британским посольством в Мадриде. Разведывательная сеть размещалась вдоль «зелёной границы» между оккупированной и неоккупированной зонами Франции. Агенты в таких промышленных центрах, как Лилль, Лион, Нант или Реймс, наводили ВВС Англии на заводы, производившие вооружение для Германии, и склады, где оно хранилось.

«Арманд» и Матильда Каррэ установили контакты с некоторыми высокопоставленными французами, которые, сотрудничая с немцами, тайно поддерживали движение Сопротивления. Одним из них был мэтр Броль, выдающийся парижский адвокат, игравший важную роль в движении Сопротивления. Матильда знала его ещё до войны, когда он вёл

её бракоразводный процесс. Среди близких друзей Матильды были офицеры гестапо и абвера. Через несколько месяцев «Интералльe» уже насчитывала более ста двадцати членов, агентов и курьеров.

Гестапо и контрразведывательному отделу парижского абвера вскоре стало известно об эффективной разведывательной организации, работающей на Лондон, но многочисленные попытки выйти на неё или схватить хотя бы одного из её членов оказывались тщетными.

Для пеленгации радиопередатчиков, действующих в Париже, по улицам разъезжала специально оборудованная автомашина абвера, и однажды «Арманд», Матильда и их помощники чуть было не попались. Пришлось сократить количество радиоквартир, и в октябре 1941 года работа была сконцентрирована в тихом домике номер восемь на улице Вилла Леандр на Монмартре. Каждый день там шла невидимая работа: «Арманд» анализировал полученные от агентуры материалы, Матильда печатала их для съёмки на микрофильмы. Часто она заходила в его комнату так тихо, что он не слышал.

— Ты входишь бесшумно, как кошка, — как-то заметил «Арманд». — Я буду называть тебя «моя маленькая кошечка», — засмеялся он, не подозревая, что некоторое время спустя эта кличка станет знаменитой. — Это хороший псевдоним, мы будем его использовать в радиопередачах: «Кошка сообщает…» Звучит интересно и легко передаётся знаками азбуки Морзе: тире-точка-тире-точка-тире-тире.

С этого дня в Лондон пошли радиосообщения, начинающиеся словами: «Кошка сообщает…» Немецкой радиотехнической службе удавалось без труда перехватывать эти телеграммы: радиопередатчик выходил в эфир постоянно в 21 час, а самое главное, часть телеграмм даже не была зашифрована и передавалась с демонстративной наглостью. Все они содержали важную информацию и свидетельствовали о том, что «Кошка» располагает секретными сведениями, причём некоторые из них исходят от офицеров гестапо и абвера.

«Кошка» вскоре стала известна всей Франции — у французов имелись радиоприёмники и по ним можно было услышать слова «Кошка сообщает…» Это вдохновляло патриотов на борьбу, слово «Кошка» стало символом Сопротивления. Поймать «Кошку» для сотрудников германской контрразведки теперь стало не только долгом службы, но и делом чести.

Руководство вызвало «Арманда» в Лондон, по возвращении его была устроена весёлая пирушка. Никто не знал, что как раз в эти дни над её участниками нависла смертельная угроза.

Сектор «Д» «Интераллье» базировался в Шербуре и Лизо. Его деятельность распространялась на шесть департаментов Северной Франции, покрывая Бретань и западные районы Нормандии. Весной 1941 года «Арманд» назначил молодого человека, бывшего французского лётчика Рауля Киффера, или Кики, как его звали друзья, шефом этого сектора.

В начале октября некий ефрейтор немецкой армии доложил в местное отделение абвера в Шербуре, что какая-то француженка пытается получить информацию от лиц, работающих на базе горючего германских люфтваффе. По мнению ефрейтора, эта женщина — английская шпионка. Рапорт был передан в Париж, где на него обратили серьёзное внимание, и в Шербур немедленно прибыл контрразведчик абвера капитан Эрих Борхерс.

Как раз в этот день дежурным в отделе Секретной полевой полиции был тогда ещё никому не известный унтер-офицер Хуго Блайхер. Капитану он показался человеком интеллигентным, к тому же отлично знающим французский язык, поэтому Борхерс взял его себе в помощники. На следующий день они арестовали женщину по имени Шарлотта Буффе, и она призналась, что работает на английского агента, но она знает только, что его кличка «Поль». Началась охота на «Поля», и Блайхеру удалось задержать его 3 ноября на станции Шербур по возвращении из Парижа. У него оказались сведения о германских военных сооружениях и зашифрованные инструкции. «Полем» оказался не кто иной, как Рауль Киффер. Блайхер отвёз его в Париж и доставил в штаб-квартиру абвера.

При отъезде Блайхера на вокзале произошла душещипательная сцена расставания Хуго с его возлюбленной Сюзанной Лоран. Упоминаем о ней, так как она ещё встретится в нашем рассказе.

Вначале Киффер отказывался говорить, но когда Блайхер пригрозил передать его в гестапо, он «раскололся».

В абвере унтер-офицера Хуго Блайхера посчитали полезным человеком и оставили для работы в Центре. Так началась карьера Хуго Блайхера как «аса» абвера. Сорокадвухлетний унтер-офицер, который попал на службу в Секретную полевую полицию из-за слабого зрения, делавшего его непригодным к строевой службе, стал звездой германской контрразведки. Под многими именами: месье Жан Кастель, бельгийский бизнесмен месье Жан, полковник Генри из люфтваффе, выступая как антинацист, он сумел проникнуть во многие французские и бельгийские группы Сопротивления, в несколько сетей УСО и захватить множество агентов УСО и «Свободной Франции».

Используя Кики как подсадную утку, Блайхер арестовал одного из членов группы «Арманда» в Париже, который знал адрес конспиративной квартиры. 17 ноября Блайхер нагрянул в штаб-квартиру на Вилла Леандр. В три часа ночи четыре чёрные автомашины с солдатами Секретной полевой полиции блокировали оба конца маленькой улицы. Несколько минут спустя «Арманда» вывели из дома в наручниках. Двум радиооператорам, находившимся на чердаке, удалось бежать.

В ходе допроса хозяйки дома Блайхер узнал, что «Арманда» ежедневно навещала женщина, которую он называл «Кошка».

«Арманд» признался в том, что он — капитан Роман Чернявски и работает на союзников. Это было всё, что он сказал на допросе. Ни угрозы, ни избиения не заставили его выдать какую-либо информацию об «Интераллье» и её контактах с Лондоном. Он был заключён в одиночную камеру в подземелье тюрьмы Фрезенс. Ему удалось дожить до конца войны.

Во время ареста «Арманда» в его постели обнаружили красивую блондинку, Рене Борни, молодую вдову из Люневилля, которая дала «Арманду» документы покойного мужа, а затем по его приглашению приехала в Париж. Блайхер долго допрашивал её, она готова была показать всё, что знает, но казалось, о чём-то умалчивает. Тогда Блайхер, великолепный психолог, пошёл на хитрость.

— Вы знаете, откуда у нас адрес «Арманда»? Мы получили анонимное письмо, где сообщалось, что можем захватить прямо в постели руководителя «Интераллье» с его любовницей, и указывался адрес. Вместо подписи была нарисована кошка с хитрым выражением на мордочке и хвостом в виде восклицательного знака.

— Кошка! — вскричала Рене. — Это она, мерзкая, гнусная каналья, коварная змея, из чувства ревности выдала нас немцам! Будь она проклята!

Рене рассказала Блайхеру всё, что знала о «Кошке». Она представила «Кошку» истинной создательницей и руководительницей «Интераллье», при которой «Арманд» был только штабным офицером, ведущим документацию.

Рене поклялась отомстить «Кошке», и с её помощью в тот же день «Кошка» была арестована на пороге своего дома на улице Антуанетты.

Такова романтическая версия графа Михаэля Золтикова, хорошо знавшего историю Матильды Каррэ и написавшего о ней книгу. Он был лично знаком с Блайхером и некоторыми другими действующими лицами этой истории.

Но версия английского разведчика и историка Кукриджа,

также лично знавшего Блайхера, оправдывает мадам Борни. По этой версии она никого не выдала, а «Кошка» попала в засаду, оставленную Блайхером у дома номер восемь.

Подобных расхождений немало. Так или иначе, Матильда Каррэ оказалась в руках абвера. На первых порах Блайхер продолжил работу с Рене Борни. Но толку от неё было мало. Даже главные фигуры «Интераллье» описывались ею так: «симпатичный мужчина средних лет с серыми глазами» или «молодой человек, любящий шутить».

Тогда Блайхер сконцентрировал свои усилия на «Кошке». Он перевёл её из тюрьмы в отель «Эдуард VII» на авеню Опера, в котором размещался парижский офис абвера. Ей был предоставлен номер с ванной и туалетом, и, хотя за дверью стоял охранник, она чувствовала себя вполне комфортно.

Блайхер зашёл «навестить» её, и они отлично пообедали. Он, как бы между прочим, сообщил, что уже имеет все документы, которые ему требуются. Одно его слово — и она вместе со своими друзьями будет расстреляна.

— Мы знаем всё, и нет никакой надобности в дурацкой храбрости. Вы не можете никого спасти своим молчанием. Но если вы поможете мне, я постараюсь спасти вас и ваших друзей от гестапо. Вы будете освобождены, а с ними будут обращаться как с военнопленными, и после войны они вернутся домой. Или же вами займётся гестапо, и тогда вам останется уповать лишь на Господа. Из бумаг, найденных на Вилла Леандр, — продолжал Блайхер, — я знаю, что у вас назначено рандеву с одним из ваших агентов в кафе «Пам-Пам». Давайте пойдём вместе. Если согласитесь работать на нас, я обеспечу вам шестьдесят тысяч франков в месяц. Это значительно больше, чем платили вам англичане. Вы будете свободны, а другим спасёте жизнь. Вы это понимаете?

— Я понимаю, — тихо ответила «Кошка».

Несколько следующих дней Блайхер и «Кошка» ездили по Парижу в сопровождении автомашины Секретной полевой полиции. Матильда Каррэ знала наизусть все адреса членов «Интераллье». Один за другим они были схвачены. В течение трёх дней организация «Арманда» была практически ликвидирована.

Теперь история из чисто шпионской перерастает в лирико-драматическую.

Экспансивная, взбалмошная «Кошка», ожидавшая встретить наглого немецкого гунна с грубым лицом, резким голосом, плохо говорящего по-французски, видит в Блайхере красивого, мужественного, интеллигентного человека, прекрасно владеющего французским и умеющего очаровывать. И вместо

чувства отторжения и ненависти она начинает испытывать искреннее влечение к нему, становится послушной игрушкой в его руках.

Матильда была миниатюрной, ростом всего метр пятьдесят восемь, хрупкой женщиной. Её всегда тянуло к рослым, крепким мужчинам. Таким был её муж, и с ним она разошлась только потому, что он не мог иметь детей, таким был «Арманд», другие мужчины, которые были до и после. Она страстно мечтала иметь высоких и статных детей.

Таким был и Хуго Блайхер… Их связь стала фактом… «Кошка» добросовестно поведала Блайхеру обо всём, что знала. Она рассказала, как внедрилась в штаб-квартиру СД в Париже в качестве «представительницы швейцарского Красного Креста» якобы для медицинского и социального обслуживания заключённых парижских тюрем. Потом стала даже «агентом СД» и любовницей одного из высших офицеров СС. От него и других офицеров она и получала весьма ценную информацию.

— Где же сейчас этот человек? — поинтересовался Блайхер.

— Ах, не будем говорить об этом. Он очень любил меня. Но его отправили в Россию, где он вскоре погиб. Если вас так интересуют мои дела, то могу сказать, что у меня были связи и в штаб-квартире вашего абвера в гостинице «Лютеция».

Она рассказала ему об операции, проведённой от имени абвера, когда использовался телефон, стоящий в кабинете одного из его руководителей. Блайхер только диву давался.

В числе прочих «Кошка» выдала «почтовый ящик» для связи с агентурой. Хозяйку «почтового ящика», смотрительницу туалета ресторана, Блайхер арестовал и перевербовал. Посадил в засаду в туалете двух полицейских. Теперь смотрительница всем входящим говорила «Добрый день, мадам» или «Добрый день, месье», если же это был член «Интераллье», она добавляла имя этого человека. Полицейские выскакивали из засады и хватали его. Успех был потрясающим: за несколько дней арестовали оставшихся членов «Интераллье».

Конечно, всё это «Кошке» давалось нелегко, в душе женщины шла мучительная борьба. Если не в оправдание, то в смягчение её вины можно отметить, что, помимо любви к Блайхеру, ею руководила внушённая им мысль: всех, кого она выдаст, не передадут гестапо, а будут рассматривать как военнопленных. И в заслугу Блайхеру и руководству парижского абвера надо поставить то, что это обещание было выполнено.

Теперь они как муж и жена жили в фешенебельном квартале в районе Булонского леса. «Кошка» передала Блайхеру все наличные средства «Интераллье» — миллионы французских и

тысячи швейцарских франков, тысячи английских фунтов.

Наряду с арестованными людьми, документами и кодами немцы захватили также четыре радиопередатчика. Блайхер отправился к шефу парижского абвера полковнику Оскару Рейле и представил свой план.

— Герр оберст, — сказал Блайхер, — у нас имеются четыре передатчика. Если мы сохраним в тайне аресты, мы сможем начать радиоигру и убедить Лондон в том, что «Интераллье» функционирует, как и раньше. Мы сможем получать сигналы и инструкции из Лондона, все новости об отправке оттуда агентов, а также снабжать их дезинформацией. Иными словами, мы сохраним сеть «Интераллье», но под германским контролем, по крайней мере, какое-то время. Кроме того, мы заставим англичан снабдить нас деньгами.

Полковник Рейле согласился. Проблема заключалась в том, чтобы заставить сотрудничать хотя бы нескольких бывших членов «Интераллье». Все поляки, которым предлагали сотрудничество, только презрительно усмехались в ответ. В «Кошке» Блайхер был уверен. Ему также удалось перевербовать одного из радистов, Анри Табета. Это было нетрудно: за какой-то промах «Арманд» приговорил его к смерти (после войны французский суд за сотрудничество с оккупантами тоже приговорил его к смертной казни). Да ещё Рене Борни согласилась работать.

Радиопередатчик был перемещён в дом богатого бизнесмена. Один из офицеров абвера барон фон Хёффль стал руководителем этой точки. Несколько офицеров и сержантов составляли его штат. Там же Блайхер поместил «Кошку», Рене Борни и Анри Табета и остроумно назвал эту квартиру «кошатником».

Длительного перерыва в радиосвязи между Парижем и Лондоном не произошло, и в Лондоне ничего не заподозрили. «Кошка» знала все обусловленные тонкости радиопередач, предусмотренные сигналы опасности. Но кодом владела лишь Рене. Они обе теперь сотрудничали с немцами так же добросовестно, как раньше с союзниками.

Как только разместились в «кошатнике», начались передачи на Лондон «Кошка сообщает…». Радиоигра длилась более трёх месяцев. В протоколе от 13 июля 1945 года французский следователь записал, что всё это время «немецкие разведчики водили за нос хвалёную британскую секретную службу».

На первых порах немцы осторожничали: шла обычная информация о передвижении войск, положении на железных дорогах, военных сооружениях. Некоторые сообщения были правдивыми. Пришлось передать, что арестованы несколько членов «Интераллье», в том числе и «Арманд», но что остальные

члены сети на свободе, и работа может быть продолжена.

Лондон был также информирован о том, что «Кошка» теперь возглавила организацию и будет в дальнейшем посылать сигналы под кодовым именем «Виктуар» — «Победа». Лондон проглотил эту наживку и запросил, смогут ли оставшиеся без связи офицеры УСО использовать возможности «Интераллье», на что было дано подтверждение.

Немцы решили не арестовывать мэтра Броля, о котором их информировала «Кошка». Они правильно рассчитали, что Броль выведет их на агентов УСО. «Кошка» встретилась с мэтром Бролем и сообщила ему об аресте «Арманда» и некоторых других членов «Интераллье». Блайхер приказал ей сделать это, так как знал о связи Броля с секретными службами союзников и хотел избежать каких-либо подозрений, которые могут возникнуть в Лондоне.

Немцы, естественно, следили за Бролем, ведя и наружное и агентурное наблюдение. Блайхеру стало известно, что Броль собирается свести с «Кошкой» некоторых английских агентов. Среди них был офицер Управления специальных операций и один из руководителей Сопротивления — «Лукас» — Пьер де Вомекур. Он попросил мэтра Броля организовать ему встречу с женщиной, которая, как он полагал, способна вывести его на связь.

Встреча состоялась в кафе «Георг V» на Елисейских полях. Вомекур сообщил «Кошке», что является британским офицером, и спросил, сможет ли она передать в Лондон несколько его сообщений. «Кошка», уже проинструктированная Блайхером, дала своё согласие. Теперь по радиопередатчику «Кошки» пошла информация из двух источников.

Выполняя указание Блайхера, «Кошка» познакомила его с Вомекуром, представив Блайхера одним из руководителей бельгийского Сопротивления месье Жаном Кастелем. На встрече Блайхер, сопровождаемый «Кошкой», заявил Вомекуру, что в ряды Сопротивления проникло много уголовников. Получив в руки оружие, они используют его в своих целях, что может вызвать излишние репрессии со стороны немцев. Чтобы избежать этого, надо, мол, на каждого участника Сопротивления завести карточку с фотографией и передать в полицию, где настоящим участникам «свои люди» якобы выдадут новые паспорта на чужие фамилии! «Кошка» активно поддерживала эту идею, и Вомекур согласился!

Звучит чудовищно! Неужели так наивны были эти люди, герои Сопротивления? Неизвестно, воплотилась ли в жизнь эта преступная идея, так как произошли новые события.

Неожиданно для «Кошки» в Париже появляется приехавшая из Шербура Сюзанна Лоран, и Хуго Блайхер начинает жить «на

два дома»: по любви — с Сюзанной и по расчёту — с Матильдой. Женщины, конечно, ненавидят друг друга, ревнуют, завидуют. Один из предметов зависти — новая шикарная спортивная машина, на которой «Кошка» разъезжает по Парижу.

Ревность толкает «Кошку» на отчаянный шаг. Она решает бежать на неоккупированную территорию Франции, идёт за документами к подпольщику Анри Койену и признаётся ему во всём: в предательстве и в любви к Блайхеру.

Койен, человек честный и порядочный, но трусоватый, даёт ей совет:

— Немцы относятся к вам хорошо, будьте благоразумны и возвращайтесь к Блайхеру.

Блайхер вычислил Койена, за которым давно следил, перехватил у него «Кошку» и задержал подпольщика. Взяв с него слово, что он никому не сообщит о признании «Кошки», Блайхер вскоре отпустил его. Тот сдержал слово! Во время следствия по делу «Кошки» 27 июля 1945 года Койен показал: «О том, что мадам Каррэ стала агентом абвера, я в Виши не сообщал…»

И «Кошке» продолжали верить. Блайхер сумел использовать ситуацию. Через Койена он запустил дезинформацию о том, что германские крейсеры «Шарнхорст», «Гнейзенау» и «Принц Евгений» не готовы к выходу в море и для их ремонта потребуются месяцы.

Примирение «Кошки» с Блайхером было бурным. В благодарность она выдала ему ещё одного подпольщика, Рене Леграна, крупного торговца импортными товарами, который передавал сведения о немецких судах, пытающихся прорвать блокаду. Причём не просто сообщила о нём, а спровоцировала Леграна, симулировав ранение правой руки и заставив его лично написать нужные сведения, чего он раньше никогда не делал. Легран был схвачен с поличным.

У Блайхера между тем возникли трудности. Лондон требует всё новой информации. Информация есть, но он обязан давать противнику дезинформацию, которая готовится в централизованном порядке в штабе Верховного командования. Иначе Блайхера могут обвинить в предательстве. Но на многочисленные запросы Блайхера ответа из штаба не поступает.

Лондон постоянно требует точных сведений о том, как обстоят дела с немецкими крейсерами «Шарнхорст», «Гнейзенау» и «Принц Евгений», находящимися в порту Брест. По своей инициативе Блайхер уже подсунул «дезу» через Койена, но что сообщать дальше, он не знает. В любой день радиоигра может провалиться.

Из Лондона поступила радиограмма, что Пьера де Вомекура

вызывает руководство. 16 января самолёт связи «Лайзендер» должен забрать его в деревне Лаас. Блайхер добился разрешения полковника Рейле не препятствовать поездке «Лукаса» в Лондон, рассчитывая, что офицер УСО с хорошей стороны представит работу «Интераллье», начальство решит укрепить её позиции, и игра будет продолжена.

В день, назначенный для прилёта «Лайзендера», Вомекур, «Кошка» и «месье Жан Кастель» отправились на машине в Лаас. Водителем был унтер-офицер абвера, представившийся «участником бельгийского Сопротивления». Они провели ночь в машине, тесно прижавшись друг к другу, тщетно ожидая посадки самолёта, который так и не прилетел. Полузамёрзшие вернулись в Париж. Вомекур продиктовал «Кошке» сердитое послание в Лондон, требуя объяснений.

В ответе сообщили, что полёт не состоялся из-за погодных условий, и за Вомекуром прилетят 30 января. В назначенный день Вомекур, «Кошка» и «месье Жан Кастель» вновь направились встречать самолёт, снова провели ночь в засыпаемой густым снегом автомашине, но самолёт так и не прилетел.

К этому времени у Вомекура стали возникать сомнения в отношении искренности «Кошки» и подозрение, не находится ли он под наблюдением. Подозрения переросли в уверенность после случая, который сильно скомпрометировал «Кошку» в его глазах. Он спросил, сможет ли она добыть фальшивые документы. На другой же день она появилась с впечатляющей коллекцией паспортов и удостоверений, которыми снабдил её Блайхер.

О своих подозрениях «Лукас» решил предупредить Лондон. Сообщение он направил через Швейцарию, но оно, как было установлено позже, до Лондона так и не дошло. В создавшихся условиях Вомекуру ничего не оставалось делать, как ждать и удвоить бдительность.

С другой стороны, увеличилась и озабоченность немцев тем, что Лондон может догадываться о фиктивности новой «Интераллье». Доказательством этому служили два случая непоявления «Лайзендера» — возможно, это объяснялось не плохой погодой, а подозрениями Лондона. Немцы не могли исключать и того, что «Кошка» ведёт двойную игру. Тем временем англичане продолжали засыпать «Интераллье» запросами о состоянии крейсеров. И Блайхер, выяснив, что корабли уже полностью готовы к выходу в море, на свой страх и риск 2 февраля дал радиограмму: «Кошка сообщает: Шарнхорст Гнейзенау Принц Евгений получили серьёзные повреждения результате попадания бомб точка Предположительный срок ремонта из-за трудностей доставки запчастей не менее четырёх

месяцев точка».

А через несколько дней, в ночь на 12 февраля 1942 года, германская эскадра в полном составе вышла из Бреста и совершила небывалый по смелости прорыв через Ла-Манш, куда до этого боялись заходить не только немецкие, но и английские суда. Это был триумф военно-морских сил Германии, не потерявших ни одного судна, и полное фиаско Британского адмиралтейства, захваченного врасплох, допустившего прорыв и потерявшего несколько эсминцев и шестьдесят восемь самолётов.

В своих воспоминаниях Черчилль писал: «В ночь с 11 на 12 февраля крейсеры „Шарнхорст“, „Гнейзенау“ и „Принц Евгений“ вышли из Бреста в море… Мы же в это время посчитали необходимым направить почти все самолёты-торпедоносцы в Египет… В ходе ожесточённых воздушных боёв с мощным немецким авиационным прикрытием мы понесли тяжёлые потери… Утром 13 февраля все немецкие корабли прибыли в свои порты. Эта новость привела британскую общественность в изумление и недоумение; случившееся было необъяснимо и расценивалось как свидетельство немецкого господства над проливами, что вызвало, естественно, народный гнев…»

Один из авторов немецкого триумфа — Блайхер — не получил даже благодарности.

Как всегда, мировые события переплетаются с сугубо личными.

После скандального случая с крейсерами из Англии срочно прибыл парашютист, майор Ричардс, с задачей разобраться в причинах дезинформации. «Кошка» неуклюже изворачивается, сваливает всё на месье Жана, который, мол, дал телеграммы, когда она была больна. Она сводит майора с Блайхером, который арестовывает его. «Кошка» потрясена, поняв, что Блайхер обманул её. К тому же он на целую ночь уходит к Сюзанне. Этого вынести она уже не может.

Матильда направилась к Вомекуру. Он был не так приветлив, как всегда, и «Кошка» почувствовала, что его мучают подозрения. «Лукас» засыпал её вопросами.

— Где майор? Что с ним? Кстати, где вы достали подлинные паспорта и удостоверения? — Он говорил всё требовательнее, не ожидая ответов, и, наконец, прямо спросил: — Вы работаете на немцев?

«Кошка» разрыдалась. И сквозь слёзы выдавила:

— Да!

Вомекур, ошеломлённый, молчал. Не дожидаясь его дальнейших вопросов, «Кошка» начала рассказывать. О провале «Интераллье». О том, как Блайхер заставил её работать на себя. О

своих душевных муках и страданиях. «Лукас» слушал её, и чувство гнева постепенно сменялось в его душе чувством жалости к этой женщине. Он уложил её в кровать, чтобы она успокоилась и отдохнула…

…Семь лет спустя, давая показания в суде, Пьер де Вомекур сказал: «Когда она во всём призналась мне, я с ней сблизился, чтобы быть во всём уверенным, и знаю, что с той поры она вела честную игру».

Видимо, в «Кошке» был синдром чеховской «Душечки». Она поделилась с Вомекуром:

— Моя мать меня хорошо понимала и как-то сказала: «Твой муж был учителем, и ты стала учительницей. Роман Чернявски был шпионом, и ты стала шпионкой. Хуго Блайхер — сотрудник абвера, и ты стала работать на абвер. Если ты выйдешь замуж за врача, адвоката или трубочиста — станешь врачом, адвокатом или начнёшь чистить трубы». Теперь я с тобой, английским офицером, и я буду работать на Англию.

Но удержать в секрете от Блайхера свою связь с «Лукасом» «Кошка» не смогла.

— Ты предала меня Койену, я тебя простил. Теперь ты предаёшь меня Вомекуру. Я понимаю, что так будет и дальше. Но я не виню тебя. Просто нам надо расстаться. Тебе следует покинуть Францию и чем быстрее, тем лучше.

В тот же день Блайхер явился к полковнику Рейле.

— Почему бы не послать «Кошку» в Лондон вместе с «Лукасом»? Если она честно работает на нас, она выяснит всё, что нам нужно о деятельности Французского отдела, и вернётся назад, укрепив свои позиции.

— А если не вернётся?

— Тогда игру придётся кончать. Всё равно, вечно она продолжаться не может.

— Хорошо, — сказал Рейле помедлив. — Я согласен.

Блайхер активно уговаривал «Кошку» принять это предложение. Она долго раздумывала. С одной стороны, Лондон может встретить её без того энтузиазма, на который рассчитывали немцы. С другой стороны, она может положить конец всей этой тягостной игре и снова перейти на другую сторону. На состоявшемся после войны процессе она настаивала на том, что собиралась признаться в своём предательстве и отдаться на милость властей в Лондоне.

Перед Вомекуром стояла дилемма — либо прервать все контакты с «Кошкой» и скорее скрыться, либо принять ситуацию такой, как она есть, и надеяться на то, что немцы помогут им выбраться в Англию. Он выбрал второй путь, понимая, что идёт

на смертельный риск.

14 февраля 1942 года немцы послали сигнал в Лондон, срочно требуя вывезти «Лукаса» и «Кошку», так как гестапо вышло на их след и их жизни находятся в опасности. Лондон ответил, что посылка самолёта невозможна, но катер будет направлен. Место встречи подготовил агент УСО — «Бенуа» — Бен Коубурн.

17 февраля произошёл обмен сигналами, подтверждающий прибытие катера в ночь на 18. Блайхер сказал «Кошке», что он не сможет сопровождать её, но капитан Эккерт и унтер-офицер Трич из абвера будут с ними. Он заверил, что германская береговая охрана предупреждена, и что два немца исчезнут, как только появится английское судно. Компания выехала из Парижа брестским экспрессом. Вомекур, «Бенуа» и «Кошка» ехали в одном купе, Эккерт и Трич в соседнем. В семь часов вечера беглецы поужинали в одном из прибрежных отелей. Они выпили две бутылки вина, и «Бенуа» воскликнул:

— Что за вечеринка! Французский шпион, британский шпион и немецкий! Не хватает лишь парня из ОГПУ!

Капитан Эккерт направился в местное отделение Секретной полевой полиции, чтобы убедиться, что все немецкие подразделения отведены от места предстоящего прибытия катера. Затем вместе с унтер-офицером спрятался в убежище, откуда мог наблюдать всё происходящее на берегу.

Вскоре после полуночи Вомекур, «Бенуа» и «Кошка» появились на пляже. Чуть позже приглушённый звук двигателя раздался со стороны моря. После короткого сигнала с борта «Кошка» трижды зажгла в ответ свой фонарик.

Надувная резиновая лодка отчалила от катера. В ней находился английский морской офицер и двое гражданских. «Кошка» и «Лукас» бросились к лодке, которая коснулась носом прибрежного песка. Три человека выскочили на берег. Прибывшими были капитан Блэк и два агента УСО.

«Кошка» вскарабкалась на шлюпку, качающуюся на волнах. Когда она стала втаскивать свой тяжёлый чемодан, то потеряла равновесие и упала в лодку, которая сразу перевернулась. «Кошка» исчезла в тёмных и грязных волнах. Капитан Блэк и Вомекур бросились спасать её. Когда её вытащили, она действительно выглядела мокрой и грязной кошкой. Лодку унесло в море.

Насквозь промокшие, они стали держать совет, как поступить дальше. «Кошка», повредившая ногу во время борьбы с морем, лежала на песке без сил.

Вомекур, знавший, что их немецкий эскорт должен быть где-то поблизости, убеждал, что немцы должны помочь. Капитан Блэк

достал фонарик и стал подавать сигналы на катер.

Капитану Эккерту и унтер-офицеру, наблюдавшим из убежища, всё происходившее на берегу стало казаться фарсом. Несколько человек из Секретной полевой полиции, которых Эккерт на всякий случай разместил неподалёку, с любопытством следили за происходящим.

Майор Бен Коубурн («Бенуа») вспоминал впоследствии:

— Итак, всё было кончено. Катер вынужден был отойти, чтобы его не увидели с берега… Мы собрались все вместе. «Лукас» решил, что два агента УСО и морской офицер должны спрятаться в лесу, а мы должны быть где-то рядом. «Кошка» рано утром установит контакт с немцами, и мы снова соберёмся в этой же точке в надежде на то, что катер вернётся.

Таким образом, группа разделилась. «Кошка», поддерживаемая «Лукасом» и «Бенуа», слабая и плачущая, поплелась в близлежащий отель. Два агента УСО, Реддинг и Абботт, пошли к ферме, где надеялись спрятаться, а капитан Блэк в своей военно-морской униформе направился в сторону леса.

Эккерт решил задержать моряка. Он настиг его и, достав пистолет, объявил, что является германским офицером и предлагает сдаться. Тому ничего не оставалось, как подчиниться.

За двумя гражданскими, которых Эккерт не без основания считал английскими агентами, была установлена слежка. Наутро они были схвачены на близлежащей ферме. Хозяин, давший им укрытие, был впоследствии расстрелян. Капитан Блэк и оба агента УСО до конца войны находились в немецких лагерях, но выжили.

Эккерт послал солдат за оставшимися на берегу чемоданами. В них обнаружили два радиопередатчика, шестьсот тысяч франков, пачку фальшивых французских и немецких документов, паспортов, удостоверений, несколько коробок с патронами, взрывчатые вещества, револьверы.

Утром «Кошка» встретилась с капитаном Эккертом и безуспешно пыталась дозвониться до Блайхера. Вернувшись, сказала Вомекуру и Коуборну, что немцы наблюдали всю операцию и были «совершенно потрясены».

Эккерт обещал «поднять на ноги» Блайхера и убедить его установить связь по радио с Лондоном с просьбой организовать приём пассажиров в этой же точке на следующую ночь.

Вся троица провела в нетерпении день, а ночью вновь пришла на то же место. В течение нескольких часов они подавали световые сигналы, но никто так и не появился. Унылые, они добрались до автобуса, а потом поездом вернулись в Париж. Во время поездки, когда «Кошка» уснула, Вомекур настоял на том,

чтобы Коубурн скрылся. Тот покинул поезд и после многих приключений добрался до Лиссабона, а затем и до Лондона.

20 февраля «Кошка» и «Лукас» вновь направились к месту прибытия катера. Но… заблудились и всю ночь напрасно подавали световые сигналы. На следующий день вернулись в Париж, и… дверь в её бывшую квартиру «Кошке» открыла Сюзанна.

Произошёл скандал, Блайхер едва смог успокоить женщин. Для того чтобы доказать Блайхеру, что она ещё может пригодиться, «Кошка» идёт на ещё одно, последнее, предательство.

Она выдаёт руководителя группы Сопротивления в Лилле, Майкла Тротобаса, парашютиста, английского капитана по кличке «Сильвестр». Его арестовывают, но так как улик против него нет, выпускают. Блайхер упрекает «Кошку» в дезинформации. Выйдя из себя, она кричит, что представит ему свидетеля, который может подтвердить её донос. Это — адвокат Броль.

«Кошка» договорилась с Бролем о встрече в ресторане. За соседним столиком устроился Блайхер. Она положила перед Бролем фотографию Майкла Тротобаса и спросила, знает ли он этого человека.

— Конечно. Это «Сильвестр» из лилльской группы, которая в вашу честь эмблемой себе взяла голову кошки…

Всё это слышал Блайхер.

Бролю, заметившему подозрительного человека за соседним столом, удалось бежать и спасти свою жизнь. При попытке нового ареста капитан Майкл Тротобас оказал вооружённое сопротивление и был убит. На параде после освобождения Франции его группа промаршировала, неся во главе колонны стяг с наименованием группы и эмблемой чёрной кошки…

Несколько дней спустя состоялась последняя попытка бегства «Кошки» и «Лукаса», на этот раз удачная.

По дороге из Саутгемптона в Лондон Вомекур доложил о предательстве «Кошки» сопровождавшему их офицеру. По приезде в Лондон прибывших развели по разным местам.

«Кошку» сразу арестовывать не стали: теперь уже английская разведка начала с ней игру. Её арестовали только 29 июня 1942 года, в день её тридцатидвухлетия, по обвинению в предательстве капитана Тротобаса и полковника (адвоката по гражданской профессии) Броля и по подозрению в предательстве нескольких членов организации «Интераллье».

В 1945 году Матильда Каррэ была передана французским властям. Следствие длилось почти четыре года. Матильду

обвиняли в выдаче тридцати пяти патриотов. 4 января 1949 года «Кошка» предстала перед судьями. Все они в прошлом были участниками Сопротивления, и приговор суда был предрешён — смертная казнь. Он и был вынесен 8 января.

8 мая 1949 года, в день четвёртой годовщины победы, смерть была заменена пожизненным заключением. Ещё через шесть лет, по случаю десятилетия победы, Матильда Каррэ была помилована и освобождена.

Она уехала в глубокую провинцию, где жила под чужим именем. В 1959 году издала свои мемуары.

Умерла «Кошка» в 1970 году.

Пьер Вомекур в 1942 году снова был выброшен с парашютом во Франции и возглавил группу Сопротивления. Гестапо арестовало его. Блайхер навестил Вомекура в тюрьме, оставил сигареты и сказал:

— Мне очень жаль, но теперь я ничего не смогу для вас сделать. Вам не нужно было возвращаться.

Следователи на этот раз не церемонились. Пьера избивали, выбили ему передние зубы, а затем до конца войны содержали в концлагере. В 1949 году он выступал свидетелем на процессе Матильды Каррэ.

Умер он в Париже в 1965 году.

Унтер-офицер Хуго Блайхер не был признан военным преступником. Он благополучно вернулся на родину, где стал владельцем табачного магазина.

ЭЛЬЯС БАЗНА («ЦИЦЕРОН») (1904–1970)

Цицерон был древнегреческим оратором и государственным деятелем, знаменитым своим красноречием. Именно этим именем из-за красноречивости представленных им документов был «окрещён» немецкий агент, действовавший в столице Турции Анкаре в годы Второй мировой войны.

«Цицерон» работал камердинером английского посла в Турции. Однажды он явился к сотруднику немецкого посольства и предложил за двадцать тысяч фунтов стерлингов документы, которые он смог перефотографировать у своего хозяина. Когда немец возразил, что запрошенная сумма слишком велика, камердинер молча указал рукой на расположенное неподалёку здание советского посольства, дав понять, что на его документы найдутся и другие покупатели.

Несмотря на дороговизну, немецкая разведка решила приобрести «товар» у камердинера. Как вспоминал впоследствии начальник немецкой разведки Шелленберг, это были «совершенно потрясающие сведения… совершенно секретная переписка между английским посольством в Анкаре и министерством иностранных дел в Лондоне. На документах имелись собственноручные пометки английского посла, касавшиеся взаимоотношений между Англией и Турцией, Англией и Россией».

Камердинер, теперь уже получивший кличку «Цицерон», потребовал за каждую последующую кассету с плёнкой по пятнадцать тысяч фунтов стерлингов. Эта сумма была ему обещана и регулярно выплачивалась.

«„Цицерон“ утверждал, что фотографирует один, — вспоминал далее Шелленберг, — не прибегая к чьей-либо помощи, так как два года тренировался в фотографировании документов. О своей работе он рассказывал так: будучи камердинером, он помогал послу, когда тот ложился спать. Посол имел обыкновение принимать на ночь снотворное. Когда он засыпал, „Цицерон“ оставался в комнате, чтобы почистить костюм хозяина. Тут-то он и получал возможность вынуть ключ, открыть сейф и затем при сильном свете сделать снимки, используя присланную нами „Лейку“. За полчаса „Цицерон“ успевал сделать все снимки, уложить на место документы, почистить и погладить костюм хозяина».

Но у немецких разведчиков вызвало подозрение то, что на одном из снимков были видны пальцы «Цицерона». Специалисты утверждали, что он был просто не в состоянии одновременно держать документ и производить съёмку. Поэтому эксперты

заключили, что он работал не один. Кроме того, возникло сомнение относительно его прошлого. Один раз он рассказывал, что его отец проживал в Константинополе, где был убит из-за неприятной истории, связанной с сестрой «Цицерона», а другой — что отца убил в Албании англичанин, за что он и ненавидит англичан. Он говорил, что не знает английского языка, но оказалось, что знает. Все эти мелочи, собранные воедино, делали его правдивость сомнительной. В то же время в подлинности представляемых им материалов сомнений не было.

Среди них оказались документы о результатах Московской конференции министров иностранных дел, состоявшейся в октябре 1943 года, в которой участвовали Хэлл, Иден и Молотов. Очень важными оказались доклады о Тегеранской конференции (ноябрь 1943 года) с участием Сталина, Рузвельта и Черчилля.

Особое значение имело то, что благодаря полученным документам немецкая разведка сумела частично расшифровать английский дипломатический код.

И ещё. В документах «Цицерона» впервые прозвучал термин «Оверлорд» — так кодировался союзниками план открытия второго фронта — высадки в Нормандии.

«Цицерон» работал на немцев до марта 1944 года, а в апреле германское посольство в Анкаре прекратило свою деятельность, так как Турция порвала отношения с Германией и перешла в лагерь союзников.

«Цицерон» получил от немцев в общей сложности огромную сумму — триста тысяч фунтов стерлингов! Но самое печальное для него заключалось в том, что он, как считалось, так и не сумел ими воспользоваться: они оказались фальшивыми.

Долгое время настоящее имя «Цицерона» и его дальнейшая судьба оставались неизвестными широкой публике. Но несколько лет тому назад советский разведчик Хайнц Фельфе, работавший в западногерманской разведывательной организации Гелена, поведал в своих мемуарах: «Камердинер по имени Эльяс Базна, когда был завербован, получил псевдоним „Цицерон“… В 1945 году след „Цицерона“ затерялся, но позднее он объявился сам, наглядно доказав правильность оценки мотивов действий этого бывшего агента, данной его офицером-руководителем: голая жажда наживы… В 50-е годы, когда организация Гелена ещё не была немецким учреждением, а находилась на содержании у США… в ведомство канцлера в Бонне поступило письмо того самого „Цицерона“, Эльяса Базны, где он указывал на свои заслуги, оплаченные фальшивыми деньгами, и снова требовал возмещения, на этот раз в неподдельной валюте. Письмо по принадлежности переслали генералу Гелену, считавшему себя

законным юридическим наследником адмирала Канариса, а свою организацию преемником бывшего абвера.

Я сам видел это письмо на столе в кабинете Гелена и читал его. Но в данном случае Гелен уже не считал, что как наследник абвера он унаследовал и его обязательства…

„Цицерон“ так и не получил ответа на своё прошение. Однако можно предположить, что он пустил в оборот 300 тысяч английских фунтов стерлингов ещё до раскрытия после войны их происхождения и значительную часть этой суммы либо обратил в добротную звонкую монету, либо инвестировал в какое-нибудь предприятие».

ОТТО СКОРЦЕНИ (1908–1975)

Вот как о нём писали: «Очень сложно найти как в реальной жизни, так и в художественной литературе более невероятные приключения, чем те, которые выпали на долю этого офицера СС». И ещё: «Редкий кинобоевик содержит в себе столько приключений, сколько их пережил Скорцени, выполняя секретные задания в разных странах Европы». Конечно, у Отто Скорцени было много похождений и увлекательных приключений. Но надо помнить, что он был отъявленным, кровожадным фашистом. Достаточно его собственных слов, сказанных в 1960 году: «Будь Гитлер жив, я был бы рядом с ним!» — чтобы понять, что это был за тип.

Скорцени часто называют «человеком со шрамом». Действительно, на его левой щеке остался след от ранения. Однако это не фронтовые раны — это память о буйных годах его молодости, о пьяных драках и студенческих дуэлях, это как бы знаки отличия, завоёванные в них.

В своих воспоминаниях, написанных после войны, Скорцени ничего не пишет о том, как проходила его жизнь с 1908 года, когда он появился на свет, до 1943 года, когда он объявился в Главном управлении имперской безопасности.

Однако ему было бы о чём рассказать. Австриец по рождению, Скорцени уже в 1934 году примкнул к фашистскому движению за «аншлюс», то есть присоединение Австрии к гитлеровской Германии. За несколько лет до этого, ещё будучи студентом, он познакомился и подружился с Кальтенбруннером, одним из будущих главарей фашистской Германии и её спецслужб, впоследствии осуждённым Нюрнбергским трибуналом за преступления против человечности и повешенным. Это знакомство сыграло решающую роль в жизни Отто Скорцени. Они оба были активными членами студенческого «Академического легиона». Туда допускались только избранные, исповедовавшие расизм и великогерманские амбиции.

Кальтенбруннер познакомил Скорцени с фюрером австрийских фашистов Артуром Зейс-Инквартом. В двадцать четыре года Скорцени стал членом нацистской партии, а феврале 1934 года вступил в СС. В середине того же года была произведена попытка государственного переворота с целью присоединения Австрии к Германии.

Отряд эсэсовских убийц, в который входил Скорцени, ворвался в канцлерский дворец. Сражённый пулями пал канцлер Австрии Дольфус. Но заговор не удался. Эсэсовцам пришлось

уйти в подполье. Надолго ли?

В 1938 году Гитлер подготовил захват Австрии. В стране был задуман новый государственный переворот. Его руководителями были друг Скорцени Кальтенбруннер и Зейс-Инкварт.

Двадцать эсэсовцев под командой Скорцени легко сняли охрану и проникли в кабинет президента Микласа. Его арестовали и увезли. Куда? Он исчез бесследно. Вслед за ним был арестован канцлер Шушниг (до конца войны он находился в концлагерях).

На следующий день после этих событий в Вену вступили немецкие войска. С независимостью Австрии было покончено.

9 ноября 1938 года Скорцени участвовал в антисемитской операции «Красный петух». «Подожжены сто девяносто одна синагога, семьдесят шесть полностью разрушены, подожжены одиннадцать общинных домов, кладбищенских молелен. Схвачено двадцать тысяч евреев» — из отчёта Герингу за этот день. Скорцени не остался без награды. Он стал владельцем роскошной виллы, законный хозяин которой, еврей, бесследно исчез.

С началом Второй мировой войны Отто Скорцени стал скромным унтершарфюрером (унтер-офицером) дивизии СС «Дас рейх». Прошёл Бельгию, Голландию, Францию, Югославию. А затем была война с СССР. И везде его путь отмечен расстрелами и казнями.

В 1943 году Гитлер объявил тотальную войну на уничтожение, войну без правил. Вот тогда Кальтенбруннер, к этому времени ставший начальником Главного управления имперской безопасности, вспомнил про Отто Скорцени. Из госпиталя, где тот лечился, но не от ранений, а от дизентерии, его вызвали в Берлин. Там Кальтенбруннер предложил Скорцени стать шефом подразделения СС, которое скрывалось под наименованием «Специальные курсы особого назначения Ораниенбург». Это была школа по подготовке «коммандос» — групп разведчиков и диверсантов высшей квалификации. Здесь обучали приёмам бесшумного «устранения» людей, прыжкам с парашютом, применению подводных мин и другим необходимым для диверсантов наукам. Подводные лодки и самолёты дальнего радиуса действия доставляли выпускников школы в различные уголки мира. Каждому помимо отравленных пуль для противников вручалась и смертельная доза цианистого калия для себя. Сдаваться живыми они не имели права. Одна небольшая, но существенная деталь: яды испытывались на заключённых концлагеря Заксенхаузен, и Отто Скорцени знал об этом.

Тогда же Скорцени занялся ещё одним делом. Агентам

Скорцени, конечно, требовались деньги — это была основа для вербовки агентуры. Но марки за рубежом не котировались, а долларов и фунтов стерлингов в рейхе становилось всё меньше. Поэтому был разработан план выпуска фальшивых денег. Начальником эсэсовского центра по выпуску фальшивых денег стал приятель Отто Скорцени оберштурмбаннфюрер СС Бернхард Крюгер, человек с уголовным прошлым.

Это была самая крупная в истории человечества акция по изготовлению фальшивых денег. Её кодовое наименование было «Операция Андреас». Первоначально усилия концентрировались на подделке фунтов стерлингов. Она началась ещё в 1940 году, но лишь через два с половиной года вошла в полную силу, когда банкноты от пяти до пятисот и даже тысячи фунтов стерлингов стали получаться совсем «как настоящие». Над выпуском денег, естественно, трудились не сами эсэсовцы, а талантливые художники, полиграфисты, инженеры и мастера по производству бумаги — всего 130 заключённых лагеря Заксенхаузен. Ни один из них в живых не остался.

Скорцени для его агентуры понадобились доллары. По его предложению часть производства и самые ценные специалисты были переведены в его вотчину Фриденталь, не подвергавшуюся бомбёжкам. Там они и занялись подготовкой к выпуску фальшивых долларов.

События развивались своим чередом. После поражения немцев под Курском и высадки англо-американцев на Сицилии правящая верхушка Италии поняла: война проиграна. Спасти Италию можно только сбросив дуче Бенито Муссолини с поста премьер-министра. 25 июля 1943 года Муссолини, явившись с докладом к королю, был арестован.

Новый премьер-министр генерал Бадольо вступил в официальные переговоры с американцами и англичанами о заключении перемирия. Англо-американское командование требовало выдачи Муссолини, но Бадольо тянул время. Он переводил Муссолини из одного места заключения в другое. Сначала дуче был помещён под охраной на корвет «Персефоне», превращённый в плавучую тюрьму, затем Понтианские острова и Санта-Маддалена. В конце концов, его поместили в уединённом туристском отеле «Кампо императоре», расположенном в труднодоступном горном массиве, куда добраться можно было лишь по подвесной дороге.

26 июля 1943 года, на другой день после ареста Муссолини, Гитлер вызвал к себе Скорцени и приказал:

— Любой ценой освободить Муссолини!

После поисков, длившихся несколько недель,

местонахождение Муссолини было установлено. Надо отдать должное предприимчивости и энергии Скорцени, проявленным при этих поисках. Правда, следует отметить, что итальянские фашисты, работавшие в секретной службе Муссолини, немало помогли своим немецким коллегам. Скорцени отобрал группу из ста шести добровольцев. Во главе с ним на двенадцати десантных планерах 12 сентября 1943 года они вылетели в горы. В каждом планере находились девять человек. Два планера перевернулись при взлёте, ещё два разбились при посадке. Скорцени приземлился благополучно в нескольких метрах от отеля и вместе со своей командой бросился в здание. Охрана была застигнута врасплох и не сделала ни одного выстрела. Комендант отеля, итальянский генерал, в знак своей покорности преподнёс Скорцени бокал вина. Всю операцию снимал на плёнку кинооператор, специально привезённый Скорцени.

— Я освободил вас по приказу фюрера, — доложил он Муссолини.

Вскоре за Муссолини прилетел двухместный самолёт. Но Скорцени сел в него третьим. И хотя он перегрузил машину (его рост 195 см при соответствующем весе), ему хотелось лично доставить свой «трофей».

Об успешном завершении операции в тот же вечер торжественно сообщило германское радио. Имя Отто Скорцени тогда не было названо, но уже через пару дней началась небывалая пропагандистская шумиха. Гитлеру и Геббельсу нужен был настоящий герой, чтобы поднять угасающий боевой дух немецкого народа. Скорцени лично доставил Муссолини в ставку Гитлера, и с этого момента на него полился дождь наград, дорогих подарков, повышений. О нём кричали по радио, печатали статьи газеты и журналы, показывали кинохронику. «Союз германских девушек» превозносил его как идола германской расы. Он был произведён в штурмбаннфюреры СС (майор), и Гитлер лично повесил ему на шею «Рыцарский крест».

Муссолини создал своё марионеточное правительство в Северной Италии и объявил, что продолжает войну на стороне Германии. Его ждал бесславный конец. Итальянские патриоты в 1945 году поймали Муссолини и повесили вверх ногами на автозаправочной станции.

После операции по освобождению Муссолини Скорцени получил новое серьёзное задание по ведению подрывной работы за рубежом. В его распоряжении оказались более трёх тысяч осведомителей, шпионов и диверсантов. Кроме того, Скорцени передали картотеку так называемых фольксдойче и всех членов нацистской партии в сорока с лишним государствах земного

шара, которые всегда были готовы оказать помощь его агентуре. Его основная задача состояла в засылке диверсантов в Россию. Но из девятнадцати засланных групп пятнадцать были пойманы сразу, четыре — позднее.

«Все крупные планы терпели неудачу», — признался глава гитлеровской разведки Вальтер Шелленберг, который работал над этой программой, получившей наименование «Цеппелин», вместе со Скорцени и отделом «Иностранные армии Востока». Этот отдел возглавляли небезызвестные генералы Кребс и Гелен.

Об одной из крупных, по его мнению, операций, проведённых в тылу Красной армии, Скорцени с ностальгическими нотками вспоминал в своих мемуарах. По его словам, от одного «резервного агента» летом 1944 года было получено сообщение, что в лесной массив к северу от Минска стекаются группы немецких солдат, которыми командует подполковник Шерхорн. Точное месторасположение группы, в которую входило более двух тысяч человек, неизвестно. Связи с этой группой не было. Скорцени получил от Главного командования указание со своими «специальными частями» установить связь с группой Шерхорна и оказать ей всяческую помощь. Операция, разработанная Скорцени, получила кодовое наименование «Браконьер» и длилась с середины сентября 1944 по май 1945 года.

«Мы, — вспоминает Скорцени, — были счастливы вернуть своих друзей, затерявшихся в водоворотах русского цунами…» Были подготовлены четыре группы, каждая из двух немцев и двух русских. Они были снабжены русскими пистолетами, радиостанциями, обмундированием, консервами, наголо пострижены на русский манер и приучены к русским папиросам… В своих мемуарах Скорцени рассказывает, что две группы пропали без вести, а двум удалось разыскать группу Шерхорна и выйти на связь. «На следующую ночь подполковник Шерхорн сам сказал несколько слов, простых слов, но сколько в них было сдержанного чувства глубокой благодарности! Вот прекраснейшая из наград за все наши усилия и тревоги!»

После этого на протяжении осени, зимы и весны 1944–1945 годов группе Шерхорна постоянно оказывалась всяческая помощь. В её расположение, а оно менялось по мере продвижения группы на Запад, постоянно сбрасывалось вооружение, боеприпасы, продовольствие, медицинские средства, высаживались разведчики и врачи. «Не обходилось без кровопролитных схваток с русскими, число погибших и раненых росло с каждым днём, и темпы продвижения, естественно, снижались… Но даже не это было нашей главной заботой… С каждой неделей количество горючего сокращалось, несмотря на отчаянные просьбы Шерхорна

пришлось сократить число вылетов самолётов снабжения… В дальнейшем содержание радиосообщений стало для меня сплошной пыткой… К концу февраля нам перестали выделять горючее… меня охватывало бешенство… Порой до нас долетали их отчаянные мольбы. Затем, после 8 мая, ничто более не нарушало молчания в эфире. Шерхорн не отвечал. Операция „Браконьер“ окончилась безрезультатно».

Остаётся добавить, что 28 марта 1945 года Шерхорн получил радиограмму, подписанную начальником германского генштаба, который поздравил его с присвоением звания полковника и награждением «Рыцарским крестом» I степени. Не правда ли, как всё трогательно?

Но ко всему сказанному надо ещё добавить следующее: «резервным агентом», сообщившим о существовании группы Шерхорна, был советский агент «Гейне» — Александр Демьянов. Шерхорн, действительно немецкий подполковник, был советским агентом «Шубиным», а вся его «воинская часть» состояла из нескольких немцев-антифашистов и перевербованных радистов, работой которых руководил советский разведчик Вилли Фишер, ставший впоследствии всемирно известным под именем Рудольфа Абеля. Всей же операцией руководил начальник Четвёртого управления НКГБ Судоплатов и опытные сотрудники этого управления Маклярский и Мордвинов. Операция носила кодовое наименование «Березино» и была направлена на введение в заблуждение немецкой разведки и отвлечение её сил. За время её проведения было захвачено 22 германских разведчика, 13 радиостанций, 255 мест груза. «Браконьер» утонул в «Березине»!

Примерно в этот же период Скорцени занялся новыми видами оружия: самолётами-снарядами и катерами-снарядами. Его задачей было не решение технических вопросов, а подбор добровольцев-смертников. Правда, в отличие от японских камикадзе, этим людям предоставлялся шанс выжить — катапультироваться, но он не всегда срабатывал. Готовил Скорцени в своей школе и «людей-лягушек». Они подплывали к вражеским кораблям и прикрепляли к днищам магнитные мины. Только во время одной из операций им удалось потопить вражеские суда водоизмещением в тридцать тысяч тонн.

Но всё это были временные успехи. Союзники научились бороться и с ними, хотя профессия «людей-лягушек» сохранилась и по сей день. Провалились и планы уничтожения крупнейших советских городов и промышленных центров специальными управляемыми самолётами-снарядами. Хотя Скорцени и смог подобрать некоторое количество добровольцев, технические средства не позволили осуществить эти планы.

20 июля 1944 года было совершено покушение на Гитлера, и его противники собирались захватить власть. Скорцени с присущей ему жестокостью подавил заговор. По приказу Гиммлера он, с приданным ему батальоном, захватил здание Верховного главнокомандования и распоряжался там, верша суд и расправу в течение трёх дней. Одних отдавал в руки гестаповских палачей, других, вроде своего агента Ойгена Герстенмайера, будущего председателя бундестага ФРГ, брал под защиту. Скорцени получил ещё одну благодарность фюрера.

В октябре 1944 года Отто Скорцени прибыл в Будапешт. Ему поручено организовать государственный переворот, так как венгерский «фюрер» Хорти намеревался заключить сепаратный мир с союзниками.

10 октября Скорцени организовал похищение коменданта Будапешта генерала Бакаи, на другой день командующего венгерской Дунайской флотилии Харди, а затем очередь дошла и до Хорти-младшего. Он нужен был как заложник, чтобы его папа не вздумал перекинуться к противникам. Его заманили в ловушку, а затем, завёрнутого в большой ковёр, вынесли из здания, погрузили в машину и увезли. Он был отправлен в концлагерь.

На следующий день Скорцени организовал штурм правительственной резиденции. Во главе батальона эсэсовцев-парашютистов он ворвался в здание. Под дулом винтовки заставил генерала Лазара отдать приказ о сдаче гарнизона. Он подчинился, но тут же пустил себе пулю в лоб. Правительство лишилось охраны и было свергнуто. Новое правительство продолжило войну. Скорцени получил звание оберштурмбаннфюрера (подполковника) и «Золотой рыцарский крест», пожалованный ему Гитлером.

В декабре 1944 года, когда началось немецкое контрнаступление в Арденнах, Скорцени приступил к выполнению ещё одной секретной операции. Он создал специальный отряд из солдат-добровольцев, владеющих английским языком. Их одели в американскую военную форму, дали американское оружие и автомашины. Группы из этого отряда стали прорываться в тылы наступавших союзных войск, где сеяли панику и совершали диверсии. Однако участники этой операции понесли большие потери. Сто тридцать один солдат из отряда Скорцени был захвачен американцами и расстрелян, свыше тысячи погибли в боях. Во время этой операции подчинённые Скорцени совершили тяжёлое военное преступление. Они расстреляли семьдесят одного безоружного американского пленного, так как переодетые эсэсовцы опасались,

что американцы могут разоблачить их.

Несмотря на некоторую стабилизацию обстановки, немецкие войска продолжали угрожать союзникам. Это вынудило Черчилля обратиться к Сталину с просьбой о помощи. Советские армии досрочно перешли в наступление на Висле, и англо-американские союзники были спасены.

Наступление советских войск продолжалось. Отто Скорцени, уже в должности командира дивизии, получил от Гитлера последний приказ: удержать город Шведт на Одере. Не обладая ни знаниями, ни талантами полководца, Скорцени применял единственный известный ему метод — террор. Он приказал вешать всех, кто подумает об отступлении и бегстве. Множество немецких солдат и офицеров было казнено по его приказу. Был повешен даже бургомистр небольшого городка Кёнигсберг в округе Неймарк Курт Флётер, тело которого висело у дороги пять дней. Скорцени получил от солдат кличку «Отто-вешатель», а от Гитлера «Дубовые листья к Рыцарскому кресту».

Последней акцией Отто Скорцени во время войны была попытка создать «Альпийскую крепость» в горах Тироля в Австрии. Там гитлеровцы рассчитывали окопаться и продолжать борьбу «до последнего человека». Помимо людей и оружия, Скорцени получил «на расходы» несколько сотен тысяч фальшивых фунтов стерлингов.

Но все потуги организовать сопротивление оказались бесполезными. 15 мая 1945 года Скорцени был арестован. Однако на этом его жизнь не закончилась. Он попал под опеку руководителя американской разведки генерал-майора Уильяма Джозефа Донована. Несмотря на многочисленные факты преступных действий Скорцени, американский суд вынес ему оправдательный приговор. Международное право было попрано. Западногерманский журнал «Квик» писал: «Мелюзгу вешают, крупным дают сбежать».

Однако Скорцени никуда не сбежал от американской секретной службы. Он был помещён в Дармштадский денацификационный лагерь, где его должны были «перевоспитывать». Однако в июле 1948 года за Скорцени явились трое, одетые в американскую военную форму, и куда-то увезли его. Он оказался в США, где под кличкой «Эйбл» начал служить американской разведке. Это о нём начальник американской разведки Донован ещё в 1945 году отозвался: «Славный парень!»

В специальном лагере в штате Джорджия Скорцени обучал американских коллег методам забрасывания и эвакуации агентов-парашютистов.

В 1950 году он направился во Францию и Германию, где в

нескольких издательствах готовилась к печати книга его мемуаров. После этого он оказался в Италии. Встретившись там со своими единомышленниками, учредил зловещий синдикат эсэсовских преступников «Организация лиц, принадлежащих к СС» (ODESSA).

Покинув Италию, Скорцени переехал в Испанию, где в это время под крылом диктатора Франко укрывалась нацистская колония из шестнадцати тысяч человек, в числе которых было пять тысяч высокопоставленных гитлеровцев. Там Скорцени уже ни от кого не скрывался. Он даже появился в картинной галерее Мадрида с «Рыцарским крестом» на шее. Испания надолго стала пристанищем Скорцени. Он основал там две базы для нацистов: одну близ Севильи, вторую в уединённой вилле неподалёку от Константины.

Тесные связи Скорцени с Ялмаром Шахтом, олигархом, оправданным Нюрнбергским трибуналом, и главой западногерманской секретной службы Геленом дали свои результаты. В январе 1951 года его фамилия была вычеркнута из списков лиц, разыскиваемых полицией ФРГ. Теперь он свободно курсировал между Испанией и Германией то под собственным, то под вымышленным именем, с тем, чтобы укрыть в Испании как можно больше нацистов.

Одним из его новых «подвигов» был шантаж Уинстона Черчилля. После освобождения Муссолини у Скорцени оказались его секретные документы, в числе которых были письма Черчилля. В 1951 году через своего агента Скорцени возвратил Черчиллю эти письма. За это последнему пришлось дать гарантию, что в случае победы на выборах он освободит военных преступников. Так и произошло. После победы консерваторов Черчилль сформировал новое правительство и распорядился освободить ряд видных нацистских преступников. Вскоре они покинули тюрьмы.

Вся его дальнейшая жизнь, а Скорцени умер в 1975 году, была посвящена заботе о нацистских военных преступниках, участию в различных мероприятиях «холодной войны» и подготовке к «горячей». Однажды в Нюрнберге Скорцени заявил: «Дайте мне тысячу человек и свободу рук, и любой противник потерпит поражение в новой войне».

Существует версия о том, что израильскому Моссаду удалось в 1960-е годы завербовать Скорцени и привлечь его к операции, направленной против Египта. Согласно этой версии, Насер намеревался производить собственные ракеты, в чём ему помогали немецкие инженеры, в том числе бывшие подчинённые Скорцени. Тот якобы сделал всё, чтобы сорвать план создания

египетских ракет, а после войны 1967 года продолжал помогать Израилю в его борьбе с Египтом.

Однако по поводу этой версии генерал вермахта Отто-Эрнст Ремер заявил, что «у Скорцени не было никаких причин помогать тем, кого он считал узурпаторами и захватчиками. Кто может поверить, что на Моссад работал тот, чьими последними словами были: „Я горжусь тем, что верно служил своей стране и фюреру…“ Скорцени никогда не врал, и неужели он мог опуститься до лжи перед уходом в лучший мир».

АННА МОРОЗОВА (1921–1944)

Среди множества героинь-разведчиц Второй мировой войны имя Анны Морозовой можно выделить особо. Долгое время оно было в забвении, но затем стало широко известно в нашей стране благодаря фильму «Вызываем огонь на себя», где её роль блестяще исполнила Людмила Касаткина. Но мало кто знает, что Сещинское подполье, о котором рассказывается в фильме, это только треть её боевой биографии.

До войны на станции Сеща Смоленской области, километрах в трёхстах от Москвы, размещалась авиационная воинская часть, где двадцатилетняя Анна Афанасьевна, а попросту Аня Морозова работала скромным вольнонаёмным делопроизводителем.

На другой день после начала войны она явилась к начальству и подала заявление об отправке на фронт.

— Здесь такой же фронт, — сказали ей. — Будешь работать на старом месте.

Но немцы подходили всё ближе, и однажды Аню пригласили в кабинет заместителя командира части. Там сидел незнакомый немолодой офицер.

— Аня, — сказал он, — мы тебя хорошо знаем. Скоро здесь будут фашисты. Наша часть эвакуируется. Но кто-то должен остаться. Работа будет опасная и сложная. Готова ли ты для неё?

Конечно, разговор был не таким коротким и не таким простым. Ане высказали полное доверие, и она была оставлена на подпольную разведывательную работу.

В день эвакуации пришлось разыграть небольшой спектакль: Аня прибежала в штаб с чемоданом, когда последняя машина с женщинами и детьми уже отправилась на восток. С опечаленным видом она вернулась домой, точнее, в здание бывшего детского сада — их дом разбомбили. В тот же вечер в посёлок вошли немецкие войска.

Немцы полностью восстановили и расширили первоклассный аэродром, построенный незадолго до войны. Сещинская авиабаза стала одной из крупнейших баз дальней бомбардировочной авиации Гитлера, откуда самолёты Второго воздушного флота люфтваффе, подчинённого генерал-фельдмаршалу Альберту Кессельрингу, совершали налёты на Москву, Горький, Ярославль, Саратов… Аэродром имел сильную противовоздушную оборону, был надёжно защищён с земли, все подступы к нему блокированы, территория вокруг базы находилась на особом режиме.

Первое время в разведывательную группу Ани входили

девушки, работающие в основном в сфере обслуживания немецкой воинской части. Имена этих сещинских девушек: Паша Бакутина, Люся Сенчилина, Лида Корнеева, Мария Иванютич, Варя Киршина, Аня Полякова, Таня Василькова, Мотя Ерохина. И ещё две еврейские девушки — Вера Молочникова и Аня Пшестеленц, бежавшие из смоленского гетто, которых Аня полгода прятала, а затем переправила в партизанский отряд и с того времени использовала в качестве связных. Добываемую девушками информацию Аня передавала… старшему полицейскому Константину Поварову — руководителю Сещинской подпольной организации, связанному с партизанами и разведчиками, а через них с Центром.

К сожалению, информация, поступавшая через девушек, была ограниченной: русских не допускали непосредственно на военные объекты и в штаб.

Но женщины имеют одно неоспоримое преимущество: там, где они не могут действовать сами, они действуют через мужчин. Сещинским подпольщицам удалось сначала очаровать, а потом сделать таких мужчин своими помощниками. Правда, надо сказать, что те и сами искали связи с подпольем. Это были молодые поляки, мобилизованные на работу в немецкую армию: два Яна — Тима и Маньковский, Стефан Гаркевич, Вацлав Мессьяш, чехи — унтер-офицер Венделин Рогличка и Герн Губерт и другие.

«Аня Морозова и её девушки, — вспоминал много лет спустя Ян Тима, — были пружиной и взрывателем всего нашего дела».

Об Ане, её подругах и друзьях сняты фильмы, написано множество статей и книг. Не хотелось бы пересказывать их, но сделанное ими заслуживает хотя бы простого перечисления.

Если поначалу успехи носили случайный характер — Ане, например, удалось похитить у немцев противогаз новейшей конструкции, узнать номера частей, дислоцированных на аэродроме, — то с приобретением новых помощников работа стала планомерной и постоянной.

— Что мы должны узнать для вас? — спросил Ян Тима.

— Всё, — ответила Аня. — Всё об аэродроме, всё об авиабазе, всё о противовоздушной и наземной обороне.

Вскоре Ане передали карту с нанесёнными на неё штабами, казармами, складами, мастерскими, ложным аэродромом, зенитками, прожекторами, точным обозначением мест стоянок самолётов с указанием их количества на каждой стоянке.

Карту переслали в разведотдел штаба Западного фронта. В результате совершённого после этого налёта сгорело двадцать два самолёта, двадцать были повреждены, три были сбиты при

попытке подняться в воздух. Сгорел склад бензина. Аэродром вышел из строя на целую неделю. И это в дни ожесточённых боёв!

Об успешной бомбёжке сообщалось в сводке Совинформбюро.

С того времени по ориентирам разведчиков бомбёжки Сещинской авиабазы проводились систематически, несмотря на создание ложных аэродромов, усиление сети ПВО и т. д.

После гибели Кости Поварова, случайно подорвавшегося на мине, Аня возглавила Сещинское подполье.

В дни Сталинградской битвы по базе был нанесён мощный удар — сброшено две с половиной тысячи авиабомб, выведено из строя несколько десятков самолётов. К этому времени Аня имела своего человека в штабе капитана Арвайлера, коменданта Сещинского аэродрома. Этим человеком был Венделин Рогличка. Он имел возможность добывать такие сведения, как графики полётов, данные о запасных аэродромах и даже планы карательных экспедиций против партизан. Именно он сообщил Ане о выезде части лётного состава Сещинской авиабазы на отдых в село Сергеевку. Партизаны, совершив ночной налёт на «дом отдыха», уничтожили около двухсот лётчиков и техников.

В начале лета 1943 года обе воюющие стороны готовились к решающим битвам на Курской дуге. Сориентированная разведчиками советская авиация нанесла ряд мощных ударов по Сещинскому аэродрому. Во время этих разрушительных бомбёжек немцы могли прятаться в бункеры и бомбоубежища, Ане же и её подругам, вызывавшим огонь на себя, укрытием служили убогие погреба деревянных домишек.

12 мая 1943 года немцы были изумлены, услышав, что русские лётчики переговариваются между собою… по-французски. Они были бы изумлены ещё больше, если бы знали, что налёт советских бомбардировщиков и прикрывавшей их французской эскадрильи «Нормандия — Неман» направлялся скромной двадцатидвухлетней прачкой.

Анина группа не только добывала разведданные. Подпольщики занимались саботажем (подсыпали сахар в бензин, песок в пулемёты, похищали парашюты и оружие) и диверсиями (к бомбам и бомболюкам самолётов прикрепляли мины замедленного действия, которые взрывались в воздухе, и самолёты гибли «по неустановленным причинам» через час—полтора после вылета).

3 июля 1943 года подпольщики заметили на аэродроме необычное оживление. Прибыло множество новой техники и лётного состава. Удалось подслушать разговоры лётчиков о том, что 5 июля начнётся наступление на Курской дуге. Информация была своевременно передана в Центр и стала ещё одним

подтверждением уже имевшихся разведывательных данных, что помогло нанести по противнику упреждающий удар и сыграло немаловажную роль в исходе одной из крупнейших операций Второй мировой войны.

Только в дни Курской битвы подпольщики из группы Ани Морозовой взорвали шестнадцать самолётов! Экипажи погибали, не успевая радировать о причине взрыва. Начались технические и следственные разбирательства. Командующий Шестым воздушным флотом знаменитый ас барон фон Рихтгофен жаловался в Берлин, обвиняя авиационные заводы в саботаже.

Однако расследования ни к чему не привели — Сещинское подполье одно из немногих, где не было ни одного предателя. Погиб лишь, попав в руки гестапо по собственной вине, Ян Маньковский и умер как герой, никого не выдав. Он отказался от возможности бежать, опасаясь, что это погубит Люсю Сенчилину, ставшую его женой и ожидавшую ребёнка. Погибла, никого не выдав, и Мотя Ерохина.

Вскоре после этого на глазах у всех, едва успев взлететь, взорвались три самолёта, на которые установил мины Ян Тима. Они должны были взорваться через час после вылета, но вылет задержался.

По Сеще прокатилась волна арестов. Ян Тима и Стефан Гаркевич были тоже арестованы, но бежали, и Аня переправила их в партизанский отряд. Удалось спастись и большинству других подпольщиков.

18 сентября 1943 года Сеща была освобождена. Однако для Ани борьба с фашизмом на этом не закончилась. Она стала курсантом разведшколы той части, в которой когда-то служили Зоя Космодемьянская и Константин Заслонов. После этого родные потеряли с ней связь. А в 1945 году получили извещение, что она пропала без вести.

В действительности же произошло следующее. После окончания курсов Аня в составе группы разведчиков была послана в тыл врага, чтобы разведать систему укреплений противника. В ночь на 27 июля 1944 года над Восточной Пруссией высадился парашютный десант. В его составе было восемь разведчиков во главе с капитаном Павлом Крылатых и две девушки-радистки — Зина Бардышева и Аня Морозова, «Лебедь». Группе не повезло, она была сброшена на высокий лес, и шесть парашютов остались на деревьях, демаскировав место высадки.

Спустя несколько часов после приземления группы, гауляйтеру Восточной Пруссии Эриху Коху доложили, что к северо-востоку от Кёнигсберга обнаружены повисшие на деревьях парашюты; с помощью собак удалось найти и остальные, зарытые,

а также и грузовой с запасными комплектами батарей для питания рации и боеприпасами.

Сообщение о десанте, спустившемся на расстоянии двух-трёх ночных переходов от ставки Гитлера «Вольфшанце», немало взволновало Эриха Коха и все его охранные службы. Тем более что это произошло всего спустя неделю после неудавшегося покушения на Гитлера в этом же «Волчьем логове». К тому же Эрих Кох был крупнейшим землевладельцем, которому принадлежало несколько имений в Восточной Пруссии. И на всё это покушались русские! Не без основания побаивался Кох того, что и его может постичь участь рейхскомиссара Белоруссии Вильгельма Кубе, убитого разведчиками. Поэтому на поиски группы и были брошены крупные силы. Немцы начали преследование и в первом же коротком бою убили командира группы.

Но в этот же день разведчики неожиданно вышли на сильнейшую линию резервных немецких долговременных укреплений — железобетонные доты, надолбы, траншеи. Линия никем не охранялась, так как фронт был далеко. Нашему командованию о ней не было ничего известно. Это явилось первым успехом. К тому же разведчики захватили двух пленных из военно-строительного управления Тодта, от которых узнали немало подробностей о линии укреплений «Ильменхорст», протянувшейся от литовской границы на севере до Мазурских болот на юге. Один из пленных рассказал о подготовленных для будущих диверсионных групп базах в лесу, снабжённых оружием, боеприпасами и продовольствием.

Аня оказалась в группе незаменимой: она первая бросилась в реку в поисках брода, затем, когда группа оказалась «в окружении» десятка немецких ребятишек из ближайшего хутора, сняла обмундирование, в одном платье вышла к детям и сумела отвлечь их внимание, пока остальные разведчики уходили в лес. Ей пригодилось знание немецкого языка.

За парашютистами началась настоящая охота. В целях мобилизации бдительности населения нацисты сожгли хутор Кляйнберг, убили его жителей и сообщили в местных газетах, что это сделали советские парашютисты.

Эриху Коху, палачу и убийце, ничего не стоило пойти на такую провокацию.

Результатами операции против парашютистов интересовался сам Гиммлер, неоднократно звонивший из Берлина. Облавы не прекращались ни днём, ни ночью. На прочёсывание лесов помимо полицейских сил ежедневно выделялось до двух полков. Мобильные группы на автомашинах сразу же направлялись к тем

местам, откуда велись запеленгованные немцами радиопередачи.

В сильную грозу разведчики набрели на пост немецких связистов. В окно было видно, что дневальный спит.

— А что если я пойду, — вызвалась Аня. — Если немец проснётся, скажу, что на крыльце больная женщина, попрошу, чтобы помог ей. Если пойдёт на это, вы его прихватите, а если нет — застрелю.

Так и сделали. Немец вышел, его схватили и допросили. Ценных сведений от него не получили, но он сказал, что о высадке парашютистов предупреждены все — и гражданские лица, и воинские части.

В районе города Гольдап снова вышли на укреплённую линию. Там их застала немецкая облава. Отступать было нельзя, пришлось с боем прорываться через цепь солдат. В ходе боя вышли на немецкий аэродром, откуда чудом удалось вырваться и укрыться в ближайшем лесу. Быстро передали шифровку в Центр с полученными разведданными и снова пошли вдоль укреплённой линии, нанося её на карту. На ночёвку вернулись в уже прочёсанный немцами лес. На следующий день получили указание Центра возвратиться в район приземления, выйти к дороге Кёнигсберг — Тильзит и взять под наблюдение перевозки по ней и по ближайшему шоссе.

Разведчикам удалось найти удобное место, с которого просматривались дороги. Для передачи радиограмм Аня и Зина совершали многокилометровые манёвры. Их станции выходили на связь в самых неожиданных местах: в поле, у гарнизонов, на окраинах городов, на берегу залива Куришес-Гаф. За ночь девушки успевали уйти далеко, оказывались за цепью вражеского окружения и возвращались обратно.

Из отчёта штаба Третьего Белорусского фронта: «От разведгруппы „Джек“ поступает ценный материал. Из полученных шестидесяти семи радиограмм сорок семь информационных».

Группа голодала. Из телеграмм нового командира группы в Центр в начале ноября 1944 года: «Все члены группы — это не люди, а тени… Они так изголодались, промёрзли и продрогли в своей летней экипировке, что у них нет сил держать автоматы. Просим разрешить выход в Польшу, иначе мы погибли».

Но группа продолжала действовать, вела разведку, брала языков, посылала шифровки в Центр. В одном из боёв группа была окружена.

Из радиограммы «Лебедя»: «Три дня тому назад на землянку напали эсэсовцы. „Сойка“ (Зина) сразу была ранена в грудь. Она сказала мне: „Если сможешь, скажи маме, что я сделала всё, что смогла. Умерла хорошо“. И застрелилась…»

Оставшиеся в живых вырвались из окружения, но потеряли друг друга. Аня с рацией трое суток блуждала по лесу, пока не наткнулась на разведчиков из спецгруппы капитана Черных. Встретились с польскими партизанами, вместе провели несколько операций. В одной из них группа попала в засаду, капитан Черных и остальные разведчики погибли.

И опять Ане удалось спастись. Она сумела выйти на территорию Польши в Мышенецкую пущу, севернее Варшавы. Там у неё ещё была возможность остаться в живых, затерявшись в толпах беженцев и угнанных. Но она решила продолжать бороться.

Аня разыскала польский партизанский отряд, вступила в него и приняла участие в боях. В одном из них была ранена. Ей перебило левую руку. Аня пыталась шутить: «Радистке нужна одна правая».

Раненую девушку спрятали в лесу у смолокура Павла Ясиновского, но и туда добралась облава. Утро 31 декабря 1944 года стало последним для неё. Её окружили во время облавы, она отстреливалась, будучи несколько раз раненной, и когда её хотели взять в плен, взорвала себя и рацию гранатой.

Поляки похоронили её в братской могиле местечка Градзанувле.

В 1965 году Анне Афанасьевне Морозовой было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза, и она была награждена польским Крестом Грюнвальда II степени.

ЖОЗЕФИНА БЕЙКЕР (1906–1975)

Прошло всего несколько дней с начала Второй мировой войны, а гитлеровские армии уже заканчивали разгром Польши. Ни англичане, ни французы, объявившие немцам войну, никаких активных действий не предпринимали. Начался тот период, который впоследствии назовут «странной войной».

Сентябрьским днём на одном из бульваров Парижа, где война никак не ощущалась, в кафе сидели, потягивая аперитив, два посетителя. Один из них — капитан французской контрразведки Жак Абтей, другой — Даниель Моруани, антрепренёр известной чернокожей эстрадной артистки Жозефины Бейкер. Наклонившись к Жаку, он тихо говорил:

— Ты понимаешь, она совсем с ума сошла. Утверждает: «Это Франция сделала меня тем, что я есть. Мы, цветные, живём во Франции счастливо, здесь нет ни цветного барьера, ни расовых предрассудков. Я буду вечно благодарна и верна Франции. Я — любовница Парижа и горжусь этим. Он отдал мне своё сердце, и я ему отдала своё. Сегодня я готова отдать свою жизнь Франции».

— Так чего же она хочет? — поинтересовался Жак.

— Она хочет служить Франции на любом посту, в том числе и как секретный агент.

— Видно, лавры другой артистки, Мата Хари, не дают ей покоя, — усмехнулся Жак.

— Ты не смейся. Она, действительно, хочет служить Франции.

Жак ничего не ответил. Он знал, что у Жозефины уже был кое-какой опыт секретной работы. В качестве «почётного осведомителя» мосье Джиавити, главы контрразведывательной службы парижской префектуры, она сообщила информацию об итальянском дипломате, которым интересовалась служба.

О разговоре с Моруани капитан Абтей доложил своим шефам, полковнику Шлессеру и коменданту Палуалю из «германской секции» контрразведки.

Жозефину немедленно зачислили в агентурную сеть, даже прежде чем она узнала об этом, и капитан Абтей был назначен её куратором. Так и началась их совместная военная одиссея, которая из Франции увела их в Испанию, Португалию, Марокко, Алжир, Тунис, Ливию, Египет, Ирак, Сирию, Ливан и вновь вернула в освобождённый от фашистов Париж. В этот период Жозефина некоторое время работала на британскую разведку.

Она обладала всеми необходимыми для агента качествами: красивая и популярная актриса, к которой тянулись все, с кем она

соприкасалась, даже заядлые нацисты, с глубоким интеллектом и великолепным чувством юмора, любящая подурачиться и хорошо подготовленная для разведывательной работы, за что всегда была благодарна Жаку Абтею.

Жозефина владела замком, построенном в XV веке, но модернизированном на современный лад. Её обслуживали девять слуг, которые впоследствии стали храбрыми участниками Сопротивления. Здесь же проживали ещё несколько человек: кузнец, экономка, горничная, семья беженцев из Бельгии и любимцы актрисы — собака, обезьяны и белые мыши, которых она обычно брала с собой во все поездки, а также личный секретарь и собственный пилот. Но она и сама любила пилотировать самолёт и имела одно из первых — после полученного Мартой Рише ещё в 1913 году — «удостоверений пилота», выданных женщине во Франции.

Всего этого Жозефина Бейкер добилась сама. Негритянка родом из города Сент-Луис, штат Миссури, США, недоучившаяся в школе, стала танцовщицей и певицей, а в 1924 году в восемнадцатилетнем возрасте «Чёрной звездой» Бродвея.

В 1925 году согласилась на предложение французского антрепренёра выступить в Париже в «Негритянском ревю», с восторгом была принята публикой и в 1937 году получила французское гражданство.

Первое время после установления контакта с разведкой Жозефина работала в Париже, общаясь с беженцами из Бельгии и Северной Франции, среди которых было немало немецких шпионов. В мае 1940 года «странная война» закончилась, началась настоящая, и немцы, за сорок дней разгромив Францию, заняли Париж.

Капитану Абтею приказали прибыть в Лондон за инструкциями, и он отправился туда по фальшивому паспорту на имя Жака Геберта. Жозефина получила от германских военных властей разрешение выехать в Мадрид для выступления в кабаре. Хотя военные власти очень любезно обращались с ней, это не помешало гестаповцам ограбить её замок.

В ноябре 1940 года Жозефина и Жак встретились в Лиссабоне. Всё было подготовлено для того, чтобы её визит выглядел профессиональной поездкой. Она пела в варьете и выступала по национальному радио. Но её истинной целью было выявление двух немецких шпионов, которые угрожали единственному действовавшему пути отступления из Франции через Пиренеи в Лиссабон, а оттуда в Лондон. Несколько французских офицеров и английские разведчики Дуглас Хей, Хед Уоллер, Джон Бенет и Ян Дональдсон имели то же задание, что и

Жозефина. Они должны были помочь ряду французских министров, генералов и политических деятелей переправиться к генералу де Голлю.

Даже много лет спустя Жозефина неохотно рассказывала о том, как ей удалось выявить Хайнца Рейнерта, гестаповца, который руководил охотой на перебежчиков из Франции. Он постоянно курсировал между французской границей, Мадридом и Лиссабоном под видом германского бизнесмена Георга Рунке. В течение нескольких месяцев агенты союзников не могли его разоблачить. Жозефине это удалось. Установила она и другого опасного гестаповца, Карла Клумпа, который с помощью франкистской полиции выловил нескольких беженцев и передал их эсэсовцам, ожидавшим на французской стороне границы. Они погибли в германских концлагерях. Но многие обязаны своей жизнью и свободой Жозефине. Немцы так никогда и не узнали, кто разоблачил Рейнерта и Клумпа.

В Лиссабоне Абтей установил контакт со своим бывшим шефом Палуалем. Тот выехал из Парижа в Виши и делал вид, что поддерживает марионеточное правительство Петэна, в то время как на самом деле организовывал разведывательную сеть генерала де Голля на неоккупированной территории Франции. Ему в помощь была направлена Жозефина Бейкер.

Она довольно неохотно обратилась к правительству Виши за разрешением на въезд в Марсель под предлогом организации выступлений в оперном театре. Впервые она не хотела выступать во Франции, заявив: «Я не буду играть там до тех пор, пока последнего нациста не вышвырнут из Франции!» Но вынуждена была согласиться с Абтеем, что принесёт гораздо больше пользы, если сделает вид, что дружелюбно относится к предательскому режиму Петэна — Лаваля, и уже в декабре 1940 года в переполненном марсельском театре она пела в оперетте Оффенбаха «Креолка». В Марселе Жозефина содействовала организации подпольной группы.

По приказу Лондона Абтей и Жозефина, отказавшаяся принять от английской разведки вознаграждение в сумме одной тысячи фунтов стерлингов, отправились в Северную Африку. К этому времени были подготовлены планы высадки десанта в Алжире. Вторжение в Оран и Алжир было отложено до ноября 1941 года, но руководство союзных разведок в Лондоне нуждалось в подробной информации о положении в этом районе. В начале 1941 года Жозефина прибыла в Алжир и много месяцев гастролировала по Северной Африке. По вечерам и ночам она пела в кабаре и театрах, а в «свободное время» собирала ценную информацию, в которой нуждалась военная разведка, — о

береговых укреплениях, размещении войск и общеполитической ситуации. В Марокко у неё состоялась секретная встреча с Би Бахином, братом султана, поддерживавшим союзников. В Марракеше она заручилась поддержкой Эль Глав Паши, старого берберского вояки, который впоследствии стал близким другом Уинстона Черчилля.

Бейкер выполнила много деликатных миссий, включая раздачу взяток бедуинским и берберским шейхам. Частично эти деньги были её собственными. Жозефина обворожила Муллу Ларби Эль Алуи, хитрого визиря Марокко, настолько, что он стал снабжать её ценной информацией. Она приобрела друзей среди высокопоставленных офицеров из окружения генерала Нога, вишистского и прогерманского генерал-губернатора. Они тоже снабжали её информацией, которая сразу же передавалась в Лондон. Это было рискованно, ведь корпус Роммеля к тому времени оттеснил британскую армию почти до окрестностей Александрии.

Жозефина побывала всюду: в Агадире, в Фезе, в Тунисе. Она пересекла Ливию и согласилась петь для германских солдат с целью установить контакт с шефами движения Сенусси, которое наносило ущерб итало-германским войскам в пустыне.

В любой момент этих «гастролей» она могла быть разоблачена немцами как агент союзников и расстреляна.

Зимой 1941–1942 года, находясь в Касабланке, Жозефина заболела. Болезнь официально признали паратифом, но почти бесспорно она стала жертвой попытки отравить её. Агенты германского абвера подозревали её в том, что она по меньшей мере симпатизирует де Голлю, если не является шпионкой союзников. Но вследствие широкой популярности Жозефины ни нацисты, ни итальянцы не смели арестовать её, ибо это вызвало бы возмущение во французской Северной Африке, где фашисты стремились получить поддержку от официальных вишистских чиновников и коллаборационистов. Несколько месяцев жизнь Жозефины висела на волоске не только из-за болезни, но и потому, что пока она лежала в госпитале, самолёты союзников почти ежедневно бомбили Касабланку, и бомбы падали в непосредственной близости от госпиталя.

Наконец началось вторжение союзных войск. За три дня и три ночи сто пятьдесят тысяч американских и сто сорок тысяч солдат Англии и Свободной Франции высадились с десантных судов на пляжи Северной Африки.

Когда генерал Патон во главе союзных армий прибыл в Касабланку и услышал, что она больна, он послал ей букет цветов и записку со словами: «Жозефине Бейкер, которая так доблестно

помогала нам».

Хотя актриса всё ещё была очень слаба, она настояла на том, чтобы дать гала-концерт в Клубе Свободы. Среди зрителей было много видных военачальников союзных войск: фельдмаршал Александер, генералы Кларк, Патон, Андерсон, адмирал Канингхэм. В течение нескольких недель Жозефина выступала для американских и английских солдат, после чего получила новое секретное задание.

Палуаль, бывший начальник Абтея, прибыл в Северную Африку с полковниками Риветом и Дюкрестом. Перед ними стояла задача разобраться в ситуации, сложившейся на французских подмандатных территориях — Сирии и Ливане, где перед французами встала серьёзная проблема арабского национализма.

Союзники имели теперь сильные позиции на Среднем Востоке, но это не повлияло на арабов, мечтавших о национальной независимости. Агенты Гитлера и Муссолини всячески старались использовать настроения арабов в своих интересах — создать «второй фронт» для английской армии в Египте.

В январе 1943 года Рузвельт и Черчилль встретились в Касабланке для обсуждения вопроса об открытии второго фронта в Европе. Жозефина была искренне тронута, получив приглашение в американское консульство, где происходила встреча. Но она вынуждена была отказаться, так как уже имела указание отправиться в Бейрут и встретиться там с французским посланником.

Задание на этот раз было иного рода, чем те, которые она выполняла раньше. Ей надо было теперь работать не против нацистских или итальянских шпионов, а против арабских националистов и революционеров. Амин, муфтий Иерусалима, бежал в Германию. Но его сторонники серьёзно подрывали французское и британское господство. В Ираке и Сирии восстание Рашида Али, которое, как считали западные разведки, инспирировано и профинансировано Германией, было подавлено в 1941 году. Но его последователи снова подняли голову. Это были члены Арабской лиги Ибрагима Ваззани, в которую были внедрены и нацистские агенты.

В конце 1943 года, уже после полного поражения Роммеля в Северной Африке, снова начало разгораться пламя вражды арабов к Франции и Британии. У английской разведки имелись данные, что большую роль в этом играют эмиссары, засланные немцами через Турцию. Жозефину попросили выяснить детали всего этого дела.

Через Ливию и Египет она направилась в Багдад и Бейрут, где комендант Бруссе из французской секретной службы вывел её на связь с британской разведывательной службой на Ближнем Востоке. Она теперь выдавала себя за арабку и, сопровождаемая марокканским принцем Си Менхеби, помогла выявить ряд нацистских агентов в этом районе, в том числе двух женщин-агентов гестапо, Аглаю Нойбахер и Паулу Кок.

Западные авторы, описывая эту миссию Жозефины Бейкер, безусловно лукавят, приписывая мощный подъём национально-освободительного движения арабских народов действиям германских агентов и эмиссаров. Это был закономерный процесс. И то, что Жозефина помогла разоблачить нескольких агентов, не особенно повлияло на ход освободительной борьбы против колониальных режимов Англии и Франции. Тем не менее её искусству разведчицы надо отдать должное.

Выполнив задание, Жозефина вернулась в Алжир, по пути она дала несколько концертов для солдат, отдыхавших после трудно достигнутых побед над войсками Роммеля. Её восторженно приветствовали в Каире, Александрии, Мисурате, Тобруке, Бенгази, Триполи. В Алжире её принял сам генерал де Голль.

Италия капитулировала, и на Западе полагали, что война идёт к концу, благо почти все германские войска были сосредоточены на восточном фронте.

25 августа 1944 года Вторая французская бронетанковая дивизия вошла в освобождённый Париж. Жозефина вернулась в свою любимую Францию, но не в свой замок в Дордони. Она следовала за наступавшей армией, поддерживая солдат своим искусством. Пела в Страсбурге, Меце, Кольмаре через несколько часов после их освобождения.

После капитуляции Германии Жозефина как «специальный агент» ушла в отставку, но как любимая певица продолжала выступать перед французскими, английскими и американскими войсками в оккупационных зонах Германии. В Париже генерал де Голль вручил ей Крест Лотарингии и Медаль Сопротивления. Он также прислал ей письмо, в котором благодарил за «великолепную работу и службу в самые тяжёлые для Франции времена».

Замок в Дордони отреставрировали, но его прежних обитателей там уже не было. Одни из них умерли в застенках гестапо, другие от голода.

Достигнув зрелого возраста, Жозефина Бейкер посвятила себя воспитанию своих девяти приёмных детей. Среди них были француз, араб, негр, испанка. Дети сопровождали её во всех поездках.

С годами её взгляды изменились. Если в 1940-е годы она выступала как противница движения за национальное освобождение арабов, правда, видя в этом «руку Берлина», то в 1960–70-е годы стала ярой сторонницей борьбы негров за свои права. Приехав в США, участвовала в демонстрациях в защиту прав негров, хотя в то время в негритянском движении многие видели «руку Москвы».

Автору довелось встретиться с Жозефиной, когда она надумала побывать в Советском Союзе, чтобы там рассказать о борьбе негритянского народа в США. Мы сидели в моём нью-йоркском офисе и обсуждали детали поездки, сдабривая разговор традиционным русским угощением, икрой и водкой, которые ей очень нравились. Как-то получилось, что разговор зашёл о войне, и она с гордостью сказала, что генерал де Голль лично вручил ей орден и медаль за участие в движении Сопротивления. К сожалению, больше мы на эту тему не говорили, и о том, за что она получила награды, я узнал намного позже.

Но Жозефина заболела, и поездка её не состоялась. Хотя нельзя исключить и того, что, учитывая её прошлое, болезнь могла оказаться «дипломатической». Скорее всего, кому-то не хотелось, чтобы она поехала в нашу страну.

ГЕВОРК ВАРТАНЯН (род. 1924)

Вскоре после начала Великой Отечественной войны, 25 августа 1941 года, советские и английские вооружённые силы совместно провели стремительную военную операцию. Две советских армии вошли в Иран с севера и заняли его северные провинции, а с юго-запада одновременно вступили подразделения британских войск. Они без потерь продвигались вперёд и 17 сентября встретились в столице Ирана Тегеране. В 1942 году два иранских порта были заняты американской армией.

Причин для вторжения в Иран было несколько. Первая — иранское правительство симпатизировало гитлеровской Германии и могло нанести с тыла удар по Советскому Союзу. Вторая — в Иране работало огромное количество немецких агентов, представлявших угрозу для нашей страны. Третья — Иран был удобным транзитным путём для поставок в СССР американских военных грузов.

Некоторое время спустя Иран присоединился к антигитлеровской коалиции. Несмотря на это немецкая агентура Канариса и Шелленберга продолжала работать в этой стране, и борьба с ней шла почти до конца войны.

Осенью 1943 года союзники приняли решение провести в Тегеране конференцию руководителей трёх держав — СССР, США и Англии — Сталина, Рузвельта и Черчилля. Место было выбрано после долгих переговоров и споров как наиболее удобное для всех стран.

Немецкая агентура узнала про подготовку конференции и информировала об этом руководство Германии. Гитлер принял решение о проведении операции «Длинный прыжок» — так немецкие разведчики назвали намеченное покушение на лидеров «Большой тройки» во время Тегеранской конференции. Организацию покушения Гитлер поручил своему любимцу Отто Скорцени.

В августе 1943 года на парашюте в районе Тегерана приземлился опытный немецкий разведчик Роман Гамота. Он сразу связался с главой германской резидентуры Францем Майером. В помощь им была заброшена группа из шести немецких «коммандос». Они высадились в районе города Кум, в семидесяти километрах от Тегерана, до которого добирались более двух недель. С собой они имели много снаряжения и оружия, которое вначале везли на десяти верблюдах, а потом переложили на грузовик. Члены группы перекрасили волосы в чёрный цвет, переоделись в иранскую одежду и разместились на

конспиративной квартире, ожидая прибытия главных исполнителей операции «Длинный прыжок».

Между тем советская разведка не дремала. Одно из первых сообщений о замыслах немцев поступило от разведчика Николая Кузнецова, который действовал в немецком тылу, в Ровно, под именем обер-лейтенанта Пауля Зиберта. Ему проболтался об этом штурмбаннфюрер СС Ульрих фон Ортель, который приглашал «своего друга Пауля» на одно «дельце» в Тегеран. Кузнецов отказался, а Ортель прибыл в иранскую столицу и присоединился к Майеру и Гамоте.

Поступали в разведку сообщения и из других источников — от иранцев, немца, и очень интересные — от семнадцатилетнего Амира, руководителя «лёгкой кавалерии».

Приближался день открытия конференции. Разведка приняла нужные меры. Действия основной группы диверсантов оказались в поле зрения советской и английской разведок, и за ними установили наблюдение. Работа их радиостанции была запеленгована, радиограммы перехвачены и дешифрованы, после чего группу арестовали.

Узнав о провале группы, Гитлер передумал направлять в Тегеран главных исполнителей операции «Длинный прыжок», и она была отменена. Об этом решении Гитлера стало известно только впоследствии, уже после войны. А тогда, в 1943 году, об этом не знали и вполне резонно полагали, что у немцев есть запасные варианты, и покушения всё же следует опасаться.

Поэтому, когда лидеры трёх стран съехались в Тегеран, Сталин предложил Рузвельту поселиться в советском посольстве. Рузвельт принял предложение, а Черчилль очень ревниво отнёсся к этому и признал:

— Сталин перехитрил нас и выиграл этот раунд.

Вернувшись в Вашингтон, президент Рузвельт на пресс-конференции сказал:

— Маршал Сталин заявил, что, возможно, будет организован заговор с целью покушения на жизнь всех участников конференции. Он просил меня остановиться в советском посольстве, чтобы избежать необходимости поездок по городу… Немцам было бы довольно удобно разделаться с маршалом Сталиным, Черчиллем и со мной в то время, когда мы проезжали бы по улицам Тегерана, поскольку советское и американское посольства находятся друг от друга на расстоянии полутора километров.

Конференция прошла успешно, приняла очень важные решения, и её работе никто не помешал.

Операция немцев провалилась благодаря успешной работе

нашей и английской разведок, в том числе и группы Амира — Геворка Вартаняна.

В «Очерках истории российской внешней разведки» об Амире очень интересно рассказал Л. П. Костромин. С любезного разрешения автора я изложу историю Амира. Кое-что поведал мне и сам ныне здравствующий Амир.

Отец Амира был иранским подданным и сотрудничал с советской разведкой. Семья жила в Ростове-на-Дону, а когда Амиру исполнилось шесть лет, по заданию разведки перебралась в Иран. Отец стал преуспевающим коммерсантом, почти никогда не пользовался деньгами Центра, сам зарабатывал на все расходы. Он создал агентурную сеть и оказывал действенную помощь советской разведке.

Его несколько раз арестовывали по подозрению в шпионаже, но доказать этого не могли и выпускали на свободу.

Он был настоящим патриотом Советской России и своих детей воспитывал в том же духе. Именно под его влиянием Амир, тогда ещё совсем молодой, шестнадцатилетний мальчишка, в 1940 году стал разведчиком.

Его первым учителем был советский резидент И. И. Агаянц.

Амир выполнил первое задание — подобрал группу друзей и единомышленников. Они были молоды, отважны, охотно шли на риск. В резидентуре их в шутку назвали «лёгкая кавалерия», может быть, и потому, что по городу они передвигались на велосипедах. Других средств передвижения у них не было, только в 1942 году появился немецкий трофейный мотоцикл «Цюндапп».

По заданию Агаянца группа действовала как бригада наружного наблюдения, а иногда и как отряд быстрого реагирования, «способный выполнять специальные задания».

Всего лишь за пару лет с помощью группы Амира было выявлено четыреста лиц, связанных с германскими разведслужбами.

Юный возраст участников группы сбивал с толку тех, за кем они наблюдали; никому и в голову не приходило, что какие-то мальчишки-велосипедисты могут за кем-то следить. Не всегда дело ограничивалось слежкой, иной раз приходилось участвовать в опасных операциях, когда жизнь юношей висела на волоске. Время было военное, жестокое, и они знали, что их сверстники в партизанских отрядах так же отважно дрались с врагом.

Именно группа Амира выследила скрывавшегося в Тегеране немецкого резидента Майера. Захватить его советской разведке, правда, не удалось: буквально под носом нашей группы захвата он был арестован английской разведкой, которая тоже вела охоту за ним. Так или иначе, он был выбит «из игры», а два его радиста

арестованы.

Во время поиска Майера Амир с друзьями установили его пособников, которые предоставили тому убежище и готовились дать убежище другим немецким агентам. С помощью «семёрки» Амира был обнаружен и арестован и главный помощник Майера Отто Энгельке. Лишившись руководителей и радиосвязи, германская разведка к концу 1943 года резко ослабила свою деятельность.

Ещё до этих арестов резидентуре стало известно, что некий немецкий коммерсант (ему дали кличку «Фармацевт») ведёт активную разведывательную деятельность и тайно встречается с высокопоставленными иранцами. Однако следившая за ним группа Амира никаких его встреч не засекла. Тогда стали внимательно наблюдать за его домом и обнаружили там брата-близнеца «Фармацевта». Один из братьев выходил из дома, уводил группу наблюдения за собой и спокойно шёл в бар или в кино, где ни с кем не встречался. А второй, убедившись, что группа ушла, тоже выходил из дома и направлялся на нужную встречу.

Обнаружился и ещё один интересный немец, по имени Вальтер. Он был владельцем букинистической лавки, куда постоянно заходили иранские офицеры, которые покупали и продавали книги. Возникло подозрение, что эта лавочка является «почтовым ящиком» немецкой резидентуры.

Ребята из группы Амира стали посещать лавочку и познакомились с Вальтером. Он действительно оказался держателем немецкого почтового ящика, но в победу Германии не верил, считал нападение на Россию грубой ошибкой фюрера, которая приведёт к катастрофе.

Работники резидентуры вплотную занялись Вальтером и вскоре завербовали его. Он был одним из тех, кто сообщил о планах покушения на руководителей «Большой тройки».

Ребята Амира первые узнали и сообщили о десанте передовой немецкой группы, прибывшей для участия в покушении, и помогли её разоблачить.

Англичане, хотя и были союзниками СССР, вели одновременно враждебную работу против нашей страны. Под видом радиоклуба они создали разведывательную школу, где готовили шпионов для засылки в советские республики Средней Азии и Закавказья.

По заданию резидентуры Амир внедрился в эту школу и получил там хорошую разведывательную подготовку, которая пригодилась ему в дальнейшем. Его научили многому, что должен знать и уметь разведчик: двусторонней радиосвязи,

тайнописи, тайниковым операциям, пользованию шифрами, методам вербовки агентуры.

Амир и его друзья собрали подробную информацию о школе и о её курсантах. Стало известно, что после окончания шестимесячных курсов выпускников обычно направляли в Индию, где они совершенствовали мастерство и тренировались в прыжках с парашютом. После этого их забрасывали на территорию СССР.

Благодаря группе Амира стали известны многие из выпускников школы. Почти всех их поймали после заброски в СССР. Часть из них согласилась работать на нашу разведку и передавать англичанам дезинформацию. Так получилось, что школа не только работала вхолостую, но и наносила хозяевам вред. В результате она была закрыта.

Помощницей Амира, а впоследствии его женой стала шестнадцатилетняя девушка Гоар. Они прошли вместе большой путь в советской разведке, работали в разных странах мира. Недавно отметили золотую свадьбу.

Гоар помогла выявить много фашистских агентов. Она также сумела найти тайную квартиру, где фашистская разведка скрывала двух советских лётчиков-изменников. Они угнали свои самолёты из Баку в Иран, и немцы собирались переправить их в Германию, но лётчики были арестованы и понесли наказание.

Группа Амира действовала до конца 1940-х годов.

Сам же он, как сказано выше, вместе с женой работал за рубежом многие годы и продолжает свою службу и сегодня. К сожалению, ещё не настало время рассказать о всех делах Геворка Вартаняна.

Геворку Андреевичу Вартаняну присвоено высокое звание Героя Советского Союза, Гоар награждена орденом Красного Знамени.

УИЛЬЯМ ВАРВИК КОРКОРАН (1884–1962)

Его называют «американским мастером шпионажа № 1», и ему приписывают спасение Лондона от немецких ракет ФАУ благодаря тому, что он обнаружил местонахождение германской военной базы на острове Пенемюнде в Балтийском море. Уже после войны он сумел отыскать место, где прятался один из военных преступников Иоахим фон Риббентроп.

Уильям Варвик Коркоран, Билли, родился в Вашингтоне в сентябре 1884 года. Закончил Джорджтаунский университет — альма-матер многих американских дипломатов. Позже закончил университет в Лилле и говорил по-французски как истинный француз — редкое качество для американских дипломатов.

Родители умерли рано, Билли оказался богатым наследником и как таковой не лишал себя удовольствия наслаждаться лошадьми, автомобилями, яхтами, вёл жизнь плейбоя.

Его жизнь резко изменилась, когда ему встретилась католическая монашенка, ставшая его приёмной матерью, хотя он не был католиком. Коркоран отбросил все забавы, к тому же своё богатое наследство почти полностью он к тому времени уже растранжирил.

Как раз в это время редактор газеты «Вашингтон пост» предоставил ему место репортёра. Билли бегал по городу в поисках происшествий, описывал жизнь воришек и продажных политиков. Когда началась Первая мировая война, он, проникнутый духом ненависти к прусскому милитаризму, бросил свою работу и записался во французский иностранный легион. После вступления США в войну перешёл в американские экспедиционные войска. Там стал старшим лейтенантом, редактором газеты для американских солдат. К концу войны был награждён Военным крестом, французской медалью и получил свидетельство о нетрудоспособности по инвалидности.

Прошли годы. В 1936 году Коркоран оказался в Швеции. Занимая скромную должность генерального консула в Гётеборге, в обязанности которого входило оформление виз, регистрация браков и наследственных дел, он, в действительности, являлся агентом американской разведки. Коркоран стал им задолго до того, как прибыл в Швецию. Ему довелось побывать в Калькутте, Бомбее, Мадрасе, Варшаве, Алжире, Гибралтаре, Ямайке и в Испании. Он был «одиноким волком», работал без подчинённых или начальников, был, так сказать, «резидент сам по себе».

Благодаря своему лёгкому, общительному характеру Коркоран завёл много друзей среди шведов. С их помощью он

познакомился с капитанами всех шведских судов, ходивших между Швецией и Германией. Поэтому имел полную информацию о том, что происходило в портах Балтийского моря. Как-то раз германская контрразведка прослышала про тайные связи консула и заявила протест шведским властям. Консулу сделали замечание, но в действительности Швеция и сама была заинтересована в том, чтобы выяснить, что же происходит на Балтийском побережье. Поэтому замечание носило чисто формальный характер, и шведы отнюдь не вмешивались в его действия.

Но он изменил тактику. Благодаря знакомству с владельцами судов и капитанами Коркоран смог установить контакт с матросами, механиками, поварами, стюардами и начал получать от них информацию.

Несколько месяцев спустя Коркоран приподнял занавес над какой-то тайной, проникнуть в которую сначала не мог. Его собеседники рассказывали о десятках катеров и моторных лодок, отплывающих в неизвестное место, расположенное примерно в шестидесяти милях к северо-востоку от Штеттина. Вскоре Коркоран выяснил, что речь идёт о небольшом острове Пенемюнде, и попросил своих друзей точно определить его координаты на карте. Он узнал ещё одну деталь: никто из работающих там не смел покинуть остров, а визитёры туда не допускались.

Однажды у него на пороге взорвалась бомба. Сам Коркоран не пострадал. Шведские газеты писали, что германские секретные службы планировали похитить и ликвидировать Коркорана, «сующего нос в чужие дела». Его называли самым опасным американским шпионом. Сообщалось, что как раз в эти дни газета «Правда» якобы опубликовала статью советского посла в Швеции Александры Коллонтай, называвшей его «мастер шпионажа № 1 дяди Сэма». Скорее всего, это была провокация немецкой разведки.

Между тем Коркоран не был уверен, что именно в Пенемюнде Гитлер готовит оружие, которым намеревается завершить войну в двадцать четыре часа.

Он продолжал рутинную работу, в частности, раздобыл копии счетов фирмы SKF, поставлявшей шарикоподшипники из нейтральной Швеции в воюющую Германию. Узнавшие об этом союзники потребовали от Швеции немедленного прекращения этих поставок. То, что утечка информации дело рук Коркорана, доказать не удалось (и действительно, сам он не крал эти документы), за кражу счетов и их «утечку» на Запад были приговорены к трём годам заключения норвежец и два шведа.

По наводке Коркорана самолёты союзников теперь днём и ночью летали над Пенемюнде — делали аэрофотосъёмку, имитируя свои полёты рейдами на бомбёжку Берлина или Штеттина.

Нацисты были уверены, что никто не знает ни о Пенемюнде, ни о том, что там скрывается. Они были достаточно умны для того, чтобы не применять против самолётов зенитную артиллерию, считая, что густые леса надёжно маскируют всё, что там происходит.

Однако появлялось всё больше и больше фотографий и сообщений моряков о таинственных взрывах на острове. В конце июля 1943 года Коркоран сообщил в Лондон обо всём, что ему стало известно о Пенемюнде. (Надо заметить, что информация Коркорана была не единственной.)

В ночь на 17 августа 1943 года шестьсот тяжёлых английских бомбардировщиков появились над Пенемюнде. Немцы решили, что и они летят на Берлин или Штеттин, но на этот раз ошиблись.

Воздушная армада обрушила страшный удар на остров — бомбила его сорок минут. Сорок сборочных цехов превратились в руины, лаборатории были разрушены, пятьдесят зданий повреждено. Из семи тысяч учёных и инженеров пять тысяч были убиты. Погибли шеф исследовательских и технических работ генерал-майор Вольфганг фон Шамье-Глизенцки, главный конструктор ракетных двигателей Вальтер Тиль. Заместитель командующего люфтваффе генерал Йешоннек, отвечавший за систему ПВО этого района, покончил с собой.

Англичане потеряли на обратном пути сорок один самолёт.

По мнению Черчилля, это был один из поворотных пунктов войны. Ракетный центр был выведен из строя, что спасло не только Лондон, но, возможно, предотвратило бомбардировку летающими ракетами восточного побережья США.

За свою работу Билли Коркоран был награждён по достоинству, правда, и после такого триумфа он не осознал в полной мере значения того, что произошло.

После Победы он продолжал исполнять обязанности консула. Однако без его вмешательства Риббентроп мог бы дожить свои годы спокойно где-нибудь в Аргентине. А дело было так.

В порту Гётеборга стоял океанский лайнер «Гринсхольм», который ходил под флагом Красного Креста. Среди пассажиров лайнера была некая фрау Йенке. Официально она числилась женой дипломата, коммерческого советника немецкого посольства в Анкаре. Коркоран, ознакомившись со списком пассажиров, предположил, что герр Йенке наверняка должен что-то знать о местонахождении немецкого посла фон Папена.

Он выяснил, что фрау Йенке — сестра Риббентропа. Она была помещена под надзор полиции в один из отелей Гётеборга. Коркоран, блестяще владевший французским, посетил фрау Йенке, выдав себя за бежавшего из Франции сторонника Лаваля и Петэна. Он сказал, что хочет пробраться в Аргентину, что имеет надёжных друзей в Германии, которые ему в этом помогут. Он поинтересовался, не хочет ли фрау Йенке, чтобы её брат тоже уехал в Южную Америку.

— Можете ли вы помочь мне пробраться в Германию? — спросила фрау Йенке.

Коркоран обещал сделать всё, что в его силах.

Тогда фрау Йенке поделилась с ним, что, когда Иоахим фон Риббентроп был простым коммивояжёром, торговавшим шампанским, у него был друг, виноторговец из Гамбурга. Она хотела повидать его, потому что была уверена, что тот поможет разыскать её брата.

Мы добавим к этому, что Риббентропа в это время разыскивали и спецслужбы всего мира.

«Шведские друзья» организовали фрау Йенке поездку в Германию. Она получила разрешение покинуть Швецию и направиться в английскую зону оккупации Германии. Без труда разыскала в Гамбурге знакомого виноторговца. Тот радушно принял её, накормил, напоил и сообщил о местонахождении её брата — он в меблированных комнатах по соседству. Фрау Йенке незамедлительно отправилась по указанному адресу, и, сама не ведая того, привела туда за собой агентов полиции союзных войск, которые и арестовали бывшего министра иностранных дел гитлеровской Германии. Позднее Иоахим фон Риббентроп был приговорён Нюрнбергским трибуналом к смертной казни и повешен.

К числу заслуг Коркорана можно отнести и потопление нескольких германских судов в проливах Каттегат и Скагеррак. Немецкий консул в Норвегии был его агентом, и с его помощью Коркоран установил, где находятся нефтяные базы и завод тяжёлой воды, узнал маршруты и расписания движения судов.

Через знакомых моряков Коркоран также выявил нефтяные базы в тридцати милях от Пенемюнде, в устье реки Одер. Их тоже разбомбили.

Но самой большой своей заслугой Коркоран считал спасение жизней пяти тысяч беженцев из Германии. Почти всех ему удалось отправить в США, он не отказал никому.

В 1946 году Коркоран вышел в отставку и спокойно дожил свой век, окружённый детьми и внуками, в одном из американских городков неподалёку от Вашингтона.

«РОБИН» (1893 — после 1963)

Мы не знаем и, возможно, никогда не узнаем подлинного имени этого человека. Он просил секретную службу, с которой был связан, никогда не обнародовать о нём никаких данных. Однако его работа заслуживает того, чтобы рассказать о нём.

«Робин» был агентом британской военной разведки, одновременно сотрудничал с УСО — Управлением специальных операций в годы войны и участвовал в движении французского Сопротивления, что не очень приветствовалось его патронами.

Он родился в Берне, столице Швейцарии. Его мать была уроженкой Эльзаса, отец — швейцарец еврейского происхождения. В юношеском возрасте вместе с родителями переехал в Париж. Получив образование, занялся бизнесом и к началу Второй мировой войны уже являлся видным деятелем международного бизнеса и весьма состоятельным человеком. От матери он унаследовал голубые глаза и светлые волосы, от отца — высокий рост и атлетическую фигуру, в общем, имел внешность «настоящего арийца». Приятели, а потом и немцы, так и называли его — «настоящий ариец».

В июне 1940 года Франция капитулировала и была оккупирована немецкими войсками. Остатки английских войск из Дюнкерка отправились в Англию. «Робин» раздумывал о своём будущем: вернуться ли в Швейцарию и с помощью многочисленных друзей продолжить бизнес; перебраться ли в Великобританию, а может быть, и в Америку, где заняться тем же; или остаться во Франции и включиться в борьбу с оккупантами. Он выбрал третий путь. Ещё до отъезда британского посольства из Парижа (10 июня 1940 года) «Робин» установил контакт с британской разведкой, но предупредил: «Я буду работать вместе с вами, но не для вас».

Уходя, англичане оставили «Робину» радиопередатчик и связного-бакалейщика, содержавшего лавку в пригороде Парижа. Кроме того, они снабдили его документами на имя Жака Вальтера, эльзасского немца.

Оккупировав Париж, немцы, конечно, установили там свои порядки, но вели себя далеко не так, как на оккупированных советских территориях. Во французских городах продолжались торговля, нормальное денежное обращение, действовали театры, музеи, метро, бары и рестораны, проводились показы мод, на бензоколонках, пусть в ограниченном количестве, но можно было приобрести бензин, по расписанию ходили поезда (в том числе скорые и курьерские), существовал даже туризм — можно было

выехать на отдых к морю.

Пользуясь этим, «Робин» несколько раз выезжал на побережье. Где-нибудь в укромном месте его брала рыбацкая лодка и доставляла на корабль Королевского военно-морского флота, где он встречался с офицерами английской разведки и передавал им информацию. Она почти всегда представляла для них немалый интерес, так как к этому времени «Робин» свёл знакомство со многими немцами, главным образом из числа офицеров-хозяйственников, которые принимали его за «своего».

На одной из встреч, в начале лета 1942 года, «Робин» сообщил, что познакомился с немецким капитаном Данекером, представлявшим в Париже Адольфа Эйхмана, который возглавлял нацистское ведомство по «окончательному решению еврейского вопроса», то есть уничтожению евреев не только в Германии, но и во всей Европе (впоследствии, 31 мая 1961 года, Эйхман будет повешен в Израиле). «Робин» сказал своим патронам, что хотя он и будет продолжать работать вместе с британской разведкой, но сейчас главную роль видит в спасении от уничтожения сефардской общины во Франции.

Сефарды были дальними потомками испанских и португальских евреев, которые перебрались во Францию ещё во времена испанской инквизиции. Они давно расстались с верой отцов, не следовали их обычаям, да и внешне не очень походили на евреев. Как правило, это были высокообразованные и часто очень богатые люди. У них существовала своя община, и её руководители, зная о контактах «Робина» с немцами, умоляли его что-то предпринять для их спасения.

«Робин» начал действовать.

Через капитана Данекера Жак познакомился с другими людьми из окружения Эйхмана. Встречался с ними в далеко не формальной обстановке, для чего располагал достаточными деньгами. Однажды, выбрав момент, намекнул, что «эти проклятые евреи» очень богаты и могут каждому из них «отстегнуть» неплохую сумму только за один росчерк пера, признающий их французами. «Если же их убьют, — добавлял он, — вы ничего не получите, так как их деньги запрятаны слишком далеко».

Немцы слушали, качали головами, говорили «я-я», но не соглашались с ним, ссылаясь не только на своё начальство, но и на авторитет Канта, Ницше и Гёте. Однако с увеличением предлагаемой суммы их убеждённость в правоте своей миссии ослабевала, и, наконец, была достигнута договорённость: за миллион долларов, положенных на секретный счёт в швейцарском банке, все сефарды во Франции будут считаться

французами и получат документы, в которых не будет упомянуто их еврейское происхождение.

Но сделка удалась только частично: СД узнало о ней, и переговоры прервались. Однако лично Жака Вальтера этот провал не коснулся: ведь он оказался только посредником, оставаясь лояльным «арийцем», уважаемым в немецких кругах. К тому же его щедрость и общительность привлекла немецких офицеров, изголодавшихся по сытой и вольготной жизни.

Среди знакомых «Робина» было много представителей русской белой эмиграции, которые охотно сотрудничали с немцами и ждали того времени, когда они проложат путь в «белокаменную матушку Москву». «Робин» часто бывал у них в гостях.

На одном из вечеров он познакомился с солидным, элегантно одетым немцем, которого ему представили как «высокопоставленного представителя рейхсминистра Шпеера (министра экономики, промышленности и вооружения), профессора». Разговорились, выпили. Своей внешностью и манерами «Робин» вызывал к себе симпатию и доверие. Немец поделился тем, что в Париже он совсем недавно и не успел вкусить прелестей этого города, особенно ночных. Он признался, что любит приятно провести время, и особенно хорошо, когда есть что выпить и много милых девушек.

— А почему бы не начать прямо сейчас? Давайте сбежим от этих старушек, от которых пахнет нафталином, — предложил «Робин».

Сказано — сделано. Вскоре двое мужчин оказались на Елисейских полях. Уже в третьем баре немец сказал:

— Я уверен, герр Вальтер, что вы сумеете сделать моё пребывание в Париже очень увлекательным.

Немец оказался слаб на спиртное и попросил «Робина» проводить его домой. В шикарном «мерседесе», принадлежавшем немецкому штабу, шофёр-эсэсовец доставил новоиспечённых приятелей в гостиницу «Руаяль Монсо», где остановился немец.

Прощаясь, договорились встретиться через два дня. «Робин» понимал, что «герр профессор» может представить интерес для разведки, и раздумывал, как лучше действовать — самому или пристроить ему в «подружки» девушку-француженку, члена движения Сопротивления. Но от последней мысли он отказался, так как, во-первых, не хотел получать информацию через посредника, а во-вторых, не очень доверял женщинам-шпионкам.

Когда «Робин» вторично встретился с герром профессором, тот был в униформе штандартенфюрера СС, но тотчас переоделся и заявил, что ненавидит свою форму, хотя и вынужден носить её.

После нескольких туров по кафе и барам они так подружились, что «Робин» провожал его домой и в полубессознательном состоянии укладывал спать. Однажды, когда профессор захрапел, «Робин» решился открыть его папку. Хотя некоторые документы и имели гриф «Секретно», особого интереса они не представляли. Важными «Робину» показались контракты с французскими заводами. Вскоре они стали очередными целями для ВВС Англии.

С тех пор кутежи «Робина» с профессором стали постоянными и происходили два-три раза в неделю. В результате чего участились диверсии на заводах, выполнявших немецкие заказы, и авианалёты на эти заводы.

Однажды герр профессор в весёлой компании вдруг завёл с «Робином» разговор о войне. Он что-то упомянул об африканском корпусе Роммеля и предстоящих операциях на Средиземном море. Той же ночью, уложив профессора спать, «Робин» обнаружил в его папке письмо из Берлина, в котором говорилось, что через несколько дней из Южной Италии в сопровождении итальянского конвоя должны быть отправлены запасные части для танков, изготовленных на заводах Франции. «Эти запчасти, — говорилось в письме, — приобрели теперь первостепенное значение для Северо-африканского фронта».

На следующее утро в Лондон ушла шифровка: «Чрезвычайно важно… Конвой отправляется из Бриндизи в Бенгази 20 октября».

А в это время на северном побережье Африки, в Ливии, шла битва между войсками генералов Роммеля и Монтгомери. Исход битвы оставался неясным, но его могли решить танки Роммеля, многие из которых требовали ремонта, при условии, что будут обеспечены боеприпасами и горючим.

Между 26 и 28 октября 1942 года британские ВВС, базировавшиеся на Мальте, обрушились на нацистский конвой, получивший в документах британской разведки название «конвой Робина». Суда с боеприпасами и три танкера были потоплены. Роммель был вынужден начать отступление, которое впоследствии привело к капитуляции.

Как-то раз, когда речь зашла о поражении немцев в Африке, профессор сказал «Робину»:

— Не волнуйтесь, ещё не всё потеряно. Погодите немного, и вы увидите. У нас есть кое-что в запасе, — и он похлопал себя по карману.

После очередного кутежа «Робин» извлёк из кармана кителя профессора бумагу с самым строгим германским грифом «Чрезвычайно секретно. Государственный секрет рейха», подписанную самим Шпеером. Он информировал профессора о

том, что после успешных экспериментов, проведённых в Пенемюнде по двум секретным проектам, фюрер приказал начать строительство нового объекта в прибрежных районах Северной Франции. Сооружения, — говорилось в письме, — должны быть наподобие укрытий для подводных лодок с очень тяжёлой бетонной крышей. Всю подготовительную работу для строительства нового объекта надлежит закончить немедленно.

В письме не указывалось, о каких «секретных проектах» идёт речь и для чего нужны бетонные сооружения. «Робин» не имел ни малейшего представления о Пенемюнде, но понимал, что речь идёт о чём-то серьёзном. Теперь нам известно, что в Пенемюнде производились работы по производству и испытанию ракет «Фау-2», которые затем обрушились на Лондон.

Английская разведка знала, что в Пенемюнде ведутся какие-то секретные работы, но не имела представления о замыслах немцев. Сообщение «Робина» послужило для англичан ключом к разгадке немецких планов бомбардировки Лондона и подтолкнуло к изучению и сопоставлению других агентурных сообщений о Пенемюнде и работах на побережье.

Вскоре профессор уехал в Северную Францию, и «Робин» с ним больше никогда не встречался.

Сотрудничая с агентами полковника Букмастера из УСО (см. очерк), «Робин» участвовал ещё в одной операции — вскрытии сейфа военно-транспортной комендатуры немцев в Шалон-сюр-Марне. Там было обнаружено и перефотографировано расписание движения немецких военных составов по железным дорогам Бельгии и Северной Франции. Оно стало и «расписанием» диверсий и бомбардировок на линиях немецких железнодорожных перевозок.

К лету 1943 года швейцарская полиция арестовала «Робина» по обвинению в нарушении нейтралитета Швейцарии, где была его основная фирма, но вскоре его выпустили под залог. Суд оттягивали до окончания войны. Тогда его признали виновным лишь в «технических нарушениях» нейтралитета Швейцарии, не нанёсших ущерба её интересам, и освободили от наказания.

После войны «Робин» возобновил свой бизнес и стал главой крупной торговой фирмы. При посещении Парижа английской королевой в 1957 году он был представлен ей в числе всего лишь нескольких руководителей Сопротивления.

Бывший агент УСО, герой Сопротивления, капитан Питер Черчилль, ставший после войны известным журналистом, писал о «Робине»:

«Немногие люди могут посоперничать с „Робином“ в удивительных делах, которые он совершил…»

КЛАУС ФУКС (1911–1988)

Клаус Фукс родился в городке Рюсельхейме, близ Дармштадта, 29 декабря 1911 года в семье протестанта, доктора богословия Эмиля Фукса, воинствующего пацифиста.

После окончания средней школы Клаус учился в Лейпцигском университете, где стал членом Социалистической партии Германии. В 1931 году он, как и его сёстры и брат, вступил в Компартию Германии. С приходом Гитлера к власти партия была запрещена и ушла в подполье. Гестапо занималось розыском активистов, в том числе и Клауса Фукса. В июле 1933 года ему пришлось эмигрировать во Францию, а затем и в Англию. Его сестра Елизавета с мужем и брат Герхард с женой бежали в Чехословакию, младшая сестра Кристель уехала в США.

В Бристоле Клаус жил у Рональда Гана, друга Советского Союза, известного промышленника, с помощью которого Клаус был принят в качестве аспиранта в лабораторию учёного-физика Невиля Мотта.

В декабре 1936 года Фукс защитил докторскую диссертацию. Затем работал в лаборатории профессора Макса Борна в Эдинбурге, где написал ряд научных трудов.

В мае 1940 года, когда Англии угрожало гитлеровское вторжение, Фукс как немец был интернирован. Из Англии его отправили в Канаду, где в тяжёлых условиях он содержался в лагере в Квебеке. Благодаря ходатайствам его друзей-учёных, в конце декабря 1940 года он был освобождён и вернулся в Англию.

Там в это время под кодовым названием «Тьюб эллойз» («Трубный сплав») разрабатывался проект создания атомной бомбы, в котором участвовали крупные учёные. Профессор Р. Пайерлс, один из руководителей проекта, ознакомился с трудами Фукса и, признав в нём талантливого учёного, привлёк к работе, невзирая на его политические взгляды.

В 1942 году Фуксу предоставили английское подданство и стали привлекать к особо секретным работам. Он получил доступ к материалам английской разведки, в частности о ведении аналогичных исследований в Германии, где «Интеллидженс сервис» имела ценного агента учёного Пауля Росбауэра.

После нападения фашистской Германии на СССР народы Англии и США требовали оказать помощь Красной армии, открыть второй фронт. Однако руководящие круги этих стран не торопились оказать эту помощь.

Клаус Фукс, как искренний друг СССР и противник нацизма, не мог мириться с таким положением. В конце 1941 года он

явился в советское посольство в Великобритании и сообщил о ведущихся секретных работах и о том, что готов передать эту информацию Советскому Союзу. Случилось так, что о его визите стало известно послу Майскому, а он передал Фукса не резиденту НКВД Горскому, а резиденту ГРУ.

Так началась работа Клауса Фукса с советской разведкой. Сначала конспиративная связь с ним поддерживалась через советскую разведчицу Рут Кучински (см. очерк о ней). Они встречались в 1942–1943 годах каждые три-четыре месяца, и Фукс всегда сообщал ценную информацию. Причём, как он впоследствии заявлял, это была информация только о той работе, к которой имел отношение он сам. «Чужих» секретов он тогда не выведывал.

Информация Фукса в то время во многом повторяла то, что было известно советским учёным, но она подтверждала, что США и Англия уже возводят промышленные объекты для создания атомного оружия.

В конце 1943 года руководитель американских исследовательских работ в этой области Роберт Оппенгеймер, знакомый с трудами К. Фукса и высоко ценивший их, предложил включить его в состав британской миссии, которая должна была участвовать в программе «Манхэттенский проект» по созданию бомбы.

Фукс по приезде в США был передан на связь с агентом резидентуры НКВД Гарри Голдом («Раймонд»), который регулярно встречался с ним в течение пяти месяцев. Полученную информацию «Раймонд» сразу же передавал сотруднику резидентуры Анатолию Яцкову.

Потом Фукс куда-то исчез. Его сестра сообщила Голду, что он срочно выехал на «юго-запад США», но адреса не оставил. Голд вручил ей пакет для Фукса с просьбой что бы он немедленно по возвращении связаться с ним.

«Юго-запад», куда внезапно уехал Клаус Фукс, был секретным городком Лос-Аламосом, где в глубокой тайне трудились сорок пять тысяч учёных (в том числе двенадцать нобелевских лауреатов), инженеров, техников, рабочих, охраняемых специальными воинскими частями. Глава «Манхэттенского проекта» генерал Гровс горделиво заявлял, что «туда и мышь не проникнет». Трудно что-либо сказать насчёт мышей, но советская разведка туда проникла. Помимо Клауса Фукса там трудились ещё несколько советских агентов, и имена ещё не всех из них рассекречены.

В январе 1945 года связь с Фуксом была восстановлена. Он передал расчёты, размеры и чертежи «бэби», как ласково

называли атомную бомбу её создатели. Клаус решительно отказался от какой-либо материальной поддержки и просил больше не поднимать разговор на эту тему.

В июне и сентябре 1945 года с Фуксом состоялись ещё две важные встречи, на которых он передал информацию об испытаниях и усовершенствовании урановой и плутониевой бомб.

Клауса Фукса очень высоко ценили в Лос-Аламосе. Глава теоретического отдела «Манхэттенского проекта» Ганс Бетс так охарактеризовал его: «Он один из наиболее ценных людей моего отдела. Скромный, способный, трудолюбивый, блестящий учёный, внёсший большой вклад в успех Манхэттенской программы».

В Лос-Аламосе и после окончания войны продолжалась работа по совершенствованию атомной и по созданию водородной бомбы. Клаус Фукс принимал участие почти во всех этих проектах.

В июне 1946 года английское правительство решило создать собственную атомную бомбу, так как американцы не спешили делиться своими секретами, и попросило вернуться из Америки наиболее ценных специалистов. В их числе оказался и Клаус Фукс.

В Англии он был назначен главой отдела теоретической физики Научно-исследовательского атомного центра в Харуэлле. Он стал членом многих комитетов и комиссий, связанных с этой проблемой, в том числе комиссии по противоатомной обороне Англии, а также участвовал в решении многих вопросов, связанных с созданием атомной промышленности.

В Англии Фукс был принят на связь сотрудником резидентуры внешней разведки Александром Феклисовым, которому для этого пришлось приобрести познания в области теоретической физики. Фукс понимал трудности молодого разведчика и старался сообщать информацию в доступной для него форме. План каждой встречи с учёным обсуждался и утверждался в Москве.

Клаус говорил, что, судя по вопросам, на которые его просят дать ответ, советские учёные уже стоят на пороге создания собственной атомной бомбы, и он очень рад этому, так как она будет способствовать укреплению мира.

Всего с осени 1947 года по май 1949 года Феклисов провёл с Фуксом шесть продуктивных встреч, после чего тот перестал выходить на связь. Это случилось уже после взрыва советской атомной бомбы.

Американские и английские спецслужбы, поражённые той быстротой, с которой в СССР было создано атомное оружие, бросились искать источники утечки секретнейшей информации. В

процессе этих поисков были использованы показания предателя, шифровальщика военного атташе в Оттаве И. Гузенко и другие данные. По ним проходила сестра Фукса Кристель, которая несколько раз встречалась с неизвестным лицом. На этом основании в сентябре 1949 года Фукс был взят в глубокую разработку. Он это почувствовал и перестал выходить на встречи.

По указанию премьер-министра Англии Эттли английская контрразведка приступила к интенсивным допросам Фукса. При этом его не отстраняли от работы, тем самым усиливая психологическое давление на него со стороны коллег, от которых не скрывали, что его допрашивают и подозревают в шпионаже.

В эти дни Фукс совершил непростительную ошибку: на вопрос одного из своих друзей, Скиннера, имеют ли основание подозрения в шпионаже, он дал невразумительный ответ. Он также решил, что «Раймонд» (Голд) предал его. Посчитав, что отпираться бессмысленно, Фукс на встрече с ведущим сотрудником британской контрразведки Скардоном 13 января 1950 года признался в том, что передавал Советскому Союзу информацию по атомной бомбе.

2 февраля 1950 года Клаус Фукс был арестован, и ему было предъявлено официальное обвинение. Британские и американские газеты называли его «величайшим шпионом в истории», «человеком, сокрушившим могущество Америки»… Суд состоялся 1 марта 1950 года, без присяжных, в присутствии лишь одного свидетеля, упомянутого выше Скардона. Всё разбирательство заняло всего полтора часа.

Суд приговорил учёного к четырнадцати годам заключения, хотя сам Фукс ожидал смертной казни. Было учтено, что американские атомные секреты он передавал не противнику, а союзнику по войне.

Советское агентство ТАСС, как это водится в практике «шпионских дел», заявило, что «Фукс неизвестен Советскому правительству и никакие „агенты“ Советского правительства не имели к Фуксу никакого отношения».

24 июня 1959 года, после девяти с половиной лет заключения, за примерное поведение Клаус Фукс был освобождён из тюрьмы. Он сразу же направился в Восточный Берлин, хотя имел много предложений от университетов Англии, Канады и ФРГ.

26 июня 1959 года Фукс получил гражданство ГДР. Он был назначен заместителем директора института ядерной физики, женился и активно включился в общественно-политическую жизнь. Был избран членом Академии наук ГДР, членом ЦК СЕПГ, получил государственную премию и орден Карла Маркса.

28 января 1988 года Клаус Фукс умер и был похоронен с почестями. К сожалению, среди его наград, которые несли на красных подушечках участники траурной церемонии, не было ни одной советской.

Часть VI
«ХОЛОДНАЯ ВОЙНА»

МОРИС КОЭН (1910–1995)

В середине 1930-х годов созданный в Нью-Йорке Комитет в поддержку республиканской Испании направлял в интербригады американцев-добровольцев. Одним из них стал двадцатишестилетний Морис Коэн, член компартии США, преподаватель средней школы, известный футболист. Его родители — эмигранты. Мать родом из Вильно, отец из местечка Таращи под Киевом.

В конце 1937 года в сражении при Фуэнтес-де-Эбро политкомиссар Морис Коэн, числящийся по документам как Израэль Пиккет Олтмэн, был ранен в обе ноги и доставлен в госпиталь. После выздоровления был приглашён на беседу с резидентом НКВД Александром Орловым, которая закончилась вербовкой Коэна. Он получил псевдоним «Луис».

По возвращении в США Луис привлёк к работе свою жену Леонтину Терезу Петке, польку, родившуюся в 1913 году в городе Адамс, штат Массачусетс, члена компартии США, работницу авиазавода. Она получила псевдоним «Лесли».

Шёл 1941 год. «Луис» к этому времени завербовал нескольких своих друзей, работавших в оборонной промышленности. Через одного из них был похищен образец авиационного пулемёта. Операция эта была рискованная, но нецелесообразная, так как вскоре американцы начали поставку самолётов с этими пулемётами, а она могла нанести огромный вред нашим отношениям с союзниками.

Группу «Луиса» назвали «Волонтёры», и под этим именем она вошла в историю разведки.

Когда США вступили в войну с Германией, Морис Коэн был призван в армию и направлен в Европу. После войны он продолжил сотрудничество с советской разведкой.

Но до призыва Морис Коэн успел завербовать молодого учёного Артура Филдинга (имя условное), получившего псевдоним «Персей». Он стал одним из основных источников информации о ведущихся в Лос-Аламосе исследований.

Во время пребывания «Луиса» в армии в Лос-Аламос в июле 1943 года для встречи с «Персеем» выезжала «Лесли». Эта встреча и последовавшие за ней события описаны не раз, но хотелось бы вкратце вернуться к ним. Во-первых, ей пришлось приезжать в городок, где должно было состояться свидание, три раза — «Персей» перепутал даты. А во-вторых, когда он всё же передал ей пакет с материалами, оказалось, что у каждого вагона поезда, на котором она должна была возвращаться, стоят полицейские и

проверяют документы и багаж пассажиров. «Электрического стула не избежать», — подумала она. Времени до отправления поезда было в обрез. Она вернулась в здание вокзала, получила вещи из гардероба, зашла в туалет, выбросила из пакета с прокладками половину содержимого, положила туда документы и в последний момент подбежала к поезду. Разыграла потерю билета, полицейские помогали искать его — ведь она была молода и хороша собой, сунула смутившемуся молодому полицейскому пакет с прокладками, чтобы освободить руки для поиска билета, и, наконец, когда поезд уже тронулся, нашла его, вскочила на ступеньки, а полицейский бежал за вагоном, протягивая ей пакет с прокладками и тайнами атомной бомбы: «Мисс, мисс, возьмите, вы забыли!» Знал бы он, какую награду упустил!

После окончания войны «Лесли» вновь отправилась на встречу с «Персеем», во время которой он передал ей схемы имплозивных линз, описание и чертежи готовой к испытаниям бомбы, назвал дату и место их проведения — 10 июля в пустыне Аламогордо, и сообщил о том, что США собираются сбросить две бомбы на Японию.

Благодаря этим данным сообщение Трумэна Сталину на Потсдамской конференции о взрыве атомной бомбы не стало для последнего чем-то неожиданным, а лишь стимулировало ускорение «атомных» работ в нашей стране.

Между тем в сентябре 1945 года произошло драматическое событие, ставшее чёрным днём в истории советской разведки, — в Оттаве сбежал военный шифровальщик Игорь Гузенко, он выдал нашим противникам множество секретов. Связь со всеми агентами, в том числе и с «Луисом» и «Лесли», была законсервирована.

Затем с ними был проведён инструктаж в Париже, и они, вернувшись в Нью-Йорк, вновь подключились к активной работе. На этот раз связь от резидентуры с ними поддерживал ныне здравствующий молодой разведчик Юрий Соколов («Клод»). «Лесли» должна была убедить «Персея» отойти от антивоенной общественной деятельности, которой он занимался последнее время. Но сделать этого не удалось. Зато «Клод» получил через «Лесли» переданное агентом «Фрэнком» описание систем радионаведения управляемых снарядов.

Между тем в США развернулась «охота на ведьм», и Центр сообщил о нежелательности встреч «Клода» с «Луисом» и «Лесли», так как это становилось опасным. Они были переданы на связь нелегалу «Марку» (Вильгельму Фишеру — Рудольфу Абелю, см. очерк о нём).

На последней встрече «Луис» передал «Клоду» информацию

агента «Герберта» о том, что в резиденции Трумэна состоялась встреча высокопоставленных лиц, на которой обсуждался вопрос о создании направленного против СССР военно-политического блока, получившего впоследствии название НАТО. Тогда же он передал совершенно секретный проект директивы Совета национальной безопасности о политике США в отношении стран Восточной Европы. В этой директиве, в частности, говорилось: «Курс на подстрекательство к расколу… следует вести сдержанно… мы, когда произойдёт этот раскол, прямо не будем впутаны в вызов советскому престижу, ссора будет происходить между Кремлём и коммунистическими режимами».

С 12 декабря 1948 года «Луис» и «Лесли» стали работать с Марком. Лесли съездила в Чикаго, где в это время обосновался «Персей», и он передал ценные материалы по оружейному плутонию, полученные от агентов «Антье» и «Адена».

Но шпиономания в США достигла высшей точки. Друзья «Лесли» и «Луиса» стремились сплотиться вокруг них, но это могло привести к всеобщему провалу. Центр решил вывести их из США. В августе, 1950 года в резидентуру была направлена шифровка об их отправке из страны. Как рассказывал автору Ю. Соколов, он, вопреки существовавшим в разведке правилам, вынужден был прийти к ним домой и убедить их покинуть страну. Через несколько дней он вручил им паспорта и билеты.

Из Нью-Йорка супруги Коэн на теплоходе отправились в Мексику, а оттуда через два месяца с паспортами на имя Марии Терезы Санчес и Педро Альвареса Санчеса на польском теплоходе «Баторий» отбыли в Европу. У них были ещё и запасные паспорта на имя американских бизнесменов Бенджамина и Эмилии Бригас.

Со всякого рода приключениями они добрались до Праги, а оттуда прямым путём в Москву.

Итак, они оказались в Москве. Положение их было незавидным: никому не нужные, одинокие, без перспектив, без будущего, без знания языка, к тому же… проверяемые. Длилось это несколько месяцев, после чего они были востребованы вновь.

Советская разведка готовила для длительной нелегальной работы в Англии агента Конона Молодого (он же «Бен», он же Гордон Лонсдейл). Ему требовались радисты и содержатели конспиративной квартиры. Лучше, чем супружеская пара Коэнов, подобрать было трудно. Им присвоили новые имена — Питер Джон и Хелен Джойс Крогеры, выходцы из Новой Зеландии, и стали готовить к командировке.

Питер Крогер стал «книготорговцем».

Руководил их внедрением начальник нелегальной разведки Коротков. Он поставил перед ними три задачи: купить дом в

пригороде Лондона и оборудовать там радиоквартиру; арендовать помещение, желательно в центре города, и организовать там книготорговлю; открыть финансовые счета в лондонском и швейцарском банках.

Нелегалам был присвоен псевдоним «Дачники». Подготовка, а также отработка нужной документации длилась около трёх лет.

В 1954 году началась одиссея «Дачников». Сначала они какое-то время прожили в Швейцарии, затем под самый Новый год прилетели в Лондон. К весне нашли подходящий коттедж в тридцати километрах от Лондона, затем стали искать место для магазина. Нашли его в самом центре города, близ знаменитой Трафальгарской площади. Лучше уж некуда!

Всё же молодым бизнесменам пришлось выдержать немало чисто коммерческих трудностей: дороговизна обустройства, конкуренция книготорговцев, незнание финансовых законов и ценовой политики в книжном мире, организация рекламы и т. д.

Питер и Хелен стали регулярно посещать книжные аукционы. Получив из Центра деньги, они потратили их на закупку редких букинистических книг и на изготовление собственных рекламных каталогов, оформили членство в клубе Британской национальной лиги. О магазинчике Крогеров на Стэнде появились сообщения в некоторых газетах.

В мае 1956 года Крогеры наконец-то встретились со своим руководителем Гордоном Лонсдейлом, которого они уже хорошо знали. Он выступал под видом бизнесмена, занимающегося продажей автоматов, торгующих бутербродами, фломастерами, лекарствами, жевательными резинками. Его бизнес, кстати, оказался столь успешным, что он впоследствии стал крупным промышленником-миллионером, удостоенным самой королевой Великобритании титула «сэр».

Работая втроём, Лонсдейл, Питер и Хелен вырыли в доме бункер, землю высыпали в сад на цветочную клумбу. В бункере была оборудована «радиоквартира», антенна, по принципу спиннинга, забрасывалась на крышу дома. К сентябрю 1957 года оборудование радиоквартиры было полностью завершено.

И у Крогеров, и у Лонсдейла коммерческие дела шли неплохо. Фирма «Эдин и Медея» стала членом Международной торговой ассоциации букинистов, а Лонсдейл представлял Англию на всемирной выставке в Брюсселе, где получил золотую медаль.

В Брюссель выехал Питер Крогер, который обменялся со связником кейсами, получив, наконец, долгожданную «Астру» — быстродействующий радиоприёмник. Ему также вручили инструкцию к ней и валюту на приобретение автомобиля.

Связник сообщил и печальную новость: в Нью-Йорке арестован «Марк» (Абель), у которого при обыске нашли их фотографию с надписью «Морис и Леонтина».

Вечером Питеру пришлось пережить ещё одну неприятность: в его номер ворвались полицейские. Но оказалось, что они искали какого-то уголовника. Извинились, ушли.

Первая радиограмма, принятая Хелен, содержала задание Лонсдейлу проникнуть в расположенный в Портоне центр по изучению биологических методов ведения войны. В свою очередь, они передали информацию, поступившую от Лонсдейла. В приложенной к ней записке Лонсдейла на имя Крогеров говорилось: «1. Прошу передать полученную от Барона (один из завербованных в Лондоне агентов. — *Авт.*) информацию о Суэцком кризисе. 2. В этом же контейнере содержится особой важности документ, который даёт оценку морских манёвров в рамках НАТО. Материалы получены от Шаха (Гарри Фредерик Хаутон; завербован в 1952 году в Польше, когда работал шифровальщиком у военно-морского атташе Великобритании; с 1955 года стал служить на военно-морской базе в Портленде. — *Авт.*), который работает в Портленде, где находится военно-морская база ВМФ и секретный НИИ по разработке электронной, магнитно-акустической и тепловой аппаратуры для обнаружения подводных лодок, мин и других видов морского и противолодочного оружия. Данный документ, ввиду его большого объёма, перенести на микроточки, закамуфлировать в книгу и отправить по известному вам адресу».

Полученные от Лонсдейла материалы Хелен перепечатала на машинке, после чего стала помогать Питеру изготовлять микроточки. У них для этого были фотоаппараты, микроскоп, уменьшающие линзы. Особую мягкую плёнку для микроточек Питер делал сам в домашних условиях с помощью химических реактивов.

Изготовленные микроточки наклеивались на страницы старых книг, внутрь картонных оболочек и в переплёты, где обнаружить их постороннему было невозможно. Книги пересылались в одну из европейских стран подставному лицу, которое передавало их советскому разведчику.

Большая часть информации, поступающей из Лондона, имела первостепенное значение для министерства обороны, а также для НИИ и конструкторских бюро судостроения и министерства среднего машиностроения.

Вскоре Хаутон привлёк к работе свою любовницу Этель Джи, работавшую в научно-исследовательском центре в Портленде и занимавшуюся учётом и размножением секретных документов.

Теперь поток информации, а следовательно, и объём работы для «Дачников» значительно увеличился.

Лонсдейл выступал под именем помощника американского военного атташе, поэтому «Шах» и «Ася» (такую кличку дали Этель Джи) были уверены, что работают на американцев.

Работа шла чрезвычайно успешно. Однако были продуманы и отработаны отступные легенды на случай провала, поведение на следствии и суде.

Был поставлен вопрос о предоставлении Крогерам советского гражданства. Но секретарь ЦК М. Суслов на представлении КГБ написал:

«Вопрос о Крогерах поставлен преждевременно. Они ещё могут предать нас. Вот когда вернутся в Советский Союз, тогда и будем рассматривать их ходатайство».

Крогерам предоставили советское гражданство лишь через девять лет.

В конце 1960 года сотрудник польской разведки Михаил Голеневский бежал за границу. Предатель выдал всех, кого знал, в том числе Гарри Хаутона. За ним и за его любовницей Этель Джи английская контрразведка установила наблюдение и выявила конспиративную связь Хаутона с Лонсдейлом, а слежка за последним вывела на Крогеров. За их домом также установили наблюдение. Супруги заметили его и, поняв, что попали в сети Скотленд-Ярда, информировали об этом Центр, но оттуда пришла лишь успокаивающая телеграмма: предлагалось временно прекратить связь с Центром и с Лонсдейлом.

7 января 1961 года в 19 часов 15 минут к ним в дом явилась полиция, причём всё было обставлено как в голливудском боевике: с мощными прожекторами, толпой корреспондентов и телеоператоров. За два часа до этого были арестованы Гордон Лонсдейл, Гарри Хаутон и Этель Джи.

При аресте Крогеров был обнаружен ряд улик. По заранее имевшейся с Лонсдейлом договорённости, они должны были «признаться» в том, что найденное у них шпионское оборудование принадлежит ему.

Начались бесконечные допросы. Крогеры не признавали себя виновными, не признавали шпионского характера связи с Лонсдейлом.

Наконец состоялся суд, на котором Лонсдейл сделал заявление, из которого следовало, что Крогеры не состояли с ним в тайном сговоре и что даже если суд сочтёт обвинение против них доказанным, то виновным во всём должны считать только его, какими бы последствиями ему это ни грозило. Во время суда были обнародованы поступившие из США от ФБР данные, что

Крогеры на самом деле являются Коэнами и что у Абеля был обнаружен их портрет. Поэтому в приговоре были указаны их подлинные имена и биографические данные. Не было только одного — доказательства, что они были советскими разведчиками и работали на советскую разведку.

Гордон Лонсдейл был приговорён к двадцати пяти годам заключения, Крогеры получили по двадцать, Гарри Хаутон и Этель Джи по пятнадцать лет тюрьмы.

После вынесения приговора британские спецслужбы продолжали обработку Крогеров в тюрьме, склоняя их к полному признанию и обещая предоставить жительство в Англии. Их содержали в разных тюрьмах вместе с уголовными преступниками.

Борьбу за освобождение «Дачников» советская разведка вела от имени Польши, гражданами которой они считались. Польша в то время ещё была готова оказать подобную помощь.

В Польше нашлась «тётушка» Хелен, некая Мария (её роль играл сотрудник советской внешней разведки Юрий Пермогоров), которая установила контакт с адвокатом, начала переписку с Хелен и борьбу за её обмен.

С 1965 года советская сторона предлагала обменять английского разведчика Джеральда Брука на Крогеров, но англичане заявляли, что это будет неэквивалентный обмен (один на двоих). Только после того, как Бруку стало грозить увеличение наказания за подготовку побега, англичане пошли на такой обмен. Правда, к Бруку наша сторона добавила ещё двух англичан, отбывавших наказание за контрабанду наркотиков.

24 октября 1969 года обмен, наконец, состоялся. Лондонская «Таймс» писала: «Иностранец, прибывший в Англию в пятницу, невольно подумал бы, что Крогеры являются национальными гостями, а не шпионами…» А «Дейли телеграф» отмечала, что отправка Крогеров «напоминала отъезд королевской четы».

17 ноября 1969 года супруги Коэн были награждены орденами Красного Знамени и им было предоставлено советское гражданство.

В почёте и славе они прожили ещё немало лет. В конце 1992 года, не дожив двух недель до восьмидесяти лет, скончалась Леонтина, а 23 июня 1995 года умер Морис Коэн.

Посмертно им обоим были присвоены звания Героев Российской Федерации, а в их честь выпущены почтовые марки.

ВИЛЬЯМ ФИШЕР — РУДОЛЬФ АБЕЛЬ (1903–1971)

Профессиональный революционер, немец Генрих Фишер волею судеб оказался жителем Саратова. Женился на русской девушке Любе. За революционную деятельность был выслан за границу. В Германию он ехать не мог: там на него было заведено дело, и молодая семья обосновалась в Англии, в шекспировских местах. 11 июля 1903 года в городе Ньюкастле-на-Тайне у Любы родился сын, которого в честь великого драматурга назвали Вильямом.

Генрих Фишер продолжал революционную деятельность, примкнул к большевикам, встречался с Лениным и Кржижановским. В шестнадцать лет Вильям поступил в университет, но долго учиться там не пришлось: в 1920 году семья Фишеров вернулась в Россию и приняла советское гражданство. Семнадцатилетний Вильям полюбил Россию и стал её страстным патриотом. На Гражданскую войну попасть не довелось, но в Красную армию пошёл с охотой. Приобрёл специальность радиотелеграфиста, которая весьма пригодилась ему в дальнейшем.

На парня, одинаково хорошо говорившего по-русски и по-английски, а также знавшего немецкий и французский языки, к тому же владевшего радиоделом и обладавшего незапятнанной биографией, не могли не обратить внимания кадровики ОГПУ. В 1927 году его зачислили в органы госбезопасности, а точнее, в ИНО ОГПУ, который возглавлял тогда Артузов.

Какое-то время Вильям Фишер работал в центральном аппарате. По некоторым данным, в этот период выезжал в нелегальную командировку в Польшу. Однако полиция отказалась продлить вид на жительство, и пребывание в Польше оказалось недолгим.

В 1931 году он был направлен в более длительную командировку, если можно так выразиться, «полулегально», так как выезжал под своей фамилией. В феврале 1931 года обратился в генконсульство Великобритании в Москве с просьбой о выдаче британского паспорта. Причина — он уроженец Англии, в Россию попал по воле родителей, теперь рассорился с ними и желает с женой и дочерью вернуться на родину. Паспорта были выданы, и чета Фишеров выехала за рубеж, предположительно, в Китай, где Вильям открыл радиомастерскую. Командировка завершилась в феврале 1935 года.

Но уже в июне того же года семья Фишеров вновь оказалась за рубежом. На этот раз Вильям использовал свою вторую специальность — свободного художника. Возможно, он зарисовывал что-то, что не понравилось местной спецслужбе, а возможно, и по какой-нибудь другой причине командировка продлилась всего одиннадцать месяцев.

В мае 1936 года Фишер вернулся в Москву и занялся подготовкой нелегалов. Одной из его учениц оказалась Китти Харрис, связник многих наших выдающихся разведчиков, в том числе Василия Зарубина и Дональда Маклейна. В её деле, хранящемся в архиве Внешней разведки, сохранилось несколько документов, написанных и подписанных Фишером. Из них видно, каких трудов ему стоило обучение неспособных к технике учениц. Китти была полиглотом, прекрасно разбиралась в политических и оперативных вопросах, но оказалась абсолютно невосприимчивой к технике. Кое-как сделав из неё посредственного радиста, Фишер вынужден был написать в «Заключении»: «в технических вопросах легко путается…» Когда она оказалась в Англии, он не забывал её, помогал советами.

И всё же в своём рапорте, написанном уже после её переучивания в 1937 году, оперуполномоченный Вильям Фишер пишет, что «хотя „Джипси“ (псевдоним Китти Харрис) получила точные инструкции от меня и т. Абеля Р. И., работать радисткой она не может…»

Здесь мы впервые встречаем имя, под которым Вильям Фишер много лет спустя станет всемирно известным.

Кем же был «т. Абель Р. И.»?

Вот строки из его автобиографии:

«Родился я в 1900 г. 23/IX в г. Риге. Отец — трубочист (в Латвии эта профессия почётная, встреча с трубочистом на улице — предвестник удачи. — *И.Д.*), мать — домохозяйка. До четырнадцати лет жил у родителей, окончил 4 кл. элементарного училища… работал мальчиком-рассыльным. В 1915 году переехал в Петроград».

Вскоре началась революция, и молодой латыш, подобно сотням его соотечественников, встал на сторону советской власти. В должности рядового-кочегара Рудольф Иванович Абель воевал на Волге и Каме, ходил на операцию в тыл белых на миноносце «Ретивый». «В этой операции отбили у белых баржу смерти с заключёнными».

Затем были бои под Царицыном, класс радистов в Кронштадте и работа радистом на самых дальних наших Командорских островах и на острове Беринга. С июля 1926 года был комендантом шанхайского консульства, затем радистом

советского посольства в Пекине. С 1927 года — сотрудником ИНО ОГПУ.

Через два года, «в 1929 году направлен на нелегальную работу за кордон. На этой работе находился по осень 1936 года». Подробностей об этой командировке в личном деле Абеля нет. Но обратим внимание на время возвращения — 1936 год, то есть почти одновременно с В. Фишером. Впервые ли пересеклись тогда пути Р. Абеля и В. Фишера, или они познакомились и подружились ранее? Скорее второе.

Во всяком случае, с этого времени, судя по приведённому выше документу, они работали вместе. А то, что они были неразлучны, известно из воспоминаний их сослуживцев, которые, когда те приходили в столовую, шутили: «Вон, Абели пришли». Они дружили и семьями. Дочь В. Г. Фишера, Эвелин, вспоминала, что дядя Рудольф появлялся у них часто, всегда был спокоен, жизнерадостен, умел ладить с детьми…

Своих детей у Р. И. Абеля не было. Его жена, Александра Антоновна, происходила из дворян, что, видимо, мешало его карьере. Ещё хуже было то, что его родной брат Вольдемар Абель, начальник политотдела морского пароходства, в 1937 году оказался «участником латвийского контрреволюционного националистического заговора и за шпионско-диверсионную деятельность в пользу Германии и Латвии осуждён к ВМН».

В связи с арестом брата, в марте 1938 года Р.И Абель был уволен из органов НКВД.

После увольнения Абель работал стрелком военизированной охраны, а 15 декабря 1941 года вернулся на службу в НКВД. В его личном деле говорится, что с августа 1942 года по январь 1943 года он находился в составе опергруппы по обороне Главного Кавказского хребта. Также сказано, что: «В период Отечественной войны неоднократно выезжал на выполнение специальных заданий… выполнял спецзадания по подготовке и заброске нашей агентуры в тыл противника». В конце войны был награждён орденом Красного Знамени и двумя орденами Красной Звезды. В сорокашестилетнем возрасте был уволен из органов госбезопасности в звании подполковника.

Дружба «Абелей» продолжалась. Скорее всего, Рудольф знал о командировке своего друга Вильяма в Америку, и они встречались, когда тот приезжал в отпуск. Но о провале Фишера и о том, что он выдал себя за Абеля, Рудольфу так и не стало известно. Рудольф Иванович Абель скоропостижно скончался в 1955 году, так никогда и не узнав, что его имя вошло в историю разведки.

Вильяма Генриховича Фишера предвоенная судьба тоже не

побаловала. 31 декабря 1938 года он был уволен из НКВД. Причина неясна. Хорошо, что хоть не посадили и не расстреляли. Ведь это случилось со многими разведчиками в то время. Два с половиной года Вильям пробыл «на гражданке», а в сентябре 1941 года его вернули в строй.

В 1941–1946 годах Фишер работал в центральном аппарате разведки. Однако это не означает, что он всё время сидел за столом в служебном кабинете на Лубянке. К сожалению, до сих пор недоступны все материалы о его деятельности в тот период. Известно пока, что он, как и его друг Абель, занимался тогда подготовкой и заброской во вражеский тыл нашей агентуры. 7 ноября 1941 года Фишер, занимавший должность начальника отделения связи, был в группе сотрудников разведки, обслуживавшей безопасность парада на Красной площади. Достоверно известно, что в 1944–1945 годах он принимал участие в радиоигре «Березино» и руководил работой группы советских и немецких (работавших под нашим контролем) радистов. Подробнее об этой операции рассказано в очерке об Отто Скорцени.

Не исключено, что Фишер лично выполнял задание в тылу у немцев. Известный советский разведчик Конон Молодый (он же Лонсдейл, он же Бен) вспоминал, что, будучи заброшенным за линию фронта, он почти тотчас был пойман и доставлен на допрос в немецкую контрразведку. В допрашивавшем его офицере он узнал Вильяма Фишера. Тот поверхностно допросил его, а оставшись наедине, обозвал «идиотом» и чуть ли не сапогами вытолкнул за порог. Быль это или небыль? Зная привычку Молодого к мистификациям, можно скорее предположить второе. Но что-то, возможно, и было.

В 1946 году Фишера вывели в особый резерв и начали готовить к длительной командировке за рубеж. Ему тогда было уже сорок три года. У него подрастала дочь. Расставаться с семьёй было очень трудно.

Фишер был всесторонне подготовлен для нелегальной работы. Он великолепно разбирался в радиоаппаратуре, имел специальность инженера-электрика, был знаком с химией и ядерной физикой. Рисовал на профессиональном уровне, хотя нигде этому не обучался. А о его личных качествах, пожалуй, лучше всего сказали «Луис» и «Лесли» — Морис и Леонтина Коэны (Крогеры), с которыми ему доведётся работать в Нью-Йорке: «С Марком — Рудольфом Ивановичем Абелем работать было легко. После нескольких встреч с ним мы сразу почувствовали, как постепенно становимся оперативно грамотнее и опытнее „Разведка, — любил повторять Абель, — это высокое

искусство… Это талант, творчество, вдохновение…“ Именно таким — невероятно богатым духовно человеком, с высокой культурой, знанием шести иностранных языков и был наш милый Мильт — так звали мы его за глаза. Сознательно или бессознательно, но мы полностью доверялись ему и всегда искали в нём опору. Иначе и не могло быть: как человека в высшей степени образованного, интеллигентного, с сильно развитым чувством чести и достоинства, добропорядочности и обязательности его нельзя было не любить. Он никогда не скрывал своих высоких патриотических чувств и преданности по отношению к России».

В начале 1948 года в нью-йоркском районе Бруклин поселился свободный художник и фотограф Эмиль Р. Гольдфус, он же Вильям Фишер, он же нелегал «Марк». Его студия находилась в доме 252 по Фултон-стрит.

Это было тяжёлое время для советской разведки. В США в полном разгаре были маккартизм, антисоветизм, «охота за ведьмами», шпиономания. Разведчики, работавшие «легально» в советских учреждениях, находились под постоянным наблюдением, в любой момент ждали провокаций. Связь с агентурой была затруднена. А от неё поступали ценнейшие материалы, связанные с созданием атомного оружия.

Контакт с агентами, непосредственно работавшими на секретных атомных объектах — «Персеем» и другими, поддерживался через «Луиса» (Коэна) и руководимую им группу «Волонтёры». Они находились на связи у «Клода» (Ю. С. Соколова), но обстоятельства сложились так, что встречаться с ними он больше не мог. В директиве из Москвы указывалось, что руководство группой «Волонтёры» должен взять на себя «Марк».

12 декабря 1948 года «Марк» впервые встретился с «Лесли» и начал регулярно работать с ней, получая через неё ценную информацию по оружейному плутонию и другим атомным проектам.

Наряду с этим у «Марка» был на связи кадровый сотрудник американской разведки агент «Герберт». От него через ту же «Лесли» была получена копия законопроекта Трумэна об образовании Совета национальной безопасности и создании при нём ЦРУ. «Герберт» передал Положение о ЦРУ с перечислением задач, возлагаемых на эту организацию. Прилагался также проект указания президента о передаче в ведение ФБР из военной разведки охраны производства секретных вооружений — атомных бомб, реактивных самолётов, подводных лодок и т. д. Из этих документов явствовало, что основная цель реорганизации

спецслужб США заключается в усилении подрывной деятельности против СССР и активизации разработки советских граждан.

Взволнованные и обеспокоенные обострением «охоты на ведьм» «Волонтёры» стремились чаще общаться со своим руководителем «Луисом», ставя под удар не только себя и его, но и «Марка». В этих условиях было решено прекратить связь с ним «Луиса» и «Лесли» и вывести их из страны. В сентябре 1950 года супруги Коэны выехали из США. Принятые меры позволили на семь лет продлить пребывание Вильяма Фишера в Соединённых Штатах.

К сожалению, нет доступа к материалам о том, чем занимался и какую информацию передал на Родину Вильям Фишер за этот период. Остаётся надеяться, что когда-нибудь они будут рассекречены.

Разведывательная карьера Вильяма Фишера завершилась, когда связник и радист Рейно Хейханен выдал его. Узнав о том, что Рейно погряз в пьянстве, разврате, руководство разведки решило отозвать его, но не успело. Он залез в долги и стал предателем.

В ночь с 24 на 25 июня 1957 года Фишер под именем Мартина Коллинза остановился в нью-йоркской гостинице «Латам», где провёл очередной сеанс связи. На рассвете в номер ворвались трое в штатском. Один из них заявил: «Полковник! Мы знаем, что вы полковник и что вы делаете в нашей стране. Давайте знакомиться. Мы агенты ФБР. В наших руках достоверная информация о том, кто вы и чем занимаетесь. Лучший для вас выход — сотрудничество. В противном случае арест».

Фишер наотрез отказался от сотрудничества. Тогда в номер вошли чиновники службы иммиграции и арестовали за нелегальный въезд на территорию США.

Вильяму удалось выйти в туалет, где он избавился от шифра и телеграммы, полученной ночью. Но агенты ФБР нашли некоторые другие документы и предметы, подтверждавшие его принадлежность к разведке. Арестованного в наручниках вывели из гостиницы, усадили в машину, а затем на самолёте доставили в штат Техас, где поместили в иммиграционный лагерь.

Фишер сразу догадался, что его выдал Хейханен. Но тот не знал его настоящего имени. Значит, можно не называть его. Правда, отпираться в том, что он выходец из СССР, было бесполезно. Вильям решил назваться именем своего покойного друга Абеля, считая, что как только сведения о его аресте станут известны, дома поймут, о ком идёт речь. Он опасался, что американцы могут начать радиоигру. Взяв известное Центру имя, он давал понять службе, что находится в тюрьме. Американцам

заявил: «Буду давать показания при условии, что вы разрешите написать в Советское посольство». Те согласились, и письмо действительно поступило в консульский отдел. Но консул не понял сути. Он завёл «дело», подшил письмо, а американцам ответил, что такой совгражданин у нас не значится. А в Центр и не подумал сообщить. Так что об аресте «Марка» наши узнали только из газет.

Поскольку американцы разрешили написать письмо, Абелю пришлось дать показания. Он заявил: «Я, Рудольф Иванович Абель, гражданин СССР, случайно после войны нашёл в старом сарае крупную сумму американских долларов, перебрался в Данию. Там купил фальшивый американский паспорт и через Канаду в 1948 году въехал в США».

Такая версия не устраивала американскую сторону. 7 августа 1957 года Абелю было предъявлено обвинение по трём пунктам: 1) заговор с целью передачи Советской России атомной и военной информации (полагался смертный приговор); 2) заговор с целью сбора такой информации (10 лет тюрьмы); 3) пребывание на территории США в качестве агента иностранной державы без регистрации в госдепартаменте (5 лет тюрьмы).

14 октября в Федеральном суде Восточного округа Нью-Йорка началось слушание дела № 45 094 «Соединённые Штаты Америки против Рудольфа Ивановича Абеля».

О поведении Абеля в суде американский публицист И. Естен писал в книге «Как работает американская секретная служба»: «В течение трёх недель Абеля пытались перевербовать, обещая ему все блага жизни… Когда это не удалось, его начали пугать электрическим стулом… Но и это не сделало русского более податливым. На вопрос судьи, признаёт ли он себя виновным, он не колеблясь отвечал: „Нет!“ От дачи показаний Абель отказался». К этому надо добавить, что как посулы, так и угрозы Абелю поступали не только во время, но и до и после суда. И все с одинаковым результатом.

Адвокат Абеля Джеймс Бритт Донован, знающий и добросовестный человек, много сделал как для его защиты, так и для обмена. 24 октября 1957 года он произнёс прекрасную защитительную речь, во многом повлиявшую на решение «дам и господ присяжных». Приведём лишь несколько отрывков из неё:

«…Давайте предположим, что этот человек является именно тем, кем его считает правительство. Это означает, что, служа интересам своей страны, он выполнял чрезвычайно опасную задачу. В вооружённых силах нашей страны мы посылаем с такими заданиями только самых храбрых и умных людей. Вы слышали, как каждый американец, знакомый с Абелем, невольно

давал высокую оценку моральных качеств подсудимого, хотя и был вызван с другой целью…

…Хейханен — ренегат с любой точки зрения… Вы видели, что он собой представляет: ни на что не годный тип, предатель, лжец, вор… Самый ленивый, самый неумелый, самый незадачливый агент… Появился сержант Роудс. Все вы видели, что это за человек: распущенный, пьяница, предатель своей страны. Он никогда не встречался с Хейханеном… Он никогда не встречался с подсудимым. В то же время он подробно рассказал нам о своей жизни в Москве, о том, что всех нас продавал за деньги. А какое это имеет отношение к подсудимому?..

И вот на основе такого рода свидетельских показаний нам предлагают вынести в отношении этого человека обвинительный приговор. Возможно, отправить в камеру смертников… Прошу вас помнить об этом, когда будете обдумывать ваш вердикт…»

Присяжные признали Абеля виновным. По американским законам теперь дело было за судьёй. Между вердиктом присяжных и вынесением приговора иногда проходит довольно длительный срок.

15 ноября 1957 года Донован, обращаясь к судье, попросил не прибегать к смертной казни, поскольку, помимо прочих причин, «вполне возможно, что в обозримом будущем американец подобного ранга будет схвачен Советской Россией или союзной ей страной; в этом случае обмен заключёнными, организованный по дипломатическим каналам, мог бы быть признан соответствующим национальным интересам Соединённых Штатов».

И Донован, и судья, приговоривший Абеля к тридцати годам тюремного заключения, оказались людьми дальновидными.

Самым трудным в тюрьме для него был запрет на переписку с семьёй. Её разрешили (при условии строгой цензуры) лишь после личного свидания Абеля с шефом ЦРУ Алленом Даллесом, который, попрощавшись с Абелем и обращаясь к адвокату Донована, мечтательно сказал: «Я хотел бы, чтобы мы имели трёх-четырёх таких людей, как Абель, в Москве».

Началась борьба за освобождение Абеля. В Дрездене сотрудники разведки нашли женщину, якобы родственницу Абеля, и на адрес этой фрау Марк начал писать из тюрьмы, но внезапно, без объяснения причин, американцы в переписке отказали. Тогда в дело вступил «двоюродный брат Р. И. Абеля», некий Ю. Дривс, мелкий служащий, проживавший в ГДР. Его роль исполнял молодой тогда сотрудник внешней разведки, Ю. И. Дроздов, будущий руководитель нелегальной разведки. Кропотливая работа шла несколько лет. Дривс переписывался с

Донованом через адвоката в Восточном Берлине, переписывались члены семьи Абеля. Американцы вели себя очень осторожно, проверяли адреса «родственника» и адвоката. Во всяком случае, не спешили.

События стали развёртываться более ускоренным темпом лишь после 1 мая 1960 года, когда в районе Свердловска был сбит американский разведывательный самолёт У-2 и захвачен его пилот Фрэнсис Гарри Пауэрс.

В ответ на обвинение СССР в том, что США осуществляет шпионские действия, президент Эйзенхауэр предложил русским вспомнить дело Абеля. Газета «Нью-Йорк дейли ньюс» в своей редакционной статье первой предложила обменять Абеля на Пауэрса.

Таким образом, фамилия Абеля вновь оказалась в центре внимания. На Эйзенхауэра давили и семья Пауэрса, и общественное мнение. Активизировались адвокаты. В результате стороны пришли к соглашению.

10 февраля 1962 года к мосту Глинике, на границе между Западным Берлином и Потсдамом, с двух сторон подъехали несколько машин. Из американской вышел Абель, из советской Пауэрс. Они направились навстречу друг другу, на секунду остановились, обменявшись взглядами и быстрыми шагами пошли к своим машинам.

Очевидцы вспоминают, что Пауэрса передали американцам в хорошем пальто, зимней пыжиковой шапке, физически крепким, здоровым. Абель же оказался в серо-зелёном тюремном балахоне и кепочке, и, по словам Донована, «выглядел худым, усталым и сильно постаревшим».

Через час Абель встретился в Берлине с женой и дочерью, а на следующее утро счастливая семья улетела в Москву.

Последние годы жизни Вильям Генрихович Фишер, он же Рудольф Иванович Абель, он же «Марк», работал во внешней разведке. Один раз снялся в кино со вступительным словом к фильму «Мёртвый сезон». Выезжал в ГДР, Румынию, Венгрию. Часто выступал перед молодыми работниками, занимался их подготовкой, инструктажем.

Он умер в возрасте шестидесяти восьми лет в 1971 году.

О его похоронах дочь Эвелина рассказывала журналисту Н. Долгополову: «Это был такой скандал, когда решалось, где папу похоронить. Если на Новодевичьем кладбище, то только как Абеля. Мама отрезала: „Нет!“ Я тут тоже выступала. И мы настояли на том, чтобы папа был похоронен под своим именем на Донском кладбище… Я полагаю, что именем Вильяма Генриховича Фишера всегда могу гордиться».

ФРЭНСИС ГЭРИ ПАУЭРС (1929–1977)

1 мая 1960 года. В Москве первомайская демонстрация. На трибуне Мавзолея — Никита Сергеевич Хрущёв. У него непривычно хмурое лицо. Стоящие справа от него маршалы и генералы о чём-то озабоченно шепчутся. И вдруг кто-то подходит к Хрущёву, что-то говорит ему на ухо. И тут всё меняется. Никита Сергеевич расплывается в улыбке, начинает радостно махать рукой людям, идущим в колоннах. Расслабились и генералы…

А дело было в том, что Хрущёву сообщили: «Самолёт сбит!» Речь шла об американском самолёте-разведчике У-2, который пересёк южную границу СССР и летел в сторону Норвегии на высоте более двадцати километров. В районе Свердловска он был сбит. В нашу задачу не входит обсуждать, как это произошло: по официальной версии его сбила ракета, выпущенная дивизионом капитана Н. Воронова, по другой, неофициальной, его сбил лётчик Игорь Ментюков, пилотировавший истребитель-перехватчик Су-9, который в то время именовался Т-3. Пусть в этом разбираются историки и специалисты. Нас же интересуют шпионский самолёт У-2 и его пилот.

Самолёт-разведчик, изготовленный по распоряжению Даллеса, имел необычный вид: всего 15 метров длиной при размахе крыльев 25 метров, причём их поверхность достигла до 56 кв. метров. Это был своего рода гибрид одноместного истребителя и планера. Корпус был покрыт специальной эмалью, затруднявшей обнаружение самолёта радарами. Он был зарегистрирован как гражданский научно-исследовательский, принадлежащий НАСА.

Созданный в 1955 году, У-2 начал систематические разведывательные полёты над советской территорией. Но, летя на высоте двадцать — двадцать два километра, был недосягаем для зенитных ракет. 9 апреля 1960 года один из У-2 безнаказанно пролетел над советской территорией от Норвегии до Ирана, отснял Капустин Яр, Байконур, ещё один ракетный полигон. Но сбить его не смогли.

Новый полёт, назначенный на 1 мая 1960 года, был поручен опытному лётчику, сотруднику ЦРУ Фрэнсису Гэри Пауэрсу. Он родился в штате Кентукки, в семье сапожника, смолоду увлёкся авиацией. Был смелым, находчивым и весьма надёжным пилотом.

1 мая ему предстояло пролететь с аэродрома в Пешаваре (Пакистан) через район Свердловска в Норвегию. Его снабдили, как это было принято, пакетом «для подкупа», в котором находились семь с половиной тысяч рублей, лиры, франки,

марки, две пары золотых часов и два женских кольца. Он получил и ещё один, особый предмет — в маленькой коробочке находилась иголка с ядом «на всякий случай».

В 5 часов 56 минут самолёт достиг советской границы, после чего ему было запрещено пользоваться радио. Беззвучно работала фотоаппаратура, действовали автоматы с магнитными лентами. Самолёт пересёк Аральское море, сделал круг над сверхсекретным объектом Челябинск-40 и в 8 часов 55 минут по московскому времени в районе Свердловска был сбит. Ракетой ли, самолётом — в данном случае неважно. Важно то, что когда самолёт стал падать и до земли оставалось около пяти километров, Пауэрсу удалось выброситься из машины. В силу своего устройства оставшийся без пилота У-2 спланировал и совершил посадку, получив при этом повреждения.

Местные колхозники приняли Пауэрса за космонавта и привезли его в воинскую часть капитана Н. Воронова. Там всё стало ясно. В Москву ушёл доклад, и осчастливленный Никита Сергеевич заулыбался на трибуне Мавзолея.

В Вашингтоне, ничего не зная о том, что произошло в действительности, полагали: самолёт уничтожен, лётчик погиб. Подождали пять дней. 5 мая представитель госдепартамента заявил, что самолёт типа У-2, принадлежащий НАСА и проводивший метеорологические исследования вблизи турецко-советской границы, в результате потери пилотом сознания из-за кислородного голодания, сбился с курса и, управляемый автопилотом, залетел в воздушное пространство СССР.

Аналогичное сообщение сделала дирекция НАСА, добавив при этом некоторые «правдоподобные» подробности об устройстве самолёта и выполнявшейся им миссии.

И вдруг, как гром среди ясного неба, сообщение из Москвы: «Советское правительство сделало заявление о том, что пилот сбитого самолёта находится в Москве, дал показания, и что в распоряжении советских властей имеются вещественные доказательства шпионского характера полёта».

«Нью-Йорк таймс» заявила: «Ещё никогда в истории дипломатии американское правительство не попадало в более нелепое положение».

А через неделю была назначена встреча на высшем уровне американского президента и советского премьер-министра.

Госдеп сделал новое заявление: да, мол, самолёт-разведчик летал, так как президент Эйзенхауэр при вступлении на пост дал указание использовать все средства, включая проникновение самолётов в воздушное пространство СССР, для получения информации. Однако теперь эти полёты раз и навсегда

прекращаются. «Дядя, я больше не буду!» — так это прозвучало.

Но Никита Сергеевич согласился на встречу с Эйзенхауэром только при условии, что тот принесёт свои извинения. Эйзенхауэр их не принёс, и встреча в верхах была сорвана.

17 августа 1960 года состоялся суд над Пауэрсом. В зале среди зрителей находились его родители, жена и тёща в сопровождении двух врачей и трёх адвокатов. МИД выдал визы и нескольким официальным сотрудникам ЦРУ. Пусть смотрят и слушают.

Пауэрс признал себя виновным, хотя утверждал, что он не шпион, а всего лишь военный лётчик, нанятый для выполнения задания.

В ходе допроса Пауэрс подробно показал свой маршрут на карте, рассказал, что в пунктах, обозначенных в ней, он должен был включать наблюдательное оборудование самолёта. Затем он зачитал указания, сделанные в бортовом журнале: в том случае, если с самолётом что-то произойдёт и он не сможет достигнуть аэродрома Буде в Норвегии, где его ожидали люди из отдела 10–10, он должен немедленно покинуть территорию СССР. Полковник Шелтон сказал, что для посадки подходит любой аэродром, находящийся за пределами Советского Союза.

Когда прокурор спросил Пауэрса, знает ли тот, что нарушение воздушного пространства является преступлением, он ответил отрицательно. Однако признался, что его полёт служил шпионажу.

Во время допроса Пауэрс подробно рассказал о том, как сбили его самолёт, однако из его показаний не было ясно, был ли он сбит ракетой или другим самолётом (на показаниях в сенатском комитете он говорил, что его сбил самолёт).

Пауэрс признал, что найденная у него советская и иностранная валюта была частью его «снаряжения на случай несчастья», предназначенной для подкупа местных жителей, а пистолет и большое количество боеприпасов — чтобы он мог охотиться.

— Двести пятьдесят патронов? Не много ли для охоты? — задал риторический вопрос прокурор.

Пауэрсу угрожала смертная казнь, но казнить его не собирались. Он мог ещё пригодиться! Ему вынесли довольно мягкий по тем временам приговор — десять лет лишения свободы.

Вернувшись в США, его жена Барбара и родители стали умолять президента, чтобы тот сделал всё для вызволения лётчика Фрэнки. Это совпадало и с желаниями советской стороны. 10 февраля 1962 года Пауэрс был обменен на

осуждённого в США советского разведчика Рудольфа Абеля (Вильяма Генриховича Фишера, см. очерк).

Но злоключения Пауэрса на этом не закончились. Ему не могли простить того, что он не покончил жизнь самоубийством, сознался в шпионаже. Вызвали в сенатский комитет американского конгресса. Он сумел там оправдаться: «Самоубийства от меня никто не требовал, а я, хоть кое в чём и признался, а многих секретов русским так и не выдал». Комитет решил: «Пауэрс свои обязательства перед Соединёнными Штатами выполнил».

В 1970 году Пауэрс опубликовал книгу «Сверхполёт»; не раз он выступал по телевидению. Развёлся с Барбарой, которая отказалась разделить с ним гонорар в сумме двести пятьдесят тысяч долларов (их она получила за свои мемуары), женился на Клавдии Повни, психологе из ЦРУ. У них родился сын. ЦРУ, признав его своим сотрудником, выплатило ему жалование за время, проведённое им в тюрьме. Теперь Пауэрс открыто признавался в том, что был разведчиком.

Став гражданским лётчиком, Пауэрс перешёл на вертолёт, работал в транспортной службе, регулировал движение в районе Лос-Анджелеса.

1 августа 1977 года его вертолёт потерпел катастрофу. Пауэрс и находившийся с ним в кабине телеоператор погибли. Экспертиза установила, что в баке вертолёта иссякло горючее. Как мог опытный пилот допустить такую оплошность, непонятно.

Конечно, Пауэрс не был великим шпионом. Он попал в историю из-за скандала, развернувшегося после его неудачного полёта, да ещё потому, что его обменяли на Рудольфа Абеля. Но всё же попал!

ДЖОРДЖ БЛЭЙК (род. 1922)

Имя Джорджа Блэйка, нашего современника, достаточно хорошо известно, тем не менее его история не перестаёт вызывать интерес.

Джордж родился в Голландии 11 ноября 1922 года. Его отец англичанин Альберт Бихэр, бывший сотрудник британской разведки. Мать — голландка Кэтрин, урождённая Бейдервеллен. В юности Джордж был очень набожен, даже собирался стать пастором протестантской церкви. Когда началась немецкая оккупация, вступил в движение Сопротивления. В 1940 году был арестован и заключён в концлагерь Шерл, откуда ему удалось бежать. В 1942 году, спасаясь от нового ареста, через Францию и Испанию бежал в Англию. Там поступил на службу во флот, а оттуда в разведку. Тогда-то и стал Блэйком.

Из его личного дела: «Прекрасное знание немецкого, английского, французского и голландского языков. Проверен в бою, показал себя с хорошей стороны, отважен и решителен, перспективен для работы в разведке».

Джорджа всегда восхищала роль Советского Союза в войне против фашизма, героизм его народа, справедливость общественного строя. В 1950 году он оказался на войне в Корее. «Я видел, как американские бомбардировщики буквально стирали с лица земли корейские деревни, города… И я спрашивал себя: что нам нужно в этой войне? На чьей стороне я должен сражаться?» — вспоминал Джордж.

Во время войны он оказался в плену в Северной Корее. Этот этап жизни стал для него решающим. Он сделал для себя окончательный вывод, на чьей стороне он должен быть. Именно там он стал агентом, а впоследствии штатным сотрудником советской разведки.

В 1955 году, вернувшись из Кореи, Джордж Блэйк продолжил службу в английской разведке СИС (Сикрет интеллидженс сервис). По её линии руководил агентурной сетью Великобритании в ГДР и Чехословакии. Ясно, что в Москве узнавали обо всех замыслах западных разведок, касающихся этих стран. При этом работу надо было строить так, чтобы на Блэйка не пало и тени подозрений. Теперь всё решало искусство тех офицеров советской разведки, с которыми он работал. Никто из его агентов не был арестован. Одних просто перевели на другие участки, другим осторожно перекрыли доступ к секретной информации, а третьих снабжали дезинформацией или такой информацией, «утечка» которой служила интересам советской

разведки. Помимо агентов, завербованных самим Блэйком или его сотрудниками, советские разведчики «снабдили» его ещё несколькими надёжными агентами.

С помощью Блэйка была раскрыта одна из самых тайных операций ЦРУ и СИС после Второй мировой войны, она носила название «Голд» («Золото»).

Что же представляла собой эта операция? По территории Восточного Берлина, довольно близко к границе западного сектора, проходила совершенно секретная подземная линия советской правительственной и военной связи в ГДР. Американцы построили туннель под границей, который примыкал к этой линии, и установили аппаратуру, позволявшую подслушивать и записывать все разговоры, ведущиеся по ней.

Задумывалась и осуществлялась эта операция с американским размахом. Успех гарантировали абсолютная секретность, большие деньги, вложенные в строительство туннеля, и новейшая техника, предоставленная англичанами. Подслушивание, запись и анализ разговоров по этой линии должны были дать такую ценную информацию английским и американским спецслужбам, которую не мог добыть ни один агент.

Казалось бы, всё шло хорошо, если бы не одно «но». Благодаря Блейку советская разведка знала все детали операции «Голд». Можно было бы пресечь её с самого начала, но хотелось глубже втянуть «партнёров» в эту игру. И хотя разговоры, ведущиеся по этой линии, подвергались строгому контролю с целью не допустить ухода на Запад действительно ценной информации, всё же иногда приходилось допускать «утечку», чтобы «партнёры» ничего не заподозрили.

Тем не менее настало время, когда надо было кончать игру, но сделать это следовало так, чтобы Блэйк остался вне подозрений. В один прекрасный день, в апреле 1956 года, американские военные разведчики, операторы аппаратов, подключённых к нашим линиям связи, вдруг услышали громкие голоса с противоположной стороны туннеля, со стороны ГДР. Операторы были так перепуганы, что бросились бежать, не успев ни снять, ни уничтожить аппаратуру. Туннель был вскрыт советскими и немецкими «связистами» под предлогом «обнаружения неполадок в каналах связи», что и «вывело» якобы на подключённую аппаратуру. Эта дезинформация была запущена так умело, что даже специальная комиссия ЦРУ и СИС пришла к заключению, что это случайность. Блэйка никто ни в чём не заподозрил.

Самым уязвимым местом в работе разведчиков является

связь, на чём чаще всего они и «горят». Для работы с Блэйком придумали такой способ: он легально встречался с советским гражданином «Борисом», который якобы работал на СИС. В действительности же он был агентом советской разведки и связником, получавшим от Блэйка нужную информацию. Заодно через «Бориса» передавали англичанам дезинформацию, которая была так умело подготовлена, что те принимали её за чистую монету. «Я стал единственным сотрудником СИС, у которого на связи имелся настоящий живой русский». Разведывательные данные, получаемые от него, носили в основном экономический (по большей части по вопросам Совета экономической взаимопомощи и экономического сотрудничества СССР с ГДР) и, иногда, политический характер, и были, как вспоминает Блэйк в своей книге «Иного выбора нет», «с энтузиазмом восприняты в Лондоне… Время от времени Лондон передавал мне специальные задания, касающиеся некоторых вопросов современной обстановки, почти всегда „Борис“ возвращался с необходимой информацией».

Но произошёл провал — не по вине «Бориса» и Блэйка, а в результате предательства посредника в их связи, немца Микки. Джордж был арестован и передан английскому суду. Судья пришёл к следующему заключению: «Этот человек разрушил почти всё, что было создано британскими разведывательными службами с момента окончания Второй мировой войны».

Джордж Блэйк был приговорён к сорока двум годам лишения свободы. Сам Блэйк в разговоре с сотрудником разведки В. Андрияновым вспоминал о приговоре так:

«Услышав о сорока двух годах тюрьмы, я улыбнулся. Этот срок казался таким невероятным, за эти годы столько могло произойти, что я считал его просто нереальным. Если бы меня приговорили к четырнадцати—пятнадцати годам, это произвело бы на меня большее впечатление, чем сорок два года. И, конечно, такой длительный срок — самый лучший стимул, чтобы… — „Постараться сократить его“, — вставил собеседник. — Да… Много людей с состраданием отнеслись ко мне. Поэтому мне и удалось бежать».

Если бы он отбыл весь срок, назначенный ему лондонским судом, то ему пришлось бы пробыть в тюрьме до начала двадцать первого века. Но этого не случилось.

Как-то раз другой замечательный разведчик, Конон Молодый (он же Г. Т. Лонсдейл, «Бен»), рассказал автору:

— Однажды мы встретились с Джорджем Блэйком на прогулке во дворе тюрьмы «Уордвуд Скрэбз», где я тоже отбывал наказание. Я ему сказал: «Уверен, что мы оба будем праздновать

60-летие Октябрьской революции, 7 ноября 1967 года, в Москве». Так оно и произошло.

К. Молодый в 1964 году был обменен на агента английской разведки Грэвилла Винна, арестованного в Москве, а Джордж Блэйк в 1966 году бежал из тюрьмы.

Смелый побег был осуществлён в духе лучших традиций авантюрных романов Александра Дюма, разве что с применением современной техники. Тюрьма «Уордвуд Скрэбз» славилась тем, что из неё никто никогда не бежал. Поэтому туда и помещали таких опасных преступников, как разоблачённые советские разведчики. Содержались там заключённые и не столь опасные. Среди них были, например, два английских борца против размещения в Великобритании ядерного оружия, М. Рэндл и П. Потл.

Был также и заключённый по имени Шон Берг. Вот они-то и помогли Блэйку совершить побег.

М. Рэндл и П. Потл в тюрьме пробыли недолго и вскоре оказались на воле. Шон Берг днём работал за пределами тюрьмы, а по уикендам ему предоставлялась увольнительная. Благодаря этому он смог принести и передать Джорджу Блэйку приёмопередающее устройство, а также ножовку.

Подготовка побега пошла полным ходом. Исходили из того, что в субботний вечер, когда заключённым показывают фильм, охрана становится менее бдительной. Накануне побега Блэйк в укромном месте вынул стекло из окна, подпилил решётку и поставил их на место. Вечером в субботу он вновь вынул их, выбрался из окна и оказался в тюремном дворе возле высокой наружной стены. Шёл проливной дождь, и Блэйк вынужден был целый час ждать, когда Шон Берг перекинет через стену верёвочную лестницу.

— Наверно, этот час был самым тяжёлым в вашей жизни? — спросил автор этих строк, беседуя с Джорджем Блэйком 6 декабря 2000 года.

— Я бы не сказал, что самым тяжёлым. Скорее, самым волнующим, потому что я всё-таки верил и надеялся, что всё будет хорошо. Возвращаться назад мне всё равно уже было нельзя.

Причина задержки оказалась в том, что вначале возле тюремной стены ходил полицейский, а затем от дождя пряталась влюблённая парочка, которая не торопилась уходить. Сидя в машине, Шон терпеливо ждал.

Когда место у стены освободилось, Шон подъехал и перекинул через неё самодельную верёвочную лестницу. Блэйк быстро полез на стену. До верха добрался благополучно, но когда

стал спускаться, упал. Кисть руки оказалась сломанной. Превозмогая боль, он сел в машину Шона. Впереди его ждала свобода!

Для того чтобы вылечить руку, пришлось обратиться к знакомому врачу. Тот не выдал Джорджа, наложил гипс.

По всей Англии после бегства Блэйка была объявлена тревога. Все порты, вокзалы, аэропорты оказались перекрытыми. Полиция прочёсывала подозрительные районы и дома. Но Блэйк скрывался совсем недалеко, у своих друзей. Им предстояло вывезти его за пределы Англии. Это было нелегко, так как фотографии Джорджа висели на всех видных местах, имелись у каждого полицейского, таможенника, пограничника.

Друзья Джорджа обсуждали разные варианты. По одному из них даже предлагали с помощью специального препарата изменить цвет кожи, «сделав» его негром. Но Джордж отверг это предложение, тем более было неизвестно, как такое преображение может отразиться на его здоровье. Придумали другой способ. Супруги Рэндл соорудили потайное отделение в своём автофургоне, под детской кроваткой. В этом тайнике Джорджу предстояло совершить долгое путешествие в сопровождении супругов Рэндл и их двоих детей, двух и четырёх лет от роду.

17 декабря 1966 года они выехали из Лондона, добрались до Дувра, оттуда — на пароме до бельгийского порта Остенде, а далее без остановки до Берлина. Всю дорогу на континенте Джордж сидел в фургоне вместе с супругами и детишками. В «контейнере» он скрывался только тогда, когда ехали по Англии, переплывали Ла-Манш и пересекали границы.

Наконец добрались до Восточного Берлина, где путешественников встретили восточногерманские пограничники и советские офицеры. Они, конечно, были поражены неожиданному появлению «гостя» из ящика. Но вскоре всё разъяснилось, тем более что в Восточном Берлине оказался советский разведчик, лично знавший Блэйка. Так закончилось долгое и опасное путешествие.

7 ноября 1967 года Джордж Блэйк и Конон Молодый действительно стояли рядом на трибунах Красной площади.

Джордж Блэйк живёт в Москве и занимается подготовкой молодых разведчиков.

ГЮНТЕР ГИЙОМ (1927–1995)

Гюнтер Гийом вошёл в историю как агент, который в течение нескольких лет находился в непосредственной близости от лидера одного из крупнейших государств мира — канцлера ФРГ Вилли Брандта. Провал Гийома явился косвенной причиной ухода Вилли Брандта с его поста. Поэтому нельзя не напомнить о том, что представлял собой этот незаурядный политический деятель.

А. А. Громыко посвятил ему в своих мемуарах «Памятное» целую главу, которая называется «Брандт вписал страницу в историю». Вот несколько отрывков из неё (речь идёт о 1970 годе, когда готовилось подписание Московского договора между СССР и ФРГ, в котором, в частности, содержалось признание ГДР как самостоятельного государства):

«Брандт был нам в Москве уже хорошо известен. Мои встречи с Брандтом дают основание сказать, что это один из выдающихся деятелей ФРГ. Во время войны он оказался в эмиграции в Швеции. Он предпочёл лучше оставить свою страну, чем склонить голову перед свастикой. Это само по себе делало ему честь…

…Прежде чем оказаться на верхушке пирамиды государственной власти в Бонне, Брандт в течение нескольких лет являлся бургомистром Западного Берлина… Естественно, бургомистру… случалось входить в контакты не только с представителями ГДР, но и с советским посольством… Уже тогда Брандт ощущал ту основу, на которой только и могут строиться отношения между СССР и ФРГ. Тезис о мирном существовании… он считал… фундаментом… отношений. Считал и соответственно строил практическую политику в этой области».

Из этой длинной цитаты следует, что ни СССР, ни ГДР не были заинтересованы ни в устранении, ни в компрометации Вилли Брандта.

Как же около него оказался офицер восточногерманской разведки?

Гюнтер Гийом вместе с женой Кристель был выведен в Западную Германию в середине 1950-х годов. Это не составило труда: там уже проживала мать Кристель, и дело обошлось без дополнительных опросов и проверок в лагерях беженцев. У работников разведки даже и в мыслях не было, что Гюнтер сумеет так высоко подняться по служебной лестнице. Они недооценили невероятных способностей и старательности Гийома.

Супруги начали с того, что приобрели фотокопировальную мастерскую во Франкфурте, а Гюнтер, кроме того, работал свободным фотографом. Они оба участвовали в политической

жизни, примыкая к правому крылу социал-демократической партии. В 1964 году Гийом стал секретарём франкфуртской подокружной организации СДПГ, а в 1968-м — депутатом городского собрания и оргсекретарем фракции СДПГ.

Гюнтер обеспечил успех на выборах Георгу Леберу, за что этот политик и нашёл ему вскоре работу в Бонне.

Разведка, отправляя Гийома на задание, ожидала от него прежде всего своевременных сигналов на случай угрожающего обострения международной обстановки. Наряду с этим очень важной представлялась информация о тех силах в правительственных кругах, которые были заинтересованы в разрядке международной напряжённости.

Гюнтер Гийом считал, что такую информацию он сможет получать, только находясь в непосредственной близости от «власть предержащих», однако руководство разведки сдерживало его порывы.

21 октября 1969 года Гюнтер Гийом представился шефу ведомства федерального канцлера. Новичка подвергли критическому допросу, во время которого он проявил себя блестяще. БНД в высшей степени придирчиво (как впоследствии признавал его шеф Хелленбройх) проверило прошлое и образ жизни Гийома, и не нашло ничего, что могло бы подтвердить какие-либо подозрения. В пользу Гийома говорили его ум и постоянное усердие.

Ещё до начала работы в качестве референта Вилли Брандта, Гийом вошёл в состав его команды. Вскоре он уже начал передавать ценную информацию. Например, накануне переговоров Вилли Брандта с премьер-министром ГДР Вилли Штофом благодаря ему советские и восточногерманские спецслужбы получили почти полное представление о намерениях федерального правительства.

В 1970 году ведомство канцлера поручило Гийому организовать правительственное бюро для проведения съезда СДПГ в Саарбрюккене. В ходе этой работы он установил контакты в БНД, где, как вполне естественное, восприняли то, что Гийом пользовался доверием правительства. Вскоре он получил формальное разрешение от ведомства по охране конституции на ознакомление с информацией высшей степени секретности.

Затем стал руководителем избирательного штаба и референтом по партии в ведомстве канцлера. Теперь он постоянно находился вместе с Вилли Брандтом, что позволило узнать о человеческих слабостях канцлера, в частности, о его любовных делишках. Это знание пришло само по себе, без усилий со стороны Гийома, так как он не имел подобного задания от

разведки.

Выборы 1972 года принесли коалиции СДПГ — СвДП внушительную победу, и вместе с Вилли Брандтом Гийом пожинал её плоды. С 1 января 1973 года он стал личным референтом канцлера по партийным вопросам. С этого времени он участвовал в заседаниях правления партии и фракции и в совещаниях заведующих отделами правления партии. Это дало ему возможность судить о позициях политиков и о принимаемых решениях не только по сухим строкам документов, но и знать обо всём, в буквальном смысле из первых уст.

Особенно ценными в этих условиях оказались аналитические способности и острота ума Гийома, которые позволяли ему понимать происходящее и делать правильные выводы. Именно благодаря Гийому руководство ГДР, а вследствие тесных контактов и правительство СССР знали, что «новая восточная политика» Брандта является не риторикой, а серьёзной сменой курса внешней политики ФРГ. Своей деятельностью в поддержку этого курса Гийом оказал и личное воздействие на характер проводимой Вилли Брандтом политики.

Но над успешной карьерой Гюнтера Гийома и самой его судьбой нависла серьёзная опасность. Она пришла оттуда, откуда её ждали меньше всего.

Осенью 1972 года во время встречи в Западном Берлине были арестованы агент Вильгельм Гронау и сотрудник разведки ГДР, при котором нашли записку, где в числе других упоминалась и фамилия Гийома. Кроме того, западногерманская контрразведка была в курсе служебных контактов Гийома и Гронау, но они носили вполне невинный характер — ни один из них не знал о разведывательной службе другого. Сотрудник разведки поэтому и включил в список Гийома, чтобы предупредить Гронау о нежелательности его контактов с этой персоной.

Тем не менее контрразведка начала разработку Гийома, но при этом он не только не был отстранён от ответственной секретной работы, но, наоборот, стал ещё ближе к Вилли Брандту. Несмотря на то что в конце мая министр внутренних дел Геншер информировал (неизвестно, в какой форме) Брандта о подозрениях в отношении Гийома, канцлер пригласил Гюнтера сопровождать его в отпуске в Норвегию. Там Гийом на протяжении нескольких недель выполнял обязанности личного референта и руководителя канцелярии. Вся переписка канцлера проходила через него.

Рут Брандт и Кристель Гийом подружились во время этого отпуска и вместе гуляли с детьми.

Как раз в этот период шла подготовка к Совещанию по

безопасности и сотрудничеству в Европе, которое должно было проходить в Хельсинки. Германия была главным партнёром, и Никсон вёл конфиденциальные переговоры с Брандтом, а госсекретарь Киссинджер — с министром иностранных дел Шеелем. Никсон стремился подтолкнуть своих европейских союзников подписать Атлантическую хартию, согласно которой государства — члены НАТО должны были признать главенство США. Гийом был в курсе переговоров и противоречий между союзниками по НАТО. Стремясь проинформировать об этом свою штаб-квартиру, он снял копии важнейших документов об острых разногласиях среди союзников по НАТО и через жену отправил их по назначению. Но случилось так, что они не дошли по адресу. Когда Кристель встретилась в одном из кафе со своей связной Анитой, они заметили, что их тайно фотографируют. Анита всё же взяла документы, но некоторое время спустя, проходя по мосту через Рейн, обнаружила плотную слежку и выбросила пакетик в реку. Рейн навсегда похоронил тайну этих документов.

Разработка Гийомов продолжалась. К имеющимся подозрениям добавилось серьёзное доказательство. Спецслужбы ФРГ ещё в 1950-е годы смогли расшифровать радиограммы Центра. Узнав об этом, разведка перешла на другую систему шифров, но старые телеграммы хранились в недрах западногерманских спецслужб. Один из дотошных контрразведчиков решил проверить, кого же из агентов поздравляли в те годы с днём рождения. Оказалось, что одним из них был Гийом.

Теперь сомнений у контрразведки не оставалось, но нужно было получить юридически обоснованное доказательство. К тому же существовало ещё одно негласное обстоятельство, заставившее не спешить с арестом Гийома. Дело заключалось в том, что у канцлера Вилли Брандта были и враги и соперники. Попросту говоря, им хотелось, чтобы он как можно глубже увяз в своих контактах с Гийомом. Канцлер, около которого крутится шпион, — это ли не достойная мишень? И как показали последующие события, всё так и получилось: разоблачение Гийома смело Брандта с его поста.

Слежка, которой подверглись Кристель и Анита, вызвала тревогу у разведки ГДР. Гийому было приказано прекратить активную разведывательную работу и готовиться к возвращению в ГДР, как только супруги почувствуют себя в опасности. Но всё было тихо и мирно, и в феврале 1974 года связь с ними была восстановлена. В апреле того же года Гюнтер находился в отпуске на юге Франции, где заметил за собой слежку. Она продолжалась по всей территории Франции и прекратилась в Бельгии. Он мог

скрыться, но не сделал этого. Сразу же по возвращении, 24 апреля 1974 года, Кристель и Гюнтер Гийомы были арестованы. При аресте Гюнтер растерялся и, думая прежде всего о сыне, воскликнул: «Я гражданин ГДР и её офицер, считайтесь с этим!»

Это было больше, чем признание, и следствию оставалось лишь закрепить его.

На допросах Гюнтер подтвердил, что занимался разведывательной деятельностью, но отказался давать какие-либо показания о том, что ему известно о личной жизни Вилли Брандта. Он вообще отказался выдавать какую-либо информацию о своей работе.

Разработка, следствие и суд над Гийомом носили странный характер. Никто не ответил на главный вопрос: каким образом контрразведка, зная о том, что Гийом агент иностранной службы, позволила ему в течение такого длительного времени быть около Брандта и знать все государственные секреты.

Брандт писал в своих мемуарах: «Если существовало тяжёлое подозрение, то нельзя было оставлять агента в непосредственной близости от меня, его следовало перевести на другое, хорошо наблюдаемое место или даже повысить. Вместо того чтобы защитить канцлера, его сделали агентом-провокатором спецслужбы собственной страны».

Вилли Брандт пал жертвой непримиримых противоречий внутри своей партии и 6 мая 1974 года ушёл в отставку.

Но дело Гийома имело ещё одно последствие. Многие политики, как на Западе, так и на Востоке, с возмущением заявляли, что агент в непосредственной близости от главы правительства — небывалое нарушение международных нравов. В то же время все эти политики требовали от своих разведок самой точной и свежей информации, не интересуясь, откуда она поступает.

Брежнев и Хонеккер высказали своё огорчение в связи с делом Гийома. Бывший начальник разведки ГДР Маркус Вольф лично попросил извинения у Вилли Брандта в 1992 году, когда тот выступил против его уголовного преследования. Но бывшему канцлеру все эти огорчения и извинения уже не могли помочь. В том же, 1992 году он скончался.

Гюнтер Гийом был осуждён на тринадцать, а Кристель на восемь лет тюрьмы. В марте 1981 года Кристель, а 1 октября Гюнтер Гийомы были обменены. Но их семейная жизнь больше не сложилась, они создали новые семьи.

В апреле 1995 года после долгой болезни Гюнтер Гийом умер.

ХАЙНЦ ФЕЛЬФЕ (1918–2008)

Сын начальника дрезденской полиции нравов, он в тринадцать лет, в 1931 году, вступил в национал-социалистический союз учащихся. В 1936 году стал членом СС, которую считал «благородной и солидной организацией» (здесь и далее в кавычках приводятся выдержки из мемуаров Х. Фельфе. — *И.Д.*). Он искренне полагал, что Гитлер «дал, наконец, немецкому народу то, в чём он нуждался в смутное время Веймарской республики: ясную цель, строгий порядок и дисциплину».

В 1939 году после десятидневного участия в войне с Польшей Фельфе заболел воспалением лёгких, был демобилизован, а затем вновь призван и откомандирован в Берлин на учёбу, как кандидат на руководящую работу в охранной полиции, входящей в СС. Он чувствовал себя представителем «элиты нации, призванной осуществить грандиозные предначертания ведущей роли немецкой нации…» В то же время он «замечал противоречия между словами и делами руководства рейха, но считал это неизбежной болезнью роста…»

Его взволновало и привело в замешательство нападение Германии на СССР. Во-первых, как будущий юрист, он не мог понять, как руководство рейха могло растоптать договор о ненападении от 23 августа 1939 года, а во-вторых, глядя на карту, он удивлялся, как можно было решиться воевать с такой огромной страной.

Хайнц досрочно и успешно сдал университетские экзамены и в марте 1943 года стал комиссаром уголовной полиции. Но в конце августа 1943 года был переведён в VI управление РСХА (внешняя разведка Главного управления Имперской безопасности).

В связи с нехваткой кадров Хайнца сразу назначили на руководящую должность, хотя он не имел ни малейшего представления о работе разведки. Будучи бойким и любознательным, изучал всё, даже не относящееся к его участку, чем сразу нарушил известный приказ № 1 Гитлера: никто не должен знать больше, чем это требовалось для его непосредственной работы.

Руководил VI управлением Вальтер Шелленберг, не достигший ещё и тридцатилетнего возраста. После краха главы абвера адмирала Канариса в VI управление была практически включена и военная разведка.

Фельфе был начальником реферата VI В-3, ведающего

Швейцарией и Лихтенштейном. Работа проходила по трём направлениям: добыча информации, её оценка и использование, составление картотеки и архива.

Источники внешней разведки получали так называемый «номер V» (начальная буква немецкого слова «фертрауэнсперсон» — «доверенное лицо»). Агенты имели свои номера, начинающиеся с кодового номера резидента (например, для Швейцарии — 79). Конспирация была поставлена хорошо, и настоящее имя агента знал только сотрудник, работающий с ним, даже начальник не знал его.

Но существовали и источники, в обозначении которых отсутствовала буква «V». Они подлежали особо тщательной маскировке, не будучи ни доверенными лицами, ни агентами. Связь поддерживали с руководством немецкой разведки, в частности, с самим Шелленбергом, возможно, имея на то разрешение свыше. Одним из них, например, был начальник швейцарской военной разведки генерал Роже Массой, имевший шифр Зоммер-1. Такие контакты между спецслужбами практиковались довольно часто, и как Шелленберг, так и Фельфе знали, что Массон поддерживает аналогичный контакт с американцами и англичанами.

Каждая поступавшая информация оценивалась по шестибалльной системе (6 — низшая, 1 — высшая оценка); впоследствии, уже в службе Гелена, буквами от A до F оценивались положение и надёжность источника. Если речь шла, например, о государственных переговорах, то буквой A оценивался их участник, B — переводчик, C — секретарша, D — рядовой служащий, буквы E и F обозначали негативную категорию, при этом источник под буквой F считался ненадёжным. Особенно важными считались сведения из дипломатических кругов, они немедленно передавались в правительство.

Когда Фельфе приступил к работе, в Швейцарии было всего три работника немецкой разведки — резидент Карл Дауфельт и две секретарши (одна из них была и радисткой), тогда как абвер насчитывал восемнадцать штатных сотрудников.

Шелленберг дал строгое указание не вести работы против Швейцарии, а лишь использовать её возможности для разведывательных действий против неприятельских стран.

Основным противником Фельфе был английский резидент Кейбл. Но Фельфе скоро убедился, что тягаться с ним не может: у «Интеллидженс сервис» было слишком много денег по сравнению с РСХА. Немцы вместо денег выдавали своим агентам, отправляющимся в Швейцарию, инсулин, продавая который те

могли жить. Чтобы на таможне не посчитали такого агента контрабандистом, ему вручали медицинские справки о заболевании диабетом.

Для добычи валюты Фельфе поддержал некоего Вернета, врача, разработавшего новые гормональные препараты. Их предполагалось продавать в Швейцарии, но идея так и не была проведена в жизнь. Впоследствии Фельфе с ужасом узнал, что пилюли доктора Вернета испытывались на узниках концлагерей.

Была предпринята ещё одна попытка: распространение фальшивых почтовых марок с портретами английского короля Георга VI и Сталина на Тегеранской конференции! Но это скорее была акция пропагандистская, нежели финансовая. Фельфе, которому навязали распространение марок, отправил их в Швейцарию. В сопроводительном письме торговцам рекомендовалось пустить их в продажу как «коллекционные марки неизвестного происхождения», а вырученные деньги перевести в британское посольство на счёт, созданный для помощи попавшим в плен английским лётчикам.

В годы войны англичане забрасывали в Германию в большом количестве хорошо изготовленные фальшивые промтоварные и продовольственные карточки. В ответ РСХА начал изготавливать и распространять за рубежом фальшивые английские фунты стерлингов. Этими «деньгами», в частности, оплатили услуги знаменитого «Цицерона», камердинера английского посла в Турции, похищавшего из его сейфа копии ценных документов. Фельфе вспоминает, что именно благодаря «Цицерону» он ознакомился с материалами Тегеранской конференции.

Финансовые дела были только частью работы разведки. Через своих агентов в Швейцарии немцы всё же получали кое-какую политическую информацию. Но общее положение Германии ухудшалось, что не могло не отразиться на качестве и характере разведывательных сводок. Агентура Фельфе получила, однако, данные о том, что Швеция намерена продолжать соблюдение нейтралитета. Удалось добыть ключ к расшифровке радиопереговоров американского посольства в Швейцарии с госдепартаментом.

Однако все сводки об обстановке, доклады и записки мало что давали. Гитлер, Риббентроп, Гиммлер им просто не хотели верить, так как они не вписывались в их собственную, раз и навсегда составленную картину. Объективность никому не была нужна.

Открытие второго фронта, покушение на Гитлера 20 июля 1944 года заставили Фельфе задуматься. Он присутствовал на судебном заседании над группой заговорщиков, которые вызвали

у него симпатию.

Через реферат Фельфе предпринимались попытки установить в Швейцарии контакт с американцами, а о намерениях американцев у него имелась информация из первых рук. Фельфе удалось подвести к Даллесу своего агента. Этот агент, проходивший под псевдонимом «Габриэль», молодой немец, выдавал себя за оппозиционера нацистскому режиму. Даллес откровенно говорил ему, что следующая мировая война произойдёт как столкновение США и СССР.

Даллес оказался весьма болтливым собеседником и выдал «Габриэлю» много подробностей секретных переговоров, проходивших в Швейцарии между ним и генералом Вольфом весной 1945 года. В своих воспоминаниях Даллес писал, что утечка информации произошла через агента в окружении Кальтенбруннера, хотя в действительности он сам оказался её виновником.

Более того, немецкие дешифровальщики уже расшифровали радиокод представительства США в Швейцарии и не зависели от донесений агентуры.

Фельфе имел агентуру и помимо «Габриэля». Все сообщения по поводу контактов в Швейцарии он докладывал непосредственно Шелленбергу. Именно в этот период Фельфе узнал о том, что американцы стремятся разделить Германию на множество маленьких государств, в то время как СССР стоит за единую миролюбивую Германию. Это вызвало в нём симпатии к нашей стране.

В 1960-х годах в тюрьме Штраубинг он встретил генерала Вольфа и спросил его, чем тот руководствовался, вступив в переговоры с Даллесом. И Вольф ответил: «Я хотел спасти немецких солдат, так как знал, что они ещё понадобятся, и как вы видите, я был прав». Ясно, что он имел в виду!

Хейнц Фельфе предвидел крах фашистского рейха. Однажды ему удалось познакомиться с некоторыми документами о зверствах гитлеровцев на оккупированных территориях, об уничтожении евреев. Он окончательно убедился в преступности РСХА и решил уйти с этой службы. Случай представился, когда перед Рождеством 1944 года, во время контрнаступления немецкой армии в Арденнах, ему предложили участвовать в заброске немецких добровольцев в тыл союзников. Однако это задание было отменено, а Фельфе так и остался в Нидерландах, где снова попал в VI отдел РСХА, но уже на периферии. Там он и пробыл до конца войны. Его потрясла бессмысленная и жестокая варварская бомбардировка англо-американской авиацией его родного Дрездена 13–15 февраля 1945 года, когда были убиты

десятки тысяч людей, и в его сознании произошёл ещё больший сдвиг в пользу Советского Союза, который никогда не предпринимал подобных акций против мирного населения.

8 мая 1945 года Фельфе, уже в качестве командира роты отступающих немецких войск, оказался в плену у канадских войск. Как бывший сотрудник разведки, Фельфе подвергался многочисленным допросам. Симпатию у следователя вызвал тот факт (подтверждённый письмом из Лондона), что, отправляя в Швейцарию фальшивые почтовые марки, он велел деньги, полученные от их продажи, передать английским лётчикам. По этой ли, или по другой причине его признали годным для службы в новой немецкой полиции.

Фельфе вспоминает, что таких, как он, было много. Англо-американцы не скрывали, что они могут пригодиться для новой войны против СССР. Были даже сохранены немецкие воинские формирования, общая численность которых доходила до трёх миллионов человек, под командой немецких генералов. Они были распущены только в 1946 году после энергичных протестов Советского Союза.

Сам Фельфе был отправлен из Нидерландов в Германию, где в городе Мюнстере, скрыв своё эсэсовское прошлое, был освобождён 31 октября 1945 года.

Из плена Хайнц Фельфе вышел убеждённым антифашистом и антимилитаристом. Он считал, что будущее Германии — на Востоке, в дружбе с Советским Союзом, и он хотел внести свою лепту.

Фельфе стал журналистом, что не только дало возможность не бедствовать, но и позволило завести знакомства во всех зонах оккупации, в том числе с самим Конрадом Аденауэром, соседом которого он был, и со многими политическими деятелями. Одновременно он учился на факультете государства и права Боннского университета.

Фельфе посетил свою мать в Дрездене, где увидел чудовищные следы разрушений, а в 1949 году побывал в Веймаре на праздновании двухсотлетия со дня рождения Гёте. Встречи и беседы с советским журналистом и с премьер-министром Тюрингии ещё больше убедили его в правоте советской политики в отношении Германии, предусматривающей не раздел, а объединение страны и создание в Германии нейтрального государства.

У Фельфе накопилось много сведений о восстановлении военного потенциала в Западной Германии, сведений, о которых не писали в газетах и не говорили в парламенте. Ещё в 1949 году Фельфе установил связь с советскими офицерами, которые

произвели на него хорошее впечатление в чисто человеческом плане. Но только два года спустя у него состоялся «откровенный разговор с офицерами советской разведки».

После завершения учёбы в Боннском университете он работал в министерстве по общегерманским вопросам, занимаясь опросом всех беженцев — бывших сотрудников полиции ГДР. По результатам этих опросов составил подробную брошюру «О структуре народной полиции в советской оккупационной зоне по состоянию на начало 1950 года». Она попала на глаза сотрудникам разведывательной организации Гелена (ОГ). Ознакомившись с работой Фельфе, они пригласили его к себе на службу. Этому способствовали два фактора: то, что он сам не просился туда (это вызвало бы подозрения), и его бывшая служба в РСХА.

Организация Гелена в основном состояла из бывших офицеров контрразведки и вела разведывательную работу против Востока.

Фельфе, конечно, был подвергнут тщательной проверке. Никаких компроматов на него не нашли, и 15 ноября 1951 года, после беседы с полковником Крихбаумом, он выехал в Карлсруэ, чтобы приступить к работе в «генеральном представительстве (ГП) L».

ГП L занималось сбором информации о французских оккупационных войсках и вело работу против ГДР. Однако служба в этом подразделении не могла удовлетворить Фельфе. В 1953 году он поставил перед собой задачу проникнуть в Центр. Ему удалось это сделать, и в октябре 1953 года он был переведён в Центр по личному указанию Гелена.

Фельфе была поручена разработка операций в области контршпионажа против Советского Союза и некоторых других социалистических стран. Со временем (особенно после установления дипломатических отношений между СССР и ФРГ) эта служба разрослась и в кадровом, и в материальном отношении. В середине 1950-х годов Фельфе получил чиновничий ранг правительственного советника и был назначен начальником реферата «контршпионажа против СССР и советских представительств в ФРГ». «Основную часть моей работы как советского разведчика я выполнял в своём служебном кабинете во время официального рабочего дня, поскольку в ОГ сверхурочная работа не приветствовалась. Чтобы мне не мешали, я просто запирал дверь».

Информация Фельфе касалась многих вопросов. Так, например, он подробно освещал обстоятельства бегства начальника западногерманской контрразведки Иона в ГДР в 1954

году — события, так и оставшегося непонятным большинству современников. Фельфе добывал информацию о внутренней обстановке в ФРГ, о движущих силах политики Аденауэра. Его сообщение о намерениях Аденауэра, направленных против интересов Франции, сыграло роль, когда было доведено до сведения французского правительства. Тогда Франция заблокировала вступление ФРГ в Европейское оборонительное сообщество (ЕОС), что замедлило темпы ремилитаризации Западной Германии. Фельфе передал также материалы о милитаристских планах руководства Западной Германии, скрываемых даже от её союзников. Опубликование этих материалов испортило её отношение с ними. Даже Черчилль направил канцлеру Аденауэру послание, из которого вытекало, что к ФРГ не следует относиться с доверием.

Хайнц Фельфе занимал в ОГ ответственные должности. Он стал начальником реферата 53/III «операции против разведслужб Советского Союза», в том числе против советских представительств в ФРГ. «Это были суровые будни разведывательной работы с её многочисленными камнями и скалами. Только тот, кто пережил подобное, знает, какую внутреннюю убеждённость нужно иметь при этом».

В результате своей деятельности в области контрразведки БНД (Бундеснахрихтендинст — преемник ОГ) Фельфе мог снабжать советскую разведку сведениями о намерениях этой службы. «Мы своевременно распознавали опасные действия БНД, и я со своих позиций помогал обеспечивать активное противодействие им».

В годы работы Фельфе в БНД многие операции этой службы проводились при его непосредственном участии или даже под его прямым руководством. Одной из наиболее значительных операций явилась установка подслушивающей аппаратуры в советском торгпредстве в Кёльне. Сложность состояла в том, как отреагировать на информацию об этой операции. Разоблачить и вскрыть «жучки»? Или прекратить секретные разговоры в кабинетах, где они установлены? Ни то ни другое не годилось. Требовалось искать иные варианты, чтобы «и овцы были целы, и волки сыты». И такие варианты были найдены.

К числу важных операций можно отнести и попытки вербовать агентуру из числа советского персонала, а также из числа прибывших в ФРГ лиц из ГДР и других соцстран.

Но особое значение имели сообщения Фельфе о дезинформирующих мероприятиях БНД. Он знал обо всех случаях её двойной игры. После получения соответствующей информации, советская сторона решала, как подключиться к

такой игре без риска для её сотрудников. «Естественно, следовало избегать всего, что могло бы навлечь подозрение на меня». «Ещё важнее было обеспечить „двойную“ обработку материалов и сохранить агентов „живыми“. Дезинформация от распознанного агента-двойника имеет свою ценность, так как по ней можно определить, от чего противник хочет отвлечь внимание или что стремится скрыть с её помощью».

В операции «Паноптикум», которой руководил Фельфе, удалось, например, парализовать широкомасштабную акцию БНД. Главной её фигурой стал Фридрих Панцигер, руководивший в своё время особой комиссией в гестапо по делу «Красной капеллы». После войны он оказался в СССР, где перед возвращением в Германию был завербован советской разведкой. Прибыв в Бонн, он сразу же явился в БНД и во всём признался. БНД решило сделать его двойником. Вместе с ним советской разведке был подставлен ещё один агент БНД Буркхарт. Наша разведка подхватила «брошенный мяч» и какое-то время вела игру с немцами. Но всё испортило германское правосудие, решившее привлечь Панцигера к суду за его гестаповское прошлое. В 1961 году был выдан ордер на его арест. Узнав об этом, он принял цианистый калий.

Фельфе предупреждал советских людей о предстоящем аресте за разведывательную деятельность. Так, он выручил советского гражданина Кирпичёва, который смог уйти прямо из-под носа группы захвата.

Специально для операций против советского посольства был создан рабочий штаб ИНДЕКС, которым руководил Фельфе. БНД вместе с ЦРУ задумали провокацию против прибывающего в Бонн советского дипломата (того самого «журналиста», с которым Фельфе беседовал в Веймаре ещё в 1940 году). Фельфе вовремя предупредил об этом советскую разведку.

О предстоящем аресте советского разведчика П. предупредить своевременно разведку не удалось. Фельфе пришлось самому позвонить П. по телефону и намекнуть об опасности. Тот успел укрыться в посольстве.

Одна из руководимых Фельфе операций («Диаграмма») была разработана против так называемой запретной зоны Карлсхорста, где были расположены советские разведывательные учреждения. Он развернул «бурную» деятельность. В пяти томах были собраны планы квартир, номера телефонов, планы земельных участков, в которых отмечались даже тропинки. Этим справочником пользовались затем БНД, генеральный прокурор ФРГ и другие учреждения. Советская сторона «не мелочилась» и не давала дезинформации по таким вопросам. Справочник систематически

пополнялся и уточнялся до 1959 года. Благодаря операции «Диаграмма» ЦРУ перестало запрашивать в БНД дополнительную информацию о советской разведке. Работа вроде бы велась очень активно, а фактически буксовала и не принесла ни БНД, ни ЦРУ ни малейшей пользы.

Зато Фельфе всегда мог точно знать, кто из агентов БНД сообщает правду, а кто «липу», информируя о ситуации в Карлсхорсте.

Для того чтобы оживить игру и ещё больше отвлечь противника, советская разведка готова была даже подсказать кандидатуры лиц, которых могла бы завербовать БНД. Но Фельфе отказался от такого варианта, так как это осложнило бы его положение.

Среди немцев, работавших в районе Карлсхорста, были те, кто впоследствии перешёл в ФРГ. Их опрашивали и дополняли сведения, находящиеся в справочниках Фельфе. По просьбе Фельфе советская контрразведка не трогала этих агентов. «Источники БНД, которые с моей помощью известны уже в течение десятков лет и которых никто не трогает, продолжают и по сей день (1987 год. — *И.Д.*) жить в Восточном Берлине… Агент, работающий под контролем, вряд ли может причинить большой ущерб».

Активная работа Фельфе, его хотя и тщательно законспирированные встречи с советскими разведчиками, всё же привлекли внимание немецкой контрразведки, и он был взят в разработку.

6 ноября 1961 года он был арестован. По дороге в тюрьму ему удалось уничтожить некоторые записи условных адресов и номеров телефонов. Однако он не смог вынуть из бумажника фотокопию задания, полученного им на последней встрече в Вене. Обнаружились и другие доказательства.

Допросы длились шесть месяцев. Фельфе сразу же признался, что является советским разведчиком: «Что я мог ещё сказать?» Единственное, что он отрицал — это то, что является предателем: он сознательно помогал Советскому Союзу и своей родине ГДР, а на работу в БНД пошёл, уже будучи советским агентом и выполняя задание той разведки, которой служил. Доказательства — документы, когда-либо проходившие через его стол и которые он визировал, заняли три большие комнаты. В допросах принимали участие и американцы.

Затем Фельфе перевели в Карлсруэ, где находился Федеральный суд. Там допросы продолжались ещё год. Из тюремной камеры Фельфе тайно связывался с советскими друзьями.

Когда в ходе следствия ведомство федерального канцлера потребовало взыскать с Фельфе полученное им в БНД жалование, он возразил: «Наряду с деятельностью в пользу СССР я успешно выполнял задания федеральной разведывательной службы, в том числе и такие, как незаконное подслушивание телефонов и установка „жучков“ в квартирах советских дипломатов». После этого требование о взыскании было снято.

Процесс начался 8 июля 1963 года и продолжался две недели. Каждую ночь его будили по девять раз, чтобы убедиться, «не покончил ли жизнь самоубийством», поэтому к концу процесса он был совершенно изнурён.

Приговор был вынесен через две недели: пятнадцать лет лишения свободы — не самая высокая мера наказания.

Фельфе отправили в тюрьму в Нижней Баварии, где его подвергали унижениям и оскорблениям, лишили переписки с членами семьи, ужесточали режим.

В четверг, 13 февраля 1969 года. Фельфе пригласил к себе начальник тюрьмы Штэрк, пожал ему руку и сказал: «Сердечно поздравляю вас, и, пожалуйста, садитесь». Он сообщил Фельфе, что ему нужно срочно переодеться, а завтра его доставят к границе.

На следующий день, 14 февраля 1969 года, два чиновника вывезли его из тюрьмы и привезли в границе с ГДР. После краткого приветствия адвокатов Фогеля и Штанге, представлявших Фельфе и федеральное правительство, освобождённый разведчик пересёк границу. Впереди его ждала новая, ещё незнакомая жизнь. Он ещё не стал пенсионером, так что можно было начинать всё сначала.

Через три года Хайнц Фельфе защитил диссертацию, стал доктором наук Написал мемуары, которые завершил словами: «Тяжёлые годы работы в качестве разведчика на службе Советского Союза были лучшими годами в моей жизни».

«ПАТРИЯ» — ДЕ ЛАС ЭРАС АФРИКА (1909–1988)

Элегантная владелица ателье мод, улыбаясь, простилась с последней посетительницей, тщательно закрыла за ней дверь, вернулась в ателье, подошла к одному из манекенов, проделала с ним какие-то манипуляции и… извлекла из него рацию. Похоже на кадр из шпионского детектива, но это лишь эпизод из жизни разведчицы-нелегала «Патрии».

Африка де лас Эрас Гавилан родилась в испанском Марокко, в ней кипела горячая испанская кровь, к тому же разогретая африканским солнцем. Её отец был испанским офицером, военным архивариусом, обладавшим мятежным духом. В Марокко он то ли бежал по своей воле, то ли был выслан в начале XX века. Вместе с женой поселился в скромной бамбуковой хижине. В ней 26 апреля 1909 года и появилась на свет девочка, которой отец в честь континента, предоставившего ему убежище, дал экзотическое имя Африка. Она ходила в школу при монастыре Святого сердца Христова, готовилась стать учительницей начальных классов. Но её манила революционная борьба. Двадцати двух лет, в 1932 году вступила в компартию Испании, а уже через два года сражалась на баррикадах Овьедо — центра восставшей Астурии. После поражения восстания год находилась на нелегальном положении. О том, чем она занималась в течение этого года, точных сведений нет. Но вот что пишет об этом в своих воспоминаниях генерал Павел Судоплатов: «Патрия, Мария де Лас Эрас, ещё в Норвегии была внедрена в секретариат Троцкого и находилась с ним в Норвегии, её отозвали после бегства Орлова (резидент НКВД в Испании), который хорошо знал Патрию». В то время одним из главных оппонентов Сталина являлся Троцкий, и работа против него относилась к числу приоритетных. И уже тогда «Патрия» (или Родина, такое имя она получила, став агентом советской разведки) считалась немаловажным звеном в системе разведывательных операций. Любая информация о Троцком, тем более исходившая от источника, близкого к нему, докладывалась на самый верх, зачастую лично Сталину.

Так или иначе «Патрия» оказывается снова на фронте, на этот раз гражданской войны в Испании.

В 1939 году она нелегально приехала в Советский Союз. Ей пришлось оборвать все прошлые связи не только с товарищами, но и со старшей сестрой и другими родственниками. Для них она

исчезла навсегда.

В начале Великой Отечественной войны «Патрию» зачисляют на действительную военную службу в органы госбезопасности. Она проходит ускоренный курс спецподготовки радистов. Помимо радиодела занималась стрельбой, прыжками с парашютом, совершала марш-броски с полной выкладкой. Весной 1942 года она закончила курсы.

Из воспоминаний «Патрии»: «Через два дня я дала клятву радиста. Я торжественно поклялась, что живой врагу не сдамся и, прежде чем погибну, подорву гранатами передатчик, кварцы, шифры… Мне вручили две гранаты, пистолет, финский нож…»

В июне 1942 года её забросили в тыл врага в отряд Д. Н. Медведева «Победители». В отряде было восемнадцать испанцев из числа республиканцев, которым пришлось бежать в СССР после победы Франко. Они добровольно вызвались идти во вражеский тыл, заявив, что, борясь с Гитлером, борются за освобождение и своей страны.

«Патрия» в отряде Медведева находилась до февраля 1944 года. Вот небольшой документ:

«СССР

Специальный партизанский отряд.

4 февраля 1944 года

Справка

Дана настоящая справка партизанке Деласерас Африке в том, что она с июня 1942 года находилась в специальном партизанском отряде. Вначале она была радистом и за отличную работу была назначена помкомвзвода. Находясь на этой должности, Деласерас показала себя как умелый командир и хороший радист. Её радиоаппаратура всегда находилась в образцовом состоянии, этого же она требовала и от подчинённых.

За образцовую работу тов. Деласерас награждена орденом Красной Звезды и Партизанской медалью I степени, а также представлена к награждению орденом Отечественной войны II степени».

В начале 1944 года «Патрию» отозвали в Москву, где она прошла спецподготовку для разведывательной работы за рубежом. В январе 1946 года её на автомашине перебросили в Париж, а в 1948 году она выехала из Франции в Латинскую Америку. Страной её назначения стала Аргентина.

После многих мытарств она организовала ателье мод и обзавелась достойной клиентурой. У неё появились интересные связи среди правительственных чиновников, сотрудников МИДа, а главное, их жён. Для них она стала надёжной подругой, которой можно было доверить секреты свои и своих мужей.

В апреле 1949 года «Патрия» получила задание восстановить связь с «Хосе», совладельцем крупного военного предприятия, в прошлом нашим агентом. Никаких условий восстановления связи с ним не было оговорено, и было невозможно представить, как он воспримет незнакомую ему женщину. Она явилась в респектабельный офис и передала «Хосе» письмо от его старого друга «Бруно». Бизнесмен внимательно прочёл его и так же внимательно, молча, стал разглядывать «Патрию». «Что он сделает? Снимет трубку и вызовет полицию? Или просто отправит меня восвояси?» — думала она.

Молчание затягивалось. Но вдруг он сказал:

— Вы мне нравитесь. Я буду работать с вами.

«Хосе» стал одним из ценных агентов внешней разведки.

«Патрии» удалось восстановить связь ещё с несколькими агентами. Да и сама она «втёмную» стала получать интересную информацию от своих многочисленных знакомых.

Её радиоточка безотказно действовала, прорываясь через сотни чужих радиосигналов, — сказался партизанский опыт.

В июне 1956 года к ней из Москвы прибыл напарник Джованни Бертони, «Марко», который стал её боевым другом, а вскоре официальным и действительным мужем. В 1957 году они обвенчались. Настало счастливейшее время её жизни. Но счастье длилось недолго. В 1964 году «Марко» скоропостижно умер, и она, оставшись одна, впала в депрессию. Однако справилась с нею и вновь приступила к работе.

В 1967 году «Патрия» вернулась в Москву. К этому времени ей исполнилось пятьдесят семь лет, стало сдавать здоровье. В новую длительную командировку за рубеж её уже нельзя было отправлять. Тем не менее она ещё дважды выезжала с серьёзными заданиями, которые, как считалось, никто, кроме неё, выполнить не мог.

После 1970 года она работала в Центре, готовя молодых разведчиков-нелегалов. Характер у неё был непростой, к тому же любого новичка она «раскусывала» буквально после первой беседы, и с некоторыми отказывалась работать. Интересно, что она никогда не ошибалась в оценке людей, и её первоначальное мнение подтверждалось в ходе дальнейшей подготовки и проверки того или иного кандидата.

«Патрия» оставила заметки; к сожалению, они не опубликованы. Читая их, поражаешься её огромной любви к стране, интересы которой она защищала всю свою жизнь.

Полковник «Патрия» — «Родина» — де Лас Эрас Африка умерла в 1988 году в почёте и славе.

ДИТЕР ГЕРХАРДТ (род. 1936)

Судья кейптаунского суда Джордж Мьюнник впервые за всю свою многолетнюю практику столкнулся с таким делом. Когда он произнёс: «Сейчас суд рассмотрит вещественные доказательства», — то вместо того чтобы взять их в руки, разглядывать самому, показывать сторонам и присяжным, он был вынужден добавить:

— Пожалуйста, господа!

И тогда сидевшие за отдельным столиком крепкие молодые люди из спецслужбы взяли лежащие возле них шифроблокноты и микроплёнки и стали издали демонстрировать судье и остальным. Мьюнника несколько обижало это недоверие, тем более что краешком глаза он заметил, как слегка усмехнулся при этом подсудимый, статный, двухметрового роста сорокасемилетний мужчина, сидевший за решёткой рядом с миниатюрной, хрупкой, миловидной женщиной.

Это беспрецедентное и секретное дело, содержавшее важнейшие государственные тайны, рассматривалось при закрытых дверях в присутствии лишь особо доверенных лиц, и судье следовало гордиться, что именно ему, Джорджу Мьюннику, доверили его слушание.

В самом здании суда и вокруг него разместились отряды полиции, усиленные армейскими подразделениями, готовыми в любую минуту схватить «руку Москвы», если та протянется сюда, чтобы вызволить своих провалившихся агентов.

Но ничего неординарного не произошло. Суд, начавшийся в августе 1983 года, закончился 31 декабря, после четырёх с половиной месяцев разбирательства. Из ста двадцати четырёх допрошенных по делу свидетелей ни один не привёл доказательств шпионской деятельности обвиняемых. Но их и без того было достаточно: помимо упомянутых уже шифроблокнотов, микроплёнок, кассет, крупногабаритным шпионским оборудованием была заставлена специально выделенная комната в зале суда. К тому же и сами обвиняемые — муж и жена — не отрицали предъявленного им обвинения в шпионаже в пользу СССР.

В последнем слове подсудимый просил лишь об одном: о снисхождении для его жены, которая была лишь слепой исполнительницей его воли и выполняла обязанности секретарши и курьера.

Государственная измена по законам ЮАР каралась наказанием вплоть до смертной казни. 31 декабря 1983 года

судья огласил приговор…

…Всё началось в 1962 году, когда Герхардт, находясь в командировке в Лондоне, пришёл в советское посольство и потребовал встречи с военным атташе. С этого времени он и стал числиться в списках ГРУ как агент «Феликс». Просто безбедное существование не удовлетворяло его тщеславия, а желание «показать этим бурам», на что он способен, и ненависть к системе апартеида подтолкнули его к сотрудничеству с советской разведкой.

Ясным рождественским днём 1968 года в швейцарском городке Клостере он познакомился с Рут Йор, двадцатисемилетней дочерью рабочего фармацевтической компании и модистки-шляпницы, секретаршей видного швейцарского адвоката. Молодые люди на отдыхе знакомятся быстро. Дитер Герхардт, морской офицер из Южно-Африканской Республики и к тому времени уже агент-нелегал советской военной разведки ГРУ, полюбился ей с первого взгляда и на всю жизнь.

В сентябре 1969 года в Кейптауне они обвенчались (она стала его второй женой). Так как Дитер был офицером, его жена, по законам ЮАР, не могла оставаться иностранкой. Рут вышла из швейцарского гражданства и приняла южноафриканское.

Весёлая, доброжелательная, прекрасная хозяйка, Рут вскоре стала своей в среде офицерских жён. Они даже избрали её председателем своего клуба. Владеющая немецким, французским, английским и итальянским, Рут изучила язык африкаанс и организовала для жён курсы иностранных языков.

Дом Герхардтов всегда был полон гостей, которые чувствовали себя здесь свободно и раскованно, подвыпившие моряки говорили обо всём. Но хотя тайны сами лились в уши Рут, Дитер не сразу воспользовался этим: он привлёк её к работе только через полтора-два года. Пока же ему хватало того, что он знал в силу своего служебного положения. Дитер имел звание коммодора и занимал должность старшего офицера крупнейшей в южном полушарии военно-морской базы в Саймонстауне. В его подчинении находилось две тысячи семьсот человек, он отвечал за доки и вообще за всё материально-техническое обеспечение, строительство и боеспособность ВМФ ЮАР. В 1983 году ему должны были присвоить звание контр-адмирала.

Убедившись в честности и преданности жены, Дитер в мягкой форме дал ей понять, что работает на советскую разведку. Он с волнением ожидал её реакции. И, наконец, услышал:

— Я буду делать всё то, что делаешь ты.

Питер Бота, президент ЮАР, хотя и был расистом и

ненавистником Советского Союза, в быту оставался приятным и обходительным человеком. Он был знаком ещё с отцом Дитера Герхардта и покровительствовал сыну. Поэтому (а также и в силу высокой квалификации) Дитер постоянно привлекался им в качестве эксперта при обсуждении в узком кругу особо важных военных проблем.

Совещания иногда заканчивались неформальным ужином, который устраивала жена президента.

Однажды на него пригласили Рут. Жёны президента и коммодора очень понравились друг другу, и с того времени семьи стали дружить, несмотря на разницу в общественном положении.

Близким другом Герхардтов был и командующий военно-морским флотом ЮАР Бирманн, не говоря уж о других высших офицерах. Естественно, что приятели болтали не только о спорте и скачках. В одной группе гостей всегда был Дитер, в другой Рут. Она внимательно слушала все разговоры, а иногда и направляла их в нужное русло.

Однако не только военно-морские новости или высказывания высокопоставленных лиц были источниками получения Герхардтами ценных разведывательных данных.

Дело в том, что Дитер был допущен в святая святых не только ЮАР, но и всего южного фланга НАТО (несмотря на официальную международную политику бойкота ЮАР натовские военные охотно поддерживали контакты с юаровскими). Это была суперсекретная база Сильвермайн, электронное чудо, «нафаршированное» самым современным оборудованием слежения за кораблями и самолётами в Южной Атлантике и Индийском океане. Дитер знал не только об оборудовании и методике работы базы, но и о добываемых ею сведениях, в частности, обо всём, что становилось известно о деятельности и передвижениях советских надводных и подводных судов в Южном полушарии.

Но любая, даже самая ценная информация ничего не стоит, если она не будет своевременно передана по назначению. И здесь в дело вступала Рут.

Дитер и Рут носили конспиративные клички «Феликс» и «Лина». Все добываемые ими данные передавались «Линой» связникам ГРУ. И хотя они менялись, все они носили кличку «Боб». Они были не только профессионалами высокого класса, но и обаятельными людьми, внушившими Рут глубокое уважение и искреннюю любовь и к себе, и к разведке, которую они представляли. Не случайно, когда после долгих мытарств и курсов лечения у Рут родился сын, супруги назвали его Грегори, в честь своего кумира в Москве Григория, с которым

познакомились во время поездок в советскую столицу.

«Лина» отправлялась на встречи по нескольку раз в год, главным образом, под предлогом посещения своих родственников. Проводились они и на её родине, в Швейцарии, и на экзотическом Мадагаскаре, и в других странах.

Оборудование, которое впоследствии было выставлено в зале суда, доставлялось агентам разными сложными путями. Задания и инструкции они получали не только на встречах «Лины» со связниками, но и с помощью бытового коротковолнового радиоприёмника. К нему подключалось специальное записывающее устройство, работающее на нескольких скоростях. Когда «Лина» в назначенное время включала радиоприёмник, из эфира сначала доносился сигнал пароля, а затем в течение нескольких секунд раздавался визг. Записав его, Лина ставила кассету магнитофона на нужную небольшую скорость — теперь бессмысленный визг превращался в ясно различимые точки и тире азбуки Морзе, которые мог воспринять даже начинающий радист. Записав их, она доставала шифроблокнот. В нём под воздействием химических реактивов проявлялся текст. Теперь можно было приступать к дешифровке. Указания Центра всегда были короткими и ясными. Иногда в них содержалась благодарность за ценную информацию. Товарищи из Центра никогда не забывали поздравить с днём рождения, с праздниками. Как-то так получилось, что советские праздники стали таковыми и для «Феликса» с «Линой». Немало бы удивились южноафриканские друзья, увидев их отмечающими вдвоём за праздничным столом 7 ноября или 23 февраля!

Такому перерождению «Лины» немало способствовали и два её визита в Москву и Ленинград. Она на всю жизнь запомнила их — насыщенные до предела, радостные дни, полные дружеских встреч, увлекательных экскурсий, посещений Большого театра и театра кукол Образцова, Эрмитажа, Загорска, морское путешествие из Одессы в Сочи, пребывание в Крыму. Ощущение полного счастья — вот её главное впечатление от этих поездок.

Конечно, визиты были не только увеселительными. Многие часы «Феликс» и «Лина» проводили в беседах со своими руководителями.

Накануне нового, 1983 года Дитер отправился в США на краткосрочные курсы по управлению и бизнесу в городок Сиракузы близ Нью-Йорка. Как-то его приятель по курсам, Джимми, предложил съездить на уикенд в Нью-Йорк. Там в гостиничном номере Дитер был арестован.

Начались ежедневные, в течение одиннадцати дней, интенсивные допросы с применением угроз, психологического

воздействия, детектора лжи. Вначале Дитер считал, что он арестован без достаточных оснований, только в силу совершённых им незначительных ошибок, но вскоре ему ясно дали понять, что ЦРУ хорошо известно содержание его московского досье. Дитер не знал, что он выдан сотрудником ГРУ, предателем и изменником Поляковым, впоследствии понёсшим заслуженное наказание. Но сам факт того, что из высокочтимой им организации произошла утечка, которая привела его к провалу, деморализовал его.

К тому же не могли не повлиять и посулы: сотрудничество со следствием смягчает вину, и угрозы: жестоко расправиться не только с ним, но и с его женой и сыном. И Дитер не выдержал. Он стал давать развёрнутые показания о своей деятельности, даже выдал того связника — Николаева, с которым должен был встретиться на обратном пути из США в Цюрихе. Николаев был арестован.

В доме матери Рут был проведён обыск, при котором обнаружили и изъяли оставленные дочерью на хранение микроплёнки и фальшивые паспорта.

Рут тоже арестовали.

До суда, начавшегося в августе, Рут увидела мужа только один раз, когда из тюрьмы их отвезли домой, чтобы они присутствовали при обыске. Искали радиопередатчик, но безрезультатно. Им «Феликс» и «Лина» не пользовались.

26 января 1983 года Питер Бота, президент ЮАР, на конференции в Кейптауне с горечью объявил об аресте за шпионаж коммодора ВМФ ЮАР Дитера Герхардта. О том, что тот является его близким знакомым, он не упомянул.

Началось длительное следствие. В одном из его документов говорилось: «Ущерб, нанесённый Герхардтами, касался НАТО, британских морских вооружений, включая ракетные, французских ракетных систем „Экзосет“, не говоря уже о структуре военно-морской базы в Саймонстауне».

Конечно, пресса с возмущением писала о том, что для Дитера Герхардта не было секретов в ЮАР и что всего за месяц до ареста он участвовал в конфиденциальной встрече с министром обороны ФРГ Манфредом Вернером.

В йоханнесбургской газете «Санди стар» говорилось: «Информация, которую Дитер Герхардт передавал советским хозяевам, явилась одним из самых чувствительных ударов по Западу со времени начала „холодной войны“. Был выдан ряд самых важных военных и стратегических секретов ЮАР, Англии и НАТО. Для русских Герхардт был самым ценным шпионом после Кима Филби».

…Судья Джордж Мьюнник откашлялся, выпил воды из стоявшего перед ним стакана и, завершая чтение длинного приговора, произнёс:

— На основании изложенного Дитер Герхардт приговаривается к пожизненному тюремному заключению, Рут Герхардт — к десяти годам тюрьмы.

В зале суда наступила тишина, в которой явственно прозвучал голос Рут:

— Мой бедный ребёнок! Что теперь будет с Грегори?!

Из тюрьмы Рут была освобождена досрочно и вернулась к себе на родину, в Швейцарию.

В 1992 году, после опубликования в газете «Известия» статьи Б. Пиляцкина «Феликс и Лина», президент России Б. Н. Ельцин обратился к президенту ЮАР с просьбой о помиловании Д. Герхардта. Просьба была удовлетворена, и 27 августа 1992 года Дитер Герхардт вышел на свободу.

ОЛДРИЧ ЭЙМС (род. 1941)

Весенним апрельским днём 1985 года в калитку здания советского посольства в Вашингтоне позвонил неизвестный. Он вручил дежурному пакет, в котором находился ещё один запечатанный пакет, адресованный советскому резиденту. В нём неизвестный сообщал своё имя, а также прилагал сведения о двух завербованных американцами офицерах КГБ, и записку, где значилось: «$50 000 (ам. долларов)», то есть сумма, за которую он готов был и дальше передавать секретные сведения.

Так, по признанию самого Эймса, сделанному им американскому суду, которым 28 апреля 1994 года он был приговорён к пожизненному заключению, началось его сотрудничество с советской разведкой. Поскольку российские спецслужбы не дают никаких комментариев по делу Эймса, всё изложенное в этой статье основано на зарубежных публикациях.

Олдрич Хейзен Эймс родился в 1941 году в небольшом городке штата Висконсин. Его отец Карлтон Эймс в 1951 году стал сотрудником ЦРУ, и семейство переехало в Бирму, ставшую предметом внимания этой организации. После школы Рик (так его звали дома) поступил в Чикагский университет, но был исключён за то, что вместо занятий всё время проводил с околотеатральной богемой, мечтая стать актёром. Около года ничем не занимался.

По настоянию отца написал заявление о приёме на работу в ЦРУ. Там его, не имевшего высшего образования, определили на канцелярскую должность и лишь спустя пять лет, после окончания им вечернего отделения университета, направили на курсы подготовки оперативного состава. На этих курсах он встретил девушку Нэнси, тоже сотрудницу ЦРУ. Они решили пожениться, но после свадьбы ей пришлось уйти из ЦРУ — так требовали правила. А когда его в 1980 году направили в Мексику, она отказалась следовать за ним. С тех пор супруги жили раздельно.

В Мехико Рик познакомился с очаровательной Росарио, работавшей атташе по вопросам культуры в посольстве Колумбии. Хорошо образованная, милая и культурная девушка покорила сердце сорокалетнего цээрушника. Она тоже была платным агентом ЦРУ. В Эймсе её поразила его высокая культура, знание классической литературы, что нехарактерно для большинства американцев.

Они полюбили друг друга, решили жить вместе, но для Эймса это стало серьёзной проблемой: предстоял бракоразводный

процесс, решение имущественных проблем. Его финансовое положение оказалось плачевным, он влез в долги; и нередко стала появляться мысль о том, что он располагает богатейшим источником, из которого может черпать доходы. Эймс гнал от себя эту мысль, но она всё время возвращалась.

И ещё. У него было чувство нереализованности своих возможностей, постоянной недооценки его по службе. Он был блестящим аналитиком, а его пытались использовать как малопригодного оперативника-вербовщика. Сильным ударом по его самолюбию стал случай, когда он заглянул в досье своего любимого и уважаемого покойного отца. В нём стояло: «Карлтон Эймс не представляет никакой ценности для разведки и абсолютно бесперспективен». Этой обиды за отца он простить не мог.

Итак, Олдрич Эймс сделал свой выбор. Резонно может возникнуть вопрос, как он мог свободно, не боясь слежки, зайти в советское посольство, а на другой день и ещё много-много раз встречаться с советскими разведчиками? Дело в том, что этот визит и эти встречи были легальными — он занимал должность руководителя контрразведывательного подразделения советского отдела ЦРУ!

Эймс некоторое время работал «под крышей» посольства США в Анкаре, затем в центральном аппарате ЦРУ в Вашингтоне Будучи сотрудником советского отдела, неплохо изучил русский язык, имел прекрасную репутацию. Несколько лет жил в Нью-Йорке, где ему было поручено работать с советскими дипломатами, в частности с заместителем генсека ООН Шевченко, который сам предложил свои услуги американской разведке.

В 1985 году, когда Эймс стал советским агентом, он вновь оказался в Вашингтоне и по должности знал обо всех операциях против СССР и советской разведки, проводимых в любой стране мира. Он также принимал непосредственное участие в проверке агентов, заподозренных в связях с иностранными разведками.

С июня 1986 по июль 1989 года Эймс работал в Риме, где, по его собственному признанию, передавал советской разведке секретные документы целыми сумками.

После возвращения в Лэнгли (штаб-квартиру ЦРУ) Эймс был направлен в контрразведывательный отдел ЦРУ, то есть в то подразделение, которое было создано для защиты управления от внедрения туда агентов. Он получил должность в советском отделении аналитической группы Центра. Эймс писал научные работы об операциях КГБ, и советская разведка получила теперь возможность не только читать доклады ЦРУ, но и оказывать

влияние на содержание и выводы докладов ЦРУ о КГБ. Он имел доступ к строго секретным базам данных, содержавшим, помимо всего прочего, информацию по двойным агентам; мог просматривать секретные телефонные файлы. Как писал один американский автор, «для КГБ это было всё равно, что оформить подписку на новую совершенно секретную базу данных, называющуюся „Си-Ай-Эй онлайн“». Все детали оперативной работы Эймса в качестве советского агента вряд ли в ближайшем будущем станут известны. Однако американские источники утверждают, что Эймс помог сорвать ряд крупных операций американских спецслужб против СССР и России в период с 1985 по 1992 год. Одно из предъявленных Эймсу обвинений — «сдача» более десяти ценных агентов ЦРУ.

Какие же из них стали наиболее ощутимыми потерями для американских спецслужб?

Сергей Моторин, сотрудник КГБ, третий секретарь консульского отдела советского посольства в Вашингтоне. Он был завербован на связях с проститутками и торговых махинациях и передавал американцам сведения о сотрудниках и агентах КГБ в посольстве. В конце 1984 года Моторин вернулся в Москву, через полгода Эймс выдал его, и агент был обезврежен.

Адольф Толкачёв, сотрудник совершенно секретного НИИ, передал американцам, в частности, сведения о системе «свой — чужой». Завербован в Москве на «денежной» основе и неудовлетворённости служебным положением. Расстрелян 24 сентября 1986 года.

Валерий Мартынов, сотрудник КГБ, третий секретарь советского посольства в Вашингтоне. Был завербован совместно ФБР и ЦРУ. Отозван в Москву, судим и расстрелян 28 мая 1987 года.

Владимир Поташёв, специалист по проблемам разоружения, снабжал ЦРУ информацией, работая в Институте США и Канады. Арестован 1 июля 1986 года, осуждён к тринадцати годам лишения свободы. В 1992 году Ельцин амнистировал Поташёва, который уехал в Америку, где нынче и проживает.

Борис Южин, офицер КГБ, работавший «под крышей» ТАСС в Сан-Франциско. Был завербован в 1978 году. В 1986 году арестован в Москве и приговорён к пятнадцати годам лишения свободы. В 1992 году амнистирован Ельциным и ныне живёт в США.

И, наконец, Дмитрий Поляков, один из самых ценных агентов ЦРУ за всю историю Генштаба. В контакт с американцами по своей инициативе вступил в 1961 году. В течение ряда лет снабжал ЦРУ данными о советских стратегических ракетах. За

время работы на американцев выдал им девятнадцать советских разведчиков-нелегалов, более ста пятидесяти агентов из числа иностранных граждан, раскрыл принадлежность к ГРУ около полутора тысяч действующих офицеров разведки. Передал фотоплёнки документов, свидетельствовавших о глубоком расхождении позиций Китая и СССР, что помогло Никсону наладить отношения с Китаем в 1972 году. В 1971 году Поляков получил звание генерал-майора. В конце 1986 года его арестовали. При аресте были изъяты предметы шпионского оборудования. В начале 1988 года он был приговорён к расстрелу. Приговор приведён в исполнение 15 марта 1988 года, официально о его расстреле объявили в 1990 году. По словам директора ЦРУ Джеймса Вулси, из всех советских агентов, завербованных во времена «холодной войны», Поляков был «настоящим бриллиантом».

Сам Олдрич Эймс, по американской версии, попался на том, что его расходы значительно превосходили официальные доходы, например, он приобрёл три автомашины «ягуар» и т. д. Его разработка началась в 1990 году и завершилась арестом 21 февраля 1994 года и судом, как уже выше было сказано, вынесшим свой приговор 28 апреля того же года. Документально было доказано, что он получил от советской разведки не менее полутора миллионов долларов; большие суммы лежали на его счетах в банках.

Жена Эймса Росарио была приговорена к шестидесяти трём месяцам тюрьмы «за недоносительство».

Когда после вынесения приговора один из сотрудников ФБР задал Эймсу вопрос не для протокола: «Что бы вы сделали, если бы представилась возможность вернуться в прошлое и вновь встать перед выбором — ЦРУ или КГБ», — Эймс совершенно спокойно ответил: «Я бы повторил свой путь».

Часть VII
ПИСАТЕЛИ-РАЗВЕДЧИКИ

ДАНИЕЛЬ ДЕФО (1660–1731)

В широком смысле в понятие «разведка» входит не только то, что часто называют шпионажем, то есть добывание информации о реальном или потенциальном противнике. Среди её других направлений существуют так называемые «активные мероприятия» — акции по навязыванию противнику и общественному мнению своих взглядов, распространение фальшивой или направленной информации и т. д. Одним из мастеров этого вида разведки и был Даниель Дефо, автор знаменитого «Робинзона Крузо» и множества других, полузабытых и малоизвестных у нас, сочинений.

Его предки, фламандцы, носившие фамилию Де Фо, иммигрировали из Фландрии в Англию в конце XVI столетия. Отец будущего писателя, Джеймс, был членом гильдии мясников и владельцем свечного заводика. Приставка «де» к его фамилии оказалась лишней, и семья носила фамилию просто Фо. Даниель вернул эту приставку лишь в тридцатипятилетнем возрасте.

Он родился в 1660 году, в самом центре Лондона, Сити. Отец был протестантом-раскольником, и Даниель не изменил этой вере. Мы упоминаем об этом, так как ему пришлось претерпеть много довольно обоснованных обвинений в двуличии, лжи и переменчивости взглядов, но он повторял, что никогда не изменял своим истинным убеждениям. Однако, оставаясь формально раскольником, фактически он спорил с ними и покинул их ряды. Вот такая сложная натура.

После смерти матери, истинной англичанки, шестнадцатилетний Даниель оказывается в пансионе, а затем в духовной академии. Его соучеником был некий Тимоти Крузо, впоследствии видный протестантский проповедник, фамилию которого писатель дал своему герою много лет спустя, когда в пятидесятидевятилетнем возрасте написал свою главную книгу.

Выйдя из академии, Дефо знал французский, испанский и итальянский языки (позже ознакомился и со «славянским, помесью польского и московитского»), вооружился знанием философии, истории, географии и даже стенографии, но занялся, как и отец, торговлей. Он посетил Францию, Италию, Испанию и Португалию, побывал в руках у пиратов. В конце концов прогорел, брался за много дел, в том числе и за разведение мускусных кошек (их выделения используются в парфюмерии), но снова разорился. «Тринадцать раз становился богат и снова беден», — говорил о себе Дефо. В конце концов он попал в вечное услужение сильным мира сего. Обычным состоянием для него

стала подпольно-секретная жизнь и положение человека, неуважаемого в обществе. В одной из биографий он назван «торговцем, памфлетистом и шпионом».

Одно время Дефо был приближённым голландского принца Вильгельма Оранского, ставшего английским королём Вильямом III. Он воспрял, восстановил своё состояние, приобрёл влиятельного патрона Роберта Гарлея, министра двора. Но король, упав с лошади, разбился и умер. Его место заняла королева Анна. К этому времени Дефо стал автором двух политических памфлетов, написанных столь парадоксально, что не сразу можно было понять, против кого и за кого он выступает — против протестантов-раскольников или за них. На Дефо обрушились и раскольники, и правоверные протестанты. Ему пришлось полгода скрываться. В результате он был пойман и приговорён к позорному столбу. Казнь хоть и символическая, но опасная: голова и руки просунуты в колоды, прикреплённые к столбу, в несчастного кидают мусор, камни и нередко забивают до смерти. Три дня, 29, 30 и 31 июля 1703, года по несколько часов стоял Дефо на трёх лондонских площадях. Но он имел и сторонников, внимательно прочитавших памфлеты, к его ногам бросали цветы.

В это время и вмешался в дело лорд Гарлей. Он решил заполучить Дефо к себе в помощники. При его поддержке Дефо получил не только королевское помилование, но и дотацию. Дефо был нанят на службу, в его обязанности входило продвижение в печать взглядов правительства, независимо от того, каковы будут состав кабинета и его политическая линия.

В 1704 году стала выходить в свет собственная газета Дефо «Обозрение», которая просуществовала девять лет. Газета субсидировалась правительством, важную роль в котором играл лорд Гарлей. Формально он и Дефо принадлежали к разным лагерям. Лорд был «человеком Анны», то есть тори, консерватором. Дефо склонялся к вигам, либералам, представлявшим интересы буржуазии.

Дефо сохранял в своей газете относительную свободу. Он преподносил читателям то, что хотел лорд Гарлей, но так, как считал нужным он сам. Иногда казалось, что его высказывания не совпадают с интересами правительства, но это только на первый взгляд.

Осенью 1706 года Дефо получил от лорда Гарлея первое серьёзное задание. Он выехал в Эдинбург, столицу Шотландии, которая в то время была независимой страной. Дефо должен был разобраться в обстановке в стране и провести с помощью своей газеты те самые «активные мероприятия», о которых мы говорили

вначале.

Забегая вперёд, отметим, что всего с 1706 по 1714 год Дефо совершил семнадцать разведывательных поездок, что само по себе по тем временам, учитывая средства транспорта, состояние дорог и опасности, подстерегавшие путника, было немало.

Вот как сам Дефо сформулировал своё первое задание (из его письма к Гарлею):

1. Быть в курсе всего, что предпринимается различными группировками против нашей унии, и стараться помешать их попыткам.

2. Беседуя со здешними жителями, а также с помощью других доступных способов склонять сознание людей в пользу единения.

3. Опровергать в печати всякие выступления, порочащие идею союза, самих англичан, английский двор во всём, что касается того же союза.

4. Устранять всевозможные подозрения и беспокойства у людей относительно каких-то тайных происков против шотландской церкви.

В другом письме Гарлею Дефо сообщал уже о том, как он выполняет своё задание.

«Хотя я ещё и не могу поручиться за успех, — пишет он из Шотландии, — но, надеюсь, самый образ моих действий не заставит вас пожалеть, что вы облекли меня своим доверием, послав меня сюда. Свои первые шаги я совершил вполне удачно в том отношении, что никто меня и не подозревает в каких-либо английских связях. С пресвитерианами и раскольниками, с католиками и беззаконниками общаюсь я, мне кажется, с неизмеримой осмотрительностью. Льщу себя мыслью о том, что вы не станете осуждать моего поведения. У меня есть верные люди во всяком кругу. И вообще с каждым я говорю на подобающем языке. С купцами советуюсь, не завести ли мне здесь торговлю, как строятся тут корабли и т. п. От юриста мне нужен совет по части приобретения крупной недвижимости и земельного участка, поскольку я, видите ли, намерен перевезти сюда мою семью и жить здесь (вот на какие средства, бог ведает!). Сегодня вхож я в сношения с одним членом парламента по части стекольной промышленности, а завтра с другим говорю о добыче соли. С бунтовщиками из Глазго я рыботорговец, с абердинцами — шерстянщик, что же касается жителей Перта или западных областей, то мой интерес для них — полотно, а по существу разговора речь всё-таки сводится к унии, и будь я не я, но чего-нибудь всё-таки добьюсь».

В Шотландии не всегда было безопасно — однажды толпа на улице чуть не прибила его только потому, что услышала

английскую речь. Могло быть и хуже. Один из современников вспоминал: «Если бы только стало известно, что он шпионит, мы бы разорвали его на куски».

Дефо временно перенёс в Эдинбург издание своего «Обозрения», и оно выходило там по два-три раза в неделю. В нём Дефо, как единственный автор, выступал во всех жанрах — печатал стихи, очерки, статьи о пользе унии. Дефо выступал то под своим именем, то как Александр Голдсмит, он же Андре Моретон, он же Клод Гийо.

Весной 1707 года миссия Даниеля Дефо блестяще завершилась: парламент двух народов стал единым.

Министр Годольфин, подыскивая чиновников в таможенную службу Шотландии, предложил кандидатуру Дефо. Лорд Гарлей дал согласие, но самому Дефо посоветовал отказаться от неё и по-прежнему быть его специальным осведомителем.

Вскоре после возвращения Дефо из Шотландии в Лондон произошли перемены. Лорд Гарлей ушёл в отставку, и его сменил Годольфин. Дефо с облегчением думал о том, что «служба короне», которая его тяготила, на этом закончится. Но не тут-то было. Гарлей сказал, что Дефо должен остаться на своём посту. Выхода не было: он оставался в долговой кабале у правительства.

Годольфин представил Дефо королеве. Присягнув ей на верность, он снова отправился в Шотландию, где ему приказали следить за сторонниками короля Якова Стюарта, якобитами. Он начал выполнять свою миссию, а в Лондоне вернулся к власти Гарлей. Он снова выручил Дефо из тюрьмы, в которую тот попал в третий раз в 1713 году за неуплату долгов. Это случилось уже в Лондоне.

На другой день после освобождения Дефо вновь арестовывали, на этот раз по требованию российского посольства, на основании того, что в одной из статей он обозвал Петра I «сибирским медведем». Дефо вынужден был извиниться.

Дело было замято, но через неделю он вновь был арестован, да не по пустяку, а по обвинению в государственной измене. Он опубликовал в своей газете памфлеты «А что если королева умрёт?» и «Вдруг придёт претендент?» Они были расценены как подстрекательство к мятежу и попытку накликать смерть королевы Анны, которая действительно была больна.

Гарлей вновь заступился за Дефо. Но сам он в это время ждал кончины королевы и вёл двойную игру: как и все лица, близкие к трону, решал вопрос, на кого из возможных наследников делать ставку.

После смерти Анны и воцарения представителя Ганноверской династии Георга I (немца, не знавшего ни слова по-английски)

самого Гарлея бросили в Тауэр. И Даниель Дефо отдал ему свой долг, описав деяния Гарлея в трёх томах. Они содержали серьёзнейшие материалы, почерпнутые из секретных источников, историю министерских интриг, благородную роль Гарлея.

В 1717 году правительству из разных источников (возможно, и от Дефо) стало известно, что якобиты замышляют новое восстание, нити которого тянулись в шведское посольство. Шведский король тотчас стал мишенью враждебных выпадов со стороны англичан. Дефо предложил свой проект обуздания шведов, в том числе и их короля. За девять лет до этого, в 1708 году, Карл XII предал колесованию Ливонского дворянина Паткуля, агента Петра Великого. Дефо вспомнил об этом случае и с молниеносной быстротой написал памфлет, представлявший собой якобы оригинальный перевод брошюры некоего пастора, будто бы присутствовавшего при последних часах жизни Паткуля и его казни. Он был полон выпадов против Карла XII.

Шведский посол граф Юлленборг потребовал, чтобы распоясавшийся критик его монарха понёс суровое наказание. Но английские власти так и «не смогли» обнаружить его. Ещё в 1713 году газета «Обозрение» закрылась, и с этого времени Дефо якобы только редактировал журнал «Торговец», а в действительности писал полемические статьи в двадцати шести газетах и журналах самых разных направлений. Соответственно и его статьи носили противоречивый характер. В одной газете он излагал своё мнение, в другой нападал на него, в третьей издевался над автором второй статьи, в четвёртой… и т. д. Вот что он сам сообщал по этому поводу.

«Под видом переводчика иностранных новостей, — рассказывал Дефо заместителю нового государственного секретаря Сантерленду в письме от 26 апреля 1718 года, — я вошёл с санкции правительства в редакцию еженедельной газеты некоего господина Миста с тем, чтобы держать её под скрытым контролем, не давая ей возможности наносить какой-либо ущерб. Ни сам Мист, ни кто-либо из его сотрудников не догадывался, каково моё истинное направление… Благодаря такому же контролю, проводимому мной, и еженедельный „Дневник“ и „Дормерова почта“, а также „Политический Меркурий“, за вычетом отдельных промахов, считаясь печатными органами тори, на самом деле будут полностью обезврежены и лишены какой-либо возможности нанести ущерб правительству».

Однажды типография Миста подверглась набегу и обыску: искали оригинал опубликованного в газете антиправительственного письма, подписанного «Сэр Эндрю Политика». На допросе Мист присягнул, что письмо написано

Даниелем Дефо. Но об этом письме знал лорд Сандерленд от самого Дефо, и дело было замято. Мист, по заступничеству Дефо, был выпущен из тюрьмы. В дальнейшем Дефо ещё дважды спасал Миста от ареста.

Всё же, узнав об истинной роли Дефо, Натаниел Мист бросился на него с оружием. Тот отбился и даже ранил Миста. Однако был опозорен и отторгнут от журналистики и политики. Это случилось в 1719 году. К счастью для читающего человечества. Потому что в эту зиму Дефо за два месяца создал своего «Робинзона Крузо». Успех был колоссальным, и Дефо приступил к следующему произведению. Один за другом из-под него выходят романы, в том числе знаменитые «Моль Фландерс» и «Роксана», а также «Беспристрастная история Петра Алексеевича».

Несколько лет Дефо мирно жил в своём богатом доме, иногда ссорился с соседями (в суде рассматривался «иск Де Фо относительно убытка, нанесённого при попытке прелюбодеяния жеребца гнедой масти, принадлежащего означенному Де Фо, и бурой кобылки капитана Витта») и писал, писал…

Последние годы жизни писатель провёл если не в бедности, то в отчуждении. Желая избежать конфискации имущества за долги, он ушёл из дома, оставив всё детям.

Дефо умер 24 апреля 1731 года на семьдесят втором году жизни.

Среди его эпистолярного наследства уже в XX веке обнаружена неопубликованная и недатированная рукопись, имеющая прямое отношение к теме нашего рассказа и представляющая собою, вероятно, черновик письма на имя лорда Гарлея. В ней изложена схема организации в Англии секретной службы, благодаря которой королевские министры со всех концов страны могли бы получать надёжную информацию о том, как в данный момент различные города и графства относятся к правительству: у государственного секретаря должны быть списки всех дворянских и аристократических семей каждого графства; он должен иметь сведения относительно образа мыслей и нравственности служителей церкви и мировых судей в каждом приходе; у него должен быть список наиболее видных граждан каждого города и его окрестностей с тем, чтобы знать, за какую из партий готовы эти люди подать свой голос на выборах; он должен иметь таблицу, показывающую силу влияния каждой из партий в различных районах; наконец, государственный секретарь должен иметь постоянную осведомительную службу в Шотландии. Единственным способом получения такого рода сведений, по мысли Дефо, является сеть доверенных лиц,

охватывающая все части Великобритании.

ПЬЕР-ОГЮСТЕН БОМАРШЕ (1732–1799)

Великий драматург, автор «Женитьбы Фигаро» и «Севильского цирюльника», Бомарше больше половины своей жизни провёл в спекуляциях, распрях, публичных скандалах, дуэлях, арестах, тюремных заключениях, ссылке и любовных приключениях. О нём говорили, что он отравил трёх жён и даже сына, хотя в действительности ни одну из жён он не отравил, а умершего во младенчестве сына горячо любил.

Сын простого часовщика, Огюстен Карон пошёл по стопам отца, но талант позволил ему стать часовщиком короля. Даром времени он не терял, женился на вдове немного старше его, но богатой. На её деньги купил дворянское звание, имя Огюстен Карон де Бомарше и пост контролёра королевской кладовой. Одновременно он оказался преподавателем музыки и любимцем четырёх перезрелых дев — дочерей короля.

Участие в различного рода махинациях, а также зависть и ненависть к нему со стороны лиц близких ко двору (он написал «Мемуары», в которых разоблачил многих высокопоставленных особ, чем вызвал всеобщую любовь парижан) навлекли на него целый ряд неприятностей. Была запрещена постановка «Севильского цирюльника», дочери короля отказались от него, он очутился на скамье подсудимых с последующим фактическим лишением гражданских прав. Но этот приговор стал его триумфом, принц королевской крови Конти в тот же вечер закатил приём в его честь, а сотни видных парижан выразили ему своё сочувствие. Даже сам начальник французской полиции Сартин приехал поздравить его.

Его популярность, незаурядный ум и бедственное положение — он оказался в долгах — навели Сартина на мысль сделать его своим агентом. Правда, ещё до этого Бомарше выполнил тайное задание правительства.

Случилось так, что его сестра, жившая в Мадриде, стала жертвой обмана со стороны некоего сеньора Клавихо, который собирался на ней жениться, но не выполнил своего обещания. Чтобы помочь сестре, Бомарше отправился в Мадрид. Он быстро разобрался в деле, но в Мадриде задержался на два месяца. Казалось бы, кем он тогда был? Никому не известным дворянином сомнительного происхождения, часовщиком. Но его принял сам король Испании. Министр двора. Много позже выяснилось, что Бомарше обсуждал с ними вопросы не только о неприятностях своей сестры. Правда, король заставил сеньора Клавихо сделать предложение обманутой им

тридцатичетырёхлетней девице, но, по настоянию брата, она сама отказала «жениху». Не в этом дело. По поручению Людовика XV Бомарше беседовал с испанским королём о чём-то, что нельзя было доверить даже послу. Своё поручение Бомарше выполнил вполне успешно. Кроме того, в Мадриде Бомарше не только познакомился с английским послом графом и лордом Рошфором, но и стал его близким приятелем. Эта дружба ещё сыграет свою роль.

Но несчастный процесс снова сделал Бомарше никем. И навестив его, министр полиции Сартин, видимо, не без умысла — надо было «закрепить» будущего агента — посоветовал Бомарше немедленно уехать из Франции и добиваться пересмотра дела, в чём ему Сартин обещал помочь.

Так и произошло. В ту же ночь, 26 февраля 1774 года, Бомарше тайно бежал из Парижа, сначала в Гент, откуда послал письмо королю с просьбой об отмене приговора. Завершил его словами о том, что неразумно «выбрасывать из общества верноподданного, чьи таланты могут быть с пользой употреблены на пользу королю и государству». Из Гента Бомарше отправился в Лондон, куда прибыл 5 марта. И в тот же день (всего через неделю после вынесения приговора!) через посольство он получил извещение, что Людовик XV «безотлагательно ждёт его в Версале».

Первым заданием «государственной важности» было спасение «имиджа» любовницы Людовика XV мадам Дюбарри. Дело в том, что некий Моранд издал в Англии скандальный памфлет «Записки публичной женщины» о прошлом мадам Дюбарри и собирался ввезти его во Францию. Обстановка была такой, что это угрожало не только самой Дюбарри, но и стабильности в стране. Лондон к этому времени стал прибежищем многих противников короля, и там в большом количестве издавались и распространялись различные памфлеты, например: «Жизнь одной куртизанки на французском троне», «Как потаскуха становится любовницей короля» и другие. Но Моранд был талантливее и злее других, и король боялся именно его.

Бомарше с блеском выполнил задание. Он, правда, с помощью больших денег, сумел уговорить Моранда не только отказаться от своего намерения, но и передать Бомарше все печатные экземпляры памфлета и даже саму рукопись. Три тысячи экземпляров «Мемуаров публичной женщины» были сожжены в печи для обжига извести в присутствии Бомарше и его друга Гюдена. Более того, как истинный разведчик, Бомарше сумел завербовать Моранда. Вот что он докладывал королю: «Я оставил в Лондоне своим политическим шпионом автора одного

из пасквилей. Он будет предупреждать меня обо всех затеях подобного рода, готовящихся в Лондоне. Это пронырливый браконьер, из которого мне удалось сделать отличного егеря. Под предлогом порученных ему мною литературных изысканий… можно будет, прикрывая истинные мотивы, выплачивать ему скромное жалование за шпионаж и тайные донесения о вышеупомянутых пасквилях. Этот человек будет обязан собирать сведения о всех французах, прибывающих в Лондон, сообщать мне имена и дела их привлёкшие… Его тайные сообщения могут затрагивать также бесконечное множество других политических дел, и благодаря выдержкам, секретно пересылаемым мною, король всегда будет в курсе событий». Карон Бомарше подписался именем «Ронак».

Но помимо жалкого памфлетиста Моранда в Лондоне имелись и более значительные персоны. Вот тут-то и пригодилась Бомарше дружба с графом Рошфором, который стал государственным министром. Бомарше восстановил с ним близкие отношения. Вот отрывок из другого письма Бомарше: «Более того, я договорился с лордом Рошфором, что он… обеспечит мне в полном секрете… все средства, чтобы удушить эти писания в зародыше. При сём он выдвинул единственное условие: всё сказанное и сделанное им в связи с этим не должно рассматриваться как сделанное министром и не должно стать известным никому, кроме меня и его величества». В дальнейшем Рошфор оказал Франции и другие услуги. Следует заметить, что интересы Бомарше в Лондоне не ограничивались только охотой за авторами памфлетов. Об этом свидетельствует ещё одно письмо Бомарше королю, в котором, между прочим, говорится: «…есть и другие стороны, касающиеся короля, но их нельзя доверить бумаге. Я должен сообщить об этом вашему величеству с глазу на глаз». Но о чём шла речь, навсегда осталось тайной. Бомарше не удалось поговорить с королём.

По возвращении в Париж Бомарше ожидал заслуженной награды — восстановления в гражданских правах. Но в день его прибытия из Лондона, 9 мая 1774 года, Людовик XV внезапно умер, и мечты Бомарше не сбылись.

Новый король, Людовик XVI, снова направил его в Лондон. На этот раз объектом внимания «господина Ронака» стал некий Аткинсон, именовавший себя также Анжелуччи. Он стал автором «Предуведомления», сочинения, в котором доказывались права «испанской ветви на французскую корону». Бомарше удалось убедить Аткинсона уничтожить изданные в Лондоне и Амстердаме восемь тысяч экземпляров «Предуведомления», но с рукописью Аткинсон удрал от него в Нюрнберг. Началась погоня,

достойная описания в приключенческом романе: тут и нападение разбойников, и суд, и плавание по Дунаю, и встреча с австрийской императрицей, и месячное пребывание под арестом в Вене. Настичь Аткинсона так и не удалось, но скорее всего он отказался от издания памфлета.

В апреле 1775 года Бомарше вновь прибыл в Лондон, чтобы заткнуть рот двум «писакам»: даме по фамилии Кампаньоль и монаху-расстриге Виньолю, авторам пасквилей на короля Людовика XVI. В этом деле ему помог Рошфор. Покончив с «писаками», Бомарше занялся, по его словам, «более благородными делами». На этот раз он уже выступил под своим именем. Вот что он писал королю: «…я пустился в изучение вопросов, которое приносит куда больше удовлетворения, поскольку моё имя, и только оно, ввело меня в круг людей, принадлежащих к самым разным партиям, и таким образом мне удалось из первых рук узнать всё, что касается правительства и нынешнего положения в Англии». Далее он излагает полученные им сведения.

В это время Бомарше получил новое задание. В Лондоне действовал авантюрист (или авантюристка?) шевалье д'Эон. У д'Эона в руках оказались документы, которыми он шантажировал французское правительство, — письма французского короля, каждое из которых являлось свидетельством его враждебных намерений по отношению к Англии и планов высадки десанта на британском побережье. И хотя Людовик XV уже умер, эти планы, получи они огласку, легко могли вызвать войну между Англией и Францией. Бомарше должен был этого не допустить.

Оба изрядные авантюристы и проходимцы, д'Эон и Бомарше быстро нашли общий язык. Действуя подкупом, лестью, обещаниями, Бомарше сумел отговорить д'Эона от его плана опубликовать злополучные письма. «Стороны» даже подписали договор: «Мы, нижеподписавшиеся, Пьер-Огюстен Карон де Бомарше, специальный посланец короля Франции, и барышня Шарль-Женевьева-Луиза-Огюста-Андре-Тимоте д'Эон де Бомон, старшая дочь и т. д.».

Там же, в Англии, Бомарше с помощью д'Эона вошёл в кружок, членом которого был представитель американских колоний в Лондоне Артур Ли. Бомарше подружился с Артуром Ли, что имело далекоидущие последствия.

Это был период борьбы американского народа за независимость. Правящие круги Франции открыто симпатизировали мятежникам, восставшим против британского владычества. Дружба Бомарше с Ли соответствовала планам французского правительства. Бомарше организовал фиктивную

фирму «Родерика Орталеза и К°» и принял активное участие в её работе. Через эту фирму шло снабжение американских войск оружием и боеприпасами. И хотя англичане знали об этом, они не могли предъявить официальных претензий французским властям, так как фирма была частной, и лишь Огюстен Карон де Бомарше отвечал за её деятельность.

Всё это дело считалось секретным. Но Бомарше не был бы Бомарше, если бы и из него не устроил спектакля. Когда первые транспорты с оружием должны были «в глубокой тайне» отплыть из Бордо, он привёз туда театральную труппу и с большой помпой отметил это событие. Коронным номером праздника стала постановка знаменитой комедии «Женитьба Фигаро».

Бомарше пережил ещё множество интересных событий, увлекательных приключений, но уже не в качестве разведчика или тайного агента. Поэтому останавливаться на них мы не будем. Упомянем только тот малоизвестный факт, что последние месяцы своей жизни он посвятил авиации и аэронавтике. Он писал: «Одна из самых величественных идей науки… это безусловно подъём тяжёлых тел в лёгкой воздушной среде…»

Скончавшись 18 мая 1799 года, Бомарше оставил близким около двухсот тысяч франков, сумму для того времени весьма внушительную, не считая недвижимости и долговых расписок.

ШАРЛЬ ЛЮСЬЕТО (ум. 1932)

Есть разведчики, вся жизнь которых — подвиг, и о похождениях которых можно написать целые тома. Есть же такие, которые совершили только одну разведывательную акцию, но по своей важности и значению она достойна занесения в анналы разведки. К их числу можно отнести и Шарля Люсьето, французского патриота, офицера времён Первой мировой войны, автора шпионских романов.

Уроженец Эльзаса, Шарль превосходно знал немецкий язык, да и внешностью скорее походил на немца, чем на француза. Когда началась война, он, инженер по образованию, был призван в армию и зачислен в контрразведку. Но начальство скоро заметило в нём задатки разведчика, и его судьба круто изменилась. Вместо того чтобы вылавливать вражеских лазутчиков, он сам должен был выполнять задания в неприятельском тылу.

Под видом немца его направили изучать производство боеприпасов, сосредоточенное в промышленной зоне Рейнской области. Люсьето собрал подробные данные об огромном заводе Круппа в Эссене. Это был, по существу, надёжно охраняемый город, где изготовлялись тяжёлые орудия, снаряды к ним, шрапнель и другие военные изделия. Все собранные материалы, планы и чертежи Люсьето успешно переправил во Францию. И хотя в его задачи не входило изучение Баденского анилинового завода и содового завода в Мангейме, он, на всякий случай, завёл полезные знакомства и там.

22 апреля 1915 года разыгралась драма на реке Ипр в Бельгии — германское командование впервые применило новинку — удушливые газы. Первым из них был хлор: газ выпускался из металлических резервуаров, тайно доставленных на фронт. Следует, однако, заметить, что применение немцами газов не должно было бы стать для союзников чем-то неожиданным. И от разведки, и из других источников они получили немало заслуживающих доверия сообщений о предстоящих немецких газовых атаках. Но лишь генерал Ферри, командовавший 11-й дивизией, единственный из французских военачальников, отнёсся к этим сообщениям со всей серьёзностью и предупредил об опасности расположившиеся рядом части англичан. У немца-дезертира, сдавшегося близ Лангемарка 13 апреля, был найден примитивный противогаз. По словам дезертира, такой противогаз выдавался каждому солдату, который должен был идти в бой. Но, как это часто бывает, высшее

командование объявило Ферри о своём недовольстве, вызванном особенно тем, что он предупредил англичан самолично, вместо того чтобы делать это по всем правилам, то есть через ставку генерала Жоффра. И даже после первой германской успешной газовой атаки, которой и само немецкое командование побаивалось, Ферри всё же подвергся наказанию: его сместили за то, что он был прав.

В результате газовой атаки две французские дивизии дрогнули и отступили, из-за чего фланг канадцев «повис в воздухе». Однако канадцы и англичане сумели всё же удержать фронт.

С опозданием, но войскам были розданы первые образцы противогазов. Дальнейшие попытки газовой атаки обратились против самих же немцев. Они не учли того, что во Фландрии господствуют ветры западных и юго-западных направлений. Внезапно переменившееся направление ветра привело к тому, что газовый туман понёсся на атакующих немцев, и сотни кайзеровских солдат погибли.

Стало ясно, что немцы будут искать другие способы применения газов. С целью разузнать о них Люсьето был вторично переброшен через линию фронта. Посетив Мангейм и восстановив свои связи, он узнал, что газы производятся именно там, но наполнение газом мелких резервуаров осуществляется в другом месте. Наблюдая за железной дорогой, он установил, что с крупных химических заводов уходит множество железнодорожных цистерн. Куда и зачем? Ему удалось выяснить, что они перегоняются на заводы Круппа в Эссен. Пришлось пробираться туда, хотя было известно, что нигде немецкая контрразведка не работает так успешно, как в районе заводов Круппа. Исполняя роль контуженного на фронте и получившего отпуск немецкого солдата, Люсьето часами просиживал в кафе, где мастера и механики крупповских заводов проводили свой досуг. Он угощал их пивом и сумел кое-что разузнать из их разговоров. Там же, в кафе, он подружился с пожилым полицейским, служившим в охране завода. Тот нудно и скучно часами мог рассказывать о своей семье, о похождениях в молодости, о положении на фронтах. Молчаливый Люсьето оказался прекрасным собеседником, так как никогда не перебивал его.

Люсьето повезло. Однажды полицейский рассказал о готовящемся удивительном эксперименте с газовыми снарядами. «Отравляющие газы в снарядах? — воскликнул Люсьето. — Из обыкновенного полевого орудия? Это немыслимо!»

Но полицейский стоял на своём, утверждая, что в снарядах

может содержаться газ, что вскоре орудия будут стрелять этими газовыми снарядами, и что он может доказать это. Люсьето поспорил с ним на две тысячи марок, и полицейский захватил его на официальное испытание удивительных снарядов.

Они отыскали для себя укромный, но удобный наблюдательный пункт на полигоне и стали свидетелями того, как на боевые позиции подкатило несколько автомобилей, из которых вышли сам кайзер Вильгельм, члены его штаба и другие важные лица.

Для производства опытов подготовили 77-миллиметровое полевое орудие и тяжёлую морскую пушку. В качестве объекта избрали стадо овец, пасшихся примерно на расстоянии тысячи двухсот метров. Первым выстрелило полевое орудие. Его снаряд разорвался с шипением, совсем не похожим на обычный разрыв. Затем выстрелило морское орудие. Ни один из снарядов не попал прямо в стадо, но после каждого выстрела поднималось облачко жёлто-зелёного дыма, и его несло ветром прямо на стадо. Когда дым рассеялся, на том месте, где оно находилось, не осталось ничего живого.

И полицейский, и «контуженый солдат» выразили свои восторги по поводу увиденного и надежду на то, что таким образом Германская империя выиграет войну. Особенно радовался полицейский, положивший в карман честно выигранные деньги.

Но Люсьето на этом не остановился. Ему захотелось приобрести сувенир — осколок одного из снарядов. Полицейский сам вызвался сходить на поле и доставил просимое.

Одному ему известными путями Люсьето сумел пересечь линию фронта и уже через три дня представил осколок в Париже своим начальникам. Он был отправлен на экспертизу в химическую лабораторию знаменитого химика Эдмона Бейля, который установил, что снаряды начинены фосгеном и хлороформиатом трихлорметила — удушающим газом.

Тогда же было признано необходимым немедленно сконструировать усовершенствованный противогаз. Одновременно англичане и французы тоже занялись массовым изготовлением газовых бомб и снарядов.

Люсьето выполнил ещё несколько секретных заданий в немецком тылу и ни разу не был пойман и изобличён немцами. После окончания войны Люсьето занялся литературой. Он стал создателем серии «Война мозгов», целиком посвящённой шпионажу. Только в 1928–1932 годах выпустил такие книги, как «Красная дева Кремля», «На специальных заданиях», «Преданные врагу», «„Чёрный дьявол“ (контрразведка в Бельгии во время

войны)», «Шпион кайзера», «Разведчица в кровавых руках», «Стая волков».

Люсьето выдумал персонаж по имени Жан Никто, в известной степени двойника автора. Помимо творческой фантазии, в произведениях Люсьето содержалась информация исключительной точности не только о прошедшей мировой войне, но и включающая описание проводимых в 1930-е годы операций как немецкой, так и советской разведок. Фотографии, карты и схемы организаций очень точны и наводят на мысль, что автор мог получить их только из хорошо информированного источника, скорее всего из разведслужбы. Не случайно и то, что его работы печатало издательство «Берже-Левро», обычно публикующее работы сотрудников Второго бюро (французской разведки).

В своих книгах Люсьето не скрывает дружеских отношений с шефом французской разведки. Таким лицом действительно был полковник Ленэ, глава разведки с 1928 по 1932 год, специалист контрразведки, особенно по делам, касающимся СССР.

В 1932 году Шарль Люсьето объявил о выходе следующей книги под названием «Архивы ЧК». Но вскоре неожиданно умер.

УИЛЬЯМ СОМЕРСЕТ МОЭМ (1874–1965)

Этот замечательный писатель прожил большую девяностооднолетнюю жизнь. Всё рассказать о нём невозможно, да и не входит в наши задачи. Поэтому мы коснёмся лишь основных вех его жизненной и творческой биографии, сосредоточив внимание на тех недолгих годах, когда он был сотрудником британской разведки, выполняя её задания в Швейцарии и России.

Уильям Сомерсет Моэм родился 25 января 1874 года в Париже, став четвёртым сыном Эдит и Роберта Ормонда Моэма, адвоката, работавшего в английском посольстве. Когда мальчику исполнилось восемь лет, от туберкулёза умерла мать. Через два года, в июне 1884 года, от рака скончался отец, оставив в наследство менее пяти тысяч фунтов стерлингов для своих пяти сыновей. Сомерсета взял к себе в Англию его дядя Генри, викарий церкви Всех Святых в местечке Вайтстэбл в графстве Кент. Мальчик поступил в школу, тяжело заболел плевритом и в пятнадцать лет вынужден был оставить её для лечения на юге Франции.

В 1890 году Сомерсет стал студентом Гейдельбергского университета в Германии. Вернувшись через два года в Англию, предпочёл изучать медицину в госпитале Сент-Томас в Лондоне.

В 1897 году вышел в свет первый роман Моэма, затем они стали печататься ежегодно; некоторое время спустя на лондонской сцене появились и его пьесы. Этот период его жизни был насыщен путешествиями, любовными интригами, связями как с женщинами, так и с мужчинами, огромной творческой активностью.

После начала Первой мировой войны Моэм был зачислен в медицинское подразделение во Франции в качестве добровольца Красного Креста, но уже в 1915 году его взяли в британскую разведку. Его служба в ней была непродолжительной и ничем не примечательной (до его поездки в Россию). Он какое-то время находился в Швейцарии, где нашёл «жизнь шпиона неудовлетворительной, совершенно не похожей на то, как её обычно изображают». Однако именно там Моэм отыскал своего героя Ашендена — по существу себя самого, — который стал главным действующим лицом одноимённого романа и других «шпионских» произведений.

Эти произведения Моэма были настолько близки к жизни, что он уничтожил четырнадцать из них, не опубликовав, после того, как Уинстон Черчилль просмотрел рукописи и сказал ему, что он

нарушает «Акт о государственной тайне».

Первым заданием Моэма в Швейцарии было провести расследование деятельности некоего англичанина в Люцерне, женой которого была немка. Затем ему было предложено отправиться в Женеву, причём его начальник предупреждал: «Если вы всё сделаете хорошо, вы не получите благодарности, а если попадёте в неприятности, мы вам не поможем». В Женеве Моэм остановился в отеле «Бо Риваж», где, как он писал, «жили и другие шпионы». Моэм исполнял обязанности связника — получал донесения от агентов и переправлял их во Францию, делал работу, по его признанию, «монотонную и бесполезную».

Каждую неделю он пересекал Женевское озеро, чтобы передать свои донесения и получить инструкции. Он понимал, что нарушает швейцарский нейтралитет, и боялся, что его арестуют. Одновременно он спешно писал пьесу, опасаясь, что если будет арестован, то его лишат бумаги и чернил.

Около года он находился в Швейцарии по заданию разведки. Там он познакомился с другими писателями, привлечёнными к работе английскими спецслужбами, — Маккензи, Кноблоком, Джеральдом Келли.

Как-то раз к Моэму в отель явились швейцарские полицейские и спросили, чем он занимается. Он ответил, что пишет пьесу. «Почему в Женеве?» — «В Англии слишком шумно», — ответил Сомерсет. Его оставили в покое.

У него были проблемы с агентами, один из которых требовал повышения платы и угрожал выдать его местным властям, другой продавал информацию немцам. Были и разочарования, когда он узнавал, что его длинные рапорты никто не читает. Он участвовал в попытке арестовать индийца, антибританского агитатора, но тот во избежание ареста покончил жизнь самоубийством.

Летом 1916 года Моэм попросился в отставку и вернулся в Лондон. Его отпустили при условии, что при необходимости он вновь будет призван. В 1916 году он возобновил свои путешествия. Побывал и на Гавайских островах, и на Таити, и в Самоа, и в Соединённых Штатах, где продолжал активно работать над своими романами и пьесами. 26 мая 1917 года в городе Джерси Сити, США, он вступил в брак со своей возлюбленной Сири, которая уже имела от него дочь.

Сразу же после этого он получил предложение от представителя «Интеллидженс сервис» в США Уильямса Уизмена направиться в Россию, где происходили бурные революционные события, с целью, как он сам с юмором отмечает в своих записных книжках, «предотвратить революцию». Он должен был «поддерживать меньшевиков против большевиков, выступавших

за мир, и удержать Россию в состоянии войны с немцами».

Моэм колебался. Он страдал болезнью лёгких, не знал русского языка, сомневался, сможет ли выполнить такую серьёзную миссию. Но его неудержимо тянуло в страну Толстого, Тургенева, Достоевского, которыми он восхищался.

Моэм дал согласие. Его псевдонимом стал «Сомервиль», имя одного из героев «Ашендена». Все действующие лица российской революции получили такие клички: Керенский — «Лэйн», Ленин — «Дэвис», Троцкий — «Коул», а английское правительство — «Эйре и К°».

Моэма беспокоил денежный вопрос. Он писал Уизмену: «…В Швейцарии я был единственным, кто работал, отказавшись от денег… позднее я выяснил, что мой поступок расценили не как проявление патриотизма, а как проявление глупости…»

18 июля 1917 года Моэм получил двадцать одну тысячу долларов в качестве жалования и для финансирования меньшевиков, а 28 июля он отплыл из Сан-Франциско во Владивосток. Оттуда через всю Россию проехал на транссибирском экспрессе. Вместе с ним ехали четыре чеха, направленные в Россию с аналогичным заданием — удержать её в войне.

В Петрограде Моэм разместился в отеле «Европа». Британское консульство было предупреждено телеграммой: «М-р В. Сомерсет Моэм направляется в Россию с секретной миссией освещать американской публике определённые фазы российской революции. Просим предоставить ему возможность пользоваться линией связи с Британским консульством в Нью-Йорке». Английский посол сэр Джордж Бьюкенен снабдил Моэма личным кодом, хотя и был взбешён тем, что будет вынужден отправлять телеграммы, с содержанием которых не ознакомлен. Моэма он воспринял как непрошеного гостя, который лезет не в свои дела, и практически отказался сотрудничать с ним.

Помощь Сомерсету пришла с неожиданной стороны. Он встретил Сашу Кропоткину, дочь знаменитого анархиста, князя Кропоткина, с которой познакомился ещё в Лондоне и иногда переписывался и даже дал её словесный портрет в одной из историй об Ашендене. Саша была знакома с членами кабинета Керенского и вызвалась быть помощницей и переводчицей Моэма.

На основании информации, полученной от чешских друзей, Моэм составил свой первый доклад. Он был пессимистичен. Армия находилась в состоянии мятежа, страна на грани голода, у правительства Керенского положение шаткое. Приближалась зима, а топлива не было. Большевики вели агитацию, Ленин скрывался где-то в Петрограде.

С помощью Саши Моэм познакомился с Керенским и несколько раз встречался с ним — в ресторанах, в доме Саши, в его офисе. Впечатление о нём вынес грустное: изнурённый человек, подавленный властью, неспособный действовать и всего боящийся.

Гораздо больше Моэму понравился эсер Борис Савинков, военный министр Временного правительства, который заявил ему: «Или Ленин поставит меня к стенке, или я его!»

Моэм присутствовал на Демократическом совещании в Александрийском театре, где выступал Керенский с оптимистической речью. Сомерсет не разделил его энтузиазма. Из своих источников он знал, что немцы наступают, русская армия разваливается, флот бездействует, а солдаты убивают офицеров.

24 сентября 1917 года Уизмен направил в Форин Офис шифрограмму, в которой говорилось:

«Я получил интересную телеграмму от Моэма из Петрограда:

(A) Он послал агента в Стокгольм и в Финляндию для сбора информации, который сообщает о секретной договорённости между Финляндией и Швецией о присоединении к Германии с целью захвата Петрограда.

(B) Правительство ежедневно меняет своё мнение о переезде в Москву, чтобы избежать максималистов. Моэм надеется послать агента на митинг максималистов.

(C) Керенский теряет популярность, и сомнительно, чтобы он удержался.

(D) Убийства офицеров продолжаются. Казаки планируют мятеж.

(E) Сепаратного мира не будет, но будет хаос и пассивное неповиновение на русском фронте.

(F) Моэм спрашивает, может ли он работать с офицером британской разведки в Петрограде, чтобы помогать друг другу и избегать путаницы. Я не вижу препятствий этому…

(G) Я считаю, что Моэму для безопасности следует хранить свои шифры и бумаги в посольстве. Он очень благоразумен и не скомпрометирует их, может быть полезен, и я уверен, вскоре он будет иметь хорошую организацию. В любом случае я сообщу ему, что вы заинтересованы в его информации».

16 октября Моэм сообщил, что Керенский теряет доверие и вряд ли устоит. Моэм настаивал на полной поддержке меньшевиков и составил программу променьшевистского шпионажа и пропаганды, которые, по его оценке, обошлись бы в пятьдесят тысяч долларов в год.

18 октября Керенский пригласил Моэма и ознакомил его с посланием для британского премьер-министра Ллойд-Джорджа,

настолько секретным, что оно даже не было записано на бумаге. Керенский попросил Моэма немедленно отправиться в Лондон и лично передать его адресату. Смысл послания заключался в том, что Керенский не продержится, если не будет снабжён союзниками оружием и боеприпасами. Он также просит заменить английского посла.

В тот же день Моэм отправился в Норвегию, а оттуда на британском миноносце в Шотландию. Прибыв в Лондон, он на следующее же утро был приглашён к премьер-министру. Тот принял Моэма любезно и выразил восхищение его пьесами. Но Моэм спешил и, почти прервав его, передал текст послания, которое он, уже прибыв в Англию, изложил в виде рапорта на листе бумаги. Прочтя его, Ллойд-Джордж сказал: «Я не могу сделать этого». «Что я должен передать Керенскому?» — спросил Моэм. «Просто, что я не могу сделать этого». Прервав разговор, премьер-министр извинился и сказал, что он должен идти на заседание кабинета министров.

Возвратившись в свой отель, Моэм размышлял о том, как снова вернуться в Россию. Но события изменили его планы. 7 ноября 1917 года Керенский был свергнут, и большевики захватили власть. 18 ноября 1917 года сэр Эрик Друммонд, личный секретарь министра иностранных дел, написал на рапорте Моэма на имя Ллойд-Джорджа: «Боюсь, что теперь это представляет лишь исторический интерес». Моэм, однако, полагал, что если бы он начал действовать на полгода раньше, то добился бы успеха. Он, не понимая, что устоять против поступи истории невозможно, чувствовал себя в известной степени виновным в том, что большевики победили.

Несмотря на провал своей миссии, Моэм был доволен тем, что набрал много материала для рассказов об Ашендене. Два с половиной месяца, проведённые в России, плохо сказались на здоровье Сомерсета. У него были замечены признаки туберкулёза. Возвращение в Россию стало немыслимым, тем более после свержения Керенского.

Как-то раз его пригласили на Даунинг-стрит. С ним беседовали какой-то важный господин и Уильям Уизмен, его шеф. Моэм передал им свой отчёт о пребывании в России. Когда они ознакомились с отчётом, Сомерсет спросил, не планируют ли его вновь направить в Россию. «Нет, — был ответ. — Сейчас для нас главное удержать Румынию».

Туда ему ехать не хотелось. «У меня туберкулёз», — пробормотал он. «Ну вот и хорошо, — ответил один из начальников. — Езжайте в санаторий и скорее выздоравливайте». Так закончилась разведывательная служба Моэма.

Он прожил ещё сорок восемь лет, но больше никогда в разведку не возвращался.

ДЖОН ЛЕ КАРРЕ (род. 1931)

Ле Карре, настоящее имя которого Дэвид Джон Мур Корнуэлл, родился в Пуле, графство Дорсет, в 1931 году. Брак его родителей Рональда и Оливы закончился уходом матери из дома, когда сыну было шесть лет. Эта травма повлияла на его отношении к женщинам. Он целиком находился под влиянием отца, очаровательного и беззаботного человека, который, будучи большим фантазёром, чтобы не сказать лгунишкой, в таком же духе воспитывал сына. Окончив среднюю школу, Дэвид поступил в Бернский университет для изучения немецкого языка. Он провёл там девять месяцев, ничем не занимаясь. Там же произошёл его первый контакт с секретной службой, который он описал в одном из своих романов. Эта встреча стала для него судьбоносной.

В 1949 году, вернувшись из Берна, Дэвид Корнуэлл был призван в армию. Служба проходила в «разведывательном корпусе» в Австрии, где он работал, по его собственному признанию, «в находящемся в упадке подразделении, которое пыталось выпытывать секреты, допрашивая лиц, перешедших чехословацкую границу». Это было время перехода от «горячей» к «холодной войне». Дэвид принадлежал к поколению английских писателей, политические взгляды которых формировались в этот период. Он вспоминал о шокирующей стремительности этих событий: «Это было, как если бы стволы орудий внезапно развернулись в противоположную сторону». И приводил пример: «С тех пор, как горячая война превратилась в холодную, а затем в разрядку, мы прошли через безумный идеологический разворот событий: те, кто в 1945-м бомбил Берлин, навели в него в 1948 году „воздушный мост“».

Отслужив в армии, Дэвид Корнуэлл в 1952 году поступил в Линкольн-колледж, в Оксфорде, где вновь стал изучать немецкий язык. Обучаясь в колледже, он продолжал поддерживать связь со спецслужбами, на этот раз составляя доносы на левацки настроенных активистов из числа студентов. Он делал это вполне сознательно, находя поведение и идеологию левых деморализующей и зловредной.

После окончания второго курса, в 1954 году, Дэвид был вынужден бросить учёбу, так как отец окончательно разорился и был объявлен банкротом. Проработав учителем, Дэвид снова вернулся в колледж в 1956 году и тогда же женился. В 1958 году он снова бросил учёбу. «Я сделал это, так как видел себя вовлечённым в социальную войну». Он чувствовал себя

ущемлённым, при нём рушилась и погибала Британская империя, правившая миром. «Всё ушло, ничего не осталось, прощай, мир», — таковы были его настроения в это время.

Ещё учась в колледже, Дэвид попытался поступить в Форин Офис. Пройдя бюрократические препоны, он добился своего. Его первой должностью в Бонне стала служба по линии британской разведки МИ-5, которой руководил Максвелл Найт, известный своей операцией по проникновению в английскую компартию в период между двумя мировыми войнами.

Сам Корнуэлл (уже будучи писателем Ле Карре) отрицал, что он был «шпионом». Но это подтверждается авторитетными британскими справочниками. Кроме того, такой специалист, как бывший начальник ЦРУ Уильям Колби, находит, что романы Ле Карре весьма точно отражают разведывательную действительность, и так написать мог только профессионал. В справочнике «Бывшие британские разведчики» прямо указывается, что из МИ-5 Ле Карре перешёл в СИС, и что он был направлен на разведывательные курсы в лагерь Саррат-лейк в Шотландии, где прошёл соответствующую подготовку.

Летом 1961 года Дэвид Корнуэлл был назначен вторым секретарём британского посольства в Бонне. Он находился там, когда была воздвигнута Берлинская стена, часто ездил в Берлин по служебным делам и описал это в романе «Шпион, пришедший из холода».

Дэвид Корнуэлл стал писателем. Но будучи служащим Форин Офиса, не имел права публиковаться под своим именем и в 1961 году начал писать под псевдонимом «Чанк Спит», а затем принял ставшее знаменитым имя Ле Карре. Его первый роман «Зов к мёртвым» остался незамеченным публикой и критикой, вторая книга «Квалифицированный убийца» вышла в свет в 1962 году и тоже не имела успеха, и только третья, «Шпион, пришедший из холода», ставшая бестселлером, принесла ему известность.

О нём начали писать газеты, как о человеке, «вывернувшем наизнанку досье Европы», авторе «документальных шпионских историй», отмечали, что только человек, знающий о шпионаже «из первых рук», мог так написать.

Таинственный псевдоним автора вызвал спекуляции в прессе, его книги стали расходиться огромными тиражами — в 1963 году за две недели в США были проданы семьдесят тысяч экземпляров его произведений.

В 1964 году Ле Карре уходит в отставку из Форин Офиса. Книга «Шпион, пришедший из холода» получает премию Британского криминального романа и ещё более престижную премию Сомерсета Моэма.

Он получает пятьдесят тысяч фунтов стерлингов (только аванс) за книгу «Зеркальная война» и становится богатым человеком. На экранах появляются фильмы по его сценариям с участием звёзд. Его романы выходят в свет каждые два-три года, самый знаменитый из них «Идеальный шпион» вышел в 1986 году.

Постепенно меняются взгляды Ле Карре. Он «левеет», принимает участие в кампании против ядерной войны, резко критикует израильскую политику на Ближнем Востоке (его даже обвиняют в том, что он «пропагандист „Фронта национального освобождения Палестины“»). Он осуждает израильское вторжение в Ливан в 1982 году, в том же году заявляет, что всегда голосовал за социалистов и что «предпочитал бы видеть русских, чем „Трайденты“ (американские ядерные субмарины) в Корнуоле».

В конце 1980-х годов Ле Карре несколько раз побывал в нашей стране. В его романе «Русский дом», также посвящённом деятельности разведки, чувствуются надежды на перемены к лучшему в отношениях между Востоком и Западом. Об этом же он говорил в интервью «Литературной газете» в апреле 1989 года. Кстати, тогда же он сказал, что англичане страдают «национальной шизофренией в отношении шпиономании», и о том, что после окончания «холодной войны» разведслужбы «в методах, формах и сути своей деятельности должны отражать перемены, которые приносит жизнь, приносит наше время».

Специалисты в области разведки по-разному относились к шпионским романам Ле Карре. Шеф израильской военной разведки однажды сказал, что книги Джона Ле Карре являются неформальными учебниками для её сотрудников. Очень любивший Яна Флеминга шеф ЦРУ Ричард Хелмс, по словам его сына, ненавидел Ле Карре. Один из бывших коллег писателя, английский разведчик, заявил ему: «Ты ублюдок! Ты абсолютный ублюдок!»

Киму Филби также не понравился «Шпион, пришедший из холода». В письме к жене в 1963 году он писал: «Было приятно после всех этих идиотских историй о Джеймсе Бонде почитать более профессионально написанную шпионскую историю. Но вся фабула от начала до конца полностью неправдоподобна, и эта неправдоподобность всё время вылезает наружу, во всяком случае для того, кто имеет реальные знания по этому вопросу».

Наверное, нигде, кроме как в архивах британской секретной службы, не сохранилось документальных подтверждений шпионской деятельности Ле Карре. И в нашу книгу он включён не как мастер разведки и шпионажа, а как человек, мастерски рассказывающий о них. Скорее всего, часть похождений своих

героев Ле Карре списал со своих собственных или приключений своих коллег.

Но для того чтобы удостовериться в этом, надо хотя бы пересказать его романы. А у нас, к сожалению, для этого нет места.

ЯН ФЛЕМИНГ (1908–1964)

Несколько лет своей жизни Йен Ланкастер Флеминг состоял «на тайной службе её величества». И изобрёл Джеймса Бонда, агента 007, который стал известен во всём мире.

Флеминг происходил из богатой, хотя и не родовитой семьи. Его дед, сын бедного фермера, в двадцатипятилетнем возрасте отправился в Америку, где чрезвычайно успешно занялся бизнесом и быстро разбогател. Своих сыновей, Валентина и Филиппа, отдал в самые престижные университеты — Итон и Оксфорд.

В 1906 году Валентин женился на одной из самых богатых невест в Англии — мисс Эвелин Сент-Круа Роуз, получив двести пятьдесят тысяч фунтов стерлингов в качестве свадебного подарка от отца и прекрасное приданое.

28 мая 1908 года в их семье родился второй сын, которого назвали Йен Ланкастер. Это уже впоследствии, став писателем, он заменил своё имя на короткое и звучное, как выстрел, Ян.

Отец Яна, человек энергичный и весёлый, всегда оказывался душой общества, много путешествовал, любил спорт, охоту, вместе с тем занимался политикой, будучи членом парламента и известным консерватором. Видимо, какие-то ранние детские впечатления Яна нашли отражение в характере и образе агента 007. В самом начале Первой мировой войны Валентин Флеминг отправился на фронт во главе подразделения гусар. Он погиб в 1917 году, и его памяти посвятил некролог Уинстон Черчилль.

Ян Флеминг сначала учился в Итоне, затем в Сандхерстском военном колледже. Но решив поступить на дипломатическую службу, ушёл оттуда, добросовестно готовился, выучив французский и немецкий языки. Конкурс на поступление в Форин Офис не прошёл, завалив… сочинение.

Но молодой человек не унывал. Он устроился репортёром в агентство «Рейтер». Зная стремление английских спецслужб использовать журналистов в своих интересах, можно предположить, что к этому времени относятся его первые, пока неофициальные контакты с английской разведкой. Иначе почему его, молодого репортёра, направили вдруг в ответственную служебную командировку в Москву?

В 1933 году в Москве проходил судебный процесс над шестью английскими инженерами, сотрудниками фирмы «Метро-Виккерс», их обвиняли в саботаже и шпионаже. Обвинителем на процессе был Вышинский, председательствовал Ульрих. Доказательства шпионской деятельности обвиняемых были

довольно внушительными. Многие из обвиняемых признались, что работают на «Интеллидженс сервис». Один из них, Макдональд, дал точную информацию об оперативных действиях разведсети. Другой, Монкхаус, признался, что передавал информацию одному из директоров «Виккерса» Ричардсу, который успел удрать. И Монкхаус и Ричардс были офицерами разведки экспедиционного корпуса британцев ещё в 1918 году.

То, что компания «Виккерс» использовалась английской разведкой, признала впоследствии и английская сторона. Однако в Англии арест и суд вызвали бурю негодования. Угрожали даже разрывом дипломатических и торговых отношений, но ни того ни другого не сделали. В мире продолжался экономический кризис, а в Германии пришёл к власти Гитлер, и никто не хотел терять в лице СССР надёжного торгового партнёра и возможного союзника.

Флеминг подробнейшим образом освещал ход процесса, описывал не только то, что происходило в суде, но и жизнь советской столицы. Суд закончился, четверо были выдворены из страны, двое получили по два-три года и вскоре тоже отправились на родину. Флеминг пробыл в Москве ещё неделю, даже пытался взять интервью у Сталина, но тот прислал вежливый отказ, сославшись на отсутствие у него времени.

Вернувшись в Англию, обо всём виденном и слышанном в Москве Флеминг отчитался не только перед издателем и друзьями, но и в Форин Офисе, куда его вызвали и внимательно выслушали.

Теперь его намеревались направить в Берлин для получения интервью у Гитлера и ознакомления с обстановкой, а затем в качестве специального корреспондента в Шанхай, ставший к этому времени основным международным шпионским центром на Дальнем Востоке. Но Флеминг сменил место работы — он стал биржевым маклером. Однако ненадолго.

Весной 1939 года он отправился в Москву вместе с торговой делегацией, возглавляемой министром внешней торговли.

На этот раз помимо репортёрских заданий от газеты «Таймс» он имел задания от английской разведки, поскольку, будучи аккредитован при официальной делегации, получил уникальную возможность встречаться и разговаривать не только со случайными собеседниками, но и с советскими государственными деятелями. В их числе были такие люди, как Литвинов и Микоян, оба разговорчивые и общительные, но оба «себе на уме», благополучно пережившие эпохи страшных репрессий и чисток. Флемингу было поручено дать оценку России и русским как возможным союзникам.

По возвращении в Англию Флеминг представил доклад о потенциальных военных возможностях русских, их боевом духе, настроениях людей. Обращает на себя внимание острота наблюдений и аналитический ум автора. Вот цитата из его отчёта: «Этих людей трудно судить по английским меркам. Их фатализм, отсутствие критического мышления, их общая неосведомлённость совершенно нам непонятны и вызывают раздражение. Пытаясь дать им какую-либо оценку как союзникам, могу лишь отметить, что боевой дух их высок, что храбрость и мужество сомнений не вызывают! Сотрудники английских и французских миссий, которые могут оказаться в России, несомненно столкнутся в своей работе с определёнными трудностями: они увидят такой административный хаос, о котором и не слышали, они запутаются в Саргассовом море кумачовых лент, самых алых в мире. Но как только настанет решающий момент, они сразу поймут, что все эти крутые ребята, небольшого роста (средний рост солдата где-то около пяти футов пяти дюймов), с невыразительными лицами, намного отличаются от плохо вооружённого пушечного мяса 1914 года».

Видимо, после этой поездки Флемингу уже не было смысла скрывать своё подлинное «я». Он стал официальным сотрудником английской разведки. Его первое звание — лейтенант, позже он дослужился до старшего офицера, командора Королевских военно-морских сил.

Одной из первых операций, которой руководил Флеминг, было освобождение английских военнопленных, содержавшихся в плавучей тюрьме у берегов Норвегии. 15 февраля 1940 года корабль английского Королевского флота «Коссах» в норвежских водах захватил немецкое судно «Альтмарк» и освободил триста английских моряков, захваченных немецкими рейдерами в водах Южной Атлантики. Коммандос, которые участвовали в этой операции, проявили себя с наилучшей стороны.

Тревожным летом 1940 года Флеминг отправился в Лиссабон. Там в это время находился герцог Виндзорский, бывший английский король Эдуард VIII, со своей женой, дважды разведённой американкой Уоллис Симпсон, ради которой он и отрёкся от престола. Там же находился и Вальтер Шелленберг, руководитель германской внешней разведки, целью которого было склонить герцога Виндзорского к выезду в Швейцарию. Гитлеру, знавшему о прогерманских настроениях герцога и его супруги, это было нужно для того, чтобы в случае удачного осуществления операции «Морской лев» посадить на английский трон «своего» короля. В Лиссабоне завязалась ожесточённая борьба между британской и германской разведками. В результате,

при личном вмешательстве Черчилля, победили англичане, и герцог Виндзорский вместе с супругой отбыл не в Швейцарию, а на Багамские острова, где занял пост губернатора и главнокомандующего.

Трудно сказать, какую роль играл Флеминг в этом столкновении крупнейших разведслужб. Но после этого, уже в начале 1941 года, он стал личным помощником начальника морской разведки адмирала Джона Годфри. С него впоследствии Ян Флеминг написал шефа Джеймса Бонда, сэра М.

Для координации действий с союзниками Флеминг несколько раз выезжал в США и на Ямайку. Ясно, что для этого надо было быть не только в курсе совместных операций, но и анализировать их, давать дельные советы и рекомендации, то есть являться специалистом высокого класса.

Одна из операций, проведённых в это время английскими агентами в США, легла впоследствии в основу сюжета романа и кинофильма «Голдфингер». Она заключалась в том, что они, с помощью агента французского 2-го бюро Жака Возанжа, похитили у вишистов золото на острове Мартиника.

В 1942 году советская разведка безуспешно пыталась ликвидировать гитлеровского посла в Анкаре, старого нациста и опытного разведчика фон Папена. Покушение оказалось неудачным агент-болгарин, который должен был осуществить его, сам подорвался на мине. Два советских дипломата, Корнилов и Павлов, были арестованы и преданы суду. Естественно, что советская сторона категорически отрицала какое-либо участие в этом покушении. Английская разведка занималась самостоятельным расследованием обстоятельств этого дела, которое курировал Флеминг.

К заслугам Флеминга относится и установление местонахождения немецких ракет «Фау».

Что имеют в виду авторы, упоминающие об этом эпизоде его деятельности, сказать трудно. Если говорить о том, как была раскрыта главная база «Фау» на острове Пенемюнде, то об этом существует столько версий и так много претендентов на право первооткрывателя, что истину установить невозможно. Скорее всего, Флеминг стал одним из координаторов работы разведки по Пенемюнде, или же речь может идти о каком-либо частном случае, ведь ракеты базировались не только на этом острове.

И, наконец, в 1943 году Флеминг занимался ещё одним важным делом — подготовкой и анализом разведывательных данных перед и во время высадок англо-американских войск в Италии. Скорее всего, в этот период мимо него не прошла операция «Минсмит» («Начинка»), когда перед высадкой

союзников на Сицилии английская разведка подбросила немцам труп «майора Мартина». «Майор» имел при себе портфель с документами, из которых явствовало, что высадка должна быть произведена не на Сицилию, а на Сардинию и в Грецию. Англичане настолько тщательно и добросовестно, в мельчайших деталях подготовили свою «обманную операцию» по дезинформации немцев, что те клюнули на эту удочку Главное — сам Гитлер поверил «майору Мартину» и даже, когда войска союзников уже начали десантироваться на Сицилии, считал, что это отвлекающий манёвр, а настоящая высадка будет на Сардинии и на Пелопоннесе.

Вскоре после окончания войны, в 1946 году Флеминг ушёл в отставку. Его официальная служба в разведке длилась семь лет. Самое пикантное в этой ситуации то, что почти все эти годы рядом с ним находился не выдуманный Джеймс Бонд, а настоящий советский разведчик Ким Филби, которого он «так и не приметил»!

Выйдя в отставку, Флеминг поселился на Ямайке и начал спокойную и весёлую жизнь богатого офицера-отставника. В 1952 году он женился на леди Ротермир (это её третий брак) и в том же году, 13 августа, у них родился сын Каспар. Яну Флемингу оставалось ровно двенадцать лет жизни, день в день.

Но тогда, «на старости лет», он решил попробовать свои силы на литературном поприще. В 1953 году вышла его первая книга о похождениях Джеймса Бонда, «агента 007 на службе её величества» Имя «Джеймс Бонд» родилось случайно: Флеминг увидел его на обложке книги американского орнитолога Джеймса Бонда «Птицы островов Вест-Индии». Впоследствии, когда это имя стало широко известным, настоящему Джеймсу Бонду пришлось туго — его донимали звонками девицы лёгкого поведения или дотошные читатели уточняли какие-то детали о работе СМЕРШа. Когда возмущённая жена учёного позвонила Флемингу, тот обратил дело в шутку и предложил супругам Бонд распоряжаться его именем, как им захочется. Всё закончилось взаимным примирением.

В наши задачи не входит разбирать литературное творчество Флеминга, его успехи и неудачи. Коснёмся лишь некоторых моментов. В его первых книгах, написанных в эпоху «охоты на ведьм» и разгара «холодной войны», главными противниками Джеймса Бонда были «красные». Их зачастую олицетворяла организация, носившая название СМЕРШ («Смерть шпионам» — советская военная контрразведка эпохи Великой Отечественной войны). С годами Флеминг стал мудрее. Он решил, что Бонд должен бороться не только с русскими, но и с международными

преступными сообществами. Место пресловутого СМЕРШа заняла придуманная организация СПЕКТР («Специальный исполнительный комитет по контрразведке, терроризму, ответным действиям и принуждению»).

Однажды он заявил: «Русские мне всегда нравились как народ, и в Москве я работал с удовольствием… вот почему не вижу смысла поливать их грязью, к тому же политика мирного сосуществования стала приносить свои плоды».

Всего Флеминг написал четырнадцать романов о Джеймсе Бонде.

Немного о прототипах Джеймса Бонда и «бондиады». Ясно, что Бонд — это лицо вымышленное и собирательное. Кое-что в нём от самого Флеминга и от его друга по разведке Мерлина Маршалла, а также от двойного агента югослава Душко Попова. На образ Бонда повлиял и знаменитый международный шпион Сидней Рейли, о котором Флемингу рассказывал его коллега по службе в разведке небезызвестный Брюс Локкарт. Флеминг даже говорил: «К сожалению, Бонд не всегда так же хорош, как Рейли!»

Образ Бонда Флеминг обсуждал с самим руководителем американской разведки Алленом Даллесом, который восхищался творчеством Флеминга и хвастал, что у него под рукой «не одна дюжина Бондов». Правда, тот же Даллес в своей книге «Искусство разведки», сравнивая советского разведчика Рудольфа Абеля с Джеймсом Бондом, писал: «Абель незаметно мог сделать то, что Бонд обязательно осуществил бы с шумом, гамом, перестрелкой».

Прототипами начальников Джеймса Бонда (мистер М.) для Флеминга послужили его собственные руководители — шеф МИ-5 Максвелл Найт, Джон Годфри и сэр Коллинг Габбинс, шеф Управления специальных операций во время войны.

Противники Джеймса Бонда тоже носят собирательный характер. Начав писать в разгар «холодной войны», в 1953 году, Флеминг изобразил советские спецслужбы как носителей абсолютного зла.

В романе «Из России с любовью» зловещий шеф СМЕРШа генерал Грубозабойщиков, по словам западных авторов, напоминает генерала Абакумова, жестокого, лично пытавшего заключённых на Лубянке. Целую главу в этой книге Флеминг посвятил подробному описанию советских органов безопасности. Не случайно в период ракетного кризиса на Кубе в 1961 году «Из России с любовью» была настольной книгой Джона Кеннеди и Аллена Даллеса.

Как мы уже знаем, к концу жизни Флеминг изменил своё отношение к России и русским.

Что касается женских образов, то все они выдуманы и

реальных прототипов не имеют, кроме одного. Мисс Монипенни, секретарь «М» списана с Кэтлин Петтигрю, которая была секретарём трёх руководителей МИ-6.

Как известно, фильмы о Джеймсе Бонде прославили его создателя ещё больше, чем книги.

10 августа 1964 года Ян Флеминг, играя в гольф, почувствовал себя плохо. Его отвезли в больницу, где в ночь на 13 августа он скончался. Яна Флеминга похоронили на кладбище Севен-Хэмптон, графство Глостершир.

Его бывший начальник адмирал Годфри, узнав о смерти Флеминга, воскликнул: «Я всегда считал, что это он должен быть директором военно-морской разведки, а я — его помощником!»

Может быть, он так грустно пошутил.

ГРЭМ ГРИН (1904–1991)

Хотя Грэм Грин и написал, пожалуй, самые блестящие художественные произведения на тему о разведке и шпионаже — «Наш человек в Гаване» и «Тихий американец», — его собственный разведывательный опыт не очень велик. Но это не помешало ему с удивительной чуткостью уловить саму суть и особенности разведывательной работы и создать книги, которые вполне могут стать пособием для начинающего разведчика (другое дело, как и в каких целях использовать эти пособия). Его романы настолько близки ко всему пережитому им, что нельзя не согласиться с мнением классика литературы Габриеля Гарсиа Маркеса, сказавшего: «Я не знаю ни одного писателя, кроме Грэма Грина, представление о котором, составленное только на основании его книг, так бы отвечало его реальному облику».

Поэтому чтобы понять Грэма Грина и получить представление о работе, которую он выполнял, будучи разведчиком, надо читать и анализировать его книги с небольшой поправкой на авторскую фантазию.

Генри Грэм Грин родился 2 октября 1904 года в городке Берхэмстеде в графстве Хартфордшир, недалеко от Лондона Его отец был директором привилегированной мужской школы, основанной в XVI веке, мать — двоюродной сестрой знаменитого романиста Роберта Луиса Стивенсона, автора «Острова сокровищ». В 1922 году Грин поступил в Бэйллиол, один из лучших колледжей Оксфордского университета. Недавно закончившаяся мировая война и революция в России рождали немало вопросов в умах студентов о правильности пути, которым идёт человечество. Искал этот путь и Грин. В девятнадцать лет он стал кандидатом в члены Коммунистической партии. Это обстоятельство сыграло с ним в последствии злую шутку — однажды его не впустили в США. Он попал в «чёрный список», ФБР завело на него досье, и каждый раз для въезда в страну ему требовалось специальное разрешение, а в визу вносилось особое обозначение, определяющее «неблагонадёжность» владельца. Так продолжалось до эпохи Кеннеди. Но в компартии Грин пробыл недолго, вскоре вышел из неё. У него появилось другое увлечение — католицизм, которому он оставался верен долгие годы, хотя никогда не был религиозным фанатиком и довольно критически относился к обрядам и духовенству.

После окончания университета Грин пытался работать в различных компаниях, но безуспешно. В 1926 году он, наконец, нашёл своё призвание: стал журналистом и помощником

редактора газеты «Таймс». К этому же периоду относятся его первые успешные литературные опыты. Литературный успех позволил ему оставить постоянную работу в редакции, и с 1930 года он стал профессиональным писателем. Он начал писать и сценарии, а в 1935–1939 годах был постоянным кинокритиком журнала «Спектейтор».

Смолоду Грин любил путешествовать, и жизнь зачастую приводила его в «горячие точки», где он черпал материал для своих книг. Он совершил длительную поездку в Африку, прошёл пешком сотни миль по территории Сьерра-Леоне и Либерии. Позже, в 1938 году он путешествовал по Мексике, собирая материалы для документальной книги о религиозных преследованиях, побывал в Панаме.

Но вот наступил 1939 год. С началом Второй мировой войны Грина призвали на военную службу, и он стал сотрудником британской разведки. Несмотря на романтичность самого названия «разведка», эта служба оказалась весьма обыденной и однообразной. Бесконечные, довольно скучные, бумаги, отчёты, доклады. Вот что сам Грин писал по этому поводу: «После войны я хотел написать роман о шпионаже без свойственного этому жанру насилия, которое, несмотря на Джеймса Бонда, не было свойственно британской разведке. Я хотел показать разведку без романтики, как образ жизни, при котором люди каждый день ходят на службу и зарабатывают пенсию, ничем практически не отличаясь от других служащих — банковских клерков, например. Всё буднично, безопасно, и у каждого есть куда более важная личная жизнь. За годы, что я прослужил в разведке, мне редко приходилось сталкиваться с сенсацией или мелодрамой».

В конце 1941 года скучная жизнь в центральном аппарате британской разведки закончилась. Грин получил новое назначение, на этот раз на «передний край», которым оказался хорошо известный ему Фритаун. Видимо, в том, что его направили именно туда, сыграл свою роль опыт, приобретённый Грином в Африке, а может быть, и его личное желание. Об этой командировке он не без юмора писал: «Поездка была деловая — государственная служба трудноописуемого характера».

9 декабря 1941 года на грузовом дизельном судне Грин отбыл из Ливерпуля. В уютных одноместных каютах разместилось всего двенадцать пассажиров, в том числе и довольно странных Вот один из них: «Загадочный иностранец, очень слабо владеющий английским… голландец… Голландец оказался поляком, который родился в Грузии, сражался в русской армии, он мусульманин…» Перед выходом в Атлантику Грин решил, что «неплохо бы исповедаться… Спокойный милый молодой священник называл

меня „Сын мой“… Правда, мне показалось, что он с ненужным любопытством осведомился о конвое, в составе которого мы идём» (дело происходило в Белфасте, находящемся в Ирландии, где многие сочувствовали Гитлеру).

После выхода в море пассажиры «добровольно» согласились нести вахту по наблюдению за подводными лодками и самолётами и у зенитных пулемётов. Тем, кто следил за подводными лодками, пришлось нести вахту на капитанском мостике, но они так напились, что капитан отказался пустить их на него ещё раз… В целом же морской переход прошёл без происшествий, и в первых числах января 1942 года офицер разведки Великобритании Грэм Грин прибыл в до боли знакомый ему Фритаун. «Чувство необычного, поэзии и восторга, охватывает тебя, когда возвращаешься сюда через столько лет… даже сладковатый жаркий запах земли… он всегда будет со мной, этот запах Африки, и Африка навсегда останется Африкой… нетронутым, нехоженым материком в форме человеческого сердца». Вот с такими поэтическими чувствами Грин начал свою разведывательную работу.

Для того чтобы точно установить, чем занимался Грин во Фритауне, надо переворошить всю входящую и исходящую почту британской разведки за 1942 год в поисках редких писем и телеграмм, которыми он обменивался со своей главной квартирой. Но доступа туда у нас нет, и к тому же мы вряд ли обнаружим что-либо интересное. Поэтому попытаемся создать мозаику из высказываний самого Грэма Грина, разбросанных по его многочисленным сочинениям. Итак, предоставляем ему слово:

«В 1942 году я жил в окрестностях Фритауна, в доме на болоте, которое туземцы использовали как уборную, чем плодили бесчисленных мух. (Однажды, закрыв окна своей комнаты, я за две минуты убил полтораста штук.) Я направил министру колоний требование построить для туземцев уборную, на что он ответил мне, что подобное требование должно пройти соответствующие инстанции, но так как в данном случае никаких инстанций не было, мне пришлось напомнить ему о замечании на этот счёт мистера Черчилля. Я получил свою уборную и мог пометить в официальных документах, что [там] начертано и моё имя…

…были конфликты между людьми в тени одного гигантского конфликта: когда, например, я работал один в Сьерра-Леоне, а мой шеф, живший за тысячу миль от Фритауна, в Лагосе, не платил мне какое-то время жалование или когда я с горечью наблюдал за тем, как начальника полиции во Фритауне, одолевшего двадцать лет тяжелейшей службы и чёрную

лихорадку, сводит с ума наглый щенок из МИ-5…

…Мелодрамы же трагически не хватало — была, правда, одна отчаянная попытка уговорить моряков задержать, пока не поздно, португальский лайнер, прошедший территориальные воды, и арестовать швейцарца, заподозренного в шпионаже, но мне в этом славном деле досталась всего лишь роль курьера».

Примерно то же он описывает и в другом месте.

«После трёх месяцев обучения в Лагосе я очутился во Фритауне, в офисе, где четыре месяца был сам себе хозяином и подчинённым (потом у меня появился секретарь). В Лагосе я целыми днями только и делал, что зашифровывал и расшифровывал документы, а по вечерам отправлялся к приятелю в полицейский участок, где мы с ним в виде развлечения охотились на тараканов, записывая на стене очки: одно за каждого убитого и половину за смытого в унитаз…

…Во Фритауне в шесть утра я вставал и завтракал… В семь я садился в маленький „моррис“ и отправлялся… за телеграммами в полицейский участок, служивший мне „крышей“. Телеграммы были закодированы шифром, не известным полиции. Вернувшись домой, я расшифровывал телеграммы и отвечал на них со всей добросовестностью, на которую был способен, писал свои донесения и переписывал чужие, если их трудно было читать. К ленчу я успевал сделать все дела».

Грину приходилось много путешествовать по стране по делу и без особого дела. По этому поводу он пишет:

«Из-за этих поездок у меня возникли денежные неприятности, но не те, какие можно предположить. Дело в том, что при возвращении во Фритаун я получал некую сумму из расчёта пять шиллингов в день, якобы составлявших разницу в ценах между едой, купленной на рынке, и консервами… Однажды я получил суровую закодированную телеграмму из Лондона, где разъяснялось, что путешествующий чиновник моего ранга должен требовать три гинеи в день, полагающиеся на гостиницу. „Примите нужные меры и доложите“. Я с готовностью подчинился. Открыв в кабинете сейф, я достал оттуда сорок фунтов, положил себе в карман и послал закодированную телеграмму в Лондон: „Меры приняты“…

…У меня были очень напряжённые отношения с моим начальником, хотя он находился в Лагосе за две тысячи миль от Фритауна. Мы невзлюбили друг друга с первого взгляда. Он был профессионалом, а я любителем. Сарказм проникал в мои донесения и даже телеграммы. Сейчас мне жаль этого несчастного человека, которому в самом конце своей службы пришлось иметь дело с писателем. Позднее мне рассказали, что

мешок с фритаунской почтой по нескольку дней лежал у него на столе нераспечатанным: он боялся заглянуть внутрь. Однажды он попытался приструнить меня, задержав моё жалование, которое ему полагалось высылать раз в месяц из Лагоса. Но мне дал взаймы начальник полиции, и его операция провалилась. В конце концов мы перешли к открытой войне: у меня была назначена встреча на либерийской границе, а он телеграммой запретил мне уезжать из Фритауна, потому что туда должно было прибыть португальское судно. Все португальские суда, следовавшие из Анголы, полагалось обыскивать. Но меня это не касалось, такие дела находились в ведении начальника полиции, представлявшего МИ-5. После недолгой внутренней борьбы я подчинился… и подал в отставку. Отставка принята не была. Я отслужил ещё полгода, но уже не подчиняясь Лагосу…

…После Фритауна (и безуспешной попытки наладить агентуру в вишистских колониях) мои шефы из разведки направили меня в отдел к Киму Филби, занимавшемуся контршпионажем на Пиренейском полуострове. Я отвечал у него за Португалию. Там офицеры абвера, которые ещё не были перевербованы нашей разведкой, были заняты в основном составлением и пересылкой в Германию насквозь ложных донесений, основанных на информации несуществующих агентов. Это была прибыльная игра (шифровальная ставка, плюс расходы, плюс премии) и к тому же безопасная. Удача отвернулась от немецкого командования, и невозможно было не восхититься тем, как в атмосфере поражения меняются понятия о чести.

Занимаясь Португалией, я часто думал, с какой лёгкостью мог бы играть в такую же игру в Западной Африке, если бы не был удовлетворён своим скромным жалованием. Мне было отлично известно, что больше всего лондонское начальство радуется новым карточкам в картотеке агентурных данных. Однажды, например, я получил донесение о вишистском аэродроме во Французской Гвинее — агент был неграмотным, считал только до десяти (по числу пальцев) и из географических направлений определял одно лишь восточное (он был магометанин). Здание на территории аэродрома, в котором, как он утверждал, стоял танк, было, по другим сведениям, складом старой обуви. Передавая это донесение, я подчеркнул все его „достоинства“, и каково же было моё изумление, когда оно было отмечено как „особо ценное“!.. Кто-то в Лондоне получил возможность заполнить чистую карточку — другого объяснения я не находил.

Итак, тема того, что двенадцать лет спустя, в 1958 году, стало „Нашим человеком в Гаване“, зародилась во фритаунской лачуге

и была записана в более комфортабельном доме неподалёку от Сент-Джеймсского парка».

Перед уходом из разведки Грин составил справочник «Кто есть кто», изданный тиражом двенадцать экземпляров. В нём содержались сведения о немецких агентах на Азорах, с двумя вступительными статьями (основанными на очень сомнительных данных) и с дополнением Кима Филби о радиосети. Справочник предназначался британским десантникам.

Вот, собственно говоря, и весь опыт разведывательной работы Грэма Грина.

Остаётся добавить, что всё то, что произошло с Филби, не нарушило дружбы этих двух неординарных людей, которая продолжалась до последних дней их жизни, и Грэм Грин всегда навещал своего старого друга, приезжая в Москву.

ЗОЯ ВОСКРЕСЕНСКАЯ-РЫБКИНА (1907–1992)

Зоя Ивановна Воскресенская родилась в семье железнодорожного служащего, помощника начальника станции Узловая. Отец её умер в октябре 1920 года.

В четырнадцать лет, в 1921 году, Зоя начала трудиться библиотекарем и «переписчицей» в штабе ЧОН — частей особого назначения войск ВЧК. Затем три года работала политруком в колонии малолетних правонарушителей. В конце 1928 года она была направлена в Москву, где стала работать машинисткой в транспортном отделе ОГПУ. Через год её приняли в члены ВКП(б) и тогда же предложили отправиться в командировку в Китай. В Харбине она работала «под крышей» представительства Союзнефти машинисткой, но выполняла и первые оперативные задания. После возвращения из Китая была командирована по линии ИНО ОГПУ в Германию и Австрию. Видимо, её готовили к нелегальной работе, так как целью поездки стало изучение немецкого языка и его австрийского диалекта, «вживание» в образ местной жительницы.

Однажды Зою вызвало высокое начальство и предложило познакомиться с неким генералом «Х», сотрудничавшим с немцами, стать его любовницей и выведать у него секретные сведения. Автору этой книги она рассказала, что ответила:

— Я, конечно, выполню задание и стану его любовницей, если без этого нельзя, но затем застрелюсь.

Задание было отменено.

Её настоящая разведывательная работа началась в 1935 году, когда она была командирована в Финляндию, где пробыла четыре года. Там же в 1936 году вышла замуж за резидента Бориса Аркадьевича Рыбкина (работавшего под фамилией Ярцев).

В Финляндии Зоя Ивановна находилась «под крышей» представительства «Интуриста». Ей, ещё молодой разведчице, довелось работать с опытными нелегалами и агентами. Одним из нелегалов был Павел Судоплатов (по кличке «Андрей»), тогда ещё начинающий, но уже испытанный боец. Он получил задание внедриться в организацию украинских националистов в качестве эмигранта «из Совдепии». Для этого нелегально пересёк советско-финскую границу в Финляндии, разыскал представителя оуновского руководства. Зоя Ивановна курировала его во время его нахождения в Финляндии. «Андрею» удалось добраться до Парижа и там начать работу, направленную на то, чтобы

рассорить между собой главарей ОУН.

Зое пришлось работать и с такой легендарной личностью, как Петриченко. Этот бывший руководитель Кронштадского мятежа оказался в эмиграции. Его тянуло на родину, и, чтобы заработать право на возвращение, он стал агентом советской разведки. Однажды зимой 1937 года он пришёл на встречу разгневанный и грозил Зое, «что убьёт её и закопает в сугроб». С женским терпением и хитростью она выяснила причину его гнева. Оказалось, что он зол на советскую власть за происходившие в Москве суды над «изменниками родины и шпионами». Среди них он встретил имена настоящих большевиков и революционеров, которые не могли стать предателями. Битые два часа проговорила Зоя с Петриченко в заснеженном лесопарке, где не было рядом никого, кто бы мог прийти на помощь. Ей удалось успокоить Петриченко и уговорить его продолжить сотрудничество. Он честно работал до самой войны, в июне 1941 года сообщил о прибытии немецкой дивизии и приведении финской армии в полную боевую готовность.

Важное дело, которым по личному секретному указанию Сталина занимался Рыбкин (он же резидент «Кин», он же Ярцев) и в котором Зоя была его первой помощницей, стали его тайные переговоры с представителями финского правительства о мирном урегулировании назревавшего конфликта между СССР и Финляндией, которые он вёл в 1938–1939 годах. К сожалению, переговоры закончились безрезультатно, и в декабре 1939 года разразилась советско-финская война, получившая название «зимней».

Вернувшись в Москву уже опытным оперативным работником, Зоя Ивановна стала сотрудницей центрального аппарата внешней разведки, а в начале 1941 года заместителем начальника немецкого отделения разведки. Именно через неё поступали в Центр самые драматические сообщения «Старшины» и «Корсиканца» из Берлина. Именно она составила тот реестр их донесений, который буквально кричал: «Да послушайте же, завтра начнётся война!» С ним начальник разведки ходил на доклад к Сталину 17 июня 1941 года, но не смог убедить его в правдивости сообщений агентуры.

После начала войны Рыбкина в составе Особой группы, созданной осенью 1941 года, занималась отбором, организацией, обучением и заброской в тыл врага диверсионных и разведывательных групп. Каждый из сотрудников Особой группы, на основе которой была создана Отдельная мотострелковая бригада особого назначения (ОМСБОН), тоже готовился в любой момент отправиться в тыл врага. Зоя Ивановна «тренировалась»

на роль сторожихи на железнодорожном переезде. По ночам выезжали в парки, леса, совхозы в окрестностях Москвы и закапывали под кустарниками ящики с толовыми шашками, патронами, оружием, бутылками с горючей смесью. Многое потом пригодилось боевым группам.

Для каждой забрасываемой группы готовилась своя программа действий. Среди групп была и совсем необычная: епископ Ратмиров и два молодых оперативных работника — Иван Михеев и Василий Иванов. Они были заброшены в город Калинин, где находились и выполняли задание всё то время, пока город находился под фашистской оккупацией.

Поздней осенью 1941 года супруги Рыбкины вылетели в Швецию. Путь туда лежал через Великобританию и был небезопасен.

Резидентура была небольшой: резидент «Кин», Зоя Ивановна — «Ирина», его заместитель, два оперативных работника, шофёр и дворник. Задачи: организовать наблюдение за германским военным транзитом через Швецию, создать агентурную группу, фиксирующую характер грузов, транспортируемых морем между Швецией и Германией. Кроме того, ставились и пропагандистские цели, ибо гитлеровская пропаганда была в Швеции очень сильной и надо было противостоять ей.

Однако она выполняла и другие задачи. Через агентуру из числа норвежцев Рыбкина получила информацию чрезвычайной важности о том, что немцы готовят сверхсекретное оружие, способное уничтожить всё живое. Речь шла об атомном оружии, для создания которого необходима «тяжёлая вода». Её производили в Норвегии на заводах компании «Норск гидро» и вывозили в Германию. Эти сведения были переданы союзникам, которые приняли меры по уничтожению предприятий, производивших «тяжёлую воду».

Зоя Ивановна поддерживала связь с «Антоном» — Волльвебером (см. очерк о нём). Первый контакт с ним она установила ещё в 1938 году. Из Финляндии выезжала в Норвегию, чтобы снабдить группу «Антона» новыми паспортами, шифрами, деньгами, инструкциями. Это был период войны в Испании, когда его группа топила пароходы, перевозившие оружие для Франко. В Осло в номер, который занимала Зоя, пыталась ворваться полиция. Но Зоя, выйдя в коридор, подняла такой скандал, что кругом собрались постояльцы, и полиции пришлось ретироваться. Встреча с Волльвебером прошла без осложнений. А уже в годы Отечественной войны супруги Рыбкины вызволили Волльвебера из тюрьмы.

В 1942 году Рыбкина по заданию Центра подобрала связника для передачи кварцев и шифров членам «Красной капеллы», действовавшим в Берлине. Тот выполнил задание, но вскоре из Центра пришла шифровка, что «Директор» (кличка агента) — провокатор, а все члены «Красной капеллы» арестованы и расстреляны. Предлагалось послать его снова в Германию на встречу с заведомым двойником. «Если он благополучно вернётся, значит, он и сам двойник. Но если не вернётся, значит, мы пошлём на верную смерть честного человека», — думали Зоя Ивановна и Борис Аркадьевич Рыбкины. Их телеграммы в Центр не помогли, и лишь после обращения непосредственно к наркому отправка «Директора» была отменена. Но это стоило Рыбкину его поста — он был отозван в Москву.

С этого времени Зоя Ивановна исполняла обязанности резидента.

Она должна была поддерживать связь с агентурой, находившейся в Финляндии, изучать обстановку в этой стране, а позже — приложить все усилия, чтобы Финляндия вышла из войны. Вот эта цель и стала главной в разведывательной работе Рыбкиной.

В числе агентов была известная финская писательница и драматург Хэлла Вуолийоки, которую в деловых кругах называли мадам Терва Ряа («Здравомыслящая голова»). Большой друг Советского Союза, она и её единомышленники оказали влияние на мирное разрешение советско-финляндского конфликта, «зимней войны» 1939–1940 года. Она активно выступала против финляндско-германского альянса в 1941 году и возглавила финляндскую «шестёрку» влиятельных сторонников мира с СССР. Хэлле Вуолийоки не удалось довести до конца свою миротворческую миссию. Она была арестована и заключена в тюрьму за то, что дала приют советской парашютистке-разведчице. Ей грозила смертная казнь. Но поднятая во всём мире кампания в защиту Вуолийоки спасла ей жизнь. Забегая вперёд, отметим, что после подписания перемирия с Финляндией в сентябре 1944 года Хэлла Вуолийоки была назначена председателем радиокомитета этой страны и умерла в 1954 году.

Помимо Хэллы в Финляндии были и другие люди, с которыми работала Рыбкина. Она оказала большую помощь советскому послу в Швеции Александре Коллонтай в организации и проведении секретных мирных переговоров с Паасикиви и другими сторонниками мира с СССР. Встречи проходили в феврале и марте 1944 года. Переговоры шли мучительно тяжело. Однако они подготовили базу для того, чтобы 20 сентября 1944 года, после мощных ударов Красной армии, Финляндия порвала

союз с фашистской Германией и подписала перемирие с Советским Союзом. Пожалуй, участие в достижении мира с Финляндией и стало одним из главных достижений Зои Ивановны.

В разгар переговоров с финскими представителями в Швецию прибыл новый резидент — Василий Петрович Рощин, и Зоя Ивановна отправилась домой. Легко сказать: отправилась. Вначале она летела над оккупированной Норвегией, где самолёт подвергся обстрелу, затем из Англии на гружённом танками и боеприпасами судне в составе конвоя отбыла в Мурманск, и их корабль также стал объектом нападения немцев.

Прибыв в Москву, З. И. Воскресенская-Рыбкина вернулась в немецкий отдел, где продолжила работу.

В 1947 году в автомобильной катастрофе при неизвестных обстоятельствах погиб муж Зои Ивановны, полковник Рыбкин.

В начале 1953 года Рыбкина по личному указанию Берии вылетела в Берлин для выполнения специального задания. В то время Берия вынашивал планы объединения западной и восточной частей Германии. Он искал различные пути для переговоров с канцлером ФРГ Конрадом Аденауэром, в частности намеревался привлечь к этому известную в Германии киноактрису русского происхождения Ольгу Чехову. 26 июня 1953 года Воскресенская-Рыбкина должна была встретиться с Чеховой. Но в этот день в Москве был арестован Берия. По приказу генерала Судоплатова Зоя Ивановна немедленно вернулась в Москву. К этому времени она уже была полковником, начальником немецкого отдела Внешней разведки.

Вскоре прошла волна арестов сотрудников госбезопасности, которых обвиняли в том, что они «люди Берии». В числе арестованных оказался и Судоплатов. На одном из собраний Рыбкина рассказала о том, что несколько лет находясь за кордоном, была связана с Судоплатовым, который находился на нелегальном положении. Эта совместная служебная работа перешла затем в дружбу семьями.

На другой день она была вызвана к начальству, и ей было объявлено, что она увольняется «по сокращению штатов». Ей дали возможность «дотянуть» до двадцатипятилетней выслуги лет, но для этого пришлось сменить кабинет на Лубянке на служебное помещение в Воркуте. Там она стала начальником спецотдела одного из лагерей и была, по её собственному воспоминанию, «единственным полковником, к тому же женщиной» в Воркуте. После двух лет работы в 1956 году была уволена на пенсию.

С этого времени началась новая жизнь писательницы Зои Ивановны Воскресенской. Она писала для детей. В 1962 году была

напечатана её первая книга, и только за период с 1962 по 1980 год её книги были опубликованы умопомрачительным тиражом в двадцать один миллион шестьсот сорок две тысячи экземпляров! Вышли в свет её мемуары «Теперь я могу сказать правду». Она стала лауреатом Государственной премии, кавалером многих наград.

Зоя Ивановна Воскресенская-Рыбкина скончалась 8 января 1992 года.

БИБЛИОГРАФИЯ

Алексеев М. Лексика русской разведки. М., Международные отношения, 1996.

Баррон. КГБ сегодня. СПб., Петрополис, 1992.

Бержье Ж. Промышленный шпионаж. М., Международные отношения, 1971.

Берия С. Мой отец Лаврентий Берия. М., Современник, 1994.

Берндорф Г. Шпионаж, решивший войну. В сборнике «Сети шпионажа». Л., СМАРТ, 1989.

Бестужев И. В. Крымская война. М., Изд. АН СССР, 1956.

Брентон Ги. Женщины и короли Т. 2. М., «Пересвет», 1993.

Букар Роберт. История агента С-25. В сборнике «Сети шпионажа». Л., СМАРТ, 1989.

Великая Отечественная война Советского Союза 1941–1945 гг. М., Воениздат, 1965.

Вернер Рут. Соня рапортует. М., 1980.

Владимиров П. П. Особый район Китая. М., АПН, 1974.

Военные архивы России, журнал. Вып. 1, 1993.

Вольф Маркус. Игра на чужом поле. М., Международные отношения, 1998.

Воскресенская З. И. Теперь я могу сказать правду. М., Республика, 1993.

Гладков Т. С места покушения скрылся. М., «Гея», 1998.

Гладков Т. Король нелегалов. М., «Гея-итэрум», 2000.

Гражуль В. С. Тайны галантного века. М., «Гея», 1997.

Грандель Ф. Бомарше. М., 1985.

Гревс. Тайны германского военного министерства. Петроград, 1915.

Громыко А. А. Памятное, в 2-х томах. М., Политиздат, 1988.

Грэм Грин. Избранные произведения в 2-х томах. М., 1986.

Даллес А. Искусство разведки. М.,1964.

Документы из истории Мюнхенского сговора. М., Госполитиздат, 1979.

Долгополов Н. Правда полковника Абеля. Пенза, 1997.

Дроздов Ю. Вымысел исключён. Записки начальника нелегальной разведки. М., Вымпел, 1997.

Дроздов Ю. Записки начальника нелегальной разведки. М., «Олма-пресс», 2000.

Ефимов Г. Очерки по новой истории Китая. М., Госполитиздат, 1951.

Залесский К. А. Первая мировая война. М., «Вече», 2000.

Золтиков М. Кошка. М., «Гея», 1997.

История спецслужб в зеркале средств массовой информации. М., Акад. Внешней разведки. Сборники, 1997–1999.

Кассис В. Б., Колосов Л. С. Из тайников секретных служб. М., Молодая гвардия, 1988.

Кёлер Джон. Секреты Штази. Смоленск, «Русич», 2000.

Клембовский В. Н. Тайные разведки. Военное шпионство. СПб., 1911.

Колвин Иан. Двойная игра. М., 1960.

Колесников М. Таким был Рихард Зорге. М., Воениздат, 1965.

Колпакиди А., Прохоров Д. М. Империя ГРУ. М., «Олма-пресс», 1999.

Кораблёв И. Ганнибал. М., Наука. 1975; М., 1996.

Красная книга ВЧК. Т. 1, 2. Госполитиздат, 1990.

Кривицкий Вальтер. Я был агентом Сталина. М., Современник, 1996.

Кукридж Е. Х. Тайны английской секретной службы. М., 1959.

Лависс и Рамбо. История XIX века в 8-ми томах. М., ОГИЗ, 1939.

Ландау Г. Секретная служба в тылу у немцев 1914–1918 гг. М., Воениздат, 1938.

Левые эсеры и ВЧК. Сб. документов. Казань, 1996.

Ле Карре Джон. Русский дом. М., 1990.

Локкарт Р. Г. Брюс. История изнутри. Мемуары британского агента. М., 1991.

Люди молчаливого подвига. Сборник. М., Политиздат, 1997.

Лянуар Поль. Немецкое шпионство во Франции. СПб., 1910.

Мадер Юлиус. По следам человека со шрамом. М., 1997.

Медведев Д. Н. Это было под Ровно. Ростов-на-Дону, 1985.

Мировая война 1939–1945 гг. Сб. статей. М., Иностранная литература, 1957.

Млечин Л. «Фермер» сообщает из Парижа. М., Моск. правда, 1992.

Наши жертвы были не напрасны. Сборники. М., Госполитиздат, 1988.

Ньюмен Бернард. Английский шпион в Германии. М., Воениздат, 1938.

О них ходили легенды. Сборник. М., МОФ «Победа-1945», 1994.

Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Т. 1, кн. 1 и 2. М., АО «Книга и бизнес», 1995.

Очерки истории Российской внешней разведки в 4-х томах. М., Международные отношения, 1996–1999.

Павлов В. Г. Операция «Снег». М., «Гея», 1996.

Полупуднев В. М. Митридат. Ростов-на-Дону, «Литера-Д-Константа», 1994.

Порецки Элизабет. Тайный агент Дзержинского. М., Современник, 1996.

Радо Ш. Под псевдонимом «Дора». Пермь, 1992.

Ридевский Н. Парашюты на деревьях. Минск, 1969.

Ринтелен. Записки. М., Воениздат, 1943.

Рисс Курт. Тотальный шпионаж. М., Воениздат, 1945.

Рише М. Моя разведывательная работа. М., Воениздат, 1937.

Россель Чарльз. Курс лекций о разведке.

Российская дипломатия в портретах. М., Международные отношения, 1992.

Россия и Германия в годы войны и мира. М., «Гея», 1995.

Роуан Р. Очерки секретной службы. М., Воениздат, 1946.

Рыбкина З. Теперь я могу сказать правду. М., 1994.

Сейерс М. и Кан А. Тайная война против Америки. М., 1945.

Солдаты невидимого фронта. Сборник. М., МОФ «Победа-1945», 1994.

Спецзадание (война в тылу врага). Сборник. М., МОФ «Победа-1945», 1994.

Судоплатов П. Разведка и Кремль. М., «Гея», 1996.

Треппер Л. Большая игра. М., 1990.

Урнов Д. Дефо. М., ЖЗЛ, 1985.

Фалиго Р., Коффер Р. Всемирная история разведывательных служб в 2-х томах. М., «Терра», 1997–1998.

Фельфе Хайнц. Мемуары разведчика. М., Госполитиздат, 1988.

Хинд Аллан. Паспорт предателя. М., 1945.

Царёв О., Костелло Дж. Роковые иллюзии. М., Международные отношения, 1995.

Чекисты. Сборник. М., Молодая гвардия, 1970.

Черняк Е. Б. Времён минувших заговоры. М., Международные отношения, 1994.

Чиков В. Нелегалы. В 2-х томах. М., «Олимп», 1997.

Шарапов Э. Две жизни. М., 1998.

Шелленберг Вальтер. Лабиринт. М., «Дом Беруни», 1991.

Эндрю К., Гордиевский О. КГБ — история внешнеполитических операций.

Blackstock Paul W. The Secret Road to World War Two. Chicago, 1969.

Buranelly Vincent and Nan. Spy/counterspy. An Encyclopedia of Espionage, 1988.

Churchill Peter. The Spirit in the Cage. London, 1953.

Cookridge E. H. Inside SOE. London, 1966.

Cookridge E. H. The sisters of Delilah. London.

Coppi Hans. Harro Schulze-Boisen — Wege in den Widerstand. Koblenz, 1993.

Curtis Antony. Somerset Maugham. N.Y., 1977.

Foot Alexander. Handbook for Spies. London, 1949.

Griebel R., Coburger M., Sheel H. «Erfasst?» Das Gestapo-Album zur Roten Kapelle. Halle/s., 1992.

Hamberger Eric. John le Carre. London, 1986.

Karalekas Anna. History of the CIA. N.Y., 1990.

Lockhard Bruce R. H. Comes the Reconing. London, 1947.

Maugham William Somerset. A Writers Notebook.

Morgan Ted. Maugham. N.Y., 1980.

Nicolai Valter. The German Secret Service, 1924.

Quoirrin Marianne. Agentinnen aus Liebe. BRD, 1999.

Rowan and Deindorfer. Secret Service. N.Y., 1961.

Singer Kurt. Three Thousand Years of Espionade. N.Y., 1948.

Singer Kurt. Spies Who Changed History by W. Ludecka.

Singer Kurt. Spies and Traitors. London, 1953.

Singer Kurt. The Men in the Trojan Horse. Boston, 1953.

Wolf Markus. Spionajechef im geheimen Krieg. Erinnerungen. BRD, 1998.

Whiton Charles. The Greatest Spies of the World, London.